

РЕДАКЦИОННАЯ КОЛЛЕГИЯ

ЮРИДИЧЕСКИЕ НАУКИ

- А. Х. Абашидзе,**
доктор юридических наук, профессор,
заслуженный юрист РФ,
заслуженный деятель науки РФ
- С. В. Алексеев,**
доктор юридических наук, профессор,
заслуженный юрист РФ, почетный работник
высшего профессионального образования РФ
- Ю. М. Антонян,**
доктор юридических наук, профессор,
заслуженный деятель науки РФ
- А. В. Барков,**
доктор юридических наук, профессор
- Е. Н. Бегалиев,**
доктор юридических наук, профессор,
почетный работник образования (Республика Казахстан)
- А. Р. Белкин,**
доктор юридических наук, профессор,
академик РАН
- Е. В. Богданов,**
доктор юридических наук, профессор
- Г. А. Василевич,**
доктор юридических наук, профессор,
заслуженный юрист (Республика Беларусь)
- А. А. Власов,**
доктор юридических наук, профессор
- К. К. Гасанов,**
доктор юридических наук, профессор,
заслуженный сотрудник органов внутренних дел РФ
- В. И. Елинский,**
доктор юридических наук, профессор,
почетный сотрудник Следственного комитета РФ
- А. Е. Епифанов,**
доктор юридических наук, профессор
- О. Д. Жук,**
доктор юридических наук, профессор,
почетный работник прокуратуры РФ, академик РАН
- О. В. Зиборов,**
доктор юридических наук, профессор
- С. В. Иванцов,**
доктор юридических наук, профессор,
почетный сотрудник МВД России
- О. Ю. Ильина,**
доктор юридических наук, профессор,
заслуженный юрист РФ
- Н. Г. Кадников,**
доктор юридических наук, профессор,
почетный работник высшего
профессионального образования РФ
- Р. А. Каламкарян,**
доктор юридических наук, профессор
- В. П. Камышанский,**
доктор юридических наук, профессор,
почетный работник высшего образования РФ
- О. Г. Карпович,**
доктор юридических наук,
доктор политических наук, профессор,
заслуженный деятель науки РФ
- А. И. Клименко,**
доктор юридических наук, профессор,
почетный сотрудник МВД России

EDITORIAL BOARD

LEGAL SCIENCES

- A. Kh. Abashidze,**
Doctor of Legal Sciences, Professor,
Honored Lawyer of Russia,
Honored Worker of Science of Russia
- S. V. Alekseev,**
Doctor of Legal Sciences, Professor,
Honored Lawyer of Russia,
Honorary Worker of Higher Professional Education of Russia
- Yu. M. Antonyan,**
Doctor of Legal Sciences, Professor,
Honored Worker of Science of Russia
- A. V. Barkov,**
Doctor of Legal Sciences, Professor
- E. N. Begaliev,**
Doctor of Legal Sciences, Professor,
Honorary Worker of Education (Republic of Kazakhstan)
- A. R. Belkin,**
Doctor of Legal Sciences, Professor,
Member of RANS
- E. V. Bogdanov,**
Doctor of Legal Sciences, Professor
- G. A. Vasilevich,**
Doctor of Legal Sciences, Professor,
Honored Lawyer (Republic of Belarus)
- A. A. Vlasov,**
Doctor of Legal Sciences, Professor
- K. K. Gasanov,**
Doctor of Legal Sciences, Professor,
Honored Employee of the internal affairs bodies of Russia
- V. I. Elinskiy,**
Doctor of Legal Sciences, Professor,
Honorary Employee of Investigate Committee of Russia
- A. E. Epifanov,**
Doctor of Legal Sciences, Professor
- O. D. Zhuk,**
Doctor of Legal Sciences, Professor,
Honorary Worker of Prosecutor of Russia, Member of RANS
- O. V. Ziborov,**
Doctor of Legal Sciences, Professor
- S. V. Ivantsov,**
Doctor of Legal Sciences, Professor,
Honorary Employee of the Ministry of Internal Affairs of Russia
- O. Yu. Il'ina,**
Doctor of Legal Sciences, Professor,
Honored Lawyer of Russia
- N. G. Kadnikov,**
Doctor of Legal Sciences, Professor,
Honorary Worker of Higher
Professional Education of Russia
- R. A. Kalamkaryan,**
Doctor of Legal Sciences, Professor
- V. P. Kamyshanskiy,**
Doctor of Legal Sciences, Professor,
Honorary Worker of Higher Education of Russia
- O. G. Karpovich,**
Doctor of Legal Sciences,
Doctor of Political Sciences, Professor,
Honored Scientist of Russia
- A. I. Klimenko,**
Doctor of Legal Sciences, Professor,
Honorary Employee of the Ministry of Internal Affairs of Russia

Н. А. Колоколов,
доктор юридических наук, профессор

А. М. Кононов,
доктор юридических наук, профессор,
заслуженный юрист РФ

М. В. Костенников,
доктор юридических наук, профессор,
заслуженный сотрудник ОВД РФ

А. Н. Кузбагаров,
доктор юридических наук, профессор

Р. А. Курбанов,
доктор юридических наук, профессор,
заслуженный юрист РФ,
заслуженный деятель науки РФ

Н. П. Майлис,
доктор юридических наук, профессор,
заслуженный юрист РФ,
заслуженный деятель науки РФ

В. П. Малахов,
доктор юридических наук, профессор,
заслуженный работник высшей школы РФ

Н. Ф. Медушевская,
доктор юридических наук, доцент

Г. Б. Мирзоев,
доктор юридических наук, профессор,
заслуженный юрист РФ

А. Л. Миронов,
кандидат юридических наук, доцент

Н. В. Михайлова,
доктор юридических наук, профессор,
заслуженный работник высшей школы РФ

Р. С. Мулукаев,
доктор юридических наук, профессор,
заслуженный деятель науки РФ,
академик РАЕН

Н. Г. Муратова,
доктор юридических наук, профессор

Ф. Г. Мышко,
доктор юридических наук, доцент

С. Л. Никонович,
доктор юридических наук, доцент

А. Ю. Олимпиев,
кандидат юридических наук,
доктор исторических наук

А. М. Осавельюк,
доктор юридических наук, профессор

Р. Б. Осокин,
доктор юридических наук,
профессор,
почетный сотрудник МВД России

К. Е. Сигалов,
доктор юридических наук, профессор

А. В. Симоненко,
доктор юридических наук, профессор

Д. П. Стригунова,
доктор юридических наук, доцент

Л. В. Туманова,
доктор юридических наук, профессор,
заслуженный юрист РФ

В. Ю. Федорович,
кандидат юридических наук, доцент

О. В. Химичева,
доктор юридических наук, профессор,
заслуженный работник высшей школы РФ

N. A. Kolokolov,
Doctor of Legal Sciences, Professor

A. M. Kononov,
Doctor of Legal Sciences, Professor,
Honored Lawyer of Russia

M. V. Kostennikov,
Doctor of Legal Sciences, Professor,
Honored Employee of internal affairs bodies of Russia

A. N. Kuzbagarov,
Doctor of Legal Sciences, Professor

R. A. Kurbanov,
Doctor of Legal Sciences, Professor,
Honored Lawyer of Russia,
Honored Scientist of Russia

N. P. Maylis,
Doctor of Legal Sciences, Professor,
Honored Lawyer of Russia,
Honored Worker of Science of Russia

V. P. Malakhov,
Doctor of Legal Sciences, Professor,
Honored Worker of Higher School of Russia

N. F. Medushevskaya,
Doctor of Legal Sciences, Associate Professor

G. B. Mirzoev,
Doctor of Legal Sciences, Professor,
Honored Lawyer of Russia

A. L. Mironov,
Candidate of Legal Sciences, Associate Professor

N. V. Mikhaylova,
Doctor of Legal Sciences, Professor,
Honored Worker of Higher School of Russia

R. S. Mulukaev,
Doctor of Legal Sciences, Professor,
Honored Worker of Science of Russia,
Member of RANS

N. G. Muratova,
Doctor of Legal Sciences, Professor

F. G. Myshko,
Doctor of Legal Sciences, Associate Professor

S. L. Nikonovich,
Doctor of Legal Sciences, Associate Professor

A. Yu. Olimpiev,
Candidate of Legal Sciences,
Doctor of Historical Sciences

A. M. Osavelyuk,
Doctor of Legal Sciences, Professor

R. B. Osokin,
Doctor of Legal Sciences,
Professor, Honorary Employee
of the Ministry of Internal Affairs of Russia

K. E. Sigalov,
Doctor of Legal Sciences, Professor

A. V. Simonenko,
Doctor of Legal Sciences, Professor

D. P. Strigunova,
Doctor of Legal Sciences, Associate Professor

L. V. Tumanova,
Doctor of Legal Sciences, Professor,
Honored Lawyer of Russia

V. Yu. Fedorovich,
Candidate of Legal Sciences, Associate Professor

O. V. Khimicheva,
Doctor of Legal Sciences, Professor,
Honored Worker of Higher School of Russia

Н. М. Чепурнова,
доктор юридических наук, профессор,
заслуженный юрист РФ

В. Н. Чулахов,
доктор юридических наук, профессор

А. П. Шергин,
доктор юридических наук, профессор,
заслуженный деятель науки РФ

Б. С. Эбзеев,
доктор юридических наук, профессор,
заслуженный деятель науки РФ,
заслуженный юрист РФ,
судья Конституционного суда РФ (в отставке)

Н. Д. Эриашвили,
доктор экономических наук,
кандидат исторических наук,
кандидат юридических наук, профессор,
почетный работник сферы образования РФ,
лауреат премии Правительства РФ
в области науки и техники,
лауреат премии Правительства РФ
в области образования

А. Б. Янишевский,
доктор юридических наук

ЭКОНОМИЧЕСКИЕ НАУКИ

Т. Н. Агапова,
доктор экономических наук, профессор

Ю. Т. Ахвледиани,
доктор экономических наук, профессор,
академик РАН

В. Н. Богатиков,
доктор технических наук, профессор

Р. П. Булыга,
доктор экономических наук, профессор

П. Г. Грабовой,
доктор экономических наук, доцент

Ю. В. Гнездова,
доктор экономических наук, доцент

Л. П. Дашков,
доктор экономических наук, профессор,
заслуженный работник высшей школы РФ,
академик РАН

Д. В. Дианов,
доктор экономических наук, профессор

Р. В. Илюхина,
доктор экономических наук, профессор

В. Г. Когденко,
доктор экономических наук, профессор

Е. Н. Колесникова,
доктор экономических наук, доцент

Е. И. Кузнецова,
доктор экономических наук, профессор

Н. П. Купрешенко,
доктор экономических наук, профессор

А. Н. Литвиненко,
доктор экономических наук, профессор,
заслуженный экономист РФ

И. А. Майбуков,
доктор экономических наук, профессор,
заслуженный деятель науки РФ

В. Б. Мантусов,
доктор экономических наук, профессор

Е. Е. Матвеева,
доктор экономических наук, доцент

N. M. Chepurnova,
Doctor of Legal Sciences, Professor,
Honored Lawyer of Russia

V. N. Chulahov,
Doctor of Legal Sciences, Professor

A. P. Shergin,
Doctor of Legal Sciences, Professor,
Honored Worker of Science of Russia

B. S. Ebzeev,
Doctor of Legal Sciences, Professor,
Honored Worker of Science of Russia,
Honored Lawyer of Russia,
Judge of the Constitutional Court of Russia (retired)

N. D. Eriashvili,
Doctor of Economic Sciences,
Candidate of Historical Sciences,
Candidate of Legal Sciences, Professor,
Honorary Worker of Education of Russia,
Winner of an Award of the Government
of Russia in the field of Science and Technics,
Winner of an Award of the Government
of Russia in the field of Education

A. B. Yanishevskiy,
Doctor of Legal Sciences

ECONOMIC SCIENCES

T. N. Agapova,
Doctor of Economic Sciences, Professor

Yu. T. Akhvlediani,
Doctor of Economic Sciences, Professor,
Member of RANS

V. N. Bogatikov,
Doctor of Technical Sciences, Professor

R. P. Bulyga,
Doctor of Economic Sciences, Professor

P. G. Grabovoy,
Doctor of Economic Sciences, Associate Professor

Ju. V. Gnezdova,
Doctor of Economic Sciences, Associate Professor

L. P. Dashkov,
Doctor of Economic Sciences, Professor,
Honored Worker of Higher School of Russia,
Member of RANS

D. V. Dianov,
Doctor of Economic Sciences, Professor

R. V. Ilyukhina,
Doctor of Economic Sciences, Professor

V. G. Kogdenko,
Doctor of Economic Sciences, Professor

E. N. Kolesnikova,
Doctor of Economic Sciences, Associate Professor

E. I. Kuznetsova,
Doctor of Economic Sciences, Professor

N. P. Kupreshchenko,
Doctor of Economic Sciences, Professor

A. N. Litvinenko,
Doctor of Economic Sciences, Professor,
Honored Economist of Russia

I. A. Mayburov,
Doctor of Economic Sciences, Professor,
Honored Worker of Science of Russia

V. B. Mantusov,
Doctor of Economic Sciences, Professor

E. E. Matveeva,
Doctor of Economic Sciences, Associate Professor

В. С. Осипов,
доктор экономических наук, профессор

Г. Б. Поляк,
доктор экономических наук, профессор,
заслуженный деятель науки РФ, академик РАЕН

С. Г. Симагина,
доктор экономических наук, профессор

А. Е. Суглобов,
доктор экономических наук, профессор,
заслуженный экономист РФ,
заслуженный деятель науки РФ

Н. Д. Эриашвили,
доктор экономических наук,
кандидат исторических наук,
кандидат юридических наук, профессор,
почетный работник сферы образования РФ,
лауреат премии Правительства РФ
в области науки и техники,
лауреат премии Правительства РФ
в области образования

ПЕДАГОГИЧЕСКИЕ НАУКИ

Г. Г. Ахмедов,
доктор педагогических наук, профессор,
иностраный член РАО (Азербайджан)

А. В. Вилкова,
доктор педагогических наук, доцент

М. Т. Громкова,
доктор педагогических наук, профессор

В. Н. Гуляев,
доктор педагогических наук, профессор,
заслуженный работник высшей школы РФ

В. Л. Дементьев,
доктор педагогических наук, профессор,
заслуженный работник физической культуры РФ

Э. В. Зауторова,
доктор педагогических наук, профессор

Л. А. Казанцева,
доктор педагогических наук, профессор

И. А. Калининченко,
кандидат педагогических наук

Е. В. Протас,
доктор педагогических наук,
кандидат юридических наук, профессор

А. А. Реан,
доктор педагогических наук, профессор,
заслуженный деятель науки РФ

В. Ф. Родин,
доктор педагогических наук, профессор,
почетный работник сферы образования РФ, академик РАЕН

А. А. Романов,
доктор педагогических наук, профессор

И. В. Ульянова,
доктор педагогических наук, профессор,
заслуженный деятель науки РФ

С. Р. Аблеев,
доктор философских наук, доцент

В. Ю. Бельский,
доктор философских наук, профессор

А. Л. Золкин,
доктор философских наук, доцент

А. Д. Иоселиани,
доктор философских наук, профессор

О. И. Нестерова,
доктор исторических наук

V. S. Osipov,
Doctor of Economic Sciences, Professor

G. B. Polyak,
Doctor of Economic Sciences, Professor,
Honored Worker of Science of Russia, Member of RANS

S. G. Simagina,
Doctor of Economic Sciences, Professor

A. E. Suglobov,
Doctor of Economic Sciences, Professor,
Honored Economist of Russia,
Honored Scientist of Russia

N. D. Eriashvili,
Doctor of Economic Sciences,
Candidate of Historical Sciences,
Candidate of Legal Sciences, Professor,
Honorary Worker of Education of Russia,
Winner of an Award of the Government
of Russia in the field of Science and Technics,
Winner of an Award of the Government
of Russia in the field of Education

PEDAGOGICAL SCIENCES

G. G. Ahmedov,
Doctor of Pedagogical Sciences, Professor,
Foreign Member of RAE (Azerbaijan)

A. V. Vilkova,
Doctor of Pedagogical Sciences, Associate Professor

M. T. Gromkova,
Doctor of Pedagogical Sciences, Professor

V. N. Gulyaev,
Doctor of Pedagogical Sciences, Professor,
Honored Worker of Higher School of Russia

V. L. Dementyev,
Doctor of Pedagogical Sciences, Professor,
Honored Worker of Physical Culture of Russia

E. V. Zautorova,
Doctor of Pedagogical Sciences, Professor

L. A. Kazantseva,
Doctor of Pedagogical Sciences, Professor

I. A. Kalinichenko,
Candidate of Pedagogical Sciences

E. V. Protas,
Doctor of Pedagogical Sciences,
Candidate of Legal Sciences, Professor

A. A. Rean,
Doctor of Pedagogical Sciences, Professor,
Honored Worker of Science of Russia

V. F. Rodin,
Doctor of Pedagogical Sciences, Professor,
Honorary Worker of Education of Russia, Member of RANS

A. A. Romanov,
Doctor of Pedagogical Sciences, Professor

I. V. Ul'yanova,
Doctor of Pedagogical Sciences, Professor,
Honored Worker of Science of Russia

S. R. Ableev,
Doctor of Philosophical Sciences, Associate Professor

V. Yu. Belsky,
Doctor of Philosophical Sciences, Professor

A. L. Zolkin,
Doctor of Philosophical Sciences, Associate Professor

A. D. Ioseliani,
Doctor of Philosophical Sciences, Professor

O. I. Nesterova,
Doctor of Historical Sciences

ВЕСТНИК

ЭКОНОМИЧЕСКОЙ БЕЗОПАСНОСТИ

Содержание № 2 • 2025

ЮРИДИЧЕСКИЕ НАУКИ

Теоретико-исторические правовые науки

Публично-правовые (государственно-правовые) науки

Частноправовые (цивилистические) науки

Уголовно-правовые науки

Международно-правовые науки

Амельчакова В. Н. К вопросу о содержании административно-правового статуса сотрудника органов внутренних дел	11
Астафьев М. В. Конкуренция нормы национального права и международно-правового обязательства государства как субъекта международного права	15
Ахмедов Р. М., Ахмедов Д. Р. Историко-правовое просвещение населения страны как фактор обеспечения национальной безопасности Российской Федерации	24
Вашаев М. А. Теоретико-правовое содержание понятия юридической ответственности в системе государственно-служебных отношений	30
Герасименко Ю. А. Нормы-оговорки и технические нормы в российском праве: аспекты соотношения	35
Гулиев Ш. А. Ключевые направления статистической деятельности ЕАЭС и ЕС: правовые аспекты	41
Демин А. А. Механизм правового регулирования приобретения субъективного гражданского права	46
Дутов П. О. О некоторых вопросах правового регулирования нестандартных форм трудовой деятельности иностранных работников	50
Дьяченко О. М., Зайцев Е. О. Влияние специальной военной операции на правовое регулирование гражданско-правовой ответственности участников предпринимательской деятельности	54
Елифанов А. Е. Из истории образования Луганской полиции (историко-правовое исследование)	60
Журавлев В. В. Институт административно-деликтных запретов и ограничений	66
Зайцева Е. А. Правовые позиции Конституционного Суда РФ – современное «зеркало закона»?	71
Зарина А. М. К вопросу о субъекте преступления, предусмотренного ст. 314.1 УК РФ	77

Журнал зарегистрирован Федеральной службой по надзору за соблюдением законодательства в сфере массовых коммуникаций и охране культурного наследия.

Свидетельство о регистрации средства массовой информации
ПИ № ФС77-27627
от 16 марта 2007 г.

Перерегистрировано:
Свидетельство о регистрации средства массовой информации
ПИ № ФС77-62944
от 31 августа 2015 г.

Научный редактор,
ответственный за издание,
лауреат премии Правительства РФ в области науки и техники,
лауреат премии Правительства РФ в области образования,
доктор экономических наук,
кандидат юридических наук,
кандидат исторических наук,
профессор, почетный работник сферы образования РФ
Н. Д. Эриашвили
E-mail: nodari@unity-dana.ru
Тел. 8 (499) 740-68-30

Главный редактор
М. А. Андронаки

Старший редактор
В. С. Клементьева

Редактор
М. В. Пешков

Ответственный секретарь
А. В. Петрушина

Номер подготовили:
Л. С. Антоненко,
А. И. Антошина

При участии:
М. И. Никитин

Дизайн и верстка
М. Е. Киселева

УЧРЕДИТЕЛЬ:
Московский университет
Министерства внутренних дел
Российской Федерации
имени В.Я. Кикотя
117997, г. Москва,
ул. Академика Волгина, д. 12

Адрес издателя и редакции:
117997, г. Москва,
ул. Академика Волгина, д. 12
Тел. 8 (499) 789-67-35
https://vk.com/mosumvd.official

Индекс по каталогу Агентства
«Урал-Пресс Округ» – 81108

- Мнение редакции может не совпадать с точкой зрения авторов публикаций. Ответственность за содержание публикаций и достоверность фактов несут авторы материалов. В первую очередь редакция публикует материалы своих подписчиков.
- При перепечатке или воспроизведении любым способом полностью или частично материалов ссылка на журнал обязательна.
- В соответствии со ст. 42 Закона РФ от 27 декабря 1991 г. № 2124-1 «О средствах массовой информации», письма, адресованные в редакцию, могут быть использованы в сообщениях и материалах данного средства массовой информации, если при этом не искажает смысл письма. Редакция не обязана отвечать на письма граждан и пересылать эти письма тем органам, организациям и должностным лицам, в чью компетенцию входит их рассмотрение. Никто не в праве обязать редакцию опубликовать отклоненное ею произведение, письмо, другое сообщение или материал, если иное не предусмотрено законом.

Формат 60×84 1/8.
Печать офсетная. Тираж 1500 экз.
(1-й завод – 300).
Московский университет
МВД России
имени В.Я. Кикотя
117997, г. Москва,
ул. Академика Волгина, д. 12

Заказ № 60

Подписано в печать
22.04.2025 г.
Цена свободная

Ковшевацкий В. И., Маркина Э. В. Проблемы юридического содержания административного договора.....	81
Коннов В. А. Становление и развитие международно-правового регулирования в области защиты прав детей (историко-правовой анализ).....	85
Лысенко В. А., Вородюхин С. Е., Васильев В. В. Эволюция нормативных правовых актов в России в дореволюционный период	91
Михайлова Н. В. Роль законов в регулировании общественных отношений в Российской империи	96
Нечай С. Л. Конституционная народная инициатива как демократический способ модернизации основных законов штатов США.....	101
Павлов В. Ю. Признание следователем объектов вещественными доказательствами: процессуальный порядок, сроки и места их хранения.....	105
Потапов В. Д., Волкова Г. А. Привлечение к административной ответственности по ст. 17.7 КоАП РФ за умышленное невыполнение требований следователя по устранению обстоятельств, способствовавших совершению преступления	111
Прудников А. С. Конституционное право каждого на свободное использование своих способностей и имущества для занятия трудовой деятельностью: проблемы теории и практики.....	116
Прудникова Т. А. Мониторинг соблюдения юридическими и физическими лицами обязательных требований в сфере миграции.....	120
Родичев М. Л., Литвиненко А. Н., Лавренко С. В. Практика и проблемы выявления и расследования финансирования терроризма (по материалам правоохранительных органов Санкт-Петербурга и Ленинградской области)	123
Сумин А. А., Яковлева К. Ю. Двойные стандарты законодателя: легализация манипулирования процессуальными сроками	130
Титор С. Е. Некоторые аспекты правовой защиты русского языка как государственного языка	136
Токолов А. В. Правовое регулирование дипфейков.....	141
Фролова Е. А. Особенности уголовной ответственности за организацию незаконной миграции по законодательству Российской Федерации, Республики Беларусь, Кыргызской Республики и Республики Казахстан.....	148
Хренков А. В., Иванова Ю. А., Аливердиева М. А. К вопросу об экологическом туризме.....	155
Чекулаев Д. П. Подсудность особых периодов (военного и чрезвычайного положения) как новый вид подсудности в уголовном процессе Российской Федерации	159

Червонюк В. И. Юридические аксиомы как правовой регулятор и консолидирующий структуру права компонент	163
--	-----

ЭКОНОМИЧЕСКИЕ НАУКИ

Региональная и отраслевая экономика

Барикаева А. Ф. Местные бюджеты как экономическая основа для осуществления полномочий органов местного самоуправления в Российской Федерации	170
Дианов Д. В. Методологическая база статистических исследований капитальных вложений в составе валового накопления национальной экономики	175
Екимова К. В., Косов М. Е. Обзор концепций и методик оценки фискального пространства в федеративном государстве	182
Миленков А. В. Потенциал применения цифровых валют и цифровых финансовых активов в международных расчетах и других секторах экономики	192
Минаков А. В., Эриашвили Н. Д. Анализ наиболее вероятных угроз экономической безопасности регионального уровня	200
Порташников О. М., Горбатенко Д. С. Теоретические основы оценивания деятельности подразделений Госавтоинспекции	208

ПЕДАГОГИЧЕСКИЕ НАУКИ

Общая педагогика, история педагогики и образования

Методология и технология профессионального образования

Беляев Н. Н., Иванников С. В. Формирование самоконтроля у курсантов МВД России во время занятия дзюдо	214
Кизилов А. П., Ярмак К. В. Реализация состязательной интерактивно-игровой модели обучения на основе элементов цифрового сопровождения подготовки специалистов правоохранительной системы	218
Свинарева О. В., Тихомиров С. Н. Особенности работы инспектора по делам несовершеннолетних по профилактике буллинга	226
Скрипкина А. В., Туравец Н. Р., Щуров Е. А. Геймификация как тренд в подготовке кадров высшей квалификации	237
Щербакowa И. В., Ковальчук Н. В. Обучение числительным при изучении немецкого языка	242

Каждый номер журнала содержит научные публикации членов профессорско-преподавательского состава Университета, адъюнктов, аспирантов, авторов из других образовательных учреждений. Для публикации в журнале представляют свои научные статьи также сотрудники различных подразделений органов внутренних дел, иных правоохранительных органов, судьи, прокурорские работники, нотариусы, члены государственных и муниципальных органов власти. Данные статьи отличаются большим объемом эмпирического материала, который может быть эффективно использован в ходе дальнейших научных исследований, в учебном процессе, а также в ходе правоприменительной практики, что придает журналу прикладной характер.

Решением ВАК при Министерстве науки и высшего образования Российской Федерации журнал «Вестник экономической безопасности» включен в Перечень рецензируемых научных изданий, в которых должны быть опубликованы основные научные результаты диссертаций на соискание ученой степени кандидата наук, на соискание ученой степени доктора наук.

Подписной индекс Агенства «Урал-Пресс Округ» **81108**, или на сайте Научной электронной библиотеки:

<http://elibrary.ru>

The journal is registered by
Federal Surveillance Service for
Compliance with the Legislation
in Mass Media and Cultural
Heritage Protection

Registration certificate
PI № FS77-27627
dated 16.03.2007

Reregistered:
Registration certificate
PI № FS77-62944
dated 31.08.2015

*Scientific editor,
responsible for the publication,
Winner of the award
of the Government of Russia
in the field of Science and Technics,
Winner of the award
of the Government of Russia
in the field of Education,
Doctor of Economic Sciences,
Candidate of Legal Sciences,
Candidate of Historical Sciences,
Professor, Honorary Worker
of Education of Russia*
N. D. Eriashvili
E-mail: nodari@unity-dana.ru
Tel. 8 (499)740-68-30

Editor-in-Chief
M. A. Andronaki

Senior editor
V. S. Klementieva

Editor
M. V. Peshkov

Executive secretary
A. V. Petrushina

This issue has been prepared by:
L. S. Antonenko,
A. I. Antoshina

With participation of:
M. I. Nikitin

Design and layout
M. E. Kiseleva

FOUNDER:
Moscow University
of the Ministry of Internal
Affairs of Russia named
after V.Ya. Kikot'
117997, Moscow,
Akademika Volgina, d. 12

Publisher and editorial staff address:
117997, Moscow,
Akademika Volgina, d. 12
Tel. 8 (499) 789-67-35
<https://vk.com/mosumvd.official>

Zip Code at the List of the Agency
«Ural Press Okrug» – 81108

BULLETIN

OF ECONOMIC SECURITY

Contents № 2 • 2025

JURISPRUDENCE

Theoretical and Historical Legal Sciences

Public Law (State Law) Sciences

Private Law (Civil) Sciences

Criminal Law Sciences

International Law Sciences

Amelchakova V. N. On the issue of the content of the administrative and legal status of an employee of the internal affairs bodies	11
Astafyev M. V. The competition of national legal rule and international legal obligation of the state as international law subject.....	15
Akhmedov R. M., Akhmedov D. R. Historical and legal education of the country's population as a factor in ensuring the national security of the Russian Federation	24
Vashaev M. A. Theoretical and legal content of the concept of legal responsibility in the system of public service relations	30
Gerasimenko Ju. A. Norms-reservations and technical norms in Russian law: aspects of the relationship	35
Guliev Sh. A. Key areas of statistical activity of the EAEU and the EU: legal aspects	41
Demin A. A. The mechanism of legal regulation of the acquisition of subjective civil law	46
Dutov P. O. On some issues of legal regulation of non-standard forms of labor activity of foreign workers	50
Dyachenko O. M., Zaytsev E. O. The impact of a special military operation on the legal regulation of civil liability of business participants	54
Epifanov A. E. From the history of the formation of the Lugansk police (historical and legal research)	60
Zhuravlev V. V. Institute of administrative tort prohibitions and restrictions	66
Zaitseva E. A. The legal positions of the Constitutional Court of the Russian Federation – a modern «mirror of the law»?.....	71
Zarina A. M. To the question of the subject of the crime under Article 314.1 of the Criminal Code of the Russian Federation.....	77

Kovshevatsky V. I., Markina E. V. Problems of the legal content of the administrative agreement.....	81
Konnov V. A. Formation and development of international legal regulation in the field of protection of children's rights (historical and legal analysis).....	85
Lysenko V. A., Vorodyuhin S. E., Vasiliev V. V. Evolution of regulatory legal acts in Russia in the pre-revolutionary period	91
Mihailova N. V. The role of laws in regulating of social relations in the Russian Empire.....	96
Nechay S. L. Constitutional popular initiative as a democratic way to modernize the basic laws of the US states	101
Pavlov V. Yu. Recognition of objects as material evidence by the investigator: procedural order, terms and places of their storage	105
Potapov V. J., Volkova G. A. Bringing to administrative responsibility under Article 17.7 of the Code of Administrative Offenses of the Russian Federation for deliberate failure to comply with the investigator's requirements to eliminate the circumstances that contributed to the commission of a crime.....	111
Prudnikov A. S. The constitutional right of everyone to freely use their abilities and property for employment: problems of theory and practice.....	116
Prudnikova T. A. Monitoring compliance by legal entities and individuals with mandatory migration requirements	120
Rodichev M. L., Litvinenko A. N., Lavrenko S. V. The practice and problems of identification and investigation terrorist financing (on materials from the law enforcement agencies of St. Petersburg and the Leningrad Region).....	123
Sumin A. A., Yakovleva K. Yu. Double standards of the legislator: legalization of manipulation of procedural deadlines.....	130
Titor S. E. Some aspects of the legal protection of the Russian language as the state language.....	136
Tokolov A. V. Legal regulation of deepfakes	141
Frolova E. A. The specifics of criminal liability for organizing illegal migration under the laws of the Russian Federation, the Republic of Belarus, the Kyrgyz Republic and the Republic of Kazakhstan	148
Khrenkov A. V., Ivanova Yu. A., Aliverdieva M. A. On the issue of ecological tourism.....	155
Chekulaev D. P. Jurisdiction of special periods (martial law and state of emergency) as a new type of jurisdiction in the criminal procedure of the Russian Federation	159

- The opinion of editorial staff may not coincide with the point of view of the authors of publications. The responsibility of publications maintenance and reliability of the facts lies on authors. First of all editorial staff publishes materials of the subscribers.

- At a reprint or reproduction by any method, in full or in part journal materials the reference to the journal is obligatory.

- In accordance with the Law of the Russian Federation «About mass media» of 27 December 1991 № 2124-1, letters addressed to the editorial staff, may be used in messages and materials of mass media, if it does not distort the meaning of the letter. Editorial staff is not obliged to answer letters of citizens and to remit these letters to those bodies, the organizations and officials, whose competence includes their consideration. Nobody has the right to oblige editorial staff to publish the product, the letter, other message or a material that has been dismissed earlier, if other is not statutory.

Format 60×84 1/8.
Offset printing
Circulation 1500 copies
(1st release – 300)
Moscow University of the Ministry of Internal Affairs of Russia named after V.Ya. Kikot'
117997, Moscow,
ul. Akademika Volgina, d. 12

Order № 60

Issued
22.04.2025
The price is not fixed

Each issue of the journal contains scientific publications of members of the faculty of the University, adjuncts, graduate students, authors from other educational institutions. Employees from various departments of the internal affairs agencies and other law enforcement agencies, judges, prosecutors, notaries, members of state and municipal authorities also submit their research articles for publication in the journal. These articles are distinguished by a large amount of empirical material that can be effectively used in the course of further scientific research, in the educational process, and also in the course of law-enforcement practice, which gives the journal an applied character.

By the decision of the Higher Attestation Commission under the Ministry of Science and Higher Education of the Russian Federation, the journal «Bulletin of economic security» is included in the List of peer-reviewed scientific publications in which the main scientific results of dissertations for the degree of candidate of sciences, for the degree of doctor of sciences should be published.

Zip Code at the List of the Agency
«Ural Press Okrug» **81108**,
or on the website Scientific
electronic library:

<http://elibrary.ru>

Chervonyuk V. I. Legal axioms

as a legal regulator and a component consolidating

the structure of law..... 163

ECONOMIC SCIENCE

Regional and sectoral economy

Barikaeva A. F. Municipal budgets as the economic basis

for the exercise of powers of local government bodies

in the Russian Federation..... 170

Dianov D. V. Methodological base of statistical studies

of capital investments as part of the gross accumulation

of the national economy..... 175

Ekimova K. V., Kosov M. E.

Overview of concepts

and methods for assessing the fiscal space in a federal state 182

Milenkov A. V. The potential of using digital currencies

and digital financial assets in international settlements

and other sectors of the economy..... 192

Minakov A. V., Eriashvili N. D.

Analysis of the most probable

threats to economic security at the regional level..... 200

Portashnikov O. M., Gorbatenko D. S.

Theoretical foundations

for assessing the activities of State Traffic Safety Inspectorate units 208

PEDAGOGICAL SCIENCE

General pedagogy, history of pedagogy and education

Methodology and technology of vocational education

Belyaev N. N., Ivannikov S. V. Formation of self-control

among cadets of the Ministry of Internal Affairs

of Russia during judo classes..... 214

Kizilov A. P., Yarmak K. V.

Implementation of an adversarial interactive-game model

of training based on elements of digital support

for training of law enforcement specialists..... 218

Svinareva O. V., Tikhomirov S. N.

Features of the work of the juvenile affairs inspector

for the prevention of bullying 226

Skripkina A. V., Turavets N. R., Shchurov E. A.

Gamification as a trend in the training of highly qualified personnel..... 237

Shcherbakova I. V., Kovalchuk N. V.

Teaching numerals when learning German..... 242

Научная статья

УДК 34

<https://doi.org/10.24412/2414-3995-2025-2-11-14>

EDN: <https://elibrary.ru/upllhs>

NIION: 2015-0066-2/25-204

MOSURED: 77/27-011-2025-02-403

К вопросу о содержании административно-правового статуса сотрудника органов внутренних дел

Венера Наимовна Амельчакова

Московский университет МВД России имени В.Я. Кикотя, Москва, Россия, venera_amel63@mail.ru

Аннотация. Рассматривается юридический вопрос о содержании административно-правового статуса сотрудника органов внутренних дел.

Ключевые слова: административно-правовой статус сотрудника органов внутренних дел, статус, нормы административного законодательства

Для цитирования: Амельчакова В. Н. К вопросу о содержании административно-правового статуса сотрудника органов внутренних дел // Вестник экономической безопасности. 2025. № 2. С. 11–14. <https://doi.org/10.24412/2414-3995-2025-2-11-14>. EDN: UPLLHS.

Original article

On the issue of the content of the administrative and legal status of an employee of the internal affairs bodies

Venera N. Amelchakova

Moscow University of the Ministry of Internal Affairs of Russia named after V.Ya. Kikot', Moscow, Russia, venera_amel63@mail.ru

Abstract. The legal issue of the content of the administrative and legal status of an employee of the internal affairs bodies is considered.

Keywords: administrative and legal status of an employee of the internal affairs bodies, status, norms of administrative legislation

For citation: Amelchakova V. N. On the issue of the content of the administrative and legal status of an employee of the internal affairs bodies. Bulletin of economic security. 2025;(2):11–4. (In Russ.). <https://doi.org/10.24412/2414-3995-2025-2-11-14>. EDN: UPLLHS.

Слово «статус» является иноязычным, заимствованным из латинского языка (лат. status) и означает законодательно установленное положение его субъектов, комплекс их прав и обязанностей [10].

Конституцией Российской Федерации определено положение должностного лица как субъекта правовых отношений (ч. 2. ст. 24, ч. 3 ст. 41, ч. 2 ст. 46, ст. 53, ч. 1 ст. 78 [1] и иные).

В этой связи, указанные закрепленные конституционно-правовые положения (нормы) о должностных лицах являются основными в разрезе их развития и регулируют правоотношения в сфере административно-правового статуса.

Будучи сложным многоаспектным конституционно-правовым механизмом, правовой статус выступает как юридическая мера социальной свободы субъекта права; определяет пределы, в которых могут происходить количественные изменения его правового положения.

Правовой статус является основой правового положения – обобщенной категории, охватывающей основные характеристики состояния субъекта права в государстве.

Теория права не предоставляет единого определения правового статуса, вместе с тем подавляющее большинство исследователей исходит из необходимости исходить из прав и обязанностей субъекта, т. е. правоспособности.

Между тем, прежде чем рассмотреть содержание настоящей статьи, предметом которой является статус сотрудника органов внутренних дел как субъекта административно – правовых отношений, следует дать определение сотрудника органов внутренних дел.

Е. П. Миренковой дается следующее определение служащего органов внутренних дел – гражданин, который принимает на себя обязанность прохождения федеральной государственной службы в органах внутренних дел в должности личного или начальствующего состава и к ко-

тому в установленном порядке присвоено специальное звание рядового или командного состава [6, с. 365].

Закрепление официального определения сотрудника органа внутренних дел осуществляется в ст. 10 Федерального закона от 30 ноября 2011 г. № 342-ФЗ «О службе в органах внутренних дел Российской Федерации и внесении изменений в отдельные законодательные акты Российской Федерации», где отмечается, что сотрудник органов внутренних дел – гражданин, который взял на себя обязательства по прохождению федеральной государственной службы в органах внутренних дел в должности рядового или начальствующего состава и которому в установленном настоящим Федеральным законом порядке присвоено специальное звание рядового или начальствующего состава.

В данном случае, заметим, что дефиниция сотрудника органа внутренних дел содержится в ст. 10 Федерального закона от 30 ноября 2011 г. № 342-ФЗ «О службе в органах внутренних дел Российской Федерации и внесении изменений в отдельные законодательные акты Российской Федерации», однако остальные определения даны в ст. 1 указанного закона [2].

Для улучшения юридической техники, определения исчерпывающего списка необходимо установить все термины в ст. 1.

Определение исследуемого статуса сотрудника органов внутренних дел осуществляется главой третьей и другими положениями Федерального закона от 30 ноября 2011 г. № 342-ФЗ.

Так, на основании ч. 3 ст. 10 указанного закона, положение (статус) сотрудника органов внутренних дел в административном праве определен указанным Федеральным законом и федеральными законами, которыми регулируются особенности прохождения службы в органах внутренних дел.

При этом в перечень иных федеральных законов законодателем включены: Федеральный закон от 7 февраля 2011 г. № 3-ФЗ «О полиции», где главой 6 закрепляется положение сотрудника полиции, выступающего участником административных правоотношений (ст.ст. 25–33) [3], Федеральный закон от 19 июля 2011 г. № 247-ФЗ «О социальных гарантиях сотрудникам органов внутренних дел Российской Федерации и внесении изменений в отдельные законодательные акты Российской Федерации» [4], определяющий правовые и социальные гарантии сотрудников органов внутренних дел и др.

С. Н. Бочаров считает, что исследуемый статус сотрудника органов внутренних дел выражает собой определенное нормативно урегулированное положение, предусматривающее возможность осуществления комплекса прав и обязанностей, направленного на обеспечение прав и свобод граждан, охрану правопорядка и обеспечение безопасности общества.

А. В. Зубач указывает на то, что под указанным ранее статусом сотрудника органов внутренних дел следует понимать положение специального субъекта административно-юрисдикционной деятельности, которое

представляет собой совокупность прав и обязанностей, что направлено на реализацию правоохранительной функции.

Д. Н. Бахрах высказывает мнение о том, что сотрудник органов внутренних дел, кроме общего статуса, имеет специальный статус субъекта административных правоотношений, а именно сотрудника органа внутренних дел, который имеет определенное сходство со статусом государственного служащего. Автор, формулируя понятие «правовой статус сотрудников органов внутренних дел», указывает на то, что данный статус регламентируется нормами административного законодательства, который в свою очередь образует систему составляющих элементов, определяющих правовое положение сотрудников органов внутренних дел в правоотношениях с другими субъектами государственного управления, а также между собой и при исполнении своих должностных обязанностей [8, с. 12].

Ю. Н. Стариков под исследуемым статусом сотрудника органов внутренних дел подразумевает совокупность установленных нормативно-правовыми актами целей и задач, направленную на обеспечение и реализацию прав и свобод человека, интересов социума и государственности, противодействие общественно-опасных деяний, поддержание безопасности и правопорядка, а также предоставление услуг, перечень которых регламентирован законодательством [9, с. 189].

В. В. Головкин пришел к выводу, что правовой статус субъекта вообще (индивидуального или коллективного) представляет собой комплексную социально-правовую категорию, которая отражает юридическое положение этого субъекта в обществе и государстве. То есть правовой статус – это юридическая форма существования фактического содержания [11, с. 37].

Ю. А. Ляхов, исследуя понятия и элементы административно-правового статуса сотрудников органов внутренних дел, делает заключение о том, что под исследуемым настоящей статьей статусом следует понимать систему правовых положений, закрепляющих комплекс прав и обязанностей, задачи, направленные на достижение общественно-значимых и полезных целей, организационную систему управления, устанавливающую ответственную ответственность, компетенцию, место исследуемого субъекта в структуре органов внутренних дел, которая законодательно установлена и гарантирована государством [12, с. 244].

Как видим, научное сообщество почти единодушно в вопросе доминирующих обязательных составляющих правового статуса сотрудника органов внутренних дел, в которые, по мнению большинства вышеперечисленных ученых, безусловно, должны входить права и обязанности такого субъекта.

Следовательно, относительно понимания понятия и сущности категории «административно-правовой статус», можно отметить, что большинство ученых отмечают такие особенности административно-правового статуса сотрудника органов внутренних дел:

1) регламентируется административно-правовыми нормами;

2) определяет их фактическое положение в системе правоотношений, возникающих в профессиональной деятельности;

3) является сложной категорией, предопределяющей одновременно ее структурированность и единство;

4) его основу составляют административные полномочия (права и обязанности, функции);

5) является устойчивым социально-правовым явлением, производным от общего правового статуса и специального статуса органа, где проходит службу должностное лицо [13, с. 94–95].

Суммируя вышеизложенное, можно отметить, что исследуемый статус сотрудника органов внутренних дел характеризует его как участника административных правоотношений и как субъекта административно-юрисдикционных полномочий.

Правовой статус, который устанавливает границы и основные направления осуществления деятельности сотрудника органов внутренних дел, и порядок ее осуществления [14, с. 703–704].

В научной литературе выделяют следующие признаки сотрудника органов внутренних дел как правоохранительного органа, определяющие его особый административно-правовой статус:

– во-первых, принадлежность сотрудника органов внутренних дел к исполнительной власти свидетельствует о том, что его деятельность носит преимущественно исполнительно-распорядительный характер и ориентирована на осуществление непосредственного управления определенными общественными отношениями и процессами;

– во-вторых, сотрудник органов внутренних дел является своеобразным органом сервисного характера, то есть главной задачей деятельности сотрудника органа внутренних дел является не применение мер принуждения, а предоставление населению соответствующих услуг в рамках компетенции соответствующих органов внутренних дел;

– в-третьих, сотрудник органов внутренних дел имеет право на применение административно – распорядительных, а также государственно-властных мер.

Статус сотрудника органов внутренних дел, как субъекта административно-правовых отношений, важен не только с точки зрения выполнения им функций и задач государства. Он является составной частью общей проблемы полномочий сотрудника органов внутренних дел, а правильная его регламентация позволяет в наибольшей степени осуществлять свои права и защищать законные интересы с соблюдением принципов верховенства права и законности [15, с. 1396–1397].

Таким образом, статус является специальным исходя из наличия у сотрудников органов внутренних дел специальной правосубъектности, которая, в свою очередь, заключается в способности индивида быть носителем закрепленных нормами права возможностей по реализации задач.

Особенностью статуса сотрудника органов внутренних дел является отсутствие сферы неурегулированных правом принадлежащих ему полномочий. Все нерегламентированные нормативными актами деяния сотрудника органов внутренних дел включаются в сферы запрещенного.

Для любого сотрудника полиции первичны обязанности, определяющие пределы его законодательно установленного статуса.

Учитывая изложенное, исследуемый статус сотрудника органов внутренних дел, по нашему мнению, целесообразно определить как комплекс правовых признаков, характеризующих место сотрудника органов внутренних дел в гражданском обществе как субъекта административного правоотношения, и дифференцирующих его среди правовых статусов других субъектов права.

К содержанию указанного выше статуса сотрудника органов внутренних дел, на наш взгляд, следует относить права (полномочия), обязанности и ответственность, закрепленные нормами действующего законодательства.

Суммируя вышеуказанное, следует сделать вывод, что правовой статус в целом является сложной юридической категорией, включающей в себя определенные составляющие элементы, доминирующее положение среди которых отведено правам (полномочиям) и обязанностям субъекта.

Статус сотрудника органов внутренних, как субъекта административных правоотношений, выступает в качестве комбинированной категории, объединяющей признаки нескольких видов специальных статусов: государственных служащих, должностных лиц, сотрудников правоохранительных органов.

Библиографический список

1. Конституция Российской Федерации (принята всенародным голосованием 12 декабря 1993 г. с изменениями, одобренными в ходе общероссийского голосования 1 июля 2020 г.) // Российская газета. 2020. № 144.
2. Федеральный закон от 30 ноября 2011 г. № 342-ФЗ «О службе в органах внутренних дел Российской Федерации и внесении изменений в отдельные законодательные акты Российской Федерации» // Собрание законодательства Российской Федерации. 2011. № 49 (часть I). Ст. 7020.
3. Федеральный закон от 7 февраля 2011 г. № 3-ФЗ «О полиции» // Собрание законодательства Российской Федерации. 2011. № 7. Ст. 900.
4. Федеральный закон от 19 июля 2011 г. № 247-ФЗ «О социальных гарантиях сотрудникам органов внутренних дел Российской Федерации и внесении изменений в отдельные законодательные акты Российской Федерации» // Собрание законодательства Российской Федерации. 2011. № 30 (часть I). Ст. 4595.
5. Бочаров С. Н. Административная деятельность органов внутренних дел. М. : Щит-М, 2012. С. 122.
6. Миренкова Е. П., Кременов И. Н. Особенности правового статуса сотрудников органов внутренних дел // Молодой ученый. 2019. № 21 (259).

7. Административное право : учебник для бакалавриата, специалитета и магистратуры / А. В. Зубач [и др.]; под общ. ред. А. В. Зубача. М. : Издательство Юрайт, 2019. С. 231.

8. Бахрах Д. Н. Государственная служба: основные понятия, ее составляющие, содержание, принципы // Государство и право. 1996. № 12.

9. Общее административное право : учебник : в 2 ч. / под ред. Ю. Н. Старилова. 2-е изд., пересмотр. и доп. Воронеж, 2016.

10. Большой юридический словарь (2003) Составители : А. Я. Сухарев, В. Е. Крутских, А. Я. Сухарева, 2003. С. 206 // URL: <https://law.niv.ru/doc/dictionary/big-legal/index.htm?ysclid=m64zkhgdp4531693646/>

11. Головкин В. В. Правовой статус сотрудника органов внутренних дел Российской Федерации: проблемы и перспективы развития / В. В. Головкин, К. В. Нарышкин. Научный вестник Омской академии МВД России, 2019.

12. Правоохранительные органы Российской Федерации : учебник / под ред. Ляхов Ю.А. М. : Инфра-М, Норма, 2018.

13. Журавлев В. В. Административно-правовой статус должностных лиц органов внутренних дел, наделенных правом назначения служебной проверки // Вестник Московского университета МВД России. 2022. № 4.

14. Титова А. В. Правовой статус сотрудника полиции и его элементы // Инновации. Наука. Образование. 2022. № 51.

15. Коваленко К. А. Особенности правового статуса сотрудника органов внутренних дел // Инновации. Наука. Образование. 2022. № 50.

Bibliographic list

1. The Constitution of the Russian Federation (adopted by popular vote on 12.12.1993 with amendments approved during the all-Russian vote on 01.07.2020) // Rossiyskaya Gazeta. 2020. № 144.

2. Federal Law № 342-FZ of November 30, 2011 «On Service in the Internal Affairs Bodies of the Russian Federation and Amendments to Certain Legislative Acts of the Russian Federation» // Collection of Legislation of the Russian Federation. 2011. № 49 (Part I). Art. 7020.

3. Federal Law № 3-FZ of February 7, 2011 «On the Police» // Collection of Legislation of the Russian Federation. 2011. № 7. Art. 900.

4. Federal Law № 247-FZ of July 19, 2011 «On Social Guarantees to Employees of the Internal Affairs Bodies of the Russian Federation and Amendments to Certain Legislative Acts of the Russian Federation» // Collection of Legislation of the Russian Federation. 2011. № 30 (part I). Art. 4595.

5. Bocharov S. N. Administrative activity of internal affairs bodies. M. : Shield-M, 2012. P. 122.

6. Mirenkova E. P., Kremenov I. N. Features of the legal status of law enforcement officers // Young Scientist. 2019. № 21 (259).

7. Administrative Law: textbook for Bachelor's, specialists and Master's degrees / A. V. Zubach [et al.]; under the general editorship of A. V. Zubach. M. : Yurait Publishing House, 2019. P. 231.

8. Bakhrah D. N. Public service: basic concepts, its components, content, principles // State and Law. 1996. № 12.

9. General administrative law : textbook : in 2 hours / edited by Yu. N. Starilov. 2nd ed., revision and supplement. Voronezh, 2016.

10. Big Legal Dictionary (2003) Compiled by: A. Ya. Sukharev, V. E. Krutskikh, A. Ya. Sukhareva, 2003. P. 206 // URL: <https://law.niv.ru/doc/dictionary/big-legal/index.htm?ysclid=m64zkhgdp4531693646/>

11. Golovko V. V. The legal status of an employee of the internal affairs bodies of the Russian Federation: problems and prospects of development / V. V. Golovko, K. V. Naryshkin. Scientific Bulletin of the Omsk Academy of the Ministry of Internal Affairs of Russia, 2019.

12. Law enforcement agencies of the Russian Federation : textbook / ed. Lyakhov Yu. A., M. : Infra-M, Norma, 2018.

13. Zhuravlev V. V. Administrative and legal status of officials of the internal affairs bodies authorized to appoint an internal audit // Bulletin of the Moscow University of the Ministry of Internal Affairs of Russia. 2022. № 4.

14. Titova A. V. The legal status of a police officer and its elements // Innovations. Science. Education. 2022. № 51.

15. Kovalenko K. A. Features of the legal status of an employee of the internal affairs bodies // Innovations. Science. Education. 2022. № 50.

Информация об авторе

В. Н. Амелчакова – доцент кафедры административного права Московского университета МВД России имени В.Я. Кикотя, кандидат юридических наук, доцент.

Information about the author

V. N. Amelchakova – Associate Professor of the Department of Administrative Law of the Moscow University of the Ministry of Internal Affairs of Russia named after V.Ya. Kikot', Candidate of Legal Sciences, Associate Professor

Статья поступила в редакцию 27.01.2025; одобрена после рецензирования 20.02.2025; принята к публикации 31.03.2025.

The article was submitted 27.01.2025; approved after reviewing 20.02.2025; accepted for publication 31.03.2025.

Научная статья

УДК 341.9:347.82.01

<https://doi.org/10.24412/2414-3995-2025-2-15-23>

EDN: <https://elibrary.ru/wlfkrf>

НИОН: 2015-0066-2/25-205

MOSURED: 77/27-011-2025-02-404

Конкуренция нормы национального права и международно-правового обязательства государства как субъекта международного права

Максим Витальевич Астафьев^{1,2}

¹ ЗАО «Группа компаний С 7», Москва, Россия, m.astafiev.72@gmail.com

² Академия труда и социальных отношений, Москва, Россия

Аннотация. Рассмотрена ситуация конкуренции национальной нормы права и международного обязательства того же государства, когда введение рядом западных стран глобальных экономических ограничений (санкций) посредством внесения изменения в действующие или принятия новых нормативно-правовых актов на уровне национального законодательства приводит к невозможности использования третьими странами – участниками общих с вышеуказанными западными странами международных договоров, а также – физическими и юридическими лицами, являющимися резидентами таких третьих стран, определенных прав и преимуществ, предусмотренных положениями анализируемых в настоящей статье международных договоров.

Причиной же выбора объектом для детального анализа в рамках настоящей статьи данного юридического феномена является желание найти вариант ответа на вопрос, насколько страна – участник международного договора, принявшая через присоединение к таковому на себя определенные юридически значимые обязательства, свободна в своем праве одностороннего изменения собственного национального законодательства в ущерб возможности исполнять принятые на себя международно-правовые обязательства.

Ключевые слова: международно-правовое обязательство, основные права субъекта частного права, экономические рестрикции (санкции), конфликтное право, норма национального права

Для цитирования: Астафьев М. В. Конкуренция нормы национального права и международно-правового обязательства государства как субъекта международного права // Вестник экономической безопасности. 2025. № 2. С. 15–23. <https://doi.org/10.24412/2414-3995-2025-2-15-23>. EDN: WLFKRF.

Original article

The competition of national legal rule and international legal obligation of the state as international law subject

Maxim V. Astafyev^{1,2}

¹ S7 Group CJSC, Moscow, Russia, m.astafiev.72@gmail.com

² Academy of Labor and Social Relations, Moscow, Russia

Abstract. The article is focused on a case of competition between rule of national law and an obligation under international law of the same state when application of the global economic restrictions (sanctions) by certain Western states through the changes in effective or adoption of new statutes under national legislation of that states entails an impossibility for third states – parties of international treaties common with aforementioned states, as well as by natural persons and legal entities residents of such third states, to enforce certain rights and enjoy certain benefits established by international treaties observed in this article.

The reason to choose this legal phenomena as a target for detailed analysis in this article is the desire to find a variant of the answer, to which extent the state – party of international treaty assumed certain legally valuable obligations through an accession to that treaty remains free to amend unilaterally its own national legislation with prejudice to the feasibility of incurred international law obligations.

Keywords: international legal obligation, basic rights of private law person, economical restrictions (sanctions), conflict law, national legal rule

For citation: Astafyev M. V. The competition of national legal rule and international legal obligation of the state as international law subject. Bulletin of economic security. 2025;(2):15–23. (In Russ.). <https://doi.org/10.24412/2414-3995-2025-2-15-23>. EDN: WLFKRF.

© Астафьев М. В., 2025

Основным международно-правовым документом в области гражданской авиации является Конвенция о международной гражданской авиации [10], заключенная в г. Чикаго, США, 7 декабря 1944 г. (далее – «Чикагская конвенция»). Российское авиационное законодательство построено на основе Чикагской конвенции, развивая заложенные ею принципы уже в Воздушном кодексе РФ, федеральных законах и подзаконных нормативно-правовых актах.

Международная организация гражданской авиации (ИКАО), как ее теперь знают во всем мире, официально возникла 4 апреля 1947 г., а в октябре того же года ИКАО приобрела статус специального агентства при ООН в структуре Экономического и социального совета ООН (ECOSOC) [11].

Преамбула Чикагской конвенции непосредственно отражает цель создания ИКАО как международной организации, которая заключается в том, чтобы международная гражданская авиация могла развиваться безопасным и упорядоченным образом, а соответствующие международные воздушные сообщения могли устанавливаться на основе равенства возможностей и осуществляться рационально и экономично. Статья 44 Чикагской конвенции конкретизирует эти цели и определяет в качестве задач для ИКАО, помимо прочего, способствование безопасности полетов в международной авиации и удовлетворению потребности народов мира в безопасном и регулярном воздушном транспорте, обеспечение полного уважения прав стран – участниц Чикагской конвенции и справедливой для каждой такой страны возможности использовать авиапредприятия, занятые в международном воздушном сообщении, избегая дискриминации в отношении стран – участниц Чикагской конвенции.

Присоединяясь к Чикагской конвенции, страны – участницы приняли на себя юридически значимые обязательства не только по соблюдению отдельных положений данного международного договора и приложений к таковому, определяющих единые требования к определенным субъектам частного права как профессиональным участникам международного рынка гражданских воздушных перевозок, но и по обеспечению эффективной реализации основных прав и свобод субъектами частного права, вовлеченными (в широком смысле) в юридические и экономические отношения на международном рынке гражданских воздушных перевозок, в равной, лишенной какой-либо дискриминации по признаку принадлежности к той или иной стране – участнице Чикагской конвенции, основе, К вышеуказанным обязательствам также относится отказ от вступления в какие-либо соглашения с третьими странами (и между собой), если такие соглашения несовместимы с положениями конвенции, и принятия на себя любых подобных юридических обязательств.

Конституция Российской Федерации [12] и Конвенция о защите прав человека и основных свобод [13] (ETS N 5), заключенная в г. Риме 4 ноября 1950 г. (с из-

менениями и дополнениями, далее – ЕКПЧ), в равной степени позволяют отнести к перечню основных прав и свобод субъекта частного права, помимо прочих, право на жизнь, право на справедливое судебное разбирательство, право на частную собственность и свободу экономической деятельности, свободу перемещения, свободу выражения мнения, запрещение дискриминации. Представляется, что использование в данном случае термина «субъект частного права» в контексте настоящей статьи вполне уместно, поскольку юридические лица как субъекты частноправовых отношений, по своей сути, являются инструментами экономической деятельности физических лиц – учредителей, владельцев и директоров таковых.

Специфика юридических и экономических отношений на международном рынке гражданских воздушных перевозок позволяет в целях настоящей статьи определить группу «основных прав в сфере международной гражданской авиации», равный и полноценный доступ к которым должна обеспечить в процессе своей деятельности для субъектов частного права ИКАО, следующим образом: свобода перелетов и право на безопасность перелетов воздушным транспортом, право на заключение справедливых контактов в сфере гражданской авиации и право на справедливое возмещение убытков, причиненных в связи с воздушной перевозкой либо в результате авиационного события (в том числе, через получение страхового возмещения).

Унификация правовых инструментов реализации физическими и юридическими лицами их права на справедливое возмещение убытков, причиненных в связи с воздушной перевозкой либо в результате авиационного события (в том числе, через получение страхового возмещения), достигается за счет положений Конвенции для унификации некоторых правил международных воздушных перевозок, заключенной в г. Монреале 28 мая 1999 г., и Конвенция об унификации некоторых правил, касающихся международных воздушных перевозок (вместе с дополнительным протоколом), заключенной в г. Варшаве 12 октября 1929 г. (с изменениями от 25 сентября 1975 г.). В настоящем исследовании мы не будем касаться сколь-нибудь серьезного анализа положений этих международных договоров, но на данном примере важно отметить, что Чикагская конвенция, по сути, является одним из важнейших источников международного частного права, будучи основой для формирования унифицированных инструментов правового регулирования частноправовых отношений в сфере международной гражданской авиации, юридически допуская и стимулируя появление более специальных международных договоров, содержание которых не выходит за рамки принципов и целей создания ИКАО¹.

¹ К примерам из числа таких международных договоров в сфере международной гражданской авиации, разработка и заключение которых велись на базе ИКАО, можно также отнести Конвенцию о международном признании прав на воздушные суда (заключена в г. Женеве 19.06.1948 г.), хотя СССР так и не присое-

Обратившись к Конвенции о международных гарантиях в отношении подвижного оборудования [14], г. Кейптаун, 16 января 2001 г., в редакции Протокола по авиационному оборудованию к указанной конвенции от того же числа (далее – Кейптаунская конвенция), к группе «основных прав в сфере международной гражданской авиации», равный и полноценный доступ к которым должны обеспечить в процессе своей деятельности для субъектов частного права международные структуры, предусмотренные данной конвенцией, можно с уверенностью добавить право на частную авиационную собственность как центральный элемент системы вещных прав на авиационную технику, логичным продолжением которой являются институты защиты добросовестной эксплуатации и гарантии признания старшинства обременения вещных прав на таковую¹.

Наличие, как правило, «арбитражной оговорки» в трансграничных сделках по приобретению авиационной техники, осложненных иностранным элементом, и совместное применение сторонами подобных сделок юридических инструментов, предусмотренных Кейптаунской конвенции и Конвенцией Организации Объединенных Наций о признании и приведении в исполнение иностранных арбитражных решений [15], г. Нью-Йорке, 10 июня 1958 г. (далее – Нью-Йоркская конвенция), окончательно формирует группу «основных прав в сфере международной гражданской авиации», дополняя вышеупомянутое право на справедливое возмещение убытков, причиненных в результате авиационного события (в том числе, через получение страхового возмещения), правом на справедливое судебное разбирательство по спорам, вытекающим из трансграничных сделок, осложненных иностранным элементом, с авиационной техникой.

Настоящий, весьма краткий анализ, показывает, что на момент наступления февраля 2022 г., в сфере правового регулирования международной гражданской авиации существовала стройная иерархическая структура источников международного частного права, включающая в себя: (а) Устав ООН и фундаментальный международный договор – Чикагскую конвенцию, (б) ряд международных договоров, разработанных и заключенных на площадке либо с участием ИКАО, по отдельным направлениям унификации инструментов регулирования данной группы международных частноправовых отношений, и (в) кодексы [16], законы и подзаконные нор-

мативно-правовые акты, составляющие систему национального права стран – участниц Чикагской конвенции.

Введение односторонних глобальных экономических рестрикций (санкций) европейскими странами в отношении российской экономики, в целом, в течение почти трех лет, начиная с февраля 2022 г., создало крайне опасный прецедент, равного которому по степени влияния на всю отрасль международной гражданской авиации ранее не случалось, а именно – не отдельная страна – участница, а достаточно большая группа стран – участниц Чикагской конвенции и сопряженных с ней международных договоров, обеспечивающих ранее применение единых юридических стандартов и правил в сфере международной гражданской авиации, на собственном национальном уровне приняли нормативно-правовые акты, действие которых привело к дестабилизирующему до сих пор нарушению международно-правовых обязательств данной группы стран, вытекающих из Чикагской конвенции и, в частности, Кейптаунской и Нью-Йоркской конвенций, о чем и пойдет речь далее в настоящем исследовании в разрезе преимущественно санкций, введенных европейскими странами².

Юридическая наука дискутирует относительно правовой природы экономических рестрикций (санкций) уже давно, и многие авторы сходятся на том, что применение экономических рестрикций (санкций) всегда несет в себе существенный дестабилизирующий эффект в изначально стабильную систему международных частноправовых отношений (в первую очередь, если такие рестрикции имеют экстерриториальный эффект или носят глобальный характер), являясь, прежде всего, инструментом внешней политики отдельных государств.

Владислав Старженецкий и Саглар Очинова³, равно как и Николя Руйе [4], в своих работах совершенно справедливо отмечают, что санкции в своей сути являются ограничением принципиальной свободы экономических участников рынка осуществлять торговлю или иметь дело с лицами, в отношении которых были приняты санкции, и, разумеется, ограничения свобод таких лиц, поскольку изначально возникают в юридическом контексте нормальной предпринимательской деятельности и сбалансированных трансграничных экономических взаимоотношений, законных и открытых всем экономическим участникам рынка (мы не берем сейчас в счет необходимость для участников рынка соблюдать

единился к этому международному договору, Конвенцию о борьбе с незаконным захватом воздушных судов (заключена в г. Гааге 16.12.1970 г.) (с изм. от 10.09.2010 г.) и Конвенцию об ущербе, причиненном иностранными воздушными судами третьим лицам на поверхности (заключена в г. Риме 07.10.1952 г.) (с изм. от 23.09.1978 г.) [см.: 1].

¹ В российской доктрине ранее отмечалось, что перевод термина «международные гарантии» не является «равно аутентичным» юридическому термину, использованному в оригинальном тексте документа (international interests). Корректным переводом данного термина следует считать «международные имущественные права» [2].

² Юридический механизм американских санкций является смешанным по своей природе, включая, в том числе, применение принципа экстерриториального действия норм национального права, чем существенно отличается от своего европейского аналога. Поэтому в данном исследовании мы не будем касаться особенностей американского режима применения экономических рестрикций (санкций) к субъектам частного права – резидентам третьих стран по отношению к США.

³ По примеру авторов данной статьи предлагается термин «экономические рестрикции (санкции)» использовать для обозначения ограничительных мер экономического характера, вводимых иностранными государствами и международными организациями вне связи с санкциями, предусмотренными Уставом ООН [3].

объективные правила и условия формального характера, например, таможенные требования или правила экспортного контроля в той или иной стране в их классическом содержании) и могут подразумевать невозможность исполнения условий внешнеэкономических сделок, полностью или частично, риски признания таких сделок недействительными, замораживания активов и блокирования взаиморасчетов.

В предмет настоящего исследования не входит юридический анализ юридических и экономических последствий применения экономических рестрикций (санкций), вынесенных Советом Безопасности ООН, постольку поскольку последние представляют собой норму международного публичного права, тем самым, формируя в силу ст. 25 Устава ООН международно-правовое обязательство страны – члены ООН по применению резолюции Совета Безопасности ООН.

В фокусе настоящего исследования лежит обратная ситуация – в отсутствие международного обязательства по применению экономических рестрикций (санкций), отсутствует и конфликт между международно-правовыми нормами в том случае, когда одностороннее решение о санкциях было принято сугубо на уровне национального законодательства определенной страны вне поля применения ст. 25 Устава ООН и в отсутствие резолюции Совета Безопасности ООН.

В юридической литературе по данному вопросу авторы практически едины во мнении о том, что вводимые в одностороннем порядке государством экономические санкции не могут быть приравнены к тому, что государство вправе сделать, находясь в положении войны, следовательно, свободы и гарантии субъектов частного права могут быть ограничены только лишь в степени, необходимой для эффективного достижения законного публичного интереса (принцип пропорциональности) и, разумеется, при соблюдении принципа равенства.

Данный вывод правовой доктрины подкрепляется и ст. 15 ЕКПЧ, согласно которой страна – член ЕС вправе принимать меры в отступление от ее обязательств по данной конвенции исключительно (а) только в той степени, в какой это обусловлено чрезвычайностью обстоятельств, при условии, что такие меры не противоречат другим ее обязательствам по международному праву, и (б) в случае войны или при иных чрезвычайных обстоятельствах, угрожающих жизни нации (последнее, как уже было отмечено выше, не применимо в ситуации, анализируемой в настоящей статье).

Юридическая доктрина также оставалась единой во мнении, что, как минимум, предметом юридической дискуссии остается сценарий введения в XXI в. отдельными странами и их объединениями «умных» санкций (*smart sanctions*), когда норма национального права позволяет четко установить политическую цель введения последних, чтобы вводимые экономические рестрикции затронули исключительно ответственных лиц (*targeted sanctions*) и, таким образом, эффективно создать почву

для желаемых политических изменений, но сценарий введения глобальных санкций¹ никогда не признавался юридической доктриной приемлемым как в силу последствий его применения (в отношении неопределенного круга, а не ответственных, лиц – населения), так и в силу его правового обоснования.

Предметом юридической дискуссии также всегда оставался ответ на другой, крайне важный, вопрос – иностранные санкции: вопрос юридического факта или права?

Так, например, Засемкова О. Ф. и, далее, Старженецкий В. В., но уже в соавторстве с Багровой А. Я. относят нормы национального права, посредством которых государство вводит экономические рестрикции (санкции) в отношении третьих лиц, к категории сверхимперативных норм права, направленных на защиту внутреннего и/или международного публичного порядка [5], следовательно, сторона сделки рассматривается как носитель публично-правовой обязанности по соблюдению применимых к ней санкционных ограничений независимо от избранного сторонами по сделке применимого права.

Синицин С. А., критикуя данный подход в своей работе [6] и справедливо указывая на мнение Садикова О. Н. [7], состоящее в том, что использование ссылок на нормы публичного права не может придать ясности содержанию и смыслу сверхимперативных норм как правовому средству охраны прав субъектов международного частного права и национальных экономических интересов государства, их применяющего, выдвигает далее не менее спорную идею, выделяя нормативно-правовую базу применения экономических рестрикций (санкций) в некую самостоятельную систему юридических правил и требований – «санкционное право», придавая ему статус фикции, нежели подотрасли международного частного права. Задачей мирового порядка и международного права в данном случае он определяет обеспечение общеобязательного и повсеместного соблюдения этих правил и требований субъектами международных частнопровых отношений, сохраняя за санкциями как экономико-юридическим явлением исключительно статус мер юридической ответственности и защиты, нежели разрешенного и законного инструмента экономической агрессии.

Подробный анализ доводов «за» и «против» в этом споре заслуживает стать предметом отдельной статьи, но в рамках настоящего исследования автор придерживается традиционного подхода, ранее сформированного в правовой доктрине: экономические рестрикции (санкции), не являющиеся частью применимого к сделке права, рассматриваются как фактические обстоятельства, которые могут учитываться судьями (арбитрами) для целей применения оговорки о форс-мажоре, санкционной оговорки, оговорки о незаконности и т. д. при рассмотрении того или иного спора с участием подсанкционно-

¹ Подобный тому, что был применен ООН после окончания «холодной войны» в отношении Ирака в 1990 г.

го лица либо в отношении исполнения подсанкционной сделки.

Установление на собственном национальном законодательном уровне не только практически безусловного запрета для собственных субъектов частного права на экономическое и техническое сотрудничество и коммерческую деятельность с российскими субъектами частного права в будущем, но и требования прекратить текущее сотрудничество и коммерческие сделки в одностороннем порядке, по мнению автора настоящего исследования, безусловно, доказывает «глобальный характер» европейских экономических рестрикций (санкций), а сам прецедент подобных односторонних юридических действий стран – участниц международных договоров и их объединений (коим, безусловно, является Европейский Союз, поскольку основой его создания явился Договор о Европейском Союзе (2016/С 202/01) [17], подписанный в г. Маастрихте 7 февраля 1992 г. (далее – Договор о ЕС) и последующие региональные международные договоры с участием стран – участниц ЕС) на уровне собственного национального законодательства и наднационального законодательства ЕС – полагать уникальным юридическим прецедентом в сфере международного частного права.

Основным документом Европейского Союза, регламентирующий предмет, состав объектов и субъектов частноправовых отношений, к которым применимы экономические ограничения (санкции), является Постановление Совета ЕС № 833/2014 от 31 июля 2014 г. в отношении ограничительных мер в связи с действиями России по дестабилизации ситуации на Украине [18] (далее – Постановление Совета ЕС 833) и Постановление Совета ЕС № 269/2014 от 17 марта 2014 г. в отношении ограничительных мер в связи с разрушительными или угрожающими территориальной целостности, суверенитету и независимости Украины действиями [19] (далее – Постановление Совета ЕС 269).

К списку ограничений, которые коснулись (были направлены на) юридических и экономических отношений на международном рынке гражданских воздушных перевозок с участием российских субъектов частного права, относимы торговые ограничения (практически полный запрет на совершение сделок по приобретению товаров и технологий в сфере авиационной или космической промышленности¹), секторальные ограничения² (комплексный запрет на транзит через территорию России вышеуказанных товаров и технологий, с территории ЕС, техническое обслуживание ремонт, модификацию,

техническую поддержку, страхование и перестрахование, прямо или косвенно, таких товаров и технологий, а также – уступку прав, предоставление лицензий и разрешений на использование в любой иной форме в отношении интеллектуальной собственности либо секретов производства, если это связано с товарами и технологиями, перечисленными выше, либо с их созданием, производством, ремонтом и использованием), финансовые ограничения (запрет на финансирование и предоставление финансов в рамках всех видов сделок в отношении товаров и технологий, на совершение которых со стороны ЕС наложен запрет в рамках торговых и секторальных ограничений), персональные и секторальные ограничения в смежных отраслях (последовательное включение в соответствующие санкционные списки ЕС ведущих российских банков и прекращение глобального обслуживания банковских карт, эмитированных в России платежными системами Visa и MasterCard, на территории ЕС, предельно затруднили доступа российских субъектов частного права к рынку трансграничных денежных расчетов и финансовых инструментов как необходимому элементу системы исполнения финансовых обязательств сторон трансграничных сделок, осложненных иностранным элементом, в сфере международной гражданской авиации).

Отдельной строкой в рамках настоящего исследования нужно отметить запрет, введение которого прямо и непосредственно нарушает юридические обязательства стран – участниц ЕС в их статусе членов ИКАО, для воздушных судов, эксплуатируемых российским авиапредприятием (включая рейсы совместной эксплуатации, регулярные и не регулярные рейсы), зарегистрированных в Российском реестре воздушных судов, зарегистрированных в национальных реестрах воздушных судов третьих стран, если они находятся под контролем российских физических и юридических лиц, всех «степеней свободы воздуха», включая взлет с, посадку на либо пролет над территорией ЕС. Обязанность по соблюдению вышеуказанных запретов действует (а) в пределах территории ЕС, (б) на борту воздушного судна, находящегося под юрисдикцией ЕС, и распространяется на (в) граждан стран – участниц ЕС вне зависимости от места их фактического пребывания и (г) юридических лиц, учрежденным на территории ЕС либо ведущих деятельность на территории ЕС, вне зависимости от места совершения сделки или иного юридического действия.

Вследствие вступления в силу вышеуказанных запретов, в марте 2022 г. впервые в истории существования ИКАО между авиационными властями двух стран (Российской Федерацией и Бермудами) возникает спор о принадлежности воздушного судна тому или иному национальному реестру (хотя – с точки зрения обеспечения безопасности полетов – существует логика выбора в пользу национального реестра той страны – участницы Чикагской конвенции, на территории которой фактически базируется эксплуатация данного воздушного суд-

¹ Речь здесь идет о воздушных судах, космических аппаратах и компонентах к ним, включая двигатели.

² Отдельные исключения были последовательно добавлены в текст статьи 3с настоящего Постановления Совета ЕС в середине 2022 и, далее, в 2023 г., что явилось, безусловно, попыткой ЕС хоть в какой-то степени юридически обосновать соблюдение странами – участницами ЕС собственных обязательств по Чикагской конвенции, а также – урегулировать отдельные группы сделок с авиационными активами европейских компаний на территории РФ.

на). Данная проблема получила в рамках юридической дискуссии название «проблема двойной регистрации воздушного судна», а причиной ее возникновения послужил односторонний отказ Бермуд (как «Заморской территории» Великобритании) от (а) исполнения обязанности по выполнению ряда функций государства регистрации воздушного судна в отношении воздушных судов, эксплуатируемых российскими авиационными предприятиями, установленной статьей 83bis Чикагской конвенции и соответствующим соглашением о передаче функций и обязанностей по надзору, действовавшим между Российской Федерацией и Бермудами до марта 2022 г.¹, и (б) исключения этих воздушных судов из национального реестра Бермуд в установленном правилами Чикагской конвенции порядке, по требованию авиационных властей Российской Федерации в связи с прекращением действия соглашения о передаче функций и обязанностей по надзору, действовавшим между Российской Федерацией и Бермудами в марте 2022 г., и необходимостью включения данных воздушных судов, фактически эксплуатируемых российскими авиационными предприятиями, в государственный реестр воздушных судов Российской Федерации². Данный спор в полном объеме не урегулирован до сих пор, в том числе, и на уровне ИКАО, что не позволяет сегодня российским авиационным предприятиям в полной мере использовать собственный авиапарк для выполнения международных воздушных перевозок.

По той же причине в марте 2022 г. российские авиационные предприятия утрачивают право доступа к информации о вещных правах на воздушные суда, эксплуатируемые ими, содержащейся в Международном реестре международных гарантий, действующих в отношении планеров воздушных судов, авиационных двигателей и вертолетов (далее – Реестр).

Данный Реестр, наряду с прочими решениями, предлагаемыми конвенцией, создает единую систему обеспечительных мер вещно-правового характера («международных гарантий») и средств защиты в слу-

чае неисполнения должниками обязательств по сделкам, связанным с финансированием приобретения воздушных вышеуказанных объектов имущественных прав. Посредством регистрации в Реестре имущественных прав, предоставленных в отношении «однозначно идентифицируемого» оборудования на основании соответствующей сделки, достигается доступность информации об объекте регистрируемого таким образом имущественного права [8].

В корпоративном отношении Реестр находится на территории Ирландии, следовательно, является «европейским юридическим лицом» в смысле Постановления Совета ЕС 833, на которое возложена обязанность по соблюдению соответствующего запрета. Российская Федерация по-прежнему является участницей Кейптаунской конвенции, а Ирландия как участница этой конвенции должна обеспечить исполняемость положений Конвенции на своей территории и равный доступ субъектов частного права стран – участниц конвенции к информации и данным Реестра.

Следует также согласиться с мнением О. Ф. Засемковой [9] о существовании объективных ограничений на доступ к справедливому и равноправному судебному разбирательству для российского лица, тем более, если в отношении него введены определенные персональные санкции, на территории западных стран, равно как и о неоднозначности решения вопроса о возможности передачи споров, затронутых санкциями, на разрешение международного арбитража, то есть вопроса об «арбитрабельности» таких споров, и существованием объективных трудностей с исполнением арбитражных решений на территории западных стран либо вынесенных в отношении резидентов таких стран, которые могут быть вынесены в споре по подобной сделке в пользу российской стороны, что в результате заставляет на практике российские авиационные предприятия менять подходы, выработанные и работавшие десятилетиями, к использованию и содержанию как «арбитражной оговорки», так и «оговорки о применимом праве», «оговорки о законности» в трансграничных сделках, осложненных иностранным элементом, в сфере международной гражданской авиации.

Юридическая практика сегодня пошла по пути, когда выбор применимого права падает на национальное право одной из сторон сделки либо в качестве нейтрального права избирается право, не связанное с Великобританией или США (например, право Гонконга), а выбор применимой юрисдикции рассмотрения спора останавливается на институциональных арбитражах в нейтральных юрисдикциях (Сингапур или Гонконг).

В завершение следует подчеркнуть, что в 2024 г. возобновилась дискуссия относительно роли Чикагской конвенции и международных договоров, заключаемых в рамках деятельности ИКАО, как основы для унификации правовых подходов и механизмов, реализуемых в сфере международной гражданской авиации, и не-

¹ «Юридическим основанием» для этого послужило заявление авиационных властей о том, что они полагают невозможным – в условиях введенных экономических рестрикций – обеспечение российскими авиационными предприятиями необходимого уровня поддержания «летной годности» (airworthiness) воздушных судов по применимым Бермудскими властями требованиям, а также – невозможности, по мнению, властей проведения фактической проверки качества поддержания «летной годности» (airworthiness) воздушных судов российскими авиационными предприятиями на месте их базирования ввиду наличия рекомендации властей Великобритании (чьими «Заморскими территориями» являются Бермуды) для своих граждан о непосещении Российской Федерации.

² «Юридическим основанием» для данного отказа послужило заявление авиационных властей Бермуд о том, что правила ведения национального реестра воздушных судов Бермуд не содержат такого основания исключения воздушного судна из реестра как прекращение действия двухстороннего международного соглашения, заключенного в соответствии со статьей 83bis Чикагской конвенции, со страной, под чьей юрисдикцией находится фактическая эксплуатация таковых.

необходимости гармонизации и изменения норм национального права стран – членов ИКАО в случаях, когда последние препятствуют нормальному применению конвенционных норм [20] – сегодня полагается крайне важной разработка на уровне ИКАО руководящих документов (Guidance), адресованных властям стран – участниц конвенции и устанавливающих особенности правового регулирования отношений в сфере международной гражданской авиации, которые национальные власти должны принимать во внимание при формировании собственного национального права

Комплексное осмысление материала, предложенного в рамках проведенного в настоящей статье исследования, позволяет сделать следующие выводы:

(А) Отход властей стран – членов ЕС и институтов ЕС от принципа «умных и адресных» экономических санкций (*smart and targeted sanctions*) при применении в отношении Российской Федерации и лиц, связанных с Российской Федерацией, запретов и ограничений, установленных Постановлениями Совета ЕС 833 и 269, неизбежно привел существенному ограничению ряда «основных прав в сфере международной гражданской авиации» физических лиц – не только как потребителей услуг воздушной перевозки, но и как субъектов частноправовых отношений в данной сфере непосредственно либо оставаясь бенефициарами, владельцами или уполномоченными представителями юридических лиц – участников коммерческой деятельности, в нарушение указанными странами и непосредственно ЕС как системой наднациональных властных институтов, юридический статус которых проистекает из Договора о создании ЕС, юридических обязательств, принятых ими на себя в рамках Чикагской конвенции и ЕКПЧ, через установление глобальных, торговых, секторальных и финансовых запретов и персональных ограничений в отношении российских субъектов частного права как участников вышеуказанных международных частноправовых отношений:

«свобода перелетов и право на безопасность перелетов воздушным транспортом» и «право на заключение справедливых контрактов в сфере гражданской авиации» – через установление запретов для европейских предприятий и предпринимателей на заключение трансграничных сделок с российскими субъектами предпринимательской деятельности, а также – сделок в отношении широкого круга товаров, услуг и нематериальных активов, если их конечным выгодоприобретателем/пользователем являются российские юридические лица или предприниматели, в сфере международной гражданской авиации¹, существенное ограничение свободы

финансовых транзакций и ведения взаиморасчетов по текущим сделкам, заключенным российскими субъектами предпринимательской деятельности;

«право на частную авиационную собственность» – через установление требования о прекращении действующих сделок с авиационной техникой, запрета на заключение новых подобных сделок, отказа в доступе к информации о существующих вещных правах и их обременениях в Реестре, в справедливом урегулировании проблемы «двойной регистрации» воздушных судов в пользу их действующих российских эксплуатантов;

«право на справедливое судебное разбирательство и возмещение причиненных убытков (в том числе посредством выплаты страхового возмещения)» – через установление существенных ограничений для российского субъекта на равный с оппонентом доступ к судебной защите, надлежащее проведение судебного (арбитражного) разбирательства, а также последующего принудительного исполнения судебного или арбитражного решения на территории ЕС или на территории определенных третьих стран, доступ к системе финансовых операций и трансграничных платежей на территории ЕС для российских физических и юридических лиц, а также – запрета на оказание европейскими страховыми и перестраховочными компаниями услуг по страхованию для российским авиационных предприятий.

(Б) Поскольку сфера международной гражданской авиации – это, прежде всего, сфера действия «основных прав в сфере международной гражданской авиации» физических лиц, которые не могут быть ограничены произвольным образом в результате односторонних политических действий отдельных стран (и их региональных политических объединений) против третьих стран в отсутствие международного обязательства этих стран, но исключительно на основании собственных суверенных полномочий, постольку можно ожидать увеличения количества судебных решений по делам, связанным с последствиями принятия Советом ЕС глобальных экономических рестрикций (санкций) в отношении Российской Федерации и связанных с ней физических и юридических лиц.

Дополнительным юридическим основанием таких судебных решений – по мере снижения острой фазы политического противостояния на международной арене – станут нормы Договора о создании ЕС, ЕКПЧ и связанных с ними договоров, заключенных в рамках ЕС, признающие преимущественную силу за основными правами и свободами граждан ЕС и право граждан на судебную защиту таковых, в том числе, против действий стран – членов ЕС и властных институтов ЕС, поскольку установленные Постановлениями Совета ЕС 833 и 264 ограничения и запреты распространяются, а ответственность на несоблюдение таковых возложена, на европейских граждан и европейские юридические лица.

(В) В равной степени следует ожидать активизации юридической работы на межгосударственном

¹ К данному случаю также относится установление властями ЕС императивных требований для европейских предприятий и предпринимателей по включению в текст заключаемых ими контрактов в этой сфере обязательных условий, налагающих на иностранных контрагентов контрактных обязательств, ограничивающих свободу последних на заключение последующих сделок в отношении товара, услуги или нематериального актива, являющихся объектом изначальной сделки, с их российскими контрагентами.

уровне в рамках ИКАО с целью, с одной стороны, разработки новых руководящих документов (*Guidance*) со стороны организации в адрес стран – участниц конвенции, устанавливающие рекомендации к и пределы национальной законотворческой деятельности в сфере международной гражданской авиации, основанные на уважении «основных прав в сфере международной гражданской авиации» физических лиц и признания за авиакомпаниями статуса единственного вида авиационных предприятий, чья деятельность связана не с преимущественно одним национальным правовым порядком, а с совокупностью национальных правовых порядков стран – членов ИКАО, в которые данная авиакомпания выполняет международные воздушные перевозки; а, с другой стороны, модернизации, в частности, процедур рассмотрения споров между странами – членами ИКАО, связанных с неисполнением ими обязательств, принятых на себя в соответствии с положениями Чикагской конвенции.

В любом случае, можно с уверенностью рассчитывать на то, что эта практическая деятельность как на уровне национальных судов, так и на уровне межгосударственных отношений, даст, в свою очередь, толчок к развитию правовой науки.

Список источников

1. Мильде М. Международное воздушное право и ИКАО / под. ред. О. И. Аксментова ; с предисл. А. А. Баталова ; пер. с англ. А. М. Бобкова и др. СПб. : Институт AERONELP, 2017.
2. Кувшинов В. А. Кейптаунская конвенция о международных имущественных правах на подвижное оборудование 2001 г. и Протокол по авиационному оборудованию к этой Конвенции // Государство и право. 2003. № 2. С. 75.
3. Старженецкий В. В., Очирова С. Б. Влияние санкций на разрешение внешнеэкономических споров : сохранение status quo или поиск альтернативных юрисдикций? // Международное правосудие. 2020. № 4.
4. Руйе Н. Экономические санкции : юридический хаос и права человека // Ученые труды Российской академии адвокатуры и нотариата. 2015. № 4 (39). С. 6.
5. Старженецкий В. В., Багрова А. Я. (Анти) санкционные оговорки в международных коммерческих контрактах // Закон. 2023. № 7.
6. Синицин С. А. Международное частное право : некоторые тенденции развития, традиционные и новеллизационные институты // Журнал российского права. 2024. № 1.
7. Садиков О. Н. Императивные нормы в международном частном праве // О. Н. Садиков. Вопросы гражданского права и международного частного права. Избранные труды. М., 2015. С. 450.
8. Проблемы унификации международного частного права : монография, 2-ое издание, переработанное и дополненное / Отв. редактор Н. Г. Доронина // СПС «КонсультантПлюс».

9. Засемкова О. Ф. Международный арбитраж в условиях антироссийских санкций : вопросы, поставленные практикой // Актуальные проблемы российского права. 2023. № 8.

10. Конвенция о международной гражданской авиации. г. Чикаго 7 декабря 1944 г. // Собрание законодательства Российской Федерации, 30.10.2006, № 44.

11. URL: <https://www.icao.int/publications/pages/doc7300.aspx/>

12. Конституция Российской Федерации с внесенными поправками от 14 марта 2020 г. // URL: <http://www.pravo.gov.ru>, 04.07.2020.

13. Конвенция о защите прав человека и основных свобод (ETS N 5) (заключена в г. Риме 4 ноября 1950 г.) (ред. от 13.05.2004, с изм. от 02.10.2013) // СПС «КонсультантПлюс».

14. Конвенция о международных гарантиях в отношении подвижного оборудования, подписанная в Кейптауне 16 ноября 2001 г., в редакции Протокола по авиационному оборудованию к указанной конвенции от того же числа // Собрание законодательства Российской Федерации, 05.09.2011 г., № 36.

15. Конвенция Организации Объединенных Наций о признании и приведении в исполнение иностранных арбитражных решений. Сборник действующих договоров, соглашений и конвенций, заключенных СССР с иностранными государствами. Вып. XXI. М., 1967. С. 214–220.

16. Воздушный кодекс Российской Федерации от 19 марта 1997 г. № 60-ФЗ (ред. от 08.08.2024 г.) // СПС «КонсультантПлюс».

17. Консолидированная версия Договора о Европейском Союзе (2016/C 202/01), подписан в г. Маастрихте 7 февраля 1992 г. (с изм. и доп. от 01.03.2016 г.) // СПС «КонсультантПлюс».

18. URL: <https://eur-lex.europa.eu/legal-content/EN/TXT/?uri=CELEX%3A02014R0833-20240913&qid=1730200793685/>

19. Consolidated text: Council Regulation (EU) № 269/2014 of 17 March 2014 concerning restrictive measures in respect of actions undermining or threatening the territorial integrity, sovereignty and independence of Ukraine // URL: <https://eur-lex.europa.eu/legal-content/EN/TXT/?uri=CELEX%3A02014R0269-20240914/>

20. URL: <https://www.icao.int/Meetings/LegalSeminar2024/Pages/>

References

1. Milde M. International air law and ICAO / Edited by O. I. Aksamentov ; with preface of A. A. Batalov ; translated by A. M. Bobkov and others. SPb. : Institute AERONELP, 2017.
2. Kuvshinov V. A. Cape Town Convention on international interests in mobile equipment, 2001 and Protocol thereto on matters specific to aircraft equipment // State and Law. 2003. № 2. P. 75.

3. Starzhenetskiy V. V., Ochirova S. B. The impact of sanctions on the resolution of international business disputes : maintaining the status quo or looking for alternative jurisdictions? // International Justice. 2020. № 4.
4. Rouiller N. Economic sanctions : legal chaos and human rights // Science studies of Russian Academy of Advocacy and Notary. 2015. № 4 (39). P. 6.
5. Starzhenetskiy V. V., Bagrova Ya. A. (Anti) Sanctions Clauses in International Commercial Contracts // Law. 2023. № 7.
6. Sinitsyn S. A. Private international law : some development trends, traditional and novelization institutions // Russian Law Journal. 2024. № 1.
7. Sadikov O. N. Peremptory rules in international private law // Sadikov O. N. The matters of civil law and international private law. Selected works. M., 2015. P. 450.
8. Unification of international private law issues. Study, 2-nd edition, amended and restated / Editor-in-chief N. G. Doronina // LRS «ConsultantPlus».
9. Zasemkova O. F. International arbitration in the context of anti-Russian sanctions : issues raised through practice // Actual Problems of Russian Law. 2023. № 8.
10. Convention on International Civil Aviation. Chicago, December 7, 1944 // Collection of Legislation of the Russian Federation, 30.10.2006, № 44.
11. URL: <https://www.icao.int/publications/pages/doc7300.aspx/>
12. Constitution of the Russian Federation as amended on March 14, 2020 // URL: <http://www.pravo.gov.ru, 04.07.2020>.
13. The tragedy of the seizure of power by man and his freedom (ETS N 5) (occurred in Rome on November 4, 1950) (as amended on 13.05.2004, ed. dated 02.10.2013) // LRS «Consultantplus».
14. Convention on International Interests in Mobile Equipment, signed in Cape Town on November 16, 2001, as amended by the Protocol on Aviation Equipment to the said Convention of the same date // Collection of Legislation of the Russian Federation, 05.09.2011, № 36.
15. United Nations Convention on the Recognition and Enforcement of Foreign Arbitral Awards. Collection of existing treaties, agreements and conventions concluded by the USSR with foreign countries. Issue XXI. Moscow, 1967. P. 214–220.
16. Air Code of the Russian Federation № 60-FZ dated March 19, 1997 (as amended on 08.08.2024) // LRS «ConsultantPlus».
17. Consolidated version of the Report on the European Union (2016/C 202/01), published in Maastricht on February 7, 1992 (with amendments and additions dated 01.03.2016) // LRS «ConsultantPlus».
18. URL: <https://eur-lex.europa.eu/legal-content/EN/TXT/?uri=CELEX%3A02014R0833-20240913&qid=1730200793685>
19. Consolidated text: Council Regulation (EU) № 269/2014 of 17 March 2014 on restrictive measures against actions undermining or threatening the territorial integrity, sovereignty and independence of Ukraine // URL: <https://eur-lex.europa.eu/legal-content/EN/TXT/?uri=CELEX%3A02014R0269-20240914/>
20. URL: <https://www.icao.int/Meetings/LegalSeminar2024/Pages/>

Информация об авторе

М. В. Астафьев – заместитель генерального директора по правовому обеспечению ЗАО «Группа компаний С 7», аспирант 3-го курса очной формы обучения кафедры гражданского права и процесса Академии труда и социальных отношений.

Information about the author

M. V. Astafyev – Chief Legal Officer of the S7 Group CJSC, Postgraduate Student of the 3rd year of full-time education of the Department of Civil Law and Process of the Academy of Labor and Social Relations.

Статья поступила в редакцию 27.01.2025; одобрена после рецензирования 17.03.2025; принята к публикации 07.04.2025.

The article was submitted 27.01.2025; approved after reviewing 17.03.2025; accepted for publication 07.04.2025.

Научная статья

УДК 348.01

<https://doi.org/10.24412/2414-3995-2025-2-24-29>

EDN: <https://elibrary.ru/wmlmxo>

ИДОН: 2015-0066-2/25-206

MOSURED: 77/27-011-2025-02-405

Историко-правовое просвещение населения страны как фактор обеспечения национальной безопасности Российской Федерации

Руслан Маратович Ахмедов¹, Дамир Русланович Ахмедов²

^{1,2} Московский финансово-промышленный университет «Синергия», Москва, Россия

¹ ahmedov@list.ru

² urus1602@yandex.ru

Аннотация. Рассматривается роль исторического просвещения в сохранении исторической памяти и формировании общественно-политической реальности. Отмечается важность историко-правовых знаний в качестве базисных основ для формирования коллективного и индивидуального национального правосознания. Анализируется специфика межпоколенческой преемственности исторического знания в условиях трансформации современных общественных правоотношений. Уделено особое внимание глобальным вызовам и угрозам в области перспективного историко-правового просвещения. Раскрыты правовые механизмы, зафиксировавшие историко-правовой опыт в качестве ценностного ориентира, оказавшего влияние на обыденное сознание, поведение личности и общества. Подчеркивается необходимость историко-правового образования в качестве важного инструментария правового воспитания для привития навыков правовой культуры и предотвращения правового нигилизма у подрастающего поколения.

Ключевые слова: историко-правовое просвещение, историческая память, историко-правовой опыт, историческая правда, традиционные духовно-нравственные ценности

Для цитирования: Ахмедов Р. М., Ахмедов Д. Р. Историко-правовое просвещение населения страны как фактор обеспечения национальной безопасности Российской Федерации // Вестник экономической безопасности. 2025. № 2. С. 24–29. <https://doi.org/10.24412/2414-3995-2025-2-24-29>. EDN: WMLMXO.

Original article

Historical and legal education of the country's population as a factor in ensuring the national security of the Russian Federation

Ruslan M. Akhmedov¹, Damir R. Akhmedov²

^{1,2} Financial and Industrial University «Synergy», Moscow, Russia

¹ ahmedov@list.ru

² urus1602@yandex.ru

Abstract. The role of historical enlightenment in preserving historical memory and shaping socio-political reality is examined. The importance of historical and legal knowledge as the basic foundations for the formation of collective and individual national legal awareness is noted. The specifics of the intergenerational continuity of historical knowledge in the context of the transformation of modern social legal relations is analyzed. Special attention is paid to global challenges and threats in the field of advanced historical and legal education. The article reveals the legal mechanisms that have fixed historical and legal experience as a value guideline that has influenced the everyday consciousness, behavior of individuals and society. The need for historical and legal education is emphasized as an important tool of legal education for instilling skills of legal culture and preventing legal nihilism among the younger generation.

Keywords: historical and legal education, historical memory, historical and legal experience, historical truth, traditional spiritual and moral values

For citation: Akhmedov R. M., Akhmedov D. R. Historical and legal education of the country's population as a factor in ensuring the national security of the Russian Federation. Bulletin of economic security. 2025;(2):24–9. (In Russ.). <https://doi.org/10.24412/2414-3995-2025-2-24-29>. EDN: WMLMXO.

© Ахмедов Р. М., Ахмедов Д. Р., 2025

Безусловным благожелательным фактором жизнедеятельности любого современного общества в целях сохранения национальной идентичности, суверенитета в условиях глобализации и трансформации общественных правоотношений под воздействием как общемировых научно-технических достижений, так и идеологических, цивилизационных парадигм, является наличие у населения знаний об истории, культуре, традиционных ценностях, которые являются самобытными для данного общества и исторически сложившимися для государства. Знания об историческом прошлом являются элементом конструирования текущей и перспективной общественно-политической реальности, которые опираются на накопленный жизненный «багаж» в виде опыта, посредством их межпоколенческой преемственности. На это, в частности, указывают ч. 2–3 ст. 67.1 Конституции Российской Федерации, где записано, что «2. Российская Федерация, объединенная тысячелетней историей, сохраняя память предков..., а также преемственность в развитии Российского государства, признает исторически сложившееся государственное единство.

3. Российская Федерация чтит память защитников Отечества, обеспечивает защиту исторической правды. Умаление значения подвига народа при защите Отечества не допускается» [1, с. 21].

Фиксация в нормах Конституции Российской Федерации в качестве императива роли и значения исторической памяти, исторической правды для сохранения национальной государственности указывает на то, что руководство страны активно предпринимает меры по сохранению тех традиционных мировоззренческих ценностей, которые свойственны для многонационального состава населения нашей страны. Поэтому не случайно то, что детализация вышеотмеченных конституционных норм и правовой механизм их реализации получило свою детализацию в последующих нормативно-правовых актах, что дало толчок развитию отечественной юридической мысли в направлении сохранения и защиты исторической памяти, исторической правды от их возможной фальсификации.

Так, Указом Президента Российской Федерации от 9 ноября 2022 г. № 809 «Об утверждении Основ государственной политики по сохранению и укреплению традиционных российских духовно-нравственных ценностей» (далее – Указ от 9 ноября 2022 г. № 809) [2] в качестве стратегического национального направления определен приоритет – «защита традиционных российских духовно-нравственных ценностей, культуры и исторической памяти». Формализованы основные традиционные духовно-нравственные ценности, констатирована роль традиционных религиозных объединений в укреплении и генезисе традиционных духовно-нравственных ценностей и культурно-исторической памяти, определена перспективная государственная политика Российской Федерации с участием институтов гражданского общества в противодействии

социокультурным угрозам и вызовам национальной безопасности.

Вопросы правовой защиты объектов нематериального культурного наследия народов Российской Федерации, которые представляют собой совокупность присущих этнокультурным общностям России духовно-нравственные и культурные ценности, передаваемые из поколения в поколение, регламентированы Федеральным законом Российской Федерации от 20 октября 2022 г. № 402-ФЗ «О нематериальном этнокультурном достоянии Российской Федерации» [3]. Этот федеральный нормативно-правовой акт закрепил основные направления реализации государственной политики в области сохранения нематериального этнокультурного наследия в качестве исторически обусловленного самобытного достояния народов страны.

Существенно расширил вышеотмеченные конституционные нормы Указ Президента Российской Федерации от 8 мая 2024 г. № 314 «Об утверждении Основ государственной политики Российской Федерации в области исторического просвещения», где в п. 5 отмечено, что «Россия – великая страна с многовековой историей, государство-цивилизация, сплотившее русский и многие другие народы на пространстве Евразии в единую культурно-историческую общность и внесшее огромный вклад в общемировое развитие. В основе самосознания российского общества лежат сформировавшиеся и развивавшиеся на протяжении всей истории России традиционные духовно-нравственные и культурно-исторические ценности, сохранение и защита которых являются обязательным условием гармоничного развития страны и ее многонационального состава, являющихся неотъемлемой составляющей суверенитета Российской Федерации» [4].

Таким образом, можно отметить, что в Российской Федерации выработан действенный правовой механизм для сохранения и защиты исторической памяти, исторической правды от их фальсификации как внутренними, так и внешними деструктивными силами. Однако, в силу стремительно развивающегося блокового противостояния со стороны государств, руководство которых является приверженцами неолиберальных идеологических установок, самобытные этнокультурные особенности, традиционные духовно-нравственные ценности, историческая правда и историческая память суверенных государств оказались под угрозой содержательной подмены. Так, под эгидой пропаганды прогрессивных демократических прав и свобод в качестве институтов гражданского общества примат приобрели деструктивные субкультуры (например, движения ЛБГТ, Black Lives Matter, сатанисты, квадроберы и др.) [5] которые нравственно-ценностно отрицают значение таких категорий как мораль, духовность, человечность, ставя в основу личностные предпочтения.

Благодаря политике «открытых» границ широкое распространение во всех странах получила массовая миграция населения из военно-политически и эконо-

мически неблагополучных точек мира, которая за счет своей масштабности, стала подменять социокультурное и мировоззренческое пространство в окружающей их прежде незнакомой среде на понимаемый ими духовно-идеологический, культурологический образ жизнедеятельности, который связан с их исторической Родиной.

Отмеченные обстоятельства способствовали тому, что за достаточно небольшой отрезок времени на глобальном уровне стали подменяться традиционные духовно-нравственные установки, ценности, искажаться исторические события и факты. Доминирующее идеологическое значение приобрели крайне радикальные установки, отрицающие важность и культурологическое значение местных этнокультурных особенностей, религиозных воззрений. Это стало подменять внутреннюю среду обитания человеческих групп, сообществ в странах мира, влекущую к нравственно-ценностному перерождению политики неокOLONиализма, неоимпериализма, неонацизма, в основе которых культивирование безнравственности, отрицание исторических идеалов, разрушение уклада семьи, общества и основ государственности. Не исключением в этом вопросе стала и Российская Федерация, которая также оказалась подверженной культурно-идеологической экспансии со стороны деструктивных социальных групп, сообществ, государств.

Поэтому, осознав перспективу подмены традиционных духовно-нравственных ценностей, исторической памяти, руководство страны контурно обозначило те иностранные государства, действия которых направлены на деформацию исторической правды, фальсификации мировой истории, разрушение целостности национальных государств. Примером тому, Распоряжение Правительства Российской Федерации от 5 марта 2022 г. № 430-р, которое утвердило перечень из 22 иностранных государств и территорий, совершающих в отношении Российской Федерации, российских юридических лиц и физических лиц недружественные действия [6].

Наряду с публично-правовыми образованиями в Российской Федерации также стали признавать нежелательными деятельность иностранных транснациональных корпораций и иностранных некоммерческих организаций, физических лиц, интересы которых состоят в том, чтобы нанести военно-политическое, экономическое, культурологическое поражение России. Примером тому, Федеральный закон Российской Федерации от 14 июля 2022 г. № 255-ФЗ «О контроле за деятельностью лиц, находящихся под иностранным влиянием» [7].

Характерно то, что в 2024 г., руководство Российской Федерации, стремясь оказать гуманитарную поддержку тем лицам, которые имеют личное неприятие проводимой политики в виде навязывания деструктивных идеологических установок со стороны руководства тех стран, где они проживают, пересмотрело

Распоряжением Правительства Российской Федерации от 17 сентября 2024 г. № 2560-р список недружественных стран от 2022 г. путем его расширения. На сегодняшний день этот перечень иностранных государств и территорий, реализующих политику, навязывающую деструктивные неолиберальные идеологические установки, противоречащие традиционным российским духовно-нравственным ценностям, представлен 47 странами мира [8]. Отныне иностранные граждане этих государств теперь могут получить разрешение на временное проживание на территории Российской Федерации вне квоты и без подтверждения владения русским языком, знаниями истории России и основ законодательства, согласно Указу Президента Российской Федерации от 19 августа 2024 г. № 702 «Об оказании гуманитарной поддержки лицам, разделяющим традиционные российские духовно-нравственные ценности» [9].

Можно предположить, что подобным решением руководство Российского государства протянуло «руку помощи» тем лицам, которые осознают, что неолиберальные идеологические установки ведут к разрушению исторически сложившихся традиционных устоев семьи, общества. Поэтому им предоставлено временное покровительство официальных российских властей от идеологического деструктива, исходящего от руководства иностранных государств, гражданами которых они являются.

Однако, отмеченных действий лишь только со стороны органов государственной власти в противодействии фальсификации исторической памяти, исторической правды, искажению традиционных духовно-нравственных ценностей, недостаточно. Немаловажную роль в сохранении и защите традиционных российских духовно-нравственных ценностей, исторической правды выполняют также институты гражданского общества и сами граждане страны.

Поэтому для развития институтов гражданского общества созданы условия, которые способствовали формированию профессиональных гражданских сообществ и инициатив, деятельность которых сопряжена в рассматриваемой сфере публично-правовых отношений. Примером тому, учрежденная 23 мая 2022 г. Общероссийская общественная организация «Ассоциация историков права» [10]; Союз граждан и организаций, выступающих в защиту семьи, отцовства, материнства и детства «Родительская палата», созданная 29 сентября 2021 г. при поддержке Патриаршей комиссии по вопросам защиты материнства, семьи и детства [11].

Так, главной целью деятельности Общероссийской общественной организации «Ассоциация историков права» является координация усилий специалистов в области истории права и государства и представителей других отраслей юридической науки, которая направлена на обобщение опыта, организацию научных мероприятий и координацию научных исследований, содействие

развитию творческой профессиональной деятельности, осуществление правового и патриотического воспитания молодежи. На январь 2024 г. Ассоциация историков права включает десять региональных отделений (Иркутское, Кабардино-Балкарское, Краснодарское, Курганское, Курское, Нижегородское, Пензенское, Ставропольское, Тамбовское, Тюменское).

Тем самым, фактически Ассоциация историков права на добровольном, профессиональном уровне безвозмездно осуществляет деятельность по распространению в обществе достоверных и научно-обоснованных историко-правовых знаний по формированию научного понимания прошлого и настоящего в сфере истории отечественного государства и права и зарубежных государств. Предпринимает меры по противодействию попыткам фальсификации истории, развивает знания об общероссийской гражданской идентичности и коллективной исторической памяти.

Однако в вопросах противодействия фальсификации памяти и прошлого, привития систем ценностей и любви к Родине немаловажным моментом является также то, что каждый гражданин страны должен не только ментально себя воспринимать частью сложившегося этноса, нации, народа, но и обладать индивидуальным осмысленным правосознанием, которое опосредованно знаниями о самобытном укладе общества, государства, в котором он проживает. Соответственно, базисные знания об истории становления и развития общества, государства, формируют у личности представления об истории этого общества, этого государства, его места, предназначения.

В этой связи можно сказать, что знания о принадлежности личности к истории общества и государства являются важнейшим фактором в развитии и межпоколенческой преемственности, в том числе коллективной памяти, которая, в свою очередь, является основой для социальной идентичности, устойчивости общества, суверенности государства. Фактически исторические знания закладывают нравственно-ценностные ориентиры личности как в текущей жизни, так и в будущем, способствуют мировоззренческому росту потенциала гражданской идентичности.

Соответственно, историко-правовое просвещение занимает ключевое место в формировании личности, ее гражданской зрелости. Тем более важно историческое просвещение в условиях роста международной напряженности и кризиса национальной государственной идентичности в начале XXI в., в основе которого лежат целеполагания в виде уничтожения исторической памяти, фальсификации исторической правды. Это означает, что отсутствие либо незначительная воспитательная, образовательная роль историко-правового просвещения для личности будет способствовать разрыву исторически сложившегося национального единства, гражданского мира и согласия, уничтожению истории и самобытной культуры каждого из народов многонациональной страны, разрыву незримой духовно-нравственной связи лич-

ности с обществом и национальным государством. Чего, собственно, и добиваются недружественные иностранные государства и территорий в отношении населения Российской Федерации.

Поэтому важно, чтобы государство стимулировало гражданские инициативы, создавало условия для создания продуктов (в том числе цифровых), содействующих повышению историко-правовой грамотности населения Российской Федерации. Это позволит противодействовать бесконтрольному распространению информации, идеологических установок, создающих искаженное представление о произошедших событиях в отечественной и мировой истории, а также о месте и роли России в мире. Создаст осмысленные предпосылки по усилению сплоченности российского общества, сохранению и межпоколенческой преемственности традиционных российских духовно-нравственных и культурно-исторических ценностей, повысит способность российского общества противостоять деструктивному неолиберальному идеологическому воздействию на него. Усилит рост гражданских инициатив по вовлеченности граждан Российской Федерации в решение наиболее актуальных задач местного и государственного значения.

В противном случае бесконтрольная трансформация современных общественных правоотношений, которая происходит под воздействием глобализации и цифровизации на всех уровнях деятельности национальных органов государственной власти и институтов гражданского общества, окажет негативное влияние на самобытную историческую память, историческую правду. Причиной тому, объемный и не всегда объективный поток информации, поступающий из глобальных интернет-контентов, которые усложняют процесс восприятия информации личностью, объективизации исторической картины прошлого, сопоставление его и моделирование с будущими общественно-политическими процессами.

Таким образом, историческая память, исторический опыт являются традиционной российской духовно-нравственной ценностью в силу того, что они межпоколенчески передаются, являются платформой для общероссийской гражданской идентичности и единого культурно-исторического пространства страны, которые укрепляют гражданский мир и согласие среди многонационального состава.

Историко-правовые знания как ценность позволяют народу России с учетом опыта общественно-политического устройства страны, прошедших событий в исторических реалиях прошлого, своевременно и эффективно реагировать на вызовы и угрозы. Сплачивают духовный потенциал народа по сохранению и укреплению традиционных ценностей в условиях глобального цивилизационного и ценностного кризиса, влекущего к утрате человечеством традиционных духовно-нравственных ориентиров и моральных принципов, которые переживает современный мир. Поэтому обладание историко-

правовыми знаниями посредством их овладения через пропаганду, воспитание, образование, позволит приобщить каждого гражданина страны к культурной жизни. Создаст условия для того, чтобы стремиться выстраивать свою жизнь в свете традиционных духовно-нравственных ценностей и установок, проявлять заботу о сохранении исторического и культурного наследия, этнического самосознания, которые основаны на национальной принадлежности многонационального состава страны.

При этом передача исторических знаний, историческое просвещение должны осуществляться в эффективной форме, технологиях, которые присущи этнокультурным особенностям, времени их породивших в виде сюжетов и образов их воплощающих, что позволит сохранить уникальные архаичные самобытные традиции, ценности народов, проживающих на территории современной Российской Федерации. Будет способствовать популяризации этнокультурного и исторического наследия.

Список источников

1. Конституция Российской Федерации. Законы о флаге, гербе и гимне Российской Федерации. 6-е изд., испр. М. : ВАКО, 2023.
2. Указ Президента Российской Федерации от 9 ноября 2022 г. № 809 «Об утверждении Основ государственной политики по сохранению и укреплению традиционных российских духовно-нравственных ценностей» // URL: <http://www.kremlin.ru/acts/bank/48502/>
3. Федеральный закон Российской Федерации от 20 октября 2022 г. № 402-ФЗ «О нематериальном этнокультурном достоянии Российской Федерации» // URL: <http://www.kremlin.ru/acts/bank/48445/>
4. Указ Президента Российской Федерации от 8 мая 2024 г. № 314 «Об утверждении Основ государственной политики Российской Федерации в области исторического просвещения» // URL: <http://www.kremlin.ru/acts/bank/50534/>
5. Верховный суд признал движение ЛГБТ экстремистским // URL: <https://rg.ru/2023/11/30/izmenili-okras.html?ysclid=m5klylo7hr669110104/>
6. Распоряжение Правительства Российской Федерации от 5 марта 2022 г. № 430-п // URL: <http://static.government.ru/media/files/wj1HD7RqdPSxAmDlaisqG2zugWdz8Vc1.pdf/>
7. Федеральный закон Российской Федерации от 14 июля 2022 г. № 255-ФЗ «О контроле за деятельностью лиц, находящихся под иностранным влиянием» // URL: <http://www.kremlin.ru/acts/bank/48170/>
8. Распоряжение Правительства Российской Федерации от 17 сентября 2024 г. № 2560-р «Об утверждении перечня иностранных государств и территорий, реализующих политику, навязывающую деструктивные неолиберальные идеологические установки, противо-

речащие традиционным российским духовно-нравственным ценностям» // URL: <https://www.garant.ru/products/ipo/prime/doc/410316959/?ysclid=m5jdgvedgz299996175/>

9. Указ Президента Российской Федерации от 19 августа 2024 г. № 702 «Об оказании гуманитарной поддержки лицам, разделяющим традиционные российские духовно-нравственные ценности» // URL: <http://www.kremlin.ru/acts/bank/51035/>

10. URL: <https://lawhistory.ru/o-nas/>

11. URL: <https://rpros.ru/?ysclid=m5jeree780193865586/>

References

1. Constitution of the Russian Federation. Laws on the flag, coat of arms, and Anthem of the Russian Federation. 6th ed., corr. M. : VAKO, 2023.
2. Decree of the President of the Russian Federation dated November 9, 2022 № 809 «On Approval of the Foundations of State Policy for the preservation and strengthening of traditional Russian spiritual and moral values» // URL: <http://www.kremlin.ru/acts/bank/48502/>
3. Federal Law of the Russian Federation № 402-FZ dated October 20, 2022 «On the intangible ethnocultural heritage of the Russian Federation» // URL: <http://www.kremlin.ru/acts/bank/48445/>
4. Decree of the President of the Russian Federation dated May 8, 2024 № 314 «On Approval of the Fundamentals of the State Policy of the Russian Federation in the field of historical education» // URL: <http://www.kremlin.ru/acts/bank/50534/>
5. Supreme Court recognized the LGBT movement as extremist // URL: <https://rg.ru/2023/11/30/izmenili-okras.html?ysclid=m5klylo7hr669110104/>
6. Decree of the Government of the Russian Federation dated March 5, 2022 № 430-r // URL: <http://static.government.ru/media/files/wj1HD7RqdPSxAmDlaisqG2zugWdz8Vc1.pdf/>
7. Federal Law of the Russian Federation № 255-FZ dated July 14, 2022 «On Control over the Activities of Persons under Foreign Influence» // URL: <http://www.kremlin.ru/acts/bank/48170/>
8. Decree of the Government of the Russian Federation dated September 17, 2024 № 2560-r «On Approval of the List of Foreign States and Territories Implementing Policies that Impose destructive neoliberal Ideological attitudes that contradict traditional Russian spiritual and moral values» // URL: <https://www.garant.ru/products/ipo/prime/doc/410316959/?ysclid=m5jdgvedgz299996175/>
9. Decree of the President of the Russian Federation of August 19, 2024 № 702 «On the provision of humanitarian support to persons who share traditional Russian spiritual and moral values» // URL: <http://www.kremlin.ru/acts/bank/51035/>
10. URL: <https://lawhistory.ru/o-nas/>
11. URL: <https://rpros.ru/?ysclid=m5jeree780193865586/>

Информация об авторах

Р. М. Ахмедов – заведующий кафедрой государственно-правовых дисциплин и цифрового права Московского финансово-промышленного университета «Синергия», доктор юридических наук, доцент;

Д. Р. Ахмедов – аспирант юридического факультета Московского финансово-промышленного университета «Синергия».

Information about the authors

R. M. Akhmedov – Head of the Department of Public Law and Digital Law of the Moscow Financial and Industrial University «Synergy», Doctor of Legal Sciences, Associate Professor;

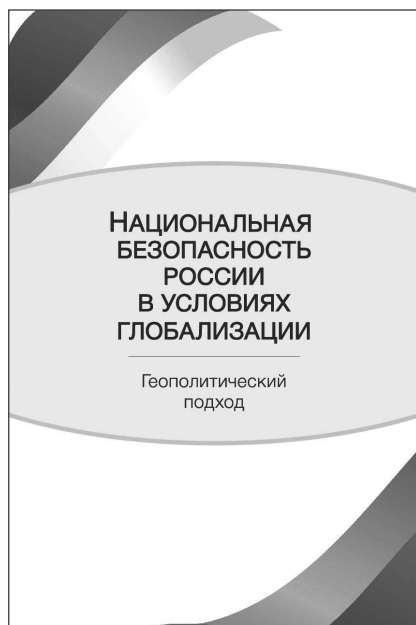
D. R. Akhmedov – Postgraduate Student of the Law Faculty of the Moscow Financial and Industrial University «Synergy».

Вклад авторов: все авторы сделали эквивалентный вклад в подготовку публикации. Авторы заявляют об отсутствии конфликта интересов.

Contribution of the authors: the authors contributed equally to this article. The authors declare no conflicts of interests.

Статья поступила в редакцию 27.02.2025; одобрена после рецензирования 24.03.2025; принята к публикации 11.04.2025.

The article was submitted 27.02.2025; approved after reviewing 24.03.2025; accepted for publication 11.04.2025.

Национальная безопасность России в условиях глобализации. Геополитический подход. Монография. Под ред. А. П. Кочеткова, А. В. Опалева. 231 с. Гриф УМЦ «Профессиональный учебник». Гриф НИИ образования и науки.

Показаны концептуальные подходы к противодействию угрозам национальной безопасности России в условиях глобализации, раскрыты современные геополитические технологии обеспечения национальной безопасности России, изложены организационные основы противодействия угрозам ее безопасности.

Дан анализ политики обеспечения национальной безопасности России в условиях глобализации. Раскрыты основные направления реализации современной политики национальной безопасности России, даны предложения по оптимизации и координации деятельности органов государственной власти, бизнеса и гражданского общества в обеспечении национальной безопасности.

Книга адресована как научным работникам, сферой научных интересов которых являются проблемы глобалистики, геополитики и безопасности, так и специалистам, принимающим участие в разработке стратегических документов и реализации стратегических установок в сфере национальной безопасности.

Научная статья

УДК 347.1

<https://doi.org/10.24412/2414-3995-2025-2-30-34>

EDN: <https://elibrary.ru/vyoijo>

ИПОН: 2015-0066-2/25-207

MOSURED: 77/27-011-2025-02-406

Теоретико-правовое содержание понятия юридической ответственности в системе государственно-служебных отношений

Максим Александрович Вашаев

Рязанский филиал Московского университета МВД России имени В.Я. Кикотя, Рязань, Россия,
vashaev_m@rfmumvd.ru

Аннотация. Освещается научная дискуссия относительно определения юридической ответственности. Обращается внимание на различные подходы к данному понятию, а также на имеющиеся в теории права терминологические разночтения одних и тех же юридических явлений. Высказываются авторские соображения о сущности, роли, месте юридической ответственности в системе государственно-служебных отношений. Кроме того, подчеркивается, что юридическая ответственность имеет не только теоретический характер, но и несет большое практическое значение в прохождении государственной службы в органах внутренних дел.

Ключевые слова: юридическая ответственность, позитивная юридическая ответственность, негативная юридическая ответственность, прохождение государственной службы

Для цитирования: Вашаев М. А. Теоретико-правовое содержание понятия юридической ответственности в системе государственно-служебных отношений // Вестник экономической безопасности. 2025. № 2. С. 30–34. <https://doi.org/10.24412/2414-3995-2025-2-30-34>. EDN: VYOIJO.

Original article

Theoretical and legal content of the concept of legal responsibility in the system of public service relations

Maxim A. Vashaev

Ryazan Branch of the Moscow University of the Ministry of Internal Affairs of Russia named after V.Ya. Kikot',
Ryazan, Russia, vashaev_m@rfmumvd.ru

Abstract. The scientific debate regarding the definition of legal liability is highlighted. The attention is drawn to the different approaches to this concept, as well as to the terminological discrepancies existing in the theory of law in relation to the same phenomena. The author's thoughts are expressed about the essence, role, and place of legal responsibility in the system of public service relations. In addition, it is emphasized that legal responsibility is not only theoretical in nature, but also has great practical significance in public service in internal affairs bodies.

Keywords: legal responsibility, positive legal responsibility, negative legal responsibility, public service

For citation: Vashaev M. A. Theoretical and legal content of the concept of legal responsibility in the system of public service relations. Bulletin of economic security. 2025;(2):30–4. (In Russ.). <https://doi.org/10.24412/2414-3995-2025-2-30-34>. EDN: VYOIJO.

Юридическая ответственность выступает правовым феноменом, который отражает эффективность правового регулирования. А потому такое явление, как юридическая ответственность, всегда было объектом внимания многих исследователей, оно обладает большой практической и теоретической значимостью.

Необходимо отметить, что юридическая ответственность в свою очередь выступает составной частью

социальной ответственности и характеризует правовую сторону действия (бездействия) гражданина, государства, государственного органа, государственного служащего, организации, а также их отношение к правовому предписанию. Вообще сам термин «ответственность» достаточно распространен в бытовой жизни, в праве, в политики. Зачастую он используется для характеристики моральных, политических, юридических аспектов

© Вашаев М. А., 2025

поведения человека. Это обусловлено тем, что юридическая ответственность непосредственно взаимосвязана с правилами поведения субъекта.

Рассматриваемый термин «ответственность» имеет свое содержание и значение. Чаще всего ответственность имеет связь с определенными правовыми последствиями, которые наступают в отношении конкретного субъекта в том случае, если он не выполняет, либо нарушает правовые предписания, нормы. В бытовом сознании людей слово «ответственность» ассоциируется с такими понятиями, как нарушение, правонарушение, санкции, меры принуждения и т. д.

Необходимо особо отметить, что до настоящего времени юридическая литература не содержит единого подхода к раскрытию сущности термина «ответственность», пониманию его природы и занимаемому месту в системе правового регулирования. В качестве основной научной категории юридическая ответственность выступает в теории права.

Рассмотрим основные подходы к пониманию термина «юридическая ответственность». Сторонники первого подхода – О. С. Иоффе, М. Д. Шаргородский, Л. С. Явич – связывают юридическую ответственность с противоправным поведением, которое впоследствии влечет за собой применение мер государственного принуждения и определенного характера наказания [1, с. 26].

Такого рода ответственность носит негативный характер и основывается на формальном и фактическом условиях. Формальное основание – правовое предписание (иначе говоря норма права), которое устанавливает юридическую ответственность. Фактическим условием наступления юридической ответственности выступает непосредственно факт совершения правонарушения. Именно с этого момента возникают правоотношения между виновным лицом и государством, права и обязанности указанных субъектов выступают содержанием возникшего правоотношения. Это обусловлено тем, что реализация юридической ответственности возможна лишь в рамках правоотношения.

Таким образом, негативная юридическая ответственность представляет собой обязанность нарушителя нормы права (правового предписания) претерпевать определенные последствия неблагоприятного характера, которые определены санкцией нарушенной нормы права, реализуется в рамках охранительного правоотношения.

Р. И. Косолапов, В. С. Марков, Н. И. Матузов, П. Е. Недбайло, Н. А. Слободчиков являются представителями второго подхода, рассматриваемый термин и его сущность описывают масштабнее. Поименованные теоретики определяют ответственность как основу осознанного поведения субъекта, которое направлено исключительно на нарушение правового предписания. Например, С. С. Алексеев считает необходимым выделять позитивную юридическую ответственность, которая предполагает неукоснительное, четкое соблюдение

правового предписания, всех прав и обязанностей, возложенных ею на субъекта в рамках правового регулирования [2, с. 371].

Также выделяют позитивную юридическую ответственность, которая непосредственно связана с государством, правовыми нормами, юридическими обязанностями, правомерным (должным) поведением со стороны субъектов общественных отношений. Правовая норма закрепляет права и обязанности субъекта, требование к нему следовать и соблюдать установленные правила, оценивать неблагоприятное поведение в форме суждения, применения различных мер принуждения, а также путем одобрения должного поведения и применения поощрительных мер.

Отметим, что юридическая ответственность рассматривается как правовая ответственность. Тем не менее правовое регулирование ответственности будет отвечать целям, которые перед ней стоят, только в случае, если она будет основываться на общем понимании юридической ответственности как правовой категории и учитывать особенности отраслевой принадлежности ответственности. В противном случае произвольный перенос мер ответственности, сложившихся в одной отрасли права, в другую отрасль права может привести к нарушениям рассматриваемого института.

Несмотря на длительные и жаркие дискуссии на тему выработки единого подхода к пониманию сущности юридической ответственности, единого термина в юридической литературе так и не возникло и не существует по настоящий день.

Проанализировав различные точки зрения теоретиков, считаем целесообразным назвать основные признаки юридической ответственности:

- нормативность, четкость, детализированность, наличие определенного основания для возникновения (ранее мы указывали на формальное основание – правовую норму и фактическое основание – совершение правонарушения);

- обеспечение со стороны государства мерами принуждения (представляет собой некую обязанность нарушителя нести неблагоприятные последствия вследствие нарушения правового предписания, реализация состоит в охранительных правоотношениях).

Перечисленные признаки юридической ответственности призваны для того, чтобы ограничить такую ответственность от иных неправового характера категорий. В частности, обычный досмотр личных вещей, проверка удостоверений личности, направлены исключительно на обеспечение общественной безопасности и ни коим образом не связаны с совершением правонарушения.

Правомерные общественные отношения регулируются нормами права, которые устанавливают определенные правила поведения, адресованы неограниченным лицам, стимулируя адресатов к должному поведению, общественно полезному. Следовательно, установлены определенные требования, необходимые для правомер-

ного поведения и позволяющие выявить неправомерное поведение.

Итак, правомерное поведение предполагает поведение субъекта общественных отношений, которое отвечает установленным требованиям и правилам, соблюдение которых предписано со стороны государства при условии, что такое поведение не причиняет какого-либо вреда обществу, другим гражданам, их интересам, благам. Правомерность поведения предполагает осознанность действий субъекта, когда человек стремится действовать таким образом, как того предписывают правовые нормы, правила.

Не претендуя на подведение итогов дискуссии о соотношении позитивной (перспективной) и негативной юридической ответственности, отметим, что однозначно отвергать наличие позитивной ответственности, на наш взгляд, не имеет смысла ввиду того, что сотрудники органов внутренних дел участвуют в государственно служебных отношениях, в которых поощрение следует признать необходимым фактором повышения ответственности государственных служащих, а исполнение обязанностей и соблюдение запретов имеет юридическую природу.

Примечательно, что в нормах Федерального закона от 30 ноября 2011 г. № 342-ФЗ «О службе в органах внутренних дел Российской Федерации и внесении изменений в отдельные законодательные акты Российской Федерации» (далее – закон «О службе в ОВД») [3] содержится позитивный аспект юридической ответственности, связанный с добросовестным выполнением задач. Так, согласно ч. 2 ст. 49 указанного выше закона в целях укрепления служебной дисциплины и законности к сотрудникам органов внутренних дел могут применяться меры поощрения.

По нашему мнению, стоит поддержать мнение Р. В. Нагорных, который связывает позитивную ответственность прежде всего с государственными служащими, на которых возлагается выполнение государственных функций, «от того насколько ответственны государственные служащие за порученное им дело, зависит эффективность деятельности государственного аппарата, а также доверие общества к государственным институтам. Самое непосредственное влияние позитивная ответственность оказывает и на снижение уровня злоупотреблений на государственной службе» [4, с. 258].

В противовес правомерному поведению существует антипод законопослушного поведения, то есть неправомерное, незаконное или противозаконное, то есть лицо (субъект правоотношения) действует вопреки установленным правилам. Наиболее типичным проявлением неправомерного поведения является правонарушение.

Не вызывает сомнений, что неправомерное поведение в качестве последствий обуславливает негативный результат, например, нарушение прав и интересов третьих лиц, государства и т. д. Причинение вреда следует рассматривать так же, как и основание ответственности, с точки зрения юридического и фактического аспекта.

В частности, юридическая основа состоит в нарушении субъективных прав участника правоотношения либо создание условий, при наличии которых субъекты не могут воспользоваться в полном объеме своими правами или выполнить возложенные на них обязанности. Фактическая основа правонарушения состоит в причинении вреда конкретному субъекту правоотношения (гражданину, государству, объединению и пр.), вред может быть как моральный, так и материальный.

В правовой теории в качестве основания применения юридической ответственности называют совершение правонарушения. Именно правонарушение выступает фактическим основанием для правоприменительной деятельности. Именно правонарушение является основанием для возникновения правоотношения между нарушителем и потерпевшим, при этом нарушитель обязан будет загладить причиненный своими действиями или бездействием вред.

Общим основанием для применения института юридической ответственности является нарушение субъективных имущественных или личных неимущественных прав, что предполагает ответственность одного участника правоотношения перед другим. Цель применения юридической ответственности заключается в восстановлении нарушенных прав субъекта правоотношения и возмещения ему причиненного ущерба (вреда).

Итак, основание для применения мер ответственности – правонарушение. Определение его состава принципиально важно для вопроса о привлечении правонарушителя к юридической ответственности. Состав правонарушения предполагает наличие объекта, субъекта, объективной и субъективной сторон. Раскрытие указанных элементов достигается путем анализа собственных специфических признаков, характерных черт.

В качестве объекта правонарушения выступают урегулированные правовыми предписаниями общественные отношения, которым в результате правонарушения причиняется конкретный ущерб.

Объективная сторона правонарушения представлена деянием, последствием в результате его совершения и причинной связью между деянием и его последствиями.

В качестве субъекта правонарушения выступает физическое лицо или организация, наделенные правоспособностью нести юридическую ответственность и отвечать за последствия совершенных ими действий (бездействий). Способность и возможность несения ответственности за последствия именуется деликтоспособностью.

Субъективная сторона характеризует психическое состояние причинителя вреда в момент совершения противоправного деяния (т. е. правонарушителя). Здесь речь идет о мотивах, целях, установках, которые присутствуют в голове у правонарушителя на момент созревания замысла и реализации его преступных намерений. Содержание субъективной стороны выражается в форме вины – умысел или неосторожность – субъекта право-

нарушения, наличие которой обязательно для установления полного состава правонарушения и привлечения виновного лица к установленной ответственности.

Как мы отметили, вина – необходимый и важнейший элемент правонарушения. С. С. Алексеев считает, что вину как элемент субъективной стороны следует рассматривать отдельно, когда решается вопрос об освобождении от ответственности, при условии совершения правонарушения без вины [5, с. 51].

По мнению ряда ученых-административистов, основанием применения юридической ответственности выступает правонарушение – т. е. нарушение субъективных гражданских прав, а цель применения мер ответственности – восстановить нарушенное право опираясь на принцип соответствия размера ответственности фактическим последствиями правонарушения (т. е. размеру причиненного вследствие совершения деяния вреда) [6, с. 3–12].

Характеристика юридической ответственности как ответственности, обусловленной принуждением, дана С. Н. Братусь, который описывает ее как неисполнение виновным лицом возложенных на него обязанностей на добровольной основе. Основываясь на таком подходе к пониманию сущности юридической ответственности, он оспаривал связь юридической ответственности с применением дополнительных обязанностей на причинителя вреда [7, с. 6].

В качестве основания возникновения юридической ответственности Д. Н. Бахрах называет непосредственно факт причинения вреда, а не наличие состава правонарушения (объекта, объективной стороны, субъекта и субъективной стороны). Кроме того, автор указывает на необходимость признания наличия противоправности причинной связи между деянием и последствиями и вины [8, с. 303]. Противоправность рассматривается как нарушение норм объективного права, т. е. законодательства.

Вред рассматривается с точки зрения умаления, уничтожения субъективного права или иного блага. Факт нарушение имущественных прав следует расценивать с материальной стороны. Необходимо отметить, что право может выражаться помимо имущественной формы в неимущественной форме, то есть не подлежит денежной оценке. Тогда возникает вопрос о возможности компенсировать причиненный моральный вред.

Важно отметить, что в гражданском праве убытки подлежат возмещению и заключаются в возмещении реального вреда и/или упущенной выгоды (ст. 15 ГК РФ). Реальный ущерб предполагает несение фактических расходов потерпевшего, направленных на восстановление нарушенного права. К убыткам относятся представительские расходы (расходы на оказание квалифицированной юридической помощи) [9].

В настоящее время наиболее распространенной версией относительно возникновения ответственности является совершение правонарушения. При этом не-

посредственно правонарушение выступает в качестве некой абстракции, так как в объективной действительности самого правонарушения может не существовать, а всего лишь возможно нарушение сроков по договору (сроков выполнения работ и оказания услуг, нарушение сроков оплаты, причинение вреда имущественным интересам контрагента и пр.). В этом случае необходимо установить совокупность признаков правонарушения, то есть определить его состав.

На основании изложенного отметим, что в любом случае правонарушение – это антипод правомерного поведения с точки зрения юридического или социального подхода. Правонарушение означает произвол со стороны некоторых субъектов правоотношений, которые своими виновными противоправными действиями причиняют ущерб существующим общественным правоотношениям, нарушают законные права и интересы граждан, государства в целом. Сущность правонарушения зачастую обусловлена уровнем правосознания личности виновного лица, недостаточной правовой культурой общества, стремлением одного лица к самовыражению за счет умаления интересов других граждан, стремлением собственные интересы поставить превыше остальных, демонстрацией пренебрежительного отношения к моральным и правовым устоям.

В этой связи важно отметить значимость ретропрепрективной ответственности применительно к ее действию в системе государственно-служебных отношений, поскольку сотрудник органов внутренних дел может выступать субъектом в данных правоотношениях. При этом государство преследует основную цель, связанную с неотвратимостью наказания за отклонение от установленных норм, правил и параметров прохождения государственной службы, а также предотвращением противоправных проступков, соблюдением дисциплины и законности в служебной деятельности в дальнейшем.

Подводя итог вышеизложенному, отметим, что ответственность призвана охватить различные аспекты деятельности субъектов правоотношений – положительные (правомерные, обязательные, необходимые) и отрицательные (нарушающие определенные правила, виновные, противоправные). Как целостное явление юридическую ответственность следует рассматривать как обеспечиваемое со стороны государства соответствующими мерами принуждения, убеждения, поощрения требование по соблюдению правовых предписаний, реализации правомерного поведения, а также обязанность для виновного лица претерпеть осуждение, порицание, имущественные и неимущественные ограничения.

Установление состава правонарушения выступает основанием для привлечения конкретного лица (виновного в его совершении) к установленной ответственности. Установление не всех элементов состава ответственности позволяет виновному лицу избежать привлечение к установленной ответственности.

Список источников

1. Краснов М. А. Ответственность в системе народного представительства (методологические подходы). 2-е изд. М. : Институт государства и права РАН, 2015.
2. Алексеев С. С. Проблемы теории права. Т. 1. М. : Юрид. лит., 2016.
3. Федеральный закон от 30 ноября 2011 г. № 342-ФЗ «О службе в органах внутренних дел Российской Федерации и внесении изменений в отдельные законодательные акты Российской Федерации» // Собрание законодательства Российской Федерации, 05.12.2011, № 49 (ч. 1). Ст. 7020.
4. Нагорных Р. В. Административно-правовое регулирование государственной службы Российской Федерации в правоохранительной сфере : дис. ... д-ра юрид. наук : 12.00.14. М., 2017.
5. Алексеев С. С. О составе гражданского правонарушения // Правоведение. 2014. № 1.
6. Россинский Б. В. Административная ответственность как метод государственного управления // Законы России: опыт, анализ, практика. 2019. № 11.
7. Братусь С. Н. Юридическая ответственность и законность. М. : Юрид. лит., 2014.
8. Бахрах Д. Н. Административная ответственность по Российскому законодательству / Д. Н. Бахрах, Э. Н. Ренов. М. : Норма, 2004. 303 с.
9. Определение Конституционного Суда РФ от 20 февраля 2014 г. № 22-О «По жалобе открытого акционерного общества «Большевик» на нарушение конституционных прав и свобод положениями статей 15, 16 и 1069 Гражданского кодекса Российской Федерации» // Экономика и жизнь. 2013. № 16.

References

1. Krasnov M. A. Responsibility in the system of people's representation (methodological approaches). 2nd ed. M. : Institute of State and Law of the Russian Academy of Sciences, 2015.
2. Alekseev S. S. Problems of legal theory. T. 1. M. : Legal. lit., 2016.
3. Federal Law of November 30, 2011 № 342-FZ «On service in the internal affairs bodies of the Russian Federation and amendments to certain legislative acts of the Russian Federation» // Collection of legislation of the Russian Federation, 05.12.2011, № 49 (part 1). Art. 7020.
4. Nagornykh R. V. Administrative and legal regulation of the civil service of the Russian Federation in the law enforcement field : dis. ... Doctor of Law: 12.00.14. M., 2017.
5. Alekseev S. S. On the composition of a civil offense // Jurisprudence. 2014. № 1.
6. Rossinsky B. V. Administrative responsibility as a method of public administration // Laws of Russia: experience, analysis, practice. 2019. № 11.
7. Bratus S. N. Legal responsibility and legality. M. : Legal. lit., 2014.
8. Bakhrakh D. N. Administrative responsibility under Russian legislation / D. N. Bakhrakh, E. N. Renov. M. : Norma, 2004.
9. Determination of the Constitutional Court of the Russian Federation dated February 20, 2014 № 22-O «On the complaint of the open joint-stock company «Bolshevik» about the violation of constitutional rights and freedoms by the provisions of Articles 15, 16 and 1069 of the Civil Code of the Russian Federation» // Economics and Life. 2013. № 16.

Информация об авторе

М. А. Вашаев – заместитель начальника кафедры административного права и административной деятельности Рязанского филиала Московского университета МВД России имени В.Я. Кикотя, кандидат юридических наук.

Information about the author

M. A. Vashaev – Deputy Head of the Department of Administrative Law and Administrative Activities of the Ryazan Branch of the Moscow University of the Ministry of Internal Affairs of Russia named after V.Ya. Kikot', Candidate of Legal Sciences.

Статья поступила в редакцию 24.07.2024; одобрена после рецензирования 19.03.2025; принята к публикации 31.03.2025.

The article was submitted 24.07.2024; approved after reviewing 19.03.2025; accepted for publication 31.03.2025.

Научная статья

УДК 340

<https://doi.org/10.24412/2414-3995-2025-2-35-40>

EDN: <https://elibrary.ru/xjecpp>

NIION: 2015-0066-2/25-208

MOSURED: 77/27-011-2025-02-407

Нормы-оговорки и технические нормы в российском праве: аспекты соотношения

Юлия Андреевна Герасименко

Южно-Российский институт управления – филиал РАНХиГС, Ростов-на-Дону, Россия,

Julia.tsikolenko@mail.ru

Аннотация. Автором предпринимается попытка доктринального осмысления и толкования использования в рамках нормотворчества специальных средств для конкретизации, детализации правового воздействия. На основе анализа положений нормативных правовых актов, интерпретационных позиций, в том числе судебных органов, научной и справочной литературы, делается вывод, что одним из наиболее распространенных подходов законодателя является использование норм-оговорок и технических норм. Аргументируются элементы единства названных правовых предписаний, а также существующие различия. Констатируется необходимость обеспечения единства правового воздействия на общественные отношения за счет монолитного замысла, исходящего от основного правового предписания, детализируемого нормами-оговорками и техническими правилами.

Ключевые слова: норма права, норма-оговорка, техническая норма, юридическая техника, конкретизация права

Для цитирования: Герасименко Ю. А. Нормы-оговорки и технические нормы в российском праве: аспекты соотношения // Вестник экономической безопасности. 2025. № 2. С. 35–40. <https://doi.org/10.24412/2414-3995-2025-2-35-40>. EDN: XJECPP.

Original article

Norms-reservations and technical norms in Russian law: aspects of the relationship

Julia A. Gerasimenko

South Russian Institute of Management – Branch of RANEP, Rostov-on-Don, Russia,

Julia.tsikolenko@mail.ru

Abstract. The author attempts a doctrinal understanding and interpretation of the use of special means within the framework of rulemaking to specify and detail the legal impact. Based on the analysis of the provisions of normative legal acts, interpretative positions, including judicial authorities, scientific and reference literature, it is concluded that one of the most common approaches of the legislator is the use of reservation norms and technical norms. The elements of unity of the named legal regulations, as well as the existing differences, are argued. It is stated that it is necessary to ensure the unity of the legal impact on public relations due to a monolithic plan emanating from the basic legal regulation, detailed by the norms-reservations and technical rules.

Keywords: rule of law, reservation rule, technical norm, legal technique, concretization of law

For citation: Gerasimenko Ju. A. Norms-reservations and technical norms in Russian law: aspects of the relationship. Bulletin of economic security. 2025;(2):35–40. (In Russ.). <https://doi.org/10.24412/2414-3995-2025-2-35-40>. EDN: XJECPP.

Проблема исследования.

Современное отечественное законодательство, в силу постоянно трансформирующихся и усложняющихся общественных отношений, характеризуется разнообразными указанным процессам тенденциями по специализации. Формально-юридическими показателями данной закономерности является использование в рам-

ках нормотворческого процесса специальной технико-юридической методологии, включая нетипичные правовые нормы, распространяющиеся на более конкретные, можно сказать видовые общественные отношения. К их числу, ученым сообществом, традиционно относятся нормы-исключения, нормы-оговорки, а также технические нормы [1, с. 33–34; 2, с. 43; 3, с. 185–187].

© Герасименко Ю. А., 2025

Две последние разновидности предписаний, несмотря на частое использование в качестве средства юридической техники и приема детализации правового регулирования, не становились объектом пристального научного внимания, не считая отдельные публикации [4; с. 50]. Между тем, субъекты нормотворчества нередко прибегают к потенциалу данных специальных правовых норм парно, что в определенной мере еще в большей степени актуализирует их доктринальное осмысление ввиду сложностей интерпретации и последующей реализации. Приведем пример.

Так, юридино-лингвистическая лексема «а равно» обеспечивает уточнение, изложенного нормой-оговоркой в примечании к ст. 139 Уголовного кодекса Российской Федерации (далее – УК РФ) понятия «жилище». Благодаря этому, законодатель, с одной стороны, избежал излишней конкретизации признаков жилища, перечислив лишь некоторые из них («индивидуальный жилой дом с входящими в него жилыми и нежилыми помещениями, жилое помещение независимо от формы собственности, входящее в жилищный фонд и пригодное для постоянного или временного проживания» [5]). С другой стороны, субъект нормотворчества заложил основание для максимально широкой дискреции субъектов правоприменения.

Однако такое специальное правовое предписание, как норма-оговорка «а равно иное помещение или строение, не входящие в жилищный фонд, но предназначенные для временного проживания» толкуется крайне неоднозначно в силу того, что:

во-первых, в разъяснениях Пленума Верховного Суда РФ признак включения в жилищный фонд является ключевым и единственно неоспоримым для помещения в целях последующего распространения на него охранительных норм уголовного закона [6];

во-вторых, регулирование жилищных правоотношений осуществляется и иными нормативными правовыми актами, в частности, Жилищным кодексом Российской Федерации (далее – ЖК РФ), в котором понятие «жилище» отсутствует, либо оно по логике субъекта правообразования заменено на синонимичное «жилое помещение», которое дефинировано иным образом («к жилым помещениям относятся: 1) жилой дом, часть жилого дома; 2) квартира, часть квартиры; 3) комната») [7]. На основании этого, к примеру, садовый дом не будет относиться к жилым помещениям (ввиду назначения данного строения в качестве «нежилого») [8].

Поскольку нормы ЖК РФ для данной группы правоотношений являются специальными нормами, именно они, как думается, должны иметь приоритет перед общими нормами УК РФ. Оппоненты парируют (и будут во многом правы), что в уголовном законе скомпилированы установления охранительного характера, напрямую обеспечивающие конституционные положения о высшей ценности прав человека, и в случае проникновения в садовый дом правонарушителей, положения ст. 139 УК РФ должны распространяться на данный деликт.

Следовательно, использование норм-оговорок в легальных дефинициях, кроме того изложенных в примечаниях к статьям, весьма спорный технико-юридический подход, уязвляющий содержательную сторону определения легального понятия. В идеале, норма-оговорка должна быть целостной, содержать в себе законченную мысль законодателя, и не противоречить сущностной стороне основного предписания, целям правового регулирования. Практика, как мы убедились, показывает высокий рискогенный характер норм-оговорок с излишне открытым перечнем признаков, обстоятельств и пр., направляющих правоприменителя по альтернативному пути, но не всегда соответствующему замыслу законодателя.

Одновременно с этим заметим, что пример нормы-оговорки в дефиниции «жилище» продемонстрировал закономерность: присутствие норм-оговорок в законодательстве нередко обусловлено необходимостью закрепления техники реализации основного правового предписания, фиксирования каких-либо нормативов, технических требований. Видимо в этой связи они могут образно ассоциироваться с технико-юридическими нормами [9, с. 4–5]. Однако, убеждены, что это различные по своей природе юридические предписания.

Нормы-оговорки и технические нормы: аспекты соотношения.

Как было обозначено ранее, юридическая наука до настоящего времени не сформировала законченную доктринальную концепцию специальных нормативных предписаний. Это касается и норм-оговорок, а равно и технических норм. Собственно, и наименование правовых предписаний, устанавливающих, например, правила поведения в области промышленности, производства, транспорта, определяющие технические требования и нормативы, сильно разнится (одни авторы употребляют лаконичную формулировку «технические нормы», другие более развернутую «технико-юридические нормы»).

Так, А. В. Пчелкин технико-юридические нормы воспринимает в виде «разрешенного, запрещенного или предписанного технического действия, установленного или санкционированного государством и обеспечиваемого мерами государственного убеждения, поощрения и принуждения» [10, с. 15]. По своей сути, представленная дефиниция во многом дублирует классические определения понятия «норма права», за исключением указания на объект регулирования – отношения в сфере технической деятельности. Однако в этом и есть главное отличие норм-оговорок от технико-юридических норм. Нормы-оговорки – это есть вид специального правового предписания, используемые в качестве средства и приема дополнения, детализации, уточнения генеральных правил поведения [11, с. 51] и, соответственно, может распространяться не только на техническую область отношений, но и на иные (экономика, культура, образование и многое другое). Функциональный аспект норм-оговорок весьма широк [12, с. 44].

Профессор В. Б. Исаков сетует, что юридические и технические нормы тесно переплетаются, а последние представляют собой «некие нормы и правила, которые обслуживают процессы производства» [3, с. 184]. Более объемные по форме, но аналогичные по своей сущности определения технических норм предлагают и другие авторы [13; 14]. Технические нормы, по мнению А. Ф. Шебанова, не содержат юридического содержания в виде правила поведения, а закрепляют требования к использованию «орудий труда, предметов природы, машин, а также осуществлению технологических процессов» [15, с. 120].

Следовательно, общим у норм-оговорок и технических норм видится:

- юридическая природа (потребность в воздействии на социум и регулировании общественных отношений);
- нормативность и общеобязательность (устанавливают правила поведения, распространяясь на неограниченный круг участников общественных отношений);
- обеспеченность мерами государственного контроля и принуждения (данное качественное свойство, как думается, не нуждается в конкретизации и дополнительных аргументах, поскольку характерно для любого вида и типа нормы права).

Хотя обе разновидности правовых предписаний продуцированы деятельностью государства по воздействию на общественные отношения, содержат немало продемонстрированных признаков единства, они все же отличаются друг от друга:

а) по функциональной природе. Технические нормы определяют не только правила производства, требования по использованию технических, программных средств и пр., но и ориентируют на степень научно-технического прогресса, уровень развития производственного сектора, сбережение энергоресурсов, служат информационным источником, демонстрируя один из возможных или допустимых вариантов регуляции. Такую информационную составляющую весьма ярко демонстрируют технические нормативы [16] и технические регламенты. Что касается ориентации на научно-технический прогресс, одной из целей принятия технических регламентов, к примеру, является «обеспечения энергетической эффективности и ресурсосбережения» [17];

б) по степени связи с основными (базовыми) правовыми предписаниями. Нормы-оговорки, о чем мы писали ранее, есть аксессуарный элемент правового регулирования, они предопределены базовым предписанием и развивают, дополняют, корректирует его. Технические нормы обусловлены в большей степени даже не социальными (в узком смысле этого термина) явлениями, а естественными (природными) закономерностями окружающего мира. К примеру, Технический регламент о безопасности зданий и сооружений опирается на географические, климатические особенности нашей страны, а его требования напрямую зависят от

«опасных природных процессов и явлений», к которым отнесены «землетрясения, сели, оползни, лавины, подтопление территории, ураганы, смерчи, эрозия почвы и иные подобные процессы и явления» [18]. В этой связи, технические предписания могут позиционироваться в качестве основного предписания, регулирующего узкие, видовые правоотношения;

в) по средствам и приемам нормативного закрепления в тексте правового акта. Совокупность средств, приемов закрепления норм-оговорок будет раскрыта чуть ниже в тексте работы, а здесь остановимся на технических нормах, которые имеют такую особенность, как закрепление архиспецифическим тезаурусом. В языке нормативного опосредования технических норм присутствует терминология из области промышленности [19], торговли [20], транспорта [21], медицины и фармацевтики [22] и многого другого. Каждая из названных и иных областей обладает аутентичной языковой терминологией и лексическим рядом, предполагающими знание специфики деятельности и необходимость обращения к специальной справочной литературе. Плюс к этому будет указание на использование в рамках технических норм большого количества иллюстративного, наглядного дополнения (формулы, графики и пр.);

г) по используемому методу воздействия на общественные отношения. Нормы-оговорки, как было аргументировано ранее, могут проявляться и в качестве императивной формы воздействия, равно как и диспозитивной. Технические предписания, на что справедливо обращал внимание А. Ф. Черданцев, по своему подходу всегда императивные [23, с. 12]. Это объясняется их качественными характеристиками и особенностями закрепления, точным расчетом, нетерпящим умозрительного или излишне гибкого подхода, способного нанести вред обществу, окружающей среде. Показательно в этом ключе, что Стратегия обеспечения единства измерений в Российской Федерации до 2025 г. закрепляет: «Для преодоления зависимости при выделении государственного бюджетного финансирования на создание и модернизацию эталонов должны быть установлены требования, жестко регламентирующие применение технических средств и комплектовующих иностранного производства» [24];

д) по идеолого-политической составляющей. Если нормы-оговорки, как мы полагаем, не могут быть идеологизированными и политически нейтральными (по понятным причинам, кроющимся в предопределенности норм-оговорок политическим режимом, проводимой государством правовой политикой и пр.), то технические нормы – аполитичны. К примеру, вряд ли Технический регламент о требованиях пожарной безопасности [25] возможно использовать в угоду политической конъюнктуры, как инструмент реализации политической программы и пр. С этой точки зрения, нормы-оговорки есть отражение требований целесообразности правил поведения и всего права (в объективном смысле термина) в целом. За счет вкрапления в норму-оговорку идеологи-

ческой составляющей, как думается, не следует упускать из виду и такую важную компоненту данной нормы, как обеспечение социальной справедливости.

Этот запрос общества всегда является краеугольным камнем коммуникации социума и государства. В частности, данный аспект наиболее ярко и наглядно проявляется в вопросах реализации субъектами личных имущественных прав, например, наследственных. Так, с одной стороны, гражданское законодательство исходит из устоявшегося правила об универсальности института наследования, т. е. необходимости принятия наследником наследства в полном объеме, вне зависимости от факультативных признаков (существо наследства, территориальное нахождение и пр.). Однако требования социальной справедливости ориентируют закон также и на необходимость его специализации путем дифференциации объектов наследования. Сделано это при помощи нормы-оговорки с лексемой «если из правил настоящего Кодекса не следует иное» [26, ст. 1110], ориентируя правоприменителя на ряд оснований исключения принципа универсального правопреемства, например, ввиду наследственной трансмиссии [26, ст. 1156].

Результаты.

Доктринальное осмысление эффективности использования нормотворческими субъектами норм-оговорок и технических норм показало, что их закрепление в тексте нормативного правового акта нацелено на единство содержания основного правового предписания и его уточнения, детализации, осуществляемых при помощи с одной стороны – нормы-оговорки (которая вносит необходимую конкретизацию), а с другой – технической нормы, закрепляющей соответствующую техническую составляющую процессов на производстве, в транспорте и пр.

Нормы-оговорки и технические нормы, выступая специальными правовыми предписаниями и особенными приемами юридической техники опосредования воли законодателя, обладают элементами единства, показанными в работе. Вместе с тем, синонимизация, искусственное обобщение данных правовых норм не только противоречит их сущностной составляющей, функциональному назначению, но негативным образом сказывается на практике применения.

Ключевое значение приобретает монолитность, целостность, единство нормативного установления (с учетом всех оговорок к нему, технологических нормативов). Это залог качественного правового регулирования, адекватной интерпретации и последующей эффективной правореализации. Нормы-оговорки, технические нормы, противоречащие основным нормативным установлениям, впоследствии крайне негативно отражаются на доверии к закону, подрывают его ценностные основания.

Список источников

1. Репьев, А. Г. Специальные преимущественные и исключительные правовые нормы в условиях цифро-

визации экономики и оказания онлайн-услуг обществу // Юрист-Правовед. 2020. № 1(92). С. 31–36.

2. Сенякин И. Н. Специальные нормы советского права / под ред. проф. М. И. Байтина. Саратов : Изд-во Саратов. ун-та, 1987. 97 с.

3. Исаков В. Б. Преимущество правовых норм в сфере технического регулирования // Юридическая техника. 2011. № 5. С. 184–191.

4. Репьев А. Г., Репьева А. М. Спецификация правовых норм как тенденция правотворчества (на примере уголовно-исполнительного законодательства) // Юридическая наука и практика: Вестник Нижегородской академии МВД России. 2021. № 2 (54). С. 49–55.

5. Уголовный кодекс Российской Федерации от 13 июня 1996 г. № 63-ФЗ (в ред. от 12.06.2024) // Собрание законодательства Российской Федерации. 1996. № 25. Ст. 2954; 2024. № 25. Ст. 3397.

6. Постановление Пленума Верховного Суда РФ от 30 ноября 2017 г. № 48 «О судебной практике по делам о мошенничестве, присвоении и растрате» (в ред. от 15.12.2022) // Российская газета. 2017. 11 дек.

7. Жилищный кодекс Российской Федерации от 29 декабря 2004 г. № 188-ФЗ (в ред. от 22.04.2024, с изм. от 25.04.2024), ч. 1 ст. 16 // Собрание законодательства Российской Федерации. 2005. № 1 (ч. 1). Ст. 14; 2024. № 18. Ст. 2397.

8. Федеральный закон от 29 июля 2017 г. № 217-ФЗ «О ведении гражданами садоводства и огородничества для собственных нужд и о внесении изменений в отдельные законодательные акты Российской Федерации» (в ред. от 24.07.2023), ст. 3 // Собрание законодательства Российской Федерации. 2017. № 31 (ч. I). Ст. 4766; 2023. № 31 (ч. III). Ст. 5777.

9. Шатков Г. И. Советская правовая норма : автореф. дис. ... канд. юрид. наук. М., 1962. 19 с.

10. Пчелкин А. В. Техничко-юридические нормы в современной России (проблемы теории и практики) : автореф. дис. ... канд. юрид. наук. Н. Новгород, 2004. 27 с.

11. Герасименко Ю. А. Нормы-оговорки и отсылки в законодательстве: аспекты соотношения // Юрислингвистика. 2023. № 28. С. 49–53.

12. Репьев А. Г. Функции норм-оговорок в российском праве (на примере словосочетания «исключительный случай») // История государства и права. 2023. № 8. С. 43–46.

13. Красавчиков О. А. Государственный стандарт – система правовых норм // Советское государство и право. 1977. № 5. С. 77–78.

14. Поленина С. В., Сильченко Н. В. Технические нормативные правовые акты в системе формальных источников современного права // Журнал российского права. 2020. № 12. С. 32–42.

15. Шебанов А. Ф. Форма советского права. М. : Юрид. лит., 1968. 216 с.

16. Нормативы численности и нормативы трудоемкости на проведение технического обслуживания и ремонта специальных вагонов грузового и пассажирского

типов (утв. Распоряжением ОАО «РЖД» от 27.09.2022 № 2484/р) // СПС «КонсультантПлюс».

17. Федеральный закон от 27 декабря 2002 г. № 184-ФЗ «О техническом регулировании» (в ред. от 02.07.2021) (с изм. и доп., вступ. в силу с 23.12.2021), ч. 1 ст. 6 // Собрание законодательства Российской Федерации. 2002. № 52 (ч. 1). Ст. 5140; 2020. № 52 (ч. I). Ст. 8606.

18. Федеральный закон от 30 декабря 2009 г. № 384-ФЗ «Технический регламент о безопасности зданий и сооружений» (в ред. от 02.07.2013), ст. 2 // Собрание законодательства Российской Федерации. 2010. № 1. Ст. 5; 2013. № 27. Ст. 3477.

19. Решение Комиссии Таможенного союза от 9 декабря 2011 г. № 876 «О принятии технического регламента Таможенного союза «О безопасности продукции легкой промышленности» (вместе с ТР ТС 017/2011. Технический регламент Таможенного союза. О безопасности продукции легкой промышленности)» (в ред. от 22.12.2020) // СПС «КонсультантПлюс».

20. Регламент функционирования единого агрегатора торговли. Версия от 25 апреля 2023 г. (утв. Приказом АО «РТ-Проектные технологии» от 25.04.2023 № 24) // СПС «КонсультантПлюс».

21. Решение Комиссии Таможенного союза от 9 декабря 2011 г. № 877 «О принятии технического регламента Таможенного союза «О безопасности колесных транспортных средств» (вместе с ТР ТС 018/2011. Технический регламент Таможенного союза. О безопасности колесных транспортных средств)» (ред. от 27.09.2023) // СПС «КонсультантПлюс».

22. Решение Коллегии Евразийской экономической комиссии от 30 мая 2023 г. № 72 «О технологических документах, регламентирующих информационное взаимодействие при реализации средствами интегрированной информационной системы Евразийского экономического союза общего процесса «Формирование, ведение и использование единого реестра фармацевтических инспекторов Евразийского экономического союза в сфере обращения ветеринарных лекарственных средств»» // СПС «КонсультантПлюс».

23. Черданцев А. Ф. Техничко-юридические нормы в советском праве: автореф. дис. ... канд. юрид. наук. Свердловск, 1963. 23 с.

24. Распоряжение Правительства РФ от 19 апреля 2017 г. № 737-р «Об утверждении Стратегии обеспечения единства измерений в Российской Федерации до 2025 года» // Собрание законодательства Российской Федерации. 2017. № 18. Ст. 2803.

25. Федеральный закон от 22 июля 2008 г. № 123-ФЗ «Технический регламент о требованиях пожарной безопасности» (в ред. от 25.12.2023) // Собрание законодательства Российской Федерации. 2008. № 30 (ч. 1). Ст. 3579; 2024. № 1 (ч. I). Ст. 46.

26. Гражданский кодекс Российской Федерации (часть третья) от 26 ноября 2001 г. № 146-ФЗ (в ред. от 24.07.2023) (с изм. и доп., вступ. в силу с 04.08.2023) //

Собрание законодательства Российской Федерации. 2001. № 49. Ст. 4552; 2023. № 31 (ч. III). Ст. 5788.

References

1. Repyev A. G. Special preferential and exclusive legal norms in the conditions of digitalization of the economy and provision of online services to society // Jurist-Pravoved. 2020. № 1(92). P. 31–36.

2. Senyakin I. N. Special norms of Soviet law / edited by prof. M. I. Baytin. Saratov : Saratov Publishing House, 1987. 97 p.

3. Isakov V. B. Continuity of legal norms in the field of technical regulation // Legal technique. 2011. № 5. P. 184–191.

4. Repyev A. G., Repyeva A. M. Specification of legal norms as a trend of law-making (on the example of penal enforcement legislation) // Legal science and practice: Bulletin of the Nizhny Novgorod Academy of the Ministry of Internal Affairs of Russia. 2021. № 2 (54). P. 49–55.

5. The Criminal Code of the Russian Federation of June 13, 1996 № 63-FZ (as amended. dated 12.06.2024) // Collection of Legislation of the Russian Federation. 1996. № 25. St. 2954; 2024. № 25. Art. 3397.

6. Resolution of the Plenum of the Supreme Court of the Russian Federation of November 30, 2017 № 48 «On judicial practice in cases of fraud, embezzlement and embezzlement» (as amended. of 15.12.2022) // Rossiyskaya Gazeta. 2017. 11 Dec.

7. Housing Code of the Russian Federation of December 29, 2004 № 188-FZ (as amended. from 22.04.2024, with changes. dated 25.04.2024), part 1 of Article 16 // Collection of legislation of the Russian Federation. 2005. № 1 (Part 1). Art. 14; 2024. № 18. Art. 2397.

8. Federal Law of July 29, 2017 № 217-FZ «On the conduct of Gardening and Horticulture by Citizens for their own Needs and on Amendments to Certain Legislative Acts of the Russian Federation» (as amended. dated 24.07.2023), Art. 3 // Collection of legislation of the Russian Federation. 2017. № 31 (part I). Art. 4766; 2023. № 31 (Part III). Art. 5777.

9. Shatkov G. I. The Soviet legal norm: abstract. dis. ... cand. jurid. sciences'. M., 1962. 19 p.

10. Pchelkin A. V. Technical and legal norms in modern Russia (problems of theory and practice) : author's abstract. dis. ... cand. jurid. sciences'. N. Novgorod, 2004. 27 p.

11. Gerasimenko Yu. A. Norms-reservations and references in legislation : aspects of correlation // Jurislinguistics. 2023. № 28. P. 49–53.

12. Repyev A. G. Functions of norms-reservations in Russian law (on the example of the phrase «exceptional case») // History of the state and law. 2023. № 8. P. 43–46.

13. Krasavchikov O. A. State standard – system of legal norms // Soviet state and law. 1977. № 5. P. 77–78.

14. Polenina S. V., Silchenko N. V. Technical normative legal acts in the system of formal sources of modern law // Journal of Russian Law. 2020. № 12. P. 32–42.

15. Shebanov A. F. The form of Soviet law. M. : Yurid. lit., 1968. 216 p.

16. Standards of number and standards of labor intensity for carrying out maintenance and repair of special wagons of freight and passenger types (approved by the Order of JSC «Russian Railways» of 27.09.2022 № 2484/r) // LRS «ConsultantPlus».

17. Federal Law of December 27, 2002 № 184-FZ «On Technical Regulation» (as amended. dated 02.07.2021) (with amendments and additions, introduction. effective from 23.12.2021), part 1 of Art. 6 // Collection of Legislation of the Russian Federation. 2002. № 52 (Part 1). Art. 5140; 2020. № 52 (Part I). Art. 8606.

18. Federal Law of December 30, 2009 № 384-FZ (as amended. dated 02.07.2013), Art. 2 // Collection of legislation of the Russian Federation. 2010. № 1. Art. 5; 2013. № 27. Art. 3477.

19. Decision of the Customs Union Commission dated 09.12.2011 № 876 «On the adoption of the technical regulations of the Customs Union «On the safety of light industry products» (together with TR CU 017/2011. Technical regulations of the Customs Union. On the safety of light industry products)» (as amended from 22.12.2020) // LRS «ConsultantPlus».

20. The rules of operation of the unified trade aggregator. Version of 25.04.2023 (approved by the Order of JSC RT-Design Technologies dated 25.04.2023 № 24) // LRS «ConsultantPlus».

21. Decision of the Customs Union Commission dated 09.12.2011 № 877 «On the adoption of the technical regulations of the Customs Union «On the safety of wheeled

vehicles» (together with TR CU 018/2011. Technical regulations of the Customs Union. On the safety of wheeled vehicles)» (ed. dated 27.09.2023) // LRS «ConsultantPlus».

22. Decision of the Board of the Eurasian Economic Commission № 72 dated 30.05.2023 «On technological documents regulating information interaction in the implementation of the general process «Formation, maintenance and use of the unified register of pharmaceutical inspectors of the Eurasian Economic Union in the field of veterinary medicines circulation» by means of the integrated information system of the Eurasian Economic Union» // LRS «ConsultantPlus».

23. Cherdantsev A. F. Technical and legal norms in Soviet law : abstract. ... cand. jurid. sciences'. Sverdlovsk, 1963. 23 p.

24. Decree of the Government of the Russian Federation of April 19, 2017 № 737-р «On approval of the Strategy for ensuring the uniformity of measurements in the Russian Federation until 2025» // Collection of Legislation of the Russian Federation. 2017. № 18. Art. 2803.

25. Federal Law of July 22, 2008 № 123-FZ «Technical Regulations on Fire Safety Requirements» (as amended dated 12/25/2023) // Collection of legislation of the Russian Federation. 2008. № 30 (Part 1). Art. 3579; 2024. № 1 (Part I). Art. 46.

26. The Civil Code of the Russian Federation (Part Three) of November 26, 2001 № 146-FZ (as amended. dated 24.07.2023) (with amendments and additions, introduction. effective from 04.08.2023) // Collection of legislation of the Russian Federation. 2001. № 49. Art. 4552; 2023. № 31 (Part III). Art. 5788.

Статья поступила в редакцию 15.01.2025; одобрена после рецензирования 14.02.2025; принята к публикации 31.03.2025.

The article was submitted 15.01.2025; approved after reviewing 14.02.2025; accepted for publication 31.03.2025.

Научная статья

УДК 34.05

<https://doi.org/10.24412/2414-3995-2025-2-41-45>

EDN: <https://elibrary.ru/yhouer>

NIION: 2015-0066-2/25-209

MOSURED: 77/27-011-2025-02-408

Ключевые направления статистической деятельности ЕАЭС и ЕС: правовые аспекты

Шамиль Ахмед оглы Гулиев

Московский государственный институт международных отношений (Университет)

Министерства иностранных дел Российской Федерации, Москва, Россия,

guliev.a.schamil@yandex.ru

Научный руководитель: профессор кафедры интеграционного права и прав человека

Московского государственного института международных отношений (Университет)

Министерства иностранных дел Российской Федерации, доктор юридических наук **Р. А. Касьянов**

Аннотация. Рассматриваются ключевые направления статистической деятельности ЕАЭС и ЕС. Автор выявляет общее и особенное в ключевых направлениях, определяя новые возможные пути развития (финансы, зеленая экономика), в том числе в вопросе формирования статистики в правоохранительной сфере.

Ключевые слова: статистическая программа, право ЕАЭС, право ЕС, статистическая информация. Евростат, договор ЕАЭС

Для цитирования: Гулиев Ш. А. Ключевые направления статистической деятельности ЕАЭС и ЕС: правовые аспекты // Вестник экономической безопасности. 2025. № 2. С. 41–45. <https://doi.org/10.24412/2414-3995-2025-2-41-45>. EDN: YHOUER.

Original article

Key areas of statistical activity of the EAEU and the EU: legal aspects

Shamil A. Guliev

Moscow State Institute of International Relations (University)

under the Ministry of Foreign Affairs of the Russian Federation, Moscow, Russia,

guliev.a.schamil@yandex.ru

Scientific supervisor: Professor of the Department of Integration Law and Human Rights

of the Moscow State Institute of International Relations (University)

under the Ministry of Foreign Affairs of the Russian Federation, Doctor of Legal Sciences **R. A. Kasyanov**

Abstract. The key areas of statistical activity of the EAEU and the EU are being considered. The author identifies common and special features in key areas, identifying new possible ways of development (finance, green economy), including in the issue of statistics formation in the law enforcement sphere.

Keywords: statistical program, EAEU law, EU law, statistical information, Eurostat, EAEU Treaty

For citation: Guliev Sh. A. Key areas of statistical activity of the EAEU and the EU: legal aspects. Bulletin of economic security. 2025;(2):41–5. (In Russ.). <https://doi.org/10.24412/2414-3995-2025-2-41-45>. EDN: YHOUER.

Введение

Статистика имеет важное значение для развития государств в различных сферах общественных отношений, включая экономику и право. Еще большее значение она имеет для интеграционных объединений, таких как ЕАЭС и ЕС, поскольку ее точность позволяет государствам-членам находить новые пути унификации, гармонизации правоотношений для достижения общих целей.

Отметим, что, например, Европейская статистическая программа, вносит свой вклад в реализацию единого рынка как ключевого элемента экономического роста, но также она имеет сквозной характер, охватывая многие другие политики ЕС. Программа развития статистической деятельности ЕАЭС также охватывает широкий спектр общественных отношений, которые подпадают под действие права ЕАЭС.

© Гулиев Ш. А., 2025

Поэтому интеграционным объединениям важно обеспечить не только качественную нормативную базу осуществления статистической деятельности, но также обеспечить посредством формирования и применения статистики развитие дальнейших интеграционных процессов, достижение целей интеграции, которое при этом не ставило бы под угрозу дальнейшее предоставление высококачественных статистических данных в ЕАЭС и ЕС для поддержки разработки, мониторинга и оценки различных направлений деятельности интеграционных объединений, включая расширение возможностей национальных органов государственной власти, хозяйствующих субъектов и граждан государств-членов принимать обоснованные решения.

Ключевые направления статистической деятельности ЕАЭС и ЕС

Основным документом, обеспечивающим направление статистической деятельности в ЕС, является Европейская статистическая программа (текущая версия рассчитана на 2021–2027 годы). В настоящий момент она является частью Программы единого рынка, в связи с чем Европейская статистическая программа предусмотрена актом вторичного права прямого действия – регламентом [13] (далее – Регламент о статистической программе).

В преамбуле Регламента о статистической программе указывается, что рост цифровых инноваций создает новые возможности и для хозяйствующих субъектов, и для физических лиц, в том числе в части предоставления высококачественных статистических сведений. В этой связи особо подчеркивается важность обеспечения качественной финансовой статистикой для дальнейшего развития единого (внутреннего) рынка [10, с. 113]. При этом поскольку больших успехов можно достигнуть именно на уровне наднационального регулирования ЕС намеревается в большей степени применять принципы subsidiarity и пропорциональности.

Согласно ст. 3 Регламента о статистической программе одной из целей программы является разработка и предоставление высококачественной статистики в соответствии с требованиями Регламента о статистической деятельности [14], которая может быть использована как бизнесом, так и наднациональными институтами, национальными органами государств-членов.

Основные задачи Европейской статистической программы разбиты на ряд ключевых направлений (Приложение № 2 к Регламенту о статистической программе).

Одним из первых направлений статистической деятельности в ЕС является Экономический и валютный союз [8, с. 288], в рамках которого предусмотрены следующие ключевые задачи: обеспечение эффективной статистической поддержки в рамках процедуры чрезмерного дефицита бюджета; предоставление статистических данных и методологических указаний по статистическому учету инвестиционных и бюджетных инструментов, улучшение измерения показателей торговли товарами и услугами, прямых иностранных инвестиций [12].

Тем не менее, на практике в части некоторых направлений ЕС вынужден сталкиваться с разрозненностью организационно-правовых механизмов. Так, согласно Регламенту о статистической деятельности образуется Европейская статистическая система, в основе которой Евростат управляет формированием статистики в рамках всего ЕС, включая организацию деятельности национальных статистических органов. Кроме того, после реформы [15] 2015 г. было уточнено, что государство – член должно установить ответственный национальный статистический орган, который будет единолично взаимодействовать в Евростате. Вместе с этим, профильное регулирование зачастую не содержит данного аспекта консолидации, устанавливая разрозненные требования к формированию статистики различными субъектами. Например, Директива о рынках финансовых инструментов [15] гласит, что государства – члены ЕС должны предусмотреть, что компетентный финансовый орган может в статистических целях потребовать от всех инвестиционных фирм, имеющих филиалы на территории таких государств в соответствии с механизмом «европейского паспорта» [5], периодически отчитываться перед ними о деятельности этих филиалов. Такой компетентный орган должен учитывать всю эту статистическую информацию, которая фактически будет дублироваться государствами – членами и может различаться с учетом применения различных методик сбора и обработки статистической информации.

Другим примером различных подходов в формировании статистики в ЕС является регулирование Регламента о макропруденциальном надзоре [16], в соответствии с которым Европейский совет по системным рискам также наделен правом запрашивать статистическую информацию [4] напрямую не только у Евростата, но также и у институтов и органов ЕС, а также компетентных органов государств – членов, что потенциально может создать ситуацию регуляторного арбитража между органами ЕС, а также поставить под вопрос надежность и результаты статистического анализа.

Вторым направлением стало обеспечение статистической поддержки в рамках внутреннего рынка [9], а также предоставление статистических данных в рамках европейской оборонной политики.

Третьим направлением стало осуществление статистической деятельности в социальной сфере в части анализа реализации социальных прав граждан ЕС на рынке труда, в сфере обучения, исследование бедности, гендерного равенства, включая статистику в сфере миграции.

Еще одним из ключевых направлений статистической деятельности в ЕС стало устойчивое развитие, в рамках которого задачами статистической деятельности ЕС являются мониторинг целей устойчивого развития, анализ осуществления зеленой повестки дня в ЕС, предоставление отчетности в сфере мусора, лесных и водных ресурсов, биоразнообразия [11].

Пятым направлением статистической деятельности является экономическая сплоченность, в рамках которой должны быть подготовлена статистика в части экономической сплоченности и взаимозависимости регионов и городов на территории ЕС.

Последующие направления статистической деятельности ЕС заключаются в необходимости делать более точную и честную статистику, а также развивать международную кооперацию в рамках ее подготовки и предоставления.

При этом не в полной мере можно объяснить отсутствие целей улучшения статистики в правоохранительной сфере, в то время как данные Евростата [17] по уголовным преступлениям свидетельствуют о систематическом росте преступлений. Созданная в ЕС Европейская прокуратура, занимающаяся экономическими преступлениями [3], согласно соответствующему регламенту [18] должна организовать сопоставление информации и извлечение данных для оперативного анализа и статистических целей (ст. 44), в том числе содержащей любые персональные данные. Вместе с тем, результаты такой деятельности не имеют отношения к формированию статистики в рамках Европейской статистической системы, что также будет приводить к различным результатам статистического анализа, осуществленного разными органами ЕС.

В ЕАЭС, аналогично ЕС, в соответствии с п. 14 Приложения № 4 к Договору ЕАЭС [19] также реализуется программа развития интеграции в сфере статистики ЕАЭС (текущая программа рассчитана на 2021–2025 годы), принятая в форме Решения Совета Комиссии [20] (далее – Статистическая программа ЕАЭС). Ключевыми задачами данной программы стало повышение сопоставимости официальной статистической информации между государствами-членами, развитие единой системы классификации.

При этом в вводной части указывается, что формирование официальной статистической информации осуществляется не только в рамках свободы движения товаров, но также лиц, услуг и капитала. Указанное свидетельствует о том, что, несмотря на ограничение компетенции ЕАЭС в рамках договора ЕАЭС по формированию статистики в отношении лишь товаров, ЕАЭС дальше развивает интеграцию в рамках статистической деятельности.

Программа подразумевает внедрение международных статистических стандартов в целях гармонизации применяемых методологий на национальном уровне [6], что должно обеспечить большую сопоставимость статистических данных. Кроме того, для более эффективного осуществления статистической деятельности предполагается увеличение спектра применения цифровых технологий, в том числе в рамках сбора метаданных. В этой связи совместно с государственными органами государств-членов, включая национальные (центральные) банки, на которые возложены функции по формированию официальной статистической информации

государств-членов было апробировано применение международного стандарта ИСО 17369:2013 «Обмен статистическими данными и метаданными». В дальнейшем планируется создание единой системы метаданных статистики ЕАЭС, что будет способствовать цифровизации [7].

Кроме того, Статистическая программа ЕАЭС предлагает расширить статистическую деятельность на новые приоритетные направления: общий рынок товаров; общий рынок услуг; общий рынок труда; общий рынок капитала; цифровая экономика; «зеленая» экономика и охрана окружающей среды; цели в области устойчивого развития. Для этого впоследствии будут созданы новые разделы и показатели для формирования статистической отчетности.

ЕАЭС лишен риска возникновения проблемы регуляторного арбитража между органами ЕАЭС по формированию статистической информации, тем не менее, учитывая, что статистическая деятельность ЕАЭС главным образом зиждется на функционировании национальных статистических органов, результат получается разнообразным в зависимости от направления деятельности последних.

Для исправления данной ситуации в Департаменте статистики Комиссии сформирован Консультативный комитет [21], который состоит из представителей национальных статистических и таможенных служб, министерств экономики, финансов, национальных (центральных) банков и иных организаций. При этом в отличие от подхода в ЕС, где должен быть установлен единственно ответственный национальный статистический орган для взаимодействия с Евростатом, в ЕАЭС предусмотрено множество возможных участников, которых на все государства – члены более 50 (20 из них со стороны Российской Федерации).

Также в отличие от ЕС, где также формируются статистические сведения по преступлениям, в ЕАЭС такой подход не реализуется. В то же время нельзя констатировать, что правовых оснований для формирования статистической информации в данной области в ЕАЭС нет. Так, согласно п. 2 ст. 68 Договора ЕАЭС компетентные органы вправе запрашивать у компетентных органов других государств – членов сведения в административных мерах, уголовно-правовых санкциях или решениях о признании несостоятельности (банкротства). Учитывая наличие принципа конфиденциальности формирования статистической информации, представляется возможным начать сотрудничество в этой сфере, которая также благоприятно может сказаться на развитии свободы передвижения лиц как одной из ключевых свобод права ЕАЭС, поскольку позволит заранее минимизировать проблемы незаконной миграции [1].

Выводы

ЕАЭС и ЕС поступательно развивают регулирование и практику осуществления статистической деятельности посредством планирования, с учетом мировых трендов и стандартов как в сфере статистики, так и бо-

лее общих сферах – вопросах цифровизации. Такой подход повышает значимость наднационального регулирования и способен принести большую пользу субъектам национального права. В частности, одними из ключевых направлений статистической деятельности в ЕС является поддержка создания Экономического и валютного союза, вопросов инвестиций, целей устойчивого развития. В ЕАЭС одним из ключевых направлений является повышение сопоставимости официальной статистической информации, что является существенной проблемой, заложенной правом ЕС. Кроме того, ЕАЭС также планирует расширять направления в рамках последующих статистических программ, в том числе в сфере «зеленой» экономики. Одним из перспективных направлений может являться развитие подготовки статистических данных в правоохранительной сфере, толчок которому также могут дать инструменты гибкой интеграции ЕАЭС [2].

Список источников / References

1. Алиев Д. М. Этапы формирования правового регулирования вынужденной миграции в ЕС // Евразийский юридический журнал. 2018. № 7 (122). С. 46–50. (1. Aliyev D. M. Stages of formation of legal regulation of forced migration to the EU // Eurasian Legal Journal. 2018. № 7 (122). P. 46–50).
2. Евдокимов М. А., Амирасланов Р. Р. Правовые аспекты гибкой интеграции : потенциал ЕАЭС // Право и управление. XXI век. 2024. Т. 20, № 2 (71). С. 11–18. (2. Evdokimov M. A., Amiraslanov R. R. Legal aspects of flexible integration : the potential of the EAEU // Law and management. XXI century. 2024. Vol. 20, № 2 (71). P. 11–18).
3. Евдокимов М. А., Валиев Т. М. Правовые аспекты деятельности Европейской прокуратуры : предпосылки и правоприменение // Юридическая наука и практика: Вестник Нижегородской академии МВД России. 2023. № 4 (64). С. 143–151. (3. Evdokimov M. A., Valiev T. M. Legal aspects of the European Prosecutor's Office : prerequisites and law enforcement // Legal science and practice: Bulletin of the Nizhny Novgorod Academy of the Ministry of Internal Affairs of Russia. 2023. № 4 (64). P. 143–151).
4. Евдокимов М. А., Гулиева А. Р. Г. Правовые аспекты обеспечения стабильности в Европейском союзе и Евразийском экономическом союзе // Законы России: опыт, анализ, практика. 2023. № 12. С. 98–103. (4. Evdokimov M. A., Gulieva A. R. G. Legal aspects of ensuring stability in the European Union and the Eurasian Economic Union // Laws of Russia: experience, analysis, practice. 2023. № 12. P. 98–103).
5. Касьянов Р. А., Бегичева К. Ю. MIFID II И Россия : сопоставимо ли регулирование? // Законы России: опыт, анализ, практика. 2018. № 5. С. 86–91. (5. Kasyanov R. A., Begicheva K. Yu. MIFID II and Russia : is regulation comparable? // Laws of Russia: experience, analysis, practice. 2018. № 5. P. 86–91).
6. Касьянов Р. А. Направления развития правовых основ общего финансового рынка ЕАЭС // Законы России: опыт, анализ, практика. 2023. № 5. С. 48–52. (6. Kasyanov R. A. Directions of development of the legal foundations of the common financial market of the EAEU // Laws of Russia: experience, analysis, practice. 2023. № 5. P. 48–52).
7. Касьянов Р. А. Цифровизация как важный фактор регулирования российского финансового рынка и Союза рынков капитала ЕС // Право и цифровая экономика. 2022. № 4 (18). С. 36–47. (7. Kasyanov R. A. Digitalization as an important factor in the regulation of the Russian financial market and the Union of Capital markets of the EU // Law and digital economy. 2022. № 4 (18). P. 36–47).
8. Howarth D., Verdun A. EcoNomic and Monetary Union at twenty : a stocktaking of a tumultuous second decade : introduction. Journal of European Integration, 2020. Vol. 42. № 3. P. 287–293.
9. Iossa A., Persdotter M. Cross-Border Social Dumping as a 'Game of Jurisdiction' Towards a Legal Geography of Labour Relations in the EU Internal Market. Journal of Common Market Studies, 2021. Vol. 59. P. 1086–1102.
10. Kasyanov R., Kriger A. Towards single market in financial services : highlights of the EU and the EAEU financial markets regulation. Russian Law Journal, 2020. Vol. 8. № 1. P. 111–137.
11. Marco-Fondevila M., Álvarez-Etxeberria I. Trends in private sector engagement with biodiversity : EU listed companies' disclosure and indicators. Ecological Economics, 2023. Vol. 210.
12. Zeynalova A. Foreign Direct Investment in the EU. SSRN Electronic Journal, 2021.
13. Regulation (EU) 2021/690 of the European Parliament and of the Council of 28 April 2021 establishing a programme for the internal market, competitiveness of enterprises, including small and medium-sized enterprises, the area of plants, animals, food and feed, and European statistics (Single Market Programme) and repealing Regulations (EU) № 99/2013, (EU) № 1287/2013, (EU) № 254/2014 and (EU) № 652/2014 // URL: <https://eur-lex.europa.eu/eli/reg/2021/690/>
14. Regulation (EC) № 223/2009 of the European Parliament and of the Council of 11 March 2009 on European statistics and repealing Regulation (EC, Euratom) № 1101/2008 of the European Parliament and of the Council on the transmission of data subject to statistical confidentiality to the Statistical Office of the European Communities, Council Regulation (EC) № 322/97 on Community Statistics, and Council Decision 89/382/EEC, Euratom establishing a Committee on the Statistical Programmes of the European Communities // URL: <https://eur-lex.europa.eu/legal-content/EN/ALL/?uri=celex%3A32009R0223/>
15. Regulation (EU) 2015/759 of the European Parliament and of the Council of 29 April 2015 amending Regulation (EC) № 223/2009 on European statistics (Text

with relevance for the EEA and Switzerland) // OJ L 123, 19.5.2015. P. 90–97.

16. Regulation (EU) № 1092/2010 of the European Parliament and of the Council of 24 November 2010 on European Union macro-prudential oversight of the financial system and establishing a European Systemic Risk Board // OJ L 331, 15.12.2010. P. 1–11.

17. Crime and criminal justice database // URL: <https://ec.europa.eu/eurostat/web/crime/database/>

18. Council Regulation (EU) 2017/1939 of 12 October 2017 implementing enhanced cooperation on the establishment of the European Public Prosecutor's Office ('the EPPO') // OJ L 283, 31.10.2017. P. 1–71.

19. Договор о Евразийском экономическом союзе (подписан в г. Астане 29.05.2014 с изменениями и дополнениями) // URL: <https://docs.eaeunion.org/ru-ru/Pages/DisplayDocument.aspx?s=bef9c798-3978-42f3-9ef2-d0fb3d53b75f&w=632c7868-4ee2-4b21-bc64-1995328e6ef3&l=540294ae-c3c9-4511-9bf8-aaf5d6e0d169&EntityID=3610/> (19. The Treaty on the Eurasian Economic Union (signed in Astana on 29.05.2014 with amendments and additions) // URL: <https://docs.eaeunion.org/ru-ru/Pages/DisplayDocument.aspx?s=bef9c798-3978-42f3-9ef2-d0fb3d53b75f&w=632c7868-4ee2-4b21-bc64-1995328e6ef3&l=540294ae-c3c9-4511-9bf8-aaf5d6e0d169&EntityID=3610/>).

[eaeunion.org/ru-ru/Pages/DisplayDocument.aspx?s=bef9c798-3978-42f3-9ef2-d0fb3d53b75f&w=632c7868-4ee2-4b21-bc64-1995328e6ef3&l=540294ae-c3c9-4511-9bf8-aaf5d6e0d169&EntityID=3610/](https://docs.eaeunion.org/ru-ru/Pages/DisplayDocument.aspx?s=bef9c798-3978-42f3-9ef2-d0fb3d53b75f&w=632c7868-4ee2-4b21-bc64-1995328e6ef3&l=540294ae-c3c9-4511-9bf8-aaf5d6e0d169&EntityID=3610/)).

20. Решение Совета Евразийской экономической комиссии от 23 ноября 2020 г. № 116 «О Программе развития интеграции в сфере статистики Евразийского экономического союза на 2021–2025 годы» // URL: https://docs.eaeunion.org/docs/ru-ru/01527980/err_10122020_116/ (20. Decision of the Council of the Eurasian Economic Commission of November 23, 2020 № 116 «On the Program for the Development of integration in the field of statistics of the Eurasian Economic Union for 2021–2025» // URL: https://docs.eaeunion.org/docs/ru-ru/01527980/err_10122020_116/).

21. Положение о Консультативном комитете по статистике // URL: https://eec.eaeunion.org/upload/medialibrary/6bf/Polozhenie_KKS.pdf/ (21. Regulations on the Advisory Committee on Statistics // URL: https://eec.eaeunion.org/upload/medialibrary/6bf/Polozhenie_KKS.pdf/).

Информация об авторе

Ш. А. Гулиев – аспирант кафедры интеграционного права и прав человека Московского государственного института международных отношений (Университета) Министерства иностранных дел Российской Федерации, магистр права.

Information about the author

Sh. A. Guliev – Graduate Student of the Department of Integration Law and Human Rights Law of the Moscow State Institute of International Relations (University) under the Ministry of Foreign Affairs of the Russian Federation, Master of Law.

Статья поступила в редакцию 29.08.2024; одобрена после рецензирования 22.10.2024; принята к публикации 20.12.2024.

The article was submitted 29.08.2024; approved after reviewing 22.10.2024; accepted for publication 20.12.2024.

Научная статья

УДК 347

<https://doi.org/10.24412/2414-3995-2025-2-46-49>

EDN: <https://elibrary.ru/rjwxkc>

ИДЕНТИФИКАЦИОННЫЙ КОД: 2015-0066-2/25-210

МОСКОВСКИЙ КОД: 77/27-011-2025-02-409

Механизм правового регулирования приобретения субъективного гражданского права

Алексей Александрович Демин

Московский университет МВД России имени В.Я. Кикотя, Москва, Россия,

demin-aa@rambler.ru

Аннотация. Раскрываются особенности действия механизма гражданско-правового регулирования приобретения субъективного гражданского права. Показывается, что процесс приобретения субъективного гражданского права включает в себя «предправовую» стадию. В результате исследования делается вывод о том, что предправовая стадия представляет собой важный процесс развития гражданского правоотношения, а также обуславливает будущее действие механизма гражданско-правового регулирования.

Ключевые слова: механизм гражданско-правового регулирования, юридические средства, субъективное гражданское право, гражданское правоотношение, приобретение субъективного гражданского права, осуществление субъективного права, гражданско-правовое регулирование

Для цитирования: Демин А. А. Механизм правового регулирования приобретения субъективного гражданского права // Вестник экономической безопасности. 2025. № 2. С. 46–49. <https://doi.org/10.24412/2414-3995-2025-2-46-49>. EDN: RJWXKC.

Original article

The mechanism of legal regulation of the acquisition of subjective civil law

Alexey A. Demin

Moscow University of the Ministry of Internal Affairs of Russia named after V.Ya. Kikot', Moscow, Russia,

demin-aa@rambler.ru

Abstract. The specifics of the mechanism of civil law regulation of the acquisition of subjective civil law are revealed. It is shown that the process of acquiring subjective civil law includes a «pre-legal» stage. As a result of the study it is concluded that the pre-legal stage is an important process of the development of civil law relations, and also determines the future operation of the mechanism of civil law regulation.

Keywords: mechanism of civil law regulation, legal means, subjective civil law, civil law relationship, acquisition of subjective civil law, implementation of subjective law, civil law regulation

For citation: Demin A. A. The mechanism of legal regulation of the acquisition of subjective civil law. Bulletin of economic security. 2025;(2):46–9. (In Russ.). <https://doi.org/10.24412/2414-3995-2025-2-46-49>. EDN: RJWXKC.

Гражданско-правовая норма выступает основным юридическим средством регулирования общественных отношений и рассчитана не на «отдельное, разовое отношение, не на каких-либо конкретных лиц, а на множество отношений определенного вида» [2, с. 203]. Абстрактное действие норм объективного гражданского права (действие для всех и каждого) должно быть конкретизировано для отдельно взятого гражданского правоотношения через создание индивидуальной модели регулирования. В этом случае действие нормы ста-

новится конкретным и это происходит с помощью механизма гражданско-правового регулирования.

Создание индивидуальной модели регулирования для частных лиц служит целям удовлетворения собственного имущественного либо неимущественного интереса и связывается с созданием гражданского правоотношения. В. И. Синайский пишет: «В основе правоотношения в большинстве случаев лежит идея удовлетворения какой-либо жизненной потребности или интереса. Удовлетворение такой потребности (интере-

© Демин А. А., 2025

са) как жизненного отношения требует признания его в обществе юридическим отношением» [6, с. 54]. Посредством действия механизма гражданско-правового регулирования в системе правоотношения закрепленные в объективном праве нормативные положения, формализуются для отдельно взятых субъектов гражданского права и становятся индивидуальными возможностями их поведения в форме субъективных прав обязанностей. Осуществление принадлежащих лицу субъективных прав и исполнение обязанностей обеспечивает удовлетворение возникшей потребности лица.

При этом, осознание лицом какой-либо потребности недостаточно для порождения гражданского правоотношения, а равно возникновению субъективного гражданского права: требуется совершение определенных законом действий. И подобные действия закрепляются и регулируются нормативно, им придана определенная юридическая форма (например, оферта, акцепт, завещание и т. д.). Для наступления соответствующего правового эффекта закон устанавливает также условия и порядок подобного рода действий. Другими словами, существует механизм гражданско-правового регулирования установления субъективных гражданских прав. И при нарушении определенного законом порядка, субъективные права не возникают, а интерес лица не может быть юридически обеспечен.

И. А. Еськина полагает, что «субъекты гражданского права обеспечивают реализацию их социальных целей путем закрепления правовой принадлежности социального блага, и достигают фактического результата – обособление социального блага, посредством приобретения (установления) субъективных гражданских прав в результате действия механизма приобретения гражданских прав» [3, с. 59]. Данный этап развития гражданского правоотношения автор именует как «предправовую» стадию процесса гражданско-правового регулирования приобретения субъективных прав.

Предправовая стадия развития гражданского правоотношения обуславливает действие механизма гражданско-правового регулирования на будущее. На данной стадии происходит избрание подлежащей нормативной конструкции не только в целях приобретения соответствующего субъективного гражданского права, но и для удовлетворения возникшей социальной потребности или интереса в целом. Названная стадия характеризуется тем, что предполагаемые участники гражданского правоотношения определяют свою социальную цель и избирают подходящую для реализации своего интереса нормативную конструкцию. То есть, предправовой стадии развития правоотношения присущ выбор нормативной гражданско-правовой конструкции типичного поведения и она зависит от характера будущего правоотношения.

Известно, что гражданские правоотношения различаются по своему правовому характеру и содержанию. Гражданские правоотношения в теории цивилистики имеют различную классификацию и по типам разде-

ляются на отношения абсолютные и относительные, вещные и обязательственные, имущественные и личные неимущественные, корпоративные и т. д. Содержание правоотношений также неоднородно. Профессор О. С. Иоффе обращает внимание на состав гражданского правоотношения, которое состоит из определенных элементов, таких как: субъективные права и обязанности, объект и субъекты правоотношения [4, с. 113].

Ученый замечает, что «выявление моментов, характеризующих гражданское правоотношение, имеет существенное значение потому, что фактически эти моменты определяют круг задач, стоящих перед Общей частью науки советского гражданского права» [4, с. 114]. Но не только. Различие элементов гражданского правоотношения обуславливает специфику функционирования механизма гражданско-правового регулирования. Например, от типа правоотношения, а также от основания, порядка и условий возникновения гражданского правоотношения зависит выбор юридических средств механизма гражданско-правового регулирования. Например, возмездное приобретение за уплату цены принадлежащей другому лицу вещи, требует задействование юридической конструкции договора купли-продажи (гл. 30 ГК РФ). В случае необходимости возмездного использования какой-либо вещи на время, применяются нормы договора аренды (гл. 34 ГК РФ). Создание вещи другим лицом по заказу, будет регулироваться нормами о договоре подряда (гл. 37 ГК РФ).

Предправовая стадия является функционально самостоятельной и важной в регулировании гражданских правоотношений. На данной стадии регулирования определяется характер будущих правоотношений, вид и содержание будущих субъективных прав, объем и пределы правового регулирования, происходит выбор подлежащей юридической конструкции и правовых средств механизма гражданско-правового регулирования подлежащих применению для будущего правоотношения, согласовываются условия, порядок и пределы осуществления и прекращения субъективных прав, и т. д. Все это обуславливает создание модели индивидуального регулирования действий частных лиц в рамках гражданского правоотношения.

При этом, следует заметить, что на предправовой стадии происходит задействование норм объективного гражданского права с целью создания индивидуальных правил поведения для конкретных лиц взаимоотношений. На предправовой стадии гражданско-правового регулирования регулятивная функция гражданского права не реализуется, а реализуется правовое притязание субъекта на приобретение права. С. С. Алексеев притязание определяет в как «особое правомочие – своеобразную юридическую возможность, обеспечивающую правовое воздействие на нарушителя юридической обязанности» [1, с. 309]. Л. С. Явич под притязанием подразумевает меру (вид) требования управомоченного к обязанному лицу, не исполнившему своей юридической обязанности, обращенного к последнему через органы

государства, уполномоченный применять санкции правовых норм [8, с. 126]. Вместе с тем, притязание следует рассматривать как обеспеченную правом возможность действий с целью достижения определенного юридического результата под воздействием механизма гражданско-правового регулирования.

Предправовая стадия гражданского правоотношения имеет организационную сущность, которая в первую очередь выражается в том, что именно на этой стадии достигается организационная связанность субъектов правоотношения. Например, действуя на преддоговорной стадии лица ведут переговоры о заключении договора, заключают соглашения о заключении договора (ст. 434.1 ГК РФ), направляют оферту (текст договора) (ст. 435 ГК РФ) и т. д. Задачей механизма гражданско-правового регулирования на данной стадии, является организация действий сторон будущего договора, а также обеспечение претворения их притязаний на возникновение субъективного права в будущем.

Предправовая стадия гражданско-правового регулирования может быть исчерпана совершением определенной в законе совокупностью действий, в результате которых возникает гражданское правоотношение. Например, заключение договора и возникновение договорного отношения обусловлено моментом получения лицом, направившим оферту, ее акцепта (ст. 433 ГК РФ). Также составление текста завещания в письменной форме и его удостоверение нотариусом завершает составление завещания (ст. 1124 ГК РФ) и предправовая стадия заканчивается.

Иногда предправовая стадия имеет более или менее продолжительный период своего существования. Так, заключением предварительного договора стороны организуются на будущее возможностью потребовать заключения основного договора и находятся в состоянии правового притязания на установление субъективных гражданских прав. Если предправовая стадия завершается заключением основного договора, возникает гражданское правоотношение, в рамках которого стороны приобретают субъективные права и механизм гражданско-правового регулирования нацелен на удовлетворение частного интереса.

Для раскрытия существа механизма гражданско-правового регулирования приобретения субъективных гражданских прав следует учитывать и то, что на предправовой стадии развития гражданского правоотношения, должны быть совершены определенные действия. Д. И. Мейер замечает, что приобретение права предполагает акт приобретения [5, с. 270]. Ученый обращает внимание на то, что нужен «какой-либо факт, сближающий субъекта права с его объектом; сам по себе субъект права существует отдельно от объекта; для того чтобы право было приобретено, требуется, чтобы сделалось что-либо, произошло какое-нибудь сближение между субъектом и объектом» [5, с. 271]. Именно посредством действий на предправовой стадии механизм граждан-

ско-правового регулирования обеспечивает приобретение запланированного субъективного гражданского права.

Действия лиц по приобретению субъективного гражданского права связаны с реализацией правосубъектности. Профессор Л. А. Чеговадзе отмечает, что «правосубъектность реализуется вследствие действий по преднамеренному, и по непроизвольному использованию права. Реализация правосубъектности физических и юридических лиц воплощается в их действиях и действуют они либо в отношении социальных благ, либо в отношении других людей» [7, с. 11]. С появлением сближающего с правом факта (действий сторон правоотношения) начинается регулятивное действие механизма гражданско-правового регулирования, которым юридически обеспечивается удовлетворение частного интереса и социальной потребности лица.

Действия в рамках гражданского правоотношения совершаются в определенной правовой форме, мера и вид которых определяется законом либо по соглашению сторон. И то, какие правовые действия будут совершаться в рамках гражданского правоотношения, стороны определяют на предправовой стадии процесса гражданско-правового регулирования. Нацеленность воли сторон на тот или иной социальный результат (купить, продать, создать) обуславливает задействование соответствующих правовых средств механизма гражданско-правового регулирования, тех, которые способны обеспечить удовлетворение именно этой социальной потребности.

От воли зависит последующее развитие гражданского правоотношения, приобретение субъективного гражданского права и, соответственно, действие правового механизма. Например, стороны обговаривают отчуждение/приобретение какой-либо вещи, определяют юридическую конструкцию механизма гражданско-правового регулирования и в тексте договора согласовывают порядок действий по передаче и принятию вещи, документов к ней, а также срок и порядок подачи документов на государственную регистрацию права собственности, если вещь является недвижимой. В этом проявляется организационно-правовой эффект договора.

На предправовой стадии, стороны договора могут установить порядок ведения переговоров о заключении договора (ст. 434.1 ГК РФ), заключают предварительный договор, рамочный договор о будущих действиях в рамках обязательства, совершают действия по заключению договора путем направления и принятия оферты (гл. 28 ГК РФ), обращаются в суд с требованием о понуждении заключить договор (п. 4 ст. 445 ГК РФ), направляют повестку предстоящего собрания гражданско-правового сообщества и т. д. Названные и другие подобные действия организуют реализацию притязания на приобретение права, нацелены на создание акта индивидуального регулирования отношений сторон и не связаны с актами осуществления субъективного гражданского права.

Также нужно учитывать и то, что законом предусматриваются основания приобретения субъективных гражданских прав, где согласование воли с иными субъектами гражданского права не происходит, поскольку нарушаются их субъективные права (например, причинение вреда, неосновательное обогащение, издание актов государственных органов и органов местного самоуправления, которые предусмотрены законом в качестве основания возникновения гражданских прав и др.). Подобного рода основания видоизменяют функционирование гражданско-правового регулирования за счет того, что задействуются иные правовые средства, обуславливающие формирование иной юридической конструкции.

Таким образом, задачей механизма гражданско-правового регулирования является правовое обеспечение соответствующими юридическими средствами действий субъектов гражданского права связанных с установлением правоотношения, определение юридической формы этих действий, а также закрепление условий и порядка их совершения для наступления соответствующего правового эффекта.

Список источников

1. Алексеев С. С. Собрание сочинений. В 10 т. Т. 3: Проблемы теории права : курс лекций. М. : Статут, 2010.
2. Байтин М. И. Вопросы общей теории государства и права. Саратов : Изд-во ГОУ ВПО «Саратовская государственная академия права». 2006. 400 с.
3. Еськина И. А. Механизм приобретения гражданских прав : дис. ... канд. юрид. наук : 12.00.03. Н. Новгород, 2015. 211 с.
4. Иоффе О. С. Избранные труды: В 4 т. Т. 2. Советское гражданское право. СПб. : Издательство «Юридический центр Пресс», 2004. 511 с.

5. Мейер Д. И. Русское гражданское право (в 2 ч.). По исправленному и дополненному 8-му изд., 1902. Изд. 3-е, испр. М. : Статут, 2003. 831 с.

6. Синайский В. И. Русское гражданское право. М. : Статут, 2002. 636 с.

7. Чеговадзе Л. А. Реализация гражданской правосубъектности в действиях, признаваемых сделками // Lex Russica. 2023. № 6. С. 9–21.

8. Явич Л. С. Проблемы правового регулирования советских общественных отношений. М. : Госюриздат, 1961.

References

1. Alekseev S. S. Collected works. In 10 vols. Vol. 3: Problems of the theory of law : a course of lectures. M. : Statute, 2010.

2. Baytin M. I. Questions of the general theory of the state and law. Saratov : Publishing House of the Saratov State Academy of Law. 2006. 400 p.

3. Eskina I. A. Mechanism of acquisition of civil rights : dis. ... cand. jurid. Sciences : 12.00.03. N. Novgorod, 2015. 211 p.

4. Ioffe O. S. Selected Works: In 4 volumes, vol. 2. Soviet civil Law. SPb. : Publishing house «Law Center Press», 2004. 511 p.

5. Meyer D. I. Russian civil law (in 2 parts). According to the amended and supplemented 8th ed., 1902. 3rd ed., ispr. M. : Statute, 2003. 831 p.

6. Sinaisky V. I. Russian civil Law. M. : Statute, 2002. 636 p.

7. Chegovadze L. A. The realization of civil personality in actions recognized as transactions // Lex Russica. 2023. № 6. P. 9–21.

8. Yavich L. S. Problems of legal regulation of Soviet public relations. M. : Gosyurizdat, 1961.

Информация об авторе

А. А. Демин – доцент кафедры гражданского и трудового права, гражданского процесса Московского университета МВД России имени В.Я. Кикотя, кандидат юридических наук, доцент.

Information about the author

A. A. Demin – Associate Professor of the Department of Civil and Labor Law, Civil Procedure of the Moscow University of the Ministry of Internal Affairs of Russia named after V.Ya. Kikot', Candidate of Legal Sciences, Associate Professor.

Статья поступила в редакцию 13.02.2025; одобрена после рецензирования 11.03.2025; принята к публикации 04.04.2025.

The article was submitted 13.02.2025; approved after reviewing 11.03.2025; accepted for publication 04.04.2025.

Научная статья

УДК 342

<https://doi.org/10.24412/2414-3995-2025-2-50-53>

EDN: <https://elibrary.ru/tbaxup>

ИПОН: 2015-0066-2/25-211

MOSURED: 77/27-011-2025-02-410

О некоторых вопросах правового регулирования нестандартных форм трудовой деятельности иностранных работников

Павел Олегович Дутов

Главное управление по вопросам миграции Министерства внутренних дел Российской Федерации,
Москва, Россия, po.dutov@mail.ru

Аннотация. Проанализирована актуальная проблематика нестандартных форм трудовой деятельности иностранных граждан. Раскрыта сущность таких форм занятости, причины участия в них иностранных работников, а также последствия с точки зрения правовой регламентации вопросов реализации права на осуществление трудовой деятельности. Особое внимание обращено на такие формы занятости как «самозанятость», платформенная занятость, дистанционная трудовая деятельность, а также работа в частном агентстве занятости. По итогам исследования высказаны предложения по совершенствованию правовой регламентации в данной сфере, в том числе в части расширения как обязательных требований к работодателям, так и контрольно-надзорных полномочий органов публичной власти.

Ключевые слова: внешняя трудовая миграция, нестандартная занятость, право на трудовую деятельность, иностранный работник, иностранная рабочая сила, трудовой мигрант, трудовая деятельность

Для цитирования: Дутов П. О. О некоторых вопросах правового регулирования нестандартных форм трудовой деятельности иностранных работников // Вестник экономической безопасности. 2025. № 2. С. 50–53. <https://doi.org/10.24412/2414-3995-2025-2-50-53>. EDN: TBAXUP.

Original article

On some issues of legal regulation of non-standard forms of labor activity of foreign workers

Pavel O. Dutov

Main Directorate for Migration of the Ministry of Internal Affairs of Russia, Moscow, Russia,
po.dutov@mail.ru

Abstract. The actual problems of non-standard forms of labor activity of foreign citizens are analyzed. The essence of such forms of employment, the reasons for the participation of foreign workers in them, as well as the consequences from the point of view of legal regulation of issues of the right to work are revealed. Special attention is paid to such forms of employment as «self-employment», platform employment, remote work, as well as work in a private employment agency. Based on the results of the study, proposals are presented to improve the effectiveness of legal regulation in this area, including in terms of expanding both mandatory requirements for employers, customers of works (services), and the control and supervisory powers of public authorities.

Keywords: external labor migration, non-standard employment, right to work, foreign worker, foreign labor force, migrant worker, labor activity

For citation: Dutov P. O. On some issues of legal regulation of non-standard forms of labor activity of foreign workers. Bulletin of economic security. 2025;(2):50–3. (In Russ.). <https://doi.org/10.24412/2414-3995-2025-2-50-53>. EDN: TBAXUP.

С учетом современных реалий, таких как изменение характера трудовой деятельности и появление новых форм приложения труда, выходящих за рамки привычной многим полной и бессрочной занятости, развитие современных цифровых технологий, желание все

большого числа работников самостоятельно определять временные рамки режима труда и отдыха, а также безусловно экономические факторы (кризисы и безработица), в настоящее время значительное развитие получают нестандартные формы занятости.

© Дутов П. О., 2025

В целях более осознанного понимания терминологических особенностей следует обозначить ранее отмеченные в научных работах признаки стандартных форм занятости: бессрочные трудовые договоры, оформленные в письменной форме, выполнение трудовых обязанностей полный рабочий день, с фиксированным рабочим местом, на предприятии или в организации под контролем работодателя.

Нестандартные формы занятости представляют собой собирательный термин, включающий по данным Международной организации по миграции такие формы занятости, отличные от стандартной, как временная (срочная) занятость, работа на условиях неполного рабочего времени, временный заемный труд и другие многосторонние трудовые отношения, а также замаскированные трудовые отношения и зависимая самостоятельная занятость.

Следует учитывать, что трудовая деятельность иностранных работников, исходя из широкого круга предусмотренных законодательством различных механизмов ее регулирования, не находится в стороне от рассматриваемой в данной работе проблематики.

Напротив, принимая во внимание повышенный в последнее время интерес общества к миграционным вопросам, рассмотрение правового регулирования нестандартных форм трудовой деятельности иностранных работников представляет интерес как в научном, так и в прикладном плане.

Следует отметить, что с учетом специфики законодательства в сфере миграции нестандартная занятость иностранных работников является достаточно частым явлением, исходя из понятийного аппарата Федерального закона от 25 июля 2002 г. № 115-ФЗ [4], определившего трудовую деятельность иностранного гражданина как его работу на основании трудового или гражданско-правового договора.

В развитии данного законоположения определены и стороны соответствующих договоров. С одной стороны, иностранный работник, а с другой, – либо работодатель (физическое или юридическое лицо, получившее разрешение на привлечение иностранных работников (далее – РНП) (за исключением случаев, предусмотренных законом) и использующее их труд на основании заключенных с ними трудовых договоров), либо заказчик работ (услуг) (лицо, получившее в установленном порядке РНП (за исключением случаев, предусмотренных законом) и использующее их труд на основании гражданско-правовых договоров на выполнение работ (оказание услуг).

Заказчик работ (услуг) во всех случаях возникает в качестве одной из сторон договора при осуществлении иностранным гражданином деятельности в качестве «самозанятого», т. е. лица, получающего профессиональный доход.

Федеральным законом от 27 ноября 2018 г. № 422-ФЗ такой доход определяется как доход физических лиц от деятельности, при ведении которой они не имеют

работодателя и не привлекают наемных работников по трудовым договорам, а также доход от использования имущества.

Участие в эксперименте принимают как граждане Российской Федерации, так и граждане государств – членов Евразийского экономического союза (далее – ЕАЭС).

По данным ФНС России, количество «самозанятых» граждан государств – членов ЕАЭС составляет 180 тыс. человек (граждан Киргизии – более 134 тыс., Белоруссии – более 23 тыс., Армении – более 10 тыс., Казахстана – более 10 тыс.).

Выгода для иностранного гражданина, осуществляющего трудовую деятельность и являющегося «самозанятым», с учетом размера налога – 4 % (с дохода от сделок с физическими лицами) и 6 % (с дохода от сделок с юридическими лицами и индивидуальными предпринимателями) вместо «подходного» налога в размере 13 %, налицо.

При этом еще более в выгодных условиях при привлечении самозанятого иностранного гражданина находится его работодатель, так как данный механизм позволяет существенным образом минимизировать расходы на работников.

Так, у работодателя в отношении облагаемого дохода, выплаченного самозанятому, не возникает обязанностей налогового агента и, как следствие, нет необходимости уплачивать «подходный» налог с таких доходов и представлять расчет 6-НДФЛ.

Кроме того, выплаты самозанятому не надо облагать страховыми взносами (основной единый тариф взносов – 30 %, взносов на травматизм до 8,5 % в зависимости от класса профессионального риска организации) и отражать в отчетности по страховым взносам. Экономия на привлечении самозанятых иностранных граждан достигает 45 % фонда оплаты труда.

При этом работодателю не требуется соблюдать в отношении указанных лиц гарантии, предусмотренные Трудовым кодексом Российской Федерации [2], в том числе связанные с несчастными случаями, профессиональными заболеваниями, а также временной нетрудоспособностью.

Таким образом, мигранты, работающие в качестве «самозанятых», представляют для их заказчиков работ (услуг) самую дешевую и по большей части бесправную рабочую силу, что является стимулом к привлечению именно таких рабочих.

Вместе с тем иностранный работник изначально является наиболее слабой стороной трудовых отношений, а в случае наступления несчастного случая или временной нетрудоспособности ложится грузом на социальную инфраструктуру Российской Федерации, и без того испытывающую серьезные сложности.

Следует отметить, что развитие «самозанятости» как формы нестандартной занятости иностранных работников тесно связано с другой его формой – платфор-

менной занятостью, то есть деятельностью цифровых платформ труда.

В литературе такие платформы делят на две большие группы – он-лайн-платформы на основе веб-технологий и платформы на основе геолокации (работники первых выполняют трудовые задания дистанционно или в удаленном режиме (например, выполнение переводов, разработка программного обеспечения на фрилансерских и конкурсных платформах, анализ данных на платформах конкурентного программирования, выполнение краткосрочных заданий, таких как аннотирование изображений, цензура контента или расшифровка видео на платформах микрозаданий), а работники вторых – выполняют задания собственными силами в определенных физических местах (услуги такси, доставка на дом, бытовое обслуживание, домашняя работа и услуги по уходу).

Работники регистрируются на платформе, получают заказы от клиентов и выполняют их, при этом оплачивают комиссию, которую начисляет платформа за свои услуги.

Невозможность обеспечения достаточного уровня контроля качества работников, а также взаимного объема прав как заказчиков работ (услуг), так и самих работников ведет по сути к созданию предпосылок скрытой эксплуатации работников, включая несоблюдение уже упоминавшихся гарантий, предусмотренных ТК РФ, которые с учетом специфики «самозанятости» являются по сути жестом доброй воли как со стороны платформы, так и со стороны заказчика работ (услуг).

Следует отметить, что работодатели обязаны соблюдать все нормы и правила, установленные законодательством, в отношении социальной защиты своих работников в случае, если они являются дистанционными.

Дистанционная занятость представляет собой форму занятости, при которой работник выполняет свои трудовые обязанности на расстоянии от работодателя. Она позволяет работникам выполнять свои обязанности без необходимости находиться в офисе или на рабочем месте.

Дистанционная занятость может быть организована различными способами, включая использование видеоконференций, электронной почты, чатов, файлообменных сервисов и других технологий.

В свою очередь, работодатели могут предоставлять работникам компьютеры, программное обеспечение и другие ресурсы, необходимые для осуществления трудовой деятельности.

Однако, дистанционная занятость также может иметь свои недостатки, такие как отсутствие прямого контроля со стороны работодателя, проблемы с коммуникацией и координацией, а также социальной защищенностью дистанционных работников.

Несмотря на то, что работодатели обязаны, как уже было указано выше, соблюдать предусмотренные законодательством нормы и правила в отношении социальной защиты своих дистанционных сотрудников (напри-

мер, безопасных условий труда, соблюдение требований по охране труда и технике безопасности), проконтролировать это крайне затруднительно.

Проблемным вопросом в этом случае является обеспечение реализации соответствующих полномочий со стороны контролирующих органов публичной власти при нахождении работника за пределами Российской Федерации.

Несмотря на то, что ТК РФ не предусматривает заключение трудового договора о дистанционной работе с иностранными гражданами, осуществляющими трудовую деятельность за рубежом, его вполне возможно заменить на договор гражданско-правового характера, что еще более выгодно работодателю как показало настоящее исследование.

Немаловажный акцент в этом случае необходимо сделать на баланс трудовых ресурсов, являющийся средством оценки трудового потенциала и источником информации о его использовании. Он представляет собой комплексный метод изучения состава и использования трудовых ресурсов и благодаря этому служит инструментом для объединения всей имеющейся информации о рынке труда. С его помощью раскрываются источники формирования рабочей силы, связи и пропорции в распределении ее по отраслям экономики и видам экономической деятельности, между отдельными регионами страны.

Несомненно лица, осуществляющие трудовую деятельность в дистанционном формате из-за рубежа, не попадают в официальный статистический инструментарий и не учитываются при оценке российского рынка труда, что ведет к искажению статистической информации.

В научных работах в качестве проблематики отмечается, что больше 90 % налогов с заработных плат и НДС в обозначенной сфере не уплачиваются в бюджет, а теневой формат использования заемного труда имеет негативные последствия: выпадающие доходы бюджета, бюджетов внебюджетных фондов, так как организации, предоставляющие заемных работников, для получения прибыли, с учетом сложившихся цен на данном рынке, вынуждены большую часть заработной платы выплачивать неофициально; низкая доля российских граждан занята в сфере заемного труда в силу предпочтения мигрантам из-за более низких зарплат за счет демпинга закупочных цен; нарастающая социальная напряженность в обществе, в том числе в среде трудовых мигрантов из ближнего зарубежья.

При этом следует отметить, что в соответствии со ст. 6 Федерального закона от 5 мая 2014 г. № 116-ФЗ особенности въезда, пребывания, осуществления миграционного учета и трудовой деятельности иностранных граждан, направляемых работодателем к физическому лицу или юридическому лицу, не являющимся их работодателями, по договору о предоставлении труда работников (персонала), устанавливаются Федеральным законом от 15 августа 1996 г. № 114-ФЗ [3], Федеральным

законом от 25 июля 2002 г. № 115-ФЗ и Федеральным законом от 18 июля 2006 г. № 109-ФЗ [5].

Вместе с тем до настоящего времени указанные федеральные законы соответствующих особенностей не предусматривают.

В заключении следует отметить, что проведенный анализ нестандартных форм занятости иностранных работников показал, что законодательство не предусматривает решение накопившихся проблемных вопросов в данной сфере.

Имеющаяся в настоящее время острота проблем в области миграции требует безотлагательного их решения, которое в рассматриваемой части заключается в необходимости совершенствования правового регулирования трудовой деятельности иностранных работников.

Так, с одной стороны, видится необходимость в создании эффективной системы социального обеспечения нестандартных форм занятости, включая использование договоров добровольного страхования рисков, связанных с ухудшением у иностранного работника состояния здоровья в результате несчастного случая, заболевания, травмы, отравления, повлекшие утрату трудоспособности, а также их медицинского страхования.

Создание такой системы обеспечит гарантии оказания иностранным гражданам медицинской помощи, повысит их социальную защищенность, а также приведет к значительной экономии бюджетных средств.

Кроме того, создание указанной системы позволит предотвратить распространение инфекционных заболеваний, создающих угрозу санитарно-эпидемиологическому благополучию Российской Федерации, а также выведет из теневого оборота финансовые средства, которые уплачиваются мигрантами, минуя установленный порядок оплаты медицинских услуг.

С другой стороны, необходимо усиливать контрольно-надзорные полномочия органов публичной власти, направленных на оценку возможных нарушений обязательных требований со стороны работодателей, заказчиков работ (услуг).

Кроме того, целесообразно введение дополнительных требований для третьих лиц (например, цифровых платформ занятости, ЧАЗ) в части направления сведений о трудоустройстве иностранных работников, а также распространение в связи с этим на них контрольно-надзорных полномочий органов публичной власти.

Библиографический список

1. Договор о Евразийском экономическом союзе от 29 мая 2014 г. // СПС «КонсультантПлюс».
2. Трудовой кодекс Российской Федерации // СПС «КонсультантПлюс».
3. Федеральный закон от 15 августа 1996 г. № 114-ФЗ «О порядке выезда из Российской Федерации и въезда в Российскую Федерацию» // СПС «КонсультантПлюс».
4. Федеральный закон от 25 июля 2002 г. № 115-ФЗ «О правовом положении иностранных граждан в Российской Федерации» // СПС «КонсультантПлюс».
5. Приказ Минтруда России от 30 декабря 2016 г. № 851н «Об утверждении Классификации видов экономической деятельности по классам профессионального риска».

Bibliographic list

1. Treaty on the Eurasian Economic Union of May 29, 2014 // LRS «ConsultantPlus».
2. Labor Code of the Russian Federation // LRS «ConsultantPlus».
3. Federal Law of August 15, 1996 № 114-FZ «On the order of departure from the Russian Federation and entry into the Russian Federation» // LRS «ConsultantPlus».
4. Federal law from July 25, 2002 № 115-FZ «On the legal status of foreign citizens in the Russian Federation» // LRS «ConsultantPlus».
5. Order of the Russian Ministry of Labor of December 30, 2016, № 851n «On Approval of the Classification of Types of Economic Activities by Classes of Occupational Risk».

Информация об авторе

П. О. Дутов – заместитель начальника управления Главного управления по вопросам миграции Министерства внутренних дел Российской Федерации.

Information about the author

P. O. Dutov – Deputy Head of the Department of the Main Directorate for Migration of the Ministry of Internal Affairs of Russia.

Статья поступила в редакцию 29.01.2025; одобрена после рецензирования 20.02.2025; принята к публикации 28.03.2025.

The article was submitted 29.01.2025; approved after reviewing 20.02.2025; accepted for publication 28.03.2025.

Научная статья

УДК 346

<https://doi.org/10.24412/2414-3995-2025-2-54-59>

EDN: <https://elibrary.ru/sxwsrs>

НИОН: 2015-0066-2/25-212

MOSURED: 77/27-011-2025-02-411

Влияние специальной военной операции на правовое регулирование гражданско-правовой ответственности участников предпринимательской деятельности

Оксана Михайловна Дьяченко¹, Евгений Олегович Зайцев²

^{1,2} Военный университет имени князя Александра Невского Министерства обороны Российской Федерации, Москва, Россия

¹ 89265810558@mail.ru

² 1b1@list.ru

Аннотация. Рассматриваются вопросы, посвященные влиянию СВО на регулирование обязательственных отношений с участием предпринимателей, выступающих участниками специальной военной операции, рассмотрению частичной мобилизации как основания изменений существенных условий договора.

Ключевые слова: предпринимательская деятельность, специальная военная операция, участники специальной военной операции, гражданско-правовая ответственность, изменение существенных условий контракта

Для цитирования: Дьяченко О. М., Зайцев Е. О. Влияние специальной военной операции на правовое регулирование гражданско-правовой ответственности участников предпринимательской деятельности // Вестник экономической безопасности. 2025. № 2. С. 54–59. <https://doi.org/10.24412/2414-3995-2025-2-54-59>. EDN: SXWSRS.

Original article

The impact of a special military operation on the legal regulation of civil liability of business participants

Oksana M. Dyachenko¹, Evgeniy O. Zaytsev²

^{1,2} Prince Alexander Nevsky Military University of the Ministry of Defense of the Russian Federation, Moscow, Russia

¹ 89265810558@mail.ru

² 1b1@list.ru

Abstract. Considered the issues related to the influence of SMO on the regulation of contractual relations with the participation of entrepreneurs participating in a special military operation, consideration of partial mobilization as the basis for changes in the essential terms of the contract.

Keywords: entrepreneurial activity, special military operation, participants in a special military operation, civil liability, change of essential terms of the contract

For citation: Dyachenko O. M., Zaytsev E. O. The impact of a special military operation on the legal regulation of civil liability of business participants. Bulletin of economic security. 2025;(2):54–9. (In Russ.). <https://doi.org/10.24412/2414-3995-2025-2-54-59>. EDN: SXWSRS.

Проведение специальной военной операции (далее – СВО) является фактом современной действительности, который нашел отражение в правовой политике государства. Указанное определяется как закономерное явление, поскольку, как верно отмечено Н. В. Исаковым, сущность политики сводится к возможности активизировать работу права на защиту общественных интересов [3, с. 20], а целью ее проведения выступает необходимость придания правовой формы

позиции государства относительно наступивших существенных изменений.

СВО, как вынужденная принимаемая мера со стороны Российской Федерации, отразилась на позиции государства в отношении лиц, являющихся участниками военной операции, одновременно обладающими статусом субъекта предпринимательских отношений.

В октябре 2022 г. Федеральный закон «О мобилизационной подготовке и мобилизации в Российской Феде-

рации» (далее – Закон о мобилизации) дополнен ст. 21.1, которая устанавливает в качестве отдельной категории граждан, призываемых на военную службу по мобилизации – индивидуальных предпринимателей. Нормы указанного документа не распространяют в отношении отмеченных лиц ограничений и запретов, определенных в Федеральном законе от 27 мая 1998 г. № 76-ФЗ «О статусе военнослужащих» [11] в части занятия предпринимательской деятельностью.

В соответствии со ст. 1 Закона о мобилизации под мобилизацией следует понимать систему мер, связанных с переводом экономики страны, а также органов государственной власти и организаций на работу, осуществляемую в условиях военного времени. Это касается и перевода Вооруженных Сил государства, войск, воинских и специальных формирований на организацию и состав военного времени [12].

Одним из видов такой мобилизации является частичная мобилизация, пределы которой устанавливаются нормативными правовыми актами. Принятое на основании Указа Президента РФ от 21 сентября 2022 г. № 647 «Об объявлении частичной мобилизации в Российской Федерации» [13] решение о частичной мобилизации на законодательном уровне сопровождается и устранением возникающих негативных гражданско-правовых последствий ввиду участия в мобилизации граждан предпринимателей и задействованных в выполнении договорных обязательств, в качестве обязанной стороны.

В современный период в правовой доктрине особой дискуссии подвергаются вопросы, касающиеся установления юридической природы и тенденций исполнения предпринимательских обязательств, так как они представляют значимость для осуществления договорной деятельности [4, с. 126; 5, с. 151].

В рамках науки предпринимательского права для установления обязательств, возникающих в рамках осуществления предпринимательской деятельности, используются термины «предпринимательское обязательство» и «предпринимательский договор» [14, с. 44]. Предпринимательские договоры обладают следующими признаками: предпринимательские обязательства опосредуемы предпринимательской деятельностью; субъектами предпринимательских обязательств выступают государственные (муниципальные) органы и коммерческие организации; в той или иной степени государственные органы осуществляют регулирование предпринимательских обязательств; любые предпринимательские договоры содержат указания на санкции, применяемые при нарушении сторонами условий договора [2, с. 17]. Все перечисленные признаки присущи предпринимательскому договору, однако государственное регулирование и применение к сторонам санкций при нарушении условий договора следует рассматривать как признаки не только предпринимательских, но и гражданских договоров.

Норма, порождающая возможность изменения существенных условий, является общеобязательной, а за-

ключаемый договор, как соглашение сторон, должен основываться на балансе интересов участников. Пределы, а именно установление максимально возможных значений в части существенных условий не устанавливаются, соответственно ограничительным фактором является добросовестность и разумность как гражданско-правовые категории, учитывающие интересы заказчика и возможность исполнения контрагента.

Принимаемые Правительством Российской Федерации меры, впервые в современной истории, помимо регулирования вопросов установления гарантий и мер социальной поддержки субъектов, задействованных в частичной мобилизации, выходят на регулирование договорных гражданско-правовых предпринимательских правоотношений в части установления норм, освобождающих от правовых последствий, связанных с неисполнением, ненадлежащим исполнением обязательств, в отдельных случаях, прекращающих отношения с участием данных субъектов.

Так, законодателем принят комплекс таких мер, направленных на урегулирование ситуации в случае мобилизации лиц, осуществляющих предпринимательскую деятельность.

В 2022 г. Правительство Российской Федерации допустило возможность изменения существенных условий контрактов, которые были заключены в целях обеспечения федеральных нужд на основании мобилизации, влияющей на невозможность исполнения контракта [15].

Объявленная частичная мобилизация [16] в контексте государственных закупок, была признана юридически значимым фактом, позволяющим на основании договора изменить существенные условия заключенного контракта без применения штрафных санкций к стороне, не способной исполнить принятые обязательства, ввиду принятого государством решения.

Высказывается позиция, согласно которой указанное нововведение направлено на поддержку заказчиков и участников по ФЗ-44 [17; 18]. Однако, указанное мнение, является спорным, поскольку, в более привилегированное положение поставлены именно исполнители. Кроме того, оно устанавливает запрет на возможность заказчика в одностороннем порядке отказаться от исполнения контракта при наличии оснований, указанных в ст. 523 ГК РФ и допускает применение штрафных санкций.

Постановлением Правительства РФ от 4 июля 2018 г. № 783 [19] закреплены правила по списанию сумм неустоек, которые были начислены поставщику, но не списаны заказчиком в случае неисполнения обязательств, указанных в контракте (далее – Правила). Они не содержат основания для писания сумм неустоек в отношении лиц, не исполнивших обязательства в связи с частичной мобилизацией.

В рамках постановления Правительства РФ от 15 октября 2022 г. № 1838 Правила требуют корректировки в части установления возможности списания

сумм неустоек в отношении лиц, не исполнивших обязательства в связи с частичной мобилизацией.

Частичная мобилизация, в контексте рассматриваемого вопроса, отнесена к обстоятельствам непреодолимой силы при рассмотрении вопроса включения в реестр недобросовестных поставщиков (подрядчиков, исполнителей) [20].

При этом открытым остается вопрос о возможности рассмотрения частичной мобилизации, как обстоятельства непреодолимой силы, возникающего в договорных отношениях, которые не связаны с государственными контрактами. Однако исполнение обязанностей по контракту находится в причинно-следственной связи с объявленной мобилизацией.

На данное обстоятельство справедливо указывал в своих научных исследованиях Д. М. Генкин. Следует с ним согласиться в том, что освобождение от ответственности по обязательству возможно в силу обусловленных военными действиями определенных обстоятельств. В качестве примера ученый приводит ситуацию, когда колхоз не освобождается от принятых обязательств в случае военной мобилизации его жителей, так как военные действия обязывают его работать более интенсивно [8, с. 4].

Однако частичная мобилизация в контексте указанного вопроса рассматривается на предмет возможности отнесения к обстоятельствам непреодолимой силы.

Обстоятельства непреодолимой силы применимы ко всем гражданско-правовым отношениям, и безусловная оговорка в части отнесения частичной мобилизации к таким обстоятельствам, недопустима.

Согласно ч. 3 ст. 401 ГК РФ непреодолимая сила возникает по причине обстоятельств, не подлежащих предотвращению с учетом необходимой предусмотрительности и внимательности, каждое из которых должно соответствовать установленным критериям: добросовестности, причинно-следственной связи, продолжительности, добросовестном принятии всех разумных мер.

В соответствии с разъяснениями Пленума Верховного Суда Российской Федерации, изложенным в постановлении от 24 марта 2016 г. № 7 «О применении судами некоторых положений Гражданского кодекса Российской Федерации об ответственности за нарушение обязательств»: (а) под чрезвычайностью понимается особая исключительность возникшего обстоятельства, наступление которого не может признаваться обычным при конкретных условиях; (б) под непредотвратимостью – когда субъект гражданского оборота не может избежать наступления определенного обстоятельства или его последствий [21].

Ученые-исследователи высказывают различные подходы относительно характеристики непредсказуемого и неординарного обстоятельства, когда непреодолимая сила исключает возможности их предвидения участниками договорных правоотношений, а ее возникновение не может быть связано с действиями определенных лиц [9].

В частности, по мнению Д. И. Мейера непреодолимой силой выступает сила высшей категории случайность, которую невозможно никаким образом предотвратить или предусмотреть [10, с. 245]. Аналогичной позиции придерживается и М. М. Агарков [1].

По своей сути, частичная мобилизация может обладать признаками неотвратимости и чрезвычайности, которые стороны предпринимательских отношений не могли предвидеть и предотвратить. Однако, указанное не коррелирует с положением ст. 2 Закона о мобилизации, предусматривающие такие принципы ее осуществления как заблаговременность и плановость.

Так, С. В. Зимнева, исследуя рассматриваемый вопрос, допускает возможность наступления событий, препятствующих выполнению стороной своих договорных обязательств. В подобных случаях следует отражать в предпринимательском договоре определенные условия о возможной мобилизации как форс-мажорную оговорку. Это позволит в период мобилизации освободить от ответственности при неисполнении договорных обязательств или приостановить их исполнение [7].

Судебная практика, при заявлении сторонами довода о частичной мобилизации, как обстоятельстве непреодолимой силы, однозначно не отвечает на данный вопрос.

В данных обстоятельствах, принятие закона, предусматривающего, право на изменение существенных условий договора, при наличии таких оснований как принятие решения о мобилизации, частичной мобилизации на основании соглашения сторон, при установлении факта невозможности надлежащего исполнения принятого обязательства, является наиболее оптимальной формой реакции законодателя на изменение сложившейся обстановки и направленной на стабилизацию гражданско-правовых отношений. Ученые справедливо указывают на стремление субъектов гражданского оборота иметь деловые контакты с добросовестными контрагентами, выполняющими принятые ими обязательства в полном соответствии с имеющимся договором [6, с. 38].

Следующим шагом, предусматривающим регулированием договорных отношений в кредитной сфере, стало принятие ФЗ № 377 [22], которым предусмотрены правовые последствия в части юридической судьбы долговых обязательств в период прохождения службы, а также в случае признания лица – должника безвестно отсутствующим, умершим, включая обязательства физического лица – индивидуального предпринимателя.

В данном случае прекращение долговых обязательств гражданско-правового характера, в случае смерти, лиц, указанных в нормативном правовом акте, по своей сути является социальной поддержкой, включенной в регулирование обязательственных правоотношений, в качестве основания их прекращения.

Продолжением проводимой политики государства в вопросах поддержки участников СВО является распоря-

жение Правительства Российской Федерации № 3046-р [23] (далее – Распоряжение Правительства). В соответствии с п. 2 указанного документа возможна отсрочка уплаты арендной платы на время прохождения военной службы (или оказания содействия в выполнении задач, возложенных на Вооруженные Силы Российской Федерации), а также расторжение договора аренды без применения штрафных санкций.

Следует отметить, что положениями Распоряжения Правительства затронуты аспекты договорных отношений с участниками СВО применительно к федеральной собственности. Однако п. 7 указана норма рекомендательного характера в отношении собственности субъектов федерального уровня и органов местного управления. Реакция данных субъектов на данное положение отражена в их правовых актах [например, 24].

Однако, обязанным органом, призванным обеспечить применение Распоряжения Правительства является Росимущество. Следует отметить, что функции по управлению федеральным имуществом могут реализовывать и другие федеральные органы исполнительной власти.

В связи с отмеченными обстоятельствами полагаем необходимым внести некоторые изменения в Распоряжение Правительства. В частности, п. 9 данного документа целесообразно дополнить положением, обязывающим государственные органы исполнительной власти, осуществляющим функции по управлению федеральным имуществом, принимать меры по предоставлению отсрочки уплаты арендной платы. Это касается, прежде всего, договоров аренды имущества, собственником которого является субъект федерального уровня или местного управления, на время прохождения военной службы (или оказания добровольного содействия в выполнении задач, возложенных на Вооруженные Силы Российской Федерации), а также возможности расторжения договоров аренды без применения штрафных санкций.

Таким образом, современная действительность, отражает консолидацию общества и государства. Законодательные новеллы в регулирование договорных отношений, продиктованные проведением СВО, по нашему мнению, оцениваются как меры правовой поддержки, в том числе, субъектов предпринимательской деятельности, и направлены на сохранение стабильности обязательств, развитие предпринимательства, а сформулированные предложения направлены на дальнейшее совершенствование предпринимаемых мер государства в рассматриваемой сфере.

Список источников

1. Агарков М. М. Вопросы советского гражданского права : сб. 1. М.-Л. : Изд-во Академии наук СССР, 1945. 127 с.
2. Занковский С. С. Предпринимательские обязательства. М. : ООО «НБ-Медиа», 2012. 261 с.

3. Исаков Н. В. Правовая политика : теоретические подходы к исследованию // Право и политика. 2003. № 5. С. 18–24.

4. Левушкин А. Н. Договоры в предпринимательской деятельности : учебник. М. : Проспект, 2021. 400 с.

5. Левушкин А. Н., Кузьмина И. К. Тенденции исполнения предпринимательских обязательств в правоприменительной деятельности // Современный юрист. 2020. № 2. С. 150–166.

6. Левушкин А. Н., Морозов С. Ю. Проверка контрагента перед заключением договора как непоименованный способ обеспечения исполнения предпринимательских обязательств // Юрист. 2021. № 7. С. 37–42.

7. Зимнева С. В. Военная мобилизация как обстоятельство непреодолимой силы // Законы России: опыт, анализ, практика. 2023. № 11. С. 75–79.

8. Генкин Д. М. Судебная практика по гражданским делам в период Великой Отечественной войны. М. : Юридическое издательство НКЮ СССР, 1943. 41 с.

9. Кончаков А. Б., Черноштанова Ю. И. Обстоятельства непреодолимой силы как основание освобождения от гражданско-правовой ответственности // СПС «Гарант».

10. Мейер Д. И. Русское гражданское право. М. : «Статут», 2003.

11. Федеральный закон от 27 мая 1998 г. № 76-ФЗ «О статусе военнослужащих» // Собрание законодательства Российской Федерации от 1 июня 1998 г. № 22. Ст. 2331.

12. Федеральный закон от 26 февраля 1997 г. № 31-ФЗ «О мобилизационной подготовке и мобилизации в Российской Федерации» // Собрание законодательства Российской Федерации от 3 марта 1997 г. № 9. Ст. 1014.

13. Указ Президента РФ от 21 сентября 2022 г. № 647 «Об объявлении частичной мобилизации в Российской Федерации» // Собрание законодательства Российской Федерации, 26 сентября 2022 г. № 39. Ст. 6590.

14. Левушкин А. Н. Договоры в предпринимательской деятельности : учебник. М. : Проспект, 2023.

15. Постановление Правительства РФ от 15 октября 2022 г. № 1838 «Об изменении существенных условий контрактов, заключенных для обеспечения федеральных нужд, в связи с мобилизацией в Российской Федерации, об изменении некоторых актов Правительства Российской Федерации по вопросам осуществления закупок товаров, работ, услуг для обеспечения государственных и муниципальных нужд и закупок товаров, работ, услуг отдельными видами юридических лиц и о признании утратившими силу отдельных положений постановления Правительства Российской Федерации от 25 декабря 2018 г. № 1663» // Собрание законодательства Российской Федерации, 24 октября 2022 г. № 43. Ст. 7399.

16. Указ Президента РФ от 21 сентября 2022 г. № 647 «Об объявлении частичной мобилизации в Российской Федерации» // Собрание законодательства Российской Федерации, 26 сентября 2022. № 39. Ст. 6590.

17. Журнал «Руководитель бюджетной организации», № 1, январь 2023 г. С. 17–25.

18. Письмо Минфина России от 27 октября 2022 г. № 24-06-08/104139 «О рассмотрении обращения» // СПС «Гарант».

19. Постановление Правительства РФ от 4 июля 2018 г. № 783 // Собрание законодательства Российской Федерации от 9 июля 2018 г. № 28. Ст. 4242.

20. Постановление Правительства РФ от 30 июня 2021 г. № 1078 «О порядке ведения реестра недобросовестных поставщиков (подрядчиков, исполнителей), о внесении изменений в некоторые акты Правительства Российской Федерации и признании утратившими силу некоторых актов и отдельных положений некоторых актов Правительства Российской Федерации» // Собрание законодательства Российской Федерации от 12 июля 2021 г. № 28 (часть I). Ст. 5508.

21. Разъяснения Пленума Верховного Суда Российской Федерации, изложенным в постановлении от 24 марта 2016 г. № 7 «О применении судами некоторых положений Гражданского кодекса Российской Федерации об ответственности за нарушение обязательств» // Российская газета от 4 апреля 2016 г. № 70.

22. Федеральный закон от 7 октября 2022 г. № 377-ФЗ «Об особенностях исполнения обязательств по кредитным договорам (договорам займа) лицами, призванными на военную службу по мобилизации в Вооруженные Силы Российской Федерации, лицами, принимающими участие в специальной военной операции, а также членами их семей и о внесении изменений в отдельные законодательные акты Российской Федерации» // Собрание законодательства Российской Федерации, 10 октября 2022 г. № 41. Ст. 6939.

23. Распоряжение Правительства РФ от 15 октября 2022 г. № 3046-р «О предоставлении отсрочки арендной платы по договорам аренды федерального имущества в связи с частичной мобилизацией» // Собрание законодательства Российской Федерации, 24 октября 2022 г. № 43. Ст. 7453.

24. Постановление Правительства Москвы от 22 марта 2022 г. № 407-ПП «О мерах экономической поддержки в условиях санкций и внесении изменений в правовые акты города Москвы» // URL: <https://www.mos.ru/authority/documents/doc/48545220/?ysclid=m3knxd111m911027474/>

References

1. Agarkov M. M. Issues of Soviet civil law : collection 1. M. : Publishing House of the USSR Academy of Sciences, 1945. 127 p.

2. Zankovsky S. S. Entrepreneurial obligations. M. : NB-Media LLC, 2012. 261 p.

3. Isakov N. V. Legal policy : theoretical approaches to research // Law and politics. 2003. № 5. P. 18–24.

4. Levushkin A. N. Contracts in entrepreneurial activity : textbook. M. : Prospekt, 2021. 400 p.

5. Levushkin A. N., Kuzmina I. K. Trends in the fulfillment of entrepreneurial obligations in law enforcement activities // Modern lawyer. 2020. № 2. P. 150–166.

6. Levushkin A. N., Morozov S. Yu. Verification of the counterparty before concluding a contract as an unnamed way to ensure the fulfillment of business obligations // Lawyer. 2021. № 7. P. 37–42.

7. Zimneva S. V. Military mobilization as a force majeure circumstance // Laws of Russia: experience, analysis, practice. 2023. № 11. P. 75–79.

8. Genkin D. M. Judicial practice in civil cases during the Great Patriotic War. M. : Legal Publishing House of the NKYSU of the USSR, 1943. 41 p.

9. Konchakov A. B., Chernoshanova Yu. I. Force majeure circumstances as a basis for exemption from civil liability // LRS «Garant».

10. Meyer D. I. Russian Civil Law. M. : Statute, 2003.

11. Federal Law № 76-FZ of May 27, 1998 «On the status of military personnel» // Collection of Legislation of the Russian Federation dated June 1, 1998, № 22. Art. 2331.

12. Federal Law № 31-FZ dated February 26, 1997 «On mobilization training and mobilization in the Russian Federation» // Collection of Legislation of the Russian Federation dated March 3, 1997, № 9. Art. 1014.

13. Decree of the President of the Russian Federation dated September 21, 2022 № 647 «On the announcement of partial mobilization in the Russian Federation» // Collection of Legislation of the Russian Federation, September 26, 2022 № 39. Art. 6590.

14. Levushkin A. N. Contracts in business : textbook. M. : Prospekt, 2023.

15. Decree of the Government of the Russian Federation of October 15, 2022 № 1838 «On changing the essential terms of contracts concluded to meet federal needs in connection with mobilization in the Russian Federation, on changing certain acts of the government of the Russian Federation on procurement of goods, works, and services to meet state and municipal needs and procurement of goods, works services provided by certain types of legal entities and on invalidation of certain provisions of the decree of the Government of the Russian Federation dated December 25, 2018 № 1663» // Collection of Legislation of the Russian Federation, October 24, 2022, № 43. Art. 7399.

16. Decree of the President of the Russian Federation dated September 21, 2022, № 647 «On the announcement of partial mobilization in the Russian Federation» // Collection of Legislation of the Russian Federation, September 26, 2022, № 39. Art. 6590.

17. The magazine «Head of a budget organization», № 1, January 2023. P. 17–25.

18. Letter of the Ministry of Finance of the Russian Federation of October 27, 2022 № 24-06-08/104139 «On consideration of the appeal» // LRS «Garant».

19. Decree of the Government of the Russian Federation of July 4, 2018 № 783 // Collection of Legislation of the Russian Federation of July 9, 2018 № 28. Art. 4242.

20. Decree of the Government of the Russian Federation of June 30, 2021 № 1078 «On the procedure for maintaining the register of unscrupulous suppliers (contractors, performers), on amendments to certain acts of the Government of the Russian Federation and the invalidation of certain acts and certain provisions of certain acts of the Government of the Russian Federation» // Collection of Legislation of the Russian Federation of July 12, 2021, № 28 (Part I). Art. 5508.

21. Clarifications of the Plenum of the Supreme Court of the Russian Federation set out in Resolution № 7 of March 24, 2016 «On the application by courts of certain provisions of the Civil Code of the Russian Federation on liability for breach of obligations» // Rossiyskaya Gazeta № 70 of April 4, 2016.

22. Federal Law № 377-FZ of October 7, 2022 «On the specifics of fulfilling obligations under loan agreements (loan agreements) by persons called up for military service

in the Armed Forces of the Russian Federation, persons participating in a special military operation, as well as their family members, and on amendments to certain legislative acts of the Russian Federation» // Collection of Legislation of the Russian Federation, October 10, 2022, № 41. Art. 6939.

23. Decree of the Government of the Russian Federation of October 15, 2022 № 3046-r «On granting deferral of rent under lease agreements for federal property in connection with partial mobilization» // Collection of Legislation of the Russian Federation, October 24, 2022, № 43. Art. 7453.

24. Decree of the Government of Moscow of March 22, 2022 № 407-PP «On measures of economic support in the context of sanctions and amendments to the legal acts of the city of Moscow» // URL: <https://www.mos.ru/authority/documents/doc/48545220/?ysclid=m3knxd111m911027474/>

Информация об авторах

О. М. Дьяченко – старший преподаватель Военного университета имени князя Александра Невского Министерства обороны Российской Федерации, кандидат юридических наук;

Е. О. Зайцев – доцент Военного университета имени князя Александра Невского Министерства обороны Российской Федерации, кандидат юридических наук.

Information about the authors

O. M. Dyachenko – Senior Lecturer of the Prince Alexander Nevsky Military University of the Ministry of Defense of the Russian Federation, Candidate of Legal Sciences;

E. O. Zaitsev – Associate Professor of the Prince Alexander Nevsky Military University of the Ministry of Defense of the Russian Federation, Candidate of Legal Sciences.

Вклад авторов: все авторы сделали эквивалентный вклад в подготовку публикации. Авторы заявляют об отсутствии конфликта интересов.

Contribution of the authors: the authors contributed equally to this article. The authors declare no conflicts of interests.

Статья поступила в редакцию 10.02.2025; одобрена после рецензирования 24.03.2025; принята к публикации 07.04.2025.

The article was submitted 10.02.2025; approved after reviewing 24.03.2025; accepted for publication 07.04.2025.

Научная статья

УДК 343.101:344.22

<https://doi.org/10.24412/2414-3995-2025-2-60-65>

EDN: <https://elibrary.ru/pjogqw>

ИПОН: 2015-0066-2/25-213

MOSURED: 77/27-011-2025-02-412

Из истории образования Луганской полиции (историко-правовое исследование)

Александр Егорович Епифанов^{1,2}

¹ Государственный университет управления, Москва, Россия,
mvd_djaty@mail.ru

² Московский финансово-промышленный университет «Синергия», Москва, Россия

Аннотация. Вступление на престол императрицы Екатерины II ознаменовало начало нового этапа в развитии системы отечественных органов охраны правопорядка. Создание 30 марта 1783 г. Указом Екатерины II из Азовской и Новороссийской губерний Екатеринославского наместничества повлекло формирование на территории нынешней Луганской народной республики первых органов полиции. Попытка раскрыть организационные и правовые основы образования луганской полиции явилась целью настоящей статьи.

Ключевые слова: Луганский литейный завод, полиция, полицмейстер, квартальные надзиратели

Для цитирования: Епифанов А. Е. Из истории образования Луганской полиции (историко-правовое исследование) // Вестник экономической безопасности. 2025. № 2. С. 60–65. <https://doi.org/10.24412/2414-3995-2025-2-60-65>. EDN: PJOGQW.

Original article

From the history of the formation of the Lugansk police (historical and legal research)

Alexander E. Epifanov^{1,2}

¹ State University of Management, Moscow, Russia,
mvd_djaty@mail.ru

² Moscow University of Finance and Industry «Synergy», Moscow, Russia

Abstract. The accession to the throne of Empress Catherine II marked the beginning of a new stage in the development of the system of domestic law enforcement agencies. The creation of the Yekaterinoslav vicegerency on March 30, 1783 by the Decree of Catherine II from the Azov and Novorossiysk provinces led to the formation of the first police bodies on the territory of the current Lugansk People's Republic. An attempt to reveal the organizational and legal foundations of the formation of the Lugansk police was the purpose of this article.

Keywords: Lugansk foundry, police, police chief, district supervisors

For citation: Epifanov A. E. From the history of the formation of the Lugansk police (historical and legal research). Bulletin of economic security. 2025;(2):60–5. (In Russ.). <https://doi.org/10.24412/2414-3995-2025-2-60-65>. EDN: PJOGQW.

В связи с присоединением к Российской Федерации новых территорий, особую актуальность приобретает изучение и установление дат образования их органов правопорядка. История органов полиции Луганщины неразрывно связана с историей Донецкого (Славяно-сербского) уездов Екатеринославской губернии. Луганщина представляет собой составную часть Донбасса. Первой ее административно-территориальной единицей стала образованная в 1719 г. Бахмутская провинция. В 1784 г., учитывая значительный прирост населения,

из Бахмутской провинции был выделен Донецкий уезд. При этом центром уезда стало село Подгорное, преобразованное затем в город Донецк, ныне Славяносербск. Донецкий уезд просуществовал вплоть до 1797 г., когда император Павел I снова присоединил его к Бахмутскому уезду. В 1806 г., после смерти Павла I, учитывая потребности социально-экономического развития, уезд был восстановлен и превращен в самостоятельную административно-территориальную единицу под новым наименованием «Славяносербский». В 1808 г. импера-

© Епифанов А. Е., 2025

тор Александр I утвердил план нового административного уездного центра – город Славяносербск.

По имеющимся географическим данным, в частности картам Екатеринославского наместничества [13, л. 1] установлено, что в своей значительной части современная Луганская Народная Республика ныне располагается на территории сформировавшихся в конце XVIII в. Донецкого уезда с уездным центром Донецк (ныне – поселок городского типа Славяносербск) и Бахмутского уезда с уездным центром Бахмут (ныне – г. Артемовск) Екатеринославского наместничества, полицейские органы в которых, были созданы одновременно, по штату 1783 г.

Согласно штату Екатеринославского наместничества в Донецком и Бахмутском уездах в этом году были введены должности городничих с окладом 300 рублей в год и земских исправников с окладом 250 рублей в год. Первым городничим в городе Донецке в 1784 г. был назначен обер-провиантмейстер Нечаев Сатир Иванович, земским исправником в Донецком уезде секунд-майор Сабов Василий Степанович [13, л. 1; 15, с. 139–140]. Первым городничим в городе Бахмуте в том же году был назначен надворный советник Станкевич Михаил Николаевич, земским исправником в Бахмутском уезде секунд-майор Мамацев Илья Гаврилович [15, с. 137–138].

Следует согласиться с экспертным заключением профессора А. Ю. Климова, вынесенного на основе анализа конкретного исторического материала, согласно которому исторически достоверной датой образования органов внутренних дел Луганской Народной Республики следует считать день утверждения императрицей Екатериной II штата Екатеринославского наместничества – 30 марта (10 апреля по новому стилю) 1783 г., в соответствии с которым были введены должности городничих и земских исправников в Донецком и Бахмутском уездах Екатеринославского наместничества. При этом для определения исторически достоверных дат образования территориальных органов внутренних дел А. Ю. Климовым был использован принцип первого упоминания (с конкретной датой) в исторических источниках о полицейских органах или должностных лицах на территориях, в городах или населенных пунктах, входящих в современные границы региона.

Возникновение собственно города Луганска связано с основанием 14 ноября 1795 г. в долине реки Лугань согласно Указу императрицы Екатерины II чугунолитейного завода [17, с. 815–817]. Села Каменный брод и Вергунка были первыми населенными пунктами, принявшими его строителей и рабочих. В 1797 г. император Павел I своей резолюцией на доклад главного директора Берг-коллегии М. Ф. Соймонова присвоил названному предприятию, равно как и возникшему вокруг него рабочему поселку наименование «Луганский литейный завод» [18, с. 355]. 3 сентября 1882 г. император Александр III утвердил положение Комитета министров

Российской империи «О возведении Луганского завода на степень уездного города, под именем Луганска» [23, с. 395–396].

Анализ источников, Полного собрания законов Российской Империи, материалов Российского государственного архива древних актов, Архивной службы Луганской народной республики, а также опубликованных работ показал, что вплоть до середины 20-х гг. XIX в., какие либо сведения относительно организации и деятельности органов полиции на территории Луганского литейного завода, равно как и прилегающих населенных пунктов, отсутствуют. Судя по обнаруженным организационно-штатным документам Правления названного завода, а также разного рода служебной и производственной переписке, полицейские функции там осуществлялись прежде всего его руководством в лице управляющего, пристава и надзирателей.

Согласно Указу Екатерины II «Об устройении литейного завода в Донецком уезде при речке Лугани и об учреждении ломки найденного в той стране каменного угля» 14 ноября 1795 г. и соответствующему штатному расписанию при заводе вводились должности заводского пристава, 3-х поручиков (для рудников, каменной ломки, смотрения за магазином, а также 2-х сержантов (заводского и магазинного). Также «для стражи» при заводе полагалась воинская команда, включавшая поручика, подпоручика, прапорщика, 2-х сержантов, 2-х каптенармусов, 3-х капралов, 100 рядовых и 2 барабанщиков [20, с. 222]. Каких либо полицейских чинов ни названным указом, ни штатным расписанием при этом предусмотрено не было.

Накануне, 30 января 1781 г. императрица Екатерина II своим указом «Об определении к заводам и промыслам по одному приставу...» [16, с. 22], отнесла к компетенции последних исключительно распоряжение всеми хозяйственными делами указанных предприятий. Институт горных приставов, находившихся в ведении казенных палат, был призван осуществлять надзор за деятельностью заводов и рудников. Являясь непосредственным распорядителем в горно-заводском деле, приставы возглавляли заводы и рудники и подчинялись непосредственно управляющему горной конторы. Основные задачи приставов включали некоторые полицейские функции, в том числе по поддержанию общественного порядка, контролю над подведомственными им местными жителями, наблюдению за состоянием дорог, предотвращению эпидемических заболеваний [8, с. 185]. Также на приставов была возложена обязанность следить за настроениями, господствующими на вверенных их попечению территориях. Вместе с тем, названным указом особо оговаривался запрет приставам на производство по «судным делам» [10, с. 62]. Несмотря на то, что п. 4 названного указа приставам запрещалось наказывать приписанных к казенным заводам крестьян, они активно использовали эту прерогативу в своей практической деятельности. Об этом свидетельствует, например, переписка управляющего Луганским литейным за-

водом и заводского пристава с правлением о наказании шпицрутенами мастеровых за неповиновение начальству в октябре 1818 г. [7, л. 1–8].

В материалах Фонда № 1 Архивной службы Луганской народной республики (ЛНР) выявлены «Примерный штат казенного Луганского литейного завода» 1797 г. [1, л. 5 об. 6]; Штатные ведомости чиновников Луганского литейного завода за 1797–1798 гг. [4, л. 6]; «Послужной список о чиновниках, служащих при Луганском заводе за 1812 год» [3, л. 14–16].

Исследование фонда № 271 («Берг-коллегия») Российского государственного архива древних актов (РГАДА) позволило выявить «Именной список чиновников и чинов, находящихся при Луганском литейном заводе» от 5 сентября 1798 г. [29, л. 421], «Краткую ведомость находящихся при казенном Луганском литейном заводе людям, обращающимся в работы с 1 ноября по 1 декабря 1798 год» [29, л. 428 об.], «Краткий табель о чиновниках, английских смотрителях и мастеровых, состоящих под дирекцией действительного статского советника и кавалера Гаскойна за октябрь месяц 1802 г. [29, л. 12]; Именной список чиновникам, находящимся при Луганском заводе» от 13 октября 1806 г. [27, л. 733–736 с об.].

Анализ перечисленных материалов позволил установить, что со времени основания Луганского литейного завода и одноименного поселка полицейские функции на их территории осуществлялись под руководством и при участии горного начальства (управляющего заводом и членов правления) заводскими надзирателями, учрежденными при заводе, руднике и «магазине». Именно они занимались поддержанием порядка на заводе, разбирательствами в отношении совершавшихся в его пределах правонарушений и т. п. Например, в 1799 г. главному директору Берг-коллегии М. Ф. Соймонову поступил рапорт члена правления Луганского литейного завода Я. Нилуса об обнаружении среди работавших на нем польских военнопленных беглых крестьян и дезертиров из русской армии. Эти обстоятельства были установлены подслушавшим разговоры заключенных заводским надзирателем С. Першиным и рапортовавшим об этом на рассмотрение правления завода [29, л. 413–415 об.] В аналогичном порядке осуществлялось разбирательство по рапортам управляющего заводом К. Гаскойна об убитом в 1805 г. мастеровом А. Дудкине [24, л. 1–6]; недостатке в 1805 г. у шихтмейстера В. Опахалова казенных вещей [25, л. 46]; об отсылке в 1800 г. в Бахмутский уездный суд дела, произведенного в Луганском правлении над приписным крестьянином [26, л. 39] и др.

Необходимо отметить, что заводские приставы и надзиратели являлись чинами горного ведомства и имели специальные звания. Полицейские функции на Луганском литейном заводе, а также местах обитания его работников, польских военнопленных и осужденных преступников в частности, осуществляли командиры и личный состав инвалидной воинской команды,

также находившейся в заводском штате. К октябрю 1806 г. названная команда помимо 2-х офицеров включала 6 унтеров и 88 рядовых [27, л. 734]. К их компетенции относился надзор за «польскими бродягами» и присылаемыми на завод из губернии арестантами. Также военнослужащие охраняли заводской острог [2, л. 1–10], исполняли обязанности будочников и пр.

Необходимо отметить, что на Луганском литейном заводе, который помимо всего прочего служил местом ссылки, использовались разного рода ссыльные и поднадзорные. Они большей частью направлялись на завод помещиками для «исправления», иначе – на принудительные работы, на разные сроки, а иногда без указания срока – до востребования. Так, генеральша Грекова 19 января 1810 г. подала в правление Луганского завода прошение следующего содержания: «...крестьян моих Степана, Тимофея и Диментия Курносовых за чинимые грубости и за самовольные побег... покорнейше прошу принять и употребить их в тягчайшие заводские работы до востребования моего».

Некоторые полицейские функции на заводе и в поселке исполняли мастеровые, которые по возрасту или состоянию здоровья были лишены возможности принимать участие в производственном процессе. Они не только поддерживали порядок, но и исполняли обязанности сторожей. Так, в октябре 1802 г. на Луганском литейном заводе числились 59 сторожей из мастеровых [27, л. 12].

В 1806 г. императором Александром I был составлен и утвержден проект Горного положения, который предполагалось испытывать в течение пяти лет, и затем, пересмотрев, окончательно утвердить. Но по разным обстоятельствам проект, оставаясь в действии, вошел в первое издание Свода законов, причем, не целиком, а отдельными фрагментами, образовав наиболее существенную часть горного законодательства первой половины XIX в. [19, с. 457–469].

Горное положение состояло из 17 глав и имело в общей сложности 943 статьи. Глава 14 служила основанием для создания горной полиции (ст. 772–822). Состояла она из семи разделов. В разделе «А» сообщалось об учреждении, составе и управлении горной полиции. В разделе «Б» перечислялись ее обязанности. Раздел «В» трактовал о правилах, которыми руководствовалась горная полиция при производстве вверенных ей дел. Остальные разделы («Г» – «Ж») посвящались полицейским структурам, а именно: управе благочиния, городничему, нижнему земскому суду, горному и заводскому исправнику. Названный проект включал штаты горной полиции, также включенные в Свод законов.

Как отмечают специалисты, для Луганского литейного завода создание специальной горной полиции на тот момент не предусматривалось. В качестве причин этого обстоятельства называются следующие:

1) действие проекта первоначально рассчитывалось только на 5 лет;

2) по сравнению с Уралом в Луганском литейном заводе был не такой большой размах горного производства;

3) правительство было занято войной с наполеоновской Францией и у государства не было достаточно средств финансирования новых должностей;

4) император Николай I считал вредным изъятие полицейского управления от губернского «в малых», незначительных горных округах.

Необходимо добавить, что на этом этапе Луганский литейный завод находился в удручающем экономическом положении, в силу которого ставился вопрос о его закрытии.

Полицейский надзор на Луганском заводе специалистами уподоблялся Олонецким заводам, где согласно положению Комитета министров от 1826 г. деятельность по общей безопасности осуществляла «Градская» полиция в Петрозаводске и земская полиция в уездах [14, с. 82].

Между тем, контингент работников, использовавшихся и проживавших на Луганском литейном заводе, делал непосредственное присутствие полиции весьма актуальным. Высылка на Луганский завод провинившихся крестьян имела место еще в начале XIX в., но особенно большой размах она приобрела в 1810–1820-х гг., когда ежегодно на заводские работы поступали десятки крепостных крестьян. Последние прибывали на завод с направлением уездного (в землях Войска Донского – окружного) земского суда, к которому присовокуплялась определенная сумма денег «на кормление». В направлении указывался срок высылки. По мнению исследователей, помещались ссыльные крестьяне в заводской острог, где они находились в ведении заводской полиции, оттуда уже под охраной направлялись на самые тяжелые, каторжные работы [9, с. 22]. В основном это были работы в заводских угольных шахтах. Обычно крестьяне ссылались на год, иногда на полгода, после чего они возвращались своим помещикам. В некоторых случаях срок высылки был более продолжительным и неопределенным. В 1820 г. на Луганский завод были сосланы 69 активных участников крестьянских движений на Дону [11, с. 33]. В фонде № 1 Архивной службы ЛНР за 1820-е гг. можно встретить сотни прошений донских помещиков о разрешении прислать на завод своих провинившихся крестьян.

Поиски материалов, касающихся организации и деятельности горной полиции на территории Луганского литейного завода в РГАДА за 1806–1828 гг. результатов не дали. Некоторые публикации упоминают об «Инструкции о должности исправнику над непременноми работниками» [12], изданной якобы в 1820 г., согласно которой в его обязанности вменялись неослабное наблюдение за заводскими старшинами, сотниками и десятниками на предмет неукоснительного исполнения ими возложенных на них обязанностей; понуждение к работе ленивых и нерадивых путем на-

ложения соответствующих взысканий и штрафов; безотлагательная поимка в селениях воров и беглых. Однако каких либо достоверных источников с упоминанием названной инструкции или ее оригинала ни в РГАДА, ни в Архивной службе ЛНР выявить не представилось возможным.

Однако в Архивной службе ЛНР были выявлены некоторые документы середины 20-х гг. XIX в., содержащие упоминания о заводской полиции. Один из них представляет собой предписание заводской полиции от 6 мая 1824 г. о наказании розгами неперменных работников, совершивших кражу инструментов с мельницы [6, с. 4, 4 об.] Другой – рапорт заводской полиции горному начальнику Луганского литейного завода о постановке на довольствие поступающих в заводской острог арестантов, присылаемых исправниками – помещиками для «употребления в заводские работы» и датируется 2 августа 1824 г. [5, с. 5]. Вместе с тем, каких либо материалов о структуре, формировании и компетенции заводской полиции, в том числе организационно – штатных, в Архивной службе ЛНР также не выявлено.

С 1816 г. Луганский литейный завод стал приносить одни убытки. Министр финансов России граф Е. Ф. Канкрин в конце 1826 г. докладывал императору Николаю I, что казна, истратив на этот завод несколько миллионов, остается в большом убытке. Множество выданных заводу нарядов не выполнено. Требовались экстренные меры, чтобы привести завод в лучшее состояние.

В июне 1827 г. берг-инспектор Е. П. Ковалевский приехал на Луганский завод. Собрав необходимые сведения, в сентябре он вернулся в Петербург, разработал предложения к лучшему устройству Луганского завода и представил их комитету по устройству горных казенных заводов. На журнале Комитета министров 3 декабря 1827 г. Николай I собственноручно написал: «Согласен, по Луганскому заводу надо сделать проект нового устройства, ибо не стоит тратить деньги на нынешнее его положение».

28 апреля 1828 г. императором был утверждено Положение об устройстве Луганского литейного завода с примерным его временным штатом [21, с. 506]. Последний включал должности полицмейстера с окладом в 750 рублей и 2-х квартальных надзирателей с окладами по 240 рублей. Делопроизводство заводской полиции осуществляли письмоводитель при полицмейстере (оклад 240 рублей), унтер-шихмейстер при полиции для переписок (оклад 120 рублей) и двое писцов (с окладами по 96 рублей) [22, с. 180].

Так как данный нормативный правовой акт является первым известным высочайше утвержденным документом, регламентирующим образование подразделения полиции для Луганского литейного завода, по нашему мнению целесообразно взять за точку отсчета образования подразделения полиции Луганска 28 апреля 1828 г.

Список источников

1. Архивная служба Луганской народной республики (ЛНР). Ф. 1. Оп. 1. Д. 117.
2. Архивная служба ЛНР. Ф. 1. Оп. 1. Д. 138.
3. Архивная служба ЛНР. Ф. 1. Оп. 1. Д. 182.
4. Архивная служба ЛНР. Ф. 1. Оп. 1. Д. 192.
5. Архивная служба ЛНР. Ф. 1. Оп. 1. Д. 224.
6. Архивная служба ЛНР. Ф. 1. Оп. 1. Д. 230.
7. Архивная служба ЛНР. Ф. 1. Оп. 1. Д. 190.
8. Епифанов А. Е., Михайлова Н. В., Никитин А. Н., Калиниченко И. А., Феднева Н. Л., Абрамова Н. В., Эриашвили Н. Д. История органов внутренних дел дореволюционной России : учебное пособие для студентов вузов, обучающихся по направлению подготовки «Юриспруденция» / под ред. Н. В. Михайловой, А. Н. Никитина. М. : ЮНИТИ-ДАНА, 2023. 335 с.
9. Епифанов А. Е. Ссылка на каторжные работы как мера наказания гитлеровских военных преступников и их пособников // Ведомости уголовно-исполнительной системы. № 6 (97). 2010. С. 20–32.
10. Епифанов А. Е., Баев Р. Р., Джумагулов А. С. Федеральное вмешательство как институт федеративного государства (вопросы теории государства и права). Волгоград : Издательство ВАГС, 2011. 168 с.
11. Историческое краеведение Донецкий край в XIX веке : учебное пособие / Сост. О. В. Хаталах. Донецк : ГОУ ДПО «Донецкий РИДПО», 2019. 148 с.
12. История Луганского края. Глава 3. Луганщина в XIX веке. Луганский литейный завод // URL: <https://letopis.donbass-name.ru/istorija-luganskogo-kraja-glava-3-luganshhina-v-xix-veke-luganskij-litejnyj-zavod/>
13. Карта Екатеринославского Наместничества / [Соч. А. Вильбрехт] ; [Гравер] Харитонов. СПб., 1792.
14. Лучинин А. В. Горная полиция в России XIX–начала XX вв. : дис. ... канд. юрид. наук : 12.00.01. Н. Новгород, 2000. 196 с.
15. Макидонов А. В. Персональный состав административного аппарата Новороссии XVIII века. Запорожье : Просвіта, 2011. 336 с.
16. Полное собрание законов Российской Империи (ПСЗ РИ). Собрание 1-е. СПб., 1830. Т. 21. № 15115.
17. ПСЗ РИ. Собрание 1-е. СПб., 1830. Т. 23. № 17408.
18. ПСЗ РИ. Собрание 1-е. СПб., 1830. Т. 24. № 17832.
19. ПСЗ РИ. Собрание 1-е. СПб., 1830. Т. 29. № 22208.
20. ПСЗ РИ. Собрание 1-е. СПб., 1830. Т. 44. № 17407.
21. ПСЗ РИ. Собрание 2-е. СПб., 1830. Т. 3. № 2002.
22. ПСЗ РИ. Собрание 2-е. СПб., 1830. Т. 3. К № 2002–1828. Примерный временный штат Луганского горного завода.
23. ПСЗ РИ. Собрание 3-е. СПб., 1886. Т. 2. № 1085.
24. Российский государственный архив древних актов (РГАДА). Ф. 271. Оп. 5. Д. 2184.
25. РГАДА. Ф. 271. Оп. 5. Д. 2692.
26. РГАДА. Ф. 271. Оп. 5. Д. 2719.
27. РГАДА. Ф. 271. Оп. 7. Д. 2788.
28. РГАДА. Ф. 271. Оп. 7. Д. 2988.
29. РГАДА. Ф. 271. Оп. 7. Д. 2766.

References

1. Archival Service of the Lugansk People's Republic (LPR). F. 1. Op. 1. D. 117.
2. Archival Service of the LPR. F. 1. Op. 1. D. 138.
3. Archival Service of the LPR. F. 1. Op. 1. D. 182.
4. Archival Service of the LPR. F. 1. Op. 1. D. 192.
5. Archival Service of the LPR. F. 1. Op. 1. D. 224.
6. Archival Service of the LPR. F. 1. Op. 1. D. 230.
7. Archival Service of the LPR. F. 1. Op. 1. D. 190.
8. Epifanov A. E., Mikhailova N. V., Nikitin A. N., Kalinichenko I. A., Fedneva N. L., Abramova N. V., Eriashvili N. D. History of the internal affairs bodies of pre-revolutionary Russia : textbook for university students studying in the field of Law / edited by N. V. Mikhailova, A. N. Nikitin. M. : UNITY-DANA, 2023. 335 p.
9. Epifanov A. E. The reference to hard labor as a measure of punishment for Nazi war criminals and their accomplices // Vedomosti of penitentiary system. № 6 (97). 2010. P. 20–32.
10. Epifanov A. E., Baev R. R., Dzhumagulov A. S. Federal Intervention as an Institute of a Federative State (Issues of the Theory of State and Law). Volgograd : VAGS Publishing House, 2011. 168 p.
11. Historical Local Lore Donetsk Region in the XIX Century. Tutorial. Ed. O. V. Khatalakh. Donetsk : GOU DPO «Donetsk RIDPO», 2019. 148 p.
12. History of the Lugansk Region. Chapter 3. Luhansk region in the XIX century. Lugansk Foundry // URL: <https://letopis.donbass-name.ru/istorija-luganskogo-kraja-glava-3-luganshhina-v-xix-veke-luganskij-litejnyj-zavod/>
13. Map of the Ekaterinoslav Vicegerency / [Op. cit. by A. Wilbrecht] ; [Engraver] Kharitonov. SPb., 1792.
14. Luchinin A. V. Mountain Police in Russia of the XIX–early XX centuries : dis. ... cand. of legal sciences : 12.00.01. N. Novgorod, 2000. 196 p.
15. Makidonov A. V. Personal Composition of the Administrative Apparatus of Novorossiya XVIII Century. Zaporozhye : Prosvita, 2011. 336 p.
16. Complete Collection of Laws of the Russian Empire (PSZ RI). Sobranie 1-e. SPb., 1830. T. 21. № 15115.
17. PSZ RI. Sobranie 1-e. SPb., 1830. T. 23. № 17408.
18. PSZ RI. Sobranie 1-e. SPb., 1830. T. 24. № 17832.
19. PSZ RI. Sobranie 1-e. SPb., 1830. T. 29. № 22208.
20. PSZ RI. Sobranie 1-e. SPb., 1830. T. 44. № 17407.
21. PSZ RI. Sobranie 2-e. SPb., 1830. T. 3. № 2002.
22. PSZ RI. Sobranie 2-e. SPb., 1830. T. 3. № 2002–1828. Approximate temporary staff of the Lugansk Mining Plant.
23. PSZ RI. Sobranie 3-e. SPb., 1886. T. 2. № 1085.
24. Russian State Archive of Ancient Acts (RGADA). Fund 271. Op. 5. D. 2184.
25. RGADA. Fund 271. Op. 5. D. 2692.
26. RGADA. Fund 271. Op. 5. D. 2719.
27. RGADA. Fund 271. Op. 7. D. 2788.
28. RGADA. Fund 271. Op. 7. D. 2988.
29. RGADA. Fund 271. Op. 7. D. 2766.

Информация об авторе

А. Е. Епифанов – профессор кафедры публичного права и правового обеспечения управления Института государственного управления и права Государственного университета управления, профессор кафедры фундаментальных юридических и социально-гуманитарных дисциплин, Московского финансово-промышленного университета «Синергия», доктор юридических наук, профессор.

Information about the author

A. E. Epifanov – Professor of the Department of Public Law and Legal Support of Management of the Institute of Public Administration and Law of the State University of Management, Professor of the Department of Fundamental Law and Social and Humanitarian Disciplines of the Moscow University of Finance and Industry «Synergy», Doctor of Legal Sciences, Professor.

Статья поступила в редакцию 03.02.2025; одобрена после рецензирования 17.03.2025; принята к публикации 07.04.2025.

The article was submitted 03.02.2025; approved after reviewing 17.03.2025; accepted for publication 07.04.2025.

Общая теория права и государства. Курс лекций. Учебное пособие. Малахов В. П. 271 с. Гриф НИИ образования и науки. Гриф МУМЦ «Профессиональный учебник».

Центральной проблемой общей теории права и государства и ее главной целью, важной и для практики, и для юридического образования, являются правопонимание и государствовпонимание. При этом понимание природы и сущности права невозможно без понимания природы и сущности государства, и наоборот.

В предлагаемом курсе лекций правопонимание достигается через видение природы и сущности как права в целом, так и множества его элементов, моментов содержания, взятое в существенном отличии, с одной стороны, от догматического выстраивания действительного права как регулятора общественных отношений, а с другой – от философского понимания права как социально-духовного феномена.

В контексте правовой теории понимание природы и сущности государства формируется посредством выявления многообразия его связей с правом и раскрытия их взаимной противоречивости.

Курс лекций соответствует действующему образовательному стандарту для вузов системы МВД России. Предназначен для студентов (слушателей), аспирантов (адъюнктов) и преподавателей юридических вузов.

Научная статья

УДК 342

<https://doi.org/10.24412/2414-3995-2025-2-66-70>

EDN: <https://elibrary.ru/qcvlaf>

ИПОН: 2015-0066-2/25-214

MOSURED: 77/27-011-2025-02-413

Институт административно-деликтных запретов и ограничений

Владимир Вячеславович Журавлев

Рязанский филиал Московского университета МВД России имени В.Я. Кикотя, Рязань, Россия,

vz15111982@gmail.com

Аннотация. Настоящая статья посвящена исследованию правовой природы и содержания системы административно-деликтных запретов и ограничений, потребность в развитии и совершенствовании которых определяется не только теоретической, но и практической необходимостью поиска новых, нетрадиционных механизмов административно-правового регулирования широкого спектра общественных отношений. В рамках поднятой проблематики автором анализируются правоограничения, которые в соответствии с действующим законодательством могут быть применены к лицам, совершившим административные правонарушения в таких сферах как миграционный режим, безопасность дорожного движения, общественный порядок, государственно-служебные отношения. Делается вывод о том, что использование административно-деликтных запретов и ограничений существенно расширяет систему управленческих средств регулирования общественных отношений, повышает их эффективность, способно оказать положительное влияние на предупреждение девиантного поведения, служит эффективным средством общей и частной профилактики.

Ключевые слова: административное правонарушение, административно-деликтный режим, запреты, ограничения, государственное принуждение

Для цитирования: Журавлев В. В. Институт административно-деликтных запретов и ограничений // Вестник экономической безопасности. 2025. № 2. С. 66–70. <https://doi.org/10.24412/2414-3995-2025-2-66-70>. EDN: QCVLAF.

Original article

Institute of administrative tort prohibitions and restrictions

Vladimir V. Zhuravlev

Ryazan Branch of the Moscow University of the Ministry of Internal Affairs of Russia named after V.Ya. Kikot',

Ryazan, Russia, vz15111982@gmail.com

Abstract. This article is devoted to the study of the legal nature and content of the system of administrative-tort prohibitions and restrictions, the need for the development and improvement of which is determined not only by the theoretical, but also by the practical necessity of searching for new, non-traditional mechanisms of administrative-legal regulation of a wide range of public relations. Within the framework of the raised problems, the author analyzes legal restrictions that, in accordance with the current legislation, can be applied to persons who have committed administrative offenses in such areas as migration regime, road safety, public order, and state-official relations. It is concluded that the use of administrative-tort prohibitions and restrictions significantly expands the system of management tools for regulating public relations, increases their effectiveness, can have a positive effect on preventing deviant behavior, and serves as an effective means of general and specific prevention.

Keywords: administrative offense, administrative-tort regime, prohibitions, restrictions, state coercion

For citation: Zhuravlev V. V. Institute of administrative tort prohibitions and restrictions. Bulletin of economic security. 2025;(2):66–70. (In Russ.). <https://doi.org/10.24412/2414-3995-2025-2-66-70>. EDN: QCVLAF.

Актуальность совершенствования методологии государственного управления не вызывает сомнения и определяется развитием общественных отношений, появлением новых форм взаимодействия между их субъектами. Динамика эволюционирования социальных

связей требует от органов государственной власти не просто непрерывной работы по защите как частных, так и публичных интересов, а поддержания баланса между применяемыми средствами управленческого воздействия. Объективная оценка текущего состояния системы

© Журавлев В. В., 2025

права нашей страны позволяет констатировать смещение вектора регулирования общественных отношений в сторону принудительных средств поддержания правопорядка, что, по нашему мнению, является следствием недостаточной эффективности феномена позитивной юридической ответственности во многих сферах. Так, недостатки проводимой национальной миграционной политики привели к многочисленным фактам злоупотребления со стороны иностранных граждан (лиц без гражданства) [3] и натурализованных граждан РФ своим правовым положением [4]. В свою очередь, значительное число фактов невыполнения гражданами РФ своих конституционных обязанностей по содержанию определенных законодательством лиц, уплате установленных государством налогов и сборов послужило поводом для законодательного секвестирования отдельных прав нарушителей посредством возложения на них дополнительных запретов и ограничений [5], не являющихся административными наказаниями, но имеющих ярко выраженную принудительную природу.

Система административно-деликтных запретов и ограничений (в совокупности с обязанностями), выступающая средством поддержания правопорядка, образует особый правовой режим, основанием для введения которого является юридический факт совершения административных правонарушений. Все более частое использование отмеченных принудительных средств субъектами нормотворчества представляется индикатором, который определяет один из векторов развития административного законодательства в среднесрочной перспективе. Представляется, что потенциал развития административно-деликтных запретов и ограничений достаточно широк, а их эффективность для решения задач, стоящих в сфере государственного управления, не уступает мерам юридической ответственности и отмечается в научных исследованиях других авторов [1; 2].

Наибольшее применение административно-деликтные запреты и ограничения нашли в таких сферах как безопасность дорожного движения, регулирование миграционной политики, обеспечение общественной безопасности и правопорядка. Рассмотрим их более подробно.

Миграционная политика является одним из направлений, находящимся в сфере пристального внимания не только органов государственной власти, но и общества. Отмеченное обстоятельство определяется значительной интеграцией иностранных граждан в экономику нашей страны с одной стороны и существенным числом противоправных деяний, совершаемых такими лицами, с другой [6; 7]. Правовой основой для применения административно-деликтных запретов в отношении иностранных граждан (лиц без гражданства) выступает Федеральный закон от 15 августа 1996 г. № 114-ФЗ [8]. Так, п. 4 ст. 25 и п. 2 ч. 1 ст. 26 указанного нормативного правового акта предусматривают, что въезд в Российскую Федерацию может быть *запрещен* в случаях неоднократного привлечения этих лиц к административ-

ной ответственности в течение трех лет пребывания на территории Российской Федерации, а также совершения деяния, повлекшего административное выдворение за пределы Российской Федерации, депортацию или принятие решения о реадмиссии на срок, установленный законодательством Российской Федерации. Кроме этого, п. 5 ст. 28 того же закона предполагает возможность *ограничения* права иностранных граждан (лиц без гражданства), привлеченных к административной ответственности, покидать территорию Российской Федерации до исполнения назначенного административного наказания или до наступления юридического факта, влекущего освобождение указанных лиц от наказания.

Не менее интересным представляется развитие рассматриваемого института в разрезе миграционных новелл, дополнивших Федеральный закон от 25 июля 2002 г. № 115-ФЗ [9], в части введения на территории Российской Федерации нового административно-правового режима – реестра контролируемых лиц, предназначением которого служит надзор за обеспечением правомерного поведения иностранных граждан (лиц без гражданства), находящихся на территории Российской Федерации в условиях отсутствия оснований для законного пребывания (проживания).

Административно-деликтные запреты и ограничения, устанавливаемые в отношении иностранных граждан (лиц без гражданства), по мнению Ю. В. Степаненко, целесообразно классифицировать на:

- блок, ограничивающий экономические права;
- блок, ограничивающий личные права;
- блок, ограничивающий социальные права [1].

Так, к числу экономических запретов, применяемых к правонарушителям, находящимся в реестре контролируемых лиц, следует отнести ограничение отдельных прав, таких как приобретение недвижимого имущества и отдельных категорий транспортных средств, а также совершение с ними регистрационных действий [10; 11]; недопустимость регистрации юридических лиц и получения статуса индивидуального предпринимателя; приостановление права на осуществление всего спектра банковских операций за исключением переводов денежных средств в целях уплаты обязательных платежей, установленных законодательством Российской Федерации, а также переводов денежных средств на счет контролируемого лица и выдачи наличных денежных средств контролируемому лицу в сумме не более 30 тысяч рублей в месяц.

Ограничение личных прав иностранных граждан (лиц без гражданства), включенных в реестр контролируемых лиц, предусматривает запрет на изменение места жительства или места пребывания на территории Российской Федерации без разрешения уполномоченного на это должностного лица органов внутренних дел; запрет на свободный выезд за пределы территории, в границах которой пребывает (проживает) контролируемое лицо (за исключением выезда из Российской Фе-

дерации); ограничение на пользование специальным правом на управление транспортными средствами, перечень которых предусмотрен федеральным законодательством [12]; ограничение на допуск к сдаче квалификационных экзаменов на право управления транспортными средствами, а также получение (замену, обмен) водительского удостоверения.

В свою очередь, ограничение социальных прав иностранных граждан (лиц без гражданства) предусматривает запрет на заключение брака с гражданами Российской Федерации в целях искусственной легализации правового положения, предоставляемого институтом гражданства.

Следует отметить, что спектр административно-деликтных запретов и ограничений достаточно активно применяется и для регулирования правоотношений с участием граждан Российской Федерации. Так, в соответствии со ст. 67 Федерального закона от 2 октября 2007 г. № 229-ФЗ [13] должностные лица ФССП России наделены полномочиями по временному ограничению права на выезд должника, то есть гражданина РФ, имеющего задолженность по уплате алиментов, а также иных платежей (в том числе штрафов за совершение административных правонарушений) по исполнительному документу (исполнительным документам), из Российской Федерации до ее погашения в установленном порядке.

Перечень обеспечительных мер, предусмотренных указанным законом, достаточно разнообразен и допускает возможность ограничения отдельных имущественных прав.

Во-первых, в соответствии с п. 5 ч. 3 ст. 69 и ч. 4 ст. 80 Федерального закона от 2 октября 2007 г. № 229-ФЗ в рамках исполнительного производства судебные приставы-исполнители имеют право налагать арест на имущество должника, который находит свое выражение в запрете распоряжаться или пользоваться таким имуществом.

Во-вторых, в соответствии со ст. 67.1 того же нормативного правового акта в рамках исполнительного производства уполномоченными должностными лицами ФССП России может быть *ограничено* право физического лица на управление транспортными средствами до погашения задолженностей, явившихся основанием для применения данной меры государственного принуждения.

Весьма схожим представляется *ограничение* специального права на управление транспортными средствами, закрепленное в ч. 2.1 ст. 28 Федерального закона от 10 декабря 1995 г. № 196-ФЗ [12; 14], которое может быть применено в отношении физических лиц, допускающих уклонение от постановки на воинский учет или явки в военный комиссариат, то есть совершающих административное правонарушение, предусмотренное ст. 21.5 КоАП РФ.

Подчеркнем, что важность регулирования сферы дорожного движения и обеспечения ее безопасности

обусловили необходимость применения административно-деликтных запретов и ограничений в отношении лиц, допускаемых к управлению транспортными средствами.

Так, законодательно *запрещен* допуск к сдаче квалификационных экзаменов на получения права управления транспортными средствами, а также выдача водительских удостоверений следующим категориям: лицам, лишенным права на управление транспортными средствами за совершение административных правонарушений; лицам, не выполнившим условия возврата водительского удостоверения по истечении срока лишения права на управление транспортными средствами, предусмотренные законодательством Российской Федерации и т. д.

Наконец, третью группу образуют правоотношения, возникающие в сфере обеспечения общественного порядка. Для их регулирования законодатель нередко использует ограничение именно конституционных прав граждан, связанных с личной свободой и свободой передвижения. Например, административно-деликтные ограничения могут быть применены в отношении несовершеннолетних как средство защиты частных интересов. В соответствии с п. 5 ч. 2 ст. 22 Федерального закона от 24 июня 1999 г. № 120-ФЗ [15] свобода несовершеннолетних, совершивших административные правонарушения, может быть *ограничена* путем водворения в центры временного содержания, входящие в систему МВД России (далее – ЦВСНП), в случаях, когда их личность не установлена или отсутствует возможность в короткий срок передать подростков под надзор родителей (законных представителей). Несовершеннолетние, помещенные в ЦВСНП, обеспечиваются спальным местом, обувью, одеждой и питанием в соответствии с нормами положенности.

В свою очередь, установление административных *ограничений* может обуславливаться необходимостью защиты публичных интересов. Так, в соответствии с п. 2 ч. 3 ст. 3 Федерального закона от 6 апреля 2011 г. № 64-ФЗ [16], в отношении ранее судимого лица, имеющего непогашенную либо неснятую судимость и совершившего в течение одного года два и более административных правонарушения, посягающих на определенные законодателем общественные отношения, может быть установлен административный надзор. Он включает систему административных *обязанностей и запретов*, направленных на исправление осужденных, а также защиту интересов общества и государства от дальнейших нарушений правовых предписаний со стороны таких лиц.

Следует подчеркнуть, что административно-деликтные *запреты* используются и для регулирования государственно-служебных отношений. Так, Федеральный закон от 30 ноября 2011 г. № 342-ФЗ [17] прямо закрепляет, что гражданин не может быть принят на службу в органы внутренних дел в случае неоднократного привлечения к административной ответственности в судебном порядке за совершение умышленных адми-

нистративных правонарушений, которые имели место в течение одного года, предшествовавшего дню поступления на службу. Касаясь вопросов прохождения государственной службы, нельзя не отметить соотношение рассматриваемого института с дисциплинарно-правовыми последствиями совершения административных правонарушений сотрудниками органов внутренних дел. Они находят свое выражение в запретах и ограничениях, возникающих вследствие привлечения должностного лица к дисциплинарной ответственности за совершение административных правонарушений, перечень которых установлен ст. 2.5 КоАП РФ. Например, в указанных обстоятельствах сотрудник органов внутренних дел, находящийся в состоянии дисциплинарной наказанности, *ограничивается* в возможности представления к получению очередного специального звания, назначения на вышестоящую должность, а в случае наложения взыскания в виде предупреждения о не полном служебном соответствии исключается из книги почета (доски почета) соответствующего органа (подразделения) внутренних дел по месту прохождения службы.

Таким образом, краткий анализ состояния правоприменительной практики реализации административно-деликтных запретов и ограничений позволяет сделать следующие выводы.

Во-первых, использование рассмотренных мер государственного принуждения существенно расширяет систему управленческих средств регулирования общественных отношений в таких сферах как миграционная политика, безопасность дорожного движения, обеспечение общественной порядка, прохождение государственной службы.

Во-вторых, использование административно-деликтных запретов и ограничений может быть сопряжено с более существенными правограничениями для правонарушителей по сравнению с мерами административной ответственности, что способно оказать положительное влияние на предупреждение девиантного поведения, служить эффективным средством общей и частной профилактики.

Список источников

1. Степаненко Ю. В. Новеллы административно-деликтных запретов и ограничений в миграционном законодательстве // Современный юрист. 2024. № 3 (48). С. 48–57.
2. Осяк А. Н. Об ограничениях прав граждан в деятельности органов исполнительной власти // Ученые записки Крымского федерального университета имени В.И. Вернадского. Юридические науки. 2022. Т. 8 (74), № 1. С. 252–258.
3. Председатель СК России провел оперативное совещание по вопросам противодействия преступности в сфере миграции // URL : <https://sledcom.ru/press/events/item/1889402/>
4. Петров И. В РФ стали лишать гражданства тех, кто получил его и не встал на воинский учет // URL :

<https://rg.ru/2024/09/12/v-rf-stali-lishat-grazhdanstva-teh-kto-poluchil-ego-i-ne-vstal-na-voinskij-uchet.html/>

5. Доклад о результатах деятельности Управления Федеральной службы судебных приставов по Архангельской области и Ненецкому автономному округу за 2023 год // URL : https://r29.fssp.gov.ru/storage/015367f9-5483-41bb-859e-2a52fc64597a/Об_итогах_деятельности_за_2023_год.pdf/

6. Состояние преступности в Российской Федерации за январь–декабрь 2022 года // URL : <https://мвд.пф/reports/item/35396677/>

7. Состояние преступности в Российской Федерации за январь–декабрь 2023 года // URL : <https://мвд.пф/reports/item/47055751/>

8. Федеральный закон от 15 августа 1996 г. № 114-ФЗ «О порядке выезда из Российской Федерации и въезда в Российскую Федерацию» // Собрание законодательства Российской Федерации, 19.08.1996, № 34. Ст. 4029.

9. Федеральный закон от 25 июля 2002 г. № 115-ФЗ «О правовом положении иностранных граждан в Российской Федерации» // Собрание законодательства Российской Федерации, 29.07.2002, № 30. Ст. 3032.

10. Федеральный закон от 3 августа 2018 г. № 283-ФЗ «О государственной регистрации транспортных средств в Российской Федерации и о внесении изменений в отдельные законодательные акты Российской Федерации» // Собрание законодательства Российской Федерации, 06.08.2018, № 32 (часть I). Ст. 5076.

11. Федеральный закон от 2 июля 2021 г. № 297-ФЗ «О самоходных машинах и других видах техники» // Собрание законодательства Российской Федерации, 05.07.2021, № 27 (часть I). Ст. 5125.

12. Федеральный закон от 10 декабря 1995 г. № 196-ФЗ «О безопасности дорожного движения» // Собрание законодательства Российской Федерации, 11.12.1995, № 50. Ст. 4873.

13. Федеральный закон от 2 октября 2007 г. № 229-ФЗ «Об исполнительном производстве» // Собрание законодательства Российской Федерации, 08.10.2007, № 41. Ст. 4849.

14. Приказ МВД России от 21 июня 2023 г. № 426 «Об утверждении Порядка ограничения права на управление транспортными средствами в случае наличия сформированного в Едином реестре сведений о гражданах, подлежащих первоначальной постановке на воинский учет, гражданах, состоящих на воинском учете, а также о гражданах, не состоящих, но обязанных состоять на воинском учете, решения о принятии временных мер ограничения в отношении физического лица» // URL : <http://pravo.gov.ru/>

15. Федеральный закон от 24 июня 1999 г. № 120-ФЗ «Об основах системы профилактики безнадзорности и правонарушений несовершеннолетних» // Собрание законодательства Российской Федерации, 28.06.1999, № 26. Ст. 3177.

16. Федеральный закон от 6 апреля 2011 г. № 64-ФЗ «Об административном надзоре за лицами, освобожденными из мест лишения свободы» // Собрание законодательства Российской Федерации, 11.04.2011, № 15. Ст. 2037.

17. Федеральный закон от 30 ноября 2011 г. № 342-ФЗ «О службе в органах внутренних дел Российской Федерации и внесении изменений в отдельные законодательные акты Российской Федерации» // Собрание законодательства Российской Федерации, 05.12.2011, № 49 (ч. 1). Ст. 7020.

References

1. Stepanenko Yu. V. Novels of administrative-tort prohibitions and restrictions in migration legislation // Modern lawyer. 2024. № 3 (48). P. 48–57.

2. Osyak A. N. On restrictions on the rights of citizens in the activities of executive authorities // Scientific notes of the Crimean Federal University named after V.I. Vernadsky. Legal sciences. 2022. V. 8 (74), № 1. P. 252–258.

3. The Chairman of the Investigative Committee of Russia held an operational meeting on combating crime in the field of migration // URL: <https://sledcom.ru/press/events/item/1889402/>

4. Petrov I. In the Russian Federation, they began to deprive those who received their citizenship and did not register for military service // URL: <https://rg.ru/2024/09/12/v-rf-stali-lishat-grazhdanstva-teh-kto-poluchil-ego-i-ne-vstal-na-voinskij-uchet.html/>

5. Report on the results of the activities of the Office of the Federal Bailiff Service for the Arkhangelsk Region and the Nenets Autonomous Okrug for 2023 // URL: [https://r29.fssp.gov.ru/storage/015367f9-5483-41bb-859e-2a52fc64597a/On the results of activities for 2023.pdf/](https://r29.fssp.gov.ru/storage/015367f9-5483-41bb-859e-2a52fc64597a/On%20the%20results%20of%20activities%20for%202023.pdf/)

6. The state of crime in the Russian Federation in January–December 2022 // URL: <https://мвд.пф/reports/item/35396677/>

7. The state of crime in the Russian Federation in January–December 2023 // URL: <https://мвд.пф/reports/item/47055751/>

8. Federal Law № 114-FZ of August 15, 1996 «On the procedure for leaving the Russian Federation and entering the Russian Federation» // Collection of Legislation of the Russian Federation, 19.08.1996, № 34. Art. 4029.

9. Federal Law № 115-FZ of July 25, 2002 «On the legal status of foreign citizens in the Russian Federation» // Collection of Legislation of the Russian Federation, 29.07.2002, № 30. Art. 3032.

10. Federal Law № 283-FZ of August 3, 2018 «On state registration of vehicles in the Russian Federation and on amendments to certain legislative acts of the Russian Federation» // Collection of Legislation of the Russian Federation, 06.08.2018, № 32 (Part I). Art. 5076.

11. Federal Law of July 2, 2021 № 297-FZ «On self-propelled vehicles and other types of equipment» // Collection of Legislation of the Russian Federation, 05.07.2021, № 27 (Part I). Art. 5125.

12. Federal Law № 196-FZ of December 10, 1995 «On road safety» // Collection of Legislation of the Russian Federation, 11.12.1995, № 50, art. 4873.

13. Federal Law № 229-FZ of October 2, 2007 «On Enforcement Proceedings» // Collection of Legislation of the Russian Federation, 08.10.2007, № 41. Art. 4849.

14. Order of the Ministry of Internal Affairs of Russia of June 21, 2023 № 426 «On approval of the procedure for restricting the right to drive vehicles in the case of information in the unified register about citizens subject to initial military registration, citizens who are registered in the military, as well as citizens who are not, but are required to be in the military accounting, decisions on the adoption of temporary measures of restriction in relation to an individual» // URL : <http://pravo.gov.ru/>

15. Federal Law № 120-FZ of June 24, 1999 «On the fundamentals of the system for the prevention of neglect and juvenile delinquency» // Collection of Legislation of the Russian Federation, 28.06.1999, № 26. Art. 3177.

16. Federal Law № 64-FZ of April 6, 2011 «On administrative supervision of persons released from prison places of deprivation of liberty» // Collection of legislation of the Russian Federation, 11.04.2011, № 15. Art. 2037.

17. Federal Law № 342-FZ of November 30, 2011 «On service in the internal affairs bodies of the Russian Federation and amendments to certain legislative acts of the Russian Federation» // Collection of Legislation of the Russian Federation, 05.12.2011, № 49 (Part 1). Art. 7020.

Информация об авторе

В. В. Журавлев – доцент кафедры административного права и административной деятельности Рязанского филиала Московского университета МВД России имени В.Я. Кикотя, кандидат юридических наук.

Information about the author

V. V. Zhuravlev – Associate Professor of the Department of Administrative Law and Administrative Activities of the Ryazan Branch of the Moscow University of the Ministry of Internal Affairs of Russia named after V.Ya. Kikot', Candidate of Legal Sciences.

Статья поступила в редакцию 13.11.2024; одобрена после рецензирования 10.01.2025; принята к публикации 05.03.2025.

The article was submitted 13.11.2024; approved after reviewing 10.01.2025; accepted for publication 05.03.2025.

Научная статья

УДК 34

<https://doi.org/10.24412/2414-3995-2025-2-71-76>

EDN: <https://elibrary.ru/zpqbpj>

НИОН: 2015-0066-2/25-215

MOSURED: 77/27-011-2025-02-414

Правовые позиции Конституционного Суда РФ – современное «зерцало закона»?¹

Елена Александровна Зайцева

Волгоградская академия МВД России, Волгоград, Россия,

zaitceva-expert@rambler.ru

Аннотация. Анализируются правовые позиции Конституционного Суда Российской Федерации с точки зрения корректировки системы уголовно-процессуального права, обеспечения реализации принципа законности в деятельности правоприменителей. Критически оцениваются изменения ФКЗ № 1 «О Конституционном Суде Российской Федерации», установившие дополнительные условия приемлемости жалобы: годичный пресекательный срок обращения с жалобой в Конституционный Суд РФ и ограничение предмета обжалования исключительно ситуациями, в которых состоялось применение закона, нарушившего конституционные права и свободы граждан. Автор выделяет три аспекта, определяющих особое предназначение правовых позиций КС РФ как «Зеркала закона», когда эти правовые позиции выступают в качестве: 1) источников уголовно-процессуального права, 2) ориентиров для выстраивания адекватной правоприменительной практики на основе толкований КС РФ, 3) решений, корректирующих ранее сформулированные позиции. С учетом этого автор подвергает сомнению целесообразность вынесения Конституционным Судом Постановления № 37-П от 11 июля 2024 г., которое не отвечает ни одному из указанных предназначений, являя собой констатацию действующих нормативных установлений.

Ключевые слова: правовые позиции, Конституционный Суд РФ, принцип законности, состязательность уголовного судопроизводства, свобода обжалования, допустимость жалобы, специалист, свидетель, отвод

Для цитирования: Зайцева Е. А. Правовые позиции Конституционного Суда РФ – современное «зерцало закона»? // Вестник экономической безопасности. 2025. № 2. С. 71–76. <https://doi.org/10.24412/2414-3995-2025-2-71-76>. EDN: ZPQBPJ.

Original article

The legal positions of the Constitutional Court of the Russian Federation – a modern «mirror of the law»?

Elena A. Zaitseva

Volgograd Academy of the Ministry of Internal Affairs of Russia, Volgograd, Russia,

zaitceva-expert@rambler.ru

Abstract. The article analyzes the legal positions of the Constitutional Court of the Russian Federation from the point of view of adjusting the system of criminal procedure law, ensuring the implementation of the principle of legality in the activities of law enforcement officers. The amendments of the Federal Law № 1 «On the Constitutional Court of the Russian Federation» are critically evaluated, which established additional conditions for the admissibility of a complaint: a one-year pre-trial period for filing a complaint with the Constitutional Court of the Russian Federation and limiting the subject of appeal exclusively to situations in which the law was applied that violated the constitutional rights and freedoms of citizens. The author identifies three aspects highlighting the special purpose of the legal positions of the Constitutional Court of the Russian Federation as a «Mirror of the law» when these legal positions act as: 1) sources of criminal procedure law, 2) guidelines for building adequate law enforcement practice based on interpretations of the Constitutional Court of the Russian Federation, 3) decisions correcting previously formulated positions. In this regard, the author questions the expediency of the

¹ Данная статья подготовлена на основе доклада на XIV Международной научно-практической конференции «Уголовное судопроизводство: современное состояние и стратегия развития», состоявшейся 7 ноября 2024 г. в Московском университете МВД России имени В.Я. Кикотя.

Constitutional Court's Ruling № 37-P of July 11, 2024, which does not meet any of the specified purposes, being a statement of the current regulations.

Keywords: legal positions, Constitutional Court of the Russian Federation, principle of legality, adversarial nature of criminal proceedings, freedom of appeal, admissibility of complaint, specialist, witness, challenge

For citation: Zaitseva E. A. The legal positions of the Constitutional Court of the Russian Federation – a modern «mirror of the law»? Bulletin of economic security. 2025;(2):71–6. (In Russ.). <https://doi.org/10.24412/2414-3995-2025-2-71-76>. EDN: ZPQBPI.

Проблематика прошедшей 7 ноября 2024 г. конференции, обозначенная ее организаторами в стратегическом плане с опорой на традиции дореволюционного законодательства, ярко проявившиеся в эпоху реформ Петра Великого в ряде его указов, предопределила формат докладов, нацеленных на выявление преемственности в реализации принципа законности, на поиск тех идейных ориентиров, ценных для науки и правоприменительной практики в современных условиях, которые будут выполнять функции того самого «Зеркала закона». Организаторы конференции в информационном письме обоснованно подчеркнули значение указов Петра 1: «Указы гарантировали *полный приоритет закона* в деятельности государственных органов и должностных лиц, *обеспечили формирование нового правового пространства*, на котором *закон и реализация принципа законности* признавались *основой государственной власти и правопорядка*». Именно эти качества позволили считать их «Зеркалом закона» в то непростое время укрепления абсолютизма в России (в современном прочтении – периода «укрепления вертикали власти»). Безусловно, в правовой сфере государства должны быть такие «маяки», ценностные нормативные ориентиры, задающие тон всей системе отечественного права, особенно в эпоху кардинальных реформ, которую мы еще не преодолели.

Вряд ли в подобном контексте можно рассуждать о федеральных законах, зная проблемные аспекты лоббистских технологий, приведших к принятию таких нормативно-правовых актов, которые до сих пор подвергаются регулярной корректировке. Тому примером может служить Уголовно-процессуальный кодекс Российской Федерации (далее – УПК РФ) [1]: вот уже издано 345 федеральных законов, которые изменяют не только отдельные нормы (более 2000 норм подверглось редактированию), но и целые институты и подотрасли уголовно-процессуального права. Да и некорректно в качестве «Зеркала закона» воспринимать сам закон. Нужен идейный ориентир, в иерархии располагающийся выше федерального закона, распространяющий свое упорядочивающее, систематизирующее и сорганизовывающее воздействие на максимальный круг правоотношений и нормативных предписаний, их регулирующих. Причем вне отраслевой принадлежности последних, поскольку системность отечественного права подразумевает наличие одной мировоззренческой основы. И таковая в концентрированном виде выражена в положениях Конституции Российской Федерации.

При рассмотрении Конституции РФ в статусе современного аналога «Зеркала закона» можно прийти к

выводу о том, что, будучи самым стабильным законом в государстве (основным законом), Конституция РФ не всегда способна живо отражать объективные потребности регулирования общественных отношений, находящихся в постоянной динамике. Это закономерно: Конституция РФ своими устоявшимися положениями, воспринимаемыми отраслевым законодателем как константа, определяет базовые тренды развития отраслей отечественного права. Следовательно, необходим какой-то ценностный ориентир, опирающийся на конституционные нормоустановления, способный выявить и нейтрализовать дефекты нормативно-правовых актов федерального уровня в случае их несоответствия конституционно-правовым смыслам.

Исходя из вышеизложенного, попробуем оценить применительно к современным реалиям роль правовых позиций Конституционного Суда РФ в одном ассоциативном ряду с «Зеркалом закона». Действительно, обладая полномочиями по осуществлению конституционного нормоконтроля, КС РФ с момента своего создания формулировал правовые позиции, которые не только выстраивали должным образом правоприменительную практику во всех видах судопроизводства, но и определяли вектор развития отечественных отраслей права.

С точки зрения развития конституционной отрасли права ученые выделяли и доктринальное значение правовых позиций КС РФ. Так В. И. Федеев подчеркивает, что «Носителями доктринальных начал решений Конституционного Суда выступают правовые позиции Конституционного Суда, содержащие важнейшие общеправовые идеи и конституционно-правовые выводы и принципы» [2].

Трудно переоценить правовые позиции КС РФ для формирования современного облика уголовно-процессуального права. Не случайно профессор В. П. Божьев отметил значение данных правовых позиций для реформы уголовно-процессуального законодательства, назвав их «тихой революцией Конституционного» [3, с. 9]. С момента той «тихой революции», обозначившей тренд на создание нормативных основ состязательного уголовного судопроизводства, Конституционный Суд РФ развивал свою функцию конституционного нормоконтроля нередко в условиях правового вакуума, что вынуждало его становиться в «позу активного законодателя» путем формулирования не просто правовых позиций, но и новых отраслевых норм, которые можно было легко выявить в текстах его решений по «сигнальной фразе» – «впредь до внесения изменений в законодательство...».

Выполнение указанной роли КС РФ было вынужденным: законодатель не спешил воплощать в жизнь правовые позиции КС РФ (например, только спустя 4 года после вынесения знакового постановления № 5-П 2005 г. [4], определившего основания поворота к худшему в надзорном производстве, отечественный законодатель среагировал федеральным законом от 14 марта 2009 г. № 39-ФЗ [5], закрепив в тексте УПК РФ условия и порядок отмены вступивших в силу оправдательных приговоров, решений о прекращении уголовного дела и обвинительных приговоров с целью ухудшения положения привлеченного к уголовной ответственности лица).

Безусловно, в условиях подобной «нерасторопности» законотворцев КС РФ искал приемлемые формы гармонизации нормативных предписаний с конституционно-правовыми смыслами, о чем справедливо писал А. В. Смирнов [6]. Логичным итогом подобных поисков стало принятие федерального конституционного закона от 28 декабря 2016 г. № 11-ФКЗ [7], установившего дополнительные гарантии надлежащего исполнения решений КС РФ, ликвидировавшего существовавшую правовую неопределенность в вопросе о статусе толкований КС РФ, которые должны корректировать и направлять правоприменительную практику в случаях, когда нет объективной необходимости в экстренной отмене норм самого толкуемого акта, которые не противоречат положениям Конституции РФ [8]. По этой причине следует позитивно оценить данные изменения в ФКЗ № 1 «О Конституционном Суде Российской Федерации» [9].

В эти годы наряду с расширением возможностей по эффективному упорядочиванию общественных отношений различной отраслевой принадлежности в ФКЗ № 1 были внесены изменения, которые, по нашему глубокому убеждению, сузили сферу воздействия решений КС РФ на правовую действительность. Данное суждение основано на последовательном анализе корректировок ст. 97 ФКЗ № 1, которая закрепляет важнейшие положения по обращению граждан в КС РФ с жалобами на неконституционность того или иного закона. Трудно переоценить значимость этих нормоустановлений в механизме защиты конституционных прав и свобод: свобода обжалования позволяла гражданам обращаться в КС РФ не только по случаю состоявшегося применения закона, фактически приведшего к нарушению конституционных прав и свобод.

Изначальная редакция ст. 97 в п. 2 предусматривала *превентивный характер конституционного нормоконтроля*, устанавливая возможность обжалования закона, который еще не применен: «2) закон применен или *подлежит применению* в конкретном деле, рассмотрение которого завершено или *начато* в суде или ином органе, применяющем закон». Такое видение допустимости жалобы в наибольшей степени отвечает интересам защиты конституционных прав и свобод, так как оно позволяет устранить риски нарушения указанных ценностей

еще до состоявшегося правоприменения. Однако с сожалением следует констатировать, что изменения, внесенные в 2010 г. ФКЗ № 7 [10] в анализируемую нами ст. 97, в значительной степени ограничили свободу обжалования, установив допустимость жалоб *только по состоявшемуся применению закона*, который нарушил, по мнению заявителя, его конституционные права и свободы. Безусловно, такое прочтение условий приемлемости обращений граждан с жалобой в КС РФ существенно снижает нагрузку на аппарат и судей высшего органа конституционного нормоконтроля. Тем не менее, с точки зрения эффективности защиты конституционно охраняемых ценностей – прав и свобод человека и гражданина – введенный в 2010 г. порядок мы считаем «шагом назад» в выстраивании правозащитных механизмов в правовом государстве. Мы полностью согласны с позицией С. В. Нарута относительно оценки приемлемости жалобы в контексте превентивного нормоконтроля, что «*Затрагивание конституционных прав и свобод граждан означает, что оспариваемый закон непосредственно допускает возможность нарушения прав и свобод, относящихся к категории конституционных*» [11, с. 75].

Естественно, что принятие данных корректировок ст. 97, ограничивающих свободу обжалования, не могло не сказаться и на возможностях формулирования правовых позиций Конституционного Суда, деятельность которого мы в нашем маленьком исследовании позиционируем как «Зерцало закона»: сосредоточение внимания КС РФ исключительно на жалобах *по случившемуся применению* неконституционных норм и законов фактически ликвидировало превентивную роль его решений.

Вторым «шагом назад» в этом ряду федеральных конституционных законов мы считаем установление в 2014 г. [12] пресекающего годичного срока для принесения гражданином жалобы. Как минимум 5 раз граждане безрезультатно обращались в КС РФ с обжалованием п. 18 ст. 1 ФКЗ № 9, который ввел данное ограничение. В последнем определении КС РФ по жалобе В.В. Герасимовича в связи с этим указано: «... из права каждого на судебную защиту его прав и свобод, как оно сформулировано в статье 46 Конституции Российской Федерации, *не следует возможность выбора гражданином по своему усмотрению любых способов и процедур судебной защиты*, особенности которых определены, исходя из Конституции Российской Федерации, законами, в частности Федеральным конституционным законом «О Конституционном Суде Российской Федерации», пункт 2 статьи 97 которого определяет истечение годичного срока после рассмотрения дела гражданина судом в качестве самостоятельного обстоятельства, исключающего допустимость его обращения в Конституционный Суд Российской Федерации» [13]. Такой подход видится нам несколько противоречащим положениям ст. 2 Конституции РФ, провозгласившей высшей ценностью для государства права и свободы человека. Пресекательный срок – не для упорядочивания отношений

по обжалованию гражданином нарушения его прав и свобод. Он закреплен для удобства работы аппарата и судей КС РФ, равно как и ранее критически оцененное нами ограничение предмета жалобы только состоявшимся нарушением прав и свобод примененным в деле законом.

В условиях установления новых, *несправедливых с точки зрения правозащиты процедур обжалования в КС РФ*, сам Конституционный Суд стремился своими решениями обеспечивать функционирование оптимального регулирования общественных отношений, в том числе – в сфере уголовного процесса.

Значимым, с точки зрения роли КС РФ в выстраивании *справедливой системы уголовного судопроизводства*, можно признать Постановление № 16-П от 2 июля 2013 г. по жалобе Б. Т. Гадаева [14], которое вызвало неоднозначную оценку в научной среде: от всемерной поддержки – до полного обвинения КС РФ в «словесной эквилибристике, беспринципной, лукавой и однозначно антидемократической» [15]. Так, А. С. Александров и М. В. Лапатников усмотрели в этом решении отказ КС РФ от своих прежних позиций, утверждая, что «состязательность в уголовном процессе КС РФ ликвидировал», а «понятия свободы, демократии стали несовместимы с понятиями КС РФ, который помогает выстраивать автократию. Слово КС РФ больше не золотое слово. И вряд ли теперь стоит всерьез прислушиваться к нему в поисках права» [15]. Фактически в унисон с ними И. С. Дикарев констатировал окончание эпохи «тихой революции» КС РФ, которая сменилась «реакционным движением в направлении, резко противоположном взятому ранее либеральному курсу» [16, с. 98]. Полагаем, что эти авторы не смогли увидеть в этом историческом решении проявление гибкости позиций КС РФ, который отошел от категоричного восприятия суда в качестве индифферентной фигуры на шахматном поле состязательности, а подчеркнул его роль активного органа правосудия, способного исправлять правовые ошибки и обеспечивать справедливое разрешение уголовного дела.

Таким образом, мы видим стремление КС РФ, несмотря на некоторые изменения ФКЗ № 1 в части ограничения сроков и предмета обжалования, соответствовать тому высокому предназначению в системе правового государства, которое в условиях современных вызовов вполне может быть ассоциировано с ролью «Зеркала закона».

Однако, полагаем, совершенно «выбивается» из этого ряда решений, подтверждающих особую миссию Конституционного Суда РФ, летнее Постановление КС РФ «По делу о проверке конституционности статьи 71 Уголовно-процессуального кодекса Российской Федерации в связи с жалобой гражданина Е.В. Емельянова» [17].

Почему мы так заявляем? Основанием к такому заключению выступает подчеркнутое в вышеизложенных суждениях предназначение правовых позиций КС РФ как 1) источников уголовно-процессуального права,

2) как ориентиров для выстраивания адекватной правоприменительной практики на основе толкований КС РФ, 3) как корректирующих ранее сформулированные позиции решений. Ни одной из упомянутых ключевых ролей Постановление КС РФ «По делу о проверке конституционности статьи 71 Уголовно-процессуального кодекса Российской Федерации в связи с жалобой гражданина Е.В. Емельянова» (далее – Постановление № 37-П) **не соответствует**. Более того, оно *содержит в себе разъяснение очевидных истин, вытекающих из системного толкования законодательства, предпринять которое может любой студент, обучающийся по правовому профилю*.

Какую ценность несет в себе текст из 13 страниц, констатирующий банальность, которую законодатель уже давно выразил в общей норме ст. 61 УПК РФ, подчеркнув недопустимость совмещения функции свидетеля с рядом процессуальных функций некоторых участников? Рассмотрение оснований для отвода специалиста, закрепленных в ст. 71 УПК РФ, в системном единстве с положениями ст.ст. 70, 61 УПК РФ прямо дает ответ на вопрос о том, что свидетель не может быть приглашен в качестве специалиста по этому делу. Причем свидетель, заинтересованный в исходе дела, на объективность показаний которого рассчитывать не приходится. Тут срабатывает дополнительное правило отвода («имеются иные обстоятельства, дающие основание полагать, что они лично, прямо или косвенно, заинтересованы в исходе данного уголовного дела» – ч. 2 ст. 61 УПК РФ). Для констатации *этого* КС РФ вынес *отдельное постановление* (даже не определение!), хотя речь в рассматриваемой ситуации идет о нарушении уголовно-процессуального закона, которое должно повлечь признание недопустимыми доказательствами показаний этих «специалистов» (в прошлом – свидетелей), что должно было найти отражение в решениях вышестоящих судебных инстанций в рамках судебно-проверочных производств.

Попытку оценить значимость анализируемого Постановления № 37-П предприняли специалисты АО «КонсультантПлюс», отметив в обзоре: «Привлечение допрошенного свидетеля к последующему участию в уголовном деле в качестве специалиста *ведет к недопустимому совмещению в одном уголовном деле*, пусть и на разных стадиях уголовного процесса, одним и тем же лицом *разных процессуальных статусов*». Но это и так очевидно!

Что касается самого КС РФ, то он в своем Постановлении № 37-П указал на особое «понимание части второй статьи 71 УПК РФ в этом деле в системной связи с иными положениями уголовно-процессуального закона с ее *конституционно-правовым смыслом*, выявленным в настоящем Постановлении».

Прочтение этих комментариев в совокупности с самим текстом Постановления № 37-П невольно наталкивает автора этих строк на грустные мысли о том, что «Зерцало Закона» меркнет...

Список источников

1. Уголовно-процессуальный кодекс Российской Федерации от 18 декабря 2001 г. № 174-ФЗ (ред. от 09.11.2024) // Собрание законодательства Российской Федерации. 2001. № 52 (ч. I). Ст. 4921.

2. Фадеев В. И. Конституция Российской Федерации: проблемы развития и стабильности / Lex russica. 2013. № 12. С. 1292–1306 // СПС «КонсультантПлюс».

3. Божьев В. П. «Тихая революция» Конституционного Суда в уголовном процессе Российской Федерации // Российская юстиция. 2000. № 10. С. 9–11.

4. Постановление Конституционного Суда Российской Федерации от 11 мая 2005 г. № 5-П «По делу о проверке конституционности статьи 405 Уголовно-процессуального кодекса Российской Федерации в связи с запросом Курганского областного суда, жалобами Уполномоченного по правам человека в Российской Федерации, производственно-технического кооператива «Содействие», общества с ограниченной ответственностью «Карелия» и ряда граждан» // Вестник Конституционного Суда РФ. 2005. № 4.

5. Федеральный закон от 14 марта 2009 г. № 39-ФЗ «О внесении изменений в статьи 404 и 405 Уголовно-процессуального кодекса Российской Федерации» // Собрание законодательства Российской Федерации. 2009. № 11. Ст. 1268.

6. Смирнов А. В. Взаимосвязь видов решений Конституционного Суда Российской Федерации, их оснований, целей и способов правового толкования // Журнал конституционного правосудия. 2012. № 3. С. 13–20.

7. Федеральный конституционный закон от 28 декабря 2016 г. № 11-ФКЗ «О внесении изменений в Федеральный конституционный закон «О Конституционном Суде Российской Федерации»» // Собрание законодательства Российской Федерации. 2017. № 1 (Часть I). Ст. 2.

8. Зайцева Е. А. Истолкования Конституционного Суда РФ и правоприменительная практика // Концептуальные подходы к совершенствованию российской правовой системы : материалы международной научно-практической конференции. Волгоград : ВИУ РАН-ХиГС, 2017. С. 67–70.

9. Федеральный конституционный закон от 21 июля 1994 г. № 1-ФКЗ «О Конституционном Суде Российской Федерации» // Собрание законодательства Российской Федерации. 1994. № 13. Ст. 1447; Собрание законодательства Российской Федерации. 2023. № 32 (Часть I). Ст. 6118.

10. Федеральный конституционный закон от 3 ноября 2010 г. № 7-ФКЗ «О внесении изменений в Федеральный конституционный закон «О Конституционном Суде Российской Федерации»» // Собрание законодательства Российской Федерации. 2010. № 45. Ст. 5742.

11. Нарутто С. В. Обращение граждан в Конституционный Суд Российской Федерации : научно-практическое пособие. М. : Норма, Инфра-М, 2011. 352 с.

12. Федеральный конституционный закон от 4 июня 2014 г. № 9-ФКЗ «О внесении изменений в Федеральный конституционный закон «О Конституционном Суде Российской Федерации»» // Собрание законодательства Российской Федерации. 2014. № 23. Ст. 2922.

13. Определение Конституционного Суда Российской Федерации от 25 апреля 2019 г. № 903-О «Об отказе в принятии к рассмотрению жалобы гражданина Герасимовича Владислава Владиславовича на нарушение его конституционных прав пунктом 18 статьи 1 Федерального конституционного закона «О внесении изменений в Федеральный конституционный закон «О Конституционном Суде Российской Федерации»» / Документ опубликован не был // СПС «КонсультантПлюс».

14. Постановление Конституционного Суда Российской Федерации от 2 июля 2013 г. № 16-П «По делу о проверке конституционности положений части первой статьи 237 Уголовно-процессуального кодекса Российской Федерации в связи с жалобой гражданина Республики Узбекистан Б. Т. Гадаева и запросом Курганского областного суда» // Собрание законодательства Российской Федерации. 15.07.2013. № 28. Ст. 3881.

15. Александров А., Лапатников М. Вперед в прошлое (состязательность в уголовном процессе КС РФ ликвидировал) / ЭЖ-Юрист. 2013. № 30. С. 1-5 // СПС «КонсультантПлюс».

16. Дикарев И. С. Уголовный процесс: «тихая революция» сменилась реакцией // Вестник Волгоградского государственного университета. Серия 5: Юриспруденция. 2013. № 3 (20). С. 98–103.

17. Постановление Конституционного Суда Российской Федерации от 11 июля 2024 г. № 37-П «По делу о проверке конституционности статьи 71 Уголовно-процессуального кодекса Российской Федерации в связи с жалобой гражданина Е. В. Емельянова» // Собрание законодательства Российской Федерации. 2024. № 30. Ст. 4442.

References

1. Criminal Procedure Code of the Russian Federation № 174-FZ of December 18, 2001 (as amended on 09.11.2024) // Collection of Legislation of the Russian Federation. 2001. № 52 (part I). Art. 4921.

2. Fadeev V. I. The Constitution of the Russian Federation : problems of development and stability / Lex russica. 2013. № 12. P. 1292–1306 // LRS «ConsultantPlus».

3. Bozhev V. P. The «Silent revolution» of the Constitutional Court in the criminal process of the Russian Federation // Russian justice. 2000. № 10. P. 9–11.

4. Resolution Constitutional Court of the Russian Federation № 5-P of May 11, 2005 «In the case of the review of the constitutionality of Article 405 of the Criminal Procedure Code of the Russian Federation in connection with the request of the Kurgan Regional Court, complaints from the Commissioner for Human Rights in the Russian

Federation, the industrial and technical cooperative «Assistance», the limited liability company «Karelia» and a number of citizens» // Bulletin of the Constitutional Court of the Russian Federation. 2005. № 4.

5. Federal Law № 39-FZ of March 14, 2009 «On amendments to Articles 404 and 405 of the Criminal Procedure Code of the Russian Federation» // Collection of Legislation of the Russian Federation. 2009. № 11. Art. 1268.

6. Smirnov A. V. Interrelation of types of decisions of the Constitutional Court of the Russian Federation, their bases, goals and methods of legal interpretations // Journal of Constitutional Justice. 2012. № 3. P. 13–20.

7. Federal Constitutional Law № 11-FKZ of December 28, 2016 On Amendments to the Federal Constitutional Law «On the Constitutional Court of the Russian Federation» // Collection of Legislation of the Russian Federation. 2017. № 1 (Part I). Art. 2.

8. Zaitseva E. A. Interpretations of the Constitutional Court of the Russian Federation and law enforcement practice // Conceptual approaches to improving the Russian legal system : materials of the international scientific and practical conference. Volgograd : VIU RANHiGS, 2017. P. 67–70.

9. Federal Constitutional Law № 1-FKZ of July 21, 1994 «About the Constitutional Court of the Russian Federation» // Collection of Legislation of the Russian Federation. 1994. № 13. Art. 1447; Collection of Legislation of the Russian Federation. 2023. № 32 (Part I). Art. 6118.

10. Federal Constitutional Law of November 3, 2010 № 7-FKZ «On Amendments to the Federal Constitutional Law «On the Constitutional Court of the Russian Federation»» // Collection of legislation of the Russian Federation. 2010. № 45. Art. 5742.

11. Naruto S. V. Citizens' appeal to the Constitutional Court of the Russian Federation : scientific and practical guide. M. : Norm, Infra-M, 2011. 352 p.

12. Federal Constitutional Law № 9-FKZ of June 4, 2014 «On Amendments to the Federal Constitutional Law «On the Constitutional Court of the Russian Federation»» // Collection of Legislation of the Russian Federation. 2014. № 23. Art. 2922.

13. Ruling of the Constitutional Court of the Russian Federation of April 25, 2019 № 903-O «On the refusal to accept for consideration the complaint of citizen Gerasimovich Vladislav Vladislavovich for violation of his constitutional rights by paragraph 18 of Article 1 of the Federal Constitutional Law «On Amendments to the Federal Constitutional Law «On the Constitutional Court of the Russian Federation»». The document has not been published // LRS «ConsultantPlus».

14. Resolution of the Constitutional Court of the Russian Federation of July 2, 2013 № 16-P «In the case of the review of the constitutionality of the provisions of the first part of Article 237 of the Criminal Procedure Code of the Russian Federation in connection with the complaint of a citizen of the Republic of Uzbekistan B. T. Gadaev and the request of the Kurgan Regional Court» // Collection of Legislation of the Russian Federation. 15.07.2013. № 28. Art. 3881.

15. Alexandrov A., Lapatnikov M. Forward to the past (the competition in the criminal process of the Constitutional Court of the Russian Federation eliminated) / EJ-Lawyer. 2013. № 30. P. 1–5 // LRS «ConsultantPlus».

16. Dikarev I. S. Criminal trial: the «quiet revolution» was replaced by a reaction // Bulletin of the Volgograd State University. Series 5: Jurisprudence. 2013. № 3 (20). P. 98–103.

17. Resolution of the Constitutional Court of the Russian Federation of July 1, 2024 № 37-P «In the case of checking the constitutionality of Article 71 of the Criminal Procedure Code of the Russian Federation in connection with the complaint of citizen E. V. Yemelyanov» // Collection of Legislation of the Russian Federation. 2024. № 30. Art. 4442.

Информация об авторе

Е. А. Зайцева – профессор кафедры уголовного процесса учебно-научного комплекса по предварительному следствию в органах внутренних дел, доктор юридических наук, профессор, заслуженный работник высшей школы Российской Федерации.

Information about the author

E. A. Zaitseva – Professor of the Department of Criminal Procedure of the Educational and Scientific Complex on Preliminary Investigation in Law Enforcement Agencies, Doctor of Legal Sciences, Professor, Honored Worker of the Higher School of the Russian Federation.

Статья поступила в редакцию 11.02.2025; одобрена после рецензирования 12.03.2025; принята к публикации 07.04.2025.

The article was submitted 11.02.2025; approved after reviewing 12.03.2025; accepted for publication 07.04.2025.

Научная статья

УДК 343.359.9

<https://doi.org/10.24412/2414-3995-2025-2-77-80>

EDN: <https://elibrary.ru/yzecwf>

НИОН: 2015-0066-2/25-216

MOSURED: 77/27-011-2025-02-415

К вопросу о субъекте преступления, предусмотренного ст. 314.1 УК РФ

Александра Михайловна Зарина^{1,2}

¹ Московский университет МВД России имени В.Я. Кикотя, Москва, Россия,
sistersashenka86@yahoo.com

² Финансовый университет при Правительстве Российской Федерации, Москва, Россия

Аннотация. Проведен анализ влияния специального субъекта преступления, предусмотренного ст. 314.1 УК РФ, на характер и степень общественной опасности. Рассмотрены проблемы установления административного надзора и отдельные судебные ошибки как результат негативной правоприменительной практики установления критериев специального субъекта обозначенного преступления. Сделан вывод о необходимости изменения категории ст. 314.1 УК РФ и отнесению ее к преступлениям средней тяжести.

Ключевые слова: административный надзор, специальный субъект, рецидив, подучетное лицо, административное правонарушение, ограничение

Для цитирования: Зарина А. М. К вопросу о субъекте преступления, предусмотренного ст. 314.1 УК РФ // Вестник экономической безопасности. 2025. № 2. С. 77–80. <https://doi.org/10.24412/2414-3995-2025-2-77-80>. EDN: YZECWF.

Original article

To the question of the subject of the crime under Article 314.1 of the Criminal Code of the Russian Federation

Alexandra M. Zarina^{1,2}

¹ Moscow University of the Ministry of Internal Affairs of Russia named after V.Ya. Kikot', Moscow, Russia,
sistersashenka86@yahoo.com

² Financial University under the Government of the Russian Federation, Moscow, Russia

Abstract. The analysis of the influence of the special subject of the crime provided for in Article 314.1 of the Criminal Code of the Russian Federation on the nature and degree of public danger is carried out. The problems of establishing administrative supervision and individual judicial and investigative errors as a result of negative law enforcement practice of establishing criteria for a special subject of a designated crime are considered. It is concluded that it is necessary to change the category of Article 314.1 of the Criminal Code of the Russian Federation and classify it as crimes of moderate severity.

Keywords: administrative supervision, special subject, recidivism, accountable person, administrative offense, restriction

For citation: Zarina A. M. To the question of the subject of the crime under Article 314.1 of the Criminal Code of the Russian Federation. Bulletin of economic security. 2025;(2):77–80. (In Russ.). <https://doi.org/10.24412/2414-3995-2025-2-77-80>. EDN: YZECWF.

Особого внимания при анализе ст. 314.1 УК РФ заслуживает субъект преступления, который имеет статус специального, характеризующего повышенной степенью общественной опасности; это лицо, в отношении которого законодательством Российской Федерации установлен административный надзор в соответствии с Федеральным законом от 6 апреля 2011 г.

№ 64-ФЗ «Об административном надзоре за лицами, освобожденными из мест лишения свободы» (далее – Федеральный закон «Об административном надзоре») [5, с. 547].

Еще 31 декабря 2014 г. Федеральным законом № 514 внесены изменения в современные законодательные акты, где описано, что в качестве субъекта обозна-

ченного выше преступного деяния рассматривается поднадзорное лицо, которое состоит на специальном учете в органе внутренних дел. Также данный нормативный правовой акт ввел такое понятие как неоднократность, сущность которого раскрывается в ч. 2 ст. 314.1 УК РФ. Так, в случае если лицо более двух раз в течение года нарушает предписания Федерального закона «Об административном надзоре», совершает административные правонарушения определенной категории (против порядка управления, общественного порядка и общественной безопасности, здоровья, санитарно-эпидемиологического благополучия и общественной нравственности) необходимо привлекать лицо к уголовной ответственности [4, с. 223].

В ч. 2 ст. 314.1 УК РФ понятие субъекта преступления конкретизируется и ему присущи новые признаки: поднадзорное лицо, которое неоднократно не соблюдает ограничения, установленные судом, а также при совершении им отдельных видов правонарушений.

В свою очередь, Верховный Суд РФ в своем постановлении, разъясняя отдельные вопросы применения административного надзора поясняет, что в отношении лица, которое имеет статус условно-досрочно освободившегося из мест лишения свободы, а также в случае, если неотбытая часть лишения свободы судебными органами заменена на более мягкий вид наказания, административный надзор может быть установлен в качестве меры профилактического воздействия, если примененное в отношении него наказание не связано с лишением свободы или в момент выполнения ограничений при условно-досрочном освобождении. Период начала выполнения лицом ограничений или ограничения административного надзора реализуется после отбытия осужденным наказания, которое не связано с лишением свободы или же после выполнения всех обязанностей, установленных при условно-досрочном освобождении [7].

Некоторые вопросы в правоприменительной практике вызывают установление срока административного надзора. Ошибочным является представление о начале его течения с момента вступления в силу решения суда (что какое-то время возможно имело место быть, когда институт административного надзора заново был закреплен в законодательстве в 2011 г.). Однако, на сегодняшний день этот временной критерий относится к моменту явки лица и постановки его на учет в органе внутренних дел, который контролирует территорию проживания лица [2, с. 153].

Отдельные подучетные лица относятся к категории рецидивистов, в том числе опасных и особо опасных. Следует отметить, что при квалификации деяния по ст. 314.1 УК РФ наличие у лица рецидива не играет уголовно-правового значения в качестве обязательного признака субъекта преступления, но является обстоятельством, отягчающим наказание согласно п. «а» ч. 2 ст. 63 УК РФ [2, с. 197]. Категория «рецидив» выступает в качестве собирательного признака, характеризующего

лицо и рассматривается в совокупности обстоятельств (например, с такими как наркотическая зависимость, психические заболевания и т. д.).

На сегодняшний день следует констатировать тот факт, что отдельным пробелом законодательного регулирования выступает не установление в решении судебных органов рецидива преступлений, а также его вида, так как копия приговора суда является юридическим фактом определения административного надзора. В дальнейшем данные ошибочные действия могут привести к незаконному установлению в отношении лица надзора и негативным последствиям.

Только через пять лет в постановлении Пленума Верховного Суда РФ от 16 мая 2017 г. № 15 (п. 24) были даны разъяснения относительно вопросов установления рецидива. В обозначенном нормативном правовом акте, определено то, что, если в судебном решении не указан вид рецидива, а возможно и отсутствие его вообще как юридического факта, правоохранительные органы должны учитывать факт неснятой или непогашенной судимости у лица при опасном или особо опасном виде рецидива. Отсюда следует, необходимость самостоятельного и инициативного установления вида рецидива правоприменительными органами в процессе рассмотрения в судебном порядке дел об установлении административного надзора. В таком случае налицо изменение статуса лица и установление категории «опасный или особо опасный рецидивист». На наш взгляд, для исключения судебно-следственных ошибок в дальнейшем и соблюдения конституционных прав граждан на стадии предварительного расследования важно собрать всю характеризующую лицо информацию, при необходимости запросить более ранние приговоры судов, а также усилить контроль руководителей и надзор органов прокуратуры. Следует отметить, что бремя доказывания и сбора информации ложится на плечи инспектора по организации и осуществлению административного надзора ОВД, который не всегда обладает достаточной компетенцией для определения данного юридического факта.

Так, в г. Р. вынесен оправдательный приговор по уголовному делу, возбужденному в отношении гр. Н. по ч. 2 ст. 314.1 УК РФ. В связи с чем апелляционный состав суда пояснил, что, устанавливая в отношении гр. Н. административный надзор, судебными органами неверно определена такая категория как опасный рецидив. Срок административного надзора был рассчитан согласно п. 2 ч. 1 ст. 5 Федерального закона «Об административном надзоре», однако не учтены положения законодательства, которые определяют, что при наличии у лица опасного или особо опасного рецидива, умышленного преступления против несовершеннолетнего административный надзор устанавливается в ином порядке – в соответствии с п. 1 ч. 1 ст. 5 Федерального закона «Об административном надзоре» с учетом того, что надзор может быть установлен на срок не более трех лет. В данном случае необходимо обра-

тить внимание на то, что время совершения преступления, предусмотренного ч. 2 ст. 314.1 УК РФ, выходит за рамки максимального периода времени, на которое гр. Н. мог быть установлен административный надзор [1; 6, с. 118].

Для решения обозначенной выше проблемы рекомендуется привлекать к определению рецидива и его вида сотрудников органов предварительного расследования.

Сравнивая советское и современное уголовное законодательство при привлечении лиц к ответственности за нарушения в сфере административного надзора, З. В. Бициев отмечает применение к лицам, совершившим преступления, достаточно строгие меры ответственности. Обращая внимание на санкции статей, он указывает, что за совершение преступлений, предусмотренных ч. 2 ст. 198.2 УК РСФСР предусмотрено наказание – от одного года до трех лет лишения свободы, в свою очередь по ст. 314.1 УК РФ – до одного года лишения свободы. В связи с чем, учитывая позиции ученых, а также данные ретроспективного анализа, отмечаем важность изменение мер ответственности, отраженных в санкции ст. 314.1 УК РФ.

В подтверждение выше обозначенных доводов, обращают на себя внимание схожие по конструированию и характеру общественной опасности ст. 314.1 и 315 УК РФ, однако в последней срок лишения свободы превышает один год (до двух лет), что в свою очередь еще раз подтверждает необходимость изменения законодательной конструкции санкции ст. 314.1 УК РФ.

В обоснование своих доводов важно отметить определенный характер и повышенную степень опасности преступления, предусмотренного ст. 314.1 УК РФ, как для государства, общества и граждан, так как лицо, не останавливаясь, продолжает совершать как преступления, так в отдельных случаях и административные правонарушения. На наш взгляд, в силу данных обстоятельств и особой опасности лица, совершающего данное преступление – специального субъекта, обозначенное деяние необходимо отнести к преступлению средней тяжести, проработав на законодательном уровне изменения санкции нормы [3, с. 43].

Список источников

1. Архив Рубцовского городского суда Алтайского края. Уголовное дело № 1-142/16 (2016 г.) // URL: <https://sudact.ru/>
2. Астахова А. О. Уголовно-правовая характеристика уклонения от административного надзора или неоднократного несоблюдения установленных судом в соответствии с федеральным законом ограничения или ограничений (ст. 314.1 УК РФ): дис. ... канд. юрид. наук. Омск, 2017.
3. Бициев З. В. Критерии общественной опасности уклонения от административного надзора

(ст. 314.1 УК РФ) // Научный компонент. 2022. № 4 (16). С. 37–43.

4. Грачева Ю. В. Комментарий к изменениям и дополнениям Уголовного кодекса Российской Федерации (2014–2017) / отв. ред. В. В. Малиновский; науч. ред. А. И. Чучаев. М. : Контракт, 2017.

5. Комментарий к Уголовному кодексу Российской Федерации (постатейный) / под ред. А. И. Чучаева. М. : Контракт, 2012.

6. Петрова О. В. Характеристика личности лица, уклонившегося от административного надзора как элемент криминалистической характеристики преступления, предусмотренной ч. 1 ст. 314.1 УК РФ // Право и государство: теория и практика. 2019. № 8 (176). С. 117–119.

7. Постановление Пленума Верховного Суда РФ от 16 мая 2017 г. № 15 (ред. от 22 декабря 2022 г.) «О некоторых вопросах, возникающих при рассмотрении судами дел об административном надзоре за лицами, освобожденными из мест лишения свободы» // URL: https://www.consultant.ru/document/cons_doc_LAW_216883/

References

1. Archive of the Rubtsovsky city Court of the Altai Territory. Criminal case № 1-142/16 (2016) // URL: <https://sudact.ru/>
2. Astakhova A. O. Criminal law characteristics of evasion from administrative supervision or repeated non-compliance with restrictions or restrictions established by the court in accordance with federal law (Art. 314.1 of the Criminal Code of the Russian Federation): dis. ... cand. of legal sciences. Omsk, 2017.
3. Bitsiev Z. V. Criteria of public danger of evasion from administrative supervision (Art. 314.1 of the Criminal Code of the Russian Federation) // Scientific component. 2022. № 4 (16). P. 37–43.
4. Gracheva Yu. V. Commentary on amendments and additions to the Criminal Code of the Russian Federation (2014–2017) / ed. V. V. Malinovsky; scientific ed. A. I. Chuchaev. M. : Contract, 2017.
5. Commentary on the Criminal Code of the Russian Federation (article by article) / ed. by A. I. Chuchaev. M. : Contract, 2012.
6. Petrova O. V. Characterization of the personality of a person who evaded administrative supervision as an element of the criminalistic characteristics of a crime provided for in Part 1 of Article 314.1 of the Criminal Code of the Russian Federation // Law and the state: theory and practice. 2019. № 8 (176). P. 117–119.
7. Resolution of the Plenum of the Supreme Court of the Russian Federation of May 16, 2017 № 15 (as amended on December 22, 2022) «On some issues arising during the consideration by courts of cases on administrative supervision of persons released from places of deprivation of liberty» // URL: https://www.consultant.ru/document/cons_doc_LAW_216883/

Информация об авторе

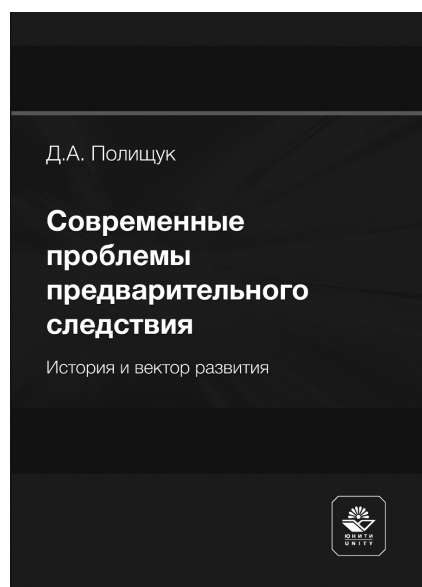
А. М. Зарина – доцент кафедры уголовного права Московского университета МВД России имени В.Я. Кикотя, доцент Департамента международного и частного права Юридического факультета Финансового университета при Правительстве Российской Федерации, кандидат юридических наук, доцент.

Information about the author

A. M. Zarina – Associate Professor of the Department of Criminal Law of the Moscow University of the Ministry of Internal Affairs of Russia named after V.Ya. Kikot', Associate Professor of the Department of International and Private Law of the Faculty of Law of the Financial University under the Government of the Russian Federation, Candidate of Legal Sciences, Associate Professor.

Статья поступила в редакцию 13.11.2024; одобрена после рецензирования 10.01.2025; принята к публикации 05.03.2025.

The article was submitted 13.11.2024; approved after reviewing 10.01.2025; accepted for publication 05.03.2025.

Современные проблемы предварительного следствия. История и вектор развития. Монография. Полищук Д. А. 327 с. Гриф МУМЦ «Профессиональный учебник». Гриф НИИ образования и науки.

Представлен многоаспектный анализ вопросов организации работы следователя. Основное внимание уделено проблемам, которые, как правило, остаются «за кадром» исследований, среди них: философско-правовые основания работы следователя; защита от противодействия расследованию преступлений, которое возможно со стороны адвокатов-защитников; преодоление конфликтных ситуаций в следственной практике и др. Уделено внимание вопросам работы следователя с логическими диаграммами, а также возможности использования в уголовном судопроизводстве нетрадиционных методов криминалистических исследований.

В ходе подготовки издания были подробно изучены материалы значительного количества уголовных дел, вследствие чего представлен детальный анализ типичных ошибок, допускаемых следователями при расследовании преступлений. В частности, на базе изученного материала рассмотрены ошибки уголовно-правовой квалификации преступлений, предписаний уголовно-процессуального законодательства и пр. Рассмотрены пределы допустимости использования результатов оперативно-розыскной деятельности в качестве доказательств в уголовном судопроизводстве.

Для практических сотрудников правоохранительных и правоприменительных органов, а также преподавателей и студентов юридических образовательных учреждений.

Научная статья

УДК 34

<https://doi.org/10.24412/2414-3995-2025-2-81-84>

EDN: <https://elibrary.ru/cnvect>

NIION: 2015-0066-2/25-217

MOSURED: 77/27-011-2025-02-416

Проблемы юридического содержания административного договора

Владислав Игоревич Ковшевацкий¹, Элеонора Викторовна Маркина²

^{1,2} Московский университет МВД России имени В.Я. Кикотя, Москва, Россия

¹ kovshevatsky@yandex.ru

² swin-90@mail.ru

Аннотация. В статье представлен юридический анализ норм административного законодательства, закрепляющего различные аспекты содержания и порядка заключения административных договоров.

Ключевые слова: административное право, административный договор, органы исполнительной власти, права, субъекты административных правоотношений, муниципальные органы власти, концессионное соглашение

Для цитирования: Ковшевацкий В. И., Маркина Э. В. Проблемы юридического содержания административного договора // Вестник экономической безопасности. 2025. № 2. С. 81–84. <https://doi.org/10.24412/2414-3995-2025-2-81-84>. EDN: CNVECT.

Original article

Problems of the legal content of the administrative agreement

Vladislav I. Kovshevatsky¹, Eleonora V. Markina²

^{1,2} Moscow University of the Ministry of Internal Affairs of Russia named after V.Ya. Kikot', Moscow, Russia

¹ kovshevatsky@yandex.ru

² swin-90@mail.ru

Abstract. The article presents a legal analysis of the norms of administrative legislation that enshrine various aspects of the content and procedure for concluding administrative contracts.

Keywords: administrative law, administrative contract, executive authorities, rights, subjects of administrative legal relations, municipal authorities, concession agreement

For citation: Kovshevatsky V. I., Markina E. V. Problems of the legal content of the administrative agreement. Bulletin of economic security. 2025;(2):81–4. (In Russ.). <https://doi.org/10.24412/2414-3995-2025-2-81-84>. EDN: CNVECT.

В настоящее время концепция административного договора в Российской Федерации сформирована не в полной мере, что выражается в отсутствии единой нормативно-правовой основы, а также единых подходов к его различным аспектам в научной литературе. Вопрос о перспективах развития концепции административного договора также на современном этапе остается дискуссионным.

Административный договор следует рассматривать в качестве формы государственного управления. Следовательно, для оценки перспектив его развития требуется определить методологию государственного управления в Российской Федерации.

Преобладающим методом в государственном управлении является императивный, который состоит

императивный, то есть метод строгих обязательных для исполнения предписаний, обеспечиваемых силой государственного принуждения. Использование данного метода обусловлено тем, что в сфере публичной власти для обеспечения государственных и общественных нужд требуется, чтобы все субъекты подчинялись установленным правилам, чтобы их действия были понятны и предсказуемы. Сфера исполнительной власти требует строгого соблюдения прав и обязанностей. Кроме того, императивный метод обеспечивает единообразие деятельности государственных органов и должностных лиц. Преимущественное использование диспозитивного метода не позволило бы создать эффективно функционирующую систему государственного управления. Также при использовании диспозитивного метода госу-

дарственные органы утратили бы возможность издавать обязательные для соблюдения правила и предписания, что сделало бы их бессильными в достижении задач государственной власти [5].

Тем не менее, преимущественное использование императивного метода не исключает элементы диспозитивности в государственном регулировании. Предусмотреть в административном законодательстве все возможные аспекты административных правоотношений невозможно и нецелесообразно, так как при наличии таких попыток оно стало бы слишком запутанным и не применимым на практике. В связи с этим, субъектам предоставляется некоторая доля свободы при принятии решений по вопросам, неурегулированным законодательством.

Одним из проявлений диспозитивности в административных правоотношениях является административный договор, при заключении которого стороны пользуются правами и выполняют обязанности, которые сами определили для себя.

Как указывалось ранее, одним из видов административных договоров является предусмотренный Конституцией РФ договор между федеральными органами государственной власти и органами государственной власти субъектов РФ о разграничении полномочий. Следует отметить, что впервые такой административный договор был заключен еще до принятия Конституции РФ в 1993 г. Так, 31 марта 1992 г. вступил в юридическую силу Федеративный договор «Договор о разграничении предметов ведения и полномочий между федеральными органами государственной власти Российской Федерации и органами власти суверенных республик в составе Российской Федерации» [10]. Однако ученые О. В. Кистрикова и А. Н. Чертков отмечают, что после принятия Конституции РФ фактически данный федеративный договор утратил свою силу, так как в высший законодательный акт были перенесены положения, содержащиеся в административном договоре. Сказанное свидетельствует о том, что административный договор использовался в качестве вспомогательного инструмента для регламентации взаимоотношений между федеральными органами государственной власти и органами государственной власти субъектов на начальном этапе формирования федеративного государства [8].

В последствии были заключены и иные договоры о разграничении полномочий, однако в последствии они утратили силу. В настоящее время порядок заключения договоров о разграничении полномочий установлены в ст. 50 Федерального закона от 21 декабря 2021 г. № 414-ФЗ «Об общих принципах организации публичной власти в субъектах Российской Федерации», согласно которой заключение данных договоров обусловлено экономическими, географическими и иными особенностями субъекта Российской Федерации, и в той мере, в которой указанными особенностями определено иное, чем это установлено федеральными законами, разграничение

полномочий [11]. Между тем, в настоящее время данные соглашения фактически не применяются на практике.

Иным видом административного договора является соглашение между субъектами РФ о сотрудничестве. Данный вид обладает большей популярностью и более часто встречается на практике. По мнению З. А. Булатовой, заключение договоров о сотрудничестве между субъектами РФ получает актуальностью в связи с необходимостью развития тех или иных территорий, взаимных экономических связей [2]. В указанных договорах регламентируются различные аспекты сотрудничества, а именно торговые, научно-технические, культурные, социальные и иные. Например, Правительством Ленинградской области по состоянию на 2024 г. заключено 38 таких соглашений с различными субъектами, в том числе с Челябинской областью, Хабаровского края, Тульской областью и др. [9].

Следующим видом является служебный контракт, заключаемый с гражданами, поступающими на государственную службу. Служебный контракт отличается от трудового договора, заключаемого при трудоустройстве, тем, что он содержит более строгие условия, что обусловлено тем, что он заключается не с обычным субъектом, а с органом публичной власти, следовательно, стороны служебного контракта находятся в неравном положении. При этом, для заключения служебного контракта лицу необходимо пройти через конкурсные процедуры [4]. Диспозитивность служебного контракта выражается в возможности сторон определить взаимные права и обязанности, которые будут отличаться от установленных в законодательстве.

Однако наибольшей диспозитивностью среди различных видов административных договоров обладают концессионные соглашения. По общему правилу управление государственной собственностью осуществляет государство в лице государственных органов. Данное право является монопольным. При заключении концессионных договоров субъекты предпринимательской деятельности, который выступает в таком соглашении концессионером, и государством, являющимся концедентом, приобретают возможность трансформировать общий порядок, создать новые правоотношения, предметом которых является управление государственной собственностью. Следует отметить, что практика заключения концессионных соглашений для привлечения субъектов предпринимательской деятельности к управлению муниципальной собственностью получила широкое управление в других государствах, в том числе в Италия, Германия, США, Франция и т. д. [1]. В практике указанных государств выделяются следующие модели концессионных соглашений:

1. Механизмы ВОТ и ВТО, суть которого состоит в том, что концессионное соглашение заключается с субъектами предпринимательской деятельности в случаях необходимости значительных затрат при строительстве крупных объектов. В основе данного соглашения лежит осуществление строительства частным подрядчиком,

который имеет право управления объектом в течение определенного в соглашении времени, после чего данный объект передается под управление муниципального образования;

2. Механизм ROT, суть которого состоит в том, что концессионное соглашение заключается в отношении уже функционирующего объекта, передающегося под управление частному субъекту для модернизации, после производства которой объект возвращается под управление муниципальных органов;

3. Контракты на управление, которые заключаются для минимизации издержек субъектом предпринимательской деятельности;

4. Контракты на оказание услуг, которые заключаются для получения от частного субъекта товаров и услуг для обеспечения государственных и муниципальных нужд.

Как можно заметить, в России на практике активно используется лишь последний вид. В настоящее время использование концессионных соглашений весьма ограничено, что сказывается на эффективности управления государственной и муниципальной собственностью. Сказанное обусловлено рядом проблем в указанной сфере общественных отношений, в частности, высоким уровнем задолженности муниципальных предприятий, низким уровнем прогнозируемости объемов поставляемых товаров и оказываемых услуг, отсутствием качественно проработанной нормативно-правовой основы и т. д. [3].

Для разрешения указанных проблем требуется, во-первых, принятие нормативных правовых актов, которые уточняют положения Федерального закона от 21 июля 2005 г. № 115-ФЗ «О концессионных соглашениях» [12]. Данный федеральный закон является основным в рассматриваемой сфере общественных отношений, между тем, в нем не предусмотрены все особенности отдельных видов концессионных соглашений. Во-вторых, требуется создание взаимовыгодных условий как для частных субъектов, так и для государства. Только при наличии таких условий концессионное соглашение может стать привлекательной формой управления государственной и муниципальной собственностью. В-третьих, требуется подготовка кадрового состава, в особенности служащих органов местного самоуправления, которые имели бы понимание о специфике работы с концессионными соглашениями. В-четвертых, требуется заимствование передового опыта зарубежных государств с учетом особенностей экономического и политико-правового устройства Российской Федерации (например, в части моделей концессионных соглашений).

Таким образом, на основе изучения различных видов административных договоров, используемых в России, можно сделать вывод о том, что административный договор на современном этапе фактически используется как форма государственного управления. Административный договор является выражением диспозитивного

начала в сфере государственного управления. Административный договор служит инструментом для повышения эффективности деятельности государственной власти, развития инициативы граждан в условиях гражданского общества.

Библиографический список

1. Бедовская Ю. И. К вопросу об управлении муниципальной собственностью с применением концессионного соглашения // Экономика и бизнес: теория и практика. 2020. № 2-1.
2. Булатова З. А. Межсубъектные договоры как источники правового регулирования пространственного развития в Российской Федерации // Евразийская адвокатура. 2023. № 1 (60). С. 120–123.
3. Гантулга Д., Ящикова И. В., Боброва Е. Ю. Эффективные механизмы зарубежной и российской практики управления муниципальной собственностью // Известия вузов. Инвестиции. Строительство. Недвижимость. 2017. № 3 (17). С. 11–18.
4. Зеленцова С. Ю., Кауфман Н. Ю. Срочные служебные контракты с государственными гражданскими служащими как инструмент кадровой политики в субъектах Российской Федерации // Регион: система, экономика, управление. 2023. № 1 (69). С. 118–122.
5. Касаева Т. Г. Административный договор как правовая форма деятельности исполнительной власти в России // Национальная ассоциация ученых. 2015. № 15-1 (15). С. 135–136.
6. Касаева Т. Г. Понятие и признаки административного договора // Современные проблемы науки и образования : материалы V Международной научно-практической конференции, Таганрог, 31 октября 2015 г. / Научный ред. Ю. В. Мамченко. Таганрог : Издательство «Перо», 2015. С. 5–7.
7. Федеральный закон от 7 февраля 2011 г. № 3-ФЗ «О полиции» (ред. от 04.08.2023) // Собрание законодательства Российской Федерации. 2011. № 7. Ст. 900.
8. Кистрикова О. В., Чертков А. Н. Договорный аспект разграничения полномочий в Российской Федерации: история и современность // Журнал российского права. 2014. № 8 (212). С. 48.
9. Список соглашений о сотрудничестве с субъектами Российской Федерации // URL: <https://kvs.lenobl.ru/ru/deiatelnost/soglasheniia-o-sotrudnichestve/soglasheniya-o-sotrudnichestve-s-subektami-rossijskoj-federacii/> (дата обращения: 20.12.2024).
10. Федеративный договор от 31 марта 1992 г. «Договор о разграничении предметов ведения и полномочий между федеральными органами государственной власти Российской Федерации и органами власти суверенных республик в составе Российской Федерации» (вместе с «Протоколом к Федеративному договору») // СПС «КонсультантПлюс» (дата обращения: 20.01.2025).
11. Федеральный закон от 21 декабря 2021 г. № 414-ФЗ «Об общих принципах организации публичной власти в субъектах Российской Федерации» (ред. от

13.12.2024) // СПС «КонсультантПлюс» (дата обращения: 20.01.2025).

12. Федеральный закон от 21 июля 2005 г. № 115-ФЗ «О концессионных соглашениях» (ред. от 30.11.2024) // Собрание законодательства Российской Федерации. 2005. № 30. Ст. 3126 (Часть II).

Bibliographic list

1. Bedovskaya Yu. I. On the issue of municipal property management using a concession agreement // Economics and Business: theory and practice. 2020. № 2-1.

2. Bulatova Z. A. Intersubjective contracts as sources of legal regulation of spatial development in the Russian Federation // Eurasian Advocacy. 2023. № 1 (60). P. 120–123.

3. Gantulga D., Yashchikova I. V., Bobrova E. Y. Effective mechanisms of foreign and Russian practice of municipal property management // Izvestiya vuzov. Investment. Construction. Realty. 2017. № 3 (17). P. 11–18.

4. Zelentsova S. Yu., Kaufman N. Yu. Fixed-term service contracts with government civil servants as a tool of personnel policy in the subjects of the Russian Federation // Region: system, economy, management. 2023. № 1 (69). P. 118–122.

5. Kasaeva T. G. Administrative contract as a legal form of executive power activity in Russia // National Association of Scientists. 2015. № 15-1 (15). P. 135–136.

6. Kasaeva T. G. The concept and signs of an administrative contract // Modern problems of science and education : Proceedings of the V International Scientific and Practical Conference, Taganrog, October 31, 2015 /

Scientific ed. by Yu. V. Mamchenko. Taganrog : Publishing House «Pero», 2015. P. 5–7.

7. Federal Law № 3-FZ of February 7, 2011 «On the Police» (as amended on 04.08.2023) // Collection of Legislation of the Russian Federation. 2011. № 7. Art. 900.

8. Kistrikova O. V., Chertkov A. N. The contractual aspect of the delimitation of powers in the Russian Federation: history and modernity // Journal of Russian Law. 2014. № 8 (212). P. 48.

9. List of cooperation agreements with the subjects of the Russian Federation // URL: <https://kvs.lenobl.ru/ru/deiatelnost/soglasheniia-o-sotrudnichestve/soglasheniya-o-sotrudnichestve-s-subektami-rossijskoj-federacii/> (accessed: 20.12.2024).

10. The Federal Treaty of March 31, 1992 «The Treaty on the delimitation of subjects of jurisdiction and powers between the federal bodies of state power of the Russian Federation and the authorities of the sovereign republics within the Russian Federation» (together with the «Protocol to the Federal Treaty») // LRS «ConsultantPlus» (accessed: 20.01.2025).

11. Federal Law № 414-FZ of December 21, 2021 «On the general Principles of the organization of public Authority in the Subjects of the Russian Federation» (as amended on 13.12.2024) // LRS «ConsultantPlus» (accessed: 20.01.2025).

12. Federal Law № 115-FZ of July 21, 2005 «On Concession Agreements» (as amended on 30.11.2024) // Collection of Legislation of the Russian Federation. 2005. № 30. Art. 3126 (Part II).

Информация об авторе

В. И. Ковшевацкий – доцент кафедры административного права Московского университета МВД России имени В.Я. Кикотя, кандидат юридических наук, доцент;

Э. В. Маркина – доцент кафедры административного права Московского университета МВД России имени В.Я. Кикотя, кандидат юридических наук, доцент.

Information about the author

V. I. Kovshevatsky – Associate Professor of the Department of Administrative Law of the Moscow University of the Ministry of Internal Affairs of Russia named after V.Ya. Kikot', Candidate of Legal Sciences;

E.V. Markina – Associate Professor of the Department of Administrative Law of the Moscow University of the Ministry of Internal Affairs of Russia named after V.Ya. Kikot', Candidate of Legal Sciences, Associate Professor.

Вклад авторов: все авторы сделали эквивалентный вклад в подготовку публикации. Авторы заявляют об отсутствии конфликта интересов.

Contribution of the authors: the authors contributed equally to this article. The authors declare no conflicts of interests.

Статья поступила в редакцию 27.01.2025; одобрена после рецензирования 24.03.2025; принята к публикации 07.04.2025.

The article was submitted 27.01.2025; approved after reviewing 24.03.2025; accepted for publication 07.04.2025.

Научная статья

УДК 34

<https://doi.org/10.24412/2414-3995-2025-2-85-90>

EDN: <https://elibrary.ru/audgpo>

НИОН: 2015-0066-2/25-218

MOSURED: 77/27-011-2025-02-417

Становление и развитие международно-правового регулирования в области защиты прав детей (историко-правовой анализ)

Валерий Анатольевич Коннов

Московский университет МВД России имени В.Я. Кикотя, Москва, Россия, vkonnov@inbox.ru

Аннотация. В статье предпринята попытка научного осмысления различных этапов становления и развития международно-правовой базы защиты прав ребенка в XX в. Автор анализирует общественные, исторические, экономические и правовые предпосылки формирования норм международного права, связанные с обеспечением интересов несовершеннолетних. В процессе исследования предлагается авторская периодизация процесса становления международной нормативной базы в рассматриваемой области. Отмечается, что развитие международного сотрудничества в области защиты прав детей являлось на всем протяжении XX в. комплексным процессом, который охватывал как наиболее общие вопросы, так и частные проблемы.

Ключевые слова: защита прав человека, международная защита прав ребенка, формирование и развитие норм международного права, история международного права, периодизация в развитии международного права

Для цитирования: Коннов В. А. Становление и развитие международно-правового регулирования в области защиты прав детей (историко-правовой анализ) // Вестник экономической безопасности. 2025. № 2. С. 85–90. <https://doi.org/10.24412/2414-3995-2025-2-85-90>. EDN: AUDGPO.

Original article

Formation and development of international legal regulation in the field of protection of children's rights (historical and legal analysis)

Valeriy A. Konnov

Moscow University of the Ministry of Internal Affairs of Russia named after V.Ya. Kikot', Moscow, Russia, vkonnov@inbox.ru

Abstract. The article attempts to scientifically comprehend the various stages of the formation and development of the international legal framework for the protection of children's rights in the 20th century. The author analyzes the social, historical, economic and legal prerequisites for the formation of norms of international law related to ensuring the interests of minors. In the course of the research, the author's periodization of the process of formation of the international regulatory framework in the field under consideration is proposed. It is noted that the development of international cooperation in the field of protection of children's rights has been a complex process throughout the twentieth century, which covered both the most general issues and specific problems.

Keywords: protection of human rights, international protection of the rights of the child, formation and development of norms of international law, history of international law, periodization in the development of international law

For citation: Konnov V. A. Formation and development of international legal regulation in the field of protection of children's rights (historical and legal analysis). Bulletin of economic security. 2025;(2):85–90. (In Russ.). <https://doi.org/10.24412/2414-3995-2025-2-85-90>. EDN: AUDGPO.

Введение.

В настоящее время международную защиту прав ребенка можно представить в виде сложной системы взаимосогласованных между собой действий государств и международных организаций, направленных на разработку нормативных актов в сфере обеспечения прав ребенка для нормального формирования полноценной и гармонично

чески развитой личности, оказания международной помощи детям в слаборазвитых государствах, а также деятельность по реализации в национальном законодательстве соответствующих международных стандартов [1, с. 4]. В тоже время в научной литературе международная защита прав детей рассматривается как отдельный институт международного права, предметом которого выступ

© Коннов В. А., 2025

пают общий и специальный правовой статус детей и их отдельных категорий, защита и поощрение прав ребенка, контроль за соблюдением этих прав, а также сотрудничество субъектов международного права в сфере международно-правовой защиты и поощрения прав ребенка [2, с. 11]. Таким образом, с одной стороны это – деятельность, направленная на реализацию международных норм, а с другой – правовой институт в международном праве.

Мощным фактором, который привел к формированию современной системы международно-правового регулирования защиты прав детей явились последствия Второй мировой войны, в результате которой миллионы детей по всему миру оказались в бедственном положении: либо осиротели, либо проживали в условиях, исключающих их нормальное развитие и социализацию. Начало становления данного международно-правового института пришлось на временной период начала и первой половины XX в., когда в рамках деятельности отдельных международных организаций и двусторонних отношений были приняты первые декларативные документы, обозначившие перспективы развития гуманитарных норм в отношении детей, а также ряд соглашений по данным вопросам.

Основная часть.

В 1924 г. при активном участии организации под названием «Международный союз спасения детей» Лига Наций одобрила Декларацию прав ребенка [3]. Данный документ не имел юридически обязывающего характера и был по своей форме скорее программным актом, призванным зафиксировать цели развития международного права в соответствующей области. Характерной особенностью документа являлось то, что:

- 1) несмотря на название, как таковые права ребенка не закреплялись; не определялся их перечень и особенности реализации;
- 2) декларация определяла фундаментальные принципы в отношении детей: «голодные дети должны быть накормлены; больным детям следует предоставлять уход; отсталым детям должны быть оказаны помощь; порочные дети должны быть исправлены; сиротам и беспризорным детям должно быть дано убежище и все необходимое для их существования»;
- 3) документ призывал государства предоставлять детям необходимые условия развития как духовного, так и материального плана;
- 4) закреплялся призыв оградить детей от насилия и трудовой эксплуатации.

Таким образом, Декларация 1924 г. сформировала и отразила, скорее, общегуманитарные начала отношения к детям, а не контуры их правового статуса. Сформулированные принципы в полной мере можно было соотносить с общегуманитарными принципами, применимыми в том числе и к взрослым людям с определенной спецификой. Многие исследователи справедливо отмечают: хотя данный документ действительно имел важное значение для формирования, прежде всего, мировоззрения общества и правящих кругов государств, но он не дал начало формированию института защиты прав детей как такового [4; 5].

Международно-правовые источники первой половины XX в. закрепляли отдельные положения, применимые к правам детей, в контексте решения иных проблем прав человека и гуманизации отдельных сторон общественных отношений. В частности, это касалось таких направлений сотрудничества как международное регулирование трудовых отношений, противодействие рабству и работорговле, в том числе торговле детьми.

В данный период активно развивается сотрудничество в сфере защиты уязвимых категорий населения, т. е. тех лиц, возможности которых к защите своих прав существенно снижены в силу личных особенностей. В частности, это касалось женщин и детей. Одним из наиболее острых вопросов начала XX в. был вопрос о равноправии женщин. Если в европейских странах именно в этот период идеи равноправия постепенно обретали силу национального закона, то в странах других регионов мира положение женщин оставалось подверженным вековым традициям, а часто и вековым предрассудкам. Аналогичным, если не более бесправным, было положение детей, которые в отдельных странах становились не только жертвами эксплуатации, но и предметом торговли, обмена и т. д. В ответ на данные факты 30 сентября 1921 г. была заключена Международная конвенция о борьбе с торговлей женщинами и детьми [6]. Разработчики документа исходили из того, что интересы женщин, являющихся матерями, и их детей неотделимы, а также из существовавшей практики, когда предметом купли-продажи чаще становились именно женщина с ребенком. В соответствии со ст. 2 данной Конвенции любые формы торговли детьми обо-его пола признавались уголовным преступлением, за которое национальным законом должно быть установлено наказание. Государства-участники должны всеми силами препятствовать таким фактам и пресекать их. Кроме того, конвенция обязывала стороны принять нормы внутреннего законодательства, необходимые для защиты женщин и детей, находящихся на борту кораблей, перевозящих эмигрантов, при отправлении и прибытии, а также во время путешествия. Государства обязаны были информировать пребывающих на их территорию лиц о возможности быть похищенными и проданными в рабство, если в стране имелась соответствующая ситуация. Таким образом, с 1921 г. в международное право определило торговлю женщинами и детьми как отдельный вид опасного транснационального преступления, выделив его из общих норм о рабстве и работорговле.

Несколько позднее это положение было зафиксировано в том числе и в Конвенции относительно рабства 1926 г. [7, с. 274–279]. И хотя данный акт не закреплял непосредственно запрет принудительного труда детей или соответствующих форм обращения (продажа, аренда и т. д.), но в ст. 1, содержащей определение рабства, указывалось, что оно относится ко всем лицам, находящимся в подневольном состоянии. При этом в рамках деятельности Лиги Наций неоднократно поднимался вопрос о выделении вопросов рабского труда детей в от-

дельное регулирование с созданием необходимых международных норм [8, с. 14–15].

Первая половина XX в. также ознаменовалась вниманием отдельных государств и международных организаций к вопросам регулирования труда несовершеннолетних. Практика капиталистического хозяйствования, которая со второй половины XIX в. охватывает многие европейские и внеевропейские страны, формирует особое отношение к детскому труду. Это, прежде всего, отсутствие ограничений по возрасту, низкая по сравнению с взрослыми заработная плата (или отсутствие таковой вообще – в качестве вознаграждения только питание), приравнивание режима труда и отдыха детей к аналогичным аспектам у взрослых и т. д. Данные методы фактически приводили к тому, что дети не получали необходимого в их возрасте физического и психического развития, возможностей. Если прибавить к этому аналогичные или схожие правила трудовой деятельности женщин, то становится понятна обеспокоенность за формирование будущих поколений.

Международная организация труда (МОТ), созданная в 1919 г., внесла большой вклад в становление международных стандартов трудовой деятельности детей и связанных с ними аспектов, в том числе труда женщин, имеющих ребенка. В рамках МОТ в первой половине XX в. было принято несколько конвенций, призванных урегулировать соответствующие проблемы. Так, почти одновременно с созданием организации была заключена Конвенция Международной организации труда № 103 об охране материнства [9, с. 15–18]. Документ касается защиты детей посредством защиты интересов работающей женщины, имеющей ребенка. В частности, в ст. 4 указывается, что размеры денежного пособия должны устанавливаться таким образом, чтобы обеспечить для самой женщины и ее ребенка хорошие жизненные условия и надлежащий уровень жизни. Кроме того, ряд норм устанавливают правила в отношении кормящих матерей, касающиеся перерыва на кормление, отдых матери и т. д. (ст. 5). Несмотря на то, что Конвенция регулирует труд женщин, ее значение для защиты детей велико, поскольку косвенно затрагивает социальные и экономические интересы ребенка, в том числе грудного.

Напротив, прямое отношение к защите прав несовершеннолетних имели два других сходных по своему содержанию международно-правовых акта МОТ, принятые в 1921 г. – Конвенция № 10 «О минимальном возрасте допуска детей на работу в сельском хозяйстве» [10, с. 57–59], и Конвенция МОТ № 7 «Об определении минимального возраста для допуска детей на работу в море» [11, с. 41–43]. В соответствии со ст. 1 Конвенции № 10, дети, не достигшие 14 лет, не должны приниматься на работу или работать на государственных или частных сельскохозяйственных предприятиях в часы, установленные для посещения школы. Привлечение к такой работе должно осуществляться только во внешкольные часы, и не в ущерб их посещению школы. Конвенция также гуманизирует труд подростков, закрепляя

(ст. 2), что их труд в таком возрасте может использоваться только на легких сельскохозяйственных работах, включая уборку урожая. Аналогичный минимальный возраст устанавливается и Конвенцией МОТ № 7 (14 лет). Однако, в отличие от Конвенции № 10, данный документ не допускает вообще привлечение к осуществлению трудовых обязанностей лиц, не достигших данного возраста. Исключение делается для труда на морских и речных судах, где заняты члены одной семьи.

Также прямое отношение к защите прав несовершеннолетних имела Конвенция МОТ № 6 «О ночном труде подростков в промышленности» от 29 октября 1919 г. [12, с. 31–34]. Статья 2 предусматривала общее правило, в соответствии с которым лица, не достигшие 18 лет не должны привлекаться к выполнению промышленных работ в ночное время. В то же время Конвенцией устанавливался перечень видов промышленности, где это допускалось, но только для лиц старше 16 лет. Таким образом, закреплялась недопустимость привлечения к ночному труду вообще всех лиц моложе 16 лет.

Следовательно, сформированная до Второй мировой войны международно-правовая база защиты прав детей была весьма неоднородной как с точки зрения сфер воздействия международно-правовых норм на отдельные аспекты жизни ребенка, так и с точки зрения форм регулирования. В частности, такими сферами можно считать защиту от рабства, подневольного состояния, от произвольного принудительного разлучения с родителями, регламентация вопросов привлечения к трудовой деятельности с учетом возраста, физических и психических особенностей ребенка. В то же время системы международных гарантий выполнения государствами указанных положений в данный период создано не было. Ни один из рассмотренных выше международно-правовых актов не предусматривал создание и функционирование специальных контрольных механизмов. Слабость международных гарантий первой половины XX в. была общим явлением в международном праве, и сфера защиты прав детей не являлась исключением.

Формально не отмененные, многие из данных рекомендательных и нормативных актов продолжали действовать вплоть до начала Второй мировой войны и в ходе нее. Однако в данных условиях реализация таких актов была невозможна. Таким образом, формирование основной международной правовой базы защиты прав детей до Второй мировой войны завершилось в целом к 1927 г. Однако формальное их действие вплоть до окончания войны позволяет говорить о завершении первого периода развития международно-правового сотрудничества в рассматриваемой сфере в 1948 г., когда с принятием Всеобщей декларации прав человека начался новый этап в развитии международных стандартов прав человека.

С момента создания Организации Объединенных Наций в 1945 г. дети и их права находились в центре особого внимания нового межгосударственного объединения. Одним из первых актов Генеральной Ассамблеи было образование в 1946 г. Детского фонда ООН (ЮНИ-

СЕФ, ранее до 1953 г. – Международный чрезвычайный детский фонд ООН), который в настоящее время является главным механизмом международной помощи детям. Гуманитарная миссия фонда, выраженная в его уставе, отражала одну из наиболее острых социальных проблем, сложившихся после окончания Второй мировой войны – наличие в мире огромного количества осиротевших детей, защита и помощь которым должна была стать средством воспитания нового послевоенного поколения [13, с. 88–91]. Уже с первых дней существования при поддержке ЮНИСЕФ начал осуществляться не только комплекс практических мероприятий по поддержке детей в различных странах, но и был запущен процесс совершенствования международно-правовых и рекомендательных актов в данной сфере. На фоне общего интереса мирового сообщества к проблемам прав человека защита прав детей стала одной из составляющих нормотворческого процесса в международном праве на последующие послевоенные десятилетия.

В частности, в данный период права ребенка находят частичное закрепление в принимаемых ООН документах. Так, Всеобщая Декларация прав человека 1948 г. в ст. 1, 2, 3 указывает на универсальность прав человека вне зависимости от его личных свойств и характеристик, а также на то, что фундаментальные права приобретаются с момента рождения, т. е. распространяются в том числе на лиц, не достигших совершеннолетия. Следовательно, Всеобщая декларация распространила универсализм основных прав не только в отношении лиц (вне зависимости от гражданства, расы, вероисповедания и т. д.), вступивших во взрослую жизнь, но и лиц, не способных в полной мере самостоятельно осуществлять свои права, отвечать за поступки в силу возраста. В этом смысле акт ООН 1948 г. фактически уравнивал совершеннолетних и несовершеннолетних людей в основных, базовых правах.

Не менее важным положением Всеобщей декларации по вопросам защиты детей явились положения ст. 26, которые устанавливают приоритет родителей в отношении выбора вида образования для своего ребенка. Тем самым подчеркивалась первейшая роль семьи в воспитании и формировании личности. По нашему мнению, положение данной статьи следует трактовать расширительно – государство не должно по общему правилу вмешиваться в процесс воспитания и получения образования, государство имеет вторичные права и полномочия в данных вопросах. Оно должно в них вмешиваться только в том случае, если родители по каким-либо причинам не могут или не в состоянии реализовать свои фундаментальные права в отношении ребенка. Данная позиция в настоящее время в целом воспринята на законодательном уровне многими государствами, в частности Российской Федерацией. В ст. 43 Конституции РФ закрепляется, что именно родители или лица, их заменяющие, обеспечивают получение детьми основного общего образования.

Указанные выше положения Всеобщей декларации прав человека 1948 г., затрагивающие права и интересы

детей, были позднее раскрыты в еще одном рекомендательном акте, ставшем одной из основ принятия в дальнейшем соответствующих международных правовых документов. В 1959 г. Генеральной Ассамблеей ООН была принята Декларация прав ребенка [14]. Ее основой послужила одноименная Декларация 1924 г. Документ закрепил десять основополагающих принципов правового статуса ребенка, среди которых принцип равенства детей, защита государством материнства и младенчества, защита детей от эксплуатации, право на образование, право на имя и гражданство, на здоровый рост и развитие, на необходимое питание, жилище, отдых и медицинское обслуживание. Также в Декларации 1959 г. появляется категория «интересы ребенка», что не отражалось в ранее принимавшихся конвенциях и рекомендательных актах. Не раскрывая этого понятия, Декларация указывает, что издание национальных законов в области защиты детей должно исходить из единственной цели – обеспечения интересов ребенка.

Принятые в 1966 г. на сессии Генеральной Ассамблеи ООН два международных пакта – Международный пакт о гражданских и политических правах и Международный пакт об экономических, социальных и культурных правах частично раскрыли и конкретизировали положения Всеобщей декларации прав человека и Декларации прав ребенка. Данные международно-правовые акты закрепили права ребенка в контексте прав всех людей: запрет дискриминации, право на защиту семьей, государством и обществом, право на имя и гражданство, защиту ребенка в случае распада семьи [15, с. 21].

В 50-е – 60-е гг. XX в. отдельные права и законные интересы детей были отражены в целом ряде других конвенционных актов, которые касались регулирования правового статуса отдельных уязвимых категорий населения. В частности, в Конвенции о статусе беженцев 1951 г. [16], Конвенции о статусе апатридов 1954 г. [17, с. 230–243], Конвенции о ликвидации всех форм дискриминации в отношении женщин 1979 г. [18].

Следует отметить, с начала 70-х гг. XX в. В рамках деятельности ООН и других международных организаций активно обсуждался вопрос о возможности и необходимости разработки и отдельного международно-правового акта, который выделил бы из многочисленных актов, принятых ранее, нормы о правовом статусе детей и объединил бы их в рамках одного документа. Одним из наиболее серьезных аргументов такой международно-правовой кодификации было то, что действовавшие акты содержали нормы, принятые в разных социальных и политических условиях, порою в разных исторических и ментальных реалиях, что создавало многочисленные несоответствия и порождало возможности для вольного толкования таких норм. Кроме того, за время, прошедшее с начала XX в. в правовых актах разных стран, международных договорах и декларациях, которые касались прав детей, а также в международной и внутригосударственной правоприменительной практике сложился определенный понятийный аппарат, который в силу сти-

хийности формирования не являлся однообразным. Эти чисто правовые аспекты, а также отдельные политические факторы привели к тому, что в 1978 г. в преддверии объявленного ООН года ребенка, Польша выступила в ООН с предложением о разработке и принятии целостного международно-правового акта о защите прав детей. Деятельность рабочей группы при содействии Комиссии ООН по правам человека привела к заключению в 1989 г. Конвенции о правах ребенка. Этот правовой акт завершил в целом формирование международно-правовой базы защиты прав детей, который начался еще в начале XX в.

Выводы.

По нашему мнению, исходя из вышеизложенного, можно предложить следующую периодизацию в развитии международной нормативно-правовых основ в области защиты прав детей:

- первый этап – принятие первых рекомендательных и предметно ориентированных международно-правовых актов, направленных на защиту детей от наиболее опасных и грубых форм обращения (1919–1948 гг.);
- второй этап – выработка и принятие универсальных правовых актов общего характера в области защиты прав человека, и специальных международных соглашений в отношении статуса отдельных уязвимых категорий населения; отсутствие персонализации статуса ребенка и закрепление его прав и законных интересов в контексте прав человека в целом; формирование международных институтов помощи детям (1948–1989);
- третий этап – выработка и принятие специализированных универсальных международно-правовых актов в области защиты прав детей; формирование международных контрольных механизмов за их соблюдением (1989 г. – по настоящее время).

Становление и развитие международного сотрудничества в области защиты прав детей являлось на всем протяжении XX в. комплексным процессом, который охватывал как наиболее общие вопросы (становление понятийного аппарата, определение специфических прав детей, формирование концепции соотношения прав семьи, родителей и детей), так и частные проблемы, среди которых одним из которых, например, можно назвать усыновление (удочерение) детей иностранными родителями. В частности, постепенное открытие границ, повышение мобильности населения, миграционные процессы, а также масштабные социальные потрясения ушедшего века дополнили традиционные внутригосударственные процессы усыновления (удочерения) транснациональными. Будучи первоначально предметом исключительно национального административного и гражданско-правового регулирования, в дальнейшем данные отношения вошли в орбиту регулирования нормами международного частного права, а еще позднее – норм международного публичного права.

Список источников

1. Павлова Л. В. Международная защита прав ребенка // Права ребенка – законодательство и практика:

Материалы республиканской научно-практической конференции. Мн., 1991.

2. Никонов К. Современные теоретические аспекты международно-правовой защиты прав ребенка / дис. ... канд. юрид. наук. М., 2010.

3. Международные акты о правах человека : сборник документов / Сост. В. А. Карташкин, Е. А. Лукашева. М., 2002.

4. Берлявский Л. Г., Манукян М. А. Принципы международно-правовой защиты прав ребенка // Российская юстиция. 2013, № 7. С. 9.

5. Агушева Г. Г., Баданин Д. Защита прав ребенка: международно-правовой аспект // Ювенальное право. Архангельск, 2005.

6. Международная конвенция от 30 сентября 1921 г. о борьбе с торговлей женщинами и детьми с изменениями, внесенными в нее Протоколом, принятым Генеральной Ассамблеей Организации Объединенных Наций 20 октября 1947 г. // URL: https://www.un.org/ru/documents/decl_conv/conventions/trafficking_suppression.shtml/ (дата обращения: 20.11.2024).

7. Конвенция относительно рабства от 25 сентября 1926 г., с изменениями от 18 декабря 1953 г. // Сборник действующих договоров, соглашений и конвенций, заключенных СССР с иностранными государствами. М., 1960. Вып. XVIII.

8. Жавзандолгор Б. Международно-правовая защита прав детей (международно-правовые аспекты) / дис. ... канд. юрид. наук. М., 2004.

9. Конвенция Международной организации труда № 103 об охране материнства от 29.10.1919 // Конвенции и рекомендации, принятые Международной конференцией труда. 1919–1956. Женева : Международное бюро труда, 1996. Т. 1.

10. Конвенция № 10 Международной организации труда «О минимальном возрасте допуска детей на работу в сельском хозяйстве» // Конвенции и рекомендации, принятые Международной конференцией труда. 1919–1956. Женева : Международное бюро труда, 1991. Т. 1.

11. Конвенция № 7 Международной организации труда «Об определении минимального возраста для допуска детей на работу в море» // Конвенции и рекомендации, принятые Международной конференцией труда. 1919–1956. Женева : Международное бюро труда, 1991.

12. Конвенция № 6 Международной организации труда «О ночном труде подростков в промышленности» // Конвенции и рекомендации, принятые Международной конференцией труда. 1919–1956. Женева : Международное бюро труда, 1991. Т. 1.

13. Жавзандолгор Б. Международно-правовая защита прав детей (международно-правовые аспекты) / дис. ... канд. юрид. наук. М., 2004.

14. Декларация прав ребенка. Принята резолюцией 1386 (XIV) Генеральной Ассамблеи ООН от 20 ноября 1959 г. // URL: https://www.un.org/ru/documents/decl_conv/declarations/childdec.shtml/ (дата обращения: 21.12.2024).

15. Калинкина М. Ю. Международные документы в интересах детей и молодежи: особенности правовой защиты (ретроспективный анализ с XIX века по настоящее время) // Вопросы ювенальной юстиции. 2008. № 3.

16. Конвенция о статусе беженцев от 28 июля 1951 г. // Бюллетень международных договоров. 1 ноября 1993 г. № 9.

17. Конвенция о статусе апатридов от 28 сентября 1954 г. // Действующее международное право. М. : Московский независимый институт международного права, 1996. Т. 1.

18. Конвенция о ликвидации всех форм дискриминации в отношении женщин от 18 декабря 1979 г. // Ведомости ВС СССР. 1982. № 25. Ст. 464.

References

1. Pavlova L. V. International protection of the rights of the child // The rights of the child – legislation and practice: Proceedings of the Republican scientific and practical conference. Mn., 1991.

2. Nikonov K. Modern theoretical aspects of international legal protection of the rights of the child / dis. ... cand. jurid. nauk. M., 2010.

3. International acts on human rights : a collection of documents / Comp. V. A. Kartashkin, E. A. Lukasheva. M., 2002.

4. Berlyavsky L. G., Manukyan M. A. Principles of international legal protection of the rights of the child // Russian Justice. 2013, № 7. P. 9.

5. Agusheva G. G., Badanin D. Protection of the rights of the child: an international legal aspect // Juvenile law. Arkhangelsk, 2005.

6. International Convention of September 30th 1921 on Combating Trafficking in Women and Children, as amended by the Protocol adopted by the General Assembly of the United Nations on October 20, 1947 // URL: https://www.un.org/ru/documents/decl_conv/conventions/trafficking_suppression.shtml/ (accessed: 20.11.2024).

7. Convention on Slavery of September 25, 1926, as amended on December 18, 1953 // Collection of existing treaties, agreements and conventions concluded by the USSR with foreign states. M., 1960. Issue XVIII.

8. Zhavzandolgor B. International legal protection of children's rights (international legal aspects) / dis. ... cand. jurid. Sciences. M., 2004.

9. Convention of the International Labour Organization № 103 on Maternity Protection dated 29.10.1919 // Conventions and recommendations adopted by the International Labour Conference. 1919–1956. Geneva : International Labour Office, 1996. Vol. 1.

10. Convention № 10 of the International Labour Organization «On the minimum age for admission of children to work in agriculture» // Conventions and Recommendations adopted by the International Labour Conference. 1919–1956. Geneva : International Labour Office, 1991. Vol. I.

11. Convention № 7 of the International Labour Organization «On the Determination of the minimum age for the admission of children to work at Sea» // Conventions and Recommendations adopted by the International Labour Conference. 1919–1956. Geneva : International Labour Office, 1991.

12. Convention № 6 of the International Labour Organization «On Night work of adolescents in Industry» // Conventions and recommendations adopted by the International Labour Conference. 1919–1956. Geneva : International Labour Office, 1991. Vol. 1.

13. Zhavzandolgor B. International legal protection of children's rights (international legal aspects) / dis. ... cand. jurid. Sciences. M., 2004.

14. Declaration of the Rights of the Child. Adopted by resolution 1386 (XIV) UN General Assembly of November 20, 1959 // URL: https://www.un.org/ru/documents/decl_conv/declarations/childdec.shtml/ (accessed: 21.12.2024).

15. Kalinkina M. Y. International documents in the interests of children and youth: features of legal protection (a retrospective analysis from the 19th century to the present) // Issues of juvenile justice. 2008. № 3.

16. Convention on the Status of Refugees of July 28 1951 // Bulletin of International Treaties. November 1, 1993, № 9.

17. Convention on the Status of Stateless Persons of September 28, 1954 // Current international law. M. : Moscow Independent Institute of International Law, 1996. Vol. 1.

18. Convention on the Elimination of All Forms of Discrimination against Women of December 18, 1979 // Vedomosti VS USSR. 1982. № 25. Art. 464.

Информация об авторе

В. А. Коннов – начальник кафедры прав человека и международного права Московского университета МВД России имени В.Я. Кикотя, кандидат юридических наук, доцент.

Information about the author

V. A. Konnov – Head of the Department of Human Rights and International Law of the Moscow University of the Ministry of Internal Affairs of Russia named after V.Ya. Kikot', Candidate of Legal Sciences, Associate Professor.

Статья поступила в редакцию 27.01.2025; одобрена после рецензирования 20.02.2025; принята к публикации 24.03.2025.

The article was submitted 27.01.2025; approved after reviewing 20.02.2025; accepted for publication 24.03.2025.

Научная статья

УДК 34

<https://doi.org/10.24412/2414-3995-2025-2-91-95>

EDN: <https://elibrary.ru/gaqsub>

NIION: 2015-0066-2/25-219

MOSURED: 77/27-011-2025-02-418

Эволюция нормативных правовых актов в России в дореволюционный период

Виктория Александровна Лысенко¹, Станислав Евгеньевич Вородюхин²,

Виктор Викторович Васильев³

^{1,2,3} Белгородский юридический институт МВД России имени И.Д. Путилина, Белгород, Россия

¹ lisenko.vik.2013@yandex.ru

² vorodyuhin-stani@mail.ru

³ vasilev-vv@mail.ru

Аннотация. На различных этапах становления и эволюции нашего государства нормативный правовой акт прошел сложный путь своего формирования. Исследование исторических аспектов развития нормативных правовых актов как главных юридических источников (форм) права в Российской Федерации обусловлено, прежде всего, определенными явлениями государственной и общественной жизни, направлено на повышение эффективности правового регулирования общественных отношений. Авторы считают, что нормативный правовой акт являлся понятием широким и собирательным, которое включало в себя различные по своей юридической природе, содержанию, внешней форме выражения нормативные предписания. В преобразованиях основных закономерностей формирования российской правовой системы присутствовала очень сложная исторически сложившаяся модель системы нормативного регулирования, которая претерпевала соответствующие влияния от различных правовых культур, мировоззрения, правосознания общества на каждом этапе его развития.

Ключевые слова: нормативный правовой акт, источники права, обычное право, закон, систематизация законодательства

Для цитирования: Лысенко В. А., Вородюхин С. Е., Васильев В. В. Эволюция нормативных правовых актов в России в дореволюционный период // Вестник экономической безопасности. 2025. № 2. С. 91–95. <https://doi.org/10.24412/2414-3995-2025-2-91-95>. EDN: GAQSUB.

Original article

Evolution of regulatory legal acts in Russia in the pre-revolutionary period

Victoria A. Lysenko¹, Stanislav E. Vorodyuhin², Viktor V. Vasiliev³

^{1,2,3} Belgorod Law Institute of the Ministry of Internal Affairs of Russia named after I.D. Putilin, Belgorod, Russia

¹ lisenko.vik.2013@yandex.ru

² vorodyuhin-stani@mail.ru

³ vasilev-vv@mail.ru

Abstract. At various stages of the formation and evolution of our state the normative legal act has passed a difficult path of its formation. The study of historical aspects of the development of normative legal acts as the main legal sources (forms) of law in the Russian Federation is primarily due to certain phenomena of state and public life, aimed at improving the effectiveness of legal regulation of public relations. The authors believe that a normative legal act was a broad and collective concept, which included normative prescriptions of various legal nature, content, and external forms of expression. In the transformations of the basic laws of the formation of the Russian legal system, there was a very complex historically established model of the regulatory system, which underwent appropriate influences from various legal cultures, worldviews, and legal awareness of society at each stage of its development.

Keywords: normative legal act, sources of law, customary law, law, systematization of legislation

For citation: Lysenko V. A., Vorodyuhin S. E., Vasiliev V. V. Evolution of regulatory legal acts in Russia in the pre-revolutionary period. Bulletin of economic security. 2025;(2):91–5. (In Russ.). <https://doi.org/10.24412/2414-3995-2025-2-91-95>. EDN: GAQSUB.

© Лысенко В. А., Вородюхин С. Е., Васильев В. В., 2025

Вопросы образования, формы бытия и реализации права систематически привлекали пристальное внимание теоретиков и, конечно же, практиков. И это понятно, нельзя переосмыслить их не только теоретическую, но и практическую значимость. Анализ генезиса эволюции правовых понятий и категорий является необходимым условием фундаментального понимания их сущности, роли и назначения. Поэтому вопросы, затрагивающие проблемы юридических форм (источников) права, являются краеугольным камнем в процессе познания и постижения права. Несомненно, это в полной мере следует отнести к процессу эволюции нормативного правового акта.

Исследование исторических аспектов формирования и развития нормативных правовых актов как главных юридических источников (форм) права в Российской Федерации обусловлено, прежде всего, определенными явлениями государственной и общественной жизни, направлено на повышение эффективности правового регулирования общественных отношений. Их особенность определяется происхождением и эволюцией, спецификой культуры и идеологии, религии, обычаев и традиций, своеобразием юридического мышления и т. д. [4, с. 139].

Все социальные явления обладают одной важной особенностью: в большинстве случаев невозможно точно определить день, даже год, а иногда и столетие их происхождения. Процесс их формирования происходил постепенно и занимал длительное время [13, с. 46]. Это в полной мере относится и к процессу создания и разработки нормативного правового акта. Доминирующий в российской правовой науке позитивистский подход, основанный на упорядоченной, внутри согласованной системе общеобязательных, формально-определенных норм, исходящих от государства и охраняемых им, объективированных в нормативных правовых актах не привел к должному развитию и закреплению в законодательстве указанной фундаментальной категории.

Определения понятия указанной категории невозможно без исследования ее исторических корней, специфических черт, признаков.

Истоки формирования, уходят своими корнями в древность, где законом считались обычаи или закон Божий, а термин «устав» использовался для обозначения властных распоряжений определенных лиц (князей).

В Древнерусском государстве основным источником права был обычай. В основном обычаи носили неписанный характер, а потому не могли считаться нормой. С распадом Киевской Руси и становлением централизованного Московского государства начинается новая эра в развитии отечественного права. В это время все большее значение придается актам государственной власти, их роль постепенно возрастает. Закон стал отождествляться с волей государя и отодвинул на второй план обычное право.

К сожалению, до настоящего времени не сохранились исторически первых актов государственной власти как источников права, а те, которые мы имеем возмож-

ность изучить, как правило, находятся не в подлинном виде и сильно искажены вследствие неумелого перевода, перестановки слов и фраз местами, утраты смысла отдельных терминов и т. д. Кроме того, многие акты не имели письменной формы выражения, поэтому об их существовании мы можем узнавать только из исторических документов, литературных источников, летописных и иных записей, в которых о них идет речь.

Сначала законы издавались устно, а закрепленные в них нормы со временем воспринимались как обычное право. С ростом числа принимаемых правовых актов постепенно стала вводиться письменная форма.

Заслуженный профессор Императорского Московского университета Д. Я. Самоквасов, анализируя акты Древней Руси, предположил, что сначала письменно оформлялись княжеские законы по церковным делам (с X в.), затем своды правовых норм (с XI в.), и только в XII–XIV вв. все княжеские и вечевые уставы издавались в письменном виде [9]. Исходя из этого, можно сделать вывод об отсутствии обязательных требований к исполнению официальных распоряжений. Позднее обязанность по оформлению и объективизации правовых актов, принятых устно, была возложена на церковных людей.

Первым нормативным правовым документом в Древней Руси стала Русская Правда, которая сформировала некое подобие единой нормативно-законодательной системы. В ней нашли отражение существовавшие на тот период законы и указы. Анализ Русской правды позволяет нам говорить о логике построения нормативного материала, которая выражается в делении преступления по степени тяжести (сначала описываются более тяжкие преступления, а затем менее тяжкие).

В Псковской судной грамоте (1467 г.) впервые содержались как нормы материального, так и нормы процессуального права. Однако существенным упущением данного акта, по нашему мнению, является тот факт, что содержащиеся в ней нормы были не систематизированы и не унифицированы. Основными формами документов, которые были закреплены в Псковской судной грамоте, являлись: установления, удостоверения, передача прав (грамота, доска, запись, рукопись и др.). Особенно примечательным является то, что основным документом становилась запись, которая представляла собой письменный документ.

В целом, говоря о законодательстве Древнерусского государства, можно констатировать, что в нем не происходило регулирование общественных отношений в полном объеме. В нем, прежде всего, находили отражение и закрепление только те вопросы, которые в рассматриваемый период были наиболее актуальны и требовали особого внимания. Остальные вопросы продолжали регулироваться обычным правом.

Говоря о Московском централизованном государстве, важно отметить, что законодательная власть принадлежала царю, а с XVI в. царь разделил законодательные полномочия с Боярской думой. При этом ключевые

проблемы государственной и общественной жизни в обязательном порядке разрешались на Земских соборах.

В рассматриваемый период времени были приняты основополагающие правовые акты: Судебник 1497 г., Судебник 1550 г., Соборное уложение 1649 г.

Во второй половине XVII в. принималось около 36 указов в год, а в первой половине XVIII в. издавалось около 160 актов ежегодно. Кроме того, законодательство продолжало развиваться небывалыми темпами [8, с. 50].

Главой законодательной власти в Российской империи был император. Обычаи и общественное мнение начинают терять свое былое значение, и формируется понятие о законе, как о правильно объявленной воле государя [1, с. 313].

В период царствования императора Петра I законодательная деятельность стремительно активизируется и приобретает разнонаправленный характер, т. е. охватывает практически все общественные отношения. Известно, что за это время Петр издал более 3000 нормативных правовых актов.

Не секрет, что Петр I был великим реформатором, который использовал опыт зарубежных стран. Он рассматривал закон как способ изменения жизни российского общества, посредством которого он планировал преодолеть технико-экономическое отставание России от стран Западной Европы. Петр I изучал нормативную базу других государств и заимствовал из них передовые и прогрессивные идеи для нашего отечества. Акты, которые принимались при Петре I, отличались меньшей казуистичностью по сравнению с документами централизованного Московского государства, им были свойственны более высокий уровень обобщений, четкая последовательность изложения. Вместе с тем для «петровских законов» характерно чрезмерное и не всегда оправданное использование иноязычных слов [1, с. 315].

Большое внимание уделялось обнародованию законов, которое происходило посредством их доведения до сведения населения в церквях, в ярмарочные дни на торговых площадях, их списки размещались в публичных местах. В 1714 г. Петр I постановил: «Указы для всенародного объявления велеть печатать и продавать всем» [10].

При этом старые методы обнародования нормативной базы все еще применялись. Кроме того, закон 1718 года обязывал население посещать церковь для ознакомления с указами. Некоторыми актами предусматривалась перепись присутствующих при слушании указа. Нормативные документы печатались Сенатом и рассылались по стране в «печатных листах» [3, с. 472].

На практике распространение получили следующие формы: уставы, регламенты (учреждения) и отдельные узаконения разных наименований (указы, манифесты, инструкции и др.) [2].

С приходом к власти Екатерины II изменился и подход к определению закона. Она устанавливала три вида законов:

1) законы в собственном смысле, как акты, которые, не могут изменяться ни в какое время;

2) «временные учреждения» (наказы и уставы);

3) указы как законы частные.

В своем Наказе законодательной комиссии Екатерина II писала, что законы должны быть понятны для всех. Акты, принятые во время ее правления, отличались четким языком, в них уже содержится мало иностранных терминов [8, с. 167]. Однако в законодательстве Екатерины II имели место ссылки на обычаи.

Многие императоры Российской империи предприняли большое количество попыток для систематизации законодательства, однако им это удалось только частично. Неудачи в процессе систематизации законодательства объясняются различными причинами: нестабильностью законодательства в условиях проведения реформ; неразвитостью теоретической юриспруденции [6, с. 31]; неподготовленностью лиц, участвующих в работе по систематизации; неверностью избранной методики составления свода (например, работа Уложенной комиссии в период правления Екатерины II) [12, с. 142–143].

В начале XIX в. М. М. Сперанский по поручению Александра I изучил зарубежное законодательство с точки зрения не только смысла юридических норм, но и с точки зрения юридической техники. Им были учтены все недостатки зарубежного права и выработан свой собственный подход к кодификации российского законодательства, который был применен в ходе подготовки свода законов. Впервые была сделана попытка передать часть полномочий по принятию нормативных актов (регламентов, учреждений, манифестов и др.) органам государственной власти. Однако вся нормативная база все еще принималась от имени главы государства, и все еще сохранялись ранее известные формы актов – устав и указ.

Огромный вклад в изучение нормативных правовых актов в системе источников российского права внесла Мария Джоусе-Иванина, которая считает, что существенно совершенствуется законодательная техника в Российской империи в первой половине XIX в., все нормативные правовые акты систематизированы в Своде законов Российской империи, не имевшем аналогов в зарубежных странах [2].

Стоит отметить, что в XIX в. законодательные акты публиковались в «Сенатских ведомостях» и других сенатских изданиях, а также в сборниках, которые издавались в самих губерниях. Во второй половине XIX в. законы публиковались в «Сборнике законов и постановлений», который был разослан во все учреждения Российской империи. Законы, как правило, вступали в силу после опубликования и не имели обратной силы.

Д. Д. Пашенцева в своем диссертационном исследовании считает, что именно в этот период закладывались отечественные правовые традиции, формировалась иерархия источников права, получали приоритет в регулировании общественных отношений их конкретные виды [7, с. 5].

Проанализировав эволюцию нормативных правовых актов в России в XIX в., необходимо отметить: от-

существование иерархичности (юридической силы) в системе нормативных правовых актов; в системе нормативного регулирования существенную роль играли не только правовые, но и религиозные, обычные нормы.

В 1906 г. впервые была выработана система классификации нормативных правовых актов по следующим основаниям: 1) по субъекту их принятия: на законы, принимаемые Государственной Думой и Государственным Советом, и указы и повеления Императора, а также 2) по юридической силе. При этом указы и повеления Императора не должны были противоречить законам. То есть в рассматриваемый период была осуществлена очередная попытка систематизации нормативной базы, и она начинает приобретать свойства целостности, иерархически упорядоченной системы.

В XX в. нормативный правовой акт играл роль основного источника права. При употреблении в официальном, научном обороте понятия «нормативный правовой акт», речь идет о термине, который несет чрезвычайно большую семантическую и этимологическую нагрузку. Категория «нормативный правовой акт» в современной его интерпретации введена сравнительно недавно – в советский период. В работах дореволюционных ученых-юристов понятие нормативно-правового акта совпадало с понятием закона, т. е. говоря о законе, имели в виду нормативно-правовой акт, обладающий высшей юридической силой.

Новую интерпретацию нормативный правовой акт получил в XX в., под ним стали понимать не только законы, но и иные акты правотворчества. Следует отметить, что официальной дефиниции «нормативного правового акта» в законодательстве закреплено не было, существовало лишь доктринальное его определение.

В отечественной юридической науке превалировала позиция, в соответствии с которой под нормативным актом понимался «акт правотворчества, содержащий нормы права», данную точку зрения одним из первых высказал профессор А. Ф. Шебанов, указавший, что нормативный акт – это акт, содержащий нормы права [5, с. 6].

В эволюции основных закономерностей формирования российской правовой системы присутствовала очень сложная исторически сложившаяся модель системы нормативного регулирования, которая претерпевала соответствующие влияния от различных правовых культур, мировоззрения, правосознания общества на каждом этапе его развития.

Таким образом, на различных этапах развития и становления нашего государства нормативный правовой акт прошел сложный путь своего формирования. Система нормативного регулирования дореволюционной России представляла собой совокупность форм внешнего выражения и закрепления правовых норм, юридическая сила и взаимосвязи, в которой были обусловлены специфическими и прежде всего самобытными особенностями государственной и общественной жизни российского государства на конкретном историческом этапе его раз-

вития. Основными юридическими источниками права (формами права) были нормативные правовые акты, но при этом имели место правовые обычаи и нормы церковного права. В Российской империи в первой половине XIX в. закладывались отечественные правовые новаторства (Свод законов Российской империи), которые до этого времени не имели аналогов в мире, при этом, что крайне важно формировалась иерархия источников права. Стоит признать, что нормативный правовой акт являлся понятием широким и собирательным, который включал в себя различные по своей юридической природе содержанию, внешней форме выражения нормативные предписания. В начале XX в. начинает складываться классификация нормативных правовых актов, прежде всего, по их юридической силе. Данное преобразование позволяло не только сохранить единство системы нормативного регулирования, но и укрепило существование государственной власти, которая была необходимой для управления такой великой державы.

Библиографический список

1. Владимирский-Буданов М. Ф. Обзор истории русского права / проф. М. Ф. Владимирский-Буданов. Ростов н/Д : Феникс, 1995. 639 с.
2. Джоусе-Иванина М. Нормативно-правовой акт в системе источников российского права : автореф. дис. ... канд. юрид. наук : 12.00.01. М., 2010. 24 с.
3. Законотворчество в Российской Федерации : научно-практическое и учебное пособие / под ред. А. С. Пиголкина. М. : Формула права, 2000. 605 с.
4. Крамской И. С., Лысенко В. А., Рязанова Н. А. К вопросу о дефинитивном ряде понятия правовая система // Вестник экономики, права и социологии. 2016. № 1. С. 139–143.
5. Нормы советского социалистического права : Лекция... / Моск. гос. ун-т им. М. В. Ломоносова. М. : Изд-во Моск. ун-та, 1956. 44 с.
6. О Своде законов Российской империи / П. М. Майков ; под ред. и с предисл. В. А. Томсинова ; Московский. гос. ун-т им. М. В. Ломоносова, Юридический фак. М. : Зерцало : Гарант, 2006. 260 с.
7. Пашенцева Д. Д. Акты местных органов в системе источников права Российской империи XIX века : автореф. дис. ... канд. юрид. наук : 5.1.1. М., 2024. 26 с.
8. Российское законодательство X–XX веков : в 9-ти т. / под общ. ред. д-ра юрид. наук, проф. О. И. Чистякова. Законодательство первой половины XIX века / отв. ред. д-р юрид. наук, проф. О. И. Чистяков. М. : Юридическая литература, 1984, 1988. 431 с.
9. Самоквасов Д. Я. Древнее русское право : Лекции 1902/3 акад. г. засл. орд. проф. Моск. ун-та Д. Я. Самоквасова. М. : Унив. тип., 1903. VIII, 378, 56 с.
10. Устав воинский о должности генералов-фельдмаршалов и всего генералитета, и прочих чинов которые при войске надлежат быть, и оных воинских делах и поведении что каждому чинить должно. М., 1820. 145 с. // URL: <https://www.hist.msu.ru/ER/Text/Ystav1716.htm/>

11. Фархтдинов Я. Ф. Возникновение и развитие источников гражданского процессуального права России. Казань : ТИСБИ, 2001. 199 с.

12. Числов П. И. Курс истории русского права / [Соч.] Прив. доц. Импер. Моск. ун-та и Лицея П. И. Числова. [Кн. 1]. М. : печ. А. И. Снегиревой, 1914–1915.

13. Юридическая техника : учебник / Т. В. Кашанина. 2-е изд., пересмотр. М. : Норма : ИНФРА-М, 2011. 495 с.

Bibliographic list

1. Vladimirsky-Budanov M. F. Review of the History of Russian Law / prof. M. F. Vladimirsky-Budanov. Rostov n/D: Phoenix, 1995. 639 p.

2. Dzhouse-Ivanina M. Normative legal act in the system of sources of Russian law: abstract of dis. ... cand. of legal sciences: 12.00.01. М., 2010. 24 p.

3. Lawmaking in the Russian Federation: scientific, practical and educational manual / Under the editorship of A. S. Pigolkin. М. : Formula of Law, 2000. 605 p.

4. Kramskoy I. S., Lysenko V. A., Ryazanova N. A. On the Definitional Series of the Concept of the Legal System // Bulletin of Economics, Law and Sociology. 2016. № 1. P. 139–143.

5. Norms of Soviet socialist law [Text]: Lecture... / Moscow state University named after M.V. Lomonosov. М. : Moscow University Press, 1956. 44 p.

6. On the Code of Laws of the Russian Empire / P. M. Maikov; edited and with a foreword by V. A. Tomsinov;

Moscow. state University named after M.V. Lomonosov, Faculty of Law. М. : Zertsalo : Garant, 2006. 260 p.

7. Pashentseva D. D. Acts of local authorities in the system of legal sources of the Russian Empire of the 19th century : abstract of dis. ... cand. of legal sciences: 5.1.1. М., 2024. 26 p.

8. Russian legislation of the 10th-20th centuries: in 9 volumes / under the general editorship of Doctor of Law, Professor O. I. Chistyakov. Legislation of the first half of the 19th century / editor-in-chief Doctor of Law, Professor O. I. Chistyakov. М. : Legal Literature, 1984, 1988. 431 p.

9. Samokvasov D. Ya. Ancient Russian Law: Lectures of 1902/3 by Acad. of the City, Honored Order of Professor of the Moscow University D. Ya. Samokvasov. М. : University Press, 1903. VIII, 378, 56 p.

10. Military Regulations on the position of field marshals and all generals, and other ranks who should be with the army, and on military affairs and behavior that each must perform. М., 1820. 145 p. // URL: <https://www.hist.msu.ru/ER/Etext/Ystav1716.htm/>

11. Farkhtdinov Ya. F. The emergence and development of sources of civil procedural law in Russia. Kazan : TISBI, 2001. 199 p.

12. Chislov P. I. Course in the history of Russian law / [Comp.] Priv. associate prof. Imperial Moscow University and Lyceum P. I. Chislov. [Book 1]. М. : printed by A. I. Snegireva, 1914–1915.

13. Legal technique : textbook / T. V. Kashanina. 2nd ed., revision. М. : Norma : INFRA-M, 2011. 495 p.

Информация об авторах

В. А. Лысенко – начальник кафедры государственно-правовых дисциплин Белгородского юридического института МВД России имени И.Д. Путилина, кандидат юридических наук, доцент;

С. Е. Воробушкин – доцент кафедры государственно-правовых дисциплин Белгородского юридического института МВД России имени И.Д. Путилина, кандидат исторических наук;

В. В. Васильев – профессор кафедры государственно-правовых дисциплин Белгородского юридического института МВД России имени И.Д. Путилина, кандидат исторических наук, доцент.

Information about the authors

V. A. Lysenko – Head of the Department of State and Legal Disciplines of the Belgorod Law Institute of the Ministry of Internal Affairs of Russia named after I.D. Putilina, Candidate of Legal Sciences, Associate Professor;

S. E. Vorobyushin – Associate Professor of the Department of State and Legal Disciplines of the Belgorod Law Institute of the Ministry of Internal Affairs of Russia named after I.D. Putilin, Candidate of Historical Sciences;

V. V. Vasiliev – Professor of the Department of State and Legal Disciplines of the Belgorod Law Institute of the Ministry of Internal Affairs of Russia named after I.D. Putilin, Candidate of Historical Sciences, Associate Professor.

Вклад авторов: все авторы сделали эквивалентный вклад в подготовку публикации. Авторы заявляют об отсутствии конфликта интересов.

Contribution of the authors: the authors contributed equally to this article. The authors declare no conflicts of interests.

Статья поступила в редакцию 27.02.2025; одобрена после рецензирования 24.03.2025; принята к публикации 07.04.2025.

The article was submitted 27.02.2025; approved after reviewing 24.03.2025; accepted for publication 07.04.2025.

Научная статья

УДК 34

<https://doi.org/10.24412/2414-3995-2025-2-96-100>

EDN: <https://elibrary.ru/fzpdxy>

ИИОН: 2015-0066-2/25-220

MOSURED: 77/27-011-2025-02-419

Роль законов в регулировании общественных отношений в Российской империи

Наталья Владимировна Михайлова

Московский университет МВД России имени В. Я. Кикотя, Москва, Россия,
net-46@mail.ru

Аннотация. Рассматривается развитие законодательства Российской империи с начала XVIII до начала XX в. На основе исследования форм нормативных правовых актов этого периода показана их эволюция, формирование законодательства Российской империи на примере регулирования общественных отношений, складывающихся в процессе охраны историко-культурного наследия России. Особое внимание уделено анализу процесса подготовки особого закона об охране памятников древности.

Ключевые слова: Российская империя, нормативные правовые акты, уставы, регламенты, указы, правила, законы, памятники древности, историко-культурное наследие

Для цитирования: Михайлова Н. В. Роль законов в регулировании общественных отношений в Российской империи // Вестник экономической безопасности. 2025. № 2. С. 96–100. <https://doi.org/10.24412/2414-3995-2025-2-96-100>. EDN: FZPDXY.

Original article

The role of laws in regulating of social relations in the Russian Empire

Natalya V. Mihailova

Moscow University of the Ministry of Internal Affairs of Russia named after V.Ya. Kikot', Moscow, Russia,
net-46@mail.ru

Abstract. The development of legislation of the Russian Empire from the beginning of the XVIII to the beginning of the XX century is considered. On the basis of the study of the forms of normative legal acts of this period shows their evolution, the formation of the legislation of the Russian Empire on the example of the regulation of social relations emerging in the process of protection of historical and cultural heritage of Russia. Particular attention is paid to the analysis of the process of preparation of a special law on the protection of antiquity monuments.

Keywords: Russian Empire, normative legal acts, statutes, regulations, decrees, rules, laws, antiquities, historical and cultural heritage

For citation: Mihailova N. V. The role of laws in regulating of social relations in the Russian Empire. Bulletin of economic security. 2025;(2):96–100. (In Russ.). <https://doi.org/10.24412/2414-3995-2025-2-96-100>. EDN: FZPDXY.

Актуальность исследования роли законов в регулировании общественных отношений в Российской империи обусловлена рядом научных и практических противоречий, которые требуют глубокого анализа и систематизации. Во-первых, несмотря на значительный объем исследований, посвященных истории права и законодательства Российской империи, остается недостаточно изученным вопрос о том, как именно законы влияли на формирование и регулирование ключевых общественных отношений, особенно в контексте сохранения историко-культурного наследия. Во-вторых, существует

явное противоречие между теоретическими представлениями о верховенстве закона и практикой его применения в условиях самодержавного режима, где законодательные акты зачастую подменялись указами и распоряжениями, что снижало эффективность правового регулирования. В-третьих, актуальность темы подчеркивается необходимостью осмысления исторического опыта законодательной деятельности для современной правовой системы, особенно в вопросах охраны культурного наследия, которое остается важным элементом национальной идентичности.

© Михайлова Н. В., 2025

Степень научной разработанности проблемы можно охарактеризовать как достаточно высокую, однако с заметными пробелами в отдельных аспектах. В трудах таких ученых, как М. Ф. Владимирский-Буданов, Т. В. Шатковская, Н. В. Михайлова подробно исследуются вопросы систематизации законодательства, эволюции правовых норм и их роли в регулировании общественных отношений. Владимирский-Буданов, например, акцентирует внимание на типологизации нормативных актов, выделяя указы, регламенты и указы как основные формы законодательства XVIII в. Шатковская рассматривает исторические этапы кодификации, подчеркивая влияние Свода законов Российской империи на дальнейшее развитие правовой системы. Михайлова анализирует государственно-правовые аспекты охраны историко-культурного наследия, отмечая недостаточность законодательной базы в имперский период. Однако, несмотря на значительный вклад этих исследователей, остается нерешенным вопрос о том, как именно законодательные инициативы влияли на практику регулирования общественных отношений, особенно в условиях противоречий между центральной властью и местными институтами.

Проблема научной статьи заключается в необходимости комплексного анализа роли законов в регулировании общественных отношений в Российской империи, с учетом специфики исторического контекста и противоречий между теоретическими установками и практикой их реализации. Особое внимание уделяется вопросам охраны историко-культурного наследия, которое, как отмечал В. Г. Белинский, является связующим звеном между прошлым, настоящим и будущим. Несмотря на многочисленные законодательные инициативы, начиная с указов Петра I и заканчивая проектами законов начала XX в., так и не был принят единый нормативный акт, регулирующий охрану памятников древности. Это свидетельствует о наличии системных проблем в законодательной деятельности, которые требуют дальнейшего изучения.

Наиболее важные общественные отношения регулируются законами, которые обладают высшей юридической силой. Законодательство Российской империи тяготело к систематизации и было основано «на идее общественной пользы государственной законности и принципе верховенства юридических установлений государства над другими формами права» [10, с. 54].

Начиная с XVIII в. происходит выделение закона из общей массы нормативных правовых актов российского государства. В науке сложилось единое мнение по вопросу научной типологизации нормативных правовых актов. Так, например, согласно классификации, предложенной М. Ф. Владимирским-Будановым, вся совокупность законов в России в XVIII в. была представлена в трех формах: указы, регламенты (или учреждения), указы [2, с. 272–273]. Однако, характеризуя этот период становления закона как особого нормативного правового акта, следует заметить, что в условиях

самодержавной монархии строго разграничить законодательные акты и акты управления весьма проблематично. Но на рубеже XVIII–XIX вв. в юридической науке доминирует мнение, что закон – есть распоряжение общего характера, а указ – акт административного распоряжения.

Система законодательства теснейшим образом связана не только с развитием государственной организацией общества, но и регулированием общественных отношений через узаконения. Важнейшими общественными отношениями, требующими законодательного регулирования, являются, например, отношения, складывающиеся в процессе охраны историко-культурного наследия России, которое обеспечивает связь поколений, является хранителем исторической памяти народов России. Историко-культурное наследие позволяет не только понять прошлое, но и дополняет знаниями настоящее, дает возможность заглянуть в будущее. Известный русский литературный критик, публицист В. Г. Белинский писал: «Мы вопрошаем и допрашиваем прошедшее, чтобы оно объяснило нам наше настоящее и намекнуло о нашем будущем» [1, с. 291–292].

Термин «историко-культурное наследие России» сформировался к концу XX в. «Историко-культурное наследие России – это материальные и духовные результаты деятельности людей на территории нашего отечества вне зависимости от временной принадлежности и формы собственности» [4, с. 28]. Оно включает в себя и предметы древности: украшения, орудия труда, обнаруженные в процессе археологических раскопок; светские и церковные памятники архитектуры, иные предметы материальной культуры. Историко-культурное наследие – это и письменные источники, и произведения искусств, а также видео и аудио материалы. Для обозначения историко-культурного наследия в рамках Российской империи использовались термины: «предметы древности», «памятники древности», «древние памятники», «реликвии старины», «культурные ценности» и другие.

Время, природные катаклизмы, неконтролируемая деятельность людей наносят серьезный ущерб историко-культурному наследию. Поэтому важнейшей задачей государства является организация охраны его компонентов. Защита историко-культурного наследия России осуществляется на основе реализации правотворческой, правоохранительной, правоприменительной деятельности государства.

Формирование законодательной базы сохранения историко-культурного наследия началось в XVIII в. Основной формой нормативного правового регулирования были указы. Например, один из указов Сената от 21 декабря 1716 г. обязывал доставлять «в Санкт-Петербург для пробы раковин и камешков разноцветных» [6].

Особый интерес представляет указ Петра I от 13 февраля 1718 г., в котором говорилось о необходимости комендантам крепостей сохранять «старые подписи на камнях, железе или меди, или какое старое и ныне

необыкновенное ружье, посуду и прочее все, что зело старо и необыкновенно» [5, с. 21].

Сохранению компонентов историко-культурного наследия был посвящен, изданный в 1721 г. «Указ Сената сибирскому губернатору А. М. Черкасскому о запрещении переправлять найденные в могильниках старинные золотые вещи и о присылке их в Берг-коллегию для доклада царю». В ряде указов в перечень старинных предметов были включены «древние жалованные грамоты и другие курьезные письма оригинальные, также книги исторические рукописные и печатные», «рукописные на хартиях и на бумаге церковные и гражданские летописцы, степенные, хронографы и прочие сим подобные» [5, с. 21–23].

В XIX в. составляются не только указы, но и распоряжения, постановления, правила, циркуляры различными учреждениями и ведомствами Министерства внутренних дел и Министерства императорского двора. Так, например, в 1806 г. были разработаны правила о хранении древностей в Оружейной Палате [3, с. 5]. В 1826 г. по «высочайшему повелению» Николая I было разослано специальное циркулярное письмо Министерства внутренних дел, в котором говорилось о необходимости собрать сведения о памятниках России.

Забота «о сбережении, по возможности, от разрушения всех остатков старых замков, крепостей и других памятников древности» содержалась в обращениях к губернаторам, городничим, местной полиции и епархиальным властям в следующих нормативных правовых документах: Общем наказе МВД 1837 г., в указах Синода 1842 г. и Сената 1848 г. Подобные требования были закреплены Строительным уставом 1857 г. [5, с. 63]. На основе собранных материалов был составлен первый Свод сведений о памятниках.

Важным этапом в развитии законодательной системы стало создание Свода законов Российской империи в 1832 г., что, как отмечают исследователи, способствовало упорядочению правовой базы и стимулировало дальнейшую законотворческую деятельность. Однако, как указывает Шатковская, самодержавная природа власти и широкие полномочия императора ограничивали эффективность законодательных процедур, что особенно ярко проявилось в период обсуждения проекта закона об охране памятников в Государственной Думе. Несмотря на активные дискуссии и многочисленные поправки, закон так и не был принят, что свидетельствует о системных проблемах в законодательном процессе.

Создание в 1832 г. Свода законов Российской империи, при определенных его недостатках, упорядочило отечественное законодательство и стимулировало создание целого ряда законов. Свод законов создал условия для дальнейшего совершенствования законодательной деятельности в стране, в том числе и работы по созданию закона об охране памятников древности. Так, в 1869 г. была сформирована Комиссия для подготовки проекта такого закона, разработавшая «Положение об охране древних памятников» [3, с. 15], в кото-

ром для сохранения памятников старины от разрушений были описаны памятники, и предложены способы их сохранения.

Необходимость в законодательном акте была весьма актуальна, но вместо единого закона в 1889 г. был издан очередной указ, подписанный Александром III, в котором упорядочивалась работа по ведению археологических раскопок, реставрации памятников древности [7, л. 20 об.]. Создание проекта закона охраны памятников шло медленно.

В условиях начавшейся Великой российской революции активизировалась работа над проектом закона об охране древних памятников. В проект закона в 1905 г. были включены положения о создании центрального и местных губернских органов охраны [8, л. 131–134]. Определяющую роль в совершенствовании законодательной деятельности сыграли Основные государственные законы Российской империи от 23 апреля 1906 г.

Серьезный сдвиг в работе над проектом закона произошел в 1908–1909 гг. К Комиссии, работающей над проектом законодательства по охране древних памятников, подключились представители ряда министерств и ведомств: внутренних дел, народного просвещения, двора, юстиции, финансов и Святейшего Синода. Комиссия в конце 1909 г. предложила создать Особое совещание, в компетенцию которого наряду с другими задачами входили и вопросы финансирования охранительной деятельности. Однако упорядочения в работе по созданию проекта закона не произошло. Каждое ведомство настаивало на своих предложениях. Например, представители Святейшего Синода заявили об особом статусе церковных памятников древности и предложили изъять их охрану из разрабатываемого закона.

В октябре 1911 г. вопрос о законе об охране памятников древности впервые был вынесен на обсуждение Государственной Думы III созыва. Проект получил отрицательную оценку как представителей науки, так и общественности. Работа по совершенствованию проекта продолжалась, и он с новыми поправками и дополнениями практически ежегодно выносился для обсуждения на заседания Государственной Думы.

В 1916 г. в Государственную Думу IV созыва поступил запрос от членов Государственного Совета министру внутренних дел о необходимости принять срочные меры для устранения расхищения, уничтожения и вывоза за границу памятников искусства и старины [9, л. 1 и об.]. Особому совещанию при Министерстве внутренних дел было поручено навести порядок в этом деле. В Министерстве юстиции также было образовано Особое совещание для внесения в законопроект статей об охране памятников древнерусской иконописи.

В апреле 1916 г. законопроект об охране древностей был отозван из Государственной Думы для доработки [9, л. 19–20]. Таким образом, закон об охране компонентов историко-культурного наследия России, не был принят в период существования Российской империи, хотя его актуальность была очевидна.

В Российской империи становление закона как акта высшей юридической силы прошло значительный эволюционный путь. Закон постепенно приобретал формальные признаки, определяющие его особое положение в системе нормативных правовых актов. С принятием «Основных государственных законов Российской империи» в 1906 г. сложилась особая законодательная процедура. Однако самодержавный характер русского государства и наделение императора обширными законодательными функциями в значительной степени ее нивелировал. Закон как особая форма нормативного правового акта высшей юридической силы в имперский период действовал наравне с указами, не было сформировано четких критериев в соотношении закона и иных источников права. Так, в России XVIII–XIX вв. складывалась система общеимперского законодательства.

Проведенное исследование роли законов в регулировании общественных отношений в Российской империи позволяет сделать ряд выводов, которые подчеркивают как достижения, так и ограничения законодательной системы того периода. Законодательство Российской империи, начиная с XVIII века, развивалось в направлении систематизации и формализации, что нашло отражение в трудах таких ученых, как М. Ф. Владимирский-Буданов и Т. В. Шатковская. Владимирский-Буданов, анализируя эволюцию правовых норм, выделял три основные формы законов: уставы, регламенты и указы, что свидетельствует о стремлении к упорядочению правового пространства. Однако, как отмечает Шатковская, самодержавный характер власти и отсутствие четкого разграничения между законодательными и административными актами создавали значительные трудности в реализации принципа верховенства закона.

Таким образом, законодательство Российской империи прошло сложный путь развития, отмеченный как достижениями, так и значительными ограничениями. С одной стороны, наблюдалось стремление к систематизации и формализации правовых норм, что нашло отражение в трудах Владимирского-Буданова и Шатковской. С другой стороны, самодержавный характер власти и отсутствие четкого разграничения между законодательными и административными актами препятствовали реализации принципа верховенства закона. Особенно ярко это проявилось в области охраны историко-культурного наследия, где, несмотря на многочисленные инициативы, так и не был принят единый законодательный акт. Изложенные выводы подчеркивают необходимость дальнейшего изучения исторического опыта Российской империи для понимания современных правовых процессов и выработки эффективных механизмов регулирования общественных отношений.

Список источников

1. Белинский В. Г. Избранные философские сочинения. М., 1957. Т. 2.

2. Владимирский-Буданов М. Ф. Обзор истории русского права. Киев, 1905.

3. Материалы по вопросу о сохранении древних памятников, собранные Императорским Московским археологическим обществом. М., 1911.

4. Михайлова Н. В. Государственно-правовая охрана историко-культурного наследия России во второй половине XX века. М. : ЮНИТИ-ДАНА, Закон и право, 2001.

5. Охрана памятников истории и культуры в России. XVIII – начало XX вв. : сборник документов. / Сост. Р. Е. Альтшуллер и др. М., 1978.

6. Полное собрание законов Российской империи (ПСЗ РИ). 1716. Т. V. № 3054.

7. Российский государственный исторический архив (РГИА.) Ф. 1278. Оп. 6. Д. 94.

8. РГИА. Ф. 1284. Оп. 186. Д. 11. Ч. 1.

9. РГИА. Ф. 1284. Оп. 186. Д. 11. Ч. III.

10. Шатковская Т. В. Исторические вехи российской кодификации и ее влияние на развитие отечественного права // Систематизация законодательства и динамика источников права в исторической ретроспективе (к 370-летию Соборного Уложения) : сборник научных трудов / под общ. ред. Д. А. Пашенцева, М. В. Залоило. М. : Институт законодательства и сравнительного правоведения при Правительстве Российской Федерации: ИНФРА-М, 2020.

References

1. Belinsky V. G. Selected philosophical works. Moscow, 1957. Vol. 2.

2. Vladimirsky-Budanov M. F. Review of the history of Russian law. Kiev, 1905.

3. Materials on the preservation of ancient monuments, collected by the Imperial Moscow Archaeological Society. M., 1911.

4. Mikhailova N. V. State and legal protection of the historical and cultural heritage of Russia in the second half of the XX century. M. : UNITY-DANA, Law and Law, 2001.

5. Protection historical and cultural monuments in Russia. XVIII – early XX centuries : collection of documents. / Comp. R. E. Altshuller et al. M., 1978.

6. The Complete Collection of Laws of the Russian Empire (PSZ RI). 1716. Vol. № 3054.

7. The Russian State Historical Archive (RGIA.) F. 1278. Op. 6. D. 94.

8. RGIA. F. 1284. Op. 186. D. 11. Part 1.

9. RGIA. F. 1284. Op. 186. D. 11. Part III.

10. Shatkovskaya T. V. Historical milestones of Russian codification and its impact on the development of Russian law // Systematization of legislation and dynamics of sources of law in historical retrospect (to the 370th anniversary of the Cathedral Code) : a collection of scientific papers / under the general editorship of D. A. Pashentsev, M. V. Zaloilo. M. : Institute of Legislation and Comparative Law under the Government of the Russian Federation : INFRA-M, 2020.

Информация об авторе

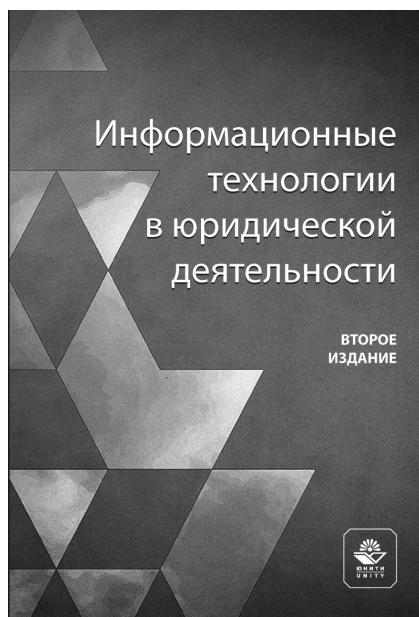
Н. В. Михайлова – профессор кафедры истории государства и права Московского университета МВД России имени В. Я. Кикотя, доктор юридических наук, профессор, заслуженный работник высшей школы РФ.

Information about the author

N. V. Mihailova – Professor of the Department of History of State and Law of the Moscow University of the Ministry of Internal Affairs of Russia named after V.Ya. Kikot', Doctor of Legal Sciences, Professor, Honored Worker of the Higher School of the Russian Federation.

Статья поступила в редакцию 21.02.2025; одобрена после рецензирования 25.03.2025; принята к публикации 11.04.2025.

The article was submitted 21.02.2025; approved after reviewing 25.03.2025; accepted for publication 11.04.2025.

Информационные технологии в юридической деятельности. 2-е изд., перераб. и доп. Учебное пособие. Под ред. А. И. Уринцова. 351 с. Гриф НИИ образования и науки. Гриф МУМЦ «Профессиональный учебник».

Рассмотрены основные понятия и категории информатики в юриспруденции, программное обеспечение, охватывающие практически все области юридической деятельности. Предложена оригинальная схема направлений информатики в аспекте их изучения в юридическом вузе. Приведены примеры использования в юридической деятельности современных информационных технологий, таких как мультимедиа, экспертные системы и др. Отдельные главы посвящены рассмотрению технологий работы с правовыми информационными системами, структуры, состава и принципов функционирования программного обеспечения информационных технологий. Изложены основы информационной безопасности и защиты информации в компьютерных системах. Разобраны проблемы защиты информации на персональном компьютере от потери и разрушения, несанкционированного доступа, вопросы восстановления

утраченных данных, надежного удаления данных и т. д. Особое место отведено вопросам обеспечения защиты информации в компьютерных сетях.

Для студентов вузов, обучающихся по направлению «Юриспруденция» и специальности «Правоохранительная деятельность».

Научная статья

УДК 34

<https://doi.org/10.24412/2414-3995-2025-2-101-104>

EDN: <https://elibrary.ru/fqaatm>

NIION: 2015-0066-2/25-221

MOSURED: 77/27-011-2025-02-420

Конституционная народная инициатива как демократический способ модернизации основных законов штатов США

Сергей Леонидович Нечай

Брянский филиал Орловского юридического института МВД России имени В.В. Лукьянова,
Брянск, Россия, s.l.nechay@gmail.com

Аннотация. Анализируется один из важнейших аспектов американского конституционализма – конституционное правотворчество штатов. Рассматривается механизм изменения конституций посредством инициативы жителей штата. Выделяются основные этапы его формирования. Обозначается соотношение конституционной и законодательной инициативы в основных законах рассматриваемых штатов. Приводится классификация конституционных документов в зависимости от метода расчета количества подписей, которые необходимо собрать в поддержку инициативы. Рассматривается судебная практика по вопросам обжалования механизма внесения народом изменений в основные законы. Дается характеристика основных тенденций трансформации демократического способа совершенствования конституций штатов США.

Ключевые слова: конституции американских штатов, поправки к конституции, конституционная инициатива, основной закон штата США, американский конституционализм, законодательная инициатива

Для цитирования: Нечай С. Л. Конституционная народная инициатива как демократический способ модернизации основных законов штатов США // Вестник экономической безопасности. 2025. № 2. С. 101–104. <https://doi.org/10.24412/2414-3995-2025-2-101-104>. EDN: FQAATM.

Original article

Constitutional popular initiative as a democratic way to modernize the basic laws of the US states

Sergey L. Nechay

Bryansk branch of the Oryol Law Institute of the Ministry of Internal Affairs of Russia named after V.V. Lukyanov,
Bryansk, Russia, s.l.nechay@gmail.com

Abstract. One of the most important aspects of American constitutionalism – constitutional lawmaking of the states is analyzed. The mechanism of changing constitutions through the initiative of state residents is considered. The main stages of its formation are highlighted. The relationship between constitutional and legislative initiative in the basic laws of the states under consideration is indicated. A classification of constitutional documents is given depending on the method of calculating the number of signatures that must be collected in support of the initiative. The judicial practice on issues of appealing the mechanism of amending basic laws by the people is considered. The characteristics of the main trends in the transformation of the democratic method of improving the constitutions of the US states are given.

Keywords: constitutions of American states, constitutional amendments, constitutional initiative, basic law of the US state, American constitutionalism, legislative initiative

For citation: Nechay S. L. Constitutional popular initiative as a democratic way to modernize the basic laws of the US states. Bulletin of economic security. 2025;(2):101–4. (In Russ.). <https://doi.org/10.24412/2414-3995-2025-2-101-104>. EDN: FQAATM.

Особая важность регулируемых правоотношений, закрепленных в конституциях, обуславливает не только их

исключительную роль в жизни общества и государства, но и необходимость правового совершенствования [1].

© Нечай С. Л., 2025

Отличительной особенностью американского конституционализма является наличие конституционных документов как на федеральном уровне, так и на региональном – на уровне штатов. Существуют различные способы инициирования пересмотра, внесения поправок, дополнений и их последующего принятия. Данные процедуры не имеют полностью унифицированной формы. Поэтому в зависимости от историко-правового развития и местных традиций штата (или группы штатов) в механизм совершенствования конституций могут включены различные субъекты конституционных правоотношений: народ, законодательные органы, конституционные конвенты и т. д.

Несмотря на такой широкий инструментарий народное участие в модернизации конституционных документов штатов США, которое являет собой подлинное проявление демократии, остается слабо изученным явлением американского конституционализма. В этой связи, ввиду значительной актуальности данной тематики автором предпринята попытка исследования данного вопроса.

Американский конституционализм существует уже свыше двухсот лет. Однако система внесения изменений в конституции штатов с участием народа посредством гражданских инициатив и референдумов стала полноценно формироваться только в начале XX в. в рамках правового развития такого периода американской истории как «Прогрессивная эра» (1890-е – 1920-е гг.).

Впервые данные механизмы были закреплены в поправках к конституции штата Орегон, принятых в 1902 г. Согласно разд. I ст. IV рассматриваемого основного закона, народ оставляет за собой право инициативы, которое заключается в предложении законов и поправок к конституции и принятии или отклонении их на выборах независимо от законодательного собрания. При этом, инициатива поправки к конституции может быть предложена только посредством петиции. Она подписывается определенным числом квалифицированных избирателей, равным 8 % от общего числа голосов, поданных за всех кандидатов на пост губернатора на выборах, на которых губернатор был избран на срок в 4 года, непосредственно предшествующих подаче петиции. Инициативная петиция должна включать полный текст предлагаемой поправки к конституции и подается не менее чем за 4 месяца до голосования по поводу ее принятия [2].

В дальнейшем, подобные демократические инструменты получили распространение в конституциях еще 12 штатов: Оклахома (1907), Мичиган (1908), Миссури (1908), Арканзас (1910), Калифорния (1911), Аризона (1912), Колорадо (1912), Небраска (1912), Невада (1912), Огайо (1912), Северная Дакота (1914) и Массачусетс (1918).

В соответствии с разд. 3 и 4 ст. 18 основного закона штата Калифорния, избиратели могут вносить поправки в конституцию по своей инициативе. Предложенные

поправки или пересмотр должны быть представлены на голосование. В случае их одобрения большинством голосов, они вступают в силу на следующий день после проведения выборов, за исключением того, когда предусматриваются иные специальные процедуры. Если содержание двух или более изменений, которые приняты на одном и том же голосовании по вопросу принятия поправок, противоречит друг другу, то преимущественную силу имеют положения, получившей наибольшее количество голосов «за» [3].

Примечательно, что в штате Миссисипи рассматриваемый механизм был введен в 1914 г. (ратифицирован спустя 2 года), но так и не был реализован ввиду его отмены в 1921 г. Верховным Судом штата. Интересно, что причиной такого судебного решения стал расистские взгляды судей, по мнению которых введенный механизм дестабилизирует сложившуюся систему контроля «белых» над органами власти и должностными лицами штата. Конституционная народная инициатива в штате Миссисипи была восстановлена только спустя 70 лет – в 1992 г.

Второй этап американского конституционализма в части расширения участия народа в изменении конституций штатов происходил в конце 1960-х – начале 1970-х гг. В этот период соответствующие изменения в основные законы приняты в четырех штатах: Флорида (1968), Иллинойс (1971), Монтана (1972) и Южная Дакота (1972).

Например, в соответствии с разд. III ст. XI конституционного документа штата Флорида, за народом сохраняется право инициативы предлагать пересмотр или поправку любой части (частей) конституции. Оно может быть реализовано путем подачи петиции, подписанной избирателями половины избирательных округов штата и штата в целом, равным 8 % голосов, поданных на последних выборах, на которых были избраны президентские выборщики [4].

Таким образом, в настоящее время только в 18 штатах США имеется возможность совершенствования конституций путем участия народа.

Представляется необходимым обозначить штаты, конституционные документы которых включают право народа на конституционную и законодательную инициативу. Первая из них предполагает внесение жителей штатов предложений по совершенствованию конституции, вторая – принятию законов. Ранняя волна рассмотренных выше демократических преобразований 13 штатов (начало XX в.) включала обе инициативы. Два штата (Монтана и Южная Дакота) установили процедуры народной конституционной инициативы, в дополнение к уже имевшимся механизмам предложения законодательных проектов. Однако во время поздней волны конституционно-правовых реформ 2 штата (Флорида, Иллинойс) и восстановленное несколько позже демократическое право граждан в штате Миссисипи включали в себя только участие в конституционном процессе в широком его смысле, без права инициативы в отношении законов.

Демократический механизм внесения поправок в конституции штатов, как и многие элементы американского конституционализма, существенно различается. В качестве основания классификации возьмем методы расчета количества подписей, которые необходимо собрать в поддержку инициативы.

Однако подавляющее большинство штатов предъявляют правила к конституционной народной инициативе основываясь на голосах, отданных на последних демократических выборах:

- поддержка от процента населения (в Северной Дакоте требуются подписи, равные 4 % населения);
- процента зарегистрированных избирателей (так, в Небраске требуются подписи, равные 10 % зарегистрированных избирателей).

Необходимо отметить, что данный механизм используется в избирательном процессе при формировании различных институтов публичной власти США, будь то выборах президента (во Флориде для выдвижения кандидатуры на пост президента необходимо собрать 8 % подписей избирателей), секретаря штата (в Колорадо для избрания на пост секретаря штата требуются подписи, равные 5 % избирателей).

Однако наибольшее количество штатов в рамках конституционной народной инициативы устанавливают ценз в отношении голосов, отданных за губернатора. Массачусетс требует подписей, равных 3 % голосов, отданных за губернатора на последних выборах. 4 штата устанавливают барьер в 8 % (Калифорния, Иллинойс, Миссури, Орегон). 5 штатов придерживаются правила 10 % (Арканзас, Мичиган, Монтана, Огайо, Южная Дакота). В Миссисипи принят минимальный ценз в 12 %. Наиболее строгие требования устанавливают Аризона и Оклахома – 15 %.

Помимо вышеперечисленного часто имеются и дополнительные условия. Так, 10 штатов (Арканзас, Колорадо, Флорида, Массачусетс, Миссисипи, Миссури, Монтана, Небраска, Невада и Огайо) требуют, чтобы сбор подписей соответствовал географическому распределению, согласно которым они должны быть собраны из ряда округов или законодательных округов именно этого штата. Традиционно, это не более определенной части, которые могут поступать из одного округа. Иногда правила требуют, чтобы определенная часть подписей поступала из определенной доли (законодательных) округов. Эти требования варьируются от предписаний, указывающих, что не более одной четверти подписей может поступать от одного округа (как в Массачусетсе) или не более одной пятой может поступать от избирательного округа (как в Миссисипи), до более сложных правил, требующих, чтобы определенное количество подписей было собрано в каждом из половины округов (как в Огайо), в каждом из половины избирательных округов (как во Флориде) или в каждом из сенаторских округов штата (как в Колорадо) [5].

В некоторых штатах к результатам голосования по поправкам, предложенным жителями, предъявляют-

ся более высокие требования. Чаще всего они должны набрать простое большинство голосов. Но ряд штатов применяют более высокие процентные барьеры (Иллинойс, Небраска, Флориде, Колорадо). Так в штате Иллинойс устанавливает порог ратификации равный трем пятым избирателей. Штат Небраска определяет большинство, которое должно составлять не менее 35 %, Колорадо – 55 %, Флорида – 60 %.

Интересный способ рассмотрения поправок, инициированных гражданами, установлен в штате Невада. Здесь они должны быть ратифицированы избирателями на двух последовательных всеобщих выборах.

Необходимо также обозначить несколько ограниченный по предмету поправок, инициированных гражданами. Один из подходов, которого придерживается штат Иллинойс, заключается в определении ограниченного набора конституционных положений, которые могут быть рассмотрены с помощью поправок, инициированных гражданами. Другой подход заключается в обозначении определенных тем, которые вообще не подпадают под действие поправок, инициированных гражданами (штаты Миссисипи, Массачусетс, Миссури, Аризона и Огайо). Например, основной закон штата Миссисипи запрещает использовать процесс конституционной инициативы для изменения или отмены любой части Билля о правах, положений, касающихся пенсионной системы государственных служащих, или изменения самой процедуры конституционной инициативы. Миссури не позволяет в рамках конституционной инициативы проводить ассигнование денежных средств, за исключением, новых доходов, получаемых за счет вводимой поправки. Массачусетс устанавливает подробный перечень запрещенных для изменения конституционных положений: религия; срок полномочий, отстранение или отзыв судей; отмена судебных решений; различные права, такие как свобода слова, печати, мирных собраний, суда присяжных и избирательное право. Огайо предусматривает специальный режим для поправок, создающих монополии или иным образом предоставляющих коммерческие выгоды лицам или организациям, которые не доступны другим лицам или непубличным организациям, находящимся в аналогичном положении.

Правила географического распределения стали предметом ряда юридических исков. Например, штаты Монтана и Невада согласно постановлению федерального суда относительно действительности требований географического распределения для поправок, инициированных гражданами, заменили распределение, основанное на округах (которые существенно различаются по численности населения), на разделение, осуществляемое в законодательных или конгрессных избирательных округах (которые должны быть равны по численности населения).

Федеральный окружной суд (*Montana Public Interest Research Group v. Johnson*) признал недействительной поправку 2002 г., требующую сбора подписей не менее чем от 10 % избирателей в не менее чем половине

округов штата. Генеральный прокурор штата постановил, что предыдущее требование останется в силе, в соответствии с которым подписи должны быть собраны не менее чем от 10 % избирателей на пост губернатора в не менее чем двух пятых законодательных округов штата [6].

В Неваде Апелляционный суд США по девятому округу в 2006 г. отменил давнее положение, требующее сбора подписей не менее 10 % избирателей на последних всеобщих выборах в 13 из 17 округов штата. После того, как законодательный орган штата пересмотрел требование в 2007 г., чтобы применить его ко всем семнадцати округам, это требование также было признано недействительным в 2008 г., на этот раз федеральным окружным судом. Законодательный орган пересмотрел это требование еще раз в 2009 г., и на этот раз в ответ на предложения в предыдущих постановлениях федерального суда, потребовав собрать подписи не менее чем от 10 процентов избирателей в каждом из избирательных округов штата. Апелляционный суд США по девятому округу подтвердил это требование в постановлении 2012 г. (*Angle v. Miller*) [7].

Таким образом, только 36 % конституций американских штатов включают положения о возможности конституционной инициативы, исходящей от их жителей. Данный механизм появился в конституционных документах в начале прошлого века и, в целом, проходил в 2 этапа. Часть конституций штатов помимо конституционной предусматривают также законодательную инициативу. Однако процесс выдвижения предложений о внесении изменений в основной закон штата не единообразен во всех субъектах США. В различных штатах устанавливают отличные друг от друга цензовые требования к инициативе жителей.

Необходимо обозначить, что со времени возникновения рассматриваемой тенденции количество конституционных документов, предусматривающих конституционную народную инициативу, только возрастало.

Данный механизм также в ряде штатов упрощался и делался более доступным. Например, путем снижения требований к подписям. Однако в XXI в. возникла обратная тенденция. Некоторые штаты, наоборот, ввели или ужесточили уже имеющиеся требования к географическому распределению или установили более ранние сроки сбора подписей. Так, в 2004 г. некоторые ограничения для демократического способа конституционной инициативы приняты в штате Аризона, в 2015 г. – в Огайо [8].

Список источников / References

1. Конституционное право зарубежных стран : учебник / под общ. ред. М. В. Баглая, Ю. И. Лейбо, Л. М. Энтина. 3-е изд., перераб. и доп. М. : Норма : Инфра-М, 2010. С. 99. (1. Constitutional Law of Foreign Countries : textbook / edited by M.V. Baglai, Yu.I. Leibo, L.M. Entin. 3rd ed., revised and enlarged. Moscow: Norma: Infra-M, 2010. Page 99).
2. Oregon Constitution // URL: <https://law.justia.com/constitution/oregon/> (дата обращения: 15.01.2025).
3. California Constitution // URL: <https://law.justia.com/constitution/california/> (дата обращения: 15.01.2025).
4. Constitution of the State of Florida // URL: <https://law.justia.com/constitution/florida/> (дата обращения: 15.01.2025).
5. Dinan J. State Constitutional Politics: Governing by Amendment in the American States. Chicago: University of Chicago Press, 2018. P. 22–24.
6. Montana Public Interest Research Group v. Johnson // URL: <https://law.justia.com/cases/federal/district-courts/FSupp2/361/1222/2500172/> (дата обращения: 15.01.2025).
7. Angle v. Miller // URL: <https://caselaw.findlaw.com/court/nv-supreme-court/1066781.html/> (дата обращения: 15.01.2025).
8. Dinan J. State Constitutional Initiative Processes and Governance in the Twenty-first Century // *Chapman Law Review*. 2016. № 19. P. 106.

Информация об авторе

С. Л. Нечай – профессор кафедры государственных и гражданско-правовых дисциплин Брянского филиала Орловского юридического института МВД России имени В.В. Лукьянова, кандидат исторических наук.

Information about the author

S. L. Nechay – Professor of the Department of State and Civil Law Disciplines of the Bryansk branch of the Oryol Law Institute of the Ministry of Internal Affairs of Russia named after V.V. Lukyanov, Candidate of Historical Sciences.

Статья поступила в редакцию 16.01.2025; одобрена после рецензирования 20.02.2025; принята к публикации 18.03.2025.

The article was submitted 16.01.2025; approved after reviewing 20.02.2025; accepted for publication 18.03.2025.

Научная статья

УДК 34.3

<https://doi.org/10.24412/2414-3995-2025-2-105-110>

EDN: <https://elibrary.ru/hbqkhd>

NIION: 2015-0066-2/25-222

MOSURED: 77/27-011-2025-02-421

Признание следователем объектов вещественными доказательствами: процессуальный порядок, сроки и места их хранения

Владимир Юрьевич Павлов

Московский университет МВД России имени В.Я. Кикотя, Москва, Россия,

vpavlovspb@gmail.com

Аннотация. Рассматриваются вопросы, касающиеся процессуального порядка и сроков признания следователем различных объектов материального мира вещественными доказательствами. Также изучены некоторые проблемные аспекты относительно определения следователем конкретных мест хранения объектов, которые были признаны ранее вещественными доказательствами.

Установлено, что определив в ходе производства предварительного следствия различные объекты материального мира, которые имеют отношение к расследуемому уголовно наказуемому деянию, следователь должен в установленные законом сроки, принять процессуальное решение о признании их вещественными доказательствами. Доказано, что хранение вещественных доказательств, являясь самостоятельным правовым институтом, охватывает длительный период времени, начиная с момента их появления в уголовном деле и заканчивая окончательным уничтожением вместе с уголовным делом. Процессуальный порядок сохранения вещественных доказательств предусматривает их уничтожение или реализацию в досудебном производстве, определение судьбы на судебных стадиях, в том числе в гражданском судопроизводстве. В заключение автор приходит к обоснованным выводам и конкретным предложениям, касающимся совершенствования деятельности следователя про признание объектов вещественными доказательствами и обеспечению их последующей сохранности до вступления решения суда в законную силу.

Ключевые слова: досудебное производство, руководитель следственного органа, следователь, процессуальный контроль, судебный контроль, вещественные доказательства, хранение вещественных доказательств

Для цитирования: Павлов В. Ю. Признание следователем объектов вещественными доказательствами: процессуальный порядок, сроки и места их хранения // Вестник экономической безопасности. 2025. № 2. С. 105–110. <https://doi.org/10.24412/2414-3995-2025-2-105-110>. EDN: HBQKHD.

Original article

Recognition of objects as material evidence by the investigator: procedural order, terms and places of their storage

Vladimir Yu. Pavlov

Moscow University of the Ministry of Internal Affairs of Russia named after V.Ya. Kikot', Moscow, Russia,

vpavlovspb@gmail.com

Abstract. The issues related to the procedural order and timeframes for recognizing various objects of the material world as material evidence by the investigator are considered. Also some problematic aspects regarding the investigator's determination of specific storage locations for objects that were previously recognized as material evidence are studied.

It has been established that having determined various objects of the material world that are related to the criminal offense under investigation during the preliminary investigation the investigator must within the timeframes established by law make a procedural decision to recognize them as material evidence. It has been proven that the storage of material evidence, being an independent legal institution, covers a long period of time, starting from the moment they appear in a criminal case and ending with their final destruction along with the criminal case. The procedural order for preserving material evidence provides for their destruction or sale in pre-trial proceedings determining their fate at judicial stages

© Павлов В. Ю., 2025

including in civil proceedings. In conclusion, the author comes to reasonable conclusions and specific proposals concerning the improvement of the investigator's activities in recognizing objects as material evidence and ensuring their subsequent preservation until the court decision comes into legal force.

Keywords: pre-trial proceedings, head of the investigative body, investigator, procedural control, judicial control, material evidence, storage of material evidence

For citation: Pavlov V. Yu. Recognition of objects as material evidence by the investigator: procedural order, terms and places of their storage. Bulletin of economic security. 2025;(2):105–10. (In Russ.). <https://doi.org/10.24412/2414-3995-2025-2-105-110>. EDN: HBQKHD.

Расследование преступлений – это поступательный процесс, в результате которого следователь осуществляет производство по уголовному делу, основываясь на различных доказательствах [1, с. 122]. Важная роль среди самостоятельных видов доказательств отводится вещественным доказательствам [2, с. 65]. На их основе лицо, в производстве которого находится уголовное дело, устанавливает наличие или отсутствие обстоятельств, подлежащих доказыванию по уголовному делу (ч. 1 ст. 74 УПК РФ).

Значение вещественных доказательств по уголовным делам для подтверждения или опровержения вины, реализации назначения уголовного судопроизводства неоднократно подчеркивалось не только в юридической литературе [2, с. 6; 6, с. 8–9], но и в решениях Конституционного Суда Российской Федерации. Так, в постановлении Конституционного Суда Российской Федерации от 19 июня 2023 г. № 33-П «По делу о проверке конституционности положений статей 82 и 240 Уголовно-процессуального кодекса Российской Федерации и ряда иных его статей в связи с жалобой гражданина В. Г. Скотникова» было отмечено, что вещественные доказательства являются первоначальными доказательствами и незаменимым источником криминалистически значимой информации.

Следователь, определив в ходе производства процессуальных действий различные объекты материального мира, которые имеют отношение к расследуемому уголовно наказуемому деянию, должен принять процессуальное решение о признании их вещественными доказательствами.

Говоря о значимости данного процессуального решения, согласимся с мнением Г. Б. Карнович о том, что «признание предметов вещественными доказательствами сразу после их изъятия и осмотра будет являться одной из гарантий их сохранности. Если же после исследования выяснится, что какой-либо предмет не имеет доказательственного значения, то его можно также постановлением следователя исключить из числа вещественных доказательств» [7, с. 13].

Таким образом, следует очевидный вывод о том, что не любой объект материального мира может быть признан вещественным доказательством, так как признание неопределенного круга объектов таковыми не приведет к достижению истины и установлению всех обстоятельств преступного события, а наоборот, приведет к негативным последствиям. Данные последствия будут выражены, прежде всего, в том, что сам

следователь среди неопределенного круга признанных вещественными доказательствами объектов не сможет определить их значение для доказывания. При этом он также потратит время на вычленение именно относящихся к уголовному делу вещественных доказательств и разрешение судьбы тех, которыми таковыми, по сути, и не являются, но уже были признаны в конкретных постановлениях.

Далее, считаем необходимым и своевременным затронуть проблему сроков признания объектов вещественными доказательствами. Обусловлено это тем, что с одной стороны, нецелесообразно затягивать момент вынесения соответствующего постановления, а с другой стороны, как справедливо отмечает Т. А. Григорян «преждевременное признание вещественным доказательством, может послужить принятию незаконного решения, отчего может быть нарушены права, свободы и законные интересы участников уголовного процесса» [4, с. 489–490].

В настоящее время буквальное толкование норм ч. 2 ст. 81 и ч. 2 ст. 811 УПК РФ приводит нас к выводу о несоответствии требований по срокам признания различных объектов материального мира вещественными доказательствами. Так, исходя из положений ч. 2 ст. 811 УПК РФ следует, что предметы по уголовным делам по преступлениям общеуголовной направленности признаются вещественными доказательствами после их осмотра без установления конкретных сроков. В то же время, исходя из положений предметы, документы, включая электронные носители информации, изъятые в ходе досудебного производства по уголовным делам в отношении преступлений в сфере экономики, признаются вещественными доказательствами в срок не позднее 10 суток с момента их изъятия с некоторыми исключениями, связанными с их большим количеством (30 суток) или необходимостью производства экспертизы (3 суток).

С целью приведения в соответствие норм действующего уголовно-процессуального закона следует внести изменения в действующую редакцию ч. 2 ст. 81 УПК РФ. В частности, предлагается изложить ее в следующей редакции: *«Постановление о признании вещественными доказательствами предметов, указанных в части первой настоящей статьи, выносится в срок не позднее 10 суток с момента их изъятия. В случае, если для осмотра изъятых предметов ввиду их большого количества или по другим объективным причинам требуется больше времени, по мотивирован-*

ному ходатайству следователя или дознавателя этот срок может быть продлен еще на 30 суток соответственно руководителем следственного органа или начальником органа дознания. В случае, если для признания таких предметов и документов вещественными доказательствами требуется назначение судебной экспертизы, срок вынесения постановления о признании их вещественными доказательствами не может превышать 3 суток с момента получения следователем или дознавателем заключения эксперта. Порядок хранения вещественных доказательств устанавливается настоящей статьей и статьей 81 настоящего Кодекса».

Убеждены, что внесение данных изменений положительно скажется на единообразном подходе и практике признания различных объектов материального мира вещественными доказательствами независимо от состава конкретного уголовно наказуемого деяния.

В ходе изучения материалов уголовных дел нами установлены и негативные тенденции, которые приводят к выводу о том, что следователи зачастую пренебрегают требованиями, регламентирующими необходимость своевременно признавать объекты материального мира вещественными доказательствами и определять их дальнейшую судьбу хранения. Данные факты влекут принятие необоснованных решений о приостановлении предварительного следствия на основании ст. 208 УПК РФ. В дальнейшем, в некоторых случаях, представляется возможным продолжить расследование спустя лишь почти год с момента возбуждения уголовного дела, что, разумеется, отрицательно сказывается на процессе доказывания в целом.

Так, уголовное дело № XXXXXXXX возбуждено 22.06.2023 СУ УМВД России по г. Астрахани по ч. 1 ст. 186 УК РФ по факту сбыта неустановленным лицом заведомо поддельной денежной купюры номиналом 1 000 рублей. В ходе предварительного следствия сотрудниками ОЭБиПК УМВД России по г. Астрахани по поручению следователя допрошены два свидетеля, а также на имя начальника отдела полиции № 3 УМВД России по г. Астрахани внесено формальное представление об усилении контроля за работой участковых уполномоченных полиции. Иные процессуальные действия не проводились. 22.08.2023 предварительное следствие приостановлено по п. 1 ч. 1 ст. 208 УПК РФ. 28.11.2023 предварительное следствие возобновлено. По уголовному делу проведена технико-криминалистическая судебная экспертиза, денежный билет направлен в ЭКЦ МВД России для постановки на федеральный учет (возвращен 29.02.2024). 28.12.2023 предварительное следствие по уголовному делу повторно приостановлено по п. 1 ч. 1 ст. 208 УПК РФ. Только 06.06.2024 руководителем следственного органа постановление о приостановлении предварительного следствия отменено, расследование возобновлено, купюра осмотрена, признана вещественным доказательством и сдана в камеру хранения.

Данные факты нуждаются в тотальном искоренении из следственной практики, так как отрицательно сказываются, как на процессе доказывания в целом, так и на сохранности конкретных вещественных доказательств.

Акцентируя внимание на данном аспекте, все же следует отметить особую важность процессуального контроля со стороны руководителя следственного органа. При должном его осуществлении сроки признания вещественных доказательств не будут нарушаться, а если же такие случаи все же будут иметь место, то однозначно, судебный контроль необходим и обоснован.

Вопросы хранения вещественных доказательств нельзя обойти вниманием, так как без этого немыслима последующая деятельность следователя по доказыванию всех обстоятельств совершенного уголовно наказуемого деяния.

Применительно к хранению вещественных доказательств их сохранение позволяет не только содержать различные материальные объекты без каких-либо изменений их свойств и признаков в материалах уголовного дела, в специальных хранилищах или у третьих лиц, но и при необходимости производить действия, связанные с их реализацией, утилизацией или уничтожением. В этом случае в материалах уголовного дела остаются соответствующие процессуальные документы (протоколы, фото и видео материалы, образцы этих объектов и др.), позволяющие идентифицировать индивидуальные свойства и качества материального объекта, подвергнувшегося изменениям.

Именно наличие целостности материального объекта, признанного вещественным доказательством, поставлено в основу современной концепции хранения вещественных доказательств в науке уголовно-процессуального права. Представляется, что возникновение данной точки зрения, в большей мере связано с пониманием термина «хранение» в русском языке [5, с. 312]. Так, по мнению С. И. Ожегова, хранение означает беречь, содержать где-нибудь в безопасности, в целости [9, с. 710]. Анализ таких разъяснений слова «хранение» позволяет выделить несколько характерных его черт, в основном и определяющих вышеуказанное понимание сущности хранения вещественных доказательств. На наш взгляд, к ним относятся: 1) нахождение вещественных доказательств в каком-то безопасном месте; 2) пребывание вещественных доказательств в целости; 3) содержание вещественных доказательств в неизменном состоянии.

Хранение вещественных доказательств, являясь самостоятельным правовым институтом, охватывает длительный период времени, начиная с момента их появления в уголовном деле и заканчивая окончательным уничтожением вместе с уголовным делом. Процессуальный порядок сохранения вещественных доказательств предусматривает их уничтожение или реализацию в досудебном производстве, определение судьбы на су-

дебных стадиях, в том числе в гражданском судопроизводстве.

В научной литературе встречаются мнения, что изъятие, признание и приобщение вещественных доказательств к уголовному делу есть основания рассматривать как меру принуждения [10, с. 52]. По справедливому мнению О. Е. Головкина и А. В. Победкина «передача вещественных доказательств потерпевшим в некоторых случаях формирует у последнего чувство восстановления справедливости и он больше не считает необходимым являться по вызову следователя, дознавателя, судьи» [3, с. 106].

Говоря о том, какие процессуальные решения принимаются относительно дальнейшей судьбы вещественных доказательств, приведем конкретные данные из изученных нами материалов уголовных дел.

Так, в материалах изученных уголовных дел вопрос о дальнейшей судьбе объектов материального мира, которые были признаны вещественными доказательствами, разрешался следующим образом: вещественные доказательства передавались на хранение собственнику – 56,4 % случаев; хранились при материалах уголовного дела – 30,0 %; уничтожались, так как их хранение до окончания уголовного дела или при уголовном деле было затруднено – 13,6 %.

Деятельность следователя, направленная на совершенствование организации обеспечения сохранности вещественных доказательств, арестованного и иного имущества, изъятых в ходе оперативно-служебной деятельности, обоснована и значима. Следует отметить, что Постановление Правительства Российской Федерации от 28 сентября 2023 г. № 1589 «Об утверждении Правил учета и хранения, изъятых в ходе досудебного производства, но не признанных вещественными доказательствами по уголовным делам предметов и документов до признания их вещественными доказательствами по уголовным делам или до их возврата лицам, у которых они были изъяты, и арестованного имущества, учета, хранения и передачи вещественных доказательств по уголовным делам» скорректировало подход к реализации положений российского законодательства, в том числе и УПК РФ.

Обращает на себя внимание, что хранение вещественных доказательств как вид уголовно-процессуальной деятельности реализуется через уголовно-процессуальные отношения, возникающие в большей мере между лицом, осуществляющим производство по уголовному делу, и лицом, обеспечивающим сохранность вещественных доказательств. Такой подход, с одной стороны, позволил указать в качестве его признаков комплекс процессуальных действий, определяющих содержание хранения вещественных доказательств, а также пределы и цель этой деятельности.

С другой – оставлен без внимания не только комплекс действий, связанных с уничтожением, реализацией, переработкой, утилизацией вещественных доказательств, который, как указывалось ранее, не включается

в содержание их хранения, но и иные правовые отношения, возникающие в процессе взаимодействия с иными лицами, участвующими в сохранении вещественных доказательств в различной форме.

Следует сразу же подчеркнуть, что основанием для помещения вещественных доказательств на хранение является постановление следователя, дознавателя или определение суда.

Изучение правоприменительной практики, показало, что по данному направлению нет положительной динамики, а все больше нарастает напряженность и пристальное внимание со стороны вышестоящих инстанций и иных структур [8, с. 124].

На это обращено внимание и со стороны Аппарата Правительства Российской Федерации. Так, лишь только в 2022 г. зафиксировано 26 случаев чрезвычайных происшествий с вещественными доказательствами. В том числе, по 4 – в Красноярском крае, Калужской и Псковской областях, 2 – в Свердловской области, несмотря на то, что, согласно отчетным сведениям по итогам инвентаризаций утраты изъятых предметов не выявлено.

Основной причиной является неисполнение указаний Следственного департамента МВД России о раздельном учете различных категорий вещественных доказательств и использовании при проведении инвентаризаций данных информационных центров органов внутренних дел по формированию показателей состояния преступности.

Проведенное исследование, показало, что в ходе инвентаризации сверка с данными информационных центров органов внутренних дел по формированию показателей состояния преступности не проводится, она подменена пересчетом того, что лежит в камерах хранения вещественных доказательств.

Такие недостатки происходят в результате неправильного применения данного метода контроля, ведь инвентаризация – это не «снятие остатков», а сличение предметов, изъятых по уголовным делам с их фактическим наличием.

Еще одной важной проблемой остается вопрос обоснованности длительного хранения отдельных категорий, изъятых. Установлено, что на складах хранятся тысячи тонн алкогольной продукции и свыше одной тысячи тонн технологического оборудования, на что ежегодно тратится более 65 миллионов рублей. Анализируя динамику состояния этих данных, можно констатировать факт, что за 2022 г., эти объемы практически не уменьшились.

На счетах финансовых подразделений МВД России в качестве вещественных доказательств за следствием числится почти 3 миллиарда рублей. Наибольшее количество – в г. Москве, г. Санкт-Петербурге, Республике Башкортостан, Республике Удмуртия, Томской, Самарской областях, Красноярском, Приморском и Ставропольском краях.

По данному вопросу обозначил свою позицию и Конституционный Суд Российской Федерации, указав,

что при оценке законности и обоснованности изъятия у законного владельца того или иного имущества в связи с приобщением его к делу в качестве вещественного доказательства суд не может ограничиваться проверкой формального соответствия закону полномочий, применяющих данную меру должностных лиц. Суд должен прийти к выводу, что иным способом обеспечить решение стоящих перед уголовным судопроизводством задач невозможно.

Таким образом, способы и места хранения вещественных доказательств регулируются уголовно-процессуальным законом, иными нормативными правовыми актами и предусматривают различные правовые средства, обеспечивающие их сохранность в зависимости от физических свойств и качеств материального объекта в целях использования в доказывании по уголовному делу, а также реализации назначения уголовного судопроизводства.

На наш взгляд, правильное понимание смысла хранения вещественных доказательств как учеными, так и правоприменителями, позволяет не только установить его сущность и основные признаки, но определить характерные действия, осуществляемые при хранении вещественных доказательств, а также основные виды, механизм и порядок их хранения в целях совершенствования законотворческой и правоприменительной деятельности.

Представляется, что наличие легитимного понятия «хранение вещественных доказательств», внесенного в нормы уголовно-процессуального закона, позволит сделать понятным и эффективным сам закон, затрагивающий комплекс процессуальных действий, обеспечивающих порядок собирания, проверки, оценки вещественных доказательств, а также их хранения, учета и выдачи, в том числе, в процессе реализации в различных формах.

По итогам рассмотрения вопросов, касающихся процессуального порядка и сроков признания следователем различных объектов вещественными доказательствами, а также определения дальнейших способов и мест их хранения обоснованно сделать следующие выводы.

Принимая решение о признании конкретных объектов вещественными доказательствами, следователь должен быть убежден, что все они имеют отношение к расследуемому событию и несут в себе доказательственную информацию, которая в дальнейшем будет иметь значение для принятия итогового процессуального решения.

Способы и места хранения вещественных доказательств напрямую зависят от конкретных особенностей каждого объекта признанного таковым. Следовательно важно учитывать как индивидуальные особенности конкретного объекта, признанного вещественным доказательством, так и положения уголовно-процессуального закона, который регламентирует процессуальный порядок хранения вещественных доказательств

с целью обеспечения их сохранности с момента признания таковыми и до вступления решения суда в законную силу.

Список источников

1. Алексеев Н. С. Доказательства в уголовном процессе. Общие вопросы учения о доказательствах // Советский уголовный процесс / под ред. Н. С. Алексеева, В. З. Лукашевича. Л. : Издательство Ленинградского университета. 1989.
2. Выдря М. М. Вещественные доказательства в советском уголовном процессе. М. : Госюриздат, 1955.
3. Головкин О. Е., Победкин А. В. Хранение вещественных доказательств. М. : Юрлитинформ, 2019.
4. Григорян Т. А. К вопросу о приобщении и сохранности вещественных доказательств в уголовном судопроизводстве // Актуальные вопросы совершенствования производства предварительного следствия в современных условиях развития уголовно-процессуального законодательства: Всероссийская научно-практическая конференция, 7 апреля 2021 г. : сборник научных трудов / сост. Д. А. Иванов. М. : Московский университет МВД России имени В.Я. Кикотя, 2021.
5. Даль В. И. Большой иллюстрированный толковый словарь русского языка. Современное написание / В. И. Даль. Астрель. М., 2006.
6. Егоров Н. Н. Теоретические и прикладные проблемы учения о вещественных доказательствах : автореф. дис. ... д-ра юрид. наук. Иркутск, 2005.
7. Карнович Г. Б. К вопросу классификации вещественных доказательств // Советская криминалистика на службе следствия. Вып. 8. М., 1956.
8. Муратов К. Д. Вещественные доказательства в уголовном судопроизводстве : дис. ... докт. юрид. наук. Казань, 2023.
9. Ожегов С. И. Словарь русского языка: Ок. 57 000 слов / под ред. чл.-корр. АН СССР Н. Ю. Шведовой. 20-е изд., стереотип. М. : Рус. яз., 1988.
10. Трубникова Т. В. Признание вещественным доказательством – новый вид меры принуждения? (По материалам изучения проблем злоупотребления правом в уголовном процессе) // Законы России: опыт, анализ, практика. 2018. № 5.

References

1. Alekseev N. S. Evidence in criminal proceedings. General issues of the doctrine of evidence // Soviet criminal procedure / edited by N. S. Alekseev, V. Z. Lukashevich. L. : Leningrad University Publishing House. 1989.
2. Vydrya M. M. Material evidence in Soviet criminal proceedings. M. : Gosyurizdat, 1955.
3. Golovkin O. E., Pobedkin A. V. Storage of material evidence. M. : Yurлитinform, 2019.
4. Grigoryan T. A. On the issue of inclusion and preservation of material evidence in criminal proceedings //

Current issues of improving the preliminary investigation in the modern conditions of the development of criminal procedural legislation: All-Russian scientific and practical conference, April 7, 2021: collection of scientific papers / compiled by. D. A. Ivanov. M. : Moscow University of the Ministry of Internal Affairs of Russia named after V.Ya. Kikot, 2021.

5. Dal V. I. Large illustrated explanatory dictionary of the Russian language. Modern spelling / V. I. Dal. Astrel. M., 2006.

6. Egorov N. N. Theoretical and applied problems of the doctrine of material evidence : author's abstract. dis. ... doctor of law. Irkutsk, 2005.

7. Karnovich G. B. On the issue of classification of material evidence // Soviet forensic science in the service of investigation. Issue 8. M., 1956.

8. Muratov K. D. Material evidence in criminal proceedings: dis. ... doctor of law. Kazan, 2023.

9. Ozhegov S. I. Dictionary of the Russian language: Approx. 57,000 words / edited by Corresponding Member of the USSR Academy of Sciences N. Yu. Shvedova. 20th ed., stereotype. M. : Russian language, 1988.

10. Trubnikova T. V. Recognition as material evidence – a new type of coercive measure? (Based on the study of problems of abuse of rights in criminal proceedings) // Laws of Russia: experience, analysis, practice. 2018. № 5.

Информация об авторе

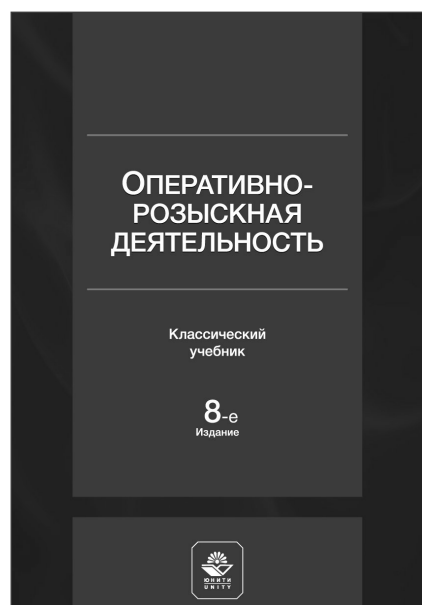
В. Ю. Павлов – соискатель факультета подготовки научных и научно-педагогических кадров Московского университета МВД России имени В.Я. Кикотя.

Information about the author

V. Yu. Pavlov – Applicant for the Faculty of Training of Scientific and Scientific-Pedagogical Personnel of the Moscow University of the Ministry of Internal Affairs of Russia named after V.Ya. Kikot'.

Статья поступила в редакцию 11.09.2024; одобрена после рецензирования 01.11.2024; принята к публикации 26.12.2024.

The article was submitted 11.09.2024; approved after reviewing 01.11.2024; accepted for publication 26.12.2024.

Оперативно-розыскная деятельность. Под ред. Н. А. Кузьмина, Л. Л. Тузова, И. А. Климова. Учебник. 8-е изд., перераб. и доп. 447 с. Гриф МУМЦ «Профессиональный учебник». Гриф НИИ образования и науки. Гриф МНИЦ Судебной экспертизы и исследований.

Изложены базовые положения теории оперативно-розыскной деятельности в Российской Федерации. Приведены материалы, касающиеся правового регулирования оперативно-розыскной деятельности, оснований и условий проведения оперативно-розыскных мероприятий, оперативно-розыскного обеспечения уголовного судопроизводства и других вопросов, не составляющих государственную тайну.

В основе учебника – Федеральный закон «Об оперативно-розыскной деятельности» от 5 июля 1995 г. (с многочисленными изменениями и дополнениями).

Для студентов, слушателей и курсантов учебных заведений системы правоохранительных органов Российской Федерации.

Научная статья

УДК 34.3

<https://doi.org/10.24412/2414-3995-2025-2-111-115>

EDN: <https://elibrary.ru/hcnvrg>

НИОН: 2015-0066-2/25-223

MOSURED: 77/27-011-2025-02-422

Привлечение к административной ответственности по ст. 17.7 КоАП РФ за умышленное невыполнение требований следователя по устранению обстоятельств, способствовавших совершению преступления

Василий Джонович Потапов¹, Галина Александровна Волкова²

¹ Сыктывкарский государственный университет имени Питирима Сорокина, Сыктывкар, Россия,
potapov1961@yandex.ru

² Московский университет МВД России имени В.Я. Кикотя, Москва, Россия,
nazarovgal@ya.ru

Аннотация. Рассматриваются вопросы привлечения к административной ответственности по ст. 17.7 КоАП РФ за умышленное невыполнение требований следователя, по устранению обстоятельств, способствовавших совершению преступления, в досудебном уголовном судопроизводстве.

Установлено, что обязанность исполнения законных требований руководителя следственного органа и следователя, как физическими, так и юридическими лицами по принятию мер к устранению причин и условий, совершенных деяний регламентирована в ч. 4 ст. 21 и ч. 2 ст. 158 УПК РФ. Доказано, что в настоящее время при реализации положений ст. 17.7 КоАП РФ, ч. 4 ст. 21 УПК РФ актуальной является проблема обратной связи между руководителем следственного органа или следователем, внесшим представление профилактического характера, и лицом, обязанным принять меры по его исполнению, а также неисполнение законных требований вышеуказанных должностных лиц по устранению вышеуказанных обстоятельств. В заключение обоснован вывод о том, что высокая эффективность профилактической деятельности не может быть достигнута без качественно организованного взаимодействия органов предварительного следствия и субъектов, правомочных на составление административных протоколов.

Ключевые слова: уголовное дело, руководитель следственного органа, следователь, досудебное производство, обстоятельства, способствовавшие совершению преступления, административная ответственность

Для цитирования: Потапов В. Д., Волкова Г. А. Привлечение к административной ответственности по ст. 17.7 КоАП РФ за умышленное невыполнение требований следователя по устранению обстоятельств, способствовавших совершению преступления // Вестник экономической безопасности. 2025. № 2. С. 111–115. <https://doi.org/10.24412/2414-3995-2025-2-111-115>. EDN: HCNVRG.

Original article

Bringing to administrative responsibility under Article 17.7 of the Code of Administrative Offenses of the Russian Federation for deliberate failure to comply with the investigator's requirements to eliminate the circumstances that contributed to the commission of a crime

Vasily J. Potapov¹, Galina A. Volkova²

¹ Syktyvkar State University named after Pitirim Sorokin, Syktyvkar, Russia,
potapov1961@yandex.ru

² Moscow University of the Ministry of Internal Affairs of Russia named after V.Ya. Kikot', Moscow, Russia,
nazarovgal@ya.ru

Abstract. The issues are considered of bringing to administrative responsibility under Art. 17.7 of the Code of Administrative Offenses of the Russian Federation for intentional failure to comply with the investigator's requirements to eliminate the circumstances that contributed to the commission of a crime in pre-trial criminal proceedings.

© Потапов В. Д., Волкова Г. А., 2025

It has been established that the obligation to fulfill the legal requirements of the head of the investigative body and the investigator, both by individuals and legal entities to take measures to eliminate the causes and conditions of the committed acts is regulated in Part 4 of Art. 21 and Part 2 of Art. 158 of the Criminal Procedure Code of the Russian Federation. It has been proven that at present, when implementing the provisions of Art. 17.7 of the Code of Administrative Offenses of the Russian Federation, Part 4 of Art. 21 of the Criminal Procedure Code of the Russian Federation, the problem of feedback between the head of the investigative body or the investigator who made a preventive representation and the person obliged to take measures to implement it, as well as failure to comply with the legal requirements of the above officials to eliminate the above circumstances is relevant. In conclusion, the conclusion is substantiated that high efficiency of preventive activities cannot be achieved without high-quality organized interaction between preliminary investigation bodies and entities authorized to draw up administrative protocols.

Keywords: criminal case, head of investigative body, investigator, pre-trial proceedings, circumstances that contributed to the commission of a crime, administrative liability

For citation: Potapov V. J., Volkova G. A. Bringing to administrative responsibility under Article 17.7 of the Code of Administrative Offenses of the Russian Federation for deliberate failure to comply with the investigator's requirements to eliminate the circumstances that contributed to the commission of a crime. Bulletin of economic security. 2025;(2):111–5. (In Russ.). <https://doi.org/10.24412/2414-3995-2025-2-111-115>. EDN: HCNVRG.

Органы предварительного расследования реализуют свои полномочия по применению ст. 17.7 Кодекса об административных правонарушениях Российской Федерации (КоАП РФ) [2] путем направления материалов, содержащих признаки правонарушения в действиях (бездействии) организаций, граждан и должностных лиц, руководителю органа внутренних дел либо прокурору для решения вопроса о составлении протокола об административном правонарушении.

Согласно данным отчета по форме «Профилактика» за 2024 г. по материалам органов предварительного следствия системы МВД России составлено 1 492 протокола об административных правонарушениях, предусмотренных ст. 17.7 КоАП РФ, в отношении должностных лиц, не реагирующих на внесенных в отношении них представления [3].

В настоящее время при реализации положений ст. 17.7 КоАП РФ, ч. 4 ст. 21 УПК РФ, актуальной является проблема обратной связи между руководителем следственного органа или следователем, внесшим представление профилактического характера, и лицом, обязанным принять меры по его исполнению, а также неисполнение законных требований вышеуказанных должностных лиц по устранению вышеуказанных обстоятельств.

В настоящее время приходится констатировать и тот негативный факт, что должным образом не организована работа по принятию мер профилактического характера к должностным лицам, не исполнившим требования об устранении причин и условий, способствовавших совершению преступлений. Сложившееся положение дел обусловлено: во-первых, недостатками в организации взаимодействия между службами и подразделениями органов внутренних дел по данному вопросу, в итоге значительная часть протоколов по ст. 17.7 КоАП РФ остается нереализованными, во-вторых, практикой подмены профилактики привлечением к административной ответственности участников уголовного судопроизводства, умышленно не выполняющих законные требования следователей, в условиях

межотраслевой преюдиции (ст. 17.7 КоАП РФ, ст. 111 УПК РФ).

Рассмотрим подробно алгоритм действия следователя и руководителя следственного органа по привлечению к административной ответственности по ст. 17.7 КоАП РФ за умышленное невыполнение требований по устранению обстоятельств, способствовавших совершению преступления.

При поступлении письменного уведомления о принятых мерах по устранению обстоятельств, способствовавших совершению преступления, следователю необходимо приобщить его к материалам уголовного дела. В случае же, когда в месячный срок письменное уведомление о принятых мерах так и не поступило, то следователю целесообразно выполнить следующие действия: убедиться, что представление о принятии мер по устранению обстоятельств, способствовавших совершению преступления, получено адресатом; направить руководителю соответствующей организации или соответствующему должностному лицу «напоминание» (в нем необходимо указать информацию о дате направления представления о принятии мер по устранению обстоятельств, способствовавших совершению преступления, и дате, когда должно было быть направлено следователю уведомление о принятых мерах), а также разъяснить возможность привлечения к административной ответственности по ст. 17.7 КоАП РФ; повторно направить руководителю соответствующей организации или соответствующему должностному лицу представление о принятии мер по устранению указанных обстоятельств; провести проверку принятия мер по устранению изучаемых нами обстоятельств, а также выяснить причины непринятия мер, что целесообразно письменно зафиксировать, например, в справке о результате проверки; направить в органы прокуратуры материал для решения вопроса о возбуждении дела об административном правонарушении, предусмотренном ст. 17.7 КоАП РФ.

Здесь же следует особо подчеркнуть, что в случае умышленного игнорирования представления, внесенного повторно, следователь вправе инициировать вопрос

о возбуждении дела об административном правонарушении. Для этого нужно выделить из уголовного дела соответствующие материалы, касающиеся именно изучаемых нами обстоятельств.

Выделенные материалы следователь направляет руководителю следственного органа для их передачи в орган прокуратуры. При отказе устранить явные нарушения закона следователь вправе обратиться в компетентные контролирующие органы и прокуратуру.

Для усиления процессуального контроля за исполнением представлений, полагаем, что надлежит принять ряд организационно-правовых мер и со стороны РСО по более тесному взаимодействию с органами прокуратуры. Это позволит повысить эффективность деятельности по принятию мер к должностным лицам, не выполняющим предписания о проведении конкретных профилактических мероприятий, содержащихся в представлениях.

Необходимо также отметить, что в случаях, когда уведомление о мерах, принятых для устранения изучаемых обстоятельств, поступает к следователю после того, как им уголовное дело уже направлено в суд, данное уведомление направляется вслед за уголовным делом в канцелярию суда [1, с. 38]. Необходимо помнить, что для приобщения уведомления следует обязательно указывать в нем исходящие данные уголовного дела (номер, дату возбуждения, квалификацию преступления и др.).

Однако данное предписание действующим уголовно-процессуальным законодательством не предусмотрено, а его необходимость обусловлена потребностями следственно-судебной практики. Естественно, что опытные следователи приобщают данные уведомления к материалам уголовного дела без каких-либо указаний на то в законе, чего нельзя сказать о менее опытных следователях. Данные проведенного социологического опроса позволяют сделать следующий вывод. Ответы на представления, поступающие уже после направления дела в суд, следователи направляют с сопроводительным письмом в суд в 82,3 % случаев, остальные же из опрошенных следователей – 17,7 % этого не делают. Есть основания полагать, что такая ситуация сложилась вследствие отсутствия данной обязанности у следователей в соответствии с действующим УПК РФ.

Примерно такие же данные получены нами и в ходе изучения уголовных дел. Так, в материалах уголовных дел присутствовали сопроводительные письма (80,2 %) о направлении в суд ответов, полученных на представления уже после направления прокурором дела в суд.

Проведенный анализ данной проблемы наталкивает нас на мысль о необходимости внесения дополнений в действующий уголовно-процессуальный закон. В связи с чем авторами выдвигается предложение о внесении соответствующих дополнений, посредством которых осуществление данных действий будет возведено в разряд нормативного требования. В разрезе вышесказанного

предлагаем дополнить ст. 158 УПК РФ частью третьей: «Дознаватель, следователь, руководитель следственного органа, получив ответ на направленное ими представление об устранении обстоятельств, способствовавших совершению преступления, уже после направления уголовного дела в суд, обязаны направлять его в суд с сопроводительным письмом». Данная норма позволит оптимизировать деятельность указанных должностных лиц и устранил возникающие противоречия при толковании норм УПК РФ среди практических сотрудников.

Далее отметим обязанность исполнения законных требований руководителя следственного органа и следователя, как физических, так и юридических лицами по принятию мер к устранению причин и условий, совершенных деяний (ч. 4 ст. 21, ч. 2 ст. 158 УПК РФ).

При этом, проведенный нами анализ внесенных представлений и ответов на них позволили установить факты игнорирования законных требований должностных лиц, которые вносили соответствующие представления субъектам, уполномоченным на устранение причин и условий совершения уголовно наказуемых деяний. При этом должной оценки указанным причинам и условиям уполномоченными субъектами не давалось, все поступившие ответы на внесенные представления зачастую были формальны по своему содержанию.

Ярким примером таких нарушений являются выявленные нами факты, исходя из изучения профилактики преступлений в учреждениях уголовно-исполнительной системы (УИС) ФСИН России. В частности, по 10 внесенным в исправительные учреждения представлениям истек срок исполнения, однако, ответы о принятых мерах не поступили (СУ МВД по Республике Адыгея (2), ГСУ (СУ) ГУ (У) МВД России по Ставропольскому краю (1), Волгоградской (1), Оренбургской (1), Тульской (3), Челябинской (2) областям).

Приведем и конкретные примеры подобных нарушений, а также игнорирования законных требований следователей. Так, в ответе на представление начальника СО ОМВД России по г. Донскому Тульской области (№ 15/3723 от 23 марта 2023 г.), внесенного в связи с совершением осужденным М. преступления, предусмотренного п. 3 ч. 2 ст. 228 УК РФ, на территории ФКУ ИК-5 УФСИН России по Тульской области, реализованные меры заключались лишь в рассмотрении представления на оперативном совещании и информировании следователя об усилении контроля. Иных мер профилактического характера не принято.

Аналогичные ответы получены из ФКУ ИК-6 УФСИН России по Смоленской области на представление по уголовному делу № XXXXXXXXXXXX по обвинению осужденного Б. по п. «в» ч. 2 ст. 163 УК РФ (№ 69/10/6/4-2944 от 12 октября 2023 г.), из ФКУ ИК-6 ГУФСИН России по Приморскому краю по уголовному делу по обвинению Ч. по ч. 2 ст. 159 УК РФ, совершенных на территории данного исправительного учреждения (на № 5/2315 от 3 июля 2023 г.), ФКУ СИЗО-3 ГУФСИН по Новосибирской области по уголовному делу №

XXXXXXXXXXXX по обвинению С. по ч. 1 ст. 228 УК РФ (№ 55/ТО/11-8-2050 от 17 августа 2023 г.).

При этом 14 апреля 2023 г. и 26 марта 2023 г. начальникам ФКУ СИЗО № 1 и ФКУ ИК-8 ГУФСИН России по Челябинской области направлены представления по уголовным делам № XXXXXXXXXXXX в отношении Т. и № XXXXXXXXXXXX в отношении М., которые в течение трех месяцев так и не были рассмотрены.

Приведенные примеры лишь некоторые из огромного количества выявленных нами фактов неисполнения требований об устранении изучаемых обстоятельств. Какие же меры принимать должностным лицам, осуществляющим предварительное следствие в подобных многочисленных случаях?

Виновное лицо в данном случае привлекается к ответственности по ст. 17.7 КоАП РФ «Невыполнение законных требований прокурора, следователя, дознавателя или должностного лица, осуществляющего производство по делу об административном правонарушении».

Особо подчеркнем, что действующий УПК РФ не предусматривает ответственность за невыполнение данной обязанности. В связи с чем, в случаях необходимости привлечения виновных в неисполнении требований, изложенных в представлении следователя, на основании приказа МВД России от 24 августа 2023 г. № 619 «О некоторых организационных вопросах деятельности органов внутренних дел Российской Федерации по профилактике правонарушений» [4] соответствующие подтверждающие данный факт материалы передаются руководителю органа внутренних дел или его заместителям. Ввиду того, что в число заместителей входит как раз и руководитель следственного органа, то зачастую он и принимает решение о рассмотрении данных материалов и составляет протокол об административном правонарушении.

В связи с этим большинство материалов (98,9 % по итогам 2023 г. и 98,7 % в первом полугодии 2024 г.), содержащих сведения об умышленном невыполнении лицом законных требований следователя, направлялись руководителю органа внутренних дел (его заместителю – начальнику следственного отдела).

После получения данных материалов руководитель следственного органа на основании ст. 26.1 КоАП РФ может составить протокол [5]. Лицу, в отношении которого он составлен, разъясняются его права и обязанности, предусмотренные ст. 25.1 КоАП РФ.

Изучение уголовных дел, к сожалению, приводит нас к выводу, что данная мера реагирования применяется руководителями следственных органов довольно редко – всего в 12,7 % изученных материалов уголовных дел.

Так, исходя из изучения материалов следственной практики нами установлено, что только в СО ОМВД России по району Нерехта и Нерехтинскому району Костромской области в 2023 г. направлено всего два представления из общего количества находившихся в там производстве более чем 350 уголовных дел (представи-

тельно ИП Сорокин и председателю СПК «им. Ленина»), ответы не поступили, а также не были приняты и соответствующие меры по привлечению к административной ответственности.

Указанные факты свидетельствуют либо о реально редком ее применении данной меры административного воздействия либо том, что копии подобного рода протоколов и прилагаемых к ним материалов не подшиваются к материалам уголовных дел.

В данном контексте важно подчеркнуть, что в настоящее время сотрудники органов предварительного следствия не указаны в числе должностных лиц, уполномоченных составлять протоколы об административных правонарушениях.

Вместе с тем, как мы уже говорили выше, данные протоколы все же составляются руководителями органов предварительного следствия, чему есть конкретные подтверждения. Так, например, по данным ГСУ ГУ МВД России по Московской области в городских округах Подольске, Власихе, Жуковском протоколы по ст. 17.7 КоАП РФ составлялись руководителями следственных органов. Всего в 2023 г. составлено по области 54 протокола, по которым судами вынесено столько же решений по ст. 17.7 КоАП РФ. В первом полугодии 2024 г. составлено 29 протоколов.

Однако мы выявили и негативные примеры, свидетельствующие о некомпетентности участковых уполномоченных полиции по применению ст. 17.7 КоАП РФ и отсутствия должного взаимодействия со следственными подразделениями. Так, из ОМВД России по Белгородскому району в ОП № 2 УМВД России по г. Белгороду поступил материал проверки в отношении Б. с целью привлечения его к ответственности по ст. 17.7 КоАП РФ за невыполнение требований следователя по устранению причин и условий совершенного преступления. Доработка указанного материала для направления в суд и рассмотрения по существу поручена участковому уполномоченному полиции ОП № 2 УМВД России по г. Белгороду. Указанным сотрудником исчерпывающих мер к составлению протокола по ст. 17.7 КоАП РФ не принято. Причиной сложившейся ситуации послужило отсутствие необходимых знаний и навыков.

Сказанное позволяет констатировать, что не все сотрудники органов внутренних дел, обладают достаточными возможностями для реализации привлечения виновных к ответственности по ст. 17.7 КоАП РФ.

В свою очередь также установлено, что положения нормативных правовых актов в сфере профилактики преступлений территориальными следственными подразделениями исполняются не в полном объеме в связи с отсутствием необходимого опыта работы, взаимодействия и ненадлежащего ведомственного контроля.

Таким образом, в заключение мы приходим к выводу о том, что высокая эффективность профилактической

деятельности не может быть достигнута без качественно организованного взаимодействия органов предварительного следствия и субъектов, правомочных на составление административных протоколов.

Список источников

1. Волкова Г. А. Деятельность следователя по внесению представлений о мерах по устранению обстоятельств, способствовавших совершению преступления : теоретические и практические аспекты // Вестник экономической безопасности. 2024. № 3. С. 36–42.
2. Кодекс Российской Федерации об административных правонарушениях от 30 декабря 2001 г. № 195-ФЗ (ред. от 18.02.2020) // URL: <http://www.garant.ru/>
3. Отчет о реализации мероприятий в сфере профилактики правонарушений утвержден приказом МВД России от 25 августа 2023 г. № 597 «О форме статистической отчетности «Профилактика-КП» // URL: <https://base.garant.ru/>
4. Приказ МВД России от 24 августа № 619 «О некоторых организационных вопросах деятельности органов внутренних дел Российской Федерации по профилактике правонарушений» (с последующими изменениями и дополнениями) // URL: <http://www.garant.ru/>
5. Приказ МВД России от 2 июня 2005 г. № 444 «О полномочиях должностных лиц МВД России по составлению протоколов по делам об административных правонарушениях и административному задержанию»

(с последующими изменениями и дополнениями) // URL: <http://www.garant.ru/>

References

1. Volkova G. A. The investigator's activity in introducing ideas on measures to eliminate the circumstances that contributed to the commission of a crime : theoretical and practical aspects // Bulletin of Economic Security. 2024. № 3. P. 36–42.
2. Code of Administrative Offences of the Russian Federation of December 30, 2001 № 195-FZ (as amended on 18.02.2020) // URL: <http://www.garant.ru/>
3. The report on the implementation of measures in the field of crime prevention was approved by the Order of the Ministry of Internal Affairs of Russia dated August 25, 2023 № 597 «On the form of statistical reporting «Prevention-KP» // URL: <https://base.garant.ru/>
4. Order of the Ministry of Internal Affairs of Russia of August 24, № 619 «On certain organizational issues of the activities of the internal affairs bodies of the Russian Federation for the prevention of offenses» (with subsequent amendments and additions) // URL: <http://www.garant.ru/>
5. Order of the Ministry of Internal Affairs of Russia of June 2, 2005 № 444 «On the powers of officials of the ministry of internal affairs of russia to draw up protocols on cases of administrative offenses and administrative detention» (with subsequent amendments and additions) // URL: <http://www.garant.ru/>

Информация об авторах

В. Д. Потапов – профессор кафедры уголовно-правовых дисциплин Сыктывкарского государственного университета имени Питирима Сорокина, доктор юридических наук, профессор;

Г. А. Волкова – адъюнкт факультета подготовки научных и научно-педагогических кадров Московского университета МВД России имени В.Я. Кикотя.

Information about the authors

V. J. Potapov – Professor of the Department of Criminal Law Disciplines of the Syktyvkar State University named after Pitirim Sorokin, Doctor of Legal Sciences, Professor;

G. A. Volkova – Adjunct of the Faculty of Training Scientific and Scientific-Pedagogical Personnel of the Moscow University of the Ministry of Internal Affairs of Russia named after V.Ya. Kikot'.

Вклад авторов: все авторы сделали эквивалентный вклад в подготовку публикации. Авторы заявляют об отсутствии конфликта интересов.

Contribution of the authors: the authors contributed equally to this article. The authors declare no conflicts of interests.

Статья поступила в редакцию 29.10.2024; одобрена после рецензирования 24.12.2024; принята к публикации 21.02.2025.

The article was submitted 29.10.2024; approved after reviewing 24.12.2024; accepted for publication 21.02.2025.

Научная статья

УДК 342

<https://doi.org/10.24412/2414-3995-2025-2-116-119>

EDN: <https://elibrary.ru/gpbivz>

ИПОН: 2015-0066-2/25-224

MOSURED: 77/27-011-2025-02-423

Конституционное право каждого на свободное использование своих способностей и имущества для занятия трудовой деятельностью: проблемы теории и практики

Анатолий Семенович Прудников

Московский университет МВД России имени В.Я. Кикотя, Москва, Россия,

prudi1@mail.ru

Аннотация. Проводится анализ ситуации, связанной с реализацией конституционного права каждого на свободное использование своих способностей и имущества для занятия трудовой деятельностью; определяются различные сегменты занятости, пользующиеся привлекательностью среди различных категорий граждан (в том числе и иностранных граждан).

Ключевые слова: трудовая миграция, исполнитель, клиент, право на трудовую деятельность, платформенная занятость, сервис-агрегатор транспортных услуг, график работы

Для цитирования: Прудников А. С. Конституционное право каждого на свободное использование своих способностей и имущества для занятия трудовой деятельностью: проблемы теории и практики // Вестник экономической безопасности. 2025. № 2. С. 116–119. <https://doi.org/10.24412/2414-3995-2025-2-116-119>. EDN: GPBIVZ.

Original article

The constitutional right of everyone to freely use their abilities and property for employment: problems of theory and practice

Anatoly S. Prudnikov

Moscow University of the Ministry of Internal Affairs of Russia named after V.Ya. Kikot', Moscow, Russia,

prudi1@mail.ru

Abstract. The situation related to the realization of the constitutional right of everyone to freely use their abilities and property for employment; various segments of employment that are attractive among various categories of citizens (including foreign citizens) are identified.

Keywords: labor migration, contractor, client, right to work, platform employment, service aggregator of transport services, work schedule

For citation: Prudnikov A. S. The constitutional right of everyone to freely use their abilities and property for employment: problems of theory and practice. Bulletin of economic security. 2025;(2):116–9. (In Russ.). <https://doi.org/10.24412/2414-3995-2025-2-116-119>. EDN: GPBIVZ.

Изучение юридической литературы и практики показало, что осуществление трудовой деятельности гражданами Российской Федерации, так и иностранными гражданами на интернет-платформах, в сегменте платформенной занятости, в условиях неполного рабочего дня, аутстаффинга и аутсорсинга и т. д. пользуются большой популярностью в виду привлекательности условий труда: гибкий график работы, своевременность

и частота оплаты труда согласно фактически отработанному времени.

Такой вид занятости предполагает использование цифровых платформ, выступающих в качестве посредника между поставщиками услуг, их исполнителями и клиентами.

Данная форма трудовой деятельности позволяет быстро находить работу в сферах оказания услуг и вы-

полнять отдельные заказы. При этом, в ряде случаев договорные отношения между ними не оформляются соответствующим образом, и уполномоченным органом не всегда представляется возможным оценить фактическое количество работающих, определить их гражданскую принадлежность, что негативным образом сказывается на жизнедеятельности государства.

Да, действительно, современная Конституция Российской Федерации дает возможность в соответствии с п. 1 ст. 37 свободу труда. Каждый имеет право свободно распоряжаться своими способностями к труду, выбирать род деятельности и профессию [1]. Конечно же, в разные времена были и разные отношения между работодателем и работником. Это зависело от множества факторов таких как: политического, экономического развития общества и государства и многих других факторов.

Сущность права на трудовую деятельность заключается в системе правомочий гражданина, гарантированной государством при использовании им способности к труду.

Однако, государство должно защищать все права и обязанности работников, которые возникают на основе трудового договора и не допускать незаконной трудовой деятельности, что создает риски для нормальной жизнедеятельности государства.

Одним из рисков является утрата налоговых поступлений, которые могли бы быть зачислены в бюджет от законной трудовой деятельности.

Это также сказывается на скорости принятия всех управленческих решений, отвлекает субъектов от совершенствования профильных функций, тем самым снижая ее конкурентоспособность. Но изменяющиеся обстоятельства в обществе способствуют возникновению новых форм деятельности – это договоры аутсорсинга и аутстаффинга, которые можно рассматривать как пользование заемным трудом.

В таких договорах существуют ограничения, но самое главное ограничение современности заключается в отсутствии единого законодательства, которое могло бы урегулировать полностью данные договоры. Из-за этого возникают ситуации, которые наносят ущерб экономическим отношениям из-за увеличения расходов из государственного бюджета.

На это неоднократно обращал внимание Президент Российской Федерации еще в 2017 г. во время заседания Совета по стратегическому развитию и приоритетным проектам. Очень часто аутсорсинг сводится к тому, что создаются квазичастные компании, которым передаются фактически бюджетные средства. Вместо аутсорсинга получается просто повышение бюджетных расходов с минимальным качеством окончательных работ».

Однако, ст. 56.1 ТК РФ [3] запрещает заемный труд, то есть «труд, осуществляемый работником по распоряжению работодателя в интересах, под управлением и контролем физического лица или юридического лица, не являющихся его работодателем».

Несмотря на то, что аутстаффинг персонала в России запрещен, но сущность данного вида деятельности косвенно сохраняется, имея ввиду, что это заемный труд. Это не совсем так. Компания-аутстаффер может направить сотрудника компании-заказчику, где субъектами могут выступать в том числе индивидуальные предприниматели.

Компанией-аутстаффером может быть только частное агентство занятости, которое является российским резидентом, использует общую систему налогообложения и получило специальную аккредитацию.

Аутстаффинг – выведение персонала за штат. При аутстаффинге персонал оформляется не через компанию, являющуюся фактическим работодателем, а через организацию-посредника.

Аутсорсинг в условиях современного рынка труда находится под значительным влиянием правовых норм и регулирующих актов. Несмотря на существование ряда документальных основ, специальное законодательство, четко определяющее все аспекты аутсорсинга, в России не разработано. При этом действующие законы и подзаконные акты содержат как общие правила, так и конкретные указания, касающиеся данной сферы.

Важным элементом правовой базы аутсорсинга является Гражданский кодекс Российской Федерации (далее также ГК РФ), который регулирует гражданские правовые отношения и содержит нормы, применимые ко всем видам сделок, включая предоставление услуг третьими лицами.

Так, ст. 702 ГК РФ [4] описывает договор подряда, в рамках которого возможно привлечение сторонних организаций для выполнения определенных работ. Условия, на которых происходит аутсорсинг, должны быть четко прописаны в контракте, чтобы избежать недоразумений.

Существуют отдельные сферы, такие как ИТ, где аутсорсинг играет важную роль и требует специфического подхода. В этом контексте необходимо учитывать не только общие гражданские нормы, но и законодательство, связанное с защитой интеллектуальной собственности и конфиденциальности информации. Например, в случае передачи технологий или разработки программного обеспечения на аутсорсинг необходимо детально прописать условия передачи прав на результаты интеллектуальной деятельности.

Органы публичной власти определяют и формируют нормативные правовые акты в рассматриваемой сфере. Ситуация на рынке труда также создает необходимость в более детальном регламентировании вопросов, связанных с аутсорсингом. В условиях стремительного изменения технологий и требований к квалификации работников развитые правовые механизмы будут способствовать гибкости бизнеса и адаптации к изменениям.

Каждая компания, рассматривающая возможность аутсорсинга, должна учитывать специфику своей отрасли и заранее прорабатывать все правовые риски. Четкое понимание правовых оснований и рисков, связанных

с аутсорсингом, поможет снизить вероятность конфликтов и повысить эффективность использования аутсорсинговых услуг.

Аутстаффинг как одна из форм управления трудовыми ресурсами становится все более популярным инструментом среди российских компаний. Однако недостаточная проработанность нормативно-правовой базы в данной области порой создает ситуации, в которых обе стороны – работодатели и сотрудники – могут оказаться в невыгодном положении. На данный момент не существует четких законодательных актов, регулирующих особенности аутстаффинга, что требует детального анализа существующих правовых норм и практики.

Согласно трудовому законодательству, трудовые отношения возникают между работодателем и работником. В контексте аутстаффинга речь идет о том, что работник формально трудоустраивается у одной компании, тогда как фактически предоставляется для выполнения задач другой организации. В этом случае важным аспектом является наличие эффективного договора, который должен четко регулировать права и обязанности сторон. Однако на практике данный договор нередко не учитывает всех возможных рисков и нюансов, что может приводить к правовым спорам [6].

Ситуация осложняется отсутствием прямого упоминания аутстаффинга в Трудовом кодексе Российской Федерации, что фактически делает этот вид деятельности «теневыми и пробельными» сторонами. Тем не менее, в последние годы наблюдается тенденция к повышению интереса со стороны государственных органов к этой теме. В частности, эксперты отмечают внимание со стороны налоговых органов, которые могут трактовать аутстаффинг как попытку уклонения от уплаты налогов и социальных взносов.

Важным правовым аспектом является также действующее налоговое законодательство. Если аутстаффинг не был юридически оформлен должным образом, то налоговые органы могут вынести решение о необходимости уплаты налогов с учетом полной базы. Это может привести к увеличению обязательств и штрафам, что в свою очередь негативно скажется на бизнес-процессах в компании.

В этом контексте особое внимание следует уделить правовым последствиям недобросовестного выполнения обязательств со стороны работодателя или компании-поставщика. Поскольку аутстаффинг включает в себя целый ряд рисков, необходимо заранее прорабатывать варианты защиты как прав работников, так и интересов клиента. На практике это может проявляться в виде обязательных условий контрактов, лицензионных соглашений или других способов учета интересов сторон.

Не смотря на все юридические трудности, количество заключений подобных договоров выросло за последние несколько лет. Так по итогам 2023–2024 гг., по данным NeoAnalytics, совокупный объем рынка аутсорсинга бухгалтерских услуг увеличился ежегодно при-

мерно свыше 15 % по сравнению с аналогичным показателем.

В настоящее время в России насчитывается более 30 тыс. компаний, занимающихся аутсорсингом бухгалтерского учета. В большинстве своем компании, оказывающие аутсорсинговые бухгалтерские/финансовые услуги, – это крупные, средние и малые организации, то есть юридические лица (преимущественно общества с ограниченной ответственностью). В 2024 г. на долю данных компаний пришлось свыше 60 % от общего количества исполнителей.

В свою очередь, услугами бухгалтерского аутсорсинга в России пользуются около 1 млн компаний и индивидуальных предпринимателей.

Самыми популярными специализациями стали Java-разработчик (11 % запросов среди разработчиков), PHP-разработчик (10 %) и Frontend-разработчик (9 %). Вторым направлением по популярности стала аналитика, где половина всех запросов приходилась на системных аналитиков и 16 % – на бизнес-аналитиков.

Основная причина такой тенденции – дефицит кадров, который был вызван оттоком трудовых мигрантов после начала совершенствования миграционного законодательства, а также демографической ситуацией в стране. И аутстаффинг, и аутсорсинг довольно удобны в ситуации, когда нужна временная замена действующим сотрудникам – это стало актуально на фоне частичной мобилизации на специальную военную операцию. Общая нехватка кадров на рынке труда также влияет на интерес к этим услугам, особенно в сфере рабочего класса.

Из-за повышенного интереса к договорам аутстаффинга и аутсорсинга повышается и обращения в суды для разрешения споров между работником и работодателем. Основной проблемой является чаще всего неправильное заключение договоров для оказания определенных услуг, где одна из сторон может не выполнить надлежащим образом свои обязанности. Что как раз и нарушает конституционное право каждого на свободное использование своих способностей и имущества для занятия трудовой деятельностью, в том числе и иностранных граждан.

Для того, чтобы решить такую проблему, нужно на федеральном уровне создать нормативную правовую базу в области аутстаффинга и аутсорсинга, которая бы охватывала все тонкости, связанные с этими договорами. В частности, в Трудовом Кодексе Российской Федерации, Федеральном законе № 115 от 25 июля 2002 г. (ред. от 28.12.2024) «О правовом положении иностранных граждан в Российской Федерации» [5] и др., которые бы определяли:

- содержание прав и обязанностей, которые должны содержаться в договоре между двумя сторонами;
- санкции за невыполнение обязательств;
- ответственность несут обе стороны при подписании договора и т. д.

В заключение можно отметить, что конституционное право граждан Российской Федерации и иностранных граждан на свободное использование своих способностей и имущества для занятия трудовой деятельностью и связанные с ним такие правовые категории как аутсорсинг и аутстаффинг, платформенная занятость представляют собой важные инструменты для оптимизации бизнес-процессов и снижения затрат в условиях современного рынка, но для их совершенствования необходимо законодательно урегулировать аспекты, связанные с трудовой деятельностью каждого в сферах оказания услуг и выполнения отдельных заказов.

Библиографический список

1. Конституция Российской Федерации (принята всенародным голосованием 12 декабря 1993 г. с изменениями, одобренными в ходе общероссийского голосования 1 июля 2020 г.) (в ред. от 08.10.2022) // СПС «КонсультантПлюс».
2. Договор о Евразийском экономическом союзе от 29 мая 2014 г. // СПС «КонсультантПлюс».
3. Трудовой кодекс Российской Федерации от 13 декабря 2001 г. // СПС «КонсультантПлюс».
4. Гражданский кодекс Российской Федерации (часть первая) от 30 ноября 1994 г. № 51-ФЗ (ред. от 31.10.2024).
5. Федеральный закон от 25 июля 2002 г. № 115-ФЗ «О правовом положении иностранных граждан в Российской Федерации» // СПС «КонсультантПлюс».

6. Ермакова М. В. Проблемные аспекты дистанционного труда иностранных граждан: Материалы XIII Всероссийской научно-практической конференции, посвященной 350-летию со дня рождения Петра Великого, Москва, 10 октября 2022 года. М. : Государственный университет управления, 2022. С. 99–101.

Bibliographic list

1. Constitution of the Russian Federation (adopted by popular vote on December 12, 1993 with amendments approved during the nationwide voting on July 1, 2020) (in ed. of 10.08.2022) // LRS «ConsultantPlus».
2. Treaty on the Eurasian Economic Union of May 29, 2014 // LRS «ConsultantPlus».
3. Labor Code of the Russian Federation of December 13, 2001 // LRS «ConsultantPlus».
4. Civil Code of the Russian Federation (Part One) № 51-FZ of November 30, 1994 (as amended on 31.10.2024).
5. Federal Law № 115-FZ of July 25, 2002 «On the Legal Status of Foreign Citizens in the Russian Federation» // LRS «ConsultantPlus».
6. Ermakova M. V. Problematic aspects of remote labor of foreign citizens: Proceedings of the XIII All-Russian Scientific and Practical Conference dedicated to the 350th anniversary of the birth of Peter the Great, Moscow, October 10, 2022. M. : State University of Management, 2022. P. 99–101.

Информация об авторе

А. С. Прудников – профессор кафедры конституционного и муниципального права Московского университета МВД России имени В.Я. Кикотя, доктор юридических наук, профессор, заслуженный юрист России.

Information about the author

A. S. Prudnikov – Professor of the Department of Constitutional and Municipal Law of the Moscow University of the Ministry of Internal Affairs of Russia named after V.Ya. Kikot', Doctor of Legal Sciences, Professor, Honored Lawyer of Russia.

Статья поступила в редакцию 29.01.2025; одобрена после рецензирования 20.02.2025; принята к публикации 18.03.2025.

The article was submitted 29.01.2025; approved after reviewing 20.02.2025; accepted for publication 18.03.2025.

Научная статья

УДК 342.951

<https://doi.org/10.24412/2414-3995-2025-2-120-122>

EDN: <https://elibrary.ru/gqfbgb>

ИИОН: 2015-0066-2/25-225

MOSURED: 77/27-011-2025-02-424

Мониторинг соблюдения юридическими и физическими лицами обязательных требований в сфере миграции

Татьяна Анатольевна Прудникова

Московский университет МВД России имени В.Я. Кикотя, Москва, Россия

Аннотация. Раскрываются особенности проведения федерального государственного контроля (надзора) в сфере миграции и роль мониторинга в его осуществлении.

Ключевые слова: мониторинг, миграция, законодательство, физическое лицо, юридическое лицо, нарушение, правило, контроль, надзор, правонарушение

Для цитирования: Прудникова Т. А. Мониторинг соблюдения юридическими и физическими лицами обязательных требований в сфере миграции // Вестник экономической безопасности. 2025. № 2. С. 120–122. <https://doi.org/10.24412/2414-3995-2025-2-120-122>. EDN: GQFBGB.

Original article

Monitoring compliance by legal entities and individuals with mandatory migration requirements

Tatiana A. Prudnikova

Moscow University of the Ministry of Internal Affairs of Russia named after V.Ya. Kikot', Moscow, Russia

Abstract. The specifics of the federal state control (supervision) in the field of migration and the role of monitoring in its implementation are revealed.

Keywords: monitoring, migration, legislation, individual, legal entity, violation, rule, control, supervision, offense

For citation: Prudnikova T. A. Monitoring compliance by legal entities and individuals with mandatory migration requirements. Bulletin of economic security. 2025;(2):120–2. (In Russ.). <https://doi.org/10.24412/2414-3995-2025-2-120-122>. EDN: GQFBGB.

Наступивший 2025 г. был ознаменован существенным изменением миграционного законодательства. Так, появление новых правовых институтов «контролируемое пребывание» и «режим высылки» безусловно повлияет на динамику совершаемых правонарушений иностранными гражданами.

В этой связи особую роль играет стоит государственный контроль (надзор) в сфере миграции и мониторинг соблюдения юридическими и физическими лицами обязательных требований в сфере миграции. Это и превентивная и предупредительная мера в миграционной ситуации Российской Федерации.

Здесь следует подчеркнуть, что осуществлять государственный контроль в сфере миграции вправе должностные лица МВД России, Центра по вопросам миграции МВД России, территориальных органов МВД России на региональном и районном уровнях, в соответствии с своими должностными регламентами (должностными инструкциями, должностными обязанностями), в которых предусмотрены соответствующие полномочия. Новеллой

является такой субъект контроля (надзора) как Центр по вопросам миграции, созданный относительно недавно.

При этом в случае отсутствия полномочий на осуществление государственного контроля в сфере миграции у должностных лиц территориального органа МВД России на региональном или районном уровне, выявивших признаки административного правонарушения в сфере миграции, совершенного юридическим или физическим лицом, сведения вместе с собранными доказательствами о выявлении такого правонарушения незамедлительно (в течение 2 рабочих дней) установленным порядком передаются в подразделение по вопросам миграции в целях организации проведения внеплановой проверки. А здесь подчеркнем, что количественный состав правонарушений за 2024 г. существенно вырос, поэтому на законодательном уровне усилена ответственность за организацию незаконной миграции и фиктивную регистрацию по месту жительства и месту пребывания.

Следует отметить, что одним из способов выявления нарушений миграционного законодательства является

мониторинг соблюдения юридическими и физическими лицами обязательных требований в сфере миграции.

Под мониторингом понимается специальная форма наблюдения за различными субъектами с целью соблюдения установленных законом правил и норм с целью их недопущения. Субъектами мониторинга за соблюдением миграционного законодательства являются физические и юридические лица, и такой непрерывный процесс воздействия позволяет вовремя выявить нарушения.

Так, мониторинг осуществляется в ходе повседневной служебной деятельности сотрудников подразделений по вопросам миграции:

- при проверке и анализе сведений, содержащихся в информационных системах МВД России, ведомственной статистической отчетности, а также полученных в рамках внутриведомственного и межведомственного взаимодействия;
- в ходе предоставления государственных услуг в сфере миграции;
- при рассмотрении обращений граждан и организаций, содержащих информацию о фактах возможных нарушений законодательства Российской Федерации в сфере миграции;
- при пресечении преступлений, в том числе связанных с организацией незаконной миграции и осуществлением фиктивного миграционного учета, и административных правонарушений, совершенных физическими лицами.

Согласно п. 5 ст. 32 Федерального закона № 115-ФЗ [1] основаниями для проведения внеплановой проверки являются: истечение срока исполнения работодателем, заказчиком работ (услуг), принимающей (приглашающей) стороной выданного органом государственного контроля (надзора) предписания об устранении выявленного нарушения обязательных требований; поступление в орган государственного контроля (надзора) обращений и заявлений граждан, в том числе индивидуальных предпринимателей, юридических лиц, информации от органов государственной власти, органов местного самоуправления, профессиональных союзов, из средств массовой информации о фактах нарушений работодателем, заказчиком работ (услуг), принимающей (приглашающей) стороной обязательных требований и др.

При этом необходимо отметить, что только внеплановая проверка по основанию, указанному в подп. 2 п. 5 ст. 32 Федерального закона № 115-ФЗ [1], проводится по согласованию с органом прокуратуры в установленном законодательством Российской Федерации порядке.

В рамках проведения выездных проверочных мероприятий в хостелах, общежитиях или иных учреждениях, предоставляющих иностранным гражданам гостиничные услуги, в том числе и незаконно, действия сотрудников органов внутренних дел можно подразделить на несколько этапов.

● *На первом этапе:*

- проводится рабочее совещание с представителями различных органов: (прокуратуры, Роспотребнадзора и МЧС и иных), на котором вырабатывается механизм проведения совместных проверочных мероприятий в

хостелах, общежитиях или иных учреждениях, предоставляющих иностранным гражданам гостиничные услуги, в том числе и незаконно;

- проводится анализ списков хостелов, общежитий и иных учреждений, предоставляющих иностранным гражданам гостиничные услуги, в том числе и незаконно;
- определяется оптимальное время для проведения выездной проверки хостела, чтобы установить факт проживания иностранных граждан в заявленном принимающей стороной адресе;
- формируется группа из числа сотрудников заинтересованных подразделений МВД России в необходимом количестве для отработки всех иностранных граждан, проживающих в хостеле (исходя из количества лиц, состоящих на миграционном учете на дату проведения проверки);
- для наиболее результативных проверочных мероприятий, а также при проверках крупных хостелов привлекаются средства массовой информации, в том числе на региональных телеканалах.

● *На втором этапе:*

При проведении выездного проверочного мероприятия в хостелах, общежитиях и иных учреждениях, предоставляющих иностранным гражданам гостиничные услуги, в том числе незаконно, сотрудниками органов внутренних дел осуществляются следующие действия:

- устанавливают на каких правах лицо, осуществившее постановку иностранных граждан на миграционный учет по месту временного пребывания, пользуется помещением (свидетельство о регистрации права собственности, договор аренды/ субаренды помещения);
- получают объяснения от всех выявленных в ходе проверки в данном адресе иностранных граждан, установить цель въезда в Российскую Федерацию, дату их прибытия в хостел, наличие разрешительных документов в сфере миграции, наличие работодателя;
- проводят проверки по имеющимся информационным учетам МВД России и дактилоскопическую регистрацию всех фактически проживающих в хостеле иностранных граждан. Данную информацию в оперативном порядке передают в Информационный центр МВД России по субъекту Российской Федерации для постановки на учет. В случае если иностранные граждане ранее проходили дактилоскопическую регистрацию, то проводят в отношении них оперативные проверки по учетам Централизованной интегрированной автоматизированной дактилоскопической информационной системы МВД России;

- проводят фотографирование всех фактически проживающих в хостеле иностранных граждан и данную информацию в оперативном порядке вносят в учеты Центра оперативной розыскной информации МВД России по субъектам Российской Федерации.

В случае, если иностранные граждане при проведении проверки в хостеле отсутствовали, однако фактически там проживают, то данных лиц уведомляют о необходимости явиться в отдел по вопросам миграции для осуществления процедуры дактилоскопирования.

В случае неявки иностранных граждан рассматривают вопрос о снятии их с миграционного учета;

- устанавливают имеющуюся на объекте жилую площадь для размещения граждан и количество койко-мест;
- проверяют журнал регистрации гостей (при наличии), сверяют со сведениями, полученными из Единого информационного ресурса регистрационного и миграционного учетов в составе государственной информационной системы миграционного учета;
- составляют протокол осмотра и фото-таблицу, в которых отражают имеющуюся на объекте проверки площадь для проживания, количество организованных койко-мест, места общественного пользования.

● *Третий этап.*

По итогам проверочного мероприятия сотрудники органов внутренних дел:

- при установлении факта нахождения иностранного гражданина на территории Российской Федерации свыше установленного срока привлекают его к административной ответственности по ч. 3.1 ст. 18.8 КоАП РФ [2]. В случае выявления иностранных граждан, не исполнивших судебные решения об административном выдворении за пределы Российской Федерации, привлекают их к административной ответственности по ч. 3 ст. 20.25 КоАП РФ [2]. При выявлении признаков состава преступления, предусмотренного ст. 322.1 УК РФ, регистрируют в книге учета заявлений и сообщений о преступлениях, об административных правонарушениях, о происшествиях соответствующий материал и проводят проверки в порядке ст.ст. 144–145 УПК РФ [3];
- при установлении несоответствий фактически проживающих иностранных граждан со сведениями Единого информационного ресурса регистрационного и миграционного учетов в составе государственной информационной системы миграционного учета, об иностранных гражданах, имеющих действующий миграционный учет по данному адресу, проводят проверки в порядке ст.ст. 144–145 УПК РФ [3] по признакам состава преступления, предусмотренного ст. 322.3 УК РФ или принимают меры административного воздействия в отношении лица, выступившего иностранным гражданам принимающей стороной, по ч. 2, 3, 4 ст. 18.9 КоАП РФ или ст. 19.27 КоАП РФ [2];
- при установлении фактов фиктивной постановки на миграционный учет иностранных граждан или их убытия с hostela незамедлительно осуществляют снятие с миграционного учета;

– при установлении незаконно действующих hostelов принимают меры к их ликвидации в соответствии с действующим законодательством.

Следует подчеркнуть, что при планировании и проведении оперативно-профилактических и оперативно-розыскных мероприятий, направленных на выявление и пресечение незаконной миграции, лиц, причастных к организации незаконной миграции на территории Российской Федерации, фиктивному миграционному учету иностранных граждан, органы внутренних дел обеспечивают комплексное использование возможностей оперативных, оперативно-технических и информационных ресурсов.

Кроме того, расширение полномочий должностных лиц МВД России в самостоятельности принимать решения об административном выдворении из Российской Федерации иностранных граждан и лиц без гражданства за ряд правонарушений позволит карательно воздействовать на данных лиц.

В заключении следует отметить, что организация и проведение выездных проверочных мероприятий в hostelaх, общежитиях или иных учреждениях, предоставляющих иностранным гражданам гостиничные услуги, в том числе и незаконно и другие действия позволяют сотрудникам органов внутренних дел выявлять лиц, которые нарушают требования миграционного законодательства.

Список источников

1. Федеральный закон от 25 июля 2002 г. № 115-ФЗ (ред. от 01.02.2025) «О правовом положении иностранных граждан в Российской Федерации».
2. Кодекс Российской Федерации об административных правонарушениях от 30 декабря 2001 г. № 195-ФЗ (ред. от 01.01.2025) // URL: <https://www.consultant.ru/>
3. Уголовно-процессуальный кодекс Российской Федерации от 18 декабря 2001 г. № 174-ФЗ (ред. от 28.12.2024) // URL: <https://www.consultant.ru/>

References

1. Federal Law № 115-FZ of July 25, 2002 (as amended on 01.03.2024) «On the Legal Status of Foreign Citizens in the Russian Federation».
2. The Code of Administrative Offences of the Russian Federation of December 30, 2001 № 195-FZ (as amended on 01.01.2025) // URL: <https://www.consultant.ru/>
3. The Criminal Procedure Code of the Russian Federation of December 18, 2001, № 174-FZ (as amended on December 28, 2024) // URL: <https://www.consultant.ru/>

Информация об авторе

Т. А. Прудникова – профессор кафедры административного права Московского университета МВД России имени В.Я. Кикотя, доктор юридических наук, доцент.

Information about the author

T. A. Prudnikova – Professor of the Department of Administrative Law of the Moscow University of the Ministry of Internal Affairs of Russia named after V.Ya. Kikot', Doctor of Legal Sciences, Associate Professor.

Статья поступила в редакцию 11.02.2025; одобрена после рецензирования 12.03.2025; принята к публикации 07.04.2025.

The article was submitted 11.02.2025; approved after reviewing 12.03.2025; accepted for publication 07.04.2025.

Научная статья

УДК 343.9

<https://doi.org/10.24412/2414-3995-2025-2-123-129>

EDN: <https://elibrary.ru/awplbh>

НИОН: 2015-0066-2/25-226

MOSURED: 77/27-011-2025-02-425

Практика и проблемы выявления и расследования финансирования терроризма (по материалам правоохранительных органов Санкт-Петербурга и Ленинградской области)

Максим Леонидович Родичев¹, Александр Николаевич Литвиненко², Сергей Валерьевич Лавренко³

^{1,2} Санкт-Петербургский университет МВД России, Санкт-Петербург, Россия

¹ petrogradets@bk.ru, ORCID 0000-0002-9334-0682

² lanfk@mail.ru, ORCID 0000-0002-3269-6634

³ Управление Федеральной службы безопасности России по г. Санкт-Петербургу и Ленинградской области, Санкт-Петербург, Россия

Аннотация. Представлен анализ практики выявления и расследования фактов финансирования терроризма, совершенных на территории Санкт-Петербурга и Ленинградской области в период 2020–2024 гг. Описаны типичные способы финансирования терроризма, представлена классификация лиц, совершающих указанные преступления. Сделан вывод о том, что наиболее распространенным способом выявления финансирования терроризма является изучение движения денежных средств по счетам, принадлежащим лицам, причастным к террористической деятельности. На основе проведенного анализа эмпирических данных определены существующие и перспективные проблемы борьбы с финансированием терроризма.

Ключевые слова: терроризм, финансирование терроризма, борьба с терроризмом, правоохранительные органы, организованная преступность, оперативно-розыскная деятельность, конфискация имущества

Для цитирования: Родичев М. Л., Литвиненко А. Н., Лавренко С. В. Практика и проблемы выявления и расследования финансирования терроризма (по материалам правоохранительных органов Санкт-Петербурга и Ленинградской области) // Вестник экономической безопасности. 2025. № 2. С. 123–129. <https://doi.org/10.24412/2414-3995-2025-2-123-129>. EDN: AWPLBH.

Original article

The practice and problems of identification and investigation terrorist financing (on materials from the law enforcement agencies of St. Petersburg and the Leningrad Region)

Maxim L. Rodichev¹, Alexander N. Litvinenko², Sergey V. Lavrenko³

^{1,2} St. Petersburg University of the Ministry of Internal Affairs of Russia, St. Petersburg, Russia

¹ petrogradets@bk.ru, ORCID 0000-0002-9334-0682

² lanfk@mail.ru, ORCID 0000-0002-3269-6634

³ Directorate of the Federal Security Service of Russia for St. Petersburg and the Leningrad Region, St. Petersburg, Russia

Abstract. The analysis of the practice of identifying and investigating terrorist financing committed on the territory of St. Petersburg and the Leningrad Region in the period 2020–2024 is presented. Typical methods of financing terrorism are described, and a classification of the perpetrators of these crimes is presented. It is concluded that the most common way to identify terrorist financing is to study the flow of funds in accounts belonging to persons involved in terrorist activities. Based on the analysis of empirical data, the existing and prospective problems of combating the financing of terrorism have been identified.

Keywords: terrorism, financing of terrorism, fight against terrorism, law enforcement agencies, organized crime, operational investigative activities, confiscation of property

For citation: Rodichev M. L., Litvinenko A. N., Lavrenko S. V. The practice and problems of identification and investigation terrorist financing (on materials from the law enforcement agencies of St. Petersburg and the Leningrad Region). Bulletin of economic security. 2025;(2):123–9. (In Russ.). <https://doi.org/10.24412/2414-3995-2025-2-123-129>. EDN: AWPLBH.

© Родичев М. Л., Литвиненко А. Н., Лавренко С. В., 2025

Повышение уровня финансирования террористической деятельности и материально-технической оснащенности террористических организаций является одной из основных тенденций современного терроризма, что отмечается и в Концепции противодействия терроризму в Российской Федерации [11].

Вместе с тем, явное несоответствие выявляемых объемов финансирования терроризма его современным масштабам, позволяет сделать вывод о неэффективности соответствующей деятельности правоохранительных органов.

Таким образом, противодействие финансированию терроризма является, в настоящее время, актуальной проблемой для государства, решение которой требует, в том числе, и серьезного научного и методического обеспечения.

В научной печати представлено немало работ, посвященных проблематике выявления, предупреждения, пресечения и раскрытия преступлений, связанных с финансированием терроризма.

Среди открытых научных работ следует отметить труды О. Н. Тисен [1; 2; 3], Васнецовой А. С. [4] и Меркурьева В. В. [5], посвященные уголовно-правовым и уголовно-процессуальным проблемам борьбы с финансированием терроризма, Лозиной Ю. А. [6], посвященные проблемам замораживания денежных средств, используемых для финансирования терроризма, Шахматова А. В. [7], занимавшегося вопросами оперативно-розыскного обеспечения борьбы с терроризмом и его финансированием, А. А. Казакова и Е. Г. Быковой [8], которые представили существенные проблемы правового и криминалистического характера, возникающие при доказывании преступлений рассматриваемого вида, а также Лашина Г. А., Охотникова И. В. и Сибирко И. В. [9], статья которых посвящена изучению роли, которую новые технологии – от финтех-сервисов до социальных сетей могут играть в процессе финансирования терроризма.

Среди недавних работ следует выделить монографию С. Ю. Богомолова «Ответственность за финансирование терроризма: уголовно-правовое и криминологическое исследование» [10], в которой представлены международные и зарубежные концепции борьбы с финансированием терроризма, дан юридический анализ положений ст. 205.1 УК РФ в части установления ответственности за финансирование террористической деятельности, а также достаточно подробно рассматриваются существующие в российском законодательстве, правоприменительной деятельности и доктрине проблемы квалификации финансирования терроризма.

Нами проведено исследование практики противодействия финансированию террористической деятельности на территории г. Санкт-Петербурга и Ленинградской области, основными целями которого было выявление проблем, возникающих у правоохранительных органов в рассматриваемой сфере, разработка возмож-

ных решений указанных проблем, а также определение региональных особенностей финансирования терроризма и борьбы с ним.

Эмпирической основой нашего исследования были материалы уголовных дел, возбужденных по ч. 1.1 ст. 205.1 УК РФ и ч. 1 ст. 282.3 УК РФ в период 2021–2023 гг. в г. Санкт-Петербурге и Ленинградской области, аналитические материалы Санкт-Петербургской городской и Ленинградской областной прокуратуры, а также справочные материалы и статистические данные ФСБ и МВД России, имеющие открытый характер.

Проведенное исследование позволило прийти к следующим выводам.

Во-первых, в изученных случаях все осужденные лица привлекались к ответственности либо за финансирование международной террористической организации (далее – МТО) «ИГИЛ» (в том числе различных МТО структурно входящих непосредственно в «ИГИЛ», либо имеющих непосредственные каналы взаимодействия), либо за финансирование украинских формирований и общественных объединений.

Лиц, привлеченных к уголовной ответственности за финансирование МТО «ИГИЛ», можно классифицировать по национальному признаку на две группы.

К первой группе относятся представители славянских национальностей (русские, белорусы, украинцы и другие), являющиеся, как правило, гражданами РФ и проживающие длительный период времени на ее территории.

Ко второй группе относятся представители народов средней Азии (таджики, узбеки), являющиеся, как правило, иммигрантами, не имеющими гражданства РФ.

Мотивация финансирования терроризма у указанных групп различна.

Представители первой группы совершают финансирование терроризма, чаще всего, не сочувствуя ему, и, тем более, не разделяя его идей, хотя указанное финансирование может быть и в значительных размерах.

Как правило, в этих случаях денежные средства переводятся обвиняемыми по просьбе родственников – членов МТО.

Следует отметить, что привлеченные к уголовной ответственности за финансирование терроризма россияне характеризуются достаточно солидным возрастом.

Типичным примером являются действия гражданки РФ К. 1963 г. р., привлеченной к уголовной ответственности по ч. 1.1 ст. 205.1 УК РФ. В ходе расследования установлено, что К., используя две банковские карты, привязанные к банковскому счету, открытому в ПАО «Сбербанк», в период с 27.04.2014 г. по 18.09.2020 г. перевела в общей сложности более 1 млн руб. для обеспечения террористической деятельности МТО «ИГИЛ», а именно приобретения оружия, боеприпасов, обмундирования и транспортных средств.

Указанную деятельность К. осуществляла по просьбе своей дочери, являющейся членом МТО «ИГИЛ» и находящейся в международном розыске за соверше-

ние преступлений по ч. 1.1 ст. 205.1, ч. 2 ст. 205.5 и ч. 2 ст. 208 УК РФ, о чем было достоверно известно К.

По результатам судебного разбирательства К. 20.07.2022 г. была признана виновной в инкриминируемых деяниях, ей назначено наказание в виде 8-ми лет лишения свободы.

Еще одним примером, являются действия гражданки РФ С. 1983 г. р., которая неуставленным способом переправилась на территорию Сирийской Арабской Республики (далее – САР), где принимала активное участие в деятельности незаконного вооруженного формирования «Джамаат Аль Акса», которое вело боевые действия против правительственных войск на территории САР и структурно входит в «ИГИЛ». С., являлась медицинской сестрой, занималась сбором оружия и боеприпасов на местах ведения боевых действий, ремонтом одежды, приготовлением пищи для членов террористической организации, выступала в качестве переводчика, владела огнестрельным оружием.

С. имея умысел на финансирование терроризма, убедила свою мать, не осведомленную о преступном умысле дочери, с 24.08.2014 г. и последующий длительный период времени, перечислять для нее денежные средства на счета лиц, находящихся на территории Турецкой Республики, из банковских учреждений г. Санкт-Петербурга на общую сумму в размере не менее 42 тыс. руб., а также 200 долларов США.

Представители второй группы (иммигранты, находящиеся на территории РФ) совершают финансирование терроризма, сочувствуя ему в большей степени, чем представители первой группы, при этом денежные средства переводятся ими малознакомым или незнакомым членам МТО.

Следует отметить, что представители второй группы, в отличие от первой, являются, как правило, молодыми людьми, в возрасте 18–25 лет.

Типичным примером являются действия К. 2002 года рождения, привлеченного к уголовной ответственности по ч. 5 ст. 33, ч.1.1 ст. 205.1 УК РФ.

В ходе расследования установлено, что К. в период с 12.02.2022 г. по 28.07.2022 г. передавал денежные средства Ю., с целью дальнейшего финансирования деятельности МТО «Катиба Таухид валь-Джихад», запрещенной на территории Российской Федерации, то есть совершил содействие террористической деятельности путем предоставления денежных средств на общую сумму 148 тыс. 170 руб. с осознанием того, что вышеуказанные денежные средства предназначены для обеспечения террористической деятельности, а именно для последующего приобретения огнестрельного оружия, боеприпасов к нему, камуфлированной формы и продуктов питания, необходимых для обеспечения боевых действий на территории Сирии.

Также К. открыл на свое имя счет в ПАО «Сбербанк» и получил банковскую карту, после чего передал Ю. ее реквизиты посредством мессенджера «Telegram» для сбора денежных средств на нужды участников вы-

шеуказанной МТО, находящихся на территории САР и ведущих боевые действия против сирийских правительственных войск и их союзников.

В дальнейшем К. неоднократно передавал Ю. коды подтверждения совершения финансовых операций в системе «Сбербанк-онлайн», который приходил в виде СМС-сообщения на номер его мобильного телефона, осознавая, что на указанный открытый им счет поступают денежные средства, направленные на финансирование международной террористической организации, таким образом, совершая пособничество в финансировании терроризма.

Второй группой лиц, осужденных за финансирование терроризма, являются лица, осуществившие финансирование украинских формирований и общественных объединений («Азов», «Правый сектор»).

Характерными чертами осужденных являются их проукраинские взгляды и негативное отношение к проведению специальной военной операции на территории Украины. Осужденные являются, как правило, молодыми людьми, представителями славянских национальностей, гражданами РФ.

В отличие от финансирования МТО «ИГИЛ», виновные лица осуществляли денежные переводы украинским формированиям не по просьбе знакомых или родственников, а по идеологическим соображениям.

Типичным примером являются действия С. 1988 года рождения, привлеченного к уголовной ответственности по ч. 1.1 ст. 205.1 УК РФ.

В ходе расследования установлено, что С. в период с 01.11.2022 г. по 26.01.2023 г., находясь на территории г. Санкт-Петербурга оказывал неуставленным лицам финансовую помощь, направленную на обеспечение денежными средствами с целью содействия террористической деятельности украинского военизированного националистического объединения «Азов», для подготовки и совершения террористических актов на территории Российской Федерации, то есть совершения преступления, предусмотренного ст. 205 УК РФ. С. осуществил перевод 130 тыс. руб. на счет, подконтрольный лицам, осуществляющим деятельность по снабжению националистического объединения «Азов».

Следует отметить, что в связи с проведением специальной военной операции на территории Украины, в Санкт-Петербурге существенно возросло число преступлений террористического характера, выразившихся в поджогах зданий военных комиссариатов, а также диверсиях на железнодорожном транспорте. Указанная диверсионно-террористическая деятельность организована, курируется и финансируется иностранными спецслужбами, в том числе с территории Украины. Зачастую исполнителями террористических актов являются граждане Российской Федерации, в том числе подростки, которые за сумму, порой не превышающую 10 000 рублей, ошибочно полагая, что имеют реальную возможность избежать привлечения к уголовной ответственности в

связи с анонимностью платежа, решаются на совершение особо тяжких преступлений.

К примеру, СУ УМВД России по Невскому району г. Санкт-Петербурга возбуждено уголовное дело по признакам состава преступления, предусмотренного ч. 3 ст. 30, ч. 1 ст. 205 УК РФ, из материалов которого следует, что около 06 часов 35 минут 27.09.2023 обвиняемый Н., находясь у д. 5 по ул. Крупской в Невском районе г. Санкт-Петербурга, с целью совершения поджога, устрашающего население и создающего опасность гибели людей, а также дестабилизации и саботирования деятельности военного комиссариата Невского района г. Санкт-Петербурга, расположенного по вышеуказанному адресу, поджег фитиль бутылки с зажигательной смесью, которую бросил в окно военного комиссариата. Однако свой преступный умысел до конца не довел, поскольку бутылка попала в стену военного комиссариата, от удара в которую разбилась, после чего произошло возгорание стены, а также участка местности около данного здания, затем с места совершения преступления скрылся.

В отношении Н. избрана мера пресечения в виде заключения под стражу, расследование по уголовному делу продолжается.

В указанных случаях финансирование терроризма осуществлялось неустановленными лицами из-за рубежа, переписка с которыми осуществлялась с использованием мессенджера «Телеграмм».

Следует отметить интересный пример выявления действий гражданина РФ Ц., который длительное время осуществлял незаконную деятельность по распространению наркотиков на территории г. Санкт-Петербурга, а часть денежных средств, вырученных от продажи наркотиков, передавал на нужды запрещенной на территории РФ и признанной экстремистской решением Верховного суда РФ № АКПИ14-1292С от 17 ноября 2014 г. украинской организации «Правый сектор».

В ходе расследования установлено, что Ц. в период времени с 00 часов 00 минут 01.02.2020 г. по 23 часа 59 минут 24.02.2022 г., находясь на территории г. Санкт-Петербурга, осуществил не менее 6 передач наличных денежных средств на финансирование «Правого сектора» на общую сумму не менее 1 млн. руб., соучастнику преступной деятельности К., который на территории Республики Украины, должен был передать указанные денежные средства участникам запрещенной на территории РФ экстремистской украинской организации «Правый сектор».

По результатам судебного разбирательства Санкт-Петербургским городским судом Ц. был признан виновными в инкриминируемых ему деяниях (ч. 5 ст. 228.1, п. «г» ч. 4 ст. 228.1, ч. 1 ст. 282.3 УК РФ), назначено наказание в виде лишения свободы сроком на 16 лет с отбыванием в исправительной колонии строгого режима.

Практику противодействия финансированию терроризма в Санкт-Петербурге и Ленинградской области можно охарактеризовать следующим образом.

В рамках проведения мероприятий по противодействию финансированию террористической деятельности ГУ МВД и УФСБ по г. Санкт-Петербургу и Ленинградской области налажено тесное взаимодействие с Межрегиональным управлением (далее – МРУ) Росфинмониторинга по Северо-Западному федеральному округу, в рамках которого проводится обмен информацией о юридических и физических лицах, предположительно причастных к финансированию данной деятельности. Информация, поступившая из указанного органа, также проверяется в рамках заведенных дел оперативных учетов и в ходе работы по иным оперативно-служебным материалам.

Несмотря на указанное взаимодействие, в 2022 и 2023 гг. уголовные дела на основании информации, поступившей из Росфинмониторинга, не возбуждались.

Следует отметить, что за указанный период по всем находящимся уголовным делам о преступлениях, связанных с финансированием терроризма, участием в террористической деятельности на территории иностранных государств, следователями направлялись запросы в МРУ Росфинмониторинга о получении информации о наличии возможных признаков финансирования террористической деятельности.

Органы прокуратуры отмечают, что в ходе осуществления надзора за расследованием по уголовным делам о преступлениях исследуемого вида не выявлялись факты неполного и (или) несвоевременного выполнения оперативными подразделениями органов, осуществляющих оперативно-розыскную деятельность, поручений органов предварительного расследования, направленных на принятие мер для последующего обеспечения приговора в части возмещения ущерба, возможной конфискации. Взаимодействие следователей ГСУ СК, Следственной службы УФСБ и оперативных подразделений ГУ МВД и УФСБ находится на должном уровне и способствует раскрытию и расследованию данных преступлений.

Также следует отметить, что особую озабоченность правоохранительных органов вызывает нарастающая роль различного рода «криптовирж», используемых для перемещения крупных активов и при этом практически неподконтрольных Российской Федерации.

При этом одним из негативных факторов является нахождение большинства крупных криптовалютных игроков в странах с нейтральным или недружественным статусом, что фактически не позволяет российскому правоохранительному блоку в условиях нынешней геополитической ситуации получать исчерпывающую информацию в нужном объеме в кратчайшие сроки.

Вместе с тем сказывается и разница в правовом регулировании цифровой валюты тех стран, которые используются террористами как так называемые «перевалочные».

Таким образом, экспоненциальный рост цифровых финансовых технологий позволяет дистанционно и с минимальными рисками увеличивать объемы финансирования терроризма, обходить международный банков-

ский контроль, облегчать процедуры отмывания денег и скрывать любого конечного бенефициара финансирования, в том числе из числа финансовых структур недружественных государств.

Исходя из опыта деятельности Управления ФСБ России по г. Санкт-Петербургу и Ленинградской области за последние несколько лет, даже налаженное взаимодействие правоохранительных органов с Росфинмониторингом достаточно часто не позволяет установить получателей «цифровых валют», что делает криптосферу непрозрачной для правоохранительного блока и благодатной почвой для «теневых» расчетов.

Указанные обстоятельства ставят перед правоохранительными органами Российской Федерации серьезные задачи по эффективному перестраиванию оперативно-служебной деятельности, в том числе, по организации эффективного взаимодействия между правоохранительным блоком и надзорными органами российского финансового сектора в кратчайшие сроки.

Что касается выявленных нами проблем расследования преступлений, связанных с финансированием терроризма, то они являются достаточно типичными и в целом уже описаны в работах О. Н. Тисен [1; 2].

Вместе с тем, мы предлагаем дополнить перечень проблем, возникающих в ходе расследования преступлений рассматриваемой категории, следующими причинами, благодаря которым предварительное следствие нередко затягивается.

Во-первых, окончание уголовных дел о преступлениях террористической направленности свыше срока, предусмотренного УПК РФ, обусловлено необходимостью проведения судебных экспертиз (психиатрическая, лингвистическая, фоноскопическая, фото-портретная и другие), производство которых, как правило, осуществляется длительное время.

Также объективной причиной продления срока следствия по уголовным делам указанной категории является особенность уголовного судопроизводства в отношении иностранных граждан и лиц, не владеющих русским языком. Необходимость перевода обвиняемому ряда процессуальных документов требует определенного времени.

Не смотря на наличие указанных выше и некоторых иных проблем, расследование преступлений, связанных с финансированием терроризма, следственными органами, находящимися на территории Санкт-Петербурга и Ленинградской области, осуществляется достаточно качественно и характеризуется в 2021–2023 гг. следующими показателями.

Фактов прекращения уголовных дел и уголовного преследования по преступлениям рассматриваемой категории не имелось.

В указанный период при расследовании по уголовным делам доказательства недопустимыми не признавались, сложностей при поддержании государственного обвинения по указанной категории уголовных дел не возникало.

В порядке ст. 237 УПК РФ уголовные дела прокурору не возвращались.

Уголовные дела руководителю следственного органа в порядке, предусмотренном ст. 446.2 УПК РФ, судами не возвращались.

Случаев переквалификации действий лиц на иные составы Особенной части УК РФ вместо инкриминируемых органами предварительного расследования не имеется.

По делам анализируемой категории судами первой, апелляционной и кассационной инстанций постановления (определения) о прекращении уголовного дела (уголовного преследования) выносились только 1 раз (в 2022 г.).

В 2023 г. конфискация имущества применена судом по 7 уголовным делам (в 2022 г. – по одному уголовному делу). В собственность государства на основании п. «г» ч. 1 ст. 104.1 УК РФ конфискованы мобильные телефоны и планшеты. Позиции государственных обвинителей о применении конфискации была аналогичной.

Таким образом, проведенный анализ следственной и судебной практики показал, что финансирование террористической деятельности осуществляется в большинстве выявленных случаев случайными пособниками терроризма, склоненными к оказанию помощи международными террористическим организациям посредством сети Интернет.

Чаще всего такие преступления совершаются посредством материального обеспечения участия в МТО знакомых фигурантов. Привлеченные к ответственности пособники терроризма не пользовались мерами конспирации и перечисляли денежные средства со своего счета на банковские карты, оформленные на имя участника террористической организации или его близких.

Благодаря указанным обстоятельствам и возникала возможность выявлять и привлекать к уголовной ответственности отдельных лиц, осуществлявших финансирование терроризма максимально примитивным способом.

Таким образом, наиболее распространенным способом выявления финансирования терроризма является изучение движения денежных средств по счетам, принадлежащим лицам, причастным к террористической деятельности.

С учетом масштабов осуществления террористической деятельности, очевидно, что деятельность правоохранительных органов РФ по подрыву финансовых основ терроризма не достигает своих целей.

Представляется, что в настоящее время усилия правоохранительных органов РФ должны быть направлены на выявление иных каналов и способов финансирования терроризма, к числу которых можно отнести переводы международным террористическим организациям цифровых валют («криптовалют»), сбор, перевозка (контрабандное перемещение) и передача им наличных денежных средств, в том числе, с использованием системы «Хавала», а также на выявление фактов финансиرو-

ния терроризма от преступной деятельности (вымогательства, мошенничеств, незаконного оборота наркотиков и иных преступлений) и со стороны недружественных государств.

Список источников

1. Тисен О. Н. Доказывание преступлений, связанных с финансированием терроризма. В сборнике : Цифровые технологии в борьбе с преступностью : проблемы, состояние, тенденции. Сборник материалов I Всероссийской научно-практической конференции. Москва, 2021. С. 73–77.
2. Тисен О. Н. Особенности привлечения к уголовной ответственности за финансирование терроризма : по материалам судебной практики // Уголовное право. 2021. № 1 (125). С. 50–55.
3. Тисен О. Н. Доказывание умысла на финансирование и организацию финансирования терроризма : обзор практики // Уголовный процесс. 2021. № 1 (193). С. 48–53.
4. Васнецова А. С., Вилинский Г. О., Горшечникова Е. П., Кобзарев Ф. М., Кроз М. В., Меркурьев В. В., Примова Э. Н., Ратинова Н. А., Соколов Д. А., Тисен О. Н., Ульянов М. В. Борьба с терроризмом : новые вызовы и угрозы : монография. М. : Университет прокуратуры РФ, 2023. 680 с.
5. Меркурьев В. В., Агапов П. В., Борисов С. В., Васнецова А. С., Ермолович Я. Н., Клементьев А. С., Соколов Д. А., Тисен О. Н., Ульянов М. В. Научно-практический комментарий к Федеральному закону от 6 марта 2006 г. № 35-ФЗ «О противодействии терроризму». М., 2021.
6. Rodichev M. L., Lozina Yu. A., Krivobokov A. D., Lobanov A. A., Rodicheva M. V. Mechanisms for freezing terrorist assets and their using within the operational-search activity. В сборнике : SHS Web of Conferences. IX Baltic Legal Forum «Law and Order in the Third Millennium». Kaliningrad, 2021. P. 03018.
7. Шахматов А. В., Родичев М. Л. Феномен С. В. Зубатова : исторические ретроспективы развития агентурной работы в оперативно-розыскной деятельности и опыт противодействия терроризму в России // Юридическая наука: история и современность. 2015. № 11. С. 106–117.
8. Казаков А. А., Быкова Е. Г. Финансирование терроризма : отдельные вопросы квалификации и доказывания // Вестник Национального антитеррористического комитета. 2022. № 1 (28). С. 29–34.
9. Лашин Г. А., Охотников И. В., Сибирко И. В. Влияние новых технологий на финансирование терроризма // Московский экономический журнал. 2022. Т. 7. № 8.
10. Богомолов С. Ю. Ответственность за финансирование терроризма : уголовно-правовое и криминологическое исследование : монография. М. : издательство ООО «Прспект», 2023. 256 с.

11. Концепция противодействия терроризму в Российской Федерации (утв. Президентом РФ 5 октября 2009 г.) // СПС «КонсультантПлюс».

References

1. Tisen O. N. Proving crimes related to the financing of terrorism. In the collection : Digital technologies in the fight against crime : problems, status, trends. Collection of materials of the I All-Russian scientific and practical conference. M., 2021. P. 73–77.
2. Tisen O. N. Features of criminal prosecution for financing terrorism : based on judicial practice // Criminal Law. 2021. № 1 (125). P. 50–55.
3. Tisen O. N. Proving intent to finance and organize terrorist financing : a review of practice // Criminal procedure. 2021. № 1 (193). P. 48–53.
4. Vasnetsova A. S., Vilinsky G. O., Gorshechnikova E. P., Kobzarev F. M., Kroz M. V., Merkuryev V. V., Primova E. N., Ratinova N. A., Sokolov D. A., Tisen O. N., Ulyanov M. V. The fight against terrorism : new challenges and threats : monograph. M. : University of the Prosecutor's Office of the Russian Federation, 2023. 680 p.
5. Merkuryev V. V., Agapov P. V., Borisov S. V., Vasnetsova A. S., Ermolovich Ya. N., Klementyev A. S., Sokolov D. A., Tisen O. N., Ulyanov M. V. Scientific and practical commentary to the Federal Law of March 6, 2006 Federal Law № 35-FZ «On Countering Terrorism». M., 2021.
6. Rodichev M. L., Lozina Yu. A., Krivobokov A. D., Lobanov A. A., Rodicheva M. V. Mechanisms for freezing terrorist assets and their using within the operational-search activity. In the collection : SHS Web of Conferences. IX Baltic Legal Forum «Law and Order in the Third Millennium». Kaliningrad, 2021. P. 03018.
7. Shakhmatov A. V., Rodichev M. L. The phenomenon of S. V. Zubatov : historical retrospectives of the development of agent work in operational investigative activities and the experience of countering terrorism in Russia // Legal Science: history and modernity. 2015. № 11. P. 106–117.
8. Kazakov A. A., Bykova E. G. Financing of terrorism : selected issues of qualification and evidence // Bulletin of the National Antiterrorist Committee. 2022. № 1(28). P. 29–34.
9. Lashin G. A., Okhotnikov I. V., Sibirko I. V. The impact of new technologies on terrorist financing // Moscow Economic Journal. 2022. Vol. 7. № 8.
10. Bogomolov S. Y. Responsibility for terrorist financing : criminal law and criminological research : monograph. M. : Prospekt Publishing House, 2023. 256 p.
11. The Concept of countering terrorism in the Russian Federation (approved by the President of the Russian Federation on October 5, 2009) // LRS «ConsultantPlus».

Информация об авторах

М. Л. Родичев – доцент кафедры оперативно-разыскной деятельности в ОВД Санкт-Петербургского университета МВД России, кандидат юридических наук, доцент;

А. Н. Литвиненко – профессор кафедры экономической безопасности Санкт-Петербургского университета МВД России, доктор экономических наук, профессор;

С. В. Лавренко – сотрудник Управления Федеральной службы безопасности России по г. Санкт-Петербургу и Ленинградской области, кандидат экономических наук.

Information about the authors

M. L. Rodichev – Associate Professor of the Department of Operational Investigative Activities of the Department of Internal Affairs of the St. Petersburg University of the Ministry of Internal Affairs of Russia, Candidate of Legal Sciences, Associate Professor;

A. N. Litvinenko – Professor of the Department of Economic Security of the St. Petersburg University of the Ministry of Internal Affairs of Russia, Doctor of Economic Sciences, Professor;

S. V. Lavrenko – Employee of the Directorate of the Federal Security Service of Russia for St. Petersburg and the Leningrad Region, Candidate of Economic Sciences.

Вклад авторов

М. Л. Родичев – анализ полученных данных, определение и формулировка выводов;

А. Н. Литвиненко – обоснование концепции исследования, утверждение версии для публикации;

С. В. Лавренко – сбор и анализ эмпирических данных.

Contribution of the authors

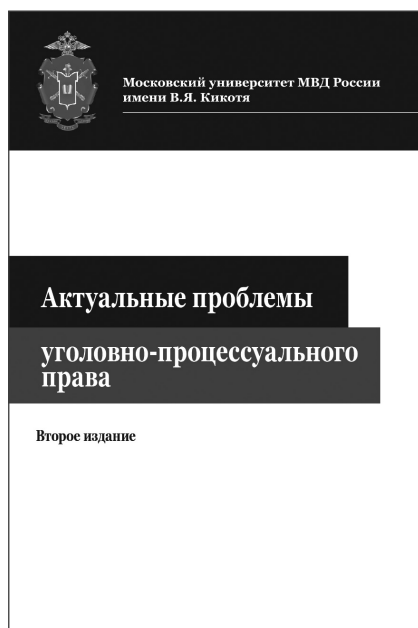
M. L. Rodichev – analysis of the data obtained, definition and formulation of conclusions;

A. N. Litvinenko – substantiation of the research concept, approval of the publication version;

S. V. Lavrenko – collection of empirical data.

Статья поступила в редакцию 24.01.2025; одобрена после рецензирования 17.03.2025; принята к публикации 07.04.2025.

The article was submitted 24.01.2025; approved after reviewing 17.03.2025; accepted for publication 07.04.2025.

Актуальные проблемы уголовно-процессуального права. Учебное пособие. Под ред. О. В. Химичевой, О. В. Мичуриной. 304 с. Гриф МУМЦ «Профессиональный учебник». Гриф НИИ образования и науки.

Курс лекций подготовлен в соответствии с Федеральным государственным образовательным стандартом высшего профессионального образования для обучающихся по направлению подготовки Юриспруденция, квалификации магистр. Цель пособия – выделить наиболее актуальные в теоретическом и практическом плане проблемы, требующие более глубокого изучения в отдельном учебном курсе.

Для слушателей (студентов), адъюнктов (аспирантов) и преподавателей образовательных организаций, осуществляющих обучение по направлениям подготовки (специальностям), входящим в укрупненную группу направлений подготовки (специальностей) Юриспруденция, а также для всех интересующихся проблемами уголовного судопроизводства.

Научная статья

УДК 34

<https://doi.org/10.24412/2414-3995-2025-2-130-135>

EDN: <https://elibrary.ru/ermsub>

ИПОН: 2015-0066-2/25-227

MOSURED: 77/27-011-2025-02-426

Двойные стандарты законодателя: легализация манипулирования процессуальными сроками

Александр Александрович Сумин¹, Кристина Юрьевна Яковлева²

^{1,2} Московский университет МВД России имени В.Я. Кикотя, Москва, Россия

¹ kafedra2002@gmail.com

² kristina15.03.1998@yandex.ru

Аннотация. Проанализированы основные проблемы, связанные с исчислением процессуальных сроков, с процессуальными сроками дополнительной проверки сообщения о преступлении по отмененным постановлениям о возбуждении уголовного дела или об отказе в возбуждении уголовного дела. Также, исследован срок дополнительного расследования, когда такое решение принимает прокурор или руководитель следственного органа. Обоснована необходимость дальнейшего исследования корректности количества возвращений уголовного дела для дополнительного расследования. Вместе с тем, проанализирован срок давности уголовного преследования. Также, особое внимание уделено новому процессуальному сроку, который считается после истечения срока давности уголовного преследования при наличии или отсутствии возражений лица, в отношении которого ведется производство по уголовному делу, в вопросе прекращения уголовного преследования по основанию истечения сроков давности уголовного преследования.

Ключевые слова: процессуальные сроки, разумный срок уголовного судопроизводства, дополнительное предварительное расследование, сроки давности уголовного преследования

Для цитирования: Сумин А. А., Яковлева К. Ю. Двойные стандарты законодателя: легализация манипулирования процессуальными сроками // Вестник экономической безопасности. 2025. № 2. С. 130–135. <https://doi.org/10.24412/2414-3995-2025-2-130-135>. EDN: ERMSUB.

Original article

Double standards of the legislator: legalization of manipulation of procedural deadlines

Alexander A. Sumin¹, Kristina Yu. Yakovleva²

^{1,2} Moscow University of the Ministry of Internal Affairs of Russia named after V.Ya. Kikot', Moscow, Russia

¹ kafedra2002@gmail.com

² kristina15.03.1998@yandex.ru

Abstract. The main problems are analyzed related to the calculation of procedural time limits, with the procedural time limits for additional verification of a crime report on cancelled decisions on the initiation of criminal proceedings or on the refusal to initiate criminal proceedings. Also, the term of the additional investigation has been investigated, when such a decision is made by the prosecutor or the head of the investigative body. The necessity of further investigation of the correctness of the number of returns of the criminal case for additional investigation is substantiated. At the same time, the statute of limitations for criminal prosecution has been analyzed. Also, special attention is paid to the new procedural deadline, which is considered after the expiration of the statute of limitations for criminal prosecution, if there are or are no objections from the person against whom criminal proceedings are being conducted regarding the termination of criminal prosecution on the grounds of the expiration of the statute of limitations for criminal prosecution.

Keywords: procedural time limits, reasonable time for criminal proceedings, additional preliminary investigation, limitation period for criminal prosecution

For citation: Sumin A. A., Yakovleva K. Yu. Double standards of the legislator: legalization of manipulation of procedural deadlines. Bulletin of economic security. 2025;(2):130–5. (In Russ.). <https://doi.org/10.24412/2414-3995-2025-2-130-135>. EDN: ERMSUB.

© Сумин А. А., Яковлева К. Ю., 2025

Включение процессуальных сроков в уголовно-процессуальное законодательство явилось очередной правовой гарантией доступа заинтересованных физических и юридических лиц к справедливому правосудию и данное обстоятельство можно оценить исключительно в положительном аспекте.

Основная сущность понятия «процессуальный срок» уголовного процесса заключается в том, что «это период времени, установленный уголовно-процессуальным законом, для принятия решений и совершения процессуальных действий на определенной стадии уголовного судопроизводства» [6, с. 217].

Глава 17 УПК России содержит общие уголовно-процессуальные нормы, которые регулируют в порядке основных правил установления сроков в уголовном процессе.

К основным процессам, которые осуществляются с процессуальными сроками, относятся исчисление, соблюдение, продление и восстановление пропущенного срока.

В общей норме уголовно-процессуального закона установлены следующие виды процессуальных сроков: часы, сутки, месяцы (ч. 1 ст. 128 УПК России). Однако в ст. 6.1, 214, 326, 400, 401.6, 414, 432 УПК России можно встретить такой процессуальный срок – год. Следует сказать, что срок год не входит в общие правила исчисления сроков, а соответственно является исключительным сроком. По количеству статей и регламентации их уголовно-процессуальной деятельности нормы делятся на сроки в досудебном производстве – всего две нормы (ст. 6.1 и 214 УПК России) и остальные нормы на судебном производстве совместно с принципом уголовного процесса – разумным сроком.

Принцип разумного срока уголовного судопроизводства является относительно молодым по отношению к другим принципам – начало его действия датируется с 2010 г. Однако его необходимость важна для уголовного процесса, так как уголовно-процессуальная деятельность напрямую зависит от разных видов сроков, закрепленных в УПК России. Разумный срок – это тот принцип, которому должно соответствовать производство по уголовному делу, а также тот который отсекает подсчет времени, которое тратится на организационную сторону работы правоохранительных органов.

В уголовно-процессуальное право предлагается классификация процессуальных сроков:

- 1) по способу измерения периода времени: часы, сутки, месяцы;
- 2) по длительности: сроки-моменты (немедленно, незамедлительно), сроки-периоды (часы, сутки, месяцы) [6, с. 218];
- 3) по видам уголовно-процессуальной деятельности: делопроизводственные и процессуальные;
- 3) по способу определения срока: период времени, конкретное событие, календарная дата [7, с. 139–140];
- 4) по способу определения сроков-периодов: определенные (часы, сутки, месяца) и неопределенные

(с момента наступления одного юридического факта до момента наступления другого).

В общих правилах подсчета процессуальных сроков не указано о возможностях перевода сроков одних в другие. Например, отсутствуют правила перевода срока в виде суток (например, 30) в такой вид срока как 1 месяц, или срок в виде 24 часов – в 1 сутки. В результате, дискуссионным остается правильность порядка перевода одних видов сроков в другие виды. Необходимость в этом аргументируется наличием уголовно-процессуальных сроков, которые сначала исчисляются одним видом срока, а затем другим. Например, срок производства дознания исчисляется сначала сутками, а затем месяцами.

Дискуссионным является уголовно-процессуальный срок, как незамедлительно и немедленно. Эфемерность таких сроков ставит в затруднительные положения правоприменителя в силу отсутствия математической точности начала и конца данного срока. В ныне действующем уголовно-процессуальном законе предлагается понимать срок «немедленно» и «незамедлительно» синонимичными.

Правоприменители, реализуя процессуальный срок незамедлительно или немедленно, как правило, придерживаются единицы отсчета исчисляемого срока. Реализация такого понимания осуществляется следующим образом: если срок исчисляется часами, то незамедлительно – это первый час, если сутками, то первые сутки.

На примере срока незамедлительного признания лица потерпевшим, согласно ч. 1 ст. 42 УПК России, незамедлительностью следует считать те сутки, в которых принято решение о возбуждении уголовного дела. Законодателем детализирована данная незамедлительность, которая указана, что именно «с момента» принятия решения. В результате, незамедлительным моментом считается единица измерения того вида исчисления процессуального срока, который считается по тому или иному факту, возникающему в процессе расследования по уголовному делу.

Вместе с тем, законодатель по неизвестной причине не счит возможным принять должные меры к устранению юридических «лазеек», наличие которых, вопреки известной теории «равенства процессуального оружия» обвинения и защиты, выгодно только стороне обвинения, и это неоднократно ранее отмечалось в юридических публикациях.

Научному исследованию подвергнуты некоторые существующие сроки, т. е. временные рамки в уголовном процессе, как с момента создания ныне действующего уголовно-процессуального закона, так и новообразовавшиеся, в силу крайней необходимости для рациональной и эффективной реализации институтов уголовно-процессуального права, которые прямо или косвенно зависят от установленных процессуальных сроков.

Речь идет о следующих сроках в уголовном процессе и их законодательном закреплении:

1) дополнительной проверки сообщения о преступлении по отмененным постановлениям о возбуждении уголовного дела или об отказе в возбуждении уголовного дела;

2) проверки сообщения о преступлении органом предварительного расследования, в который такое сообщение направлено по подследственности;

3) дополнительного расследования по решению прокурора или руководителя следственного органа;

4) производства по уголовному делу в связи с истечением срока давности уголовного преследования, к тому же с учетом наличия возражений подозреваемого (обвиняемого) против прекращения уголовного преследования по основанию истечения сроков давности уголовного преследования.

По отмененному прокурором постановлению дознавателя, органа дознания об отмене постановления об отказе в возбуждении уголовного дела срок дополнительной проверки устанавливает прокурор (ч. 6 ст. 148 УПК России). При отмене прокурором аналогичного постановления следователя или руководителя следственного органа срок дополнительной проверки устанавливает руководитель следственного органа. Такой же порядок установлен и на тот случай, когда руководитель соответствующего следственного органа отменяет незаконное постановление руководителя следственного органа или следователя об отказе в возбуждении уголовного дела.

В результате, отсутствие предельно допустимого срока дополнительной проверки сообщения о преступлении после отмены постановления о возбуждении уголовного дела или об отказе в возбуждении уголовного дела и максимально возможного количества такого рода отмен и возвращений материала для дополнительной проверки порождает возможность субъектов, указанных в ч. 1 ст. 144 УПК России, затягивать принятие законного и обоснованного процессуального решения до нескольких месяцев, а в некоторых случаях на год и более, что невозможно оценить иначе, как не только нарушение разумных сроков уголовного процесса, но и как ограничение права заинтересованных лиц на доступ к справедливому правосудию.

Правовая неопределенность присутствует в сроке проверки сообщения о преступлении 3, 10 суток, а в исключительных случаях – до 30 суток. Указанные уголовно-процессуальные действия предусмотрены ч. 3 ст. 144 УПК России, например, назначение судебной экспертизы.

Вместе с тем, ст. 144 УПК России не включила оговорку о возможности дальнейшего продления этих процессуальных сроков.

Однако правоприменителями создан и функционирует искусственный механизм продления срока проверки сообщения о преступлении свыше 30 суток, рассмотрим его.

Если назначена экспертиза и не получено заключение эксперта до момента истечения срока данной про-

верки, то управомоченный субъект принимает решение об отказе в возбуждении уголовного дела. В сутки после принятия данного решения в следствии, руководитель следственного органа своим постановлением отменяет решение следователя об отказе в возбуждении уголовного дела в связи с отсутствием экспертизы. Также, руководитель следственного органа устанавливает срок дополнительной проверки сообщения о преступлении до 30 суток.

Что касается дознания, то в тождественном правовом положении в указанный выше механизм вместо руководителя следственного органа выступает прокурор. Также, срок дополнительной проверки прокурор устанавливает до 10 суток, и возможно дальнейшее продление до 30 суток с учетом включения этих 10 суток.

Рассмотренный искусственный механизм продления срока рассмотрения сообщения о преступлении может реализоваться пока не истечет срок давности преступления.

В результате, данный вопрос является дискуссионным и неурегулированным в уголовно-процессуальном законе.

Наконец, за время круговорота решений по сообщению о преступлении возрастает риск невозможной утраты возможности собирания доказательств, если же решение по уголовному делу все же будет принято решение о возбуждении уголовного дела.

Еще одна правовая неопределенность связана с тем, что предусматривающей принятие процессуального решения о направлении сообщения о преступлении по подследственности (п. 3 ч. 1 ст. 147 УПК России).

Однако особо не вдаемся в подробный анализ дискуссионного вопроса о юридической корректности применения на первой (фильтровой) стадии уголовного процесса института подследственности, когда еще неизвестен предмет доказывания по уголовному делу. Ведь вопрос о подследственности является одним из общих условий предварительного расследования. Отметим, что законодатель не считал необходимым указать, учитывается ли при исчислении срока проверки сообщения о преступлении органом предварительного расследования срок, в который такое сообщение первоначально поступило.

С 2019 г. ст. 144 УПК России дополнена ч. 4, которая определяет срок принятия решения прокурором о передаче по подследственности до истечения 3 суток, где срок исчисления отсчитывается с момента получения прокурором постановления о передаче сообщения по подследственности, которое вынесено уполномоченным субъектом на принятия решения о поступившем сообщении о преступлении (п. 3 ч. 1 ст. 145 УПК России).

Таким образом, общий срок проверки сообщения и принятия процессуального решения может быть затянут на неопределенное время путем принятия однократных

необоснованных решений о направлении сообщения о преступлении по подследственности.

Однако тому уполномоченному субъекту, который рассматривал один из повод для возбуждения уголовного дела с целью поиска признаков преступления, необходимо сохранить следы преступления (ч. 3 ст. 145 УПК России).

Однотипная ситуация, когда дополнительное предварительное расследование устанавливает прокурор сроком до одного месяца с момента получения следователем уголовного дела. При этом делается оговорка о том, что такой процессуальный срок устанавливается без учета того, какое количество раз принималось решение о возобновлении, прекращении, возвращении для производства дополнительного следствия, и не зависит от уже имеющегося срока предварительного следствия. Лишь по истечении «дополнительного» месячного срока дальнейший процессуальный срок предварительного расследования продлевается «на общих основаниях».

Таким образом, как и в случаях круга «отказ-отмена-отказ-отмена...» срок предварительного следствия в рамках закона (!) можно затягивать *ad infinitum*, запустив круг принятия незаконных или необоснованных процессуальных решений и их последующих отмен, учитывая при этом лишь сроки давности и необходимость продления срока мер пресечения, избираемых судом.

Признавая в целом положения ст. 148 УПК России и вытекающее из них право прокурора на неоднократную отмену незаконных постановлений об отказе в возбуждении уголовного дела, констатируется, что продолжительное установление оснований для возбуждения уголовного дела, прерывания и возобновления проверки по заявлению и другим поводам для возбуждения уголовного дела о преступлении, приводит к нарушению разумного срока рассмотрения уголовного дела и ограничению доступа потерпевших к правосудию [3]. На настоящий день законодатель так и не предусмотрел правовой барьер на пути злоупотребления правом со стороны субъектов проверки сообщения о преступлении.

Что касается проблемы, связанной с порядком установления и продления срока при возвращении прокурором уголовного дела для производства дополнительного предварительного расследования, то неоднократные производства дополнительного следствия, приостановление или прекращение уголовного дела по одним и тем же основаниям свидетельствуют о злоупотреблении правом [1]. И опять же законодателем не предприняты никакие правовые меры для обеспечения дополнительных гарантий.

В связи с рассматриваемым аспектом представляется необходимым отметить, что, например, ст. 175 Уголовно-процессуального кодекса Китайской Народной Республики [2; 5] (УПК КНР) запрещает возвращать уголовное дело для дополнительного расследования более двух раз.

Полагается, что китайский подход возник не безосновательно: при производстве предварительного расследования с соблюдением всех уголовно-процессуальных правил и криминалистических методик «двойное» дополнительное расследование более чем достаточно для устранения любых недостатков.

Вдаваясь в подробности исчисления нового процессуального срока производства по уголовному делу с 2023 г., установили, что при наличии возражений лица против прекращения уголовного преследования по основанию истечения сроков давности уголовного преследования, производство по уголовному делу продолжается в обычном порядке, если уголовное дело не передано в суд или не прекращено по иному основанию.

По истечении срока уголовное преследование подлежит прекращению по основанию непричастности лица к совершению преступления (ч. 2.2 ст. 27 УПК России).

Сроки прекращения уголовного преследования в процессе производства предварительного расследования с момента истечения сроков давности уголовного преследования в отношении лица, подозреваемого (обвиняемого) в совершении преступления зависят от категорий преступлений: 2, 3, 12 месяцев в зависимости от категории преступления.

С точки зрения теории уголовно-процессуального и уголовного права, данный факт не совсем правильный. Ведь лицо причастно к преступлению, однако потеря правоохранительными органами установленных процессуальных сроков по различным обстоятельствам позволяет лицу, мало того, что избежать уголовной ответственности, так к тому же быть еще и реабилитированными.

Важным судьбоносным моментом является тот факт, что по истечении срока давности лицо должно быть именно освобождено от уголовной ответственности.

Вроде бы законодатель данный вопрос урегулировал, однако осталась неразрешенная правовая ситуация, когда лицо неизвестно, т. е. не установлено.

В результате, после истечения сроков давности уголовного преследования и после истечения сроков предварительного расследования с момента истечения сроков давности уголовного преследования (п. 2.2 ст. 27 УПК России) отсутствие лица не позволяет установить факт его согласия или несогласия прекращения уголовного дела по нереабилитирующему основанию – истечение срока давности уголовного преследования.

В силу того, что если осуществляется уголовное преследование в отношении лица (подозреваемый, обвиняемый), то данное лицо, зная о возможности быть реабилитированным по определенным основаниям, то есть получить возмещение вреда, причиненного в результате незаконного или необоснованного уголовного преследования, то он может воспользоваться данной ситуацией (п. 35 ст. 5 УПК России).

В таком случае по окончании срока давности по ст. 78 УК России уголовное преследование в отношении лица прекращается.

По истечении всех сроков – срока давности по уголовному делу и срока после срока давности, лицо все же может заявить, что несогласно с тем, что уголовное преследование в отношении него прекращено по нереабилитирующему основанию.

Также, тождественная ситуация может сложиться в уголовном деле, по которому предварительное расследование приостановленного по основанию – известно, где подозреваемый (обвиняемый) находится, но он не может участвовать в уголовном деле (п. 3 ч. 1 ст. 208 УПК России). Например, когда данное лицо находится в государствах, с которыми у России отсутствуют международные договоры и соглашения. В результате, лицо может возвратиться после истечения всех сроков, и к тому же избежать уголовной ответственности, да еще и по реабилитирующему основанию.

В результате, данный механизм не совсем совершен. Нами сформулировано наиболее эффективное предложение по совершенствованию уголовно-процессуальной деятельности: истечение срока предварительного расследования по окончании сроков давности уголовного преследования следует исчислять с момента установления у лица, совершившего преступление, согласия или несогласия прекращения уголовного преследования по нереабилитирующему основанию. По результату фиксации данного факта вполне рациональный механизм начала истечения этого нового процессуального срока по уголовному делу.

Действительно ли, что правовая регламентация, закрепленная в ныне действующем уголовно-процессуальном законе, обеспечивает правильный порядок по реализации процессуальных сроков в уголовном процессе?!

Cui bono?

Библиографический список

1. Обзор практики Конституционного Суда Российской Федерации за третий и четвертый кварталы 2015 г. // URL: https://www.ksrf.ru/ru/Decision/Generalization/Documents/Information_3_4_2015.pdf/
2. Официальный сайт Правительства КНР // URL: https://www.gov.cn/flfg/2012-03/17/content_2094354.htm/ (кит. яз.).
3. Определение Конституционного Суда Российской Федерации от 17 октября 2006 г. № 425-О «Об отказе в принятии к рассмотрению жалобы гражданки Запорожец Ларисы Михайловны на нарушение ее конституционных прав частью шестой статьи 148 Уголовно-процессуального кодекса Российской Федера-

ции» // URL: <http://doc.ksrf.ru/decision/KSRFDecision15447.pdf/>

4. Сумин А. А., Химичева О. В., Андреев А. В. Процессуальный контроль руководителя следственного органа. Актуальные теоретико-правовые проблемы : учебное пособие для студентов вузов, обучающихся по направлению подготовки «Юриспруденция». М. : ЮНИТИ-ДАНА, 2021.

5. Сумин А. А. Введение в современный уголовный процесс Китайской Народной Республики / А. А. Сумин, О. В. Химичева. М. : Издательский дом «Юрлитинформ», 2024. 408 с.

6. Уголовный процесс. Схемы и таблицы : учебник / под ред. О. В. Химичевой, Н. В. Угольниковой. М. : Эксмо, 2023. 688 с. (Новая школа права).

7. Калиновский К. Б. Процессуальные сроки в уголовном судопроизводстве и их регламентация по Уголовно-процессуальному кодексу Российской Федерации // Ленинградский юридический журнал. 2005. № 2 (3). С. 139–145.

Bibliographic list

1. Review of the practice of the Constitutional Court of the Russian Federation for the third and fourth quarters of 2015 // URL: https://www.ksrf.ru/ru/Decision/Generalization/Documents/Information_3_4_2015.pdf/
2. The official website of the Government of the People's Republic of China // URL: https://www.gov.cn/flfg/2012-03/17/content_2094354.htm/
3. Ruling of the Constitutional Court of the Russian Federation of October 17, 2006 № 425-O «On the refusal to accept for consideration the complaint of citizen Larisa Mikhailovna Zaporozhets regarding the violation of her constitutional rights by part six of Article 148 of the Criminal Procedure Code of the Russian Federation» // URL: <http://doc.ksrf.ru/decision/KSRFDecision15447.pdf/>
4. Sumin A. A., Khimicheva O. V., Andreev A. V. Procedural control of the head of the investigative body. Actual theoretical and legal problems: a manual for university students studying in the field of Law. M. : UNITY-DANA, 2021.
5. Sumin A. A. Introduction to the modern criminal process of the People's Republic of China / A. A. Sumin, O. V. Khimicheva. M. : Yurlitinform Publishing House, 2024. 408 p.
6. Criminal proceedings. Diagrams and tables : textbook / edited by O. V. Khimicheva, N. V. Ugolnikova. M. : Eksmo, 2023. 688 p. (New School of Law).
7. Kalinovskiy K. B. Procedural terms in criminal proceedings and their regulation under the Criminal Procedure Code of the Russian Federation // Leningrad Law Journal. 2005. № 2 (3). P. 139–145.

Информация об авторах

А. А. Сумин – профессор кафедры уголовного процесса Московского университета МВД России имени В.Я. Кикотя, доктор юридических наук, профессор;

К. Ю. Яковлева – преподаватель кафедры уголовного процесса Московского университета МВД России имени В.Я. Кикотя, кандидат юридических наук.

Information about the author

A. A. Sumin – Professor of the Department of Criminal Procedure of the Moscow University of the Ministry of Internal Affairs of Russia named after V.Ya. Kikot', Doctor of Legal Sciences, Professor;

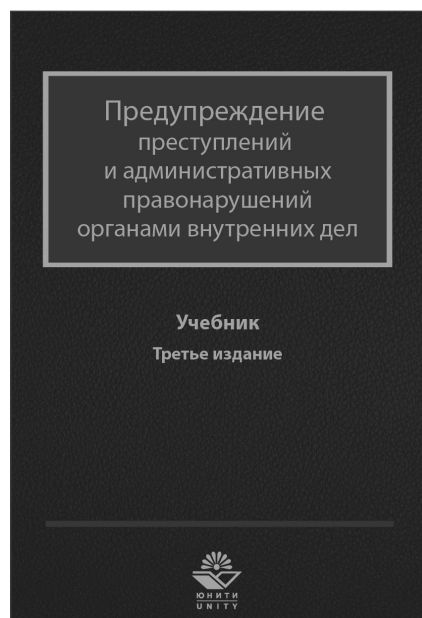
K. Yu. Yakovleva – Lecturer of the Department of Criminal Procedure of the Moscow University of the Ministry of Internal Affairs of Russia named after V.Ya. Kikot', Candidate of Legal Sciences.

Вклад авторов: все авторы сделали эквивалентный вклад в подготовку публикации. Авторы заявляют об отсутствии конфликта интересов.

Contribution of the authors: the authors contributed equally to this article. The authors declare no conflicts of interests.

Статья поступила в редакцию 27.02.2025; одобрена после рецензирования 24.03.2025; принята к публикации 07.04.2025.

The article was submitted 27.02.2025; approved after reviewing 24.03.2025; accepted for publication 07.04.2025.

Предупреждение преступлений и административных правонарушений органами внутренних дел. Под ред. В. Я. Кикотя, С. Я. Лебедева. Учебник. 3-е изд., перераб. и доп. 639 с. Гриф УМЦ «Профессиональный учебник». Гриф НИИ образования и науки.

Раскрыты основные теоретические и практические положения организации и осуществления деятельности органов внутренних дел по предупреждению преступлений и административных правонарушений.

Показаны ее правовые, организационные и тактические основы, вопросы предотвращения, профилактики и пресечения противоправных деяний, входящие в предупредительную компетенцию органов внутренних дел. Определена полицейская специфика общей, индивидуальной и виктимологической профилактики правонарушений.

Особое внимание уделено предупреждению полицией преступлений и административных правонарушений несовершеннолетних; насильственных преступлений против личности; правонарушений в сфере экономики; рецидивной, профессиональной и организованной преступности; террористической и экстремистской преступной деятельности; преступлений и правонарушений, связанных с оборотом наркотических средств и психотропных веществ, с незаконным оборотом оружия, с миграционными процессами; преступлений и правонарушений коррупционной направленности; дорожно-транспортных правонарушений и др.

Дана оценка перспективам развития ведомственной системы предупреждения преступлений и административных правонарушений, обоснованы стратегические направления предупредительной деятельности ОВД.

Для курсантов, слушателей, адъюнктов и преподавателей образовательных учреждений МВД России, студентов, аспирантов и преподавателей юридических образовательных учреждений, практических работников правоохранительных органов.

Научная статья

УДК 342.413/.31

<https://doi.org/10.24412/2414-3995-2025-2-136-140>

EDN: <https://elibrary.ru/etfjko>

НИОН: 2015-0066-2/25-228

MOSURED: 77/27-011-2025-02-427

Некоторые аспекты правовой защиты русского языка как государственного языка

Светлана Евгеньевна Титор

Государственный университет управления, Москва, Россия,
setitor@mail.ru

Аннотация. Проведен анализ мер правового регулирования русского языка как государственного языка, как во внутренней, так и во внешней политике. До настоящего исследования защита русского языка в правовом аспекте изучалась только с позиции последних изменений законодательства в части ограничения засилья русского языка иностранными заимствованиями. Но русский язык, как одна из традиционных российских духовно-нравственных ценностей, призван способствовать формированию и укреплению гражданской идентичности. По результатам исследования предложены меры по актуализации действующего законодательства.

Ключевые слова: гражданская идентичность, защита русского языка, соотечественники, национально-культурная автономия, механизмы защиты русского языка

Для цитирования: Титор С. Е. Некоторые аспекты правовой защиты русского языка как государственного языка // Вестник экономической безопасности. 2025. № 2. С. 136–140. <https://doi.org/10.24412/2414-3995-2025-2-136-140>. EDN: ETFJKO.

Original article

Some aspects of the legal protection of the Russian language as the state language

Svetlana E. Titor

State University of Management, Moscow, Russia,
setitor@mail.ru

Abstract. The measures of legal regulation of the Russian language as the official language in both domestic and foreign policy are being analyzed. Russian language protection in the legal aspect has been studied only from the perspective of recent legislative changes in terms of limiting the dominance of the Russian language by foreign borrowings. But the Russian language, as one of the traditional Russian spiritual and moral values, is designed to contribute to the formation and strengthening of civic identity. According to the results of the study, measures are proposed to update the current legislation.

Keywords: civil identity, protection of the Russian language, compatriots, national and cultural autonomy, mechanisms for the protection of the Russian language

For citation: Titor S. E. Some aspects of the legal protection of the Russian language as the state language. Bulletin of economic security. 2025;(2):136–40. (In Russ.). <https://doi.org/10.24412/2414-3995-2025-2-136-140>. EDN: ETFJKO.

Недружественными странами предпринимаются попытки разжигания межнациональной розни внутри нашего государства. В этой связи наиболее важным, становится защита русского языка как государственного языка и языка межнационального общения.

«Забота о русском языке и рост влияния российской культуры – это важнейший социальный и политический вопрос» – Путин В. В. [9].

Русский язык является одной из основных составляющих Российской государственности. Политика в области поддержки и защиты русского языка является важнейшим фактором, обеспечивающим состояние национальной безопасности, включая ее духовно-нравственный аспект. Кризис языковой политики неотвратимо приведет к кризису нравственности [1; 2]. Русский язык играет огромную роль в объединении многонаци-

© Титор С. Е., 2025

онального народа России, формировании общенациональной культуры и гражданской идентичности [3].

Справедливая и эффективная языковая политика должны быть тесно связана с социально-экономическими, политическими, историческими условиями страны. Неблагополучно проведенная языковая политика грозит духовной деградацией личности, всего народа и государства в целом.

Защита русского языка должна осуществляться как в пределах внутренней политики, так и внешней политики.

Политика защиты русского языка в системе национальной безопасности называют лингвистической (языковой) безопасностью [4]. Говоря о защите русского языка, авторы упоминают лишь защиту от необоснованно употребляемых иностранных заимствований [4; 5; 6]. Изменения в закон о русском языке были внесены именно в таком ракурсе [10]. На наш взгляд, защита русского языка должна быть направлена на укрепление гражданского единства, общероссийской гражданской идентичности, межнационального и межконфессионального согласия и единства, а так же защиты традиционных российских духовно-нравственных ценностей.

В этих целях предлагается усилить акцент на необходимость сохранения гражданской идентичности и определить ответственность национально-этнических объединений, проживающих на территории России, в части уважения русского языка как государственного и уважение российских духовно-нравственных ценностей.

В Федеральный закон от 17 июня 1996 г. № 74-ФЗ «О национально-культурной автономии» [11] предлагается внести следующие изменения:

- в статью 2 «Принципы национально-культурной автономии» добавить принцип: «уважение русского языка как государственного, уважение традиционных российских духовно-нравственных ценностей»;

- в статью 6 «Порядок образования, государственной регистрации, реорганизации и (или) ликвидации национально-культурной автономии» внести часть 15 (абзац) следующего содержания:

«Национально-культурная автономия может быть ликвидирована по решению суда в случае проявления в процессе своей деятельности неуважения к традиционным российским духовно-нравственным ценностям. Заявление в суд о ликвидации национально-культурной автономии вносится Генеральным прокурором Российской Федерации, прокурорами субъектов Российской Федерации».

Предлагается также определить принципы поддержки этнических групп и малых народностей с учетом их национальных особенностей и традиционных российских духовно-нравственных ценностей, усилить ответственность их объединений. В этой связи в Федеральный закон от 30 апреля 1999 г. № 82-ФЗ «О гарантиях прав коренных малочисленных народов Рос-

сийской Федерации» предлагается внести следующие изменения:

- дополнить закон статьей 3.1. «Принципы поддержки коренных малочисленных народов Российской Федерации» следующего содержания:

«Поддержка самобытного социально-экономического и культурного развития коренных малочисленных народов Российской Федерации, защиты их исконной среды обитания, традиционного образа жизни, хозяйственной деятельности и промыслов основывается на принципах:

свободного волеизъявления граждан при отнесении себя к коренным малочисленным народам Российской Федерации;

самоорганизации и самоуправления;

многообразия форм территориального общественного самоуправления;

сочетания общественной инициативы с государственной поддержкой;

уважения языка, культуры, традиций и обычаев граждан различных этнических общностей;

уважение русского языка как государственного, уважение российских традиционных духовно-нравственных ценностей;

законности»;

- дополнить закон статьей 11.1 «Обязанности лиц, относящихся к малочисленным народам, и их территориальных общественных органов самоуправления» следующего содержания:

«Лица, относящиеся к малочисленным народам, равно как и их территориальные общественные органы самоуправления обязаны в процессе своей деятельности наряду с развитием этнических ценностей, сохранять и укреплять традиционные российские духовно-нравственные ценности»;

- в пункт 2 статья 22 «Ликвидация общин малочисленных народов, союзов (ассоциаций) общин малочисленных народов» внести дополнительное основание для ликвидации: «Общины малочисленных народов, союзы (ассоциации) общин малочисленных народов могут быть ликвидированы по решению суда в случае проявления в процессе своей деятельности неуважения к общероссийским традиционным духовно-нравственным ценностям. Заявление в суд о ликвидации Общин малочисленных народов, союзов (ассоциаций) общин малочисленных народов вносится Генеральным прокурором Российской Федерации, прокурорами субъектов Российской Федерации».

Федеральные законы «О государственном языке Российской Федерации» и «О языках народов Российской Федерации» не регулируют его защиту за рубежом. Полагаем целесообразным закрепить в законодательстве право и обязанность федеральных органов власти всесторонне предпринимать меры по защите русского языка за пределами Российской Федерации с использованием всевозможных механизмов «мирного» порядка [7].

Ситуация в области использования родного русского языка особенно усложнена для наших *соотечественников*, находящихся в других государствах, из-за несоблюдения международных обязательств. Так, например, в Конституции Украины гарантировалась защита русского языка. Однако в 2019 г. был принят закон об «Обеспечении функционирования украинского языка как государственного» [12], ограничивающий его использования в стране. С 2022 г. в Украине принимались нормативные правовые акты, устанавливающие запрет использования русского языка в образовательной и культурной сферах. После этого были закрыты кафедры преподавания русского языка, стали изыматься произведения российских писателей, а в 2023 г. в Киево-Могилянской Академии официально запретили использование русского языка для межличностного общения [13]. Все эти действия влекут нарушение прав русского населения, проживающего на территории Украины, что требует разработки мер их поддержки и защиты. Между тем, по различным данным в Украине проживает от 17 до 40 % русскоговорящего населения [14].

На необходимость защиты русского языка за рубежом также указывает недавно произошедший инцидент в обычной школе в Узбекистане. Ученик попросил учителя вести урок русского языка на русском языке в то время, как она вела его на узбекском. Недовольная учительница применила к ученику рукоприкладство за «недозволенное поведение с учителем». При этом, как утверждается в СМИ, учительница с негативом высказалась в отношении русскоговорящих граждан. По требованиям родителей ребенка были изъяты записи с камер наблюдения и проведено служебное расследование, в ходе которого учительница не отрицала своего заявления и не раскаялась в нем.

Инцидент дошел до государственных структур России, по результатам МИД России внес представление послу Узбекистана о недопустимости пропаганды ненависти к русскоязычному населению и к русскому языку. Со стороны узбекских властей последовала негативная реакция на это представление. Вице-спикер Парламента Узбекистана заявил, что притеснение русского языка связано с вымыванием поколения, которое говорило на нем. Более того, в достаточно недипломатичной форме чиновник заявил, чтобы Россия занималась своими проблемами, а не лезла в дела Узбекистана.

Аналогичный инцидент произошел в Румынии, где мужчина напал на русскую переводчицу, которая говорила по-русски со своей клиенткой около посольства США в Бухаресте [15].

Эти яркие примеры доказывают, что назрела необходимость активизации защиты русского языка за рубежом.

Специалисты отмечают [8] на опасную тенденцию сужения функционирования русского языка как государственного языка, как языка межнационального общения. Отчасти причиной тому является доминирование

английского языка – языка международного общения. Английский язык, увы, вытесняет русский даже в деловой переписке в торговле или предпринимательстве. Английский язык используется на вывесках, табличках, этикетках, рекламах и т. д. С развитием интернета английский язык становится доминирующим в медиа и социальных сетях. Великобритания активно использует для навязывания своих ценностей посредством распространения английского языка, используя механизмы «мягкого права». Например, Великобритания в качестве механизма навязывания своего языка использует систему образования, открывая в Узбекистане и других государствах СНГ англоговорящие школы, где запрещено говорить на русском языке [16]. Регулярно проводятся Узбекско-британские образовательные форумы [17; 18], где обсуждается взаимное сотрудничество в области образования. Сотрудничество с Великобританией привело к тому, что планируется проверять качество образования по британским стандартам [19]. Планируется совместно с британской стороной разработать Национальный кодекс Узбекистана по качеству высшего образования. Великобритания активно принимает участие в реформировании системы образования Узбекистана [20]. Великобритания путем внедрения своих образовательных стандартов, подготовки специалистов в своих университетах и школах, направить их в Узбекистан для «трансформирования экономики мира, политики общества». Британское правительство тесно сотрудничает в этой области с Министерствами образования Узбекистана, и фактически помогли разработать положения реформы образования.

Одним из направлений внешней политики Российской Федерации является [21], в том числе поддержка и укрепление русского языка как языка международного общения, усиление русского языка в межгосударственном и международном общении, защита русского языка от дискриминации. При этом, принципы и задачи, закрепленные в законодательстве, не всегда подкрепляются механизмами их реализации, что приводит к их декларативной сущности.

Механизм «мягкой силы» вполне приемлем для защиты русского языка за рубежом. И такой механизм используется при заключении международных соглашений. Так, в Соглашении о строительстве, создании и функционировании международного образовательного центра для одаренных детей в Республике Таджикистан указано [22], что делопроизводство при проведении работ осуществляется на русском и таджикском языках. Однако полагаем, что необходимо предусмотреть в соглашении, что обучение в созданном совместно Россией и Таджикистаном центре будет осуществляться так же на русском и таджикском языках. Активную работу в реализации подобных проектов должен принимать специально созданный в целях популяризации русского языка Российский фонд «Русский мир» [23]. Фонд «Русский мир» совместно с ведущими образовательными структурами должен принимать участие в

формировании учебно-методической базы таких центров, как строящийся в Таджикистане. Причем, учебно-методические аспекты формирования программ обучения в совместно строящихся объектах образовательной структуры, полагаем, должны определяться на стадии соглашения о строительстве и дальнейшей их эксплуатации.

Имеющаяся нормативно-правовая база закрепляет задачи по защите русского языка, но не всегда определяет механизмы реализации такой защиты. Поддержим идею некоторых исследований о необходимости формирования отдельного правового акта по защите русского языка, причем как во внешней, так и во внутренней политике, – Концепции языковой политики Российской Федерации.

Список источников

1. Костюк М. Е. Государственная языковая политика и ее роль в механизме обеспечения национальной безопасности России : автореф. дис. ... канд. полит. наук. М., 2011.
2. Илишев И. Г. Язык и политика в многонациональных обществах : проблемы теории и практики : автореф. дис. ... докт. полит. наук. СПб., 2000.
3. Киянова О. Н. Русский язык как государственный язык Российской Федерации в современных условиях // Вестник Московского университета. Серия 9. Филология. № 2, 2016.
4. Алексеев К. В. Правовая защита русского языка от неоправданных заимствований иностранных слов в контексте языковой (лингвистической) безопасности // Русская филология и национальная культура. 2023. № 4 (9). С. 1–7.
5. Чернышов А. Р., Морозова С. В. Защита русского языка от чрезмерных иностранных заимствований. В сборнике : Материалы Всероссийской (национальной) научно-практической конференции с международным участием, посвященной 110-летию со дня рождения Ивана Сергеевича Кауричева. Материалы конференции. Калуга, 2024. С. 405–407.
6. Разумова М. А. Актуальные вопросы защиты русского языка в современном обществе. В сборнике : Актуальные вопросы устойчивого развития государства, общества и экономики. Сборник научных статей 2-й Всероссийской научно-практической конференции. Курск, 2023. С. 8–11.
7. Титор С. Е., Лактюшина К. К. Правовое регулирование вовлечения национально-культурных автономий в реализацию задач государственной национальной политики // Вестник экономической безопасности. 2024. № 1. С. 173–178.
8. Садыхова С. А. Г. Поддержка и защита русского языка в современном мире // Заметки ученого. 2023. № 8. С. 208–212.
9. Послание Президента Российской Федерации Федеральному Собранию Российской Федерации от 26 апреля 2007 г. // URL: <http://base.consultant.ru/>

10. Федеральный закон от 1 июня 2005 г. № 53-ФЗ «О государственном языке Российской Федерации» // URL: <http://base.consultant.ru/>

11. Федеральный закон от 17 июня 1996 г. № 74-ФЗ «О национально-культурной автономии» // URL: <http://base.consultant.ru/>

12. Закон Украины от 25 апреля 2019 г. № 2704-VIII Об обеспечении функционирования украинского языка как государственного // URL: https://online.zakon.kz/Document/?doc_id=33624660/

13. Как на Украине ограничивали использование русского языка // URL: <https://tass.ru/info/6433391/>

14. Эксперт: Украина скрывает информацию о численности русских, проживающих в стране // URL: <https://tass.ru/obschestvo/11373855/>

15. Житель Румынии напал на переводчицу из-за русской речи // URL: https://russian.rt.com/world/news/1377782-rumyniya-ssha-rech?utm_source=yxnews&utm_medium=mobile&utm_referrer=https%3A%2F%2Fdzen.ru%2Fnews%2Fstory%2F3c304c24-5121-5098-ac23-6c485e5589d8/

16. The British school of Tashkent // URL: <https://www.nordangliaeducation.com/ru/bst-tashkent/>

17. Узбекско-Британский образовательный форум 2024 // URL: <https://gov.uz/ru/edu/news/view/6831/>

18. Великобритания еще больше укрепила сотрудничество с Узбекистаном в сфере образования // URL: <https://vzglyad.uz/ru/post/2024/03/06/wiut?ysclid=m2x5b41xux624717221/>

19. Качество высшего образования Узбекистана будут проверять по английским стандартам // URL: <https://sng.today/tashkent/23633-kachestvo-vysshego-obrazovaniya-v-uzbekistane-budut-proverjat-po-anglijskim-standartam.html?ysclid=m2x53fi1tj120521892/>

20. Британия кардинально изменит систему образования в Узбекистане // URL: <https://rossaprimavera.ru/news/834f2f18?ysclid=m2x54qn3ed602076318/>

21. Указ Президента РФ от 31 марта 2023 г. № 229 «Об утверждении Концепции внешней политики Российской Федерации» // URL: <https://online.consultant.ru/>

22. Федеральный закон от 14 октября 2024 г. № 343-ФЗ «О ратификации Соглашения между Правительством Российской Федерации и Правительством Республики Таджикистан об условиях строительства, создания и функционирования международного образовательного центра для одаренных детей в Республике Таджикистан» // URL: <https://online.consultant.ru/>

23. Указ Президента РФ от 21 июня 2007 г. № 796 «О создании фонда «Русский мир» // URL: <https://online.consultant.ru/>

References

1. Kostyuk M. E. State language policy and its role in the mechanism of ensuring national security of Russia : abstract. ... cand. of political sciences. M., 2011.

2. Ilishevi. G. Language and politics in multinational societies : problems of theory and practice : abstract. ... Dr. polit. sciences. SPb., 2000.
3. Kiyanova O. N. Russian as the state language of the Russian Federation in modern conditions // Bulletin of the Moscow University. Series 9. Philology. № 2, 2016.
4. Alekseev K. V. Legal protection of the Russian language from unjustified borrowings of foreign words in the context of linguistic (linguistic) security // Russian Philology and National Culture. 2023. № 4 (9). P. 1–7.
5. Chernyshov A. R., Morozova S. V. Protection of the Russian language from excessive foreign borrowings. In the collection : Materials of the All-Russian (national) scientific and practical conference with international participation dedicated to the 110th anniversary of the birth of Ivan Sergeevich Kaurichev. Conference materials. Kaluga, 2024. P. 405–407.
6. Razumova M. A. Topical issues of the protection of the Russian language in modern society. In the collection : Topical issues of sustainable development of the state, society and economy. Collection of scientific articles of the 2nd All-Russian Scientific and Practical Conference. Kursk, 2023. P. 8–11.
7. Titor S. E., Laktyushina K. K. Legal regulation of the involvement of national cultural autonomies in the implementation of tasks of the state national policy // Bulletin of economic security. 2024. № 1. P. 173–178.
8. Sadikhova S. A. G. Support and protection of the Russian language in the modern world // The scientist's notes. 2023. № 8. P. 208–212.
9. Message of the President of the Russian Federation to the Federal Assembly of the Russian Federation dated April 26, 2007 // URL: <http://base.consultant.ru/>
10. Federal Law № 53-FZ of June 1, 2005 «On the State Language of the Russian Federation» // URL: <http://base.consultant.ru/>
11. Federal Law № 74-FZ of June 17, 1996 «On National and Cultural Autonomy» // URL: <http://base.consultant.ru/>
12. The Law of Ukraine of April 25, 2019 № 2704-VIII On Ensuring the Functioning of the Ukrainian language as the State language // URL: https://online.zakon.kz/Document/?doc_id=33624660/
13. How the use of the Russian language was restricted in Ukraine // URL: <https://tass.ru/info/6433391/>
14. Expert: Ukraine hides information about the number of Russians living in the country // URL: <https://tass.ru/obschestvo/11373855/>
15. A Romanian resident attacked a translator because of his Russian speech // URL: https://russian.rt.com/world/news/1377782-rumyniya-ssha-rech?utm_source=yxnews&utm_medium=mobile&utm_referrer=https%3A%2F%2Fdzen.ru%2Fnews%2Fstory%2F3c304c24-5121-5098-ac23-6c485e5589d8/
16. The British school of Tashkent // URL: <https://www.nordangliaeducation.com/ru/bst-tashkent/>
17. Uzbek-British Educational Forum 2024 // URL: <https://gov.uz/ru/edu/news/view/6831/>
18. The UK has further strengthened cooperation with Uzbekistan in the field of education // URL: <https://vzglyad.uz/ru/post/2024/03/06/wiut?ysclid=m2x5b41xux624717221/>
19. The quality of higher education in Uzbekistan will be checked according to English standards // URL: <https://sng.today/tashkent/23633-kachestvo-vysshego-obrazovaniya-v-uzbekistane-budut-proverjat-po-anglijskim-standartam.html?ysclid=m2x53f1tj120521892/>
20. Britain will radically change the education system in Uzbekistan // URL: <https://rossaprimavera.ru/news/834f2f18?ysclid=m2x54qn3ed602076318/>
21. Decree of the President of the Russian Federation of March 31, 2023 № 229 «On Approval of the Concept of Foreign Policy of the Russian Federation» // URL: <https://online.consultant.ru/>
22. Federal Law № 343-FZ of October 14, 2024 «On ratification of the Agreement between the Government of the Russian Federation and the Government of the Republic of Tajikistan on the conditions for the construction, establishment and operation of an international educational center for gifted children in the Republic of Tajikistan» // URL: <https://online.consultant.ru/>
23. Decree of the President of the Russian Federation of June 21, 2007 № 796 «About the creation of the Russian World Foundation» // URL: <https://online.consultant.ru/>

Информация об авторе

С. Е. Титор – кандидат юридических наук, доцент.

Information about the author

S. E. Titor – Candidate of Legal Sciences, Associate Professor.

Статья поступила в редакцию 06.11.2024; одобрена после рецензирования 24.12.2024; принята к публикации 20.02.2025.

The article was submitted 06.11.2024; approved after reviewing 24.12.2024, accepted for publication 20.02.2025.

Научная статья

УДК 343.721

<https://doi.org/10.24412/2414-3995-2025-2-141-147>

EDN: <https://elibrary.ru/duzax>

НИОН: 2015-0066-2/25-229

MOSURED: 77/27-011-2025-02-428

Правовое регулирование дипфейков

Александр Владимирович Токолов

Финансовый университет при Правительстве Российской Федерации, Москва, Россия,

altok40@mail.ru

Аннотация. Стремительное развитие популярности искусственного интеллекта во всем мире создало условия для появления новых цифровых технологий, одной из которых стала технология «дипфейк» (deepfake), способная генерировать реалистичный поддельный видео- или аудиоконтент, а количество дипфейков, размещаемых в информационно-телекоммуникационной сети Интернет, за последние несколько лет считается предметом глубокой озабоченности мировой общественности и актуальной задачей для исследований не только в Российской Федерации, но и в ряде зарубежных стран. Учитывая то, что случаи неправомерного применения данной цифровой технологии проявляются все чаще, то и область их использования с негативными для населения последствиями приобретает еще более широкие границы.

Ключевые слова: информационное право, информационно-телекоммуникационной сети, цифровые технологии, информационная безопасность, дипфейк-технологии, персональные данные, цифровая трансформация, дипфейки, социально-опасная деятельность, проникновением криминала в сферу информационных технологий

Для цитирования: Токолов А. В. Правовое регулирование дипфейков // Вестник экономической безопасности. 2025. № 2. С. 141–147. <https://doi.org/10.24412/2414-3995-2025-2-141-147>. EDN: DUZARX.

Original article

Legal regulation of deepfakes

Alexander V. Tokolov

Financial University under the Government of the Russian Federation, Moscow, Russia,

altok40@mail.ru

Abstract. The rapid development of artificial intelligence worldwide has created the conditions for the emergence of new digital technologies, one of which is deepfake technology, capable of generating realistic fake video or audio content, and the number of deepfakes posted on the Internet over the past few years has become a matter of deep concern to the world community and an urgent task. for research not only in the Russian Federation, but also in a number of foreign countries. Given that cases of misuse of this digital technology are becoming more frequent, the scope of their use with negative consequences for the population is becoming even broader.

Keywords: information law, information and telecommunication networks, digital technologies, information security, deepfake technologies, personal data, digital transformation, deepfakes, socially dangerous activities, criminal penetration into the field of information technology

For citation: Tokolov A. V. Legal regulation of deepfakes. Bulletin of economic security. 2025;(2):141–7. (In Russ.). <https://doi.org/10.24412/2414-3995-2025-2-141-147>. EDN: DUZARX.

Взрывной рост популярности искусственного интеллекта во всем мире создал условия для появления огромного числа новых технологий, одной из которых стала технология «дипфейк» (deepfake), способная генерировать реалистичный поддельный видео- или аудиоконтент, а количество дипфейков размещаемых в информационно-телекоммуникационной сети Интернет за последние несколько лет стало предметом глубокой

озабоченности мировой общественности и актуальной задачей для исследований не только в Российской Федерации, но и в ряде зарубежных стран. Учитывая то, что случаи неправомерного применения данной цифровой технологии проявляются все чаще, то и область их использования с негативными для населения последствиями приобретает еще более широкие границы. Учитывая, что цифровые технологии развиваются очень быстро, то

© Токолов А. В., 2025

и дипфейки будут приобретать все более изощренные формы, создавая все более сложные формы угроз. И на этом рубеже очень важно объективно подойти к анализу этих угроз и рисков для разграничения дипфейков на применяемые в полезных целях от тех, которые созданы преследуя противоправные цели в качестве искажения или подмены правдивой информации. Такого рода материалы, представленные в виде дипфейков, чаще всего наблюдаются для подмены и фальсификации новостей, а так же распространения дезинформации и создания различного рода порнографических видео- и фотосюжетов в отношении одного или нескольких людей, выдавая их за кого-то другого. В процессе такой деятельности само распространение дипфейков и возможность влиять на современное общество с различными целями, создает определенную напряженность в странах современного мира, в том числе и в Российской Федерации.

В 1950–1960 гг. впервые в мире появилась разработка, направленная на создание виртуального разума. А уже в 2024 г. искусственный интеллект стал обыденной программой в современных реалиях. Он никак не может заменить человека, но уже сейчас обладает достаточным количеством функций для своей работы как на пользу общества, так и на благо развития науки, образования и тому подобное. Происходящий прогресс невозможно остановить и как любое новшество оно имеет как положительную, так и отрицательную стороны. Например, с помощью искусственного интеллекта сокращается время работы над созданием какого-либо текста, ведь теперь гораздо проще ввести название нужной темы и за считанные секунды получить готовый и максимально хороший текст. Происходит это все за счет того, что он запрограммирован действовать по аналогии с человеческим мозгом. Если рассматривать данную технологию в правоохранительных органах, то можно однозначно сказать, что его введение вносит пользу в работу сотрудников, такую как упрощение рутинных операций и увеличивает скорость работы персонала. Также эта технология имеет не только высокую скорость выполнения задач, но и точный процесс обработки данных, автоматизированность, повышенную безопасность в применении и множество других ценных функций. Однако, несмотря на эти перечисленные положительные моменты, также имеются и отрицательные. Как было сказано ранее, эта технология еще не успела вытеснить человека с его же места деятельности, но прогресс не стоит на месте и вполне возможно, что с максимальным внедрением искусственного интеллекта в нашу жизнь это может повлиять на наличие рабочих мест, что приведет к социальному и экономическому кризису для граждан, выраженному безработицей. Еще одним значительным минусом внедрения искусственного интеллекта в социум является то, что не все граждане имеют добрые намерения на его использование, в том числе и применение технологии дипфейк, сектор для автоматизации процессов [1, с. 31]. Каждый день совершается огромное множество преступлений в области информационно-

телекоммуникационных технологий, и проблема с отслеживанием этих преступлений актуальна по сей день. Но, так или иначе, самым сложным является правовое регулирование этого новшества со стороны государства. В настоящий момент в Российской Федерации существует проблема относительно этого технологического прогресса в различных сферах, но научное сообщество активно занимается этими вопросами, а, значит, успех будет достигнут.

Но все же хотелось бы внести ясность и дать определение указанной технологии. Технология Deepfake является новой разработкой, возникшей в результате сочетания «глубокого обучения» и «фейка», которая позволяет создавать синтетический контент. Это значит, что оригинальное фото или видео с участием одного человека, может быть заменено на фальшивое изображение другого. Такой искусственный контент может быть создан в различных форматах, включая фотографии, видео и даже человеческую речь, что делает его универсальным инструментом для манипулирования. Задача защиты прав на результаты работ с искусственным интеллектом определена в разд. 12 Концепции развития регулирования отношений в сфере технологий искусственного интеллекта и робототехники до 2024 г. [2].

Хотелось бы обратить внимание, что процесс создания различных методов подделки не ограничивается какими-либо кустарными способами. Различные передовые компании, такие как Adobe создают и размещают на рынке цифровых услуг большое количество современных программных продуктов и технологий, которые в свою очередь способны создавать и обрабатывать огромные массивы информации для создания видео- и аудио-изображений, используя технологии машинное обучение. Здоровая конкуренция, создаваемая на рынке продуктов имитации и инструментов машинного обучения с открытым исходным кодом, подпитанная коммерческим интересом, должна оказать влияние на снижение стоимости и повышение сложности данных продуктов, что даст менее развитым компаниям возможность выполнять работы и услуги по созданию дипфейков.

Данные приложения, направленные на создание или изменения дипфейков, могут иметь как законные, так и противоправные цели. Так определенным людям, потерявшим в результате болезни или аварии возможность разговаривать данные приложения помогут синтезировать голос практически не отличающийся от их натурального. А преступники могут использовать эти технологии для использования подмены вновь созданных аудио или видео сообщений для достижения своих незаконных целей.

В настоящее время среди дипфейков выделяют несколько групп, которые можно разделить в зависимости от способов, необходимых для их создания. Чаще всего в повседневной жизни встречаются такие категории дипфейков:

- подменяются черты лица, в результате чего происходит подмена видео или фотоизображением лица од-

ного субъекта на другого. На практике это возможно с применением искусственного интеллекта (технологии машинного обучения – machine learning) способного благодаря использованию массивов больших данных, обучаясь, совершать подмены фотоизображений и видеоматериала.

В этом процессе можно выделить несколько этапов. Во-первых алгоритм machine learning должен уметь распознавать и находить изображения лиц людей, которых планируется подменить. Кроме того процесс обучения искусственного интеллекта выполняется и постоянно совершенствуется благодаря наличию больших баз данных различных видео- и аудиоматериалов, имеющихся в архиве для генерации того продукта, описание которого имеется в поставленной задаче;

– дипфейки, которые способны генерировать движения губ и лицевых мышц, представляют из себя вид, направленный на создание нужного контента высокого качества используя манипуляции мимикой. В этом контенте создается видимость того, что объект выступает с речью, которая на самом деле принадлежит совершенно другому человеку. Такие видеоподделки обычно применяют алгоритм – machine learning, использующий массив больших данных видеоматериалов, в которых нужный человек произносит различные слова или речи. В данном процессе этот алгоритм обучается анализу мимических изменений лица человека и затем генерирует новый видеоконтент, в котором нужный субъект произносит иной набор звуков;

– клонирование голоса представляет из себя очередной вид дипфейков, который благодаря искусственному интеллекту создает контент, синтезируя голос конкретного субъекта. Дипфейк такого вида может быть создан благодаря алгоритму – machine learning, который в своей генерации использует данные аудиозаписи голоса человека, в отношении которого он создается. Нужно отметить, что при создании этого вида дипфейков можно выделить некоторые особенности. Во-первых нейросеть – machine learning основывается на применении в своей работе аудиозаписей голоса конкретного субъекта в различных жизненных ситуациях, а если речь слишком коротка, то алгоритм искусственного интеллекта способен создать более правдивые речевые формулировки благодаря своей базе данных. А также он использует для создания нужного видеоматериала анализ содержания речи, эмоции, интонацию, акцент, психофизическое состояние и другие параметры ее сопровождающие;

– дипфейки, получившие свою известность как «марионетка» или «кукловод», представляют из себя генерацию процесса моторики тела человека, созданный на основе сенсорных коррекций от начала движения до его завершения. Его цель – создание таких видеосюжетов, в которых субъект воспроизводит такие действия, которые он никогда не совершал.

Эксперты в сфере генерации и применения «кукольных дипфейков» выражают серьезную озабоченность, так как они способны вводить в заблуждение

различные категории граждан, манипулировать общественным мнением и будоражить сознание, применяя средства массовой информации. Кроме того, стали появляться хакерские сообщества, которые осуществляют попытки подорвать существующие политические устои и государственные институты с помощью этой технологии [3];

– также благодаря возможности самообучения и наличия больших массивов информации и аудиозаписей появились условия по созданию дипфейков, связанных с преобразованием текста в речевые выражения. С появлением данных условий специалисты в этой области могут генерировать машинописный текст в речь, практически неотличимую от голоса конкретного человека, используя речевые паттерны – устойчивые речевые шаблоны, используемые людьми в различных жизненных ситуациях в выражении своего мнения, эмоций или настроения.

Необходимо отметить, что применение дипфейков охватывает широкий спектр областей: реклам и продукцию, запрещенную к показу несовершеннолетним, а также журналистику и различного рода преступную деятельность. Технология дипфейков все чаще используется для создания привлекательного и убедительного контента, изображающего людей, поддерживающих продукты или услуги без их личного согласия или персонального участия.

Данный вид инновационных технологий органично интегрировался в современную жизнь, потому что обладают значительным потенциалом, направленным на получение пользы для общества, но в то же время им присущ риск использования в незаконной деятельности. Ограничить или запретить использования нейронных сетей в современном мире вряд ли возможно, так как к ним можно очень легко получить доступ любой человек с помощью специализированных программ. Вы можете найти множество данных программ в интернете. Вот, самые распространенные из них: DeepFaceLab, Reface, Impression, ToonMe, FaceApp. Поэтому, возникает необходимым сместить акцент на создание правовых норм, благодаря которым появится возможность для привлечения людей к ответственности за незаконные действия, совершаемые с помощью нейронных сетей.

Говоря о негативных последствиях применения дипфейков, хочется привести примеры.

В 2019 г. одна из знаменитых актрис – Алена Андропова подписала договор с банком «Тинькофф», который, в свою очередь, обязался записать для нее специальный объемный текст, используемый далее для виртуального помощника. Заказчик указал на то, что созданные образцы являются тестовыми, с помощью которых будет создана нейросеть, а ее голос в окончательной версии использоваться не будет. По истечении определенного промежутка времени певица заметила, что запись ее голоса продается на различных цифровых платформах и открыта для синтеза. В связи с этими манипуляциями певица

осталась без заказов. Благодаря созданной нейросети «Тинькофф.Банк» получил бесплатного виртуального ассистента, который может воспроизводить любые фразы, не обращаясь к актрисе, озвучившей оригинальные звукозаписи [4, с. 106].

Несмотря на то, что в ряде стран уже начали принимать такие нормативные правовые акты, приходится констатировать, что вопросам возмещения вреда в рассматриваемой сфере уделяется крайне мало внимания. Это актуально и в отношении нашей страны. Так, основными нормативными правовыми актами, затрагивающими правоотношения в сфере искусственного интеллекта, являются:

- Федеральный закон от 24 апреля 2020 г. № 123-ФЗ «О проведении эксперимента по установлению специального регулирования в целях создания необходимых условий для разработки и внедрения технологий искусственного интеллекта в субъекте Российской Федерации – городе федерального значения Москве и внесении изменений в ст. 6 и 10 Федерального закона «О персональных данных»;

- Указом Президента № 490 была тщательно разработана и официально принята Национальная стратегия развития искусственного интеллекта (ИИ) на период до 2030 г. Именно она представляет собой комплексный политический документ, в котором изложены цели и ключевые задачи развития технологий искусственного интеллекта в Российской Федерации;

- в обозримом будущем Минцифры совместно с МВД и Роскомнадзором займется проработкой вопросов правового регулирования цифровой технологии подмены личности (дипфейк), необходимых для предотвращения ее использования в противоправных целях;

- Распоряжение Правительства РФ от 19 августа 2020 г. № 2129-р «Об утверждении Концепции развития регулирования отношений в сфере технологий искусственного интеллекта и робототехники до 2024 года».

Вместе с тем применительно к ответственности за вред, причиненный в результате использования технологий на основе AI, специального правового регулирования в России на данный момент нет. То есть при разрешении споров о возмещении вреда руководствоваться придется положениями Гражданского кодекса РФ, а также в ряде случаев – Законом о защите прав потребителей, положения которых, однако, для такого рода правоотношений не всегда пригодны.

Решение вопроса о незаконном размещении дипфейков в сети требует применения ч. 1 ст. 152.1 ГК РФ, известной как «Охрана изображения гражданина». Это правовое положение предлагает потенциальное решение для борьбы с растущими угрозами, исходящими от дипфейков. Но существует заметное несоответствие между обычными фотографиями или видео человека и их фейковыми аналогами. Оно создает серьезную проблему, поскольку технологии дипфейков могут нанести ущерб репутации человека, изображая его участвующим в незаконной деятельности.

Необходимо признать, что решение данного вопроса требует правового регулирования не только в сфере уголовного права, но и в гражданском, и административном праве. В то время как уголовное право может реагировать на дела, связанные со злым умыслом или вредом, причиненным в результате создания и распространения дипфейков, отрасль гражданского права в Российской Федерации обязана заниматься рассмотрением прав и компенсаций для лиц, которым был причинен вред из-за создания и распространения дипфейков, что включает создание системы санкций, для привлечения создателей и распространителей дипфейков к ответственности за любой причиненный ущерб.

Для того чтобы устранить существующие законодательные пробелы и эффективно управлять разработкой и внедрением технологий искусственного интеллекта, перед научным сообществом Российской Федерации выстроены цели по разработке и принятию нового нормативного правового акта, регулирующего данную область исследования. В настоящее время единственным действующим законодательством является Федеральный закон № 123-ФЗ «О проведении эксперимента по установлению специального регулирования в целях создания необходимых условий для разработки и внедрения искусственного интеллекта в субъекты Российской Федерации» [5].

Данный нормативный документ указывает на уделяние особого внимания необходимости и важности направления усилий по регулированию ИИ, однако он не указывает своими положениями на регулирование использования нейронных сетей частными лицами.

Кроме того хотелось бы обратить внимание на то, что в сфере уголовного законодательства появилась необходимость внесения изменений в статьи Уголовного кодекса РФ, добавив в качестве квалифицирующего признака (отягчающего обстоятельства) применение цифровой технологии подмены личности (дипфейк) при совершении разного вида преступлений. Ведь в преобладающем большинстве случаев дипфейки используются в качестве средства совершения конкретных преступных деяний, тем самым повышая степень их общественной опасности. Отметим потенциальные пределы использования технологии дипфейк в преступных целях: клевета (ст. 128.1 УК РФ), вымогательство (ст. 163 УК РФ), мошенничество (ст. 159 и 159.1 УК РФ), незаконное получение и разглашение сведений, составляющих коммерческую, налоговую или банковскую тайну (ст. 183 УК РФ), публичное распространение заведомо ложной информации (ст. 207.1 и ст. 207.2 УК РФ), незаконное изготовление и оборот порнографических материалов (ст. 242 и ст. 242.1 УК РФ), доведение до самоубийства (ст. 110 УК РФ).

Нет сомнений относительно конечной модели уголовно-правовой оценки использования технологии дипфейк: использование дипфейков при совершении преступления должно рассматриваться в качестве квалифицирующего признака состава преступления.

Риски, связанные с преступным намерением и нанесением вреда использованием дипфейков, стали более реалистичными, чем предполагаемая выгода и польза от их применения. В некоторых странах мира технология «дипфейк» даже стала рассматриваться как способная, по мере ее совершенствования, бросить вызов как национальной безопасности государства, так и информационно-психологической безопасности современного цифрового общества.

Применительно к РФ основные проблемы заключаются в следующем.

Во-первых, законодательство в сфере ответственности за вред, причиненный в результате использования продуктов, в основе которых положена технология искусственного интеллекта, как таковое пока отсутствует. Применение к подобным спорам положений действующих НПА в силу наличия в них множества пробелов далеко не всегда эффективно.

Во-вторых, если своевременно не принять меры по разработке и внедрению эффективной правовой базы, по мере развития технологий на основе AI количество этих проблем будет только расти.

Возможны следующие пути их решения. Идеальным, но труднодостижимым вариантом, на наш взгляд, могла бы стать разработка международного договора, регламентирующего вопросы ответственности за вред, причиненный в результате использования технологий на основе AI. Более оптимистичным вариантом представляется разработка отдельного блока законодательных норм (*lex specialis*), регулирующих непосредственно вопросы такого рода ответственности – к примеру, внедрение в законодательство норм о договорах с ограниченной ответственностью. Такого рода договоры в российской судебной практике уже встречались, однако существенного распространения пока не получили.

Таким образом, можно выделить основную проблему такого явления как дипфейк, которая в современных реалиях заключается в том, что сфера, связанная с искусственным интеллектом, практически не имеет правового регулирования и совершенно не охраняется законом. Юридическая ответственность за использование и распространение технологий на основе ИИ предусмотрена лишь в некоторых странах мира, несмотря на то, что дипфейки влекут за собой различные проблемы, в решении которых необходимо участие всего мирового сообщества. В настоящее время одним из способов решения созревшей проблемы представляется правовое регулирование рассматриваемой области, предусматривающей ответственность неправомерного применения технологии искусственного интеллекта.

В процессе выявления и решения грядущих проблем, которые возникают в связи с созданием инструментов, необходимых для обнаружения дипфейков, органам правопорядка будет необходимо направить свои усилия для создания условий по разработке современных средств обнаружения подделанного видео и аудиоконтента, отвечающих самым высоким требованиям.

Эта задача повлечет за собой не только значительные финансовые и интеллектуальные затраты на создание новых и прорывных технологий, но и разработку технических инструментов контроля для выявления подделок и нарушений в визуальном и аудиоконтенте. Кроме того, усилия необходимо направить и на обновление и модернизацию уже имеющихся в арсенале инструментов органов правопорядка, остро необходимых для выявления стремительно развивающихся технологий создания подделок, дабы исключить использование информационно-коммуникационных технологий в преступных целях.

Список источников

1. Исаев Э. А. Курс на цифровизацию аналитических полномочий Казначейства России // Журнал Бюджет. 2023. № 5.
2. Распоряжение Правительства Российской Федерации от 19 августа 2020 г. № 2129-р «Об утверждении Концепции развития регулирования отношений в сфере технологий искусственного интеллекта и робототехники на период до 2024 года» // СПС «КонсультантПлюс».
3. Голованов Н. М. Проблемы правосубъектности искусственного интеллекта // Теория права и международных отношений. 2022. Т. 1. № 9 (21). С. 24–25.
4. Комашко М. Н. Институт авторства и искусственный интеллект // Труды по интеллектуальной собственности. 2022. Т. 42. № 3.
5. Федеральный закон № 123-ФЗ «О проведении эксперимента по установлению специального регулирования в целях создания необходимых условий для разработки и внедрения искусственного интеллекта в субъекты Российской Федерации» // СПС «КонсультантПлюс».

References

1. Isaev E. A. Course on digitalization of analytical powers of the Treasury of Russia // Budget Journal. 2023. № 5.
2. Decree of the Government of the Russian Federation dated August 19, 2020 № 2129-r «On approval of the Concept for the Development of Regulation of relations in the field of artificial intelligence and robotics technologies for the period up to 2024» // LRS «ConsultantPlus».
3. Golovanov N. M. Problems of legal personality of artificial intelligence // Theory of law and interstate relations. 2022. Vol. 1. № 9 (21). P. 24–25.
4. Komashko M. N. Institute of authorship and artificial intelligence // Works on intellectual property. 2022. Vol. 42. № 3.
5. Federal Law № 123-F3 «On conducting an experiment to establish special regulation in order to create the necessary conditions for the development and implementation of artificial intelligence in the subjects of the Russian Federation» // LRS «ConsultantPlus».

Библиографический список

1. Федеральный закон от 27 июля 2006 г. № 149-ФЗ (ред. от 12.12.2023) «Об информации, информацион-

ных технологиях и о защите информации» // Собрание законодательства Российской Федерации, 31.07.2006, № 31 (1 ч.). Ст. 3448.

2. Федеральный закон от 6 апреля 2011 г. № 63-ФЗ (ред. от 04.08.2023) «Об электронной подписи» (с изм. и доп., вступ. в силу с 05.08.2024) // Собрание законодательства Российской Федерации, 11.04.2011, № 15. Ст. 2036.

3. Указ Президента РФ от 9 мая 2017 г. № 203 «О Стратегии развития информационного общества в Российской Федерации на 2017–2030 годы» // Собрание законодательства Российской Федерации, 15.05.2017, № 20. Ст. 2901.

4. Национальная программа «Цифровая экономика Российской Федерации» (утв. президиумом Совета при Президенте РФ по стратегическому развитию и национальным проектам, протокол от 4 июня 2019 г. № 7) // URL: <https://digital.gov.ru/>

5. Киселев А. С. О необходимости правового регулирования в сфере искусственного интеллекта : дипфейк как угроза национальной безопасности // Вестник Московского государственного областного университета. Серия «Юриспруденция». 2021. № 3. С. 54–64.

6. Масликова Я. А. Дипфейки как угроза персональным данным // Грядущим поколениям завещаем : творить добро в защиту права : материалы Всероссийской научно-практической конференции с международным участием. Ногинск, 2021. С. 396–400.

7. Степанян А. Ж. Регламент Европейского союза об искусственном интеллекте (Artificial Intelligence Act) : первый взгляд на проект // Вестник Университета имени О.Е. Кутафина (МГЮА). 2021. № 7 (83). С. 93–98.

8. Иванов В. Г., Игнатовский Я. Р. Deepfakes : перспективы применения в политике и угрозы для личности и национальной безопасности // Вестник Российского университета дружбы народов. Серия: Государственное и муниципальное управление. 2020. Т. 7. № 4. С. 379–386.

9. Смирнов А. А. «Глубокие фейки». Сущность и оценка потенциального влияния на национальную безопасность // Свободная мысль. 2019. № 5 (1677). С. 63–84.

10. Бодров Н. Ф., Лебедева А. К. Понятие дипфейка в российском праве, классификация дипфейков и вопросы их правового регулирования // Юридические исследования. 2023. № 11. С. 26–41.

11. Рыбаков О. Ю. Человек, право, цифровые технологии : современные направления исследований (обзор Всероссийской научно-практической онлайн-конференции) // Мониторинг правоприменения. 2020. Человек, право, цифровые технологии. № 2 (35). С. 83–87.

12. Рахматулина Р. Ш. Технология deepfake в праве интеллектуальной собственности // Юрист. 2022. № 2. С. 52–55.

13. Константинов А. В. Перспективы развития и использования искусственного интеллекта в целях противодействия преступлениям в сфере информационно-

телекоммуникационных технологий // Противодействие преступлениям в сфере информационно-телекоммуникационных технологий : сборник научных трудов, Москва, 30 марта 2023 года / Сост. А. В. Константинов. М. : Московский университет МВД России имени В.Я. Кикотя, 2023. С. 80–82.

14. Калятин В. О. Дипфейк как правовая проблема : новые угрозы или новые возможности? // Закон. 2022. № 7. С. 87–103.

15. Минбалеов А. В., Петровская О. В. Проблемы реализации принципа достоверности информации в условиях цифровой трансформации // Российский юридический журнал. 2022. № 4. С. 20–28.

16. Попов О. В., Прокопенко А. Н. Особенности правового регулирования использования биометрических персональных данных в системе государственного управления на современном этапе цифровой трансформации общества // Административное право и процесс. 2023. № 2. С. 22–24.

Bibliographic list

1. Federal Law № 149-FZ of July 27, 2006 (as amended on 12.12.2023) «On Information, Information Technologies and Information Protection» // Collection of Legislation of the Russian Federation, July 31, 2006, № 31 (1 part), art. 3448.

2. Federal Law № 63 of April 6, 2011-Federal Law (as amended on 04.08.2023) «On Electronic Signatures» (as amended and supplemented, intro. effective from 05.08.2024) // Collection of Legislation of the Russian Federation, 11.04.2011, № 15. Art. 2036.

3. Decree of the President of the Russian Federation of May 9, 2017 № 203 «On the Strategy for the development of the Information Society in the Russian Federation for 2017–2030» // Collection of Legislation of the Russian Federation, 15.05.2017. № 20. Art. 2901.

4. National Program «Digital Economy of the Russian Federation» (approved by the Presidium of the Council under the President of the Russian Federation for Strategic development and National projects, Protocol № 7 of June 4, 2019) // URL: <https://digital.gov.ru/>

5. Kiselyov A. S. On the need for legal regulation in the field of artificial intelligence : deep-fake as a threat to national security // Bulletin of the Moscow State Regional University. The series «Jurisprudence». 2021. № 3. P. 54–64.

6. Maslikova Ya. A. Deepfakes as a threat to personal data // We bequeath to future generations: to do good in defense of law : proceedings of the All-Russian Scientific and Practical Conference with international participation. Noginsk, 2021. P. 396–400.

7. Stepanyan A. J. The European Union Regulation on Artificial Intelligence (Artificial Intelligence Act) : first look at the project // Bulletin of the O.E. Kutafin University (MGUA). 2021. № 7 (83). P. 93–98.

8. Ivanov V. G., Ignatovsky Ya. R. Deepfakes : prospects of application in politics and threats to personality and national security // Bulletin of the Peoples' Friendship

University of Russia. Series: State and Municipal Administration. 2020. Vol. 7, № 4. P. 379–386.

9. Smirnov A. A. «Deep fakes». The essence and assessment of the potential impact on national security // Free Thought. 2019. № 5 (1677). P. 63–84.

10. Bodrov N. F., Lebedeva A. K. The concept of deepfakes in Russian law, classification of deepfakes and issues of their legal regulation // Legal Research. 2023. № 11. P. 26–41.

11. Rybakov O. Y. Man, law, digital technologies : modern research directions (review of the All-Russian Scientific and Practical Online Conference) // Law enforcement Monitoring. 2020. Man, law, digital technologies. № 2 (35). P. 83–87.

12. Rakhmatulina R. Sh. Deepfake technology in intellectual property law // Lawyer. 2022. № 2. P. 52–55.

13. Konstantinov A. V. Prospects for the development and use of artificial intelligence in order to counter

crimes in the field of information and telecommunication technologies // Countering crimes in the field of information and telecommunication technologies : collection of scientific papers, Moscow, March 30, 2023 / Comp. A. V. Konstantinov. Moscow : Moscow University of the Ministry of Internal Affairs of Russia named after V.Ya. Kikot', 2023. P. 80–82.

14. Kalyatin V. O. Deepfake as a legal problem : new threats or new opportunities? // Law. 2022. № 7. P. 87103.

15. Minbaleev A.V., Petrovskaya O. V. Problems of implementing the principle of information reliability in the context of digital transformation // Russian Law Journal. 2022. № 4. P. 20–28.

16. Popov O. V., Prokopenko A. N. Features of legal regulation of the use of biometric personal data in the public administration system at the current stage of digital transformation of society // Administrative Law and Process. 2023. № 2. P. 22–24.

Информация об авторе

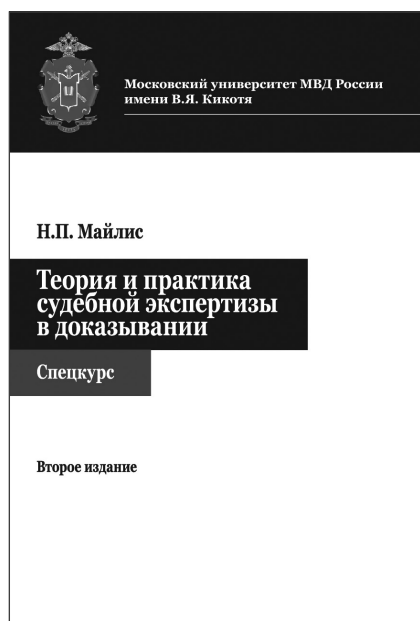
А. В. Токолов – доцент кафедры международного и публичного права Финансового университета при Правительстве Российской Федерации, кандидат юридических наук.

Information about the author

A. V. Tokolov – Associate Professor of the Department of International and Public Law of the Financial University under the Government of the Russian Federation, Candidate of Legal Sciences.

Статья поступила в редакцию 18.02.2025; одобрена после рецензирования 25.03.2025; принята к публикации 11.04.2025.

The article was submitted 18.02.2025; approved after reviewing 25.03.2025; accepted for publication 11.04.2025.

Теория и практика судебной экспертизы в доказывании. Спецкурс. 2-е изд., перераб. и доп. Учебное пособие. Майлис Н. П. 255 с. Гриф МУМЦ «Профессиональный учебник». Гриф НИИ образования и науки.

Изложены истоки формирования и развития теории судебной экспертизы, основные теоретические понятия. Рассмотрены теория идентификации и диагностики, современная классификация судебных экспертиз, субъекты судебно-экспертной деятельности и система государственных экспертных учреждений. Раскрыто правовое обеспечение судебно-экспертной деятельности. В соответствии с процессуальным уголовным, гражданским, арбитражным и административным законодательством рассмотрены основные виды экспертиз, назначаемых правоохранительными органами.

Подробно изложены технологическое обеспечение производства судебных экспертиз, их доказательственное значение в раскрытии и расследовании преступлений. Должное внимание уделено информационному обеспечению судебно-экспертной деятельности, комплексным исследованиям, экспертной этике и экспертным ошибкам.

Для студентов, аспирантов, преподавателей высших учебных заведений, практических работников, назначающих судебные экспертизы, и специалистов, которые их проводят.

Научная статья

УДК 343.969

<https://doi.org/10.24412/2414-3995-2025-2-148-154>

EDN: <https://elibrary.ru/iixhmd>

ИИОН: 2015-0066-2/25-230

MOSURED: 77/27-011-2025-02-429

Особенности уголовной ответственности за организацию незаконной миграции по законодательству Российской Федерации, Республики Беларусь, Кыргызской Республики и Республики Казахстан

Елена Александровна Фролова

Московский университет МВД России имени В.Я. Кикотя, Москва, Россия,

rbcf.90@mail.ru

Аннотация. Рассматриваются некоторые особенности уголовной ответственности за организацию незаконной миграции в таких государствах – участниках СНГ как Российская Федерация, Республика Беларусь, Кыргызская Республика и Республика Казахстан. Анализируются соответствующие нормы уголовного законодательства указанных государств, статистические данные миграционной преступности, диспозиции и санкции статей, предусматривающих ответственность за организацию незаконной миграции, новеллы законодательства. Сформулированы предложения по использованию положительного законодательного опыта указанных государств по противодействию миграционной преступности.

Ключевые слова: преступления в сфере миграции, уголовное законодательство Российской Федерации, уголовное законодательство Республики Беларусь, уголовное законодательство Кыргызской Республики, уголовное законодательство Республики Казахстан, нормы УК об ответственности за организацию незаконной миграции

Для цитирования: Фролова Е. А. Особенности уголовной ответственности за организацию незаконной миграции по законодательству Российской Федерации, Республики Беларусь, Кыргызской Республики и Республики Казахстан // Вестник экономической безопасности. 2025. № 2. С. 148–154. <https://doi.org/10.24412/2414-3995-2025-2-148-154>. EDN: IIXHMD.

Original article

The specifics of criminal liability for organizing illegal migration under the laws of the Russian Federation, the Republic of Belarus, the Kyrgyz Republic and the Republic of Kazakhstan

Elena A. Frolova

Moscow University of the Ministry of Internal Affairs of Russia named after V.Ya. Kikot', Moscow, Russia,

rbcf.90@mail.ru

Abstract. Some features of criminal liability for organizing illegal migration in such CIS countries as the Russian Federation, Republic of Belarus, Kyrgyz Republic and Republic of Kazakhstan are considered. The relevant provisions of the criminal legislation of these states, statistical data on migration crime, dispositions and sanctions of articles providing for liability for organizing illegal migration, and legislative innovations are analyzed. Proposals are formulated for using the positive legislative experience of these states in combating migration crime.

Keywords: crimes in the field of migration, criminal legislation of the Russian Federation, criminal legislation of the Republic of Belarus, criminal legislation of the Kyrgyz Republic, criminal legislation of the Republic of Kazakhstan, provisions of the Criminal Code on liability for organizing illegal migration

For citation: Frolova E. A. The specifics of criminal liability for organizing illegal migration under the laws of the Russian Federation, the Republic of Belarus, the Kyrgyz Republic and the Republic of Kazakhstan. Bulletin of economic security. 2025;(2):148–54. (In Russ.). <https://doi.org/10.24412/2414-3995-2025-2-148-154>. EDN: IIXHMD.

Миграционная политика в СНГ должна быть справедливой, сбалансированной, основанной на принципах

единства и уважения прав и свобод человека. Государства – участники СНГ стремятся к соблюдению таких

© Фролова Е. А., 2025

принципов, но реальность различных обстоятельств не позволяет исчерпывающим образом скоординировать миграционное законодательство. Каждое государство, входящее в СНГ, имеет в законодательстве свои особенности, включая и такие отрасли, как административное и уголовное. Однако до настоящего времени в странах СНГ отсутствуют Миграционные кодексы, хотя на пятьдесят втором пленарном заседании Межпарламентской Ассамблеи государств – участников СНГ (постановление № 52-3 от 16 апреля 2021 г.) принят Модельный миграционный кодекс для государств – участников СНГ, в котором весьма объемно представлены нормы, регулирующие общественные отношения, возникающие в связи с миграционными перемещениями как граждан государства, так и иностранных граждан, въезжающих в государство, временно пребывающих либо временно или постоянно проживающих, осуществляющих трудовую деятельность на территории государства и выезжающих за ее пределы [1].

Остается также сожалеть, что Модельный уголовный кодекс для государств – участников СНГ вообще оставил без внимания такую важную сферу уголовно-правовой охраны как отношения по миграции [2]. Это мешает развитию экономических связей, объективно необходимому перемещению трудовых ресурсов стран СНГ, развитию культурных законодательное регулирование. При этом, несомненно, важное значение приобретает контроль над потоками мигрантов, их правомерным нахождением в стране пребывания.

Особое внимание необходимо уделять и проявлению фактов незаконной миграции в целом, и криминально миграции, в частности. Преступления в сфере миграции, особенно в странах СНГ, также обладают повышенной степенью общественной опасности, которая характеризуется не только нарушением порядка миграции, но и может быть сопряжена с совершением тяжких и особо тяжких общеуголовных преступлений, в том числе террористической и экстремистской направленности. Важно подчеркнуть, что это характерно для всех стран СНГ, а не только для Российской Федерации. Хотя следует оговориться, что показатели миграционной и общеуголовной преступности со стороны мигрантов в Российской Федерации на несколько порядков выше, чем в других странах. Так, за 2022 г. правоохранительные органы выявили 37 тыс. преступлений, совершенных рабочими-мигрантами – это на 9,8 % больше, чем было в 2021 г. Глава Следственного комитета Александр Бастрыкин озвучил крайне тревожную статистику: количество тяжких и особо тяжких преступлений, совершенных в Российской Федерации мигрантами за январь–июль 2023 г., составило 11 тыс. случаев – это на 32 % больше, чем за аналогичный период прошлого года [3]. За весь 2023 г. показатели более высокие: Генпрокурор Игорь Краснов сообщил, что в 2023 г. наблюдался резкий рост преступности среди мигрантов. Число совершенных ими в Российской Федерации преступлений выросло на 75 %, до 21,9 тыс. [4]. Не очень правильно

говорить о преступности мигрантов вообще, необходимо разграничивать преступления, совершаемые мигрантами, сопряженные с нарушением порядка миграции, и общеуголовные преступления. Но не всегда правоохранительные органы проводят такое разграничение, делая вывод о преступности как о средней температуре по больнице. Однако государство также несет свою долю ответственности за слабый контроль в данной сфере, за невнимание к миграционным потокам и отсутствие нормальных условий для их проживания.

Действительно, преобладало желание властей получить дешевую рабочую силу, что значительно увеличило миграционные потоки. Но правильно отмечают специалисты: рост преступлений, совершенных мигрантами, напрямую связан с ростом миграционного потока в целом и с увеличивающимся количеством незаконных мигрантов, в частности (по данным миграционных органов, контроль за приезжающими не эффективен, поскольку сейчас 70 % мигрантов неподконтрольны государству [5]). Более чем втрое увеличилось число преступлений, совершенных лицами, незаконно находящимися на территории Российской Федерации с 1 787 до 6 082 [6]. Но какие преступления преобладают, в числе совершенных мигрантами – этот вопрос часто имеет место.

Среди миграционных преступлений, по данным статистики, преобладают преступления в форме фиктивной регистрации, сопряженной с подделкой документов [7]. Но остаются в тени данные об организаторах незаконной миграции, как со стороны граждан Российской Федерации, которые являются соучастниками таких преступлений, так и иностранных граждан, которые заинтересованы в дестабилизации обстановки в Российской Федерации либо преследуют корыстные интересы, нарушая миграционное законодательство. Вместе с тем российские граждане также мигрируют, в том числе и в страны СНГ. При этом они попадают и могут попасть в сферу действия лиц, организаторов незаконной миграции. Поэтому важно проанализировать особенности уголовной ответственности за организацию незаконной миграции в странах СНГ, что будет способствовать более точному отражению в законодательстве всей палитры действий, характеризующих данный состав преступления. Особенно это актуально для Российской Федерации, т. к. в настоящее время появились существенные новеллы в ст. 322.1 Уголовного кодекса Российской Федерации (далее – УК РФ) [14], и для таких стран как Республика Беларусь (которая является союзным с нами государством), Республика Казахстан и Кыргызская Республика (граждане которых преобладают среди мигрантов), где также совершенствуются нормы об ответственности за организацию незаконной миграции.

Следует отметить, что в Российской Федерации в 2024 г. произошел существенный рост преступлений, предусмотренных ст. 322.1 УК РФ (организация незаконной миграции). Было зарегистрировано 2 034 преступления данного вида, т. е. прирост составил 79,6 % [7].

Это можно объяснить и притоком мигрантов, несовершенством законодательства, которое способствует незаконной миграции, и активизацией террористических и экстремистских группировок, пытающихся наводнить Российскую Федерацию лицами, склонными к совершению опаснейших преступлений террористической направленности (террористический акт в Крокус сити Холле является ярким примером непродуманной, а порой и провальной миграционной политики).

На всех этапах власти стало понятно, что миграционной ситуацией следует заниматься каждодневно и более тщательно. Начались подвижки по изменению различных отраслей законодательства в сторону ужесточения миграционной политики. Это в полной мере коснулось и УК РФ [8]. За совершение действий, указанных в диспозиции ч. 1 ст. 322.1 УК РФ (организация незаконного въезда в Российскую Федерацию иностранных граждан или лиц без гражданства, их незаконного пребывания в Российской Федерации или незаконного транзитного проезда через территорию Российской Федерации), которая осталась без изменений, предусмотрена более суровая санкция, в соответствии с которой теперь предусмотрено лишение свободы на срок от двух до пяти лет со штрафом в размере до пятисот тысяч рублей или в размере заработной платы или иного дохода осужденного за период до трех лет либо без такового и с лишением права занимать определенные должности или заниматься определенной деятельностью на срок до пяти лет или без такового (ранее законодатель определял за данное преступление наказание в виде лишения свободы на срок до пяти лет с ограничением свободы на срок до двух лет или без такового). С таким решением можно согласиться, т.к. ситуация с миграционной преступностью весьма сложная и наказание будет способствовать предупреждению таких преступлений.

В целях дифференциации ответственности дополнения и изменения коснулись части 2 данной статьи. В частности, более суровая ответственность была установлена за деяние, предусмотренное ч. 1, не только в целях совершения преступления на территории Российской Федерации, но и с целью скрыть другое преступление или облегчить его совершение (п. «в»); а также за совершение деяния с использованием поддельных документов, а равно с изъятием, сокрытием либо уничтожением документов, удостоверяющих личность (п. «г»), либо совершение деяния с использованием информационно-телекоммуникационных сетей, в том числе сети «Интернет» (по п. «д»). За квалифицированные виды этого преступления законодателем установлена также более суровая санкция: лишение свободы на срок от пяти до десяти лет со штрафом в размере до одного миллиона рублей или в размере заработной платы или иного дохода осужденного за период до пяти лет либо без такового и с лишением права занимать определенные должности или заниматься определенной деятельностью на срок до семи лет или без такового (ранее максимум лишения свободы был установлен в 7 лет со штрафом в

размере до пятисот тысяч рублей или в размере заработной платы или иного дохода осужденного за период до трех лет либо без такового и с ограничением свободы на срок до двух лет либо без такового). Полагаем, что данное законодательное решение вполне оправданно в силу сложившейся сложной обстановки и имеющихся проблем с противодействием незаконной миграции. Тем не менее, по нашему мнению, в содержании пункта «в» следует указать на умышленный характер преступления, которое планирует совершить либо скрыть организатор незаконной миграции, либо облегчить его совершение.

Наряду с указанными новеллами, статья дополнена частью 4, в которой более суровая ответственность дифференцируется в зависимости от формы соучастия (совершение преступления организованной группой) или от категории преступлений, которые планируется совершить на территории Российской Федерации (выделяются тяжкие и особо тяжкие преступления). При этом срок лишения свободы увеличен от восьми до пятнадцати лет со штрафом в размере от трех миллионов до пяти миллионов рублей или в размере заработной платы или иного дохода осужденного за период от трех до пяти лет либо без такового и с лишением права занимать определенные должности или заниматься определенной деятельностью на срок до десяти лет или без такового. В целом можно согласиться с такими особо квалифицированными признаками, за исключением указания на категории преступлений. В части 2, на наш взгляд, понятие преступления охватывает все категории умышленных преступных деяний, и выделение отдельных категорий затруднит процесс квалификации, учитывая, что тяжкие преступления, в силу ст. 15 УК РФ, могут быть совершены и с неосторожной формой вины.

Также необходимо обновить постановление Пленума Верховного Суда Российской Федерации по преступлениям в сфере миграции [15] в части, касающейся разъяснений о видах документов, которые могут быть подделаны для использования организации незаконной миграции, о квалификации подобных преступлений с использованием информационно-телекоммуникационных сетей, в том числе сети «Интернет».

В отличие от УК РФ, ответственность в Уголовном кодексе Республики Беларусь [10], установленная в ч. 1 ст. 371¹ (организация незаконной миграции), наступает за организацию либо руководство или содействие деятельности по незаконному въезду в Республику Беларусь, пребыванию на территории Республики Беларусь, транзитному проезду (транзиту) через территорию Республики Беларусь или выезду из Республики Беларусь иностранных граждан или лиц без гражданства и охватывает более широкий спектр незаконных действий, включая руководство незаконными действиями или содействие им, а также транзитный выезд иностранных граждан или лиц без гражданства. Полагаем, что термин «организация» в полной мере охватывает и действия по руководству, а содействие означает пособничество, т. е. разновидность соучастия, которое охватывается

нормами Общей части уголовного закона. Указание на транзитный выезд также охватывается понятием «транзитный проезд» и не требует самостоятельного законодательного выделения.

По нашему мнению, законодатель Республики Беларусь, в силу особого статуса союзного государства, мог бы использовать опыт российского законодателя в изложении диспозиции ч. 1 ст. 322.1 УК РФ. На наш взгляд, наказание по ч. 1 ст. 371¹ УК Республики Беларусь можно было бы сделать более суровым в целях предупреждения подобных преступлений (в настоящее время это деяние признается менее тяжким преступлением, но правильнее относить его к преступлениям средней тяжести).

Вместе с тем содержание ч. 2 ст. 371¹ УК Республики Беларусь представляется нам в части ряда квалифицирующих признаков более точным и обоснованным. Так, несомненно, что совершение подобного деяния способом, представляющим опасность для жизни или здоровья иностранных граждан или лиц без гражданства, либо связанная с жестоким или унижающим их достоинство обращением, обладает более высокой степенью опасности, как и совершаемая повторно, либо в соучастии, либо должностным лицом. Такое законодательное решение заслуживает внимания и российского законодателя, за исключением возвращения к признаку повторности, которое весьма сложно для понимания правоприменителем и требует дополнительного судебного толкования. Наряду с этим, необходимо пересмотреть и санкции за такие виды этого преступления (лишение свободы на срок от трех до семи лет со штрафом или без штрафа), которое фактически не учитывает реалий сегодняшнего дня и отличается, на наш взгляд, неким гуманизмом к опасным преступникам. Вместе с тем необходимо, на наш взгляд, современное судебное толкование Пленума Верховного Суда Республики Беларусь по преступлениям данного вида.

Существенные особенности имеются в уголовном законодательстве Кыргызской Республики, где в 2021 г. принят новый уголовный кодекс [11]. В частности, диспозиция ч. 1 ст. 168 (организация незаконной миграции, незаконный ввоз (вывоз) мигрантов) УК Кыргызской Республики включает более широкий спектр незаконных и конкретных действий, которые могут быть совершены организаторами, в отличие от УК РФ, где в соответствующей статье указаны понятия, требующие дополнительного разъяснения, что позволяет сделать вывод о более четкой объективной стороне данного состава преступления. Кыргызский законодатель вполне обоснованно, на наш взгляд, указал, что незаконная миграция включает незаконный ввоз, вывоз мигрантов, иностранных граждан и лиц без гражданства или предоставление транспортных средств либо поддельных документов, жилого или иного помещения, а равно оказание гражданам иных услуг для незаконного въезда, выезда, перемещения по территории Кыргызской Республики, транзита по территории Кыргызской Респу-

блики. Более того, в примечании к данной статье дано официальное толкование таких незаконных действий, как ввоз и вывоз мигрантов. На это следует обратить внимание российского законодателя. Вместе с тем включение статьи об ответственности за незаконную миграцию в содержание Главы 25 (Преступления против личной свободы человека) УК Кыргызской Республики считаем необдуманным решением. Лица, рассматриваемые в качестве незаконных мигрантов, не лишаются личной свободы, действуют на свой страх и риск и являются фактически нарушителями законных способов миграции.

Особо выделен субъективный критерий данного преступления – деяние должно быть совершено с целью получения выгоды либо без таковой. Однако законодательная формулировка в этой части предполагает, что в данном случае излишне указывать на такой критерий, т.к. понятно, что деяние наказуемо в любом случае.

Деяние, наказуемое по ч. 1 ст. 168, отнесено к менее тяжким преступлениям, хотя более точно степень его опасности определена в ст. 322.1 УК РФ (это признается преступлением средней тяжести).

Среди особенностей еще можно выделить наличие некоторых квалифицирующих признаков, которые в УК РФ отсутствуют. Во-первых, деяние признается квалифицированным преступлением, если совершено в отношении ребенка или в отношении лица, находящегося в материальной или иной зависимости от виновного, либо повлекло причинение по неосторожности тяжкого или особо тяжкого вреда, либо в составе преступного сообщества. Полагаем, что данные квалифицирующие признаки напрямую не относятся к организации незаконной миграции, так как в статье речь идет об оказании услуг, а не посягательстве на права ребенка или иных лиц. Эти действия охватываются иными статьями уголовного закона. Во-вторых, не совсем точно определена фигура лица, определяемого в качестве мигранта. Если по УК РФ речь идет об иностранных гражданах или лицах без гражданства, то законодатель Кыргызской Республики называет мигрантов, иностранцев, и лиц без гражданства, а также просто граждан, т. е. возникает много вопросов при определении фигуры мигранта. В-третьих, выделяются квалифицированные виды этого преступления, совершенные с признаками соучастия (деяния, совершаемые группой лиц или группой лиц по предварительному сговору, либо организованной группой, или в составе преступного сообщества). В этой части можно было бы говорить о более тщательной дифференциации ответственности на законодательном уровне, но уравниваются менее и более опасные формы соучастия, что не соответствует положениям науки уголовного права об ответственности соучастников. Тем более что за деяния, совершаемые в составе преступного сообщества, предусмотрена самостоятельная ответственность по ст. 262 УК Кыргызской Республики.

Более точно ответственность за групповое совершение данного преступления, по нашему мнению, опре-

делена в частях 2 и 3 ст. 322.1 УК РФ, что выражается и в содержании санкций в виде лишения свободы. Важная особенность состоит в том, что за квалифицированный и особо квалифицированный виды этого преступления предусмотрено дополнительное наказание в виде конфискации (ст. 60 и ст. 69 УК Кыргызской Республики), которая в УК РФ отнесена к иным мерам уголовно-правового характера (Раздел VI Общей части УК РФ «Иные меры уголовно-правового характера», включающий Главу 15.1 «Конфискация имущества»). Полагая, что за совершение преступления, предусмотренного ст. 322.1 УК РФ, также должна назначаться подобная мера уголовно-правового характера. Вместе с тем автор поддерживает позицию кыргызского законодателя и тех ученых, которые относят конфискацию к видам наказания, а не к иным мерам [16, с. 36; 17].

Свою специфику имеет понятие организация незаконной миграции по УК Республики Казахстан [12], которое определено в диспозиции ст. 394 УК Республики Казахстан и предполагает предоставления транспортных средств либо поддельных документов, либо жилого или иного помещения, а также оказания гражданам, иностранцам и лицам без гражданства иных услуг для незаконного въезда, выезда, перемещения по территории Республики Казахстан. В этом случае законодатель также говорит об оказании незаконных услуг, хотя в ряде случаев такие действия совершаются и при отсутствии согласия лица, которого при задержании правоохранительные органы будут считать незаконным мигрантом. Полагаем, что при подобных обстоятельствах действия так называемых организаторов должны рассматриваться в плоскости действия иных статей уголовного закона, предусматривающих ответственность за совершение наказуемых действий, сопряженных с незаконной переправкой жертв через границу. Такой вывод применим не только к нормам УК Республики Казахстан, но и других стран СНГ. В частности, такие действия чаще всего квалифицируются как торговля людьми и наказуемы по п. г) ч. 2 ст. 127.1 УК РФ, п. 8) ч. 2 ст. 181 УК Республики Беларусь, п. 5) ч. 2 ст. 166 и п. 6) ч. 2 ст. 167 УК Кыргызской Республики, ч. 3 ст. 128 УК Республики Казахстан и аналогичным статьям по уголовным кодексам других государств – участников СНГ.

Важной особенностью, несомненно, является и то, что все деяния, ответственность за которые предусмотрена УК Республики Казахстан, определены как уголовные правонарушения и разграничиваются на преступления и уголовные проступки (ст. 10 УК Республики Казахстан). При этом совершенно справедливо, на наш взгляд, деяние, предусмотренное ч. 1 ст. 394 УК Республики Казахстан, отнесено к преступлениям небольшой тяжести, хотя признание его преступлением средней тяжести является более оправданным. На наш взгляд, законодатель не учел повышенной степени общественной опасности этого деяния, которое может причинить существенный вред охраняемым отношениям в сфере миграции.

Нельзя не сказать и о выделении такого особо квалифицированного вида как совершение анализируемого преступления преступной группой (ч. 3 ст. 394 УК Республики Казахстан). В этом случае мы видим одну из форм соучастия, но имеющей специфическое название, относящееся, на наш взгляд, ко всем группам, умышленно совершающим преступление. Хотя надо отдать должное законодательству Республики Казахстан, который дал следующее официальное толкование понятию «преступная группа» в ст. 31 УК Республики Казахстан: преступление признается совершенным преступной группой, если оно совершено организованной группой, преступной организацией, преступным сообществом, транснациональной организованной группой, транснациональной преступной организацией, транснациональным преступным сообществом, террористической группой, экстремистской группой, бандой или незаконным военизированным формированием.

Тем не менее, более точно признаки организованной группы определены в ст. 35 УК РФ, но было бы правильнее последовать примеру казахского законодателя и отразить в данной статье УК РФ понятие различных преступных группировок, обозначенных в иных статьях Особенной части УК РФ (ст. 205.4 «Организация террористического сообщества и участие в нем», ст. 205.5 «Организация деятельности террористической организации и участие в деятельности такой организации», ст. 208 «Организация незаконного вооруженного формирования или участие в нем, а равно участие в вооруженном конфликте или военных действиях в целях, противоречащих интересам Российской Федерации», ст. 209 «Бандитизм», ст. 281.3 «Организация диверсионного сообщества и участие в нем», ст. 282.1 «Организация экстремистского сообщества»). Хотя и в этом случае нельзя не сказать еще об одной особенности: в ст. 3 УК Республики Казахстан «Разъяснение некоторых понятий, содержащихся в настоящем Кодексе» закреплены определения различных понятий, используемых законодателем при описании преступных деяний в статьях Особенной части УК, в перечень которых включены и понятия преступных группировок. По нашему мнению, очень много понятий в данной статье фактически являются оценочными и чаще всего разъясняются в документах судебного толкования.

Следует поддержать казахского законодателя и в том, что это преступление возможна конфискация имущества (в силу ст. 48 УК Республики Казахстан такая мера предусмотрена в качестве дополнительного наказания). Данная мера наказания, на наш взгляд, имеет весьма значительное предупредительное значение для организаторов незаконной миграции, которые действуют в основном из корыстных побуждений.

Нельзя не отметить и наличие в УК Республики Казахстан такого вида наказания как выдворение за пределы Республики Казахстан иностранца или лица без гражданства (ст. 51 УК Республики Казахстан), которое за совершение преступления может быть назначено в

качестве дополнительного вида наказания, а за совершение уголовного проступка – в качестве как основного, так и дополнительного вида наказания. Полагаем, что это законодательное решение в целом является обоснованным и отвечающим современным криминальным вызовам, но более применима не к организаторам незаконной миграции, а к иностранцам и лицам без гражданства, совершающим иные нарушения миграционного законодательства (например, за деяние, предусмотренное ст. 392 УК Республики Казахстан «Умышленное незаконное пересечение Государственной границы Республики Казахстан»).

В УК РФ такого наказания не предусмотрено. За отдельные нарушения миграционного законодательства у нас предусмотрена административная ответственность в виде административного выдворения иностранных граждан или лиц без гражданства за пределы Российской Федерации (ст. 3.2 и 3.10 КоАП РФ). В частности, мигранта выдворяют за несоблюдение правил въезда, нарушение режима пребывания или проживания в России (ст. 18.8 КоАП РФ). Анализ судебной практики показывает, что отдельные незаконные мигранты уклоняются от выдворения, продолжают находиться в Российской Федерации и совершать правонарушения и преступления (ст. 20.25 КоАП РФ не обеспечивает, на наш взгляд, неотвратимость и эффективность административного наказания за уклонение). В связи с этим высказываются мнения о дополнении УК РФ нормой об ответственности за злостное уклонение иностранных граждан или лиц без гражданства от выдворения за пределы Российской Федерации.

Полагаем, что необходимо дополнительное судебное толкование о критериях разграничения преступлений и проступков в данной сфере, т. к. постановление Пленума Верховного Суда РФ от 9 июля 2020 г. № 18 «О судебной практике по делам о незаконном пересечении Государственной границы Российской Федерации и преступлениях, связанных с незаконной миграцией» не в полной мере учитывает изменения в миграционном законодательстве и реалии современной миграционной политики.

Подводя итоги, можно сказать, что в целом в УК государств – участников СНГ, рассмотренных в статье, имеется нормативная основа для осуществления противодействия незаконной миграции. Отдельные нормы и законодательные решения могут быть использованы как в УК РФ, так и в уголовном законодательстве обозначенных государств. Вместе с тем необходимо, на наш взгляд, разработать нормы для Модельного уголовного кодекса для государств – участников СНГ, предполагающие ответственность за миграционные преступления, особенно за организацию незаконной миграции.

Библиографический список

1. Постановление Межпарламентской Ассамблеи государств – участников Содружества Независимых Государств от 16 апреля 2021 г. № 52-3 «Законодательное

регулирование миграционных процессов в период пандемии: роль парламентов государств – участников СНГ» // СПС «КонсультантПлюс».

2. Модельный уголовный кодекс для государств – участников Содружества Независимых Государств от 17 февраля 1996 г. № 7-5 // СПС «КонсультантПлюс».

3. Председатель СК России принял участие в заседании Межведомственной комиссии Совета Безопасности Российской Федерации по вопросам миграционной политики // URL: <https://sledcom.ru/news/item/1826796/>

4. В Генеральной прокуратуре Российской Федерации состоялось расширенное заседание Коллегии, посвященное итогам работы органов прокуратуры за 2023 год и задачам по укреплению законности и правопорядка на 2024 год // URL: <https://epp.genproc.gov.ru/web/gprf/mass-media/news/archive?item=94022374/>

5. В СПЧ предлагают выдворять мигрантов из страны за хулиганство // URL: <https://www.pnp.ru/social/v-spch-predlagayut-vydvoryat-migrantov-iz-strany-zakhuliganstvo.html/>

6. Председатель СК России провел совещание по вопросам противодействия миграционной преступности // URL: https://t.me/sledcom_press/14736/

7. Аналитическая справка о результатах деятельности подразделений по вопросам миграции территориальных органов МВД России за январь – октябрь 2024 года // URL: <https://xn--blaew.xn--plai/dejatelnost/statistics/migracionnaya/item/57172708/>

8. О внесении изменений в Уголовный кодекс Российской Федерации и статью 151 Уголовно-процессуального кодекса Российской Федерации: федеральный закон от 9 ноября 2024 г. № 383-ФЗ // СПС «КонсультантПлюс».

9. О судебной практике по делам о незаконном пересечении Государственной границы Российской Федерации и преступлениях, связанных с незаконной миграцией: постановление Пленума Верховного Суда РФ № 18 от 9 июля 2020 г. // СПС «КонсультантПлюс».

10. Уголовный кодекс Республики Беларусь от 9 июля 1999 г. № 275-З // КонсультантПлюс. Беларусь. Минск, 2024.

11. Уголовный Кодекс Кыргызской Республики от 28 октября 2021 г. № 127 (с изменениями и дополнениями по состоянию на 07.08.2024) // URL: <https://mvd.gov.kg/rus/ministry/normative-bases/22/>

12. Уголовный Кодекс Республики Казахстан от 3 июля 2014 г. № 226-V ЗРК (с изменениями и дополнениями по состоянию на 20.08.2024) // URL: <https://adilet.zan.kz/rus/docs/K1400000226/>

13. Михайлов В. И. Законодательное закрепление конфискации имущества : позитивный анализ // Уголовное право. 2008. № 2. С. 54–59.

14. Уголовный кодекс Российской Федерации от 13 июня 1996 № 63-ФЗ (с изменениями и дополнениями по состоянию на 02.10.2024 г.) // СПС «КонсультантПлюс».

15. Постановление Пленума Верховного Суда Российской Федерации № 18 от 9 июля 2020 г. «О судебной практике по делам о незаконном пересечении Государственной границы Российской Федерации и преступлениях, связанных с незаконной миграцией» // СПС «КонсультантПлюс».

16. Давитадзе М. Д. Уголовная политика и уголовный закон. Москва : Юриспруденция, 2018.

17. Михайлов В. И. Законодательное закрепление конфискации имущества : позитивный анализ // Уголовное право. 2008. № 2. С. 54–59.

Bibliographic list

1. Resolution of the Interparliamentary Assembly of the member states of the Commonwealth of Independent States dated April 16, 2021 № 52-3 «Legislative regulation of migration processes during the pandemic: the role of the parliaments of the CIS member states» // LRS «ConsultantPlus».

2. Model criminal code for member states of the Commonwealth of Independent States dated February 17, 1996 № 7-5 // LRS «ConsultantPlus».

3. The Chairman of the Investigative Committee of Russia took part in the meeting of the Interdepartmental Commission of the Security Council of the Russian Federation on migration policy // URL: <https://sledcom.ru/news/item/1826796/>

4. An extended meeting of the Board was held at the General Prosecutor's Office of the Russian Federation, dedicated to the results of the work of the prosecutor's office for 2023 and the tasks of strengthening law and order for 2024 // URL: <https://epp.genproc.gov.ru/web/gprf/mass-media/news/archive?item=94022374/>

5. The HRC proposes expelling migrants from the country for hooliganism // URL: <https://www.pnp.ru/social/v-spch-predlagayut-vydvoryat-migrantov-iz-strany-za-khuliganstvo.html/>

6. The Chairman of the Investigative Committee of Russia held a meeting on issues of combating migration crime // URL: https://t.me/sledcom_press/14736/

7. Analytical report on the results of the activities of the divisions on migration issues of the territorial bodies of the Ministry of Internal Affairs of Russia for January – October 2024 // URL: <https://xn--b1aew.xn--plai/dejatelnost/statistics/migracionnaya/item/57172708/>

8. On amendments to the Criminal Code of the Russian Federation and Article 151 of the Criminal Procedure Code of the Russian Federation: Federal Law of November 9, 2024 № 383-FZ // LRS «ConsultantPlus».

9. On judicial practice in cases of illegal crossing of the State border of the Russian Federation and crimes related to illegal migration: Resolution of the Plenum of the Supreme Court of the Russian Federation № 18 of July 9, 2020 // LRS «ConsultantPlus».

10. Criminal Code of the Republic of Belarus dated 09.07.1999 № 275-Z // ConsultantPlus. Belarus. Minsk, 2024.

11. Criminal Code of the Kyrgyz Republic dated October 28, 2021 № 127 (with amendments and additions as of August 7, 2024) // URL: <https://mvd.gov.kg/rus/ministry/normative-bases/22/>

12. Criminal Code of the Republic of Kazakhstan dated 03.07.2014 № 226-V ZRK. (with changes and additions as of August 20, 2024) // URL: <https://adilet.zan.kz/rus/docs/K1400000226/>

13. Mikhailov V. I. Legislative reinforcement of property confiscation: positive analysis // Criminal law. 2008. № 2. P. 54–59.

14. Criminal Code of the Russian Federation of June 13, 1996 № 63-FZ (with amendments and additions as of October 2, 2024) // LRS «ConsultantPlus».

15. Resolution of the Plenum of the Supreme Court of the Russian Federation № 18 dated July 9, 2020 «On judicial practice in cases of illegal crossing of the State border of the Russian Federation and crimes related to illegal migration» // SPS «ConsultantPlus».

16. Davitadze M. D. Criminal policy and criminal law. M. : Jurisprudence, 2018.

17. Mikhailov V. I. Legislative consolidation of confiscation of property : a positive analysis // Criminal law. 2008. № 2. P. 54–59.

Информация об авторе

Е. А. Фролова – адъюнкт факультета подготовки научно-педагогических и научных кадров Московского университета МВД России имени В.Я. Кикотя.

Information about the authors

E. A. Frolova – Adjunct of the Faculty of Training Scientific, Pedagogical and Scientific Personnel of the Moscow University of the Ministry of Internal Affairs of Russia named after V.Ya. Kikot'.

Статья поступила в редакцию 15.01.2025; одобрена после рецензирования 17.03.2025; принята к публикации 07.04.2025.

The article was submitted 15.01.2025; approved after reviewing 17.03.2025; accepted for publication 07.04.2025.

Научная статья

УДК 34

<https://doi.org/10.24412/2414-3995-2025-2-155-158>

EDN: <https://elibrary.ru/iyntqp>

NIION: 2015-0066-2/25-231

MOSURED: 77/27-011-2025-02-430

К вопросу об экологическом туризме

Александр Викторович Хренков¹, Юлия Александровна Иванова²,
Муслимат Айдабековна Аливердиева³

¹ Международный институт информатики, управления, экономики и права, Москва, Россия,
info@miiimel.ru

² Российский технологический университет – МИРЭА, Москва, Россия,
julia-ivanova-77@yandex.ru

³ Дагестанский государственный университет, Дагестан, Россия,
mail@law-books.ru

Аннотация. С конца XX в. появился новый вид туризма, целью которого является наблюдение, получение знаний от взаимодействия с природой, окружающей средой. Это экологический туризм, экотуризм, природный туризм. Данный вид туризма направлен на продвижение современной туристической инфраструктуры, в которой главное – это устойчивое развитие и сохранение окружающей среды (природы, экологии), культурных традиций и обычаев посещаемых уникальных территорий.

Ключевые слова: туризм, экология, экологический туризм, экотуризм, природный туризм, природа, окружающая среда, природные территории, туристы, экономика, особо охраняемые природные территории

Для цитирования: Хренков А. В., Иванова Ю. А., Аливердиева М. А. К вопросу об экологическом туризме // Вестник экономической безопасности. 2025. № 2. С. 155–158. <https://doi.org/10.24412/2414-3995-2025-2-155-158>. EDN: IYNTQP.

Original article

On the issue of ecological tourism

Alexander V. Khrenkov¹, Yulia A. Ivanova², Muslimat A. Aliverdieva³

¹ International Institute of Informatics, Management, Economics and Law, Moscow, Russia,
info@miiimel.ru

² Russian Technological University – MIREA, Moscow, Russia,
julia-ivanova-77@yandex.ru

³ Dagestan State University, Dagestan, Russia,
mail@law-books.ru

Abstract. Since the end of the 20th century a new type of tourism has emerged, the purpose of which is to observe and enjoy interacting with nature and the environment. These are ecotourism, ecotourism, and nature tourism. This type of tourism is aimed at promoting modern tourism infrastructure, in which the main thing is the sustainable development and preservation of the environment (nature, ecology), cultural traditions and customs of the unique territories visited.

Keywords: tourism, ecology, ecological tourism, ecotourism, natural tourism, nature, environment, natural territories, tourists, economy, specially protected natural territories

For citation: Khrenkov A. V., Ivanova Yu. A., Aliverdieva M. A. On the issue of ecological tourism. Bulletin of economic security. 2025;(2):155–8. (In Russ.). <https://doi.org/10.24412/2414-3995-2025-2-155-158>. EDN: IYNTQP.

Промышленная революция, начавшаяся во второй половине XVIII в., привела к масштабным экономическим, социальным и технологическим преобразованиям, которые распространились на весь мир [1, с. 47]. Как результат данных изменений местные жители переезжа-

ли из сельских районов в развивающиеся и масштабирующиеся крупные города, которым требовалась рабочая сила для развития промышленности и др.

Улучшения в сфере грузовых и пассажирских перевозок способствовали появлению досуга, новых форм

© Хренков А. В., Иванова Ю. А., Аливердиева М. А., 2025

развлечений и путешествий, туризма. Перемещались в основном на поездах, пользуясь тем, что железнодорожные сети соединяли пункты назначения в различных частях мира.

Цель современного экологического туризма – способствовать экологичному путешествию, которое сохраняет окружающую среду, определяет грамотное природопользование, поддерживает благополучие местных жителей и направлено на ознакомление экологических туристов с местными проблемами, но, к сожалению, экотуризм может наносить и вред окружающей среде.

Чтобы в полной мере понять, какое влияние туризм оказывает на окружающую среду, необходимо подробнее рассмотреть отдельные ключевые факторы. Вырубка лесов и разрушение среды обитания, загрязнение и отходы, изменение климата и глобальное потепление, нехватка воды, беспокойство диких животных, растений и исчезновение видов, культурная деградация и утрата аутентичности, перенаселенность и нагрузка на местные ресурсы, а также влияние на коренные народы – все это серьезные актуальные экологические проблемы, возникающие в результате нерационального туризма.

Туризм, особенно морской и прибрежный, является одной из самых быстрорастущих отраслей в крупнейшей в мире индустрии. Однако, несмотря на возросшую осведомленность об экономической и экологической значимости туризма, научные исследования в этой области появились только в последние годы.

Негативное воздействие туризма проявляется, когда уровень использования ресурсов туристами превышает способность окружающей среды (природы) справиться с этим использованием в допустимых пределах изменений. Неконтролируемый традиционный экологический туризм представляет потенциальную угрозу для многих природных территорий по всему миру.

Это может оказать огромное давление на территорию и привести к таким последствиям, как эрозия почвы, усиление загрязнения, сбросы в море, утрата естественной среды обитания, усиление давления на исчезающие виды (животные, растения) и повышение уязвимости к лесным пожарам и др. Также часто приводит к нехватке водных ресурсов и вынуждает местное население конкурировать за использование критически важных ресурсов.

На сегодняшний день к минусам экологического туризма необходимо отнести:

- ущерб окружающей среде – места, предназначенные для экологического туризма, часто являются экологически уязвимыми территориями, которым грозит исчезновение (если разрешить бесконтрольный въезд туристам, риск нанесения ущерба окружающей среде, экологии возрастет);

- нарушение дикой природы – экологические туристы могут нарушать дикую природу из-за увеличения количества посетителей, а также из-за шума, запахов и

продуктов питания, которые не являются местными и привычными;

- загрязнение – сжигание ископаемого топлива для авиаперелетов и автомобилей загрязняет уязвимые экологические территории, а также наносит вред земле, атмосферному воздуху;

- расчистка земель – экосистемы часто разрушаются при расчистке земель для размещения экотуристов, строительства туристических объектов;

- массовый туризм – существует риск, что экотуризм превратится в массовый туризм (по мере того, как отдаленные места для отдыха становятся более доступными и популярными, ущерб окружающей среде, экологии будет значительно увеличиваться из-за роста числа посетителей в год).

Современных путешественников, туристов привлекают природные достопримечательности, так как они представляют, что может предложить природа, окружающая среда. Хотя достопримечательность может оказаться не совсем такой, как представлялось, она не должна разочаровывать и всегда должна доставлять эстетическое и интеллектуальное удовольствие, пользу для здоровья.

Помимо природной красоты места, достопримечательность должна соответствовать хотя бы минимальным ожиданиям от чистой, здоровой, процветающей окружающей среды, экологии. Защита и сохранение окружающей среды в ее естественном состоянии или максимально приближенном к нему состоянии крайне важны, как и создание продуманных объектов инфраструктуры, в том числе пешеходных дорожек, площадок для пикников, мест для проживания и зон обслуживания.

Популярность и развитие туризма в природных местах, все чаще, в городских местах зависит от качества окружающей среды. Грамотное развитие туризма предполагает защиту окружающей среды и обеспечение безопасного и бережного доступа к достопримечательностям (природным, культурным, историческим). Иногда достаточно расчистить тропу в лесу и тщательно спланировать и провести консультации, инструктаж чтобы предвидеть и предотвратить потенциальный ущерб природе, экологии.

Например, некоторые экосистемы по своей природе более хрупкие, чем другие. Так, экосистема тропического острова легко разрушается, и влияние умеренного туризма на небольшом острове может быть гораздо более серьезным, чем на материке.

Другая проблема заключается в том, что природные достопримечательности могут находиться далеко от мест проживания или крупных транспортных узлов, таких как аэропорты на материке или автобусные станции, а также от аэропортов и отелей на островах. Однако некоторые аэропорты, из которых туристы отправляются в отдаленные районы, обязательно находятся рядом с природными достопримечательностями (альтернативные варианты могут быть дорогостоящими

и труднодоступными). Тем не менее, в конечном счете они могут стоить затраченных усилий, поскольку объекты, построенные для обслуживания туристов, будут также служить местным жителям и позволят им выезжать из отдаленных районов и получать услуги и товары и др. Там, где затраты на такое развитие ради блага местных жителей сами по себе непомерно высоки, туризм может стать стимулом и оправданием для развития, которое принесет пользу как местным жителям, так и туризму.

Современный устойчивый туризм направлен, в первую очередь, на достижение баланса между сохранением окружающей среды, природопользованием и потребностями туристов. Наиболее известной формой устойчивого туризма является перспективный экологический туризм XXI века, в котором большое внимание уделяется участию посетителей и их просвещению [2, с. 4].

Основные характеристики экологического туризма современного периода:

- не наносит ущерба ресурсам или достопримечательностям;
- способствует формированию позитивного отношения к окружающей среде;
- основное внимание уделяется природным экосистемам;
- позволяет туристам познакомиться с окружающей средой, особо охраняемыми природными территориями;
- знакомит посетителей (туристов) с окружающей средой, природными объектами;
- приносит пользу дикой природе, экологии и окружающей среде.

Экологический туризм – это важная ниша в индустрии современного туризма, ориентированного на особые интересы и потребности. Во всем мире это один из самых быстрорастущих, перспективных секторов туристической индустрии. Он особенно важен для экономики развивающихся стран, в которых много природных достопримечательностей, но мало ресурсов для развития инфраструктуры для массового туризма.

В эпоху устойчивого развития экологическое воздействие, оказываемое развитием туристической отрасли, привлекает пристальное внимание представителей всех слоев общества и государственных органов. В целом, экологическая, экономическая безопасность туризма, является важным фактором для качественного развития туристических направлений и построения экологической цивилизации.

Экологическая безопасность является важной основой для содействия устойчивому развитию регионов, трансграничных территорий, а также важным компонентом строительства экологической цивилизации в современной России. Повышение экологичности потребления туристов и содействие экологическому развитию территорий имеют большое значение для поддержания и улучшения экологической и экономической безопас-

ности туристических направлений. Это также важная мера для обеспечения экологической безопасности и создания экологической цивилизации в туристических местах на микроуровне, что способствует углублению и объединению масштабных исследований и перспективных экологических проектов.

В отличие от традиционных форм туризма, которые часто ставят во главу угла прибыль и массовое потребление, экологический туризм стремится найти баланс между предоставлением незабываемых впечатлений от путешествия и защитой природных и культурных ресурсов места назначения. Он не просто позволяет оценить красоту и пользу природы, но и предполагает активное участие в ее сохранении и уважение к сообществам, для которых эта среда является домом, средой обитания.

Одна из основных целей экологического туризма – свести к минимуму негативное воздействие туризма в целом на окружающую среду, экологию. Это включает в себя сокращение загрязнения, сохранение природных ресурсов и защиту мест обитания и биоразнообразия, бережное разумное природопользование. Подразумевает поддержку местной экономики и сообществ путем предоставления возможностей для трудоустройства, образования, культурного обмена, саморазвития и образования.

Современный экологический туризм не ограничивается отдаленными, нетронутыми дикой природой местами. Его можно практиковать в различных условиях, включая национальные парки, заповедники, прибрежные регионы и даже городские районы. Главное – необходимо максимально обеспечить, чтобы туристическая деятельность проводилась таким образом, чтобы сохранить целостность окружающей среды и принести пользу местным сообществам, экономики государства [3, с. 72].

Все это требует внедрения более здоровых и экологических методов туризма XXI в., особенно экологического туризма, участия и инициативы в сохранении и защите окружающей среды, природы во время путешествий или пребывания в другой стране, поскольку доказано, что можно обеспечить взаимовыгодное сосуществование туризма с окружающими экосистемами и природными ресурсами.

Эффективное управление и правильное планирование с помощью строгого, развивающегося законодательства и его надлежащей интерпретации также играют ключевую роль в повышении экологической сознательности как местных жителей, так и приезжих туристов, путешественников.

Путешествия (туризм) – неотъемлемая часть человеческой истории, нить, которая проходит через цивилизации и культуры. От первых передвижений кочевых племен в поисках ресурсов до индустрии массового туризма XXI в. – история путешествий – это путь, продиктованный необходимостью и желанием человека и общества, природы.

Концепция туризма, какой мы знаем ее сегодня, претерпела значительные изменения под влиянием технологий, культуры, экономических сдвигов и человеческого любопытства. И это сложный процесс, который не стоит на месте, а будет развиваться и совершенствоваться с учетом потребностей современников и развития технологий и законодательства.

Библиографический список

1. Александрова А. Ю. Международный туризм. М. : Аспект пресс, 2019. 470 с.
2. Астанин Д. М. Эколого-культурные аспекты эволюционного развития моделей экологического туризма // ЦИТИСЭ. 2019. № 2 (19). С. 1–4.
3. Жигула Л. Д. Основы экологического туризма. Учебно-методический комплекс. М. : Проспект, 2020. 720 с.

4. Хата З. И. Здоровье человека в современной экологической обстановке. М. : ФАИР-Пресс, 2021. 208 с.

Bibliographic list

1. Alexandrova A. Yu. International tourism. M. : Aspect press, 2019. 470 p.
2. Astanin D. M. Ecological and cultural aspects of the evolutionary development of ecotourism models // CITISE. 2019. № 2 (19). P. 1–4.
3. Zhigula L. D. Fundamentals of ecological tourism. Educational and methodical complex. M. : Prospekt, 2020. 720 p.
4. Khata Z. I. Human health in a modern ecological situation. M. : FAIR-Press, 2021. 208 p.

Информация об авторах

А. В. Хренков – ректор Международного института информатики, управления, экономики и права;

Ю. А. Иванова – доцент кафедры правового обеспечения национальной безопасности Российского технологического университета – МИРЭА, кандидат юридических наук, доцент;

М. А. Аливердиева – старший преподаватель кафедры гражданского процесса Юридического института Дагестанского государственного университета.

Information about the authors

A. V. Khrenkov – Rector of the International Institute of Informatics, Management, Economics and Law;

Yu. A. Ivanova – Associate Professor of the Department of Legal Support of National Security of the Russian Technological University – MIREA, Candidate of Legal Sciences, Associate Professor;

M. A. Aliverdieva – Senior Lecturer of the Department of Civil Procedure of the Law Institute of the Dagestan State University.

Вклад авторов: все авторы сделали эквивалентный вклад в подготовку публикации. Авторы заявляют об отсутствии конфликта интересов.

Contribution of the authors: the authors contributed equally to this article. The authors declare no conflicts of interests.

Статья поступила в редакцию 13.01.2025; одобрена после рецензирования 11.03.2025; принята к публикации 07.04.2025.

The article was submitted 13.01.2025; approved after reviewing 11.03.2025; accepted for publication 07.04.2025.

Научная статья

УДК 34

<https://doi.org/10.24412/2414-3995-2025-2-159-162>

EDN: <https://elibrary.ru/hwvmwu>

НИОН: 2015-0066-2/25-232

MOSURED: 77/27-011-2025-02-431

Подсудность особых периодов (военного и чрезвычайного положения) как новый вид подсудности в уголовном процессе Российской Федерации

Дмитрий Петрович Чекулаев

Московский государственный университет имени М.В. Ломоносова, Москва, Россия,

dm_ch@inbox.ru

Аннотация. В статье обоснована возникшая необходимость на современном этапе развития нашей страны комплексного научного изучения института подсудности в уголовном процессе, в том числе выделения в качестве отдельного ее вида «подсудности особых периодов (особых правовых режимов)», а также регламентации в отраслевом процессуальном законодательстве вопросов, связанных с изменением подсудности и особенностями доступа к правосудию на территориях, где временно действуют особые правовые режимы.

Ключевые слова: подсудность, изменение подсудности, военное положение, чрезвычайное положение

Для цитирования: Чекулаев Д. П. Подсудность особых периодов (военного и чрезвычайного положения) как новый вид подсудности в уголовном процессе Российской Федерации // Вестник экономической безопасности. 2025. № 2. С. 159–162. <https://doi.org/10.24412/2414-3995-2025-2-159-162>. EDN: HWVMWU.

Original article

Jurisdiction of special periods (martial law and state of emergency) as a new type of jurisdiction in the criminal procedure of the Russian Federation

Dmitry P. Chekulaev

Moscow State University named after M.V. Lomonosov, Moscow, Russia,

dm_ch@inbox.ru

Abstract. The article substantiates the need at the present stage of development of our country for a comprehensive scientific study of the institute of jurisdiction in criminal proceedings, including the allocation of a separate type of «jurisdiction of special periods (special legal regimes)», as well as regulation in sectoral procedural legislation of issues related to changes in jurisdiction and features of access to justice in territories where special legal regimes are temporarily in effect.

Keywords: jurisdiction, change of jurisdiction, martial law, state of emergency

For citation: Chekulaev D. P. Jurisdiction of special periods (martial law and state of emergency) as a new type of jurisdiction in the criminal procedure of the Russian Federation. Bulletin of economic security. 2025;(2):159–62. (In Russ.). <https://doi.org/10.24412/2414-3995-2025-2-159-162>. EDN: HWVMWU.

В последние годы, в связи с известным изменением военно-политической обстановки после начала проведения Россией СВО, все более актуальным становится вопрос о детальной разработке новых видов подсудности. Например, в отраслевом законодательстве требуется «процессуальное продолжение» реализации норм федеральных конституционных законов, в которых содержится упоминание о подсудности и возможности ее изменения. Отдельного изучения требуют нормы ч. 2 ст. 16 ФКЗ от 30 января 2002 г. № 1-ФКЗ «О военном положении» и ч. 3 ст. 35 ФКЗ от 30 мая 2001 г. № 3-ФКЗ

«О чрезвычайном положении», в соответствии с которыми Верховным Судом РФ может быть изменена подсудность при невозможности осуществления правосудия судами, действующими на территории, на которой введено военное (чрезвычайное) положение. Однако в УПК РФ какой-либо конкретизации данного порядка изменения подсудности нет. Неясно, в каком порядке (Пленумом Верховного Суда РФ, Президиумом Верховного Суда РФ, единолично или коллегиальным решением судьи (судей) соответствующей судебной коллегии) изменяется подсудность, каким видом «решения» может

© Чекулаев Д. П., 2025

быть изменена подсудность уголовного дела, касается ли это принятое Верховным Судом РФ решение любой процессуальной деятельности суда на соответствующей территории на определенный период времени, или же решение должно приниматься по каждому уголовному делу или материалу (об избрании меры пресечения, применении иной меры процессуального принуждения, рассмотрения жалобы в порядке ст. 125 УПК РФ и т. п.)? В авторитетной литературе справедливо отмечается, что предусмотренная указанными ФКЗ возможность изменения территориальной подсудности относится к уголовно-процессуальному законодательству, однако в регулирующей эти вопросы ст. 35 УПК РФ о полномочиях Верховного Суда РФ в этой сфере ничего не сказано [4, с. 255].

В отсутствие четкого законодательного механизма Верховный Суд РФ вынужден фактически создавать этот порядок. Например, ФЗ от 3 апреля 2023 г. № 85-ФЗ на территории Донецкой Народной Республики создал суды Российской Федерации. Соответствующее постановление Пленума Верховного Суда РФ «О дне начала деятельности федеральных судов на территории ДНР» принято 19 сентября 2023 г. Через два дня, 21 сентября 2023 г., Президиум Верховного Суда РФ, руководствуясь, в том числе ч. 2 ст. 16 ФКЗ «О военном положении» и ст. 2, 6 и 7 ФКЗ от 5 февраля 2014 г. № 3-ФКЗ «О Верховном Суде Российской Федерации» постановил изменить территориальную подсудность дел, рассматриваемых (подлежащих рассмотрению) в некоторых судах, действующих на территории ДНР. Тем не менее, указанными ФКЗ (как и другими федеральными конституционными и федеральными законами, в том числе процессуальными кодексами) такие полномочия Президиума Верховного Суда РФ не предусмотрены.

Не регулируются процессуальными законами и критерии, которым должен соответствовать суд, в который после изменения подсудности передается уголовное либо и дело. Отметим, что в литературе высказываются предложения о необходимости выработки таких критериев [3, с. 29–30]. Например, одним из них может быть транспортная доступность суда, в который передается уголовное дело, для участников процесса. Критерии, связанные с судебной нагрузкой, количеством судей в суде, наличием большого количества вакансий штатных должностей работников аппарата суда, и другие, относящиеся исключительно к организации работы суда, таковыми являться не должны. К сожалению, критерии для определения надлежащего суда, в который после изменения территориальной подсудности передается уголовное дело, не нашли отражения ни в законодательстве, ни в рекомендациях Пленума Верховного Суда РФ, что может способствовать произвольному определению такого суда.

Остается также без разъяснения как законодателя, так и Верховного Суда РФ (например, на уровне утверждаемого Президиумом Обзора правоприменитель-

ной практики, либо постановления Пленума) понятие «невозможность осуществления правосудия судами» на соответствующей территории. Представляется, что при наличии особого правового режима военного положения на определенной территории такая «невозможность» предполагает не только организационные трудности, связанные с рассмотрением дел в судах на этой территории, но и ведение или подготовку к ведению в районе юрисдикции суда боевых или иных военных действий, что не дает возможности обеспечить безопасность участников судопроизводства [см. об этом также: 9, с. 26].

Наряду с институтом изменения подсудности законодатель использует понятие «суд фактически не функционирует» как основание для вынесения руководителем следственного органа или прокурором мотивированного постановления о направлении соответствующего ходатайства (например, об избрании меры пресечения либо о продлении срока ее действия) в другой суд того же уровня (в том числе расположенный на территории другого субъекта РФ) при условии обеспечения разумных сроков уголовного судопроизводства и прав его участников. Однако эта норма содержится в ч. 8 ст. 3 ФЗ от 31 июля 2023 г. № 395-ФЗ «О применении положений УК РФ и УПК РФ на территориях ДНР, ЛНР, Запорожской области и Херсонской области», а не в УПК РФ. При этом согласно ч. 1 ст. 1 УПК РФ именно этот специальный Кодекс устанавливает порядок уголовного судопроизводства на территории РФ. Представляется, что критерии для определения надлежащего суда, уполномоченного на рассмотрение таких ходатайств в целях выполнения функций предварительного судебного контроля [о формах судебного контроля см. подробнее: 4, с. 277], должен определяться уголовно-процессуальным законом, а не иными федеральными законами и основанным на нормах этих законов «усмотрением» руководителя следственного органа, прокурора или иного властного правоприменителя. В том числе такая четкая законодательная процессуальная регламентация должна иметь место в случае, когда суд, определяемый по общим правилам подсудности, на какой-либо территории «фактически не функционирует», например, в связи с военным положением или ведением боевых действий.

Обратим внимание и на имеющийся положительный пример законодательной техники. Указанным ФЗ от 31 июля 2023 г. № 395-ФЗ (ч. 2 ст. 5) предусмотрено, что на период действия на территории указанных в нем субъектов РФ военного положения, задержание подозреваемого допускается на срок не более тридцати суток. В этот же день аналогичные изменения были внесены в ч. 2 и 3 ст. 94 УПК РФ (Федеральный закон от 31 июля 2023 г. № 396-ФЗ). Такую законодательную технику можно признать своевременной и оправданной, ее применение исключает противоречия между нормами двух федеральных законов, один из которых является процессуальным кодексом.

Другим крайне актуальным вопросом является научная разработка и последующая законодательная регламентация особенностей осуществления правосудия во время действия особых правовых периодов. Например, согласно ч. 4 ст. 1 ФКЗ № 1 от 23 июня 1999 г. «О военных судах в Российской Федерации», особенности организации и деятельности военных судов в период мобилизации и в военное время определяются соответствующими ФКЗ. В силу ч. 8 ст. 7 этого же ФКЗ, подсудность дел военным судам, а также порядок осуществления ими правосудия в период мобилизации и в военное время определяются соответствующими ФКЗ. Однако «соответствующие ФКЗ» до сих пор не приняты, что *de facto* делает невозможным реализацию данной правовой нормы. Нельзя не согласиться с судьей Верховного Суда РФ А. Н. Замашнюком, который считает, что этот правовой пробел требует устранения [2, с. 42]. Например, в литературе высказывается предложение об установлении территориальной юрисдикции военных судов распоряжением президиума вышестоящего суда (а не в законодательном порядке) «в целях своевременного осуществления правосудия на оккупированной российскими войсками местности, где объявлено военное положение, ведутся военные действия» [5, с. 337].

Несмотря на дискуссионность такого предложения, отсутствие в законодательстве регламентации особенностей осуществления правосудия в условиях особых правовых режимов дает возможность ряду авторов утверждать, что «гарантии для всех граждан на судебную защиту в условиях военного времени являются чрезмерными и закономерно подлежат ограничению путем внесения уже сейчас изменений в действующее законодательство» [6, с. 378], «превалирование при принятии решения по делам, рассматриваемым в период военного времени и в условиях боевой обстановки, принципа целесообразности над принципом законности» [6, с. 382]. По мнению другого автора, государство в ходе вооруженного конфликта немеждународного характера вводит на соответствующей территории режим чрезвычайного положения, который, как правило, характеризуется «ограничением некоторых прав и свобод граждан (например, ... право на судебное разбирательство и некоторые др.)» [1, с. 96]. Невозможно согласиться с подобными подходами в современном, правовом государстве, поскольку реализация конституционно установленных прав на судебную защиту и на законный суд не подлежит умалению даже в условиях действия режима военного (или чрезвычайного) положения [см. об этом подробнее: 9, с. 22–25].

Как правильно отмечают Н. А. Петухов и В. С. Авдонкин, в военное время значительно более, чем в мирное, происходит обострение разного рода конфликтов враждующих сторон. Жертвы этих конфликтов нуждаются, в том числе и правовой защите. Одним из элементов механизма такой защиты могут быть военные суды [5, с. 323]. В литературе, с учетом имеющегося истори-

ческого опыта нашей страны, также предлагается расширить подсудность военных судов за счет передачи им на рассмотрение всех уголовных дел в местностях, где введен особый режим военного положения и не действуют другие суды, что позволит устранить «судебный вакуум» [7, с. 186–187]. Данное предложение требует внимательного научного изучения и, по его результатам, возможного изменения законодательства.

С учетом современной военно-политической ситуации, в которой находится наша страна, необходимо признать, что вопрос о видах подсудности в доктрине не является исчерпанным. Он требует дальнейших научных исследований с целью выработки новых критериев подсудности и порядка ее изменения с одновременным совершенствованием и «согласованием» федерального конституционного, процессуального и иного законодательства. В том числе целесообразна научная разработка нового вида подсудности – *подсудность при введении военного или чрезвычайного положения* (подсудность особых периодов, или особых правовых режимов), которая может являться комплексным видом подсудности с сочетанием иных институтов, а именно родовой, персональной и территориальной. В том числе возможно и временное расширение подсудности военных судов в период действия особых периодов, основанное на четкой и установленной именно в УПК РФ процедуры определения – какой не произвольно выбранный, а конкретный, созданный на основании закона суд [об этом понятии см.: 4, с. 324–325] будет уполномочен рассмотреть конкретное уголовное или иное дело. Такой подход является одной из гарантий надлежащей реализации права каждого на рассмотрение уголовного дела тем судом и тем судьей, к подсудности которых оно отнесено законом.

Список источников

1. Алиев Ш. М. Правовые последствия вооруженных конфликтов немеждународного характера: некоторые вопросы теории и практики // Вестник МГУ. Сер. 11 Право. 2019. № 5. С. 85–99.
2. Замашнюк А. Н. Актуальные проблемы подсудности уголовных дел военным судам на современном этапе // Институт подсудности в уголовном процессе : материалы I Всероссийской научно-практической конференции «Актуальные проблемы российского уголовного процесса», г. Москва, 29 марта 2024 года. М., 2024. С. 33–46.
3. Коновалова Е. Е., Чекулаев Д. П. Территориальная подсудность уголовных дел по выбору стороны обвинения : *de lege lata et de lege ferenda* // Законодательство и практика. 2020. № 2 (45). С. 27–31.
4. Курс уголовного процесса / под ред. Л. В. Голловко. 3 изд., испр. и доп. М., 2021. 1328 с.
5. Петухов Н. А., Авдонкин В. С. О правовом регулировании организации военных судов России в период мобилизации и в военное время // Военные суды (трибуналы) России в условиях особых правовых режимов :

сборник научных статей / под ред. Н. А. Петухова. М., РГУП, 2024. С. 322–337.

6. Туганов Ю. Н., Аулов В. К. Особые правовые режимы : основные направления совершенствования правовой основы судебной деятельности военных судов в военное время, в условиях вооруженного конфликта или ведения боевых действий // Военные суды (трибуналы) России в условиях особых правовых режимов : сборник научных статей / под ред. Н. А. Петухова. М., РГУП, 2024. С. 371–382.

7. Химичев М. В. Расширение подсудности военных судов при военном положении : традиция или пережиток? // Судебная власть в условиях новых вызовов : сб. статей Всероссийской научно-практической конференции, посвященной 25-летию кафедры организации судебной и правоохранительной деятельности РГУП. В 2-х ч. / отв. за выпуск Е. В. Бурдина, Н. В. Головушкина. М., 2024. Ч. 1. С. 178–190.

8. Чекулаев Д. П., Химичев М. В. Изменение территориальной подсудности уголовных дел в условиях режима военного положения. Статья 1. К вопросу о реализации права на законный суд и права на доступ граждан к правосудию в условиях режима военного времени // Военно-юридический журнал. 2023. № 5. С. 22–25.

9. Чекулаев Д. П., Химичев М. В. Изменение территориальной подсудности уголовных дел в условиях режима военного положения. Статья 2. Возможные варианты реализации гражданами права на законный суд и доступ к правосудию в условиях военного времени // Военно-юридический журнал. 2023. № 6. С. 25–28.

References

1. Aliyev Sh. M. Legal consequences of non-international armed conflicts : some issues of theory and practice // Bulletin of Moscow State University. Series 11 Law. 2019. № 5. P. 85–99.

2. Zamashnyuk A. N. Actual problems of jurisdiction of criminal cases by military courts at the present stage // Institute of jurisdiction in criminal proceedings materials of the I All-Russian scientific and practical conference «Actual

problems of Russian criminal procedure», Moscow, March 29, 2024. М., 2024. P. 33–46.

3. Konovalova E. E., Chekulaev D. P. Territorial jurisdiction of criminal cases at the choice of the prosecution : de lege lata et de lege ferenda // Legislation and practice. 2020. № 2 (45). P. 27–31.

4. Course of criminal procedure / edited by L. V. Golovko. 3rd ed., corrected and enlarged. М., 2021. 1328 p.

5. Petukhov N. A., Avdonkin V. S. On the legal regulation of the organization of military courts of Russia during mobilization and in wartime // Military courts (tribunals) of Russia in the context of special legal regimes : collection of scientific articles / edited by N. A. Petukhov. Moscow, Russian State University of Printing and Printing, 2024. P. 322–337.

6. Tuganov Yu. N., Aulov V. K. Special legal regimes: the main directions of improving the legal basis for the judicial activities of military courts in wartime, in conditions of armed conflict or combat operations // Military courts (tribunals) of Russia in the conditions of special legal regimes : collection of scientific articles / edited by N. A. Petukhov. М., RGUP, 2024. P. 371–382.

7. Khimichev M. V. Expansion of jurisdiction of military courts under martial law : tradition or relic? // Judicial power in the context of new challenges : collection of articles of the All-Russian scientific and practical conference dedicated to the 25th anniversary of the Department of Organization of Judicial and Law Enforcement Activities of RGUP. In 2 parts / responsible for the issue E. V. Burdina, N. V. Golovushkina. М., 2024. Part 1. P. 178–190.

8. Chekulaev D. P., Khimichev M. V. Changing the territorial jurisdiction of criminal cases under martial law. Article 1. On the issue of exercising the right to a legal trial and the right of citizens to access justice under martial law // Military Law Journal. 2023. № 5. P. 22–25.

9. Chekulaev D. P., Khimichev M. V. Changing the territorial jurisdiction of criminal cases under martial law. Article 2. Possible options for citizens to exercise the right to a legal trial and access to justice under wartime // Military Law Journal. 2023. № 6. P. 25–28.

Информация об авторе

Д. П. Чекулаев – доцент кафедры уголовного процесса, правосудия и прокурорского надзора юридического факультета Московского государственного университета имени М.В. Ломоносова, кандидат юридических наук.

Information about the author

D. P. Chekulaev – Associate Professor of the Department of Criminal Procedure, Justice and Prosecutor's Supervision of the Law Faculty of the Moscow State University named after M.V. Lomonosov, Candidate of Legal Sciences.

Статья поступила в редакцию 28.01.2025; одобрена после рецензирования 13.03.2025; принята к публикации 07.04.2025.

The article was submitted 28.01.2025; approved after reviewing 13.03.2025; accepted for publication 07.04.2025.

Научная статья

УДК 34

<https://doi.org/10.24412/2414-3995-2025-2-163-169>

EDN: <https://elibrary.ru/hxchlx>

НИОН: 2015-0066-2/25-233

MOSURED: 77/27-011-2025-02-432

Юридические аксиомы как правовой регулятор и консолидирующий структуру права компонент

Владимир Иванович Червонюк

Московский университет МВД России имени В.Я. Кикотя, Москва, Россия,

v.chervonyuk@yandex.ru

Аннотация. В логическом строе права юридическим аксиомам в сравнении с правовыми презумпциями, фикциями, конструкциями и преюдициями повезло менее всего. Между тем концепт юридических аксиом имеет не только доктринальное, но и, собственно, важное значение для юридической практики, притом как в сфере законодательства, так и правоприменения. Аксиомы права не есть принципы права, как это представляется господствующему мнению. В статье доказывается их несовпадение с принципами права, присущая им нормативность и структурообразующее значение в правовой системе.

Ключевые слова: логический уровень права, юридические максимы, юридические афоризмы, правовые постулаты, «близость» аксиом права к принципам права, «трансцендентально-логические» постулаты, регулятивная сила аксиом, нормативность аксиом права, структурообразующее значение юридических аксиом, феномен аксиоматизации права, логика права и математическая логика, «периодическая таблица» правовых элементов, каталог общепринятых аксиом права

Для цитирования: Червонюк В. И. Юридические аксиомы как правовой регулятор и консолидирующий структуру права компонент // Вестник экономической безопасности. 2025. № 2. С. 163–169. <https://doi.org/10.24412/2414-3995-2025-2-163-169>. EDN: HXCHLX.

Original article

Legal axioms as a legal regulator and a component consolidating the structure of law

Vladimir I. Chervonyuk

Moscow University of the Ministry of Internal Affairs of Russia named after V.Ya. Kikot', Moscow, Russia,

v.chervonyuk@yandex.ru

Abstract. In the logical structure of law, legal axioms are the least fortunate in comparison with legal presumptions, fictions, constructions and prejudices. Meanwhile, the concept of legal axioms is not only doctrinal, but also actually important for legal practice, moreover, both in the field of legislation and law enforcement. The axioms of law are not principles of law, as it seems to the prevailing opinion. The article proves their discrepancy with the principles of law, their inherent normativity and their cultural significance in the legal system.

Keywords: logical level of law, legal maxims, legal aphorisms, legal postulates, «proximity» of the axioms of law to the principles of law, «transcendental logical» postulates, regulatory force of axioms, normativity of the axioms of law, structure-forming meaning of legal axioms, phenomenon of axiomatization of law, logic of law and mathematical logic, «periodic table» of legal elements, catalog the generally accepted axioms of law

For citation: Chervonyuk V. I. Legal axioms as a legal regulator and a component consolidating the structure of law. Bulletin of economic security. 2025;(2):163–9. (In Russ.). <https://doi.org/10.24412/2414-3995-2025-2-163-169>. EDN: HXCHLX.

Современное право представляет собой сложное, многосоставное и многоуровневое образование. В структурную организацию права юридические аксиомы входят посредством так называемого логического

уровня, имеющего особое предназначение в составе права. Правовые аксиомы, по общему признанию, – это некие самоочевидные истины, т. е. положения, которые принимаются без доказательства, формируются в со-

знании человека в виде фигур логики вследствие многократного повторения практики, и при этом отражают достоверные знания относительно проявляющихся в правовой жизни социально-правовых закономерностей. Иными словами, выступая продуктом мышления, правовые аксиомы характеризуются тесной связью с социально-правовым опытом, концентрированно выражают его, не противоречат ему и не могут быть кем-либо опровергнуты на основании приобретенного собственного опыта. С позиции устоявшегося понимания правовые аксиомы характеризуются как правовые «нормы», ставшие в результате проверки многовековой общественно-исторической практикой непреложными, исходными элементарными истинами – привычными и самоочевидными, вне которых невозможно существование права как социального явления [1, с. 4–5, 12]; это непреложные истины, выражающие специфику права [2, с. 4, 14; 3, с. 37]. Правовые аксиомы одновременно выражают собой и рациональное, и ценностное, логическое и аксиологическое, в определенном смысле представляя собой «золотой фонд» сложившихся в процессе развития человечества правовых установлений (А. А. Ференс-Сороцкий)¹. Верно поэтому, что отступление и несоблюдение требований правовых аксиом, выражающих нравственные основы и общечеловеческое содержание права, способно привести к тому, что право утратит присущие ему самобытные черты, перестанет быть правом [4, с. 111–112].

Можно предположить, что становление и развитие права неизменно сопровождается появлением и развитием в самом его содержании правоположений аксиоматического характера. Известно, что уже римское право «обратило внимание» на юридические аксиомы: в качестве таковых выступали позиционирующие элементарные требования здравого смысла, объективированные в форме судебных прецедентов или норм обычного права процессуальные правила и решения [5], которые спустя длительное время после их формулирования воспроизводились в юридической практике вне времени и пространства, укореняясь в правовой памяти как надпозитивный и наднациональный феномен, вроде тех, которые имеют характер неопровержимых и не допускающих исключений правоположений: «где есть право, там есть и защита», «никто не может быть судьей в собственном деле», «никто не обязан свидетельствовать против себя» и т. д. и т. п.

Английский философ и правовед, государственный деятель и судебный практик Фрэнсис Бэкон, в подготовленных им так называемых вспомогательных юридических книгах (*auxiliary books*), в которых представлен был материал для догматической и технико-юридической основы будущей кодификации права, включил в свод общих правил и принципов «*De regulis juris*», охватывавших своим содержанием в том числе юридические аксиомы и максимы толкования права. В их числе,

в частности, утверждения о том, что «право дополнять закон и расширять границы его применения или же смягчать его действие мало чем отличается от права издавать законы» (аф. 37); судьям «всегда надлежит помнить, что их дело толковать законы (*jus dare*), а не создавать и издавать их (*jus dicere*)»; «даже под предлогом осуществления справедливости суды «не должны обладать правом выносить решения вопреки существующим законам. Ведь если это произойдет, судья целиком превратится в законодателя, и все будет зависеть от его произвола» (аф. 44) [6; 7]. В неопубликованном и неутратившем научно-практическую ценность труде Бэкон обращает внимание на взаимосвязь между «юридическими максимами-правилами» (*regulae juris*) и искомой формальной «определенностью права» (*legal certainty*). Он настоятельно рекомендовал парламентариям формулировать законы более кратко и определенно, так как их множественность приводит к нарушению правовой определенности, что, по его мнению, считается главным вызовом стабильности всей правовой системы. В понимании Бэкона, юридические аксиомы, или «максимы, являются основанием закона», а также представляют собой «полные и совершенные выводы на основе разума»; они – юридические максимы – указывают на те юридические нормы, которые должны быть приняты всеми как нерушимые. Утверждая так, Бэкон отмечал, что «нелепо и недопустимо заниматься повторным доказыванием правил и максим». Систематика множества максим («афоризмов») представлена Бэконом в «Трактате об источниках права» (1623 г.), сгруппированных в 17-ти разделах, каждому из которых автором предпосланы подзаголовки: «О главном достоинстве законов – их точности»; «Обращение к аналогичным случаям и расширение сферы действия законов»; «О прецедентах и их использовании», «Об обратной силе законов»; «О неясности законов»; «О чрезмерном изобилии законов»; «О сложном и неясном изложении законов»; «О способах разъяснения закона и устранении его двусмысленности» и др.

Справедливости ради, надо также обратить внимание на то обстоятельство, что хотя специалисты и указывают на то, что Бэкон для оценки юридических аксиом использует в качестве «синонимов» такие понятия, как «правила», «максимы» и «афоризмы», смоделированные им по образцу юстиниановских «*De diversis Regulis juris*» [7], тем не менее, множество постулируемых в различных работах Ф. Бэкона высказываний все же нельзя отнести к разряду юридических аксиом, поскольку они по своему содержанию и потенциалу оставались афоризмами, хотя и запоминающимися. Отмеченное не исключает справедливости того, что «некоторые догмы (постулаты) стали пословицами и афоризмами» [8, с. 72].

В этой же связи не представляется возможным придание каждой из используемых в современной литературе лексем «правовые постулаты» и «юридические аксиомы» самостоятельного значения, имея в виду,

¹ Представляется не вполне точным утверждение о том, что проблема аксиом в праве носит скорее не логический, а аксиологический характер [2].

что [9, с. 177] игнорирование данного обстоятельства напоминало бы в подобных случаях эффект «бритвы Оккама», – несоблюдение вошедшего в арсенал эпистемологии запрета не множить сущее (сущность) без необходимости. В то же время как и в общей философии, в теории (логике и философии) права использование того или иного термина может быть объяснено свободой выбора исследователя [9, с. 177].

Несомненно, представляет интерес оценка правовой природы правовых аксиом, имея в виду, что едва ли не большая часть юристов или сдержанно относятся к высказываниям относительно нормативной природы аксиом, или совершенно однозначно к собственно к праву юридические аксиомы не относят. Своеобразный взгляд на проблему представлен в монографической работе Я. Стоилова. Автор утверждает, что «Правовые постулаты изначально... являются не частью права, а необходимым элементом системы права», притом что «по своей природе это правила, нацеленные на обоснование юридических решений, следовательно, на юридическую практику» [8, с. 72].

Для правильной методологически точной оценки правовой природы правовых аксиом, их влияния на структурную организацию права, юридическую практику (правоприменение и законодательствование) будет несколько преждевременной ориентация на сделанный в общей теории вывод о том, что «в современных правовых системах аксиомы права составляют часть права, представляя «сгустки» его материи, находят закрепление в законодательстве, приобретая разные формы, но при этом сохраняя свою самоидентичность» [10, с. 11].

Вместе с тем, внимательный взгляд на правовую действительность дает основание для вывода о том, что юридические аксиомы находят отражение во всех сферах, зонах, участках действия права и правового регулирования, в связи с чем, как представляется, правомерно вести речь об аксиомах права, функционирующих в сферах действия материального и процессуального, регулятивного и охранительного права, а равно в сфере действия частного и публичного права. Безусловно, следует делать акцент на аксиомах права, имеющих универсальный характер и распространяющихся на все области действия права. Очевидно, правомерно вести речь об аксиомах права, так или иначе подчиняющих взаимосвязанные и в то же время весьма специфичные процессы конвергенции и дивергенции.

Как показывает анализ, следует исходить из того обстоятельства, что во всем многообразии правовых аксиом следует выделять две их разновидности, которые существенно (сущностно) отличаются друг от друга. На это обстоятельство справедливо обращает внимание болгарский ученый-юрист Я. Стоилов, по мнению которого одни из них – правовые аксиомы (по выражению автора, «правовые постулаты») – имеют лишь когнитивное значение, они способствуют пониманию системы права и способа ее функционирования, в то время как другие постулаты имеют прикладное значение, они ис-

пользуются для толкования и обоснования правовых решений: разумность, пропорциональность и др. При этом вследствие прежде всего судебного активизма Суда ЕС, некоторые постулаты права, как, например, постулаты о пропорциональности, о смысле закона (*ratio legis*), благодаря своему полезному результату, превратились в принципы. Таким образом они не перестали быть постулатами, но «повысили» свой статус, используя в качестве принципов. Я. Стоилов делает вывод о том, что «Предложенное разграничение не абсолютизирует границу между принципами и постулатами, даже допускает возможность трансформации определенного постулата в принцип и соответствующего дальнейшего функционирования в таком виде [8, с. 72].

Действительно, отмеченная амбивалентность специфична, притом не только для правовых аксиом, но, видимо, и для всех иных составляющих так называемого логического уровня права [11, с. 339–388]. Однако представляется не вполне правильным предложенное Я. Стоиловым жесткое разграничение правовых аксиом в том смысле, что одни из них влияют на структуру права, в то время как другие все же в той или иной степени отличаются свойством обязательности, или нормативности. С высокой степенью вероятности можно утверждать, что правовые аксиомы (равно и презумпции, фикции права) одновременно оказывают и структурообразующее и регулятивное влияние на право. При этом, конечно, характер влияния тех или иных правовых аксиом на какой-то из отмеченных аспектов влияния может быть различным и даже «трудноуловимым».

Так, несомненно, что такие аксиоматичные для современного права правовоположения, как его целостность, структурность, системность действия, органичная связь и взаимообусловленность регулятивного и охранительного, материального и процессуального, частного и публичного права отображают особенности структурной организации права. Одновременно и во взаимосвязи с этими сформировались и оказывают свое непрерывное влияние на действие права такие аксиомы, как «соответствие закона юридической и социальной адекватности, «закон есть выражение согласованного интереса, вне правовой активности адресатов права его действие невозможно», недействительные нормы права обессточивают социальную ценность права» и др.

С учетом отмеченного важное значение приобретает соотнесение юридических аксиом и принципов права. В современной литературе по этому вопросу существуют самые разноречивые утверждения, при том что наиболее распространенным является полное отождествление аксиом и принципов права.

По общему признанию, в отличие от принципов права аксиомы – более абстрактное понятие, предполагающее и а) сформулированные учеными-юристами фундаментальные идеи и идеалы, отражающие достижения правовой мысли и практического опыта, и б) обособленные в виде относительно самостоятельных элементов, исходные нормативно-руководящие на-

чала (императивные требования и т. д.), которые определяют общую направленность, качество и эффективность правового регулирования социальных связей и отношений. Видимо, такие характеристики чрезмерно общие и, собственно говоря, не содержат идентифицирующих каждый из феноменов – принципов и аксиом права – признаков.

Равным образом утверждение о том, что «сложные взаимосвязи принципов и аксиом находят отражение в их диалектическом единстве, способности к взаимопереходам и раскрытии одного явления через другое» [10, с. 12], как представляется, лишь усложняет оценку идентификации аксиом права. То, что аксиомы права при определенных условиях переходят в категорию принципов права, уже можно считать доказанным. Напротив, вывод о преобразовании принципов права в аксиоматические положение правильнее считать все же неким допущением. Если следовать логике цитируемого автора, то «диалектику единства и взаимопереходов» можно усматривать не только в связи с принципами, но и правовыми целями, правовыми традициями, правовыми презумпциями и др., прежде всего, так называемыми исходными установлениями.

Справедливо обращено внимание, что и в западной литературе существуют различные мнения о природе правовых аксиом («постулатов»), в частности, ведутся споры о том, являются ли они категорией или нет, при том что некоторые авторы считают, что это логические и лингвистические правила, которые служат исключительно для рассуждения, направления, советов, но их использование не является обязательным, а зависит от оценки судьи. Кроме того, еще одна часть исследователей разделяют аксиомы на специфические и неспецифические, из чего можно предположить, что первые имеют непосредственное отношение к праву [8, с. 71–72].

В самом первом приближении можно предположить, что отличие принципов права и правовых аксиом заключается в степени их правовой определенности. В этой связи основные особенности принципов и аксиом права, как показывает анализ, следует усматривать в следующем. Во-первых, юридические аксиомы, в отличие от принципов права, не являются и не могут выступать в правоприменении правовым основанием решения по делу. С этой точки зрения, регулятивная сила аксиом проявляется не в том, что они непосредственно или опосредованно находят свое выражение в нормах и принципах права (в большинстве случаев они не получают юридического закрепления), а в том, что в них заключены основные логические смыслы, понятия, на основе которых формулируются принципы, иные фундаментальные правовые положения, строится само право; во-вторых, как правило, юридические аксиомы не позитивированы в тексте закона или иного нормативного правового акта, хотя композиционно могут быть встроены в содержание правовых позиций, представленных в мотивировочной части решений Конституционного и

Верховного судов¹; в-третьих, юридические аксиомы не являются «классической» разновидностью форм права и, в отличие от принципов права, могут быть квалифицированы в качестве так называемого «мягкого права», своего рода рекомендательным установлением права; в-четвертых, аксиомы – это, можно сказать, наиболее общий правовой стандарт правового поведения².

По мнению Я. Стоилова, специально исследовавшего данную проблему, различия между принципами и (в терминологии автора) «правовыми постулатами» заключены в том, что правила и принципы применяются, а постулаты направляют действие других норм; правила и принципы адресованы, прежде всего, публичной власти и гражданам, в то время как постулаты – напрямую тем, кто занимается толкованием и применением права. Если даже постулаты (аксиомы) указывают на необходимость выбора определенного вида поведения, то все равно «их неисполнение, в отличие от классических принципов права, в ряде случаев не имеет правовых последствий», поскольку «нельзя оспорить юридическую силу какого-либо закона и вынести ее на обсуждение Конституционного суда лишь потому, что нарушены требования необходимости, обоснованности, стабильности и пр. характеристики законодательного акта». Отсюда и контроль возможен только в процессе осуществления законодательной инициативы и самого процесса законодательства. Далее, правила и принципы взаимодействуют между собой, а постулаты, поскольку находятся на метауровне, направляют применение норм и принципов, не вступая в конфликт с другими нормами. В то время как правила и принципы регулируют поведение адресатов права, постулаты ориентируют применяющие их органы и, прежде всего, суд касательно методов юридического обоснования. В понимании цитируемого автора, «постулаты – это ментальные инструменты, которые не имеют самостоятельного юридического действия, и исполняют вспомогательную логически обосновывающую роль» [8, с. 72].

Одновременно обращено внимание на то обстоятельство, что наряду со слабой оценкой регулятив-

¹ Нередко аксиомами называют получившие в законодательстве закрепление правовые положения, которые таковыми не являются. Так, в частности, отмечается, что «для нас уже стало аксиомой, что осуществление субъективных прав и законных интересов одного лица не должно нарушать прав и законных интересов других лиц, например, статус супруга (состояние в браке) ограничивает, как правило, реализацию интересов супруга как собственника (ст. 253 ГК, ст. 35 СК)» [12]. В указанном случае законодательно закреплена не правовая аксиома, а правовой принцип незлоупотребления правом.

² Нередко аксиомами называют получившие в законодательстве закрепление правовые положения, которые таковыми не являются. Так, в частности, отмечается, что «для нас уже стало аксиомой, что осуществление субъективных прав и законных интересов одного лица не должно нарушать прав и законных интересов других лиц, например, статус супруга (состояние в браке) ограничивает, как правило, реализацию интересов супруга как собственника (ст. 253 ГК, ст. 35 СК)» [12]. В указанном случае законодательно закреплена не правовая аксиома, а правовой принцип незлоупотребления правом.

ной силы аксиом, обрисовывается традиция, когда постулаты права охватывают не только юриспруденцию, понимаемую как рассмотрение, толкование и решение дел в суде, но и легиспруденцию как процесс подготовки, обсуждения и принятия нормативных актов (Б. Чернева).

Сдержанная оценка юридического значения данного концепта не исключает того, что в определенных случаях правовые аксиомы преобразуются, к примеру, в принципы права, что не всегда принимается в расчет. Обращено внимание, что из сформулированной еще в древнем Риме аксиомы справедливого правосудия «*audi alteram partem*» – «выслушать обе стороны», произошли несколько важных принципов справедливого правосудия, таких как принцип состязательности, принцип беспристрастности [14]. Таким образом, место юридических аксиом в структурной организации права и в его логическом инструментарии обусловлено в значительной мере их «близостью» к принципам права. В этом смысле аксиомы являются правовым «веществом», из которого формулируются принципы, в связи с чем обращено внимание на то обстоятельство, что содержание одной или нескольких аксиом может быть «уплотнено», свернуто в один принцип, который затем раскрывается посредством одной или чаще нескольких норм-аксиом.

В то же время юридическая аксиома без определенной трансформации «статус» принципа права не приобретает. В этой связи сделанный Конституционным судом РФ в постановлении № 4-П от 12 марта 2001 г. вывод о том, что «право быть услышанным» является общеправовым принципом, представляется преждевременным. Можно предположить, что федеральный орган конституционного нормоконтроля допускает неточность, отождествляя правовые аксиомы и принципы права, притом как в приведенном выше случае, так и при принятии решений по некоторым другим делам. В частности, в мотивировочной части постановления Конституционного суда РФ от 1 декабря 1999 г. № 17-П «По спору о компетенции между Советом Федерации и Президентом Российской Федерации относительно принадлежности полномочия по изданию акта о временном отстранении Генерального прокурора Российской Федерации от должности в связи с возбуждением в отношении него уголовного дела» содержится констатация Суда о том, что данные полномочия Совета Федерации «сами по себе не определяют его компетенции по временно-му отстранению Генерального прокурора от должности в связи с возбуждением в отношении него уголовного дела», не учитывает общепризнанного принципа (правовой аксиомы) толкования права в сфере публичных отношений – «*a fortiori*» (кто управомочен или обязан к большему, тот управомочен или обязан к меньшему)¹. Очевидно, что в обоих случаях Конституционный

суд несколько вольно обращается с фундаментальными правовыми понятиями, каждое из которых имеет весьма специфичную и присущую только ему правовую природу. Одновременно отмеченное указывает на «близкое родство» юридических аксиом и принципов права.

Значение юридических аксиом для обеспечения целостности и структурности права, а равным образом его результативности и социальной ценности, заключается в том, что они позволяют структурировать («уплотнить») нормативный материал, способствуют собиранию разрозненных частиц права в единое целостное образование, придавая тем самым праву целостность и системный характер действия. Концентрируя тысячелетний опыт юридической практики, приобретая, таким образом, авторитет истинности, очевидности, аксиомы становятся важным средством экономии правовых средств. Соответственно, аксиомы упрощают правовое регулирование, делают его более мобильным, эффективным и экономным. Безусловно, юридические аксиомы реализуют функцию генерирования правового опыта и правовых ценностей и ретрансляции их в юридическую практику. Воплощая в своем содержании исторический опыт, связанный с поисками путей наиболее эффективного правового разрешения спорных жизненных ситуаций, аксиомы выполняют функцию сохранения, воспроизводства и распространения той части социального опыта, которая призвана обеспечить стабильность и динамику правовой системы.

Входя в состав логического уровня права [15, с. 339–388], юридические аксиомы «собирают», консолидируют нормы и иные установления разных уровней, придают им единение, сцепляя их друг с другом и таким образом обеспечивают структурность и целостность права, придают лабильность и устойчивость правовой системе.

Для характеристики места и роли правовых аксиом в структуре права принципиально важен вывод о том, что наиболее важные аксиомы права формулируются в законе, и выступают в качестве своеобразной несущей конструкции, на которой основана вся система права. Очевидно поэтому «только при наличии обязательного набора аксиом отрасль права может быть признана полноценной и выполнять свою задачу» [16, с. 24 и сл].

Как отмечалось автором в более ранних работах, потенциал аксиом в структурной организации права можно использовать гораздо рациональнее, если исходить из подверженности права феномену аксиоматизации. Так, аксиоматичны положения о наличии в структуре права таких дихотомичных образований, как регулятивное и охранительное право, право публичное и частное, материальное и процессуальное; аксиомой для всех без исключения национальных, региональных и международных систем права является подразделение составляющих их норм на два класса: нормы («правила») первичные и вторичные. Очевидно, что следует признать в качестве неоспоримого положение об осо-

¹ Собрание законодательства Российской Федерации. 1999. № 51. Ст. 6364.

бой роли конституционного права в правовой структуре (в связи с чем постулат «конституционное право – не еще одна отрасль права») должен стать своего рода максимумом по меньшей мере для юристов), об общих принципах права – как «трансцендентально-логических» постулатах и др.

Притом что право не подлежит той степени аксиоматизации, которая свойственна биологии, математике, и др. областям естествознания, элементы аксиоматизации в праве не только возможны, но и необходимы. Видимо, по аналогии с перечнем общепринятых всеми аксиом, сформулированных И. А. Ильиным в отношении правосознания, подобный перечень следует предложить и по отношению к праву. Тем самым производство права, его обнаружение в нормотворческой деятельности, в правоприменительной практике, при осуществлении конституционного контроля, а равно в процессе систематики позитивного права было бы связано фундаментальными постулатами права. Доктрина права и юридическая практика – законодательствование, правоприменение, конституционный контроль, судебный и прокурорский надзор, правоохрана – приобрели бы прочное мировоззренческое основание.

Исходя из того, что аксиомы в праве имеют иерархическое строение, их свод представлял бы сообразно действительному предназначению права механизм консолидации правовой материи, связанности (инкорпорирования) норм в иерархичные нормативные комплексы, консолидации нормативного материала в единое, структурно упорядоченное и целостное образование. Тем самым посредством приема аксиоматизации становится возможным «собрать» подчиненные единым началам разноуровневые структурные подразделения права, придать ему целостность и, вследствие этого, свойство общесоциального регулятора. «Одновременно станет возможным более четко представить недостающие звенья структуры права, равно как и очевидными станут нормативно-юридические излишества в правовой системе; упорядоченность множества таких элементов станет реальным фактом» [11, с. 351–356].

Таким образом, хотя аналог с «периодической таблицей химических элементов» здесь весьма условный, но со значительными оговорками, наверное, он возможен [17]. Подобно тому, как это предложено, к примеру, в теоретической биологии [18, с. 98], отмеченное означало бы возможность исследовать и доказывать присущие структурным рядам права закономерности, с высокой вероятностью прогнозировать необходимость введения в правовую систему новых структурных элементов. Соответственно, логика права и математическая логика в определенной мере, действительно оказались бы совместимыми; право, таким образом, в определенной части, безусловно, можно было бы приблизить к математической логике. В свою очередь, это обеспечило бы точность, высокую прогностичность, предсказуемость правового регулирования и, в конечном счете, результативность действия права.

Список источников

1. Ференс-Сороцкий А. А. Аксиомы и принципы гражданско-процессуального права. СПб. : Юрид. Центр «Пресс», 2008.
2. Ференс-Сороцкий А. А. Аксиомы и принципы гражданско-процессуального права : автореф. дис. ... канд. юрид. наук. Л., 1989.
3. Зяблова Т. Е. Правовые аксиомы : монография / Г. В. Зяблова, А. В. Масленников ; под ред. канд. юрид. наук, доц. В. В. Мамчуна. Владимир : Владимир. юрид. ин-т, 2009.
4. Алексеев С. С. Проблемы теории права : в 2 т. Свердловск, 1972.
5. Авакьян С. А. Проблемы прямого действия и применения Конституции Российской Федерации 1993 года // Конституционное и муниципальное право. 2018. № 12. С. 18–26.
6. Бэкон Ф. Новый органон // Сочинения / пер. П. А. Бибикова. СПб., 1874. 581 с.
7. Бэкон Ф. Сочинения: в 2 т. М., 1977. 575 с.
8. Стоилов Я. Принципы права : понятие и применение : монография / вст. ст., науч. ред. пер. Е. А. Фроловой. М. : Проспект 2024.
9. Зяблова Т. Е., Мамчун В. В. Аксиомы и постулаты в праве // Вестник Владимирского юридического института. 2018. № 4 (49).
10. Масленников А. В. Правовые аксиомы : автореф. дис. ... канд. юрид. наук. Владимир, 2006.
11. Червонюк В. И. Структура права : теория, методология, технологии и практики формирования : монография. М. : Юстицинформ, 2024.
12. Комиссарова Е. Г. Философия «электронной» состязательности в гражданском судопроизводстве / под ред. О. А. Кузнецовой, В. Г. Голубцова, Г. Я. Борисевич, Л. В. Боровых, Ю. В. Васильевой, С. Г. Михайлова, С. Б. Полякова, А. С. Телегина, Т. В. Шершень // Пермский юридический альманах. Ежегодный научный журнал. 2019. № 1. С. 460–472.
13. Юридическая техника : учебник / Под ред. проф. В. М. Баранова. М. : Проспект, 2023.
14. Червонюк В. И. Структура права : закономерности формирования и развития (в 9 вып.). Выпуск пятый. Логический инструментарий права // Вестник Московского университета МВД России. 2014. № 4. С. 162–168.
15. Червонюк В. И. Логический (специальный) уровень структуры права // Структура права : теория, методология, технологии и практики формирования : монография. М. : Юстицинформ, 2024.
16. Ильин И. А. О сущности правосознания. М., 1993.
17. Ложкин В. Н. Аксиомы и периодическая система в теоретической биологии : научное пособие. Чебоксары : «Новое Время», 2011.
18. Черниловский З. М. Презумпции и фикции в истории права // Сов. гос-во и право. 1984. № 1.

References

1. Ferens-Sorotsky A. A. Axioms and principles of civil procedure law. SPb. : Yurid. Press Center, 2008.
2. Ferens-Sorotsky A. A. Axioms and principles of civil procedure law : abstract. dis. ... kand. jurid. Sciences. L., 1989.
3. Zyablova T. E. Legal axioms : monograph / G. V. Zyablova, A.V. Maslennikov ; edited by the candidate jurid. sciences, Associate Professor V. V. Mamchun. Vladimir : Vladimir. jurid. in-t, 2009.
4. Alekseev S. S. Problems of the theory of law : in 2 vols. Sverdlovsk, 1972.
5. Avakian S. A. Problems of direct action and application of the Constitution of the Russian Federation of 1993 // Constitutional and municipal law. 2018. № 12. P. 18–26.
6. Bacon F. The New Organon // Works / translated by P. A. Bibikov. SPb., 1874. 581 p.
7. Bacon F. Essays: in 2 volumes, M., 1977. 575 p.
8. Stoylov Ya. Principles of law : concept and application : monograph / senior art., scientific ed. by E. A. Frolova. M. : Prospekt 2024.
9. Zyablova T. E., Mamchun V. V. Axioms and postulates in law // Bulletin of the Vladimir Law Institute. 2018. № 4 (49).
10. Maslennikov A. V. Legal axioms : abstract. dis. ... kand. jurid. sciences'. Vladimir, 2006.
11. Chervonyuk V. I. Structure of law : theory, methodology, technologies and practices of formation : monograph. M. : Justicinform, 2024.
12. Komissarova E. G. Philosophy of «electronic» competition in civil proceedings / ed. by O. A. Kuznetsova, V. G. Golubtsov, G. Ya. Borisevich, L. V. Borovykh, Yu. V. Vasilyeva, S. G. Mikhailova, S. B. Polyakova, A. S. Telegina, T. V. Shershen // Perm Legal Almanac. An annual scientific journal. 2019. № 1. P. 460–472.
13. Legal technology : textbook / Edited by prof. V. M. Baranov. M. : Prospekt, 2023.
14. Chervonyuk V. I. The structure of law : patterns of formation and development (in the 9th issue). The fifth issue. The logical toolkit of law // Bulletin of the Moscow University of the Ministry of Internal Affairs of Russia. 2014. № 4. P. 162–168.
15. Chervonyuk V. I. The logical (special) level of the structure of law // Structure of law : theory, methodology, technologies and practices of formation : monograph. M. : Justicinform, 2024.
16. Ilyin I. A. On the essence of legal awareness. M., 1993.
17. Lozhkin V. N. Axioms and periodic system in theoretical biology : a scientific guide. Cheboksary : Novoe Vremya, 2011.
18. Chernilovskiy Z. M. Presumptions and fictions in the history of Law // Soviet State and Law. 1984. № 1.

Информация об авторе

В. И. Червонюк – профессор кафедры конституционного и муниципального права Московского университета МВД России имени В.Я. Кикотя, доктор юридических наук, профессор.

Information about the author

V. I. Chervonyuk – Professor of the Department of Constitutional and Municipal Law of the Moscow University of the Ministry of Internal Affairs of Russia named after V.Ya. Kikot', Doctor of Legal Sciences, Professor.

Статья поступила в редакцию 08.07.2024; одобрена после рецензирования 06.09.2024; принята к публикации 01.11.2024.

The article was submitted 08.07.2024; approved after reviewing 06.09.2024; accepted for publication 01.11.2024.

Научная статья

УДК 33:342.55

<https://doi.org/10.24412/2414-3995-2025-2-170-174>

EDN: <https://elibrary.ru/jradcc>

ИДЕНТИФИКАЦИОННЫЙ КОД: 2015-0066-2/25-234

МОСКОВСКИЙ КОД: 77/27-011-2025-02-433

Местные бюджеты как экономическая основа для осуществления полномочий органов местного самоуправления в Российской Федерации

Айгуль Фаргатовна Барикаева

Международный научно-исследовательский центр судебной экспертизы и исследований, Москва, Россия

Аннотация. Настоящая статья посвящена рассмотрению местного бюджета как элемента экономической основы деятельности органов местного самоуправления. В работе подробно рассмотрено, как средства местного бюджета непосредственным образом обеспечивают финансирование реализации полномочий каждого органа местного самоуправления. Местный бюджет представляет собой центральный элемент экономической основы местного самоуправления, посредством которого осуществляется финансовое обеспечение реализации муниципальной власти. В этой связи следует подчеркнуть, что, в первую очередь, это касается деятельности органов местного самоуправления, осуществление различных функций которых в своей совокупности и представляет собой деятельность муниципального образования как субъекта политико-правовых отношений.

Ключевые слова: местный бюджет, местное самоуправление, экономическая основа местного самоуправления, органы местного самоуправления

Для цитирования: Барикаева А. Ф. Местные бюджеты как экономическая основа для осуществления полномочий органов местного самоуправления в Российской Федерации // Вестник экономической безопасности. 2025. № 2. С. 170–174. <https://doi.org/10.24412/2414-3995-2025-2-170-174>. EDN: JRADCC.

Original article

Municipal budgets as the economic basis for the exercise of powers of local government bodies in the Russian Federation

Aigul F. Barikaeva

International Centre for Forensic Studies and Research, Moscow, Russia

Abstract. This article is devoted to the consideration of the municipal budget as an element of the economic basis of the activities of municipal bodies. The work examines in detail how municipal budget funds directly provide funding for the implementation of the powers of each municipal body. The local budget is the central element of the economic basis of local self-government, through which the financial support of the implementation of municipal power is carried out. In this regard, it should be emphasized that, first of all, this concerns the activities of local self-government bodies, the implementation of various functions of which in their totality represents the activities of the municipality as a subject of political and legal relations.

Keywords: municipal budget, municipality, economic basis of municipality, municipal bodies

For citation: Barikaeva A. F. Municipal budgets as the economic basis for the exercise of powers of local government bodies in the Russian Federation. Bulletin of economic security. 2025;(2):170–4. (In Russ.). <https://doi.org/10.24412/2414-3995-2025-2-170-174>. EDN: JRADCC.

Одним из эффективных инструментов современной российской демократии однозначно является местное самоуправление, представляющее собой новый, с точки зрения исторического развития российской государственности, политико-правовой институт, который, несмотря на свое относительно недолгое существование,

уже успел подтвердить свою эффективность. Местное самоуправление имеет важное значение в контексте демократизации российского государства и общества, как с исторической, так и с политико-правовой точек зрения, так как данный институт зародился в первые годы постсоветской эпохи, когда современный консти-

© Барикаева А. Ф., 2025

туционный строй нашей страны только начинал свое зарождение.

В то время в Российской Федерации происходили принципиальные преобразования, затрагивающие все сферы жизнедеятельности общества, что было сопряжено с социально-политическим напряжением и экономическим кризисом, угрожавшими в дальнейшем привести российское государство к очередному коллапсу. В подобные моменты исторического развития государственные и общественные институты проверяются на прочность, способны ли они поддержать свой легитимный статус в глазах населения и могут ли они эффективным образом удовлетворять его потребности и интересы.

В этом отношении стоит отметить, что деятельность органов местного самоуправления в первые годы постсоветской эпохи смогла и обеспечить экономическое развитие значительного числа регионов, и одновременно с этим на институциональном уровне утвердить новый демократический характер российского государства, что во многом было обеспечено особенностями юридической сущности системы местного самоуправления. Так, по своей правовой природе местные органы власти однозначно схожи с государственными органами, так как посредством обоих видов ведомств на территории Российской Федерации реализуется публичная власть. Несмотря на то, что местное самоуправление не относится к государственной власти, оно обеспечивает нормальное функционирование российского общества посредством реализации полномочий, которые либо изначально закреплены в действующем законодательстве, либо были предоставлены непосредственно государственными органами. Местное самоуправление де факто помогает государству в осуществлении его политики по широкому кругу вопросов, одновременно с этим представляя интересы местного населения.

Таким образом, следует заключить, что на органы местного самоуправления возложен ряд важных для государственности функций, которые по своей правовой природе представляют собой сочетание переданных от федеральной и региональной власти ряда полномочий для снятия бюрократической нагрузки и решения вопросов местного значения в целях удовлетворения потребностей населения, проживающего в муниципальном образовании. Исходя из этого, можно заключить, что местное самоуправление в нынешней системе отечественной государственности занимает важное место, в связи с чем органы местного самоуправления нуждаются в экономическом обеспечении своей деятельности, который в современном российском праве институционализирован в форме местного (муниципального) бюджета.

В Конституции Российской Федерации положения, связанные с местным бюджетом, закреплены в ст. 132. В указанной статье местный бюджет закреплен в рамках правомочий органов местного самоуправления, заключающегося в утверждении и исполнении местного бюджета. Данное положение имеет важное значение

для местного самоуправления как публично-правового института, так закрепляет за ним наличие бюджета как экономической основы деятельности муниципалитетов, в отношении которого установлено две властные функции – утверждения и исполнения.

Утверждение бюджета является характерной чертой публично-правовых образований, отличающих их от физических и юридических лиц, на которых в основном нет обязанности публично утверждать свой бюджет на определенный период времени. Данный аспект более подробно раскрывается в гл. 21 Бюджетного кодекса Российской Федерации (далее – БК РФ) от 31 июля 1998 г., в которой установлены правовые нормы, регулирующие вопросы, связанные с принятием бюджетов Федерации, субъектов Федерации и муниципальных образований. Исходя из указанных положений, утверждение бюджетов данных субъектов права является одним из их важнейших публично-правовых полномочий, благодаря которым юридически закрепляется экономическое обеспечение реализации ими своих властных функций.

В свою очередь, исполнение бюджета также может служить индикатором публично-правовой природы бюджета муниципальных образований в контексте властного характера деятельности муниципалитетов, так как именно посредством исполнения бюджета реализуются властные функции органов местного самоуправления, как возложенные на них действующим законодательством, так и переданные им органами государственной власти. По своей сути исполнение бюджета представляет собой непосредственный процесс экономического обеспечения указанных функций, так как любое властное действие требует его прямого или косвенного финансового сопровождения.

Тем временем на уровне законодательства местный бюджет как институт права примечателен тем, что в силу особенностей своей юридической сущности регулируется как бюджетным, так и муниципальным правом. Важно отметить, что в действующем законодательстве отсутствует отдельная дефиниция конкретно местного бюджета, несмотря на то, что закрепленные в законодательстве бюджетные и муниципальные правовые нормы регулируют широкий круг отношений, связанных с местным бюджетом. Так, согласно ст. 6 БК РФ, под бюджетом как таковым понимается «форма образования и расходования денежных средств, предназначенных для финансового обеспечения задач и функций государства и местного самоуправления», т. е. в основной дефиниции бюджетной системы уже заложена функция экономического обеспечения органов муниципальной власти, что институционально выражается в форме местного бюджета.

При этом следует учитывать, что местный бюджет как юридический феномен является частым объектом правовых исследований, что обуславливается его важной ролью в функционировании российской государственности.

Так, ученые И. А. Ситнова, А. А. Барлыбаев, И. М. Рахматуллин и Г. И. Якшимбетова детализируют легальную дефиницию бюджета в контексте местного самоуправления, понимая под местным бюджетом форму «образования и расходования денежных средств в расчете на финансовый год, которые предназначены для обеспечения задач и функций, отнесенных к предметам ведения местного самоуправления, путем исполнения расходных обязательств муниципального образования» [2, с. 5], добавляя в него важное понятие расходных обязательств, посредством которых реализуются функции органов местного самоуправления.

С ними также согласен В. В. Янов, который дает практически идентичное определение местного бюджета [3, с. 113], что подтверждает значение расходных обязательств одним из его важнейших элементов для правовой доктрины в вопросе определения юридической сущности местного бюджета, так как именно посредством их исполнения становится возможной реализация функций местного самоуправления, в первую деятельность муниципальных органов власти. А. Н. Кокотов прямо указывает на то, что местный бюджет представляет собой «необходимый атрибут муниципальных образований и материальная основа местного самоуправления» [1, с. 205], прямо указывая на то, что местный бюджет является одним из гарантов реализации местного самоуправления как такового, при этом обеспечивая его именно экономически.

Таким образом, в правовой доктрине подчеркивается, что местный бюджет представляет собой центральный элемент экономической основы местного самоуправления, посредством которого осуществляется финансовое обеспечение реализации муниципальной власти. В этой связи следует подчеркнуть, что, в первую очередь, это касается деятельности органов местного самоуправления, осуществление различных функций которых в своей совокупности и представляет собой деятельность муниципального образования как субъекта политико-правовых отношений. Таким образом, необходимо проанализировать действующее российское муниципальное законодательство об органах местного самоуправления в целях предметного выявления того, каким образом местный бюджет служит экономической основой деятельности данных ведомств.

Так, согласно п. 1 ст. 34 Федерального закона № 131-ФЗ «Об общих принципах организации местного самоуправления в Российской Федерации» от 6 октября 2003 г. (далее – Закон о местном самоуправлении) к муниципальным органам власти относятся:

- 1) представительный орган муниципального образования;
- 2) глава муниципального образования;
- 3) местная администрация (исполнительно-распорядительный орган муниципального образования);
- 4) контрольно-счетный орган муниципального образования;

- 5) иные органы местного самоуправления;
- 6) иные выборные должности местного самоуправления.

Представительный орган местного самоуправления является важнейшим в системе органов местного самоуправления, так как именно он непосредственным образом представляет интересы населения муниципального образования. В силу того, что представительный орган формируется посредством выбора граждан, он по своей сути является институционализированной формой местного самоуправления граждан и именно поэтому в его исключительную компетенцию входят важнейшие функции по управлению муниципальным образованием, к которым в соответствии с п. 10 ст. 35 Закона о местном самоуправлении относятся:

- 1) принятие устава муниципального образования и внесение в него изменений и дополнений;
- 2) утверждение местного бюджета и отчета о его исполнении;
- 3) установление, изменение и отмена местных налогов и сборов;
- 4) утверждение стратегии социально-экономического развития муниципального образования;
- 5) определение порядка управления и муниципальной собственности;
- 6) определение порядка принятия решений о создании, реорганизации и ликвидации муниципальных предприятий;
- 7) определение порядка участия муниципального образования в организациях межмуниципального сотрудничества;
- 8) определение порядка материально-технического и организационного обеспечения деятельности органов местного самоуправления;
- 9) контроль за исполнением органами и должностными лицами местного самоуправления полномочий по решению вопросов местного значения;
- 10) принятие решения об удалении главы муниципального образования в отставку;
- 11) утверждение правил благоустройства территории муниципального образования.

Следует отметить, что глава муниципального образования имеет не меньшее значение в системе органов местного самоуправления, чем представительный орган, так как по своей сути он непосредственным образом координирует деятельность всех муниципальных органов власти. Данная должность наряду с представительным органом местного самоуправления является ключевой, так как именно глава непосредственным образом направляет текущую деятельность органов муниципальной власти в целях осуществления местного самоуправления населения, проживающего на территории муниципального образования, а также обеспечение и реализацию его интересов. Поэтому в п. 4 ст. 36 Закона о местном самоуправлении закреплены следующие полномочия главы муниципального образования:

1) представление муниципального образования в отношениях с органами местного самоуправления других муниципальных образований, органами государственной власти, гражданами и организациями;

2) осуществление полномочий от имени муниципального образования без доверенности;

3) подписание и обнародование нормативно-правовых актов, принятых представительным органом муниципального образования;

4) издание правовых актов;

5) требование созыва внеочередного заседания представительного органа муниципального образования;

6) обеспечение осуществление органами местного самоуправления полномочий по решению вопросов местного значения и отдельных государственных полномочий, переданных органам местного самоуправления федеральными и региональными органами.

По итогам проведенного исследования можно заключить о том, что местные бюджеты однозначно играют ключевую роль в экономическом обеспечении деятельности органов местного самоуправления. Бюджеты муниципальных образований являются одним из аспектов публичной власти муниципалитетов, что играет определяющую роль политико-правового статуса данных субъектов. Будучи институционализированными формами местного самоуправления, муниципальные органы наделены властными полномочиями, реализация которых направлена на разрешение вопросов местного значения и удовлетворение потребностей и интересов населения, проживающего определенном муниципалитете. Для того, чтобы реализация указанных властных полномочий могла быть непосредственным образом осуществлена, органами местного самоуправления необходимо иметь экономическую базу для реализации своих властных полномочий, основным элементом которой естественным образом будут являться финансовые ресурсы. В данном контексте следует отметить, что природа указанных ресурсов имеет важное значение в контексте властного характера органов местного самоуправления, так как финансовая независимость является одним из важнейших элементов политико-правового статуса любого публично-правового образования, в том числе и муниципальных образований. Таким образом, именно благодаря тому, что местный бюджет выступает в качестве экономической основы деятельности органов местного самоуправления, гарантируется, что разрешение вопросов местного значения будет осуществляться в интересах людей, проживающих в муниципальном образовании.

Список источников

1. Кокотов А. Н. Муниципальное право России : учебник для вузов / А. Н. Кокотов [и др.] ; под редакцией А. Н. Кокотова. 7-е изд., перераб. и доп. М. : Изд-во Юрайт, 2022. 406 с.

2. Ситнова И. А., Барлыбаев А. А., Рахматуллин И. М., Якшимбетова Г. И. Некоторые аспекты фи-

нансового обеспечения деятельности органов местного самоуправления // Управление экономическими системами: электронный научный журнал. 2018. № 1 (107).

3. Янов В. В. Региональная экономика : парадигма современных финансовых аспектов : монография. Тольятти : Изд-во Поволжского гос. ун-та сервиса, 2015. 288 с.

References

1. Kokotov A. N. Municipal Law of Russia: a textbook for universities / A. N. Kokotov [et al.] ; edited by A. N. Kokotov. 7th ed., revised and enlarged. M. : Yurait Publishing House, 2022. 406 p.

2. Sitnova I. A., Barlybaev A. A., Rakhmatullin I. M., Yakshimbetova G. I. Some aspects of financial support for the activities of local governments // Management of Economic Systems: electronic scientific journal. 2018. № 1 (107).

3. Yanov V. V. Regional Economy: a paradigm of modern financial aspects : monograph. Tolyatti : Publishing House of the Volga Region State University. University of Service, 2015. 288 p.

Библиографический список

1. Аминов И. Р. Органы государственной власти и местное самоуправление : проблемы и перспективы взаимодействия // Вестник Уфимского юридического института МВД России. 2016. № 1 (71). С. 25–29.

2. Бабичев И. В., Смирнов Б. В. Местное самоуправление в современной России : становление и развитие. Историко-правовые аспекты : монография. М. : Норма, 2011. 528 с.

3. Базарова В. С., Жамбалов Б. В. Собственные доходы местных бюджетов как важный элемент самостоятельности местного самоуправления // Вестник Бурятского государственного университета. 2015. № 2-2. С. 206–210.

4. Вихарев В. В. Трансформация социально-экономической системы : концептуальные подходы российских и зарубежных школ экономической мысли. В сборнике материалов Международной научно-практической конференции : «Российская экономическая модель: содержание и структура». 2012. С. 174–181.

5. Дворядкина Е. Б. Эволюция понятия «местный бюджет» как компонента экономической основы местного самоуправления // Экономика и предпринимательство. 2019. № 7 (72). С. 946–951.

6. Игонина Л. Л. Региональные и муниципальные финансы : учебник и практикум для вузов / Л. Л. Игонина [и др.] ; под редакцией Л. Л. Игониной. 3-е изд., перераб. и доп. М. : Издательство Юрайт, 2025. 581 с.

Bibliographic list

1. Aminov I. R. Government bodies and local self-government : problems and prospects of interaction //

Bulletin of the Ufa Law Institute of the Ministry of Internal Affairs of Russia. 2016. № 1 (71). P. 25–29.

2. Babichev I. V., Smirnov B. V. Local self-government in modern Russia : formation and development. Historical and legal aspects : monograph. M. : Norma, 2011. 528 p.

3. Bazarova V. S., Zhambalov B. V. Own revenues of municipal budgets as an important element of the independence of local self-government // Bulletin of the Buryat State University. 2015. № 2-2. P. 206–210.

4. Vikharev V. V. Transformation of the socio-economic system : conceptual approaches of Russian and

foreign schools of economic thought. In the collection of materials of the International scientific and practical conference: «Russian economic model: content and structure». 2012. P. 174–181.

5. Dvoryadkina E. B. Evolution of the concept of «municipal budget» as a component of the economic basis of local self-government // Economy and entrepreneurship. 2019. № 7 (72). P. 946–951.

6. Igonina L. L. Regional and municipal finances : textbook and workshop for universities / L. L. Igonina [et al.] ; edited by L. L. Igonina. 3rd ed., revised and add. M. : Publishing house Yurait, 2025. 581 p.

Информация об авторе

А. Ф. Барикаева – научный сотрудник Международного научно-исследовательского центра судебной экспертизы и исследований, кандидат экономических наук.

Information about the author

A. F. Barikaeva – Researcher of the International Centre for Forensic Studies and Research, Candidate of Economic Sciences.

Статья поступила в редакцию 11.02.2025; одобрена после рецензирования 25.03.2025; принята к публикации 11.04.2025.

The article was submitted 11.02.2025; approved after reviewing 25.03.2025; accepted for publication 11.04.2025.

Предпринимательское право. Под ред. Н. Д. Эриашвили, Р. А. Курбанова ; под общ. ред. Т. В. Дерюгиной, А. В. Тумакова. Учебник. 9-е изд., перераб. и доп. 479 с. Гриф МО РФ. Гриф МУМЦ «Профессиональный учебник». Гриф НИИ образования и науки.

В учебнике рассмотрены становление и развитие предпринимательства в России, организационно-правовые формы предпринимательской деятельности и ее правовое регулирование со стороны государства, в том числе в сфере лицензирования, конкуренции (антимонопольное законодательство), налогообложения, расчетно-финансовых отношений, выполнения договорных обязательств, рассмотрения гражданско-правовых споров с участием предпринимателей, корпоративных споров.

Особое внимание уделено вопросам защиты прав и интересов предпринимателей, правового регулирования инновационной и внешнеэкономической деятельности, регламентации имущественных отношений участников обществ с ограниченной ответственностью.

Для студентов юридических и экономических вузов и факультетов, а также специалистов в сфере предпринимательской деятельности, руководителей предприятий и организаций, предпринимателей.

Научная статья

УДК 31:33

<https://doi.org/10.24412/2414-3995-2025-2-175-181>

EDN: <https://elibrary.ru/jvxqag>

NIION: 2015-0066-2/25-235

MOSURED: 77/27-011-2025-02-434

Методологическая база статистических исследований капитальных вложений в составе валового накопления национальной экономики

Дмитрий Владимирович Дианов

Московский университет МВД России имени В.Я. Кикотя, Москва, Россия,
skad71@mail.ru

Аннотация. Научная статья охватывает комплекс методологических вопросов статистического исследования капитальных вложений и их финансирования, сгенерированных в одном из ключевых показателей системы национальных счетов, а именно инвестициях в основной капитал. Капитальные вложения рассматриваются с позиции их состава во вновь созданной национальной экономикой стоимости, той части валового внутреннего продукта, которая представляет собой валовое накопление. Ключевое внимание акцентировано на вопросах обоснования экономической сущности инвестиций как объекта аналитических исследований на основе классификационных критериев и всесторонней структуризации капитальных вложений.

Ключевые слова: статистика капитальных вложений, инвестиции в основной капитал, валовое накопление

Для цитирования: Дианов Д. В. Методологическая база статистических исследований капитальных вложений в составе валового накопления национальной экономики // Вестник экономической безопасности. 2025. № 2. С. 175–181. <https://doi.org/10.24412/2414-3995-2025-2-175-181>. EDN: JVXQAG.

Original article

Methodological base of statistical studies of capital investments as part of the gross accumulation of the national economy

Dmitry V. Dianov

Moscow University of the Ministry of Internal Affairs of Russia named after V.Ya. Kikot', Moscow, Russia,
skad71@mail.ru

Abstract. The scientific article covers a set of methodological issues of statistical research of capital investments and their financing, generated in one of the key indicators of the system of national accounts, namely investments in fixed assets. Capital investments are considered from the perspective of their composition in the newly created value of the national economy, that part of the gross domestic product, which is gross accumulation. The key attention is focused on the issues of substantiating the economic essence of investments as an object of analytical research based on classification criteria, and comprehensive structuring of capital investments.

Keywords: statistics of capital investments, investments in fixed assets, gross accumulation

For citation: Dianov D. V. Methodological base of statistical studies of capital investments as part of the gross accumulation of the national economy. Bulletin of economic security. 2025;(2):175–81. (In Russ.). <https://doi.org/10.24412/2414-3995-2025-2-175-181>. EDN: JVXQAG.

Введение

Капитальные вложения, выступающие материальным воплощением накопленного труда, представляют собой ключевой элемент воспроизводства общественного капитала. Через механизмы капитальных вложений осуществляется перераспределение средств производства, направленных на создание, обновление и эксплу-

атацию основных фондов. Названные вложения обеспечивают не только расширение производственной базы, но и закрепляют «отношения господства капитала, определяющие динамику эксплуатации труда, концентрацию капитала и развитие производственных сил в рамках капиталистического способа производства». Столь радикальное отношение основоположника марксизма следует

© Дианов Д. В., 2025

сгладить с учетом апробации временем теории трудовой стоимости и последовательностей общественных формаций. Последние вообще определяются отношением собственности к средствам производства и тем, кому достается стоимость, созданная трудом. То есть следует говорить о современном участии овеществленного капитала в создании валового внутреннего продукта и его использовании на конечное потребление и валовое накопление. В этом ключе отметим, что это потребление касается государственных расходов на услуги коллективного характера, оказываемые государством всему обществу.

Цели и предметная область современной статистики капитальных вложений

Капитальные вложения, как средство консолидации власти капитала, определяются противоречиями современного капитализма, или, выражаясь замаскировано, то рыночных отношений на современном этапе: нестабильностью рынков, кризисами перепроизводства и неравномерностью распределения ресурсов. В этом контексте статистическое исследование капитальных вложений становится инструментом, способным раскрыть не только количественные аспекты этих вложений, но и их роль в обеспечении воспроизводственной базы рыночных отношений. Статистика, как наука, служит средством объективного анализа форм движения капитала, выявляя взаимосвязь между инвестиционной активностью и общей динамикой экономических процессов.

Целью экспертно-аналитических исследований является основанный на применении статистических методов анализ закономерностей капитальных вложений и выявления взаимосвязей между их изменениями и социально-экономическими факторами, влияющими на развитие экономики. К числу методологически обоснованных задач статистического изучения капитальных вложений следует отнести:

- систематизацию статистических данных по капитальным вложениям на основе методов многомерных группировок, например кластерного или дискриминантного анализа, позволяющих структурировать изучаемый объект или процесс инвестирования, и выявить скрытые закономерности и структурные особенности;
- проведение корреляционно-регрессионного анализа для изучения взаимосвязей между объемами капитальных вложений и показателями социально-экономического развития, выявляя ключевые детерминанты инвестиционной активности;
- исследование динамических трендов капитальных вложений, применяя методы аналитического выравнивания, прогнозирования и построения регрессионных моделей, что обеспечит возможность предсказания их влияния на макроэкономические процессы.

Объектом исследования могут выступать совокупности предприятий и организаций, отраслевые кластеры и виды экономической деятельности, регионы – субъекты Российской Федерации. Предметом исследования

являются количественные и структурные характеристики капитальных вложений, их взаимосвязь с макроэкономическими показателями, а также факторы, определяющие динамику этих показателей; эмпирической базой – статистические данные о капитальных вложениях, представляющие собой количественное выражение инвестиционной активности и ее роли в национальной экономике, официально публикуемые органами государственной статистики.

Методологическая база исследования включает весь статистический инструментарий вероятностно-интервального анализа по построению моделей и оценки показателей, методы, пересмотренные выше при установлении перспективных задач статистических исследований капитальных вложений. Анализ статистических данных своими результатами будет иметь большую актуальность, будучи дополненным многомерной классификацией регионов по уровню инвестиционной активности, что позволит выделить типы регионов и определить особенности их инвестиционной политики.

Результаты подобных исследований дадут возможность углубленного понимания процессов, связанных с капитальными вложениями, а также будут способствовать разработке практических рекомендаций для повышения их эффективности и устойчивости в условиях динамично меняющейся экономической среды.

Капитальные вложения как объект статистического исследования

Государственная политика по регулированию финансирования капитальных вложений первоочередно направлена не на получение коммерческой выгоды государственными учреждениями и институтами в форме прибыли, а на решение стратегически важных задач, которые невозможно решить с помощью только рыночных механизмов. В обозначенном контексте особенно важны инвестиции в основной капитал, поскольку они представляют собой один из главных факторов, определяющих темпы развития экономики и уровень ее инновационного развития. К слову, объем таких инвестиций может варьировать в зависимости от потребностей предприятий, других рыночных производителей и общей экономической ситуации.

Эффективность капитальных вложений во многом зависит от правильной инвестиционной политики коммерческих организаций. Реализуемая хозяйствующим субъектом политика должна быть тесно связана с долгосрочными планами экономического и социального развития, что позволит предприятиям не только адаптироваться к изменениям на рынке, но и ускорить интеграцию достижений научно-технического прогресса. Рост объемов инвестиций в основной капитал является важнейшим условием для перехода на инновационный путь развития и поддержания конкурентоспособности национальной экономики. Такой вид вложений представляет собой долгосрочные инвестиции, направленные на улучшение или создание производственных

мощностей, которые обеспечивают рост и развитие бизнеса. Для формирования базы анализа капитальных вложений статистика использует различные методы, такие как статистическое наблюдение, направленное на сбор данных о финансировании, объемах и структуре инвестиций, а также их влияния на экономические показатели.

Финансирование капитальных вложений подразумевает временный отказ от текущего потребления с целью получения более значительного дохода в будущем. Это долгосрочные инвестиции, которые требуют значительных ресурсов, однако их результатом становится увеличение производственных мощностей, что приносит экономическую выгоду. Средства, направляемые на капитальные вложения, используются для оплаты проектно-изыскательских и строительных работ, приобретения оборудования, а также покупки объектов [4].

В условиях развития современной отечественной экономики объемы инвестиций, требуемые для строительства и ввода объектов в эксплуатацию, имеют тенденцию к увеличению на различных этапах перспективного проекта. Этот процесс начинается с принятия заказчиком управленческих решений на стадии технико-экономического обоснования и продолжается до завершения строительства и постановки объекта на баланс предприятия [3].

На сегодняшний день понятие инвестиций достаточно широко исследовано в экономической литературе и существует большое число различных трактовок этого термина. Именно наличие разнообразных трактовок вызывает необходимость систематизации существующих мнений для более четкого определения дефиниции капитальных вложений. На основе анализа различных точек зрения можно выделить следующее определение: инвестиции представляют собой долгосрочные финансовые вложения в развитие предприятий, программ или проектов, как внутри страны, так и за ее пределами, с целью получения экономической выгоды и достижения социально – полезного эффекта.

В современном мире развитие концептуальных основ, связанных с инвестиционной деятельностью, во многом сопряжено с изменениями в экономической политике и трансформационными процессами, происходящими в обществе, в связи с чем особое внимание следует уделять таким понятиям, как инвестиционный риск, привлекательность и потенциал. Учет факторного влияния перечисленных аспектов непосредственно скажется на оценке эффективности инвестиционных проектов, их экономической целесообразности, и что не менее важно – на прогнозировании возможных рисков и доходности.

Как следует из динамических изменений последнего десятилетия, объем капитальных вложений в экономику России постепенно увеличивается. Данное явление происходит на фоне того, что бюджет страны, несмотря на свой параллельный рост, постоянно

испытывает определенный дефицит и не может обеспечить необходимый уровень сбалансированности государственных финансов. В подобной ситуации предприятиям важно привлекать собственные и заемные средства, а также иностранные инвестиции для реализации инвестиционных проектов. Именно поэтому оценка капитальных вложений, призванных финансировать воспроизводственную базу национальной экономики, их статистическое исследование и совершенствование методов оценки инвестиций приобретают, по-настоящему, чрезвычайную актуальность и уникальность.

В экономике основные средства также называют основными фондами, и они составляют основу производственной инфраструктуры предприятий. Сущностно инвестиции в основной капитал направлены на воспроизводство основных средств, а исследуемый процесс регулярного обновления и модернизации существующих активов крайне важен для гармоничного развития субъектов хозяйствования. Воспроизводство основных фондов подразумевает как покупку нового оборудования, так и реконструкцию и капитальный ремонт существующих объектов [2].

Основные классификации, применяемые для статистического изучения капитальных вложений

Инвестирование в основной капитал имеет стратегическое значение для конкурентоспособности, как отдельных предприятий, так и национальной экономики. Модернизация производственных мощностей, обновление основных фондов и развитие технологических процессов требуют постоянных вложений, что подчеркивает необходимость доступных и надежных источников финансирования. Достаточность и доступность этих источников определяют темпы и масштабы воспроизводства основного капитала, что, в свою очередь, влияет на уровень развития всей экономики. Способы и формы финансирования капитальных вложений могут обладать различной спецификацией в зависимости от особенностей предприятия и стадии его развития. Они также зависят от состояния экономики и уровня развития финансового рынка.

Ключевую роль в управлении финансами и инвестициями организаций играют основные классификации, применяемые для статистического изучения капитальных вложений (рис. 1). Обозначенные на рисунке классификации позволяют систематизировать данные о капитальных вложениях, и главное – детально и комплексно изучить их структуру по целому ассортименту критериев, что, в свою очередь, способствует более эффективному планированию и контролю за использованием финансовых ресурсов.

Капитальные вложения могут быть классифицированы в зависимости от источников их финансирования, а как это было обозначено выше, основные источники представлены собственными средствами, которые формируются из прибыли компаний или других внутренних ресурсов, и заемные средства, представляющие собой

Рис. 1. Классификационные критерии статистического изучения капитальных вложений

кредиты и займы, привлекаемые от финансовых учреждений или других организаций. Также важную роль играют бюджетные средства, получаемые из государственных или муниципальных бюджетов, включая как возвратные, так и безвозвратные формы в виде субсидий. Привлеченные средства, собранные от граждан или юридических лиц, например, для долевого строительства, также составляют значительную часть финансирования.

Существенная часть расходов, наиболее вероятно, будет связана с приобретением оборудования и машин, а также транспортных средств и инвентаря. Все более актуальными в современном бизнесе становятся инвестиции в интеллектуальную собственность, например вложения в патенты, лицензии и другие формы нематериальных активов. Не стоит оставлять без внимания и инвестиции в культивируемые биологические ресурсы, которые требуют затрат на создание и поддержание сельскохозяйственных и природных ресурсов.

Если рассматривать капитальные вложения по срокам их реализации, то можно выделить по аналогии с основными фондами – краткосрочные и долгосрочные инвестиции. Краткосрочные инвестиции обычно включают проекты со сроком реализации до одного года, имеющие быструю окупаемость, в то время как долгосрочные инвестиции подразумевают проекты, срок которых превышает один год, и требуют более серьезного анализа и планирования.

В соответствии с Общероссийским классификатором основных фондов (ОКОФ) ОК 013-2014 (СНС 2008) [1], инвестиции в основной капитал подразделяются следующим образом (рис. 2).

Также можно выделить классификацию по ожидаемому эффекту от инвестиций: экономический эффект оценивает рентабельность и прибыль, которую принесут вложенные средства, тогда как социальный эффект касается улучшения условий труда, создания новых рабочих мест и улучшения инфраструктуры; наконец, экологический эффект характеризует влияние проекта на окружающую среду, включая возможное снижение негативного воздействия на природу.

Капитальные вложения могут быть классифицированы и по уровням рисков: низкий риск включает в себя инвестиции в стабильные и проверенные проекты; средний риск относится к проектам, требующим дополнительного анализа и оценки; а высокий риск связан с новаторскими проектами с неопределенными результатами, требующими значительных вложений и анализа.

Подведем итог изложенному, резюмируем, что каждый из вышеперечисленных подходов способствует детальному анализу и пониманию структуры капитальных вложений.

Аналитический потенциал статистических показателей капитальных вложений

Оценочное исследование капитальных вложений играет ключевую роль в комплексном анализе эконо-

мического состояния и перспектив развития различных секторов. В рассматриваемом контексте система статистических показателей, показывающая инвестиции в основной капитал по видам экономической деятельности, дает возможность выявить основные тенденции и направления движения финансовых ресурсов. Приведенный тезис имеет особое значение для принятия обоснованных стратегических решений в области экономической политики и управления.

Капитальные вложения, выступая в качестве объекта статистического исследования, выполняют роль системообразующего звена в анализе и планировании экономической деятельности, как на уровне государства, так и на уровне регионов или отдельных предприятий. В современных условиях национальная экономика во многом зависит от эффективности управления инвестиционными процессами, которые напрямую влияют на экономический рост и социальное развитие страны.

Для успешного управления инвестициями необходима качественная информационная база, которую предоставляет статистическое исследование. Исследование сведений о финансировании основных средств и долгосрочных капиталов позволяет более точно оценивать эффективность инвестиционных процессов и корректировать стратегию управления финансовыми ресурсами. Мобилизация необходимых ресурсов и обдуманная стратегия финансирования обеспечивают предприятиям долговременный экономический рост и повышение их стоимости.

Инвестиции в основной капитал в секторе сельского и лесного хозяйства являются одним из важнейших показателей, отражающих уровень финансирования и модернизации инфраструктуры в аграрном секторе. Рост объемов капитальных вложений способствует техноло-

гическому обновлению и повышению производительности, что оказывает положительное влияние на продовольственную безопасность и устойчивое развитие сельских территорий. Данные статистики по инвестициям в сельское хозяйство позволяют оценить эффективность предпринимаемых мер и динамику финансовой поддержки данного сектора, что особенно актуально для России, в которой сельское хозяйство является не только одним из основных видов хозяйственной деятельности, обладающей природной спецификой, обусловленной сезонным фактором, но и сферой с нарастающими темпами экспортной ориентации.

Аналогичным образом, капитальные вложения в сектор строительства играют ключевую роль в развитии инфраструктуры и создании рабочих мест. Строительство объектов промышленного и жилого назначения оказывает непосредственное влияние на экономический рост, а также развитие смежных отраслей. Строительство сопряжено с рядом других важных отраслей – транспорт, промышленное производство и так далее. Не менее важно и то, что увеличение масштабов строительной отрасли положительно сказывается на разрешении демографических сложностей, поскольку подобного рода масштабирование свидетельствует о тенденции к разрешению «квартирного вопроса». Показатели инвестиций в строительную отрасль отражают темпы модернизации и расширения строительных мощностей, что способствует дальнейшему развитию городской и региональной инфраструктуры.

Капитальные вложения в сектор оптовой и розничной торговли являются не менее важным показателем, отражающим уровень развития внутреннего рынка и логистических систем. Вложения в модернизацию торговых площадей и создание новых объектов инфраструк-

Направления инвестиций в основной капитал	Инвестиции в жилые здания и помещения;
	Инвестиции в здания (кроме жилых);
	Инвестиции в сооружения;
	Расходы на улучшение земель;
	Инвестиции в транспортные средства;
	Инвестиции в информационное, компьютерное и телекоммуникационное оборудование;
	Инвестиции в прочие машины и оборудование, включая хозяйственный инвентарь и другие объекты;
	Инвестиции в объекты интеллектуальной собственности;
	Прочие инвестиции

Рис. 2. Направления инвестиций в основной капитал согласно ОКОВ

туры позволяют повысить эффективность дистрибуции товаров и улучшить доступность продукции для конечных потребителей. Статистические данные по инвестициям в торговлю предоставляют информацию о состоянии этого сектора и его роли в экономике.

Сектор транспортировки и хранения занимает особое место в системе финансирования капитальных вложений. Инвестиции в этот сектор необходимы для поддержания и улучшения транспортной инфраструктуры, что напрямую влияет на качество логистических услуг и их доступность для бизнеса и населения. Рост объемов вложений в транспортировку и хранение способствует развитию логистических цепочек и снижению транспортных издержек, что в конечном итоге положительно сказывается на общей эффективности общественного производства.

Доходы консолидированных бюджетов служат важным индикатором финансовой устойчивости и эффективности использования капитальных вложений. Статистические данные по доходам бюджетов позволяют оценить степень финансовой нагрузки на экономику и возможности государственного финансирования ключевых инфраструктурных и социальных проектов. Эти показатели также определяют уровень налоговых поступлений, что является важным элементом оценки фискальной политики государства.

Обобщая вышеизложенное, система статистических показателей капитальных вложений по видам экономической деятельности позволяет получать целостное представление о состоянии различных секторов экономики, так как является основой для анализа экономической активности, оценки эффективности проводимых экономических реформ и выработки рекомендаций по направлению инвестиционной политики, как на государственном, так и на корпоративном уровнях.

Заключение

Безусловно, капитальные вложения являются важным драйвером экономического роста и модернизации реального сектора экономики. Статистическое исследование этих вложений позволяет принимать обоснованные решения в финансовом управлении и стратегическом планировании. Благодаря проводимому анализу представляется возможным оценить текущую эффективность инвестиций и предсказать дальнейшие экономические тенденции. Комплексное исследование капитальных вложений структурно включает в себя учет экономических и социальных факторов, оценку рисков и инвестиционного потенциала, что способствует в выявлении наиболее перспективных направлений для вложений и купирует риски, особенно в условиях ограниченности ресурсов. С учетом вышеизложенного, капитальные вложения не только способствуют развитию бизнеса, но и позволяют оптимизировать управление ресурсами, что усиливает конкурентоспособность предприятий и поддерживает долгосрочный экономический рост.

Список источников

1. Приказ Росстандарта от 12 декабря 2014 г. № 2018-ст «О принятии и введении в действие Общероссийского классификатора основных фондов (ОКОФ) ОК 013-2014 (СНС 2008)» // СПС «КонсультантПлюс».
2. Горелкина И. А., Беда Д. В. Инвестиции в основной капитал : современное состояние и проблемы // Инновационные аспекты развития науки и техники. Сборник статей V Международной научно-практической конференции, Саратов, 28 февраля 2021 года. Саратов : НОО «Цифровая наука», 2021. С. 127–134.
3. Гужев Д. А. Диапазон точности определения объема инвестиций в форме капитальных вложений // Вестник Томского государственного университета. Экономика. 2022. № 60. С. 170–184.
4. Федотова А. И. Проблемы формирования источников финансирования капитальных вложений // Экономика и социум. 2019. № 2 (57). С. 343–347.

References

1. Rosstandart Order № 2018-st dated December 12, 2014 «On the Adoption and Implementation of the All-Russian Classifier of Fixed Assets (OKOF) OK 013-2014 (2008 SNA)» // LRS «ConsultantPlus».
2. Gorelkina I. A., Beda D. V. Investments in fixed assets : current status and problems // Innovative aspects of science and technology development. Collection of articles of the V International Scientific and Practical Conference, Saratov, February 28, 2021. Saratov : NOO «Digital Science», 2021. P. 127–134.
3. Guzhev D. A. The range of accuracy in determining the volume of investments in the form of capital investments // Bulletin of Tomsk State University. Economy. 2022. № 60. P. 170–184.
4. Fedotova A. I. Problems of formation of sources of financing of capital investments // Economics and society. 2019. № 2 (57). P. 343–347.

Библиографический список

1. Воишин В. В. Особенности финансового контроля инвестиционной деятельности и капитальных вложений // Наука и бизнес: пути развития. 2021. № 4 (118). С. 207–210.
2. Гужев Д. А. Предельный объем инвестиций на различных этапах реализации инвестиционного проекта в форме капитальных вложений // Ученые записки Международного банковского института. 2022. № 2 (40). С. 30–56.
3. Джамалудинова М. М. Изменение в бухгалтерском учете капитальных вложений в 2022 г. // Актуальные вопросы современной экономики. 2022. № 4. С. 477–480.
4. Лысенко Е. А., Микулин А. И. Осуществленные и завершённые капитальные вложения : разграничение терминов // Налоговед. 2023. № 2. С. 35–44.

5. Паршин А. Б., Шевченко Ю. С. Финансовое обеспечение капитальных вложений в Краснодарском крае // Modern Science. 2021. № 11-3. С. 110–114.

6. Попов А. Ю., Шутова Т. В. Новации в учете капитальных вложений // Теоретическая и прикладная экономика. 2022. № 1. С. 40–49.

Bibliographic list

1. Voshchinin V. V. Features of financial control of investment activity and capital investments // Science and business: ways of development. 2021. № 4 (118). P. 207–210.

2. Guzhev D. A. The maximum amount of investments at various stages of an investment project in the form of

capital investments // Scientific Notes of the International Banking Institute. 2022. № 2 (40). P. 30–56.

3. Jamaludinova M. M. Changes in accounting of capital investments in 2022 // Actual issues of modern economics. 2022. № 4. P. 477–480.

4. Lysenko E. A., Mikulin A. I. Realized and completed capital investments : differentiation of terms // Tax scientist. 2023. № 2. P. 35–44.

5. Parshin A. B., Shevchenko Yu. S. Financial support for capital investments in the Krasnodar Territory // Modern Science. 2021. № 11-3. P. 110–114.

6. Popov A. Yu., Shutova T. V. Innovations in accounting for capital investments // Theoretical and applied economics. 2022. № 1. P. 40–49.

Информация об авторе

Д. В. Дианов – профессор кафедры экономической безопасности, финансов и экономического анализа Московского университета МВД России имени В.Я. Кикотя, доктор экономических наук, профессор.

Information about the author

D. V. Dianov – Professor of the Department of Economic Security, Finance and Economic Analysis of the Moscow University of the Ministry of Internal Affairs of Russia named after V.Ya. Kikot', Doctor of Economic Sciences, Professor.

Статья поступила в редакцию 24.01.2025; одобрена после рецензирования 17.03.2025; принята к публикации 07.04.2025.

The article was submitted 24.01.2025; approved after reviewing 17.03.2025; accepted for publication 07.04.2025.

Основы экономической безопасности. Учебное пособие. Эриашвили Н. Д. и др. 2-е изд., перераб. и доп. 335 с. Гриф НИИ образования и науки. Гриф МУМЦ «Профессиональный учебник». Гриф МНИЦ Судебной экспертизы и исследований.

Дано представление о внутренних и внешних угрозах в экономике РФ, ее регионов и хозяйствующих субъектах. Показано, как использовать инструменты и механизмы нейтрализации и предотвращения возникающих угроз, обеспечивать законность и правопорядок в сфере экономики. Изложены основы теории государства, а также ее регулирующей роли в экономике. Раскрыты сущность теневой экономики, ее истоки и тенденции, намечены подходы к решению проблем теневой экономики.

Для студентов, аспирантов и преподавателей экономических и юридических вузов, государственных и муниципальных служащих.

Научная статья

УДК 33

<https://doi.org/10.24412/2414-3995-2025-2-182-191>

EDN: <https://elibrary.ru/jwfudq>

ИДЕНТИФИКАТОР: 2015-0066-2/25-236

МОДУЛЬ: 77/27-011-2025-02-435

Обзор концепций и методик оценки фискального пространства в федеративном государстве

Ксения Валерьевна Екимова¹, Михаил Евгеньевич Косов²

^{1,2} Российский экономический университет имени Г.В. Плеханова, Москва, Россия

¹ Ekimova.KV@rea.ru, ORCID:0000-0002-2445-1346

² Kosov.ME@rea.ru, ORCID: 0000-0002-1067-0935

Аннотация. На протяжении многих лет проблема оценки фискального пространства государства являлась предметом оживленных дискуссий в кругах отечественных и зарубежных экономистов, финансистов и экспертов по государственной политике. Актуальность данной темы определяется ключевой ролью, которую играет фискальное пространство в обеспечении макроэкономической стабильности, создании условий для устойчивого экономического роста и реализации стратегических инициатив государства. В периоды циклических спадов и кризисных потрясений наличие достаточных резервов бюджетной устойчивости позволяет правительствам проводить контрциклическую бюджетную политику, стимулируя совокупный спрос и смягчая негативные последствия для национальных экономик. Напротив, истощение фискальных буферов чревато наступлением долгового кризиса, потерей кредитоспособности страны и системным ухудшением инвестиционного климата.

Ключевые слова: фискальное пространство, бюджетная политика, макроэкономическая стабильность, дефицит бюджета, государственные финансы

Для цитирования: Екимова К. В., Косов М. Е. Обзор концепций и методик оценки фискального пространства в федеративном государстве // Вестник экономической безопасности. 2025. № 2. С. 182–191. <https://doi.org/10.24412/2414-3995-2025-2-182-191>. EDN: JWFUDQ.

Original article

Overview of concepts and methods for assessing the fiscal space in a federal state

Ksenia V. Ekimova¹, Mikhail E. Kosov²

^{1,2} Plekhanov Russian University of Economics, Moscow, Russia

¹ Ekimova.KV@rea.ru, ORCID:0000-0002-2445-1346

² Kosov.ME@rea.ru, ORCID: 0000-0002-1067-0935

Abstract. For many years, the problem of assessing the fiscal space of the state has been the subject of lively discussions in the circles of domestic and foreign economists, financiers and experts on public policy. The relevance of this topic is determined by the key role played by the fiscal space in ensuring macroeconomic stability, creating conditions for sustainable economic growth and the implementation of strategic initiatives of the state. During periods of cyclical downturns and crisis shocks, the availability of sufficient reserves of fiscal sustainability allows governments to pursue countercyclical fiscal policies, stimulating aggregate demand and mitigating negative consequences for national economies. On the contrary, the exhaustion of fiscal buffers is fraught with the onset of a debt crisis, loss of the country's creditworthiness and systemic deterioration of the investment climate.

Keywords: fiscal space, fiscal policy, macroeconomic stability, budget deficit, public finances

For citation: Ekimova K. V., Kosov M. E. Overview of concepts and methods for assessing the fiscal space in a federal state. Bulletin of economic security. 2025;(2):182–91. (In Russ.). <https://doi.org/10.24412/2414-3995-2025-2-182-191>. EDN: JWFUDQ.

Введение. На протяжении многих лет проблема оценки фискального пространства государства являлась предметом оживленных дискуссий в кругах отечественных и зарубежных экономистов, финансистов и экспертов

© Екимова К. В., Косов М. Е., 2025

тов по государственной политике. Актуальность данной темы определяется ключевой ролью, которую играет фискальное пространство в обеспечении макроэкономической стабильности, создании условий для устойчивого экономического роста и реализации стратегических инициатив государства. В периоды циклических спадов и кризисных потрясений наличие достаточных резервов бюджетной устойчивости позволяет правительствам проводить контрциклическую бюджетную политику, стимулируя совокупный спрос и смягчая негативные последствия для национальных экономик. Напротив, исчерпание фискальных буферов чревато наступлением долгового кризиса, потерей кредитоспособности страны и системным ухудшением инвестиционного климата.

Теоретические аспекты фискального пространства. Фискальное пространство представляет собой один из ключевых концептов современной экономической теории, который находит широкое применение в процессе разработки и реализации финансовой политики государства. Данное понятие отражает способность правительства осуществлять заимствования для финансирования дефицита бюджета без серьезных негативных последствий для макроэкономической стабильности и долгосрочной платежеспособности страны.

Фискальное пространство выступает в качестве своеобразной «подушки безопасности», позволяющей органам власти маневрировать в сложных экономических условиях, не прибегая к чрезмерному налоговому бремени или резкому секвестированию расходов. Наличие достаточного фискального пространства дает возможность противодействовать циклическим колебаниям, смягчая их негативное влияние на национальную экономику посредством проведения контрциклической бюджетной политики.

В период экономического спада фискальное пространство позволяет правительству увеличивать дефицит бюджета для поддержания совокупного спроса, инвестируя средства в инфраструктурные проекты, социальные программы и стимулирование деловой активности. С другой стороны, в периоды экономического подъема наличие фискального пространства дает возможность снижать дефицит или даже формировать профицит, тем самым ограничивая инфляционное давление и создавая «буфер» на случай будущих кризисов [1, с. 41].

Помимо стабилизирующей роли, фискальное пространство имеет важнейшее значение для обеспечения долгосрочной устойчивости государственных финансов. Оно позволяет абсорбировать потенциальные шоки, связанные с ростом расходов на обслуживание государственного долга, колебаниями курсов валют или другими непредвиденными событиями, не прибегая к чрезмерному повышению налогов или резкому сокращению расходов.

Наличие существенного фискального пространства также повышает доверие инвесторов и кредиторов к

стране, способствуя снижению стоимости заимствований на внутренних и внешних рынках. Это создает благоприятные условия для реализации инвестиционных проектов, стимулирования экономического роста и повышения уровня жизни населения.

Вместе с тем, следует признать, что чрезмерное накопление государственного долга и постоянное наращивание дефицита бюджета в погоне за расширением фискального пространства чревато серьезными макроэкономическими рисками. Превышение определенного критического уровня долговой нагрузки может привести к эффекту «долгового навеса», когда опасения относительно способности страны обслуживать свои обязательства становятся все более обоснованными.

В подобных условиях инвесторы начинают требовать повышенную доходность по государственным ценным бумагам, компенсирующую возросшие риски, что, в свою очередь, ведет к дальнейшему наращиванию расходов на обслуживание долга и сжатию фискального пространства. Если данный процесс выйдет из-под контроля, это может привести к полномасштабному долговому кризису с катастрофическими последствиями для экономики страны.

Таким образом, сбалансированный подход к управлению фискальным пространством, предполагающий взвешенную оценку рисков и выгод от дальнейшего наращивания государственного долга, является залогом макроэкономической стабильности и устойчивого роста национальной экономики. При этом фискальное пространство должно восприниматься не как самоцель, а как инструмент достижения стратегических целей государственной политики, будь то модернизация производственной базы, развитие человеческого капитала или формирование современной инфраструктуры.

В условиях усложнения экономических процессов, волатильности финансовых рынков и роста геополитической нестабильности грамотное управление фискальным пространством приобретает особую актуальность, выступая в качестве важнейшего фактора конкурентоспособности национальных экономик и благосостояния граждан.

Фискальное пространство представляет собой многогранное явление, на которое воздействует целый комплекс разнородных факторов, формирующихся как внутри национальной экономики, так и под влиянием внешних сил. Для эффективного управления данным ресурсом крайне важно детально проанализировать природу этих факторов, оценить степень их влияния и разработать соответствующие механизмы нивелирования потенциальных рисков.

Одним из ключевых внутренних факторов, определяющих масштабы фискального пространства, является состояние государственных финансов и, в частности, уровень накопленного государственного долга. Большое значение имеет структура долга: соотношение внутреннего и внешнего долга, доля заимствований в национальной и иностранных валютах, сроки погашения

обязательств. Высокая доля валютных займов повышает уязвимость страны к колебаниям валютных курсов, в то время как преобладание краткосрочных инструментов делает государственные финансы более чувствительными к конъюнктурным изменениям на долговых рынках [2, с. 289].

Вторым важнейшим внутренним фактором является состояние экономического цикла и перспективы роста национальной экономики. В периоды устойчивого расширения производства и повышения уровня занятости фискальное пространство имеет тенденцию к увеличению за счет роста налоговых поступлений в бюджет. Напротив, в условиях рецессии или замедления экономической активности происходит автоматическое сжатие фискального пространства вследствие сокращения налоговой базы и роста социальных трансфертов.

Существенное влияние на объем фискального пространства оказывает и фискальная дисциплина правительства, т. е. его способность соблюдать установленные нормативы по уровню бюджетного дефицита и государственного долга. Систематическое нарушение принятых фискальных правил чревато постепенной эрозией доверия инвесторов и, как следствие, удорожанием заимствований на рынке, что автоматически ведет к сужению фискального пространства.

Не следует также забывать о роли институциональных факторов, в частности, эффективности системы государственного управления, уровне коррупции в стране, степени независимости финансовых регуляторов. Слабые институты, низкое качество госуправления и высокий уровень коррупции повышают риски нецелевого использования бюджетных средств, что закономерно подрывает фискальное пространство и ограничивает возможности правительства по проведению активной контрциклической политики.

Наряду с внутренними факторами, на объем фискального пространства оказывают воздействие и внешние силы, ключевыми из которых являются состояние мировой экономики, волатильность на глобальных финансовых и товарных рынках, а также геополитическая обстановка.

В периоды глобальных экономических кризисов и рецессий фискальное пространство большинства стран существенно сужается под влиянием падения экспортных доходов, оттока капитала и снижения инвестиционной активности. Высокая волатильность на рынках энергоносителей и сырьевых товаров также создает значительные риски для стран-экспортеров, бюджеты которых в значительной степени зависят от конъюнктуры соответствующих рынков.

Серьезную угрозу фискальному пространству могут представлять и геополитические потрясения, будь то военные конфликты, террористические акты или введение экономических санкций в отношении отдельных государств. Подобные события зачастую приводят к масштабному оттоку капитала, сокращению инвестиций

и торговых потоков, тем самым оказывая дестабилизирующее воздействие на экономику в целом и государственные финансы в частности.

Наконец, нельзя не упомянуть о таком факторе, как демографические тенденции и, в частности, процессы старения населения, характерные для многих развитых стран. Рост численности пожилых граждан ведет к автоматическому увеличению расходов на здравоохранение, систему социального обеспечения и пенсионные выплаты, что сокращает фискальное пространство и ограничивает возможности правительств по проведению стимулирующей бюджетной политики.

Таким образом, фискальное пространство формируется под влиянием целого комплекса разнородных факторов, имеющих как внутреннее, так и внешнее происхождение. Для эффективного управления данным ресурсом органам государственной власти необходимо детально анализировать природу этих факторов, оценивать степень их влияния и своевременно принимать соответствующие меры для нивелирования потенциальных рисков.

Только комплексный подход, учитывающий все многообразие воздействующих сил, позволит создать необходимый буфер фискальной устойчивости, который станет надежной опорой для реализации контрциклической бюджетной политики и обеспечения долгосрочного экономического роста.

Оценка фискального пространства представляет собой одну из наиболее сложных и многогранных задач, стоящих перед современными экономистами и разработчиками государственной политики. Сложность данной проблемы обусловлена целым рядом факторов, среди которых можно выделить многообразие подходов к определению самого понятия «фискальное пространство», отсутствие единого универсального метода его количественной оценки, а также высокую степень неопределенности, связанную с прогнозированием будущей динамики ключевых макроэкономических показателей.

Тем не менее, за последние десятилетия ведущими международными организациями и национальными исследовательскими центрами был разработан целый арсенал методик, позволяющих с различной степенью точности оценивать объем фискального пространства для конкретной страны или группы стран. Все эти методики можно условно разделить на три основные группы: показатели устойчивости государственного долга, индикаторы налогово-бюджетной политики и комплексные модели оценки.

К первой группе относятся наиболее распространенные и широко используемые методики, основанные на анализе динамики государственного долга и его соотношения с ключевыми макроэкономическими показателями. Одним из базовых индикаторов данной группы является отношение государственного долга к валовому внутреннему продукту (ВВП), которое позволяет оценить степень долговой нагрузки на экономику. Как пра-

вило, значения данного показателя выше 60–70 % ВВП рассматриваются как сигнал о необходимости проведения жесткой бюджетной консолидации с целью снижения рисков долгового кризиса.

Помимо абсолютного уровня долговой нагрузки, для оценки фискального пространства также широко применяются такие индикаторы как отношение расходов на обслуживание долга к доходам бюджета, средние сроки погашения обязательств, структура долга по валютам и инструментам, а также различные рейтинги кредитоспособности, присваиваемые стране ведущими международными агентствами.

Недостатком методик данной группы является их ретроспективный характер и невозможность учесть потенциальные будущие изменения в экономической конъюнктуре и политике правительства. Именно поэтому многие эксперты рекомендуют дополнять их результаты более комплексным анализом, основанным на прогнозных моделях.

Вторая группа методик базируется на оценке степени циклической скорректированности бюджетного баланса и уровня структурного бюджетного дефицита. Данные показатели позволяют определить, насколько сбалансированной является фискальная политика государства с учетом текущей фазы экономического цикла и долгосрочных тенденций в экономике.

Одним из наиболее распространенных индикаторов в этой группе выступает циклически скорректированное первичное бюджетное сальдо – показатель, который отражает состояние бюджета за вычетом процентных расходов и с поправкой на влияние экономического цикла. Положительные значения данного показателя свидетельствуют о создании фискальных «буферов» и наличии потенциала для стимулирующей бюджетной политики в будущие периоды.

Еще одним важным индикатором является показатель фискального импульса, отражающий изменение структурного первичного сальдо бюджета в течение года. Отрицательные значения данного показателя указывают на проведение стимулирующей бюджетной политики, в то время как положительные – на сдерживающую политику, направленную на консолидацию бюджета.

Несмотря на свою относительную простоту, методики данной группы имеют ряд существенных недостатков. Во-первых, они зачастую основаны на оценочных данных, таких как потенциальный объем ВВП и разрыв выпуска, что вносит дополнительную неопределенность в результаты анализа. Во-вторых, они не учитывают целый ряд важных факторов долгосрочной бюджетной устойчивости, таких как демографические тенденции, состояние пенсионной системы и расходы на здравоохранение.

Именно поэтому наиболее предпочтительным подходом к оценке фискального пространства является применение комплексных экономико-математических моделей, позволяющих учесть максимально широкий спектр релевантных факторов и провести всестороннюю коли-

чественную оценку перспектив государственных финансов на долгосрочном горизонте.

Одной из наиболее известных и авторитетных моделей подобного рода является разработанная экспертами Международного валютного фонда (МВФ) модель устойчивого бюджетного баланса (СУББМ). Данная модель основана на построении стохастических прогнозов движения государственного долга с учетом планируемых мер бюджетной политики, ожидаемых темпов экономического роста, динамики процентных ставок и предполагаемой траектории других ключевых макропеременных.

Результатом работы СУББМ является оценка требуемого первичного сальдо бюджета, необходимого для стабилизации или снижения уровня государственного долга к заданной целевой отметке.

Альтернативный подход к моделированию фискального пространства был предложен специалистами Европейской комиссии в рамках модели S2 («Устойчивость государственных финансов»). В основе данной модели лежит оценка межвременного бюджетного ограничения – условия, в соответствии с которым текущая приведенная стоимость всех будущих первичных дефицитов бюджета должна быть равна стартовому уровню государственного долга.

Расчеты в модели S2 осуществляются на очень длительном временном горизонте, превышающем 100 лет, что позволяет учесть влияние процессов старения населения и ожидаемой динамики расходов на здравоохранение и социальное обеспечение. Ключевым выходным показателем модели является требуемая корректировка первичного сальдо в процентах ВВП, необходимая для достижения межвременного бюджетного равновесия.

Помимо методик, разработанных международными организациями, существует также целый спектр национальных моделей оценки фискального пространства, учитывающих специфические особенности конкретных стран и регионов. Одной из наиболее передовых в этой области является модель финансовой устойчивости ФИНУСТ, применяемая Счетной палатой Российской Федерации для анализа бюджетных рисков.

В основе ФИНУСТ лежит стохастическое моделирование множества сценариев развития российской экономики с учетом влияния внешних факторов, таких как динамика цен на нефть и курсов валют. Для каждого из сценариев рассчитываются показатели состояния государственных финансов, включая динамику доходов, расходов и дефицита бюджета в среднесрочной и долгосрочной перспективе. Результаты моделирования позволяют оценить вероятность наступления неблагоприятных событий, влияющих на фискальную устойчивость, а также определить резервы бюджета для обеспечения его сбалансированности.

Таким образом, оценка фискального пространства представляет собой многогранную задачу, требующую комплексного подхода и применения целого арсенала

методик, охватывающих как ретроспективный анализ накопленного государственного долга, так и построение долгосрочных прогнозных моделей. Только совместное использование различных методик позволит получить максимально полную и объективную картину текущего состояния государственных финансов, а также обеспечить эффективное управление фискальными рисками и грамотное расходование имеющихся бюджетных ресурсов.

Оценка фискального пространства в Российской Федерации. Пространственное развитие страны является одним из ключевых факторов, определяющих устойчивость ее экономического роста, качество жизни населения, рациональное освоение территорий и использование природных ресурсов. Россия, обладающая огромной территорией и значительным региональным многообразием, на протяжении многих десятилетий сталкивается с серьезными дисбалансами в размещении производительных сил и концентрации населения.

В последние годы проблематика территориального развития все более выходит на первый план в связи с переходом к новой парадигме пространственного планирования и управления. Новый этап развития регионов России связан с утверждением в 2019 г. Стратегии пространственного развития Российской Федерации на период до 2025 г. В этом документе определены основные принципы и механизмы совершенствования системы территориального планирования с целью обеспечения устойчивого и сбалансированного социально-экономического развития регионов и муниципальных образований [3, с. 154].

Ключевые положения данной Стратегии коренным образом пересматривают традиционный подход к управлению пространственным развитием, основанный на принципах выравнивания уровней социально-экономического развития территорий и сглаживания межрегиональных различий. Вместо этого делается акцент на реализацию конкурентных преимуществ каждого региона, агломерационных эффектов и межрегиональной интеграции. Предполагается развитие опорного каркаса расселения вокруг крупных городских агломераций, создание территориально-производственных кластеров и хозяйственных зон особого правового режима.

Для анализа современных тенденций пространственного развития России необходимо рассмотреть его основные количественные и качественные характеристики. В числе ключевых параметров можно выделить следующие:

- степень концентрации экономической деятельности и населения на ограниченной части территории. По данным Росстата, на начало 2022 г. в регионах, входящих в состав Центрального и Приволжского федеральных округов, проживало около 39 % населения страны при том, что их совокупная площадь составляла менее 8 % территории РФ. Это свидетельствует о высокой пространственной поляризации развития;

- неравномерность размещения городского населения. Около 28 % городских жителей страны сконцентрировано в 16 крупнейших городских агломерациях, при этом в сельской местности проживает 25,3 % россиян. Наблюдаются продолжающиеся процессы внутренней миграции в крупные города и опустынивание обширных сельских территорий;

- наличие обширных слабозаселенных и низкоосвоенных районов. К таковым относится значительная часть Сибири и Дальнего Востока, характеризующихся очаговым размещением населения вдоль основных транспортных магистралей и вокруг районов добычи полезных ископаемых. В то же время около 8 % территории страны практически не имеет постоянного населения;

- высокий уровень дифференциации регионов по основным социально-экономическим показателям. Разрыв между лидерами и аутсайдерами развития по душевому ВРП достигает 30–40 раз, по доходам населения – 5–7 раз. При этом в последние годы эти диспропорции не имеют устойчивой тенденции к сокращению;

- пространственная поляризация экономического развития и сосредоточение большей доли ВВП в ограниченном числе регионов. На 10 ведущих субъектов РФ (включая Москву, Санкт-Петербург и нефтегазовые регионы) приходится около 60 % совокупного ВРП, в то время как среднедушевые показатели более чем у половины субъектов не превышают 50 % от среднероссийского уровня;

- значительное расхождение между уровнями развития человеческого потенциала в регионах-лидерах и остальных территориях. Так, по интегральному рейтингу развития человеческого капитала первое и последнее места занимают соответственно Москва и Республика Тыва, при этом разрыв между ними составляет 4,5 раза.

Из представленных данных видно, что пространственное развитие России по-прежнему характеризуется глубокими дисбалансами. Помимо экономических диспропорций наблюдается значительная дифференциация качества жизни между успешными столичными регионами и промышленными центрами, с одной стороны, и остальной территорией страны – с другой. Эти проблемы оказывают комплексное негативное влияние на устойчивость роста экономики, усугубляют демографический кризис и способствуют деградации социально-экономического потенциала целых регионов и муниципальных образований.

В целях преодоления пространственных диспропорций развития в последние годы реализуется комплекс мер по стимулированию формирования крупных городских агломераций и территориальных кластеров, развитию транспортно-логистической инфраструктуры и созданию территорий опережающего экономического развития. Эти инструменты пространственной политики призваны обеспечить более эффективное использование местных конкурентных преимуществ и выступить «точками роста» региональных экономик.

Вместе с тем, даже при сохранении положительной динамики, процессы пространственной концентрации и агломерирования сами по себе неизбежно усилят внутрирегиональную поляризацию развития, расширяя разрыв между отдельными локальными территориями. Это также создает риски усиления оттока человеческих ресурсов из менее привлекательных населенных пунктов в крупные города, постепенной деградации основной среды обитания россиян и сжатия национального экономического пространства.

В этой связи важнейшей компонентой новой модели пространственного развития должно стать сохранение и преумножение человеческого потенциала регионов через развитие социальной инфраструктуры, повышение качества жизни, укрепление региональной идентичности и инвестиции в человеческий капитал. Необходимо создание комфортной жизненной среды за пределами крупных городских агломераций, включая развитие ключевых опорных городов, поддержку сельских территорий, малых и средних населенных пунктов.

Качество среды обитания во многом определяется наличием и доступностью услуг социальной сферы. В этом контексте проблемой пространственного развития является серьезное неравенство регионов и муниципальных образований по обеспеченности важнейшими объектами социальной инфраструктуры. Так, в удаленных районах Севера и в сельской местности по-прежнему сохраняется дефицит медицинских учреждений, школ, дошкольных организаций и спортивных сооружений. Для компенсации складывающихся диспропорций необходимо развитие мобильных и дистанционных форматов предоставления социальных услуг, а также активное бюджетное стимулирование развития социальной инфраструктуры в депрессивных территориях.

Особого внимания требует транспортная обеспеченность регионов как важнейший фактор их связанности и доступности рынков. Высокая протяженность территории России и значительная удаленность многих населенных пунктов от основных транспортных коридоров существенно затрудняет развитие межрегиональных связей и выравнивание условий конкуренции для бизнеса. Преодоление этих барьеров видится в развитии не только крупных магистральных путей сообщения, но и разветвленной системы местных дорог, обеспечивающих транспортную доступность муниципальных центров.

Для проведения всестороннего анализа текущего состояния и перспектив развития фискального пространства России необходимо учитывать целый комплекс факторов макроэкономического, структурного и институционального характера. Лишь на основе их системного рассмотрения можно сформировать адекватное представление о реальных масштабах имеющихся у государства бюджетных резервов и возможностях их эффективного использования.

Одним из ключевых параметров, определяющих границы фискального пространства, является динамика государственного долга и его соотношение с размерами экономики. В соответствии с «бюджетными правилами», установленными российским законодательством, отношение суммарного государственного внутреннего и внешнего долга Российской Федерации к ВВП страны не должно превышать 20 %.

Как свидетельствуют данные Министерства финансов РФ, по состоянию на начало 2023 г. совокупный государственный долг составлял около 21,7 трлн рублей, или порядка 16,4 % ВВП. При этом его структура характеризовалась выраженным преобладанием внутренних заимствований над внешними, что позволяет снизить валютные риски.

Подобные значения долговых показателей являются относительно низкими как по международным меркам, так и с точки зрения обозначенных пороговых ограничений. Для сравнения, среднее значение индикатора государственного долга для стран «Группы двадцати» на конец 2022 г. составляло около 88 % ВВП при максимумах свыше 130 % для ряда европейских государств.

Столь умеренные параметры долговой нагрузки формируют существенный запас прочности для бюджетной системы России на случай дальнейшего обострения негативных тенденций в мировой экономике и ухудшения конъюнктуры на рынках энергоносителей. Кроме того, невысокий уровень государственного долга позволяет Правительству РФ привлекать дополнительные ресурсы на приемлемых условиях для финансирования инвестиционных проектов и реализации стимулирующей бюджетной политики.

Вместе с тем излишний оптимизм в отношении имеющегося фискального пространства был бы неуместен. Ситуация в российской экономике остается сложной и полна вызовов, способных в перспективе подорвать стабильность государственных финансов. В их числе можно выделить следующие ключевые факторы:

1) нарастающие геополитические риски и давление со стороны недружественных стран. Длительное сохранение тотальных экономических санкций против России неизбежно приведет к сокращению экспортных доходов бюджета, существенной утрате рынков сбыта и разрыву производственно-бытовых цепочек. Это чревато масштабным сжатием налоговой базы и снижением фискальных поступлений;

2) замедление темпов мирового экономического роста и стагнация экономической активности в странах-торговых партнерах России. Согласно прогнозам МВФ, в 2023 г. рост мирового ВВП едва превысит 3 %, а в 2024-м темпы роста могут опуститься ниже 3 %. Столь вялые показатели неизбежно окажут давление на спрос и цены на энергоресурсы и сырьевые товары, на которые приходится значительная доля российского экспорта;

3) повышение степени волатильности на мировых товарных рынках и рынках капитала. Высокая неопределенность в динамике цен на ключевые экспортные товары российской экономики и колебания глобальных процентных ставок осложняют процессы долгосрочного бюджетного планирования и управления рисками;

4) отрицательное влияние процессов старения населения и изменений в возрастной структуре. Согласно расчетам Росстата, демографическая нагрузка на российскую экономику будет возрастать, причем темпы данного процесса обгонят среднемировые показатели. К 2036 г. соотношение численности населения старше 65 лет к трудоспособному населению составит около 46 %. Это потребует опережающего роста расходов на пенсионное обеспечение и здравоохранение при снижении налоговых поступлений в бюджет;

5) усиление процессов регионального бюджетного дисбаланса. Такая ситуация приводит к наращиванию зависимости региональных властей от финансовой помощи из центра и ограничивает их фискальную самостоятельность;

6) ограниченные возможности использования Фонда национального благосостояния в качестве «фискальной подушки». По экспертным оценкам, на начало 2023 г. объемы ликвидной части ФНБ сократились до 6,6 трлн рублей (около 5 % ВВП) после масштабного задействования фондовых средств для финансирования дефицита бюджета в предыдущие периоды. При сохранении текущих тенденций емкость данного ресурса может оказаться исчерпанной в обозримой перспективе. Это усилит давление на механизмы внутреннего и внешнего долгового финансирования бюджета;

7) низкий уровень толерантности общества к фискальным рискам. Как показывают регулярные социологические опросы, большая часть россиян негативно воспринимает перспективы наращивания государственных долговых обязательств и увеличения налогового бремени для населения и бизнеса. Подобная ситуация сужает коридор возможностей кабинета министров по маневрированию фискальными рычагами в случае ухудшения экономической ситуации.

Все эти факторы формируют своеобразный «идеальный шторм» для фискального пространства России, указывая на необходимость скорейшей структурной модернизации экономики, снижения ее сырьевой зависимости и повышения устойчивости бюджетных доходов к внешним шокам. При сохранении текущей парадигмы развития с упором на экспортно-сырьевую модель возможности государства по проведению контрциклической бюджетной политики и финансированию долгосрочных инициатив окажутся существенно ограниченными уже в среднесрочной перспективе.

Ключевым индикатором сужения фискальных возможностей выступает замедление темпов роста доходов российского бюджета, которое проявилось уже в 2022 г. под влиянием обострения геополитической

ситуации и кризисных явлений в экономике. Согласно предварительным оценкам Минфина России, в прошлом году номинальный прирост доходов федерального бюджета составил всего 12,6 %, что является минимумом за последние 6 лет [4].

Столь скромная динамика фискальных поступлений объясняется как сокращением доходов от экспорта энергоресурсов в результате введения западными странами эмбарго на российскую нефть, так и падением объемов налогооблагаемой базы внутри страны на фоне рецессии в ряде отраслей. Кроме того, негативное воздействие оказало обесценение рубля, усилившее инфляционное давление и снизившее реальные доходы как населения, так и корпоративного сектора.

Российская Федерация сталкивается с серьезными вызовами и ограничениями, препятствующими эффективному использованию имеющегося фискального пространства. Сохранение и расширение возможностей государства по проведению контрциклической бюджетной политики и реализации долгосрочных инвестиционных инициатив требует комплексных системных усилий, затрагивающих как институциональную сферу, так и отраслевую структуру национальной экономики.

В институциональном измерении первостепенное значение приобретает дальнейшее совершенствование системы государственного стратегического планирования и прогнозирования. Несмотря на целый ряд принятых в последние годы нормативных актов, закрепивших основные принципы построения системы стратегического управления, на практике качество планирования на федеральном и региональном уровнях зачастую оставляет желать лучшего.

Нередко встречается ситуация, когда стратегические документы остаются декларативными, а практическая реализация государственной политики носит разрозненный, зачастую конъюнктурный характер. Это не позволяет органам власти всех уровней предвидеть и предотвращать надвигающиеся вызовы и угрозы, включая ухудшение внешнеэкономической конъюнктуры и сокращение фискальных поступлений.

В этой связи требуется пересмотр действующих систем стратегического планирования с акцентом на повышение их гибкости, оперативности и практической применимости. Важно обеспечить внедрение методик формирования и верификации прогнозных сценариев развития макроэкономической ситуации на основе передовых технологий моделирования и систем поддержки принятия решений. При этом приоритетное внимание должно уделяться разработке гибких «дорожных карт» и детализированных планов действий для различных ситуаций на основе объективного анализа рисков и угроз.

Одним из ключевых направлений совершенствования государственного стратегического планирования должно стать усиление координации между различными участниками и уровнями управления. В настоящее время многие решения зачастую принимаются разроз-

ненно, без должного согласования с другими органами власти и четкого представления о конечных целях. Возникает ситуация, когда одни ведомства преследуют цели, входящие в противоречие с задачами, стоящими перед другими министерствами и регионами. Таким образом, эффективность государственной политики оказывается заложницей межведомственных барьеров и дисбалансов.

Формирование единого стратегического пространства, в рамках которого будут согласованы цели, приоритеты и ресурсное обеспечение различных направлений государственной политики, видится важнейшей предпосылкой для оптимизации фискального пространства и грамотного распоряжения бюджетными средствами. При этом следует избегать излишнего централизма и командно-административных методов управления, которые в современных реалиях зачастую оказываются контрпродуктивными. Напротив, целесообразно развивать механизмы согласования интересов и выстраивания партнерских отношений между центром и регионами, формируя горизонтальные связи и используя преимущества сетевых структур управления.

Преодоление этой негативной тенденции требует внедрения передовых методик оценки эффективности и результативности бюджетных расходов, а также развитие системы государственного аудита как на федеральном, так и на региональном уровне. Необходимо совершенствование процедур государственных закупок, минимизация коррупционных рисков и исключение возможностей для нецелевого использования бюджетных средств.

Серьезного внимания заслуживает и вопрос повышения эффективности управления государственной собственностью, включая пересмотр подходов к определению необходимости и целесообразности участия государства в капиталах тех или иных компаний. В условиях ограниченных бюджетных ресурсов сохранение в федеральной или региональной собственности низкорентабельных, устаревших или избыточных активов представляется нецелесообразным. Напротив, выведение части этих активов в конкурентную среду за счет их приватизации или акционирования позволит привлечь дополнительные инвестиции, повысить качество управления и минимизировать нагрузку на бюджет.

Вместе с тем, вырученные от приватизации средства не следует рассматривать как источник пополнения текущих доходов бюджета и финансирования расходов потребительского характера. Более рациональным видится формирование на базе этих ресурсов специализированных фондов долгосрочных инвестиций, ориентированных на софинансирование крупных инфраструктурных проектов, стимулирование инноваций и развитие передовых технологий. Такой подход позволит обеспечить мультипликативный эффект для экономического роста и наполнить фискальное пространство России качественным новым содержанием.

Наряду с оптимизацией институциональных механизмов и процедур управления государственными финансами, важнейшее значение для расширения фискального пространства в долгосрочной перспективе имеет структурная диверсификация российской экономики и снижение ее избыточной сырьевой зависимости. Как показывает мировой опыт, устойчивый экономический рост и наращивание налогооблагаемой базы могут быть достигнуты только за счет развития высокотехнологичных отраслей с высокой добавленной стоимостью.

Для российской экономики, где долгие годы приоритетным направлением являлся топливно-энергетический комплекс, диверсификация представляет собой непростую задачу, требующую масштабной мобилизации ресурсов и проведения комплексной структурной перестройки хозяйства. С одной стороны, необходимо сохранить достигнутые конкурентные преимущества в добывающих отраслях и секторах первичной переработки сырья. Однако в то же время следует интенсифицировать усилия по формированию новых «точек роста», ориентированных на глубокую переработку, цифровизацию, создание продуктов с высокой интеллектуальной составляющей.

Важной составляющей новой индустриальной политики должна стать поддержка со стороны государства процессов формирования территориально-производственных кластеров в перспективных секторах обрабатывающей промышленности и сферы услуг. Эффективная кластерная политика позволит обеспечить благоприятные условия для трансфера технологий, привлечения квалифицированных кадров и концентрации научных компетенций, что критически важно для перехода на инновационную модель развития.

Помимо развития новых секторов и отраслей промышленности, фискальное пространство России может быть расширено за счет интенсификации усилий по повышению производительности труда и цифровизации экономических процессов.

Несмотря на определенный прогресс в данных сферах, достигнутый в последние годы, разрыв между отечественными показателями производительности и передовыми мировыми практиками по-прежнему остается существенным. Преодоление этого разрыва требует комплексной модернизации производственной базы, технологического перевооружения предприятий и повсеместного внедрения принципов бережливого производства. Особое внимание должно быть уделено вопросам цифровизации и автоматизации рутинных процессов как в реальном секторе, так и в сфере услуг.

Параллельно с усилиями по модернизации традиционных отраслей промышленности, российским властям следует уделить приоритетное внимание новым высокотехнологичным рынкам будущего. К их числу можно отнести сегменты искусственного интеллекта, робототехники, биоинженерии, квантовых вычислений,

новых материалов и альтернативной энергетики. Именно эти области с высокой долей разумного будут определять технологический и экономический ландшафт грядущих десятилетий.

Первостепенное значение для успеха на этих рынках имеет обеспечение благоприятных условий для исследований и разработок, стимулирование инноваций и поддержка венчурного предпринимательства. России необходимо создать собственные мощные научные школы и центры компетенций в вышеуказанных направлениях, задействовав для этого как ресурсы ведущих национальных университетов и научных институтов, так и механизмы государственно-частного партнерства для привлечения инвестиций.

Несомненно, фундаментальную роль в процессе технологической трансформации российской экономики призвано сыграть развитие человеческого капитала. Только сочетание передовых технологий с высококвалифицированными кадрами, обладающими навыками XXI в., позволит обеспечить долгосрочный устойчивый рост производительности труда и создание действительно инновационных продуктов.

Для достижения этой цели потребуются масштабная модернизация национальной системы образования, приведение ее в соответствие с требованиями экономики знаний. Помимо расширения фундаментальной подготовки в естественнонаучных и инженерно-технических дисциплинах, необходимо сфокусироваться на развитии таких навыков, как системное и креативное мышление, предпринимательские компетенции, цифровая грамотность. Важным шагом станет повсеместное внедрение в учебный процесс современных образовательных технологий, основанных на использовании искусственного интеллекта, виртуальной и дополненной реальности.

Параллельно с обновлением системы образования должна происходить трансформация самих принципов организации труда и управления человеческими ресурсами. Акцент должен смещаться в сторону обучения в течение всей жизни, формирования гибких рабочих мест и реализации концепции «бесшовной занятости». Это позволит населению адаптироваться к ускоряющимся технологическим сдвигам, повысит мобильность и многопрофильность рабочей силы.

В целом, успех усилий по расширению фискального пространства России в долгосрочной перспективе будет определяться способностью государства инициировать системные преобразования, затрагивающие все ключевые области национальной экономики – от совершенствования институциональных основ до модернизации производственно-технологической базы и развития человеческого капитала. Только соблюдая принципы комплексности и последовательности реформ, Россия сможет сформировать устойчивые источники бюджетных доходов, снизить зависимость от экспорта сырьевых товаров и создать необходимые резервы для противодействия кризисным явлениям и реализации долгосрочных стратегических инициатив.

Заключение. Проблема анализа и управления фискальным пространством государства является одной из наиболее сложных и многогранных задач современной экономической науки. Обусловлено это как многофакторной природой самого понятия фискального пространства, так и существенными различиями в экономических моделях, структуре бюджетных систем и уровне институционального развития различных стран.

Для Российской Федерации как огромного федеративного государства с асимметричным размещением производительных сил и высокой неравномерностью социально-экономического развития регионов данная проблематика приобретает особую актуальность. От эффективного управления совокупным фискальным пространством страны напрямую зависят возможности центра по обеспечению единых стандартов жизни на всей территории и реализации крупных общенациональных проектов.

Проведенный анализ состояния государственных финансов Российской Федерации и основных рисков для их устойчивости в перспективе указывает на необходимость системных преобразований, затрагивающих как институциональную сферу, так и структуру реального сектора экономики. Лишь в этом случае Россия сможет сформировать прочный фундамент для противодействия внешним шокам и создания подлинных «подушек безопасности» для реализации контрциклической бюджетной политики.

Список источников

1. Костенкова Е. Ю. Бюджетная система и бюджетный федерализм // Ответственный редактор. 2023.
2. Воронов А. В. Современное состояние бюджетного федерализма в теоретическом аспекте // Современные стратегии и цифровые трансформации устойчивого развития общества, образования и науки. 2023.
3. Мусуков М. М. Проблемы российского бюджетного федерализма // Студенческая наука: актуальные вопросы, достижения и инновации. 2023.
4. Федеральное казначейство // URL: <https://roskazna.gov.ru/ispolneniebyudzhetov/konsolidirovannyj-byudzhet/191/>

References

1. Kosenkova E. Y. The budgetary system and budgetary federalism // Responsible editor. 2023.
2. Voronov A. V. The current state of budgetary federalism in a theoretical aspect // Modern strategies and digital transformations of sustainable development of society, education and science. 2023.
3. Musukov M. M. Problems of Russian budgetary federalism // Student science: topical issues, achievements and innovations. 2023.
4. Federal Treasury // URL: <https://roskazna.gov.ru/ispolneniebyudzhetov/konsolidirovannyj-byudzhet/191/>

Информация об авторах

К. В. Екимова – профессор кафедры финансов устойчивого развития, проректор Российского экономического университета имени Г.В. Плеханова, доктор экономических наук;

М. Е. Косов – заведующий кафедрой государственных и муниципальных финансов Российского экономического университета имени Г.В. Плеханова, кандидат экономических наук, доцент.

Information about the authors

K. V. Ekimova – Professor of the Department of Finance for Sustainable Development, Vice-Rector of the Plekhanov Russian University of Economics, Doctor of Economic Sciences;

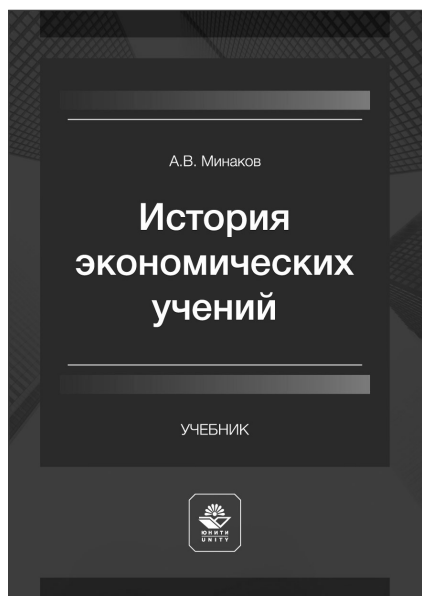
M. E. Kosov – Head of the Department of State and Municipal Finance of the Plekhanov Russian University of Economics, Candidate of Economic Sciences, Associate Professor.

Вклад авторов: все авторы сделали эквивалентный вклад в подготовку публикации. Авторы заявляют об отсутствии конфликта интересов.

Contribution of the authors: the authors contributed equally to this article. The authors declare no conflicts of interests.

Статья поступила в редакцию 13.01.2025; одобрена после рецензирования 11.03.2025; принята к публикации 07.04.2025.

The article was submitted 13.01.2025; approved after reviewing 11.03.2025; accepted for publication 07.04.2025.

История экономических учений. Минаков А. В. Учебник. 351 с. Гриф НИИ образования и науки. Гриф МУМЦ «Профессиональный учебник». Гриф МНИЦ Судебной экспертизы и исследований.

Обобщен теоретический и методологический материал для всестороннего системного представления об истории экономических учений. Учебник состоит из десяти глав, каждая из которых посвящена определенному направлению экономического знания, приобретаемого научным миром на конкретный момент времени, в рамках конкретной исторической эпохи (эпох).

Раскрыты предпосылки, основные концептуальные положения, а также причины потери лидерства среди представителей экономического сообщества каждой конкретной экономической школы, ученого или мыслителя. Рассмотрены ключевые особенности развития российской экономической мысли. Теоретические вопросы иллюстрируются историческим фактологическим материалом, а также примерами из реальной практики экономического развития.

Для студентов, обучающихся по направлениям подготовки «Экономика и управление», «Экономика», «Экономическая безопасность», а также слушателей курсов повышения квалификации и программ профессиональной подготовки, аспирантов и преподавателей, специалистов в области экономики и околоэкономической деятельности.

Научная статья

УДК 336.717.3

<https://doi.org/10.24412/2414-3995-2025-2-192-199>

EDN: <https://elibrary.ru/kheigq>

ИДОН: 2015-0066-2/25-237

MOSURED: 77/27-011-2025-02-436

Потенциал применения цифровых валют и цифровых финансовых активов в международных расчетах и других секторах экономики

Александр Владимирович Миленков

Российский экономический университет им. Г.В. Плеханова, Москва, Россия,

milenkov.av@rea.ru

Аннотация. Рассмотрен российский и зарубежный опыт использования цифровых валют центральных банков (ЦВЦБ), а также цифровых финансовых активов (ЦФА) в сфере международных взаиморасчетов. Перспективы применения и развития ЦВЦБ и ЦФА связаны, прежде всего, с их интеграцией в систему трансграничных расчетов и платежей. Анонсированное на 2025 г. расширение применения в России цифрового рубля во многом является повторением аналогичных тестовых операций, проведенных странами БРИКС ранее. Интеграция в новые международные платежные системы альтернативные SWIFT, прежде всего в CIPS-mBridge на основе цифрового юаня, а также создание цифровой расчетно-платежной платформы BRICS Bridge возможны и целесообразны, но должны происходить с сохранением достаточной степени независимости и контроля российской стороны над операциями в данных системах. Также в статье кратко рассмотрены некоторые дополнительные направления использования ЦФА в экономике.

Ключевые слова: международные расчеты, цифровые валюты центральных банков, цифровые финансовые активы, система международных платежей CIPS (Cross-Border Interbank Payment System), международная цифровая система расчетов mBridge

Для цитирования: Миленков А. В. Потенциал применения цифровых валют и цифровых финансовых активов в международных расчетах и других секторах экономики // Вестник экономической безопасности. 2025. № 2. С. 192–199. <https://doi.org/10.24412/2414-3995-2025-2-192-199>. EDN: KHEIGQ.

Original article

The potential of using digital currencies and digital financial assets in international settlements and other sectors of the economy

Alexander V. Milenkov

Plekhanov Russian University of Economics, Moscow, Russia,

milenkov.av@rea.ru

Abstract. The Russian and foreign experience of using digital currencies of central banks (CBCS), as well as digital financial assets (CFAs) in the field of international settlements are being considered. The prospects for the application and development of the Central Bank and CFA are primarily related to their integration into the system of cross-border settlements and payments. The expansion of the use of the digital ruble in Russia, announced for 2025, is in many ways a repeat of similar test operations conducted by the BRICS countries earlier. Integration into new international payment systems alternative to SWIFT, primarily CIPS-mBridge based on the digital yuan, as well as the creation of the BRICS Bridge digital settlement and payment platform are possible and appropriate, but must take place while maintaining a sufficient degree of independence and control of the Russian side over operations in these systems. The article also briefly discusses some additional areas of CFA use in the economy.

Keywords: international settlements, central bank digital currencies, digital financial assets, CIPS (Cross-Border Interbank Payment System) international payment system, mBridge international digital settlement system

For citation: Milenkov A. V. The potential of using digital currencies and digital financial assets in international settlements and other sectors of the economy. Bulletin of economic security. 2025;(2):192–9. (In Russ.). <https://doi.org/10.24412/2414-3995-2025-2-192-199>. EDN: KHEIGQ.

© Миленков А. В., 2025

Введение.

Для обеспечения текущего функционирования и совершенствования работы финансово-банковского сектора (наряду с рядом других секторов) в России и других странах в последние годы прорабатываются ряд технологий и проектов, основанных на «глубокой» цифровизации информации, обработке больших данных, использовании искусственного интеллекта – в том числе в рамках разработанного в 2020 г. закона о ЦФА [29]. Первоначально российскими законодателями предполагалось, что средства платежа – цифровые валюты (частные и валюты центральных банков) и ЦФА – это различные понятия. В частности, ЦФА в отличие от цифровых валют (особенно – децентрализованных) должны иметь «решение о выпуске», которое напоминает проспект эмиссии в российском праве и устоявшиеся в 2010–2020-х годах в международной практике понятия инвестиционные (security) «токены» и «стейблкоины». Преимуществами ЦФА при этом являются: «понятный эмитент», «обеспеченный инструмент» (в отличие от криптовалют).

Однако, в 2022 г., а затем в начале 2024 г. в РФ были приняты законы, разрешающие использовать ЦФА в качестве средства платежа во внешнеэкономической деятельности (с 1 января 2025 г.) [30]. Реестр операторов информационных систем, в которых осуществляется выпуск ЦФА, которой ведет ЦБ РФ, на 21 января 2025 г. включает тринадцать эмитентов, все из которых зарегистрированы в Москве [31].

На сегодня более удобным инструментом международных расчетов, по мнению экспертов, представляются ЦВЦБ, в частности цифровой рубль, цифровой юань, цифровая рупия и другие. Отметим, что фактически ЦФА наряду с уже внедренными оплатой QR-кодом и NFC, тестируемыми, обновляемыми и внедряемыми центральными банками многих стран ЦВЦБ, частными криптовалютами и рядом других коммерчески успешных технологий платежных и реестровых операций в качестве основы использует *технологии распределенных реестров (TPP)*. Данная технология достаточно давно получила статус перспективной и многообещающей технологии для развития множества систем, связанных с хранением и передачей информации – платежных, клиринговых, реестров различных прав и т. д.

Обзор литературы.

Зарубежные и российские авторы с рядом национальных и отраслевых вариаций прогнозировали ситуацию, при которой использование распределенной регистрации транзакций *на основе блокчейн* (составляющая TPP) обеспечивает существенное повышение скорости цифровых банковских, а также эмиссионных и иных операций с одновременным повышением степени их надежности и защиты [1; 2; 3], что может привести в перспективе 2025–2030 гг. к вопросу о перестройке работы всей традиционной финансово-банковской системы [4; 5].

В России для реализации дорожной карты развития высокотехнологичной области «Технологии рас-

пределенных реестров»¹ в 2020 г. (год принятия закона о ЦФА) был предусмотрен ряд мер и решений с использованием программного обеспечения (ПО) на основе *модели открытого кода* [32]. На основе TPP с открытым кодом предполагалось развивать ряд групп технологий: организации и синхронизации данных; обеспечения целостности и непротиворечивости данных (консенсус); создания и исполнения децентрализованных приложений и smart-контрактов [6; 7]. При этом блокчейн-технологии, формирующие так называемый универсальный журнал записей, открытый для всех участников операций (или подключенных к операционной сети), должен обеспечить как открытость операций, так и максимально снизить задержки, обусловленные использованием участниками различного ПО.

С 2023 г. Сбербанк России («Сбер») стал тестировать блокчейн-архитектуры, добиваясь совместимости с сетью («экосистемой») децентрализованных финансов Ethereum [33]. Отметим, что ЦБ ЮАР с 2018 г. реализовывал аналогичный проект с сетью Ethereum – проект Khokha [8] (для тестирования межбанковской платежной системы Khokha семь банков в ЮАР успешно использовали Quorum – корпоративную реализацию Ethereum; в 2022 г. была запущена вторая стадия проекта, которая выявила ряд дальнейших вопросов²).

По мнению некоторых экспертов, в России в рамках дальнейшего развития ЦФА при доработке нормативной базы и создании отечественной экосистемы TPP, нацеленной на разные функции, целесообразно на принципах государственно-частного партнерства (ГЧП) и с использованием открытого кода при государственной поддержке и координации [1; 5; 6]. Однако при реализации данного направления развития только на внутреннем рынке – как ЦФА или как ЦВЦБ – экосистема TPP будет обладать пониженной функциональностью, хотя отдельные ее элементы и могут оказаться полезны.

К концу 2024 г., как отмечали в ЦМАКП, на международном уровне не просматривалось конкретных перспектив становления многосторонней платежной системы, призванной закрепить «отвязывание» значительного объема международной торговли от долларовых расчетов [9, с. 5]. В то же время главный «нарратив» для освоения и применения ЦФА и цифровых валют

¹ Дорожная карта развития высокотехнологичной области «Технологии распределенных реестров» была утверждена протоколом заседания президиума Правительственной комиссии по цифровому развитию, использования информационных технологий для улучшения качества жизни и условий ведения предпринимательской деятельности от 8 декабря 2020 г. № 31 как механизм реализации соглашения о намерениях между Правительством РФ и госкорпорацией «Ростех» от 10 июля 2019 г., заключенного в соответствии с Распоряжением Правительства РФ от 8 июля 2019 г. № 1484-р в целях развития TPP.

² Project Khokha 2 – Report. Exploring the implication of tokenisation in financial markets. South-African Reserve Bank (issue date 2022.05.20; request date 2025.01.15), 60 p. // URL: <https://www.resbank.co.za/content/dam/sarb/publications/media-releases/2022/project-khokha-2/Project%20Khokha%202%20Full%20Report%206%20April%202022.pdf>. P. 45

в финансово-банковском секторе России – именно возможность осуществлять международные расчеты, минуя санкции и возможности давления ряда стран [10; 11; 12], которые все отчетливее обозначают свою цель по нанесению максимального экономического урона и ослаблению позиций геополитических конкурентов, наиболее сильными из которых в последние годы являются Россия и Китай.

Отметим, что такие крупные мировые экономики как Индия и Китай крайне осторожно подходят к вопросу прямого противостояния с конгломератом западных государств и экономик. Проблемы транзакций из России в мае-июне 2024 г., в частности, отчетливо показали, что китайские компании и, особенно, банки максимально стараются избежать «вторичных экономических санкций».

В этих условиях чрезвычайно важно для всех сторон оказывается взвесить все «плюсы» и «минусы» от введения и участия в новой платежной системе стран БРИКС, основанной на применении ТРР с использованием ЦВЦБ и (или) ЦФА (токенов) стран – участниц и, главное, не привязанной калькуляции цен на продукцию и использовании в расчетах долларов США и евро. По оценкам некоторых экспертов, введение такой альтернативной международной платежной системы стало бы самым существенным экономическим вызовом на текущем момент [13; 14; 15].

Рассмотрим подробнее предлагаемые варианты такой системы.

Предложения и проекты по созданию альтернативной международной платежной системы в рамках БРИКС, не ориентированной на доллар США.

В период до начала 2022 г. рынки стран ЕС являлись главным экспортным направлением и приносили наибольшую часть экспортной выручки России. Так экспорт в страны ЕС в 2017–2021 гг. составлял 44,73 % – 58,92 % от всего объема экспорта из страны, существенно превышая долю Китая (10,90 % – 19,23 %), Турции (5,1 % – 7,4 %) и других стран [14]. Кроме того, именно торговля с ЕС в этот период, 2017–2021 гг., обеспечивала от 55,97 % до 86,04 % положительного торгового сальдо страны (для сравнения Китай – от -7,01 % до +2,94 %), являясь источником высоких доходов и высокого уровня рентабельности российского внешнеторгового сектора [14]. После 2022 г. ЦБ РФ и Федеральная таможенная служба России перестали публиковать географические данные о российском экспорте, но очевидно, что после введения санкций уровень оборота торговли с ЕС резко снизился. При этом значительный рост товарооборота с 2022 г. характеризует партнерские отношения России с ключевыми странами БРИКС – Индией и Китаем, а также с Турцией, Ираном, КНДР, Белоруссией, с рядом других стран.

Показателем этой роли являются такие данные: в июле – августе 2023 г. платежи по экспорту в юанях составили 27 % от объема нетто, а по импорту – 36 %; торги юаня к рублю (40,4 %) и юаня к долла-

ру США (8,6 %) на российском валютном рынке [14] достигли почти половины его объема; значительная часть расчетов во внешней торговле была переведена в рубли.

Президент России в одном из своих выступлений заявил, что готов поддерживать роль юаня как международного средства платежа в расчетах с дружественными странами Азии, Африки, Латинской Америки, Европы, что выходило бы за рамки только двусторонней торговли России с Китаем [34]. В свою очередь, по данным Минфина РФ, от 55 % до 65 % Фонда национального благосостояния России с 2022 г. размещалось в юаневых активах, и юань с этого периода стал играть роль предпочтительной валюты в целях сохранения золотовалютных резервов России.

Дальнейший интерес Китая может состоять в том, чтобы при интеграции трансграничных платежных систем Китая (CIPS) и России (SPFS) с целью увеличения масштабов расчетов в национальных валютах (около 90 % расчетов в 2022–2024 годах приходилось на юань, и 10 % – на рубль) «продвигать» цифровой юань (e-CNY), с учетом опыта его использования в пилотных программах внутренних транзакций и совместном проекте с Тайванем mBridge¹, к которому впоследствии были подключены и ряд других стран. При этом китайские регуляторы и игроки финансового рынка готовы взять на себя функции по координации деятельности бухгалтерско-аудиторских и кредитно-рейтинговых агентств двух стран для совершения большего объема операций с капиталом (инвестиционного характера) [14]. Для продвижения как международного платежного средства и интернационализации юаня Китай уже предоставляет платформу «цифрового юаня», в частности в рамках глобального проекта «Один пояс – один путь»² [16; 17; 18].

Необходимо понимать, что следуя по пути, предложенному КНР, России необходимо преследовать собственные интересы, а передача на «аутсорсинг» управление цифровой валютой БРИКС Китаю, которая фактически предполагается в текущем варианте проекта,

¹ Multiple Central Bank Digital Currency Bridge Project (или m-CBDC Bridge project) был инициирован в 2017 г., и с 2021 г. развивался как проект международной цифровой платежной системы между организациями Китая, Гонконга, Таиланда и Объединенных Арабских Эмиратов (ОАЭ) при посредничестве их центральных банков. В 2024 г. к проекту присоединился центральный банк Саудовской Аравии, а также банки, имеющие статус «наблюдателей» из ряда других стран, включая Банк Индонезии, Банк Израиля, Банк Южной Кореи и др.

² В 2015 г. заработала система CIPS (от Crossborder Interbank Payment System), фактически альтернативная SWIFT, но в дополнение к расчетам и обмену информацией обеспечивающая также клиринг. В 2023 г. CIPS провела операции примерно на 123 трлн юаней (\$17,25 трлн) между 1353 организациями в 110 странах, а всего ее бизнес к концу 2023 г. охватывал более 4400 банковских учреждений в 182 странах и регионах по всему миру. В 2024 г. объем проведенных операций увеличился на 44 % до 175 трлн юаней, как и охватом бизнесом новых клиентов в разных регионах мира (CIPS Participants announcements) // URL: <https://www.cips.com.cn/en/index/index.html/>

не является стратегически обоснованным шагом, так как вызовет в будущем зависимость от другого крупного международного игрока, который в один момент сможет поступить аналогично операторам систем Visa-Mastercard и SWIFT¹, отключившим обслуживание российских клиентов в 2022 г.

Индия, Бразилия и ЮАР со своей стороны также реализовали в той или иной форме проекты цифровых национальных валют, при этом, как и Россия, в отличие от Китая – не имеют пока опыта их трансграничного применения. При этом Индия в инициативах по созданию единой валюты БРИКС занимает довольно осторожную позицию, в том числе в отношении проведения дальнейших совместных работ по созданию цифровой валюты объединения (БРИКС). С одной стороны, это может быть связано с закреплением ведущей роли Китая, с другой стороны, – с санкциями западных стран. В последние годы можно утверждать, что в рамках повышения эффективности экспансии капитала, но в условиях нарастающих противоречий с Китаем западные производственные и инновационные холдинги рассматривают Индию как следующую после Китая и ряда стран АТР производственную площадку с относительно дешевой рабочей силой, потенциал которой следует использовать в течение ближайших десятилетий. В этих условиях Индия не особенно заинтересована в участии в прямом противостоянии сложившейся системе расчетов на основе доллара [19].

Цифровая рупия (CBDC-R) тестировалась Резервным банком Индии с конца 2022 г., однако спустя 1,5 года, в середине 2024 г., индийский регулятор банковского рынка вынужден был признать, что электронная валюта не показала роста популярности, число транзакций с ней после первоначального, не очень большого интереса, у коммерческих банков сократилось в 10 раз².

Таким образом, даже учитывая планы Банка России по началу расширенного тестового применения цифрового рубля в 2025 г. (по времени несколько отстающее от аналогичных операций, уже совершенных ранее центральными банками стран БРИКС) рассчитывать на скорое применение этого инструмента в международных расчетах России и даже на широкое распространение внутри страны вряд ли стоит [20; 21; 22]. Достаточно пессимистично о перспективах цифрового рубля по скорому «завоеванию рынка» высказались и в экономическом отделе газеты «Коммерсант» в конце 2024 г.: «В нынешнем виде цифровая валюта центральных банков хотя и кажется логичной и очень инновационной

идеей, но, похоже, не выдерживает столкновения с экономической действительностью» [36].

Несмотря на отсутствие точных данных о стоимости внедрения цифровых валют, в настоящее время можно утверждать по аналогии концепциями «зеленой энергетики» или «водородного общества», что для большинства начинающих участников рынка цифровых валют, включая центральные банки большинства стран, их внедрение и поддержание в условиях небольшого спроса и отсутствия международного применения для текущих и инвестиционных операций будет оказываться чрезмерно дорогим. Единственной в настоящее время цифровой валютой, поддержание которой оказывается менее затратно в среднем на операцию, чем у системы SWIFT, по имеющимся оценкам, является «цифровой юань» исходя из озвученной стоимости внедрения и операционных затрат проекта mBridge [12; 23; 24].

В результате, фактически единственным реально работающим в настоящее время и показывающим положительную динамику развития инструментом международных расчетов, по функционалу близкому к SWIFT и минуя привязку к доллару/евро, в настоящее время является «цифровой юань», реализуемый через проекты mBridge и CIPS, полностью контролируемые финансовыми властями Китая. Также необходимо осознавать, что «цифровая» природа данной расчетной системы, продвигаемой как финансовый подблок проекта «Один пояс – один путь», является вторичной по отношению к возможности независимой от конгломерата западных стран установки цен на продукцию и расчетов вне системы SWIFT.

Снижение транзакционных издержек при международных расчетах респонденты недавнего опроса, проведенного Институтом цифровых денег, который является подразделением Официального форума кредитно-денежных и финансовых институтов (OMFIF), ставят выше скорости обработки платежей [25]. В докладе «Игра на опережение: на пути к банкингу будущего», представленном к саммиту БРИКС, положительный эффект от перевода внутренних и межстрановых расчетов в ЦВЦБ для модели, включающей 31 страну из состава БРИКС, наблюдателей, кандидатов на вступление и партнеров было оценен в 2,5–3 процентных пункта повышения рентабельности (ROE) банковского сектора [37]. Однако, данный доклад не учитывал необходимых расходов на технологическую модернизацию систем банковских расчетов.

Задачей российских финансовых властей в обозримой перспективе является безболезненное и без возможной утраты финансового суверенитета «подключение» к предлагаемой китайской системе CIPS-mBridge с расчетом возможно более глубокой интеграцией в нее «цифрового рубля», что позволит достигать суверенных целей России и целей национальных компаний реального и финансового сектора в первую очередь при взаимодействии с другими участниками в рамках проекта «Один пояс-один путь». В этой связи важное значение

¹ На начало 2025 г. система SWIFT (Society for Worldwide Interbank Financial Telecommunications) обслуживает свыше 11 000 финансовых учреждений из более чем 200 стран; штаб-квартира общества находится в Бельгии. SWIFT участвует во внедрении стандарта ISO 20022, который будет использоваться в расчетах с применением CBDC и в настоящий момент применяется также при реализации проекта mBridge.

² 2024: ЦБ Индии признал провал цифровой рупии (дата публикации 27.06.2024) // URL: [https://www.tadviser.ru/index.php/Статья:Цифровая_рупия_\(CBDC-R\)](https://www.tadviser.ru/index.php/Статья:Цифровая_рупия_(CBDC-R)).

Таблица 1

Проекты по использованию ЦФА в ряде сфер российской экономики

Название / суть проекта	Стадия реализации	Краткое описание
ЦФА на золото, проект Минфина	Реализация – с 2025 г.	Подобные ЦФА могут использоваться при внешних расчетах, при этом наличие обеспечения не должно подразумевать свободный обмен ЦФА на физическое золото.
Удостоверение различных прав через ЦФА	Реализация – с конца 2020 г. после принятия закона о ЦФА	Удостоверение прав в отношении: денежных требований (также эту функцию выполняют ЦВЦБ и криптовалюты, эмитируемые частным образом); возможности осуществления прав по эмиссионным ценным бумагам (ЭЦБ); права требовать передачи эмиссионных ценных бумаг; права участия в капитале непубличного акционерного общества
Цифровые концессии «Инфра-М»	Прорабатывается с лета 2023 г.	Тиражирование «готовых решений» в сфере ГЧП / МЧП и инструментов «умный город» с небольшим бюджетным плечом, нацеленных на привлечение частных инвестиций в региональные и муниципальные концессионные проекты
Консорциум банков для развития единого платежного QR-кода	Прорабатывается с сентября 2024 г., технология Сбербанка	Два уровня участия: учредитель (не более 12); участник. Доля Сбера – 45 %, Альфа-банк и Т-банк с долями в 27,5 % будут продавать другим учредителям по 2,5 % долей. Национальная система платежных карт (НСПК – оператор «Мир» и СБП) и ЦБ РФ рассматривают QR-код как конкурента СФПС и СБП

Примечание: составлено автором по открытым материалам в прессе, интернет-источникам, а также на основании данных [26; 27; 28].

имеет разработка Россией своей многосторонней цифровой расчетно-платежной платформы BRICS Bridge.

Предложения и проекты по использованию ЦФА на основе ТРР в разных секторах экономики.

Предполагаемая более высокая надежность и прозрачность различных операций, проводимых на основе ТРР с отрытым кодом, позволяет возникать проектам их применения в различных сферах производственного, территориального и отраслевого управления (с разной степенью проработки и на разных стадиях реализации). Информацию о некоторых подобных проектах представлена в табл. 1.

Таким образом, в различных стадиях реализации находится ряд проектов по использованию ЦФА в отраслях экономики России и на международном уровне – в основном в качестве инструмента удостоверения прав.

Заключение.

Важной темой для дальнейших исследований по перспективам применения цифровых валют и ЦФА в финансово-банковском секторе и других секторах экономики является оценка финансовой составляющей, включающей видимые (прямые) и транзакционные издержки на создание и поддержание национальных и международных цифровых платежных систем.

ТРР на основе блокчейн и открытых (закрытых) кодов являются в настоящее время ключевой технологией реализации потенциала как цифровых валют, так и ЦФА. По имеющимся оценкам, ЦВЦБ и ЦФА предоставляют возможности достаточно надежной и быстрой, но дорогой для реализации на национальном и международном уровне системы расчетов, окупить вложения в которую возможно лишь при наличии эффекта масштаба – значительного числа заинтересованных клиентов в разных странах мира, готовых отказаться от расчетов по

SWIFT (в долларах, юанях, евро и других поддерживаемых валютах). При этом, во-первых, в поддержку системы SWIFT будут выступать правительства ряда стран, оказывая экономическое, политическое и иное давление на тех участников, платежные агенты которых будут переходить в новую систему. Во-вторых, присоединение России к китайской платежной системе mBridge-CIPS в отсутствие единства позиций стран – членов БРИКС в отношении создания единой цифровой валюты блока несет долгосрочные риски. В этой связи важное значение имеет создание и предложение партнерам по блоку собственной разработки в виде многосторонней цифровой расчетно-платежной платформы BRICS Bridge.

Список источников

1. Шарабаева Л. Ю. Перспективы использования блокчейн-технологий в финансовой сфере // Научные труды Северо-Западного института управления РАН-ХиГС. 2024. Том 15. Выпуск 4(66). С. 143–148.
2. Долженков А. У банков появился интеллект. Искусственный // Монокл. 2024. 25 ноября // URL: <https://monocle.ru/monocle/2024/48/u-bankov-poyavilsya-intellekt-iskusstvenniy/>
3. Кузьмичева А., Мордовина М. Минфин запланировал в 2025 году выпустить ЦФА на золото // URL: <https://www.rbc.ru/crypto/news/675a9d8d9a7947af7bf47089?from=copy/>
4. Гарин Е. Искусственный интеллект : история ошибок // Монокл. 2024. № 51. 16 декабря // URL: <https://monocle.ru/monocle/2024/51/iskusstvenniy-intellekt-istoriya-oshibok/>
5. Навой А. В. К вопросу трансформации контура международных расчетов в условиях усиления геополитики

тических рисков и фрагментации глобального финансово-экономического пространства // Финансы и кредит. 2024. Т. 30. № 1 (841). С. 4–19.

6. Доклад ВШЭ «Цифровая трансформация отраслей : стартовые условия и приоритеты» // ИД ВШЭ. М., 2021. С. 22.

7. Балюк И. А., Балюк М. А. Цифровые финансовые инструменты : международный опыт и перспективы использования // Российский экономический журнал. 2024. № 3. С. 95–108.

8. Перцева С. Ю. Потенциал цифрового рубля для трансграничного взаимодействия стран БРИКС // Вестник Алтайской академии экономики и права. 2024. № 4-1. С. 132–136.

9. ЦМАКП. Сценарии и прогнозы развития ИКТ отрасли в России. Отчет по результатам исследования выполненного по заказу «Фонда развития интернет инициатив» (ФРИИ) 10 декабря 2024 г. 36 с.

10. Кочергин Д. А., Андрюшин С. А., Шешукова Е. С. Возможности валютной интеграции в условиях цифровизации денежно-кредитных систем // ЭКО. 2024. № 1. С. 132–149.

11. Пилипенко И. В. Проблемы перехода к расчетам в национальных валютах в рамках БРИКС и новая расчетная единица uniclear-БРИКС 9 // ЭКО. 2024. № 3. С. 52–79.

12. Данилова Е. А., Маслов А. В. Цифровые валюты в международных расчетах : проект mBridge // ЭКО. 2024. № 3. С. 80–94.

13. Кузнецов А. В. Дедолларизация международных расчетов : тенденции и перспективы // ЭКО. 2024. № 3. С. 8–32.

14. Ван Ц. Современная международная ситуация и возможности финансового сотрудничества России и Китая // Российско-китайские исследования. 2024. Т. 8. № 1. С. 24–36.

15. Молчанов А. В., Смирнов Ф. А. Формирование валюты БРИКС – проблемы и перспективы в рамках трансформации мировой валютно-финансовой системы // Экономическая безопасность. 2024. Т. 7. № 1. С. 155–174.

16. Савинский С. П. Создание платежной системы стран БРИКС+ // Банковское дело. 2023. № 7. С. 56–64.

17. Таов М. П. Создание новой наднациональной валюты для международных расчетов – следующий этап развития мировой финансовой системы // Российский экономический интернет-журнал. 2024. № 1.

18. Эсенбаева С. Р., Кузнецов А. В. Дедолларизация и валютно-финансовое сотрудничество БРИКС // Мировая экономика и мировые финансы. 2024. Т. 3. № 1. С. 62–68.

19. Комарова Е. М. Системные изменения процессов глобальной торговли и трансформация трансграничных расчетов для России в ответ на современные вызовы // Экономика, предпринимательство и право. 2024. Т. 14. № 3. С. 951–962.

20. Центральный банк Российской Федерации. Концепция цифрового рубля. М., 2021. 31 с.

21. Цифровой рубль – развитие финансовых технологий // URL: <https://cbr.ru/fintech/dr/>

22. Чапышев И., Шайдуллин А. Исследование проблемы интероперабельности цифровой валюты банка России // Деньги и кредит. 2024. № 1 (март). С. 104–126.

23. Гарсиа Кайо А.Р. Перспективы и стратегии дедолларизации в странах Меркосур // Экономика и предпринимательство. 2024. № 1 (162). С. 426–429.

24. Gabriel D.R., Wang F. The new development bank and the projects financed in national currencies // Eurasian Union: Issues of International Relations. 2024. Т. 13. № 1 (54). С. 83–2.

25. Будущее платежей. Отчет OMFIF. Future of payments 2024. Many paths, one goal. Shaping a new generation of payments (26 November 2024) // URL: <https://www.omfif.org/future-of-payments-2024/>

26. Радужинский Д. А. Оценка интегрального экономического эффекта от реализации инновационных проектов в рамках государственно-частного партнерства с учетом их коммуникативной составляющей // Вестник УрФУ. Серия экономика и управление. 2017. Т. 16, № 4. С. 623–641.

27. Дадалко В., Николаевский В. В., Сидоренко С. «Цифровая экономика» как понятийный волонтаризм в управлении экономикой // Общество и экономика. 2023. Выпуск № 11 С. 20–45.

28. Миронова И. А., Тищенко Т. И., Фролова М. П. Эффективность цифровой трансформации регионов // Российский экономический журнал. 2024. № 2. С. 97–119.

29. Федеральный закон от 31 июля 2020 г. № 259-ФЗ «О цифровых финансовых активах, цифровой валюте и о внесении изменений в отдельные законодательные акты Российской Федерации» // СПС «Консультант-Плюс».

30. Федеральный закон от 14 июля 2022 г. № 331-ФЗ «О внесении изменений в отдельные законодательные акты Российской Федерации и о приостановлении действия отдельных положений статьи 5-1 Федерального закона «О банках и банковской деятельности» и Федеральный закон от 11.03.2024 г. № 45-ФЗ «О внесении изменений в отдельные законодательные акты Российской Федерации» // СПС «КонсультантПлюс».

31. ЦБ РФ. Цифровые финансовые активы и их операторы // URL: https://cbr.ru/finm_infrastructure/digital_oper/

32. Броницкий Т. Л., Вишневецкий К. О., Гохбер Л. М. [и др.]. Развитие отдельных высокотехнологичных направлений. Белая книга. НИУ ВШЭ, 2022.

33. Кузьмичева А. Блокчейн-платформа Сбера будет совместима с экосистемой Ethereum // URL: <https://www.rbc.ru/crypto/news/6387752d9a7947a6b87d19bd?from=copy/>

34. Бирюков М. Путин заявил о готовности России использовать юани в торговле с третьими странами /

М. Бирюков // Forbes. 2023. Март // URL: <https://www.forbes.ru/biznes/486475-putinzaavil-o-gotovnosti-rossii-ispol-zovat-uani-v-torgovle-s-tret-imi-stranami/>

35. CIPS Participants announcements // URL: <https://www.cips.com.cn/en/index/index.html/>

36. Буйлов М. Третья форма рубля. Каковы перспективы внедрения «окрашенного» средства платежа // Коммерсант. 27.12.2024 // URL: <https://www.kommersant.ru/doc/7402769?ysclid=m656xhymo0416012765/>

37. «Яков и Партнеры» и Центральный университет представили новое исследование // Деловой Петербург 25.10.2024 // URL: <https://www.dp.ru/a/2024/10/25/jakov-i-partnori-i-centralnij/>

References

1. Sharabaeva L. Y. Prospects of using blockchain technologies in the financial sector // Scientific papers of the North-Western Institute of Management of the Russian Academy of Sciences. 2024. Volume 15. Issue 4 (66). P. 143–148.

2. Dolzhenkov A. Banks have intelligence. Artificial // Monocle. 2024. November 25 // URL: <https://monocle.ru/monocle/2024/48/u-bankov-poyavilsya-intellekt-iskusstvenniy/>

3. Kuzmicheva A., Mordovina M. The Ministry of Finance has planned to issue a CFA for gold in 2025 // URL: <https://www.rbc.ru/crypto/news/675a9d8d9a7947af7bf47089?from=copy/>

4. Garin E. Artificial intelligence: a history of mistakes // Monocle. 2024. № 51. December 16 // URL: <https://monocle.ru/monocle/2024/51/iskusstvenniy-intellekt-istoriya-oshibok/>

5. Navoy A.V. On the issue of transformation of the contour of international settlements in the context of increasing geopolitical risks and fragmentation of the global financial and economic space // Finance and Credit. 2024. Vol. 30. № 1 (841). P. 4–19.

6. Report of the Higher School of Economics «Digital Transformation of industries: initial conditions and priorities» // ED. Higher School of Economics. Moscow, 2021. P. 22.

7. Balyuk I. A., Balyuk M. A. Digital financial instruments : international experience and prospects of use // Russian Economic Journal. 2024. № 3. P. 95–108.

8. Pertseva S. Y. The potential of the digital ruble for cross-border interaction of the BRICS countries // Bulletin of the Altai Academy of Economics and Law. 2024. № 4-1. P. 132–136.

9. CMAKP. Scenarios and forecasts for the development of the ICT industry in Russia. Report on the results of a study commissioned by the Foundation for the Development of Internet Initiatives (IIDF) on December 10, 2024. 36 p.

10. Kochergin D. A., Andryushin S. A., Sheshukova E. S. Possibilities of currency integration in the context of digitalization of monetary systems // ECO. 2024. № 1. P. 132–149.

11. Pilipenko I. V. Problems of transition to settlements in national currencies within the framework of BRICS and the new uniclear unit of account-BRICS 9 // ECO. 2024. № 3. P. 52–79.

12. Danilova E. A., Maslov A. V. Digital currencies in international settlements : the mBridge project // ECO. 2024. № 3. P. 80–94.

13. Kuznetsov A. V. Dedollarization of international settlements : trends and prospects // ECO. 2024. № 3. P. 8–32.

14. Wang Ts. The current international situation and opportunities for financial cooperation between Russia and China // Russian-Chinese studies. 2024. Vol. 8. № 1. P. 24–36.

15. Molchanov A. V., Smirnov F. A. Formation of the BRICS currency – problems and prospects in the framework of the transformation of the global monetary and financial system // Economic security. 2024. Vol. 7. № 1. P. 155–174.

16. Savinsky S. P. Creation of the payment system of the BRICS+ countries // Banking. 2023. № 7. P. 56–64.

17. Taov M. P. Creation of a new supranational currency for international settlements – the next stage in the development of the global financial system // Russian Economic Online Journal. 2024. № 1.

18. Esenbayeva S. R., Kuznetsov A. V. Dedollarization and monetary and financial cooperation of BRICS // World economy and world finance. 2024. Vol. 3. № 1. P. 62–68.

19. Komarova E. M. Systemic changes in global trade processes and the transformation of cross-border settlements for Russia in response to modern challenges // Economics, entrepreneurship and law. 2024. Vol. 14. № 3. P. 951–962.

20. The Central Bank of the Russian Federation. The concept of the digital ruble. M., 2021. 31 p.

21. The digital ruble – the development of financial technologies // URL: <https://cbr.ru/fintech/dr/>

22. Chapyshev I., Shaidullin A. Investigation of the problem of interoperability of the digital currency of the Bank of Russia // Money and Credit. 2024. № 1 (March). P. 104–126.

23. Garcia Cayo A. R. Prospects and strategies of de-dollarization in Mercosur countries // Economics and entrepreneurship. 2024. № 1 (162). P. 426–429.

24. Gabriel D. R., Wang F. The new development bank and the projects financed in national currencies // Eurasian Union: Issues of International Relations. 2024. Vol. 13. № 1 (54). P. 83–2.

25. The future of payments. OMFIF. Future of payments 2024 report. Many paths, one goal. Shaping a new generation of payments (26 November 2024) // URL: <https://www.omfif.org/future-of-payments-2024/>

26. Hospodinsky D. A. Assessment of the integral economic effect of the implementation of innovative projects within the framework of public-private partnership, taking into account their communicative component // Bulletin of

UrFU. Economics and Management series. 2017. Vol. 16, № 4. P. 623–641.

27. Dadalko V., Nikolaevsky V. V., Sidorenko S. «Digital economy» as a conceptual voluntarism in economic management // Society and Economics. 2023. Issue № 11, P. 20–45.

28. Mironova I. A., Tishchenko T. I., Frolova M. P. Efficiency of digital transformation of regions // Russian Economic Journal. 2024. № 2. P. 97–119.

29. Federal Law № 259-FZ of July 31, 2020 «On Digital Financial Assets, Digital Currency and on Amendments to Certain Legislative Acts of the Russian Federation» // LRS «ConsultantPlus».

30. Federal Law № 331-FZ of July 14, 2022 «On Amendments to Certain Legislative Acts Of the Russian Federation and on the suspension of Certain provisions of Article 5-1 of the Federal Law «On Banks and Banking Activities» and Federal Law № 45-FZ of 11.03.2024 «On Amendments to Certain Legislative Acts of the Russian Federation» // LRS «ConsultantPlus».

31. The Central Bank of the Russian Federation. Digital financial assets and their operators // URL: https://cbr.ru/finm_infrastructure/digital_oper/

32. Bronitsky T. L., Vishnevsky K. O., Gokhber L. M. [and others]. The development of certain high-tech areas. The White Paper. HSE, 2022.

33. Kuzmicheva A. The Sber blockchain platform will be compatible with the Ethereum ecosystem // URL: <https://www.rbc.ru/crypto/news/6387752d9a7947a6b87d19bd?from=copy/>

34. Biryukov M. Putin declared Russia's readiness to use yuan in trade with third countries / M. Biryukov // Forbes. 2023. March. URL: <https://www.forbes.ru/biznes/486475-putinzaavil-o-gotovnosti-rossii-ispol-zovat-uani-v-torgovle-s-tret-imi-stranami/>

35. CIPS Participants announcements // URL: <https://www.cips.com.cn/en/index/index.html/>

36. Buylov M. The third form of the ruble. What are the prospects for the introduction of a «colored» means of payment // Kommersant. 27.12.2024 // URL: <https://www.kommersant.ru/doc/7402769?ysclid=m656xhy mo0416012765/>

37. Yakov and Partners and the Central University presented a new study // Delovoy Peterburg on 25.10.2024 // URL: <https://www.dp.ru/a/2024/10/25/jakov-i-partnjori-i-centralnij/>

Информация об авторе

А. В. Миленков – профессор кафедры мировых финансовых рынков и финтеха Российского экономического университета им. Г.В. Плеханова, доктор экономических наук, доцент.

Information about the author

A. V. Milenkov – Professor of the Department of Global Financial Markets and Fintech of the Plekhanov Russian University of Economics, Doctor of Economic Sciences, Associate Professor.

Статья поступила в редакцию 20.02.2025; одобрена после рецензирования 25.03.2025; принята к публикации 11.04.2025.

The article was submitted 20.02.2025; approved after reviewing 25.03.2025; accepted for publication 11.04.2025.

Научная статья

УДК 332.1

<https://doi.org/10.24412/2414-3995-2025-2-200-207>

EDN: <https://elibrary.ru/kikgox>

ИДЕНТИФИКАЦИОННЫЙ КОД: 2015-0066-2/25-238

МОСКОВСКИЙ КОД: 77/27-011-2025-02-437

Анализ наиболее вероятных угроз экономической безопасности регионального уровня

Андрей Владимирович Минаков¹, Нодари Дарчоевич Эриашвили²

^{1,2} Московский университет МВД России имени В.Я. Кикотя, Москва, Россия

¹ minakov-info@yandex.ru

² professor60@mail.ru

Аннотация. Анализ угроз экономической безопасности на региональном уровне является важным инструментом для обеспечения стабильности и развития. Анализ помогает выявлять риски и минимизировать их, что делает регионы более привлекательными для вложений, помогает предсказывать и предотвращать возможные конфликты, позволяет органам власти более эффективно планировать и управлять ресурсами. К основным угрозам экономической безопасности регионального уровня в России относятся геополитические риски (санкции, нарушение международных связей), зависимость регионов от внешних источников финансирования, высокий уровень коррупции и неэффективное использование бюджетных средств, плохое состояние транспортной, энергетической и социальной инфраструктуры, дефицит высокотехнологичных товаров, дифференциация в уровне развития регионов, демографические и экологические проблемы. Цель исследования – изучение наиболее вероятных угроз экономической безопасности на региональном уровне. Были исследованы основные тенденции социально-экономического развития регионов и выявлены угрозы экономической безопасности в регионах Центрального федерального округа за 2022–2023 гг. Сделаны выводы, что актуальными угрозами для рассмотренных регионов являются низкий уровень инновационной активности организаций (в Брянской области), низкий уровень качества автодорог и благоустройства жилищного фонда, высокий уровень бедности (в Брянской и Владимирской областях), дефицит регионального бюджета (в Белгородской области). Общими проблемами для всех регионов является естественная и миграционная убыль населения. Для снижения уровня угроз экономической безопасности регионального уровня можно предпринять следующие шаги в регионах: необходимо повышать привлекательность регионов для бизнеса и населения (развитие социальной сферы, финансовая поддержка бизнеса), разрабатывать меры по привлечению кадров из других регионов страны.

Ключевые слова: демографические проблемы, инновации, социальная сфера, угрозы, экономическая безопасность

Для цитирования: Минаков А. В., Эриашвили Н. Д. Анализ наиболее вероятных угроз экономической безопасности регионального уровня // Вестник экономической безопасности. 2025. № 2. С. 200–207. <https://doi.org/10.24412/2414-3995-2025-2-200-207>. EDN: KIKGOX.

Original article

Analysis of the most probable threats to economic security at the regional level

Andrey V. Minakov¹, Nodari D. Eriashvili²

^{1,2} Moscow University of the Ministry of Internal Affairs of Russia named after V.Ya. Kikot', Moscow, Russia

¹ minakov-info@yandex.ru

² professor60@mail.ru

Abstract. Analysis of threats to economic security at the regional level is an important tool for ensuring stability and development. The analysis helps to identify risks and minimize them, which makes regions more attractive for investment, helps to predict and prevent possible conflicts, and allows government agencies to plan and manage resources more effectively. The main threats to economic security at the regional level in Russia include geopolitical risks (sanctions, disruption of international relations), dependence of regions on external sources of financing, high levels of corruption and inefficient use of budget funds, poor condition of transport, energy and social infrastructure, shortage of high-tech goods, differentiation in

© Минаков А. В., Эриашвили Н. Д., 2025

the level of development of regions, demographic and environmental problems. The purpose of the study is to study the most likely threats to economic security at the regional level. The main trends in the socio-economic development of regions were studied and threats to economic security in the regions of the Central Federal District for 2022–2023 were identified. It was concluded that the current threats for the regions under consideration are the low level of innovative activity of organizations (in the Bryansk region), low quality of roads and housing improvement, high poverty level (in the Bryansk and Vladimir regions), and regional budget deficit (in the Belgorod region). Common problems for all regions are natural and migration population decline. To reduce the level of threats to regional economic security, the following steps can be taken in the regions: it is necessary to increase the attractiveness of the regions for business and the population (development of the social sphere, financial support for business), and develop measures to attract personnel from other regions of the country.

Keywords: demographic problems, innovations, social sphere, threats, economic security

For citation: Minakov A. V., Eriashvili N. D. Analysis of the most probable threats to economic security at the regional level. Bulletin of economic security. 2025;(2):200–7. (In Russ.). <https://doi.org/10.24412/2414-3995-2025-2-200-207>. EDN: KIKGOX.

Введение

В современных условиях ключевое значение приобретает способность каждого отдельного субъекта Российской Федерации вносить вклад в формирование общей экономической безопасности государства, оставаясь при этом стабильным и развивающимся регионом, способным самостоятельно реагировать на угрозы, а также предсказывать и предотвращать их возникновение.

В последние годы экономика регионов в той или иной степени сталкивается с множеством негативных факторов, которые представляют собой значительные угрозы для экономической безопасности. Эти риски охватывают финансовую, информационную, социально-экономическую, институциональную, правовую, технологическую, интеллектуальную, кадровую, энергетическую и экологическую области.

Многими отечественными авторами рассматриваются вопросы экономической безопасности регионов, в их числе М. З. Алиева, К. С. Караман, Р. К. Талов, В. Ю. Малкин, О. А. Голубцова, Е. Е. Самсина, С. О. Доржиева и др. Однако, в литературе нет актуальных исследований угроз экономической безопасности регионов Центрального федерального округа, которые будут раскрыты в данной статье.

Цель исследования состоит в изучении наиболее вероятных угроз экономической безопасности на региональном уровне. В статье были решены такие задачи, как: изучение сущности и видов угроз экономической безопасности, анализ показателей социально-экономического развития регионов Центрального федерального округа, сравнение отдельных показателей со средним уровнем по стране, выявление основных угроз экономической безопасности регионов и разработка путей снижения их уровня.

Материалы и методы исследования

В работе были использованы следующие методы: изучение, обобщение, измерение, сравнение, анализ, метод графической интерпретации статистической информации. Основным методом, применяемый при анализе угроз экономической безопасности – анализ статистических показателей. Место исследования – Брянская, Владимирская, Белгородская области. В России Федеральная служба государственной статистики отвечает за сбор

и публикацию в открытых источниках статистических данных о развитии российских регионов. Для анализа угроз экономической безопасности в регионах, автором выбраны следующие показатели: профицит (дефицит) региональных бюджетов, уровень инновационной активности организаций, уровень бедности и др. При этом для расчета показателей необходимо исследовать имеющиеся в свободном доступе данные за 2022–2023 гг.

Результаты исследования

Любой фактор, который не был своевременно урегулирован или не поддается управленческому контролю и оказывает отрицательное воздействие на социально-экономические процессы, может представлять собой угрозу для экономической безопасности региона.

Федеральный закон от 28 декабря 2010 г. № 390-ФЗ «О безопасности» определяет угрозы национальной безопасности как существующие и потенциальные явления и факторы, которые могут угрожать жизненно важным интересам Российской Федерации [1]. М. З. Алиева рассматривает угрозу экономической безопасности региона как наличие негативных факторов, способствующих дестабилизации экономической деятельности региона и препятствующих удовлетворению потребностей его населения [2, с. 11].

Существуют различные виды угроз экономической безопасности. К. С. Караман и Р. К. Талов подчеркивают, что угрозы в регионе, подобно проблемам, обладают причинно-следственной взаимосвязью, в рамках которой одна угроза может инициировать возникновение другой, что приводит к разрушению системы экономической безопасности [6, с. 29].

Угрозы, подрывающие экономическую безопасность государства, могут возникать как из внутренних, так и из внешних источников. Межэтнические конфликты и различные кризисные явления усугубляют внутренние риски.

Л. В. Смоленникова выделяет среди наиболее значимых социальных угроз низкий уровень жизни граждан, рост безработицы и негативные демографические тенденции [14, с. 308].

Н. Г. Гаджиев и С. А. Коноваленко акцентируют внимание на угрозах, касающихся кадровой безопасности, среди которых можно отметить уменьшение числа

хозяйствующих субъектов в регионе, снижение количества образовательных учреждений, уменьшение численности населения и увеличение заболеваемости [5, с. 7].

В свою очередь, Е. С. Рождественская и О. Р. Чистяков подчеркивают значимость налоговой безопасности для обеспечения экономической устойчивости регионов. Здесь угрозы связаны с эффективностью сбора налогов, наличием задолженности и правонарушениями в данной сфере [12, с. 106].

Е. А. Шибанихин и Е. Л. Опрышко подчеркивают, что факторы, угрожающие продовольственной безопасности, как основе экономической безопасности, включают в себя миграцию сельских жителей в урбанизированные зоны, ограничения для внедрения инновационных технологий в аграрном секторе, колебания на глобальных рынках, продовольственные кризисы, изменения климатических условий и экономические санкции [16, с. 317].

А. Д. Киселева и Т. И. Никитина акцентируют внимание на том, что теневой сектор экономики представляет собой серьезную угрозу для экономической безопасности из-за сокрытия доходов и уклонения от налоговых обязательств, незаконных трансакций денежных средств за пределы страны [7, с. 263].

О. И. Кузнецов и Д. С. Григорьев выделяют дифференциацию регионов по уровню развития и благосо-

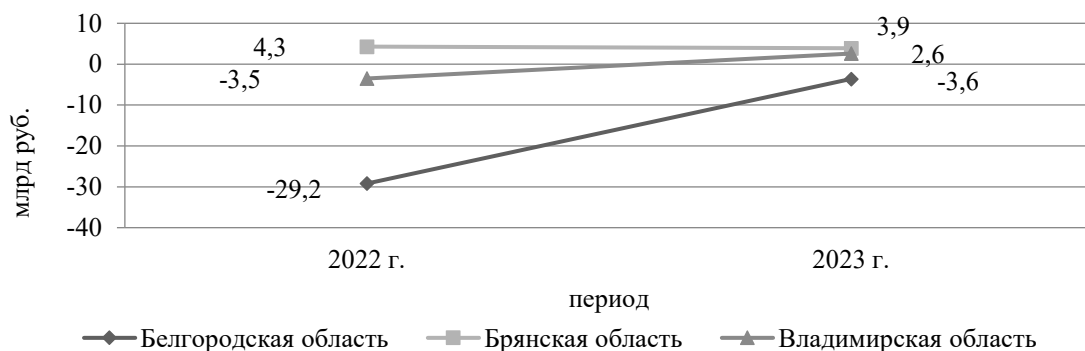
стояния как значимую угрозу, что приводит к массовому оттоку, как финансовых ресурсов, так и квалифицированной рабочей силы из депрессивных территорий [8, с. 249].

А. В. Минаков и Л. Н. Иванова, анализируя риски в демографической области, подчеркивают уменьшение числа трудоспособного населения в стране, что представляет собой опасность для экономической стабильности [11, с. 52].

В. Ю. Малкин и О. А. Голубцова указывают, что в текущих условиях на экономическую безопасность региона существенно воздействуют такие факторы, как цифровое мошенничество, проблемы на рынке криптовалют, кибератаки, кибертерроризм и распространение дезинформации [10, с. 69].

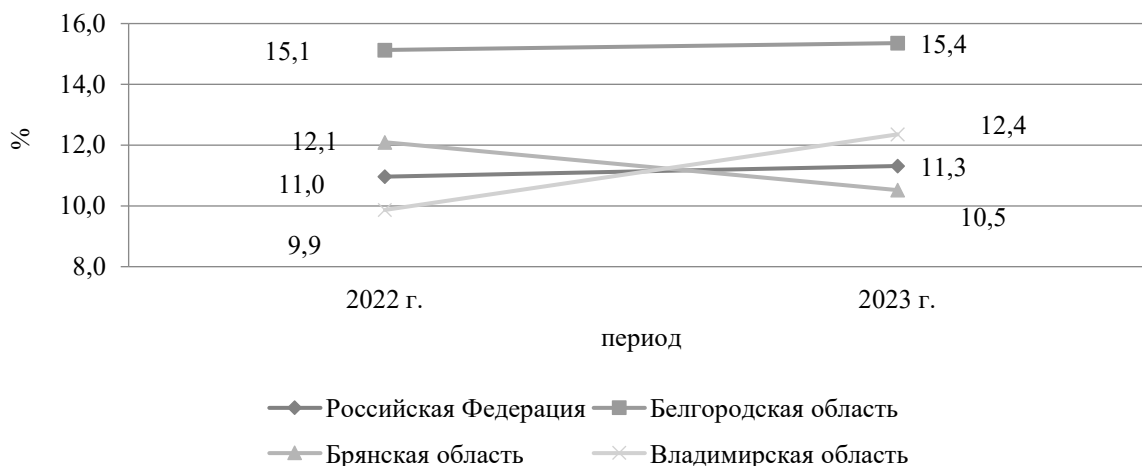
Проведем анализ основных угроз экономической безопасности трех регионов Центрального федерального округа.

В 2023 г. региональный бюджет Брянской и Владимирской областей был профицитным, а Белгородской области – дефицитным. Несмотря на улучшение значения показателя за год дефицит бюджета является угрозой, как для экономической стабильности, так и для социальной сферы, так как ограничивает возможности для развития региона и может повлиять на снижение доверия инвесторов, рост долговой нагрузки и социальной напряженности в обществе (рис. 1).

Источник: составлено авторами на основе [15]

Рис. 1. Динамика профицита (дефицита) региональных бюджетов

Источник: составлено авторами на основе [15]

Рис. 2. Динамика уровня инновационной активности организаций

Недостаток инноваций является угрозой экономической безопасности, так как снижает конкурентоспособность и замедляет развитие региональной экономики. Уровень инновационной активности организаций Брянской области в 2023 г. снизился и составил 10,5 %, что было ниже среднего показателя по стране (11,3 %) (рис. 2).

Угрозами региональной безопасности являются плохое состояние транспортной, энергетической и социальной инфраструктуры, так как затрудняет развитие бизнеса и привлечения инвестиций. Не смотря на рост доли автодорог, отвечающих нормативным требованиям во всех рассматриваемых регионах, во Владимирской и Брянской областях показатель в 2022–2023 гг. был ниже среднего уровня по стране (рис. 3).

Аналогичная ситуация и по следующему показателю (рис. 4).

Положительным фактом является высокий уровень (выше среднего по стране) и рост обеспеченности

населения жильем во всех анализируемых регионах (рис. 5).

Высокий уровень бедности в Брянской и Владимирской областях является серьезной угрозой для экономической безопасности (рис. 6).

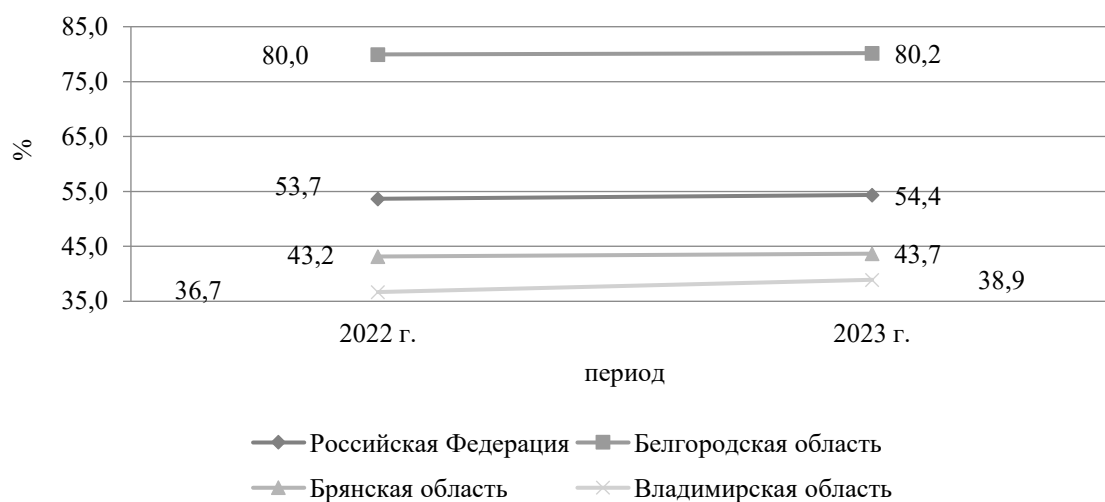
Существенной угрозой для всех анализируемых регионов является естественная убыль населения в 2022–2023 гг. Наиболее сложная ситуация наблюдается во Владимирской области (рис. 7).

Отток мигрантов был зафиксирован в 2022–2023 гг. во всех областях. (рис. 8).

В 2023 г. он сократился в Брянской и Белгородской областях и вырос во Владимирской области.

Обсуждение

Проведенный анализ угроз экономической безопасности в регионах Центрального федерального округа позволяет сделать ряд выводов. Из положительных тенденций можно выделить низкий уровень угроз в Белгородской области в жилищной сфере, инновационном

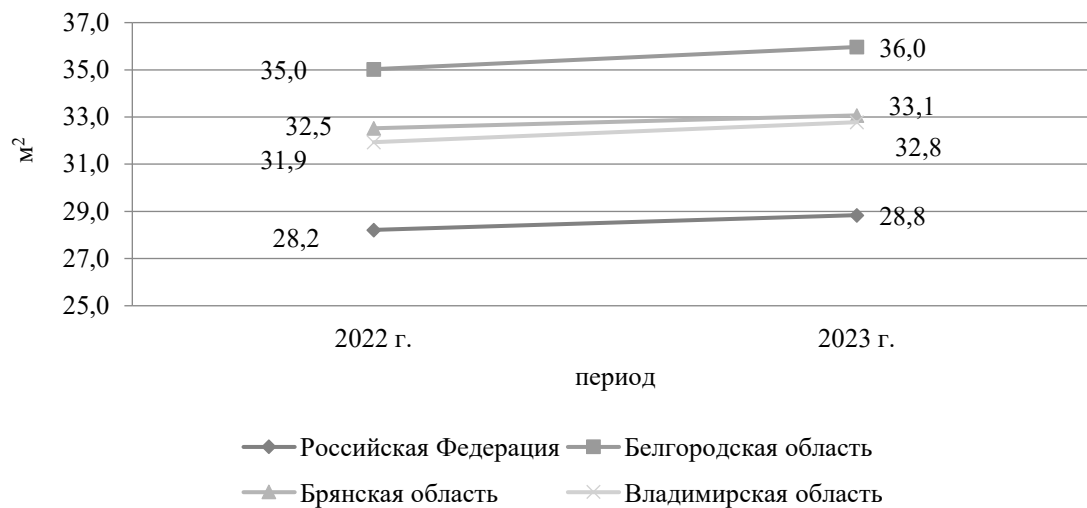
Источник: составлено авторами на основе [15]

Рис. 3. Динамика доли автодорог, отвечающих нормативным требованиям

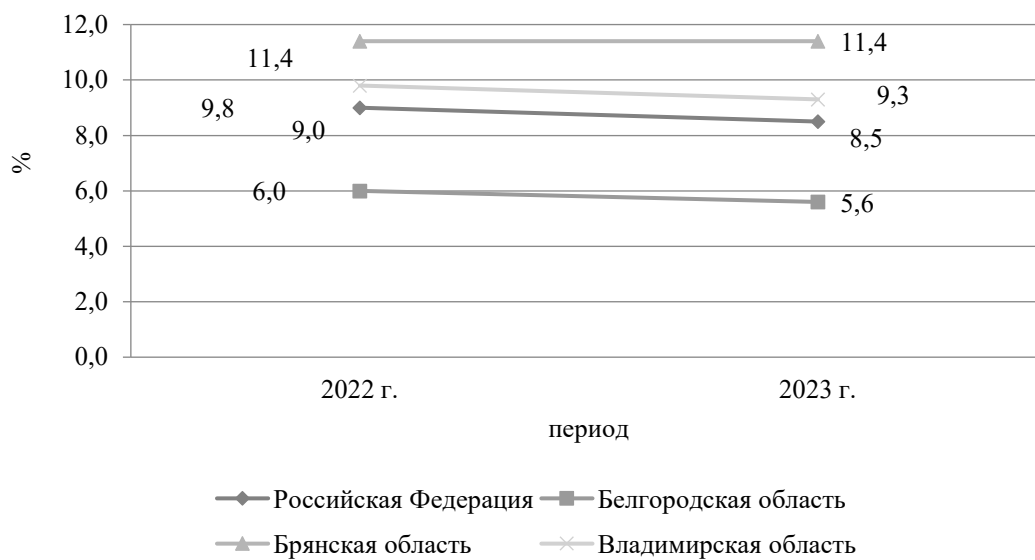
Источник: составлено авторами на основе [15]

Рис. 4. Динамика уровня оборудования жилищного фонда всеми видами благоустройства

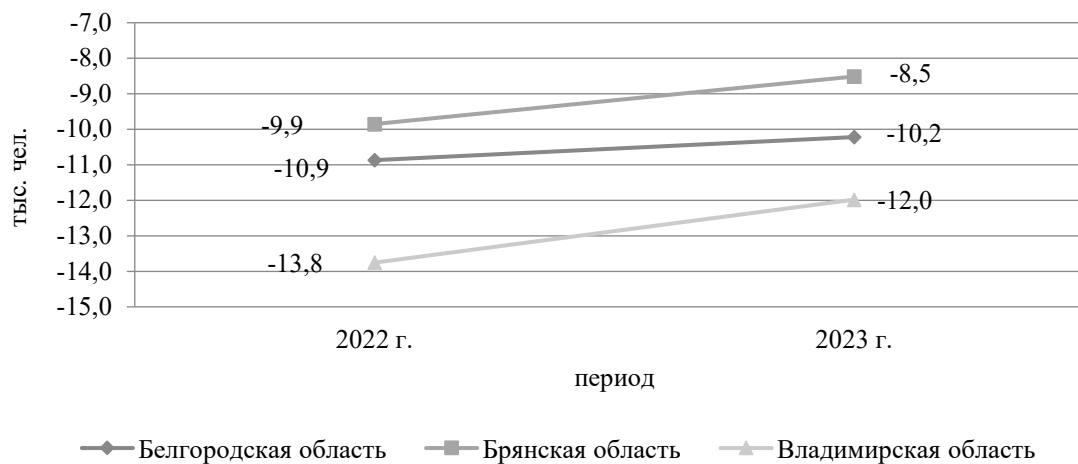
Источник: составлено авторами на основе [15]

Рис. 5. Динамика общей площади жилых помещений, приходящейся в среднем на одного жителя

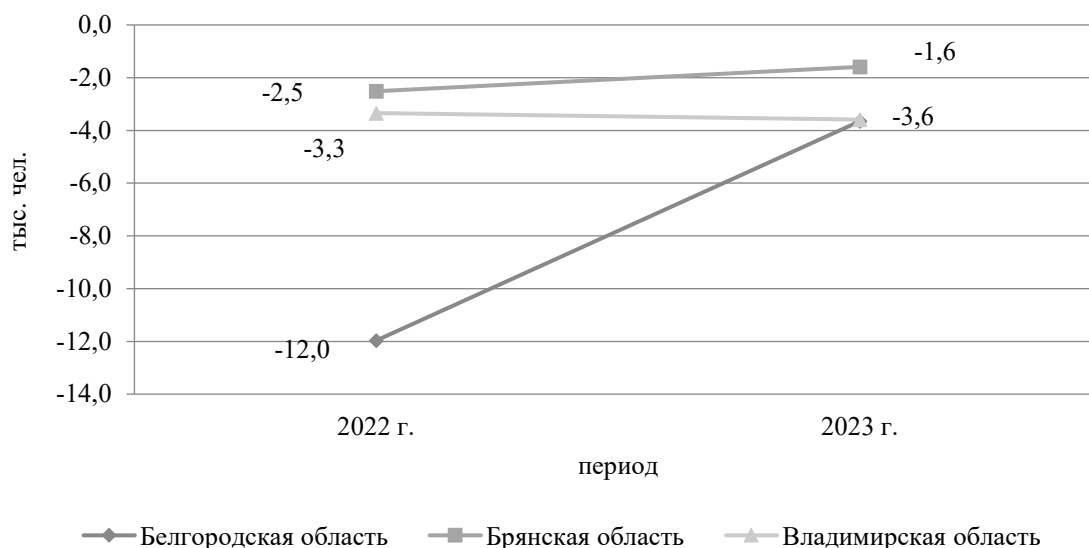
Источник: составлено авторами на основе [15]

Рис. 6. Динамика уровня бедности

Источник: составлено авторами на основе [15]

Рис. 7. Динамика естественной убыли населения

Источник: составлено авторами на основе [15]

Рис. 8. Динамика миграционного прироста

развитии, помимо этого в регионе высокое качество автодорог и низкий уровень бедности, что нивелирует риски в сфере экономической безопасности.

Общей проблемой для всех регионов является естественная и миграционная убыль населения, а для Брянской и Владимирской областей основными угрозами региональной безопасности являются низкий уровень жизни населения, проблемы с инфраструктурой (дороги, благоустройство жилья), для Белгородской области – дефицит бюджета.

По поводу снижения уровня угроз экономической безопасности существуют различные точки зрения. Е. Е. Самсина и С. О. Доржиева подчеркивают необходимость прогнозирования потенциальных рисков и усиления контроля над использованием государственных средств [13, с. 35]. А. В. Минаков и Л. Н. Иванова акцентируют внимание на важности повышения качества жизни населения путем совершенствования системы здравоохранения, стимулирования демографического роста и улучшения жилищных условий для молодых семей [11, с. 52]. А. М. Арутюнян и Д. Н. Исаева считают необходимым поддерживать развитие бизнеса и проводить комплексные реформы в социально-экономической сфере [3, с. 103]. Е. Г. Любовцева и И. А. Гордеева предлагают пересмотреть распределение налоговых поступлений, оставляя регионам больший процент от собранных налогов [9, с. 26]. Е. Ю. Архипова предлагает для решения проблем в отрасли строительства автодорог развивать государственно-частное партнерство, внедрять инновационные методы и технологии [4, с. 524].

По мнению автора, для решения выявленных проблем в регионах необходимо упрощать процедуры регистрации и ведения бизнеса, повышать доступность для него кредитов, повышать эффективность налогового администрирования, больше инвестировать в жизненно важные отрасли, такие как здравоохранение, образова-

ние, жилье и технологии, разрабатывать программы по привлечению кадров из других регионов.

Заключение

Обобщая полученные результаты, можно сделать определенные выводы. Экономическая безопасность региона находится под угрозой, когда внешние силы целенаправленно воздействуют на его хозяйственные интересы, создавая опасные ситуации.

Анализ показателей развития регионов Центрального федерального округа выявил угрозы в демографической сфере, финансовой, инновационной, жилищной. Наиболее благополучным регионом является Белгородская область с высоким уровнем инновационного развития, низким уровнем бедности, высоким уровнем развития социальной инфраструктуры (дороги, жилье). Владимирская и Брянская области значительно отстают от среднероссийского уровня по большей части рассмотренных показателей.

С учетом выявленных проблем были разработаны рекомендации по снижению уровня угроз экономической безопасности в регионах. Авторская позиция в следующем. Необходимо повышать привлекательность регионов для бизнеса и населения (упрощать процедуры регистрации и ведения бизнеса, совершенствовать налоговую политику, кредитную политику, развивать социальную сферу). Следует разработать меры по привлечению кадров из других регионов страны (льготное жилье, субсидии, льготная ипотека).

Список источников

1. Федеральный закон от 28 декабря 2010 г. № 390-ФЗ «О безопасности» (ред. от 10.07.2023) // СПС «КонсультантПлюс».
2. Алиева М. З. Экономическая безопасность региона : подходы к определению // Вестник алтайской академии экономики и права. 2020. № 3. С.11–18.

3. Арутюнян А. М., Исаева Д. Н. Бедность как одна из угроз экономической безопасности государства // Экономика: актуальные вопросы теории и практики : сб. ст. VI Межд. науч.-прак. конф. Пенза : Наука и Просвещение, 2024. С. 103–107.

4. Архипова Е. Ю. Проблемы отрасли строительства автомобильных дорог и автомагистралей и пути их решения // Проблемы современного социума глазами молодых исследователей – XVI : мат. XVI Всерос. науч.-прак. конф. Волгоград : ЗАО «Университетская книга», 2024. С. 524–528.

5. Гаджиев Н. Г., Коноваленко С. А. Угрозы и вызовы кадровой безопасности в системе обеспечения экономической безопасности государства // Вестник ДГУ. 2021. № 2. С. 7–19.

6. Караман К. С., Талов Р. К. Вызовы и угрозы экономической безопасности // Вестник ВГУ им. Столетовых. 2022. № 3. С. 29–34.

7. Киселева А. Д., Никитина Т. И. Теневая экономика и коррупция как угрозы экономической безопасности Российской Федерации // Вестник науки. 2021. № 6-1. С. 263–268.

8. Кузнецов О. И., Григорьев Д. С. Межрегиональная дифференциация как угроза экономической безопасности // Russian Economic Bulletin. 2022. № 5. С. 249–255.

9. Любовева Е. Г., Гордеева И. А. Оценка формирования доходов регионального бюджета и пути их роста // Oeconomia et Jus. 2021. № 3. С. 26–34.

10. Малкин В. Ю., Голубцова О. А. Современные угрозы экономической безопасности регионов России // Вестник Луганского государственного университета имени Владимира Даля. 2024. № 5. С. 69–75.

11. Минаков А. В., Иванова Л. Н. Оценка угроз в демографической сфере и их влияние на экономическую безопасность страны // Вестник Алтайской академии экономики и права. 2021. № 7-1. С. 52–60.

12. Рождественская Е. С., Чистяков О. Р. Основные угрозы налоговой безопасности в рамках обеспечения экономической безопасности региона // Тренды и перспективы цифровой экономики : финансовые технологии и безопасность : мат. II Всерос. науч.-прак. конф. Орел : ОГУ им. И.С. Тургенева, 2023. С. 106–111.

13. Самсина Е. Е., Доржиева С. О. Основные угрозы экономической безопасности России на современном этапе и организация борьбы с ними // Лучшая научная статья 2023 : сб. ст. V Межд. науч.-исслед. конкурса. Пенза : Наука и Просвещение, 2023. С. 35–39.

14. Смоленикова Л. В. Устойчивое развитие экономики как ключевая составляющая экономической безопасности : факторы, угрозы, пути достижения // Инновационное развитие экономики. 2021. № 6. С. 308–319.

15. Социально-экономическое положение федеральных округов // URL: <https://rosstat.gov.ru/folder/11109/document/13260>

16. Шибанихин Е. А., Опрышко Е. Л. Угрозы продовольственной безопасности, их влияние на систему

экономической безопасности России // Естественно-гуманитарные исследования. 2023. № 5. С. 317–323.

References

1. On Security: Federal Law of December 28, 2010 № 390-FZ (as amended on 10.07.2023) // LRS «ConsultantPlus».

2. Alieva M. Z. Economic security of the region : approaches to definition // Bulletin of the Altai Academy of Economics and Law. 2020. № 3. P. 11–18.

3. Arutyunyan A. M., Isaeva D. N. Poverty as one of the threats to the economic security of the state // Economy: Current Issues of Theory and Practice: Coll. Art. VI Int. Scientific and Practical Conf. Penza : Science and Education, 2024. P. 103–107.

4. Arkhipova E. Yu. Problems of the road and highway construction industry and ways to solve them // Problems of modern society through the eyes of young researchers – XVI : proc. XVI All-Russian scientific-practical conf. Volgograd : ZAO «Universitetskaya kniga», 2024. P. 524–528.

5. Gadzhiev N. G., Konovalenko S. A. Threats and challenges to personnel security in the system of ensuring the economic security of the state // Bulletin of DSU. 2021. № 2. P. 7–19.

6. Karaman K. S., Talov R. K. Challenges and threats to economic security // Bulletin of VSU named after Stoletov. 2022. № 3. P. 29–34.

7. Kiseleva A. D., Nikitina T. I. Shadow economy and corruption as threats to the economic security of the Russian Federation // Bulletin of science. 2021. № 6-1. P. 263–268.

8. Kuznetsov O. I., Grigoriev D. S. Interregional differentiation as a threat to economic security // Russian Economic Bulletin. 2022. № 5. P. 249–255.

9. Lyubovtseva E. G., Gordeeva I. A. Assessment of the formation of regional budget revenues and ways of their growth // Oeconomia et Jus. 2021. № 3. P. 26–34.

10. Malkin V. Yu., Golubtsova O. A. Modern threats to the economic security of Russian regions // Bulletin of Vladimir Dahl Luhansk State University. 2024. № 5. P. 69–75.

11. Minakov A. V., Ivanova L. N. Assessment of threats in the demographic sphere and their impact on the country's economic security // Bulletin of the Altai Academy of Economics and Law. 2021. № 7-1. P. 52–60.

12. Rozhdestvenskaya E. S., Chistyakov O. R. The main threats to tax security in the framework of ensuring the economic security of the region // Trends and prospects of the digital economy : financial technologies and security : proc. II All-Russian scientific and practical conf. Orel : OSU named after I.S. Turgenev, 2023. P. 106–111.

13. Samsina E. E., Dorzhieva S. O. The main threats to Russia's economic security at the present stage and the organization of the fight against them // Best scientific article 2023 : collection of articles. V Int. scientific

research. competition. Penza : Science and Education, 2023. P. 35–39.

14. Smolennikova L. V. Sustainable development of the economy as a key component of economic security : factors, threats, ways to achieve them // Innovative development of the economy. 2021. № 6. P. 308–319.

15. Socio-economic situation of federal districts // URL: <https://rosstat.gov.ru/folder/11109/document/13260/>

16. Shibanihin E. A., Opryshko E. L. Threats to food security, their impact on the economic security system of Russia // Natural Sciences and Humanities. 2023. № 5. P. 317–323.

Информация об авторах

А. В. Минаков – профессор кафедры экономики и бухгалтерского учета Московского университета МВД России имени В.Я. Кикотя, доктор экономических наук, профессор;

Н. Д. Эриашвили – профессор кафедры гражданского и трудового права, гражданского процесса Московского университета МВД России имени В.Я. Кикотя, кандидат исторических наук, кандидат юридических наук, доктор экономических наук, профессор, почетный работник сферы образования РФ, лауреат премии Правительства Российской Федерации в области науки и техники, лауреат премии Правительства РФ в области образования.

Information about the authors

A. V. Minakov – Professor of the Department of Economics and Accounting of the Moscow University of the Ministry of Internal Affairs of Russia named after V.Ya. Kikot', Doctor of Economic Sciences, Professor;

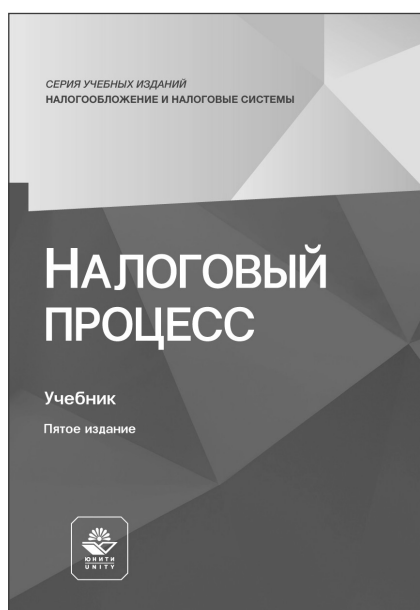
N. D. Eriashvili – Professor of the Department of Civil and Labor Law, Civil Procedure of the Moscow University of the Ministry of Internal Affairs of Russia named after V.Ya. Kikot', Candidate of Historical Sciences, Candidate of Legal Sciences, Doctor of Economic Sciences, Professor, Honorary Worker of Education of Russia, Laureate of the Award of the Government of the Russian Federation in Science and Technology, Laureate of the Russian Government Award for Education.

Вклад авторов: все авторы сделали эквивалентный вклад в подготовку публикации. Авторы заявляют об отсутствии конфликта интересов.

Contribution of the authors: the authors contributed equally to this article. The authors declare no conflicts of interests.

Статья поступила в редакцию 17.10.2024; одобрена после рецензирования 13.12.2024; принята к публикации 30.01.2025.

The article was submitted 17.10.2024; approved after reviewing 13.12.2024; accepted for publication 30.01.2025.

Налоговый процесс. Под ред. Н. Д. Эриашвили; под общ. ред. М. Е. Косова. 5-е изд., перераб. и доп. Учебник. Гриф НИИ образования и науки. Гриф МУМЦ «Профессиональный учебник». Гриф МНИЦ Судебной экспертизы и исследований.

Рассмотрены теоретические аспекты концепции налогового процесса, особенности процессуальных налоговых правоотношений, а также соответствующие аспекты деятельности налоговых администраций с учетом изменений в налоговом законодательстве.

Раскрыты элементы и формы регулирования налоговых правоотношений с учетом цифрового характера развития экономики страны. Детально выделены действующие нормы налогового процесса в механизме мероприятий налогового контроля и процессуальные аспекты принудительного исполнения налоговых обязанностей субъектов налоговых отношений.

Научная статья

УДК 331.103.6

<https://doi.org/10.24412/2414-3995-2025-2-208-213>

EDN: <https://elibrary.ru/nzszyy>

ИДЕНТИФИКАЦИОННЫЙ КОД: 2015-0066-2/25-239

МОСКОВСКИЙ КОД: 77/27-011-2025-02-438

Теоретические основы оценивания деятельности подразделений Госавтоинспекции

Олег Михайлович Порташников¹, Дмитрий Станиславович Горбатенко²

¹ Главное Управление по обеспечению безопасности дорожного движения МВД России, Москва, Россия,
portashnikov@yandex.ru

² Московский авиационный институт (национальный исследовательский университет), Москва, Россия,
mai_kaf604@mail.ru

Аннотация. В статье представлен проект методики оценки деятельности строевых трассовых подразделений (батальонов) дорожно-патрульной службы Госавтоинспекции. Оценка производится с помощью критериев оценки, значения которых определяются путем сравнения показателей деятельности батальона либо с требованиями нормативных документов, либо со среднерегиональным значением, что дает возможность обеспечения «равных» условий при оценивании деятельности подразделений Госавтоинспекции. Деятельность батальона оценивается по достигнутым результатам в соответствии с имеющимися кадровыми и материально-техническими ресурсами, а также с имеющейся спецификой автомобильных дорог зоны обслуживания.

Ключевые слова: оценка деятельности, дорожно-патрульная служба, безопасность дорожного движения, дорожно-транспортное происшествие, государственное управление, критерии оценки, надзор за движением, контроль за движением, официальная статистическая информация

Для цитирования: Порташников О. М., Горбатенко Д. С. Теоретические основы оценивания деятельности подразделений Госавтоинспекции // Вестник экономической безопасности. 2025. № 2. С. 208–213. <https://doi.org/10.24412/2414-3995-2025-2-208-213>. EDN: NZSZYY.

Original article

Theoretical foundations for assessing the activities of State Traffic Safety Inspectorate units

Oleg M. Portashnikov¹, Dmitry S. Gorbatenko²

¹ Main Directorate for Road Safety of the Ministry of Internal Affairs of Russia, Moscow, Russia,
portashnikov@yandex.ru

² Moscow Aviation Institute (National Research University), Moscow, Russia,
mai_kaf604@mail.ru

Abstract. The article presents a draft methodology for assessing the activities of line highway units (battalions) of the State Traffic Inspectorate road patrol service. The assessment is carried out using assessment criteria, the values of which are determined by comparing the battalion's performance indicators either with the requirements of regulatory documents or with the average regional value, which makes it possible to ensure «equal» conditions when assessing the activities of State Traffic Inspectorate units. The battalion's activities are assessed based on the achieved results in accordance with the available personnel and material and technical resources, as well as with the existing specifics of the service area's highways.

Keywords: performance evaluation, traffic patrol service, road safety, traffic accident, public administration, evaluation criteria, traffic supervision, traffic control, official statistical information

For citation: Portashnikov O. M., Gorbatenko D. S. Theoretical foundations for assessing the activities of State Traffic Safety Inspectorate units. Bulletin of economic security. 2025;(2):208–13. (In Russ.). <https://doi.org/10.24412/2414-3995-2025-2-208-213>. EDN: NZSZYY.

Эффективность деятельности государственного органа управления на транспорте определяется не столько

широтой охвата контролируемых им сфер, сколько реальным соблюдением общественных интересов, дей-

© Порташников О. М., Горбатенко Д. С., 2025

ственностью правовых механизмов. Государственное управление тогда будет успешным, если будет четкое понимание решаемых задач и проводимых мероприятий, а также будет внедрен механизм оценки достижения ожидаемых конечных результатов [1; 2]. Социально-экономическое развитие зависит не столько от подотчетности государственного управления населению, ее прозрачности, сколько от повышения эффективности деятельности органов государственного управления [3; 4]. Для получения максимального эффекта от данной деятельности требуется оценка не только совокупных результатов, но и постоянный мониторинг деятельности, а оценка деятельности должна осуществляться как в период реализации, так и по итогам реализации полномочий [3; 5; 6].

Рассмотрим возможность применения математического аппарата для оценки деятельности (эффективности работы) такого органа государственного управления на транспорте, как дорожно-патрульная служба (ДПС).

ДПС является структурным подразделением Госавтоинспекции и входит в структуру органов управления и подразделений Госавтоинспекции территориальных органов МВД России на региональном и на районных уровнях. ДПС является самым многочисленным по составу подразделением Госавтоинспекции. ДПС формируется преимущественно в виде строевых подразделений. Термин «строевые» означает, что их структура, внутренняя организация и система подчиненности близки к воинским формированиям.

По функциональному признаку в организационной структуре строевого подразделения ДПС можно выделить следующие специализированные группы: руководство, штаб, дежурная часть, группа исполнения административного законодательства и розыска, группа дорожного надзора, материально-техническая часть, делопроизводство, батальоны, роты, взвод, отделения и группы ДПС.

Батальоны, роты, взвод, отделения и группы ДПС, занимаются надзором за дорожным движением, осуществляют его регулирование, выявляют и пресекают случаи нарушения правил дорожного движения (ПДД) и общественного порядка, следят за состоянием дорог и дорожных сооружений, оказывают помощь участникам дорожного движения и производят неотложные действия на местах ДТП.

Методы деятельности ДПС включают в себя, преимущественно, контрольно-надзорную и административно-юрисдикционную составляющие, т. е., представляют собой стадии государственного управления в области обеспечения безопасности дорожного движения (БДД).

Необходимо подчеркнуть, что эффективность контроля за соблюдением установленных правил в сфере БДД, выявление и своевременное пресечение правонарушений во многом определяются правильностью выбора приемов и способов несения службы, форм ее организации, а также соответствующих вариантов рас-

становки имеющихся сил и средств. Исходя из принципиального единства содержания данной службы как таковой, вне зависимости от внешних обстоятельств (за исключением чрезвычайных ситуаций и особых условий), рассмотрим ее основные методы:

- 1) наблюдение за дорожным движением;
- 2) предостережение участников дорожного движения от нарушений установленных правил;
- 3) контроль дорожных условий, элементов дорожной инфраструктуры, действий участников дорожного движения, технического состояния транспортных средств (ТС), водительских, регистрационных и путевых документов;
- 4) выполнение регулировочно-распорядительных действий при осложнении условий движения;
- 5) пресечение неправомерных действий участников дорожного движения и должностных лиц;
- 6) формирование информации о БДД.

При контроле за дорожным движением могут использоваться стационарные средства автоматической фиксации, размещаемые на конструкциях дорожно-транспортной инфраструктуры или специальных конструкциях, и передвижные средства автоматической фиксации, размещаемые на участках дорог в зоне ответственности постов, маршрутов патрулирования.

В качестве объекта оценивания рассмотрим показатели деятельности трассового батальона ДПС. Понятие «трассовый» означает, что зоной обслуживания батальона являются автомобильные дороги федерального или регионального значения, а не улично-дорожная сеть города, района.

Оценка деятельности определяется на основе значения критерия оценки подразделения в целом, шкала значений которого от 0 до 10.

Значение критерия оценки подразделения в целом определяется как среднее арифметическое значений критериев оценки 4-х функциональных групп, составляющих деятельность батальона ДПС:

- 1) штатных и материально-технических ресурсов батальона;
- 2) контроль за движением, состоянием автодорог;
- 3) аварийность на дорогах зоны обслуживания (качество работы);
- 4) формирование информации об аварийности на дорогах зоны обслуживания

Критерий оценки 1-ой функциональной группы (ресурсы) определяется как среднее арифметическое значений частных критериев оценки, характеризующих штатную оснащенность батальона, оснащенность патрульными ТС, оснащенность средствами связи, оснащенность мобильными автоматизированными рабочими местами (АРМ), т. е. комплексами программ, автоматизирующих действия, оснащенность специальными средствами для осуществления контрольно-надзорной деятельности.

Значения частных критериев рассчитываются как отношение показателя фактического наличия (числен-

ности) к показателю по нормам положенности (штатной численности), умноженное на 10, и находятся в пределах от 0 до 10.

Таким образом, получаем оценку ресурсообеспеченности батальона ДПС, с которой батальон на обслуживаемых автодорогах выполняет возложенные на ДПС задачи.

Бесспорно, профессиональная деятельность каждого структурного подразделения батальона вносит свой «вклад» в обеспечение БДД на обслуживаемой территории. Но, для оценки эффективности деятельности, выражающееся в предупреждении дорожно-транспортных происшествий (ДТП), будем рассматривать следующую деятельность батальона:

- 1) надзор за движением, контроль за соблюдением установленных правил, нормативов и стандартов участниками дорожного движения и должностными лицами;
- 2) контроль за транспортно-эксплуатационным состоянием дорог, дорожной инфраструктуры и придорожных объектов;
- 3) на основе изучения транспортного и пешеходного движения формирование предложений по улучшению организации движения и повышению БДД.

Данную деятельность в батальоне ДПС осуществляют инспекторы ДПС и инспекторы группы дорожного надзора, а также средства автоматической фиксации нарушений ПДД.

Итак, критерий оценки 2-ой функциональной группы представляет собой среднее арифметическое значений частных критериев оценки следующего:

- 1) нагрузки на 1 инспектора ДПС;
- 2) нагрузки на 1 инспектора группы дорожного надзора;
- 3) надзора за движением средствами автоматической фиксации нарушений ПДД;
- 4) надзора за движением инспекторами ДПС;
- 5) контроля за состоянием дорог, дорожной инфраструктуры и придорожных объектов;
- 6) формирование предложений по улучшению организации движения и повышению БДД;
- 7) реализация предложений по улучшению организации движения и повышению БДД.

Частный критерий оценки нагрузки на инспектора ДПС батальона определяется как отношение протяженности дорог зоны обслуживания батальона (км), приходящееся на 1 инспектора ДПС батальона, к такому же среднерегиональному показателю.

Частный критерий оценки нагрузки на инспектора дорожного надзора батальона определяется как отношение протяженности дорог зоны обслуживания батальона (км), приходящееся на 1 инспектора дорожного надзора батальона, к такому же среднерегиональному показателю.

Частный критерий оценки надзора за движением средствами автоматической фиксации нарушений ПДД определяется сравнением отношения выявленных комплексами автоматической фиксации на дорогах батальо-

на фактов i -тых нарушений ПДД на 1 км протяженности дорог зоны обслуживания к такому же среднерегиональному показателю и отношения числа ДТП с пострадавшими на дорогах батальона с i -тым непосредственным нарушением ПДД на 1 км протяженности дорог зоны обслуживания к такому же среднерегиональному показателю.

Частный критерий оценки надзора за движением инспекторами ДПС определяется сравнением отношения выявленных инспекторами ДПС на дорогах батальона фактов i -тых нарушений ПДД на 1 км протяженности дорог зоны обслуживания к такому же среднерегиональному показателю и отношения числа ДТП с пострадавшими на дорогах батальона с i -тым непосредственным нарушением ПДД на 1 км протяженности дорог зоны обслуживания к такому же среднерегиональному показателю.

Вот основные возможные (i -тые) нарушения ПДД. Допущенные водителем (лицом, управлявшим ТС): выезд на полосу встречного движения, несоблюдение очередности проезда, нарушение правил обгона, нарушение правил перестроения, нарушение правил расположения ТС на проезжей части, несоблюдение бокового интервала, неправильный выбор дистанции, нарушение правил проезда пешеходного перехода, нарушение правил проезда ж/д переездов, нарушение требований сигналов регулировщика, нарушение требований линий разметки, нарушение требований дорожных знаков, превышение установленной скорости движения, несоответствие скорости конкретным условиям движения, управление ТС лицом, не имеющим права на управление ТС, управление ТС в состоянии алкогольного или наркотического опьянения, отказ водителя от прохождения медицинского освидетельствования на состояние опьянения, а также любые другие. Допущенные пешеходом: переход через проезжую часть вне пешеходного перехода в зоне его видимости, переход через проезжую часть в непредназначенном для этого месте, в запрещенном месте, неподчинение сигналам регулирования, неожиданный выход из-за ТС, неожиданный выход из-за стоящего ТС, неожиданный выход из-за сооружений (деревьев), ходьба вдоль проезжей части при наличии и удовлетворительном состоянии тротуара, игра на проезжей части, отсутствие световозвращающих жилетов, иные нарушения пешеходом. Допущенные пассажиром: создание помех для водителя в управлении ТС, нарушение правил применения ремней безопасности пассажиром, нарушение правил применения мотошлема пассажиром, нарушения правил пользования общественным транспортом, иные нарушения пассажирами. Допущенные иным участником: отсутствие световозвращающих жилетов (снаряжения) у лиц, осуществляющих работу на проезжей части, иные нарушения иных участников.

Частный критерий оценки контроля за состоянием УДС, дорожной инфраструктуры и придорожных объектов определяется сравнением отношения выявленных фактов i -тых недостатков транспортно-эксплу-

атационного состояния дорог на 1 км протяженности дорог зоны обслуживания к такому же среднерегиональному показателю и отношения числа ДТП с пострадавшими с i -тым недостатком транспортно-эксплуатационного состояния на 1 км протяженности дорог зоны обслуживания к такому же среднерегиональному показателю.

Возможные (i -тые) недостатки транспортно-эксплуатационного состояния дорог следующие: неровное покрытие, дефекты покрытия, низкие сцепные качества покрытия, недостатки зимнего содержания, сужение проезжей части, наличие препятствий, затрудняющих движение ТС, неудовлетворительное состояние разделительной полосы, неудовлетворительное состояние обочин, отсутствие, плохая различимость горизонтальной разметки проезжей части, отсутствие, плохая различимость вертикальной разметки, отсутствие элементов обустройства остановочного пункта общественного пассажирского транспорта, отсутствие тротуаров (пешеходных дорожек), ограничение видимости, плохая видимость светофора, неисправность светофора, отсутствие дорожных знаков в необходимых местах, неправильное применение, плохая видимость дорожных знаков, отсутствие дорожных ограждений в необходимых местах, отсутствие пешеходных ограждений в необходимых местах, несоответствие дорожных ограждений предъявляемым требованиям, отсутствие направляющих устройств и световозвращающих элементов на них, отсутствие временных технических средств организации движения в местах производства работ, отсутствие освещения, недостаточное освещение, неисправное освещение, несоответствие железнодорожного переезда предъявляемым требованиям, нарушения в размещении наружной рекламы, отклонение верха головки рельса трамвайных (железнодорожных) путей. А также любые другие, подлежащие учету.

Частный критерий оценки формирования предложений по улучшению организации движения и повышению БДД определяется отношением числа сформированных и выставленных батальоном за отчетный период инициативных предложений в расчете на 10 км протяженности дорог к такому же среднерегиональному показателю.

Частный критерий оценки реализации предложений по улучшению организации движения и повышению БДД определяется отношением доли реализованных предложений из общего числа выставленных батальоном предложений (включая ранее выставленные и не реализованные), к такому же среднерегиональному показателю.

Таким образом, получаем оценку работы, проведенной батальоном за отчетный период времени.

Критерий оценки 3-ей функциональной группы (качество работы) представляет собой среднее арифметическое значений следующих частных критериев оценки:

1) аварийности по протяженности дорог зоны обслуживания;

2) тяжести последствий ДТП;

3) структуры зоны обслуживания.

Частный критерий оценки аварийности по протяженности дорог зоны обслуживания определяется сравнением отношения количества ДТП с пострадавшими к протяженности дорог зоны обслуживания батальона и такого же среднерегионального показателя. Если отношение равно 0,5 и менее, то значение критерия оценки равно 10, если отношение от 0,5 до 0,6, то 9,5, если от 0,6 до 0,7, то 8,8, если от 0,7 до 0,8, то 8,2, если от 0,8 до 0,9, то 7,5, если от 0,9 до 1,0, то 6,8, если от 1,0 до 1,1, то 6,1, если от 1,1 до 1,2, то 5,4, если от 1,2 до 1,3, то 4,8, если от 1,3 до 1,4, то 4,1, если от 1,4 до 1,5, то 3,4, если от 1,5 и более, то значение частного критерия равно 2,7.

Частный критерий оценки аварийности по тяжести последствий определяется сравнением отношения тяжести последствий ДТП батальона и такого же среднерегионального показателя. Если отношение равно 0,5 и менее, то значение критерия оценки равно 10, если отношение от 0,5 до 0,6, то 9,5, если от 0,6 до 0,7, то 8,8, если от 0,7 до 0,8, то 8,2, если от 0,8 до 0,9, то 7,5, если от 0,9 до 1,0, то 6,8, если от 1,0 до 1,1, то 6,1, если от 1,1 до 1,2, то 5,4, если от 1,2 до 1,3, то 4,8, если от 1,3 до 1,4, то 4,1, если от 1,4 до 1,5, то 3,4, если от 1,5 и более, то значение частного критерия равно 2,7.

Для расчета частного критерия оценки структуры зоны обслуживания сначала исследуем зону обслуживания трассового батальона ДПС. В зону обслуживания трассового батальона ДПС входят, как правило, автомобильные дороги федерального и регионального значения, которые проходят (или не проходят) через населенные пункты, могут быть платными и бесплатными, автомагистралями и обычными автодорогами. Поэтому для исследования будем использовать следующие типы автодорог, представленные в табл. 1.

Если протяженность всех этих типов дорог одинаковая, то доля каждого типа в структуре зоны обслуживания батальона равна 0,14, и частный критерий оценки в этом случае признаем равным 5. Но, фактически доля протяженности типов автодорог в общей протяженности дорог зоны обслуживания каждого батальона разная, поэтому рассчитываем разность между фактической долей i -го типа дорог в общей протяженности дорог батальона и 0,14. Далее, за отчетный период рассчитываем доли количества ДТП на i -ых участках дорог региона в общем количестве ДТП по региону, и находим из них значение среднего линейного отклонения. Находим значения частных критериев оценки для i -го типа автодорог путем прибавления к 5 произведения данных показателей. Среди них находим среднее арифметическое. Таким образом, получаем оценку качества работы батальона (уровня БДД на обслуживаемой территории).

Критерий оценки 4-ей функциональной группы характеризует внесение информации о ДТП на дорогах зоны обслуживания в Автоматизированную информационно-управляющую систему Госавтоин-

Таблица 1

Типы участков автодорог, используемые для расчета
частного критерия оценки структуры зоны обслуживания

№ п/п	Тип автомобильных дорог	
1	Автодороги федерального значения	участки, проходящие через населенные пункты
2		участки автомагистрали бесплатные
3		участки автомагистрали платные
4		участки платные (без платных автомагистралей)
5		участки остальные
6	Автодороги регионального значения	участки, проходящие через населенные пункты
7		участки остальные

спекции (АИУС), и представляет собой среднее арифметическое значений следующих частных критериев оценки:

- 1) нагрузки на 1 сотрудника батальона, в обязанности которого вменено внесение карточек ДТП в АИУС;
- 2) соблюдения сроков внесения карточек ДТП в АИУС;
- 3) качества заполнения карточек (соответствие внесенной информации реальности, отображаемой на приложенных документах и фотоматериалах).

Частный критерий оценки нагрузки определяется сравнением отношения количества внесенных в АИУС за отчетный период карточек ДТП к числу сотрудников батальона, в обязанности которых вменено внесение карточек ДТП в АИУС, к среднерегиональному значению. Если батальонное отношение превышает среднерегиональное в 1,5 и более, значение частного критерия оценки принимается равным 0, при превышении до 1,5 – значение 2,5, при равенстве – 5, если меньше до 0,5 – значение 7,5, если меньше 0,5, то значение принимается равным 10.

Частный критерий оценки соблюдения сроков внесения информации о ДТП в АИУС определяется долей карточек ДТП, внесенных в АИУС с нарушением сроков без уважительных причин, в общем количестве внесенных карточек ДТП, и сравнением ее со среднерегиональной долей. Если батальонная доля превышает среднерегиональную в 1,5 и более, значение частного критерия оценки принимается равным 0, при превышении до 1,5 – значение 2,5, при равенстве – 5, если меньше до 0,5 – значение 7,5, если меньше 0,5, то значение принимается равным 10.

Частный критерий оценки качества заполнения карточек ДТП в АИУС определяется долей карточек ДТП, подвергшихся корректировке после соответствующих федеральных и региональных контрольных поручений, в общем количестве внесенных карточек ДТП, и сравнением ее со среднерегиональной долей. Если батальонная доля превышает среднерегиональную в 1,5 и

более, значение частного критерия оценки принимается равным 0, при превышении до 1,5 – значение 2,5, при равенстве – 5, если меньше до 0,5 – значение 7,5, если меньше 0,5, то значение принимается равным 10.

В заключении производим расчет значения критерия оценки деятельности батальона. Исходя из значения критерия оценки батальона определяем оценку деятельности батальона.

Оценка может быть 2-х типов.

1. Двухуровневая – «удовлетворительно» или «неудовлетворительно». В этом случае границей может являться значение критерия оценки деятельности батальона равно 5. Если значение критерия оценки больше или равно 5, то выставляется оценка «удовлетворительно», если меньше 5, то оценка – «неудовлетворительно».

2. Четырехуровневая – «отлично», «хорошо», «удовлетворительно» и «неудовлетворительно». В этом случае границами могут являться значения критерия оценки деятельности батальона равные 4, 6, 8. Если значение критерия меньше 4, то выставляется оценка «неудовлетворительно», если меньше 6, то оценка «удовлетворительно», если меньше 8, то оценка «хорошо», а если больше или равно 8, то выставляется оценка «отлично».

Варианты уровней оценки и границы значений критерия оценки будут видоизменены после практической апробации методики.

Преимуществом данной методики является, пожалуй, то, что значения показателей деятельности батальона сравниваются либо с требованиями нормативных документов, либо со среднерегиональным значением. Это должно дать возможность обеспечения «равных» условий при оценивании деятельности подразделений Госавтоинспекции. Деятельность подразделения оценивается по достигнутым результатам в соответствии с имеющимися кадровыми, материально-техническими ресурсами, а также с имеющейся спецификой объекта управления.

Все это должно способствовать объективной оценке и выработке оптимальных управленческих решений.

Список источников

1. Гапоненко А. Л., Панкрухин А. П. Теория управления. М. : РАГС, 2005, 558 с.
2. Ахундов В.М., Системный анализ в экономических исследованиях : учебник. М. : МАИ, 1987.
3. Анхимюк В. Л., Олейко О.Ф., Михеев Н.Н. Теория автоматического управления : учебное пособие. М. : Дизайн ПРО, 2002. 352 с.
4. Полтавец Г. А. и др. Системный подход к научно-техническому творчеству. М. : Изд-во МАИ, 2003, 719 с.
5. Перегудов Ф. И., Тарасенко Ф. П. Введение в системный анализ : учебное пособие для вузов. М. : Высшая школа, 1989.
6. Лебедев А. А. Введение в анализ и синтез систем. М. : Изд-во МАИ, 2001, 352 с.

References

1. Gaponenko A. L., Pankrukhin A. P. Control Theory. M. : RAGS, 2005, 558 p.
2. Akhundov V. M., Systems Analysis in Economic Research: Textbook. M. : MAI, 1987.
3. Ankhimiyuk V. L., Oleyko O. F., Mikheev N. N. Automatic Control Theory : Textbook. manual. M. : Design PRO, 2002. 352 p.
4. Poltavets G. A. et al. Systems Approach to Scientific and Technical Creativity. M. : MAI Publishing House, 2003, 719 p.
5. Peregudov F. I., Tarasenko F. P. Introduction to Systems Analysis : Textbook for Universities. M. : Higher School, 1989.
6. Lebedev A. A. Introduction to Analysis and Synthesis of Systems. M. : MAI Publishing House, 2001, 352 p.

Информация об авторах

О. М. Порташников – начальник организационно-аналитического управления Главного Управления по обеспечению безопасности дорожного движения МВД России;

Д. С. Горбатенко – доцент кафедры «Системный анализ и управление» Московского авиационного института (национального исследовательского университета), кандидат экономических наук.

Information about the authors

O. M. Portashnikov – Head of the Organizational and Analytical Department of the Main Directorate for Road Safety of the Ministry of Internal Affairs of Russia;

D. S. Gorbatenko – Associate Professor of the Department of Systems Analysis and Management of the Moscow Aviation Institute (National Research University), Candidate of Economic Sciences.

Вклад авторов: все авторы сделали эквивалентный вклад в подготовку публикации. Авторы заявляют об отсутствии конфликта интересов.

Contribution of the authors: the authors contributed equally to this article. The authors declare no conflicts of interests.

Статья поступила в редакцию 15.01.2025; одобрена после рецензирования 20.02.2025; принята к публикации 19.03.2025.

The article was submitted 15.01.2025; approved after reviewing 20.02.2025; accepted for publication 19.03.2025.

Научная статья

УДК 378

<https://doi.org/10.24412/2414-3995-2025-2-214-217>

EDN: <https://elibrary.ru/ogmdxu>

ПION: 2015-0066-2/25-240

MOSURED: 77/27-011-2025-02-439

Формирование самоконтроля у курсантов МВД России во время занятия дзюдо

Николай Николаевич Беляев¹, Сергей Викторович Иванников²

¹ Калужский филиал Российского государственного аграрного университета – МСХА имени К.А. Тимирязева, Калуга, Россия

² Московский университет МВД России имени В.Я. Кикотя, Москва, Россия

Аннотация. Статья исследует влияние занятий дзюдо на формирование дисциплины и самоконтроля у курсантов МВД России. Рассматриваются теоретические основы данных понятий и их значимость в профессиональной деятельности сотрудников правоохранительных органов. Описаны принципы дзюдо и их роль в личностном развитии курсантов. Анализируются педагогические подходы, методы обучения и тренировки, а также влияние наставничества. Предложены рекомендации по внедрению занятий дзюдо в образовательные программы МВД и обсуждаются перспективы дальнейших исследований.

Ключевые слова: дисциплина, самоконтроль, дзюдо, курсанты МВД, педагогические подходы, волевые качества, эмоциональная регуляция

Для цитирования: Беляев Н. Н., Иванников С. В. Формирование самоконтроля у курсантов МВД России во время занятия дзюдо // Вестник экономической безопасности. 2025. № 2. С. 214–217. <https://doi.org/10.24412/2414-3995-2025-2-214-217>. EDN: OGMDXU.

Original article

Formation of self-control among cadets of the Ministry of Internal Affairs of Russia during judo classes

Nikolay N. Belyaev¹, Sergey V. Ivannikov²

¹ Kaluga Branch of the Russian State Agricultural Academy named after K.A. Timiryazev, Kaluga, Russia

² Moscow University of the Ministry of Internal Affairs of Russia named after V.Ya. Kikot', Moscow, Russia

Abstract. The article examines the impact of judo training on the development of discipline and self-control among cadets of the Russian Ministry of Internal Affairs. It discusses the theoretical foundations of these concepts and their importance in the professional activities of law enforcement officers. The principles of judo and their role in the personal development of cadets are described. Pedagogical approaches, teaching and training methods, and the influence of mentorship are analyzed. Recommendations for integrating judo training into the educational programs of the Ministry of Internal Affairs are proposed, and prospects for further research are discussed.

Keywords: discipline, self-control, judo, cadets of the Ministry of Internal Affairs, pedagogical approaches, volitional qualities, emotional regulation

For citation: Belyaev N. N., Ivannikov S. V. Formation of self-control among cadets of the Ministry of Internal Affairs of Russia during judo classes. Bulletin of economic security. 2025;(2):214–7. (In Russ.). <https://doi.org/10.24412/2414-3995-2025-2-214-217>. EDN: OGMDXU.

Формирование дисциплины и самоконтроля у курсантов МВД России через занятия дзюдо является ключевой задачей их профессиональной подготовки, так как успешность служебной деятельности во многом зависит от способности к саморегуляции, стрессоустойчивости и принятию решений в экстремальных условиях. Современная педагогика рассматривает развитие этих качеств

как неотъемлемый элемент профессионального становления, что делает физическую подготовку не просто средством тренировки, а инструментом формирования личности. Оперативно-служебная деятельность требует высокого уровня дисциплины и самоконтроля, что обуславливает необходимость педагогических методов, направленных на развитие волевых качеств. Доказано,

© Беляев Н. Н., Иванников С. В., 2025

что обучение через физическую активность, особенно в рамках боевых искусств, способствует интернализации дисциплинарных норм, формированию устойчивости к стрессу и развитию способности к саморегуляции. Методологические основы педагогики физического воспитания подчеркивают значимость последовательного освоения приемов, что развивает терпение, настойчивость и умение контролировать свое эмоциональное состояние.

Научная разработанность темы представлена в работах таких ученых, как О. А. Юсупова, которая отмечает, что «служебно-прикладная физическая подготовка имеет цель формирования знаний, умений и навыков, развития специфических двигательных способностей физических качеств до уровня, необходимого в оперативно-служебной деятельности» [5, с. 48]. А. В. Алдошин и его коллеги предложили частную методику обучения боевым приемам борьбы, что подчеркивает важность адаптации учебных программ к реальным условиям службы [1, с. 3].

Дзюдо обладает значительным воспитательным потенциалом, выходящим за рамки физического развития. Формирование самоконтроля, дисциплины и волевых качеств достигается за счет принципов гибкости, уважения и контроля. Систематическое педагогическое воздействие развивает внутреннюю мотивацию к соблюдению норм поведения (А. С. Соловьев, Е. В. Иванова), а работа с эмоциональной регуляцией способствует устойчивости к стрессам (Л. Н. Жукова). Групповые тренировки формируют навыки сотрудничества и доверия (М. И. Кузнецов), а принцип постепенности обеспечивает развитие саморегуляции и волевых качеств (А. А. Кадочников, Т. Н. Алексеева), что делает дзюдо эффективным инструментом комплексного педагогического воздействия.

Методология исследования, направленного на изучение влияния занятий дзюдо на формирование дисциплины и самоконтроля у курсантов МВД России, основывается на комплексном подходе, включающем как теоретические, так и эмпирические методы. Важность дисциплины и самоконтроля в профессиональной деятельности сотрудников МВД подчеркивается в работах О. А. Юсуповой, которая акцентирует внимание на личностном развитии через боевые искусства. А. В. Алдошин, в свою очередь, исследует педагогические подходы в спортивном воспитании, что позволяет выявить разногласия в методах обучения и тренировки.

В рамках данного исследования применяются методы анализа и синтеза, а также сравнительный анализ существующих педагогических практик. Особое внимание уделяется изучению психофизиологических аспектов, связанных с занятиями дзюдо, что позволяет оценить их влияние на эмоциональную регуляцию и развитие волевых качеств курсантов. Важным элементом методологии является использование наблюдения и анкетирования для сбора эмпирических данных о влиянии регулярных тренировок на способность курсантов

регулировать стресс и контролировать эмоции в экстремальных ситуациях.

Наставничество играет важную роль в формировании морально-нравственных качеств курсантов. Оно обеспечивает передачу опыта и знаний от более опытных инструкторов, что особенно важно в процессе обучения боевым видам спорта и поддержания дисциплины. Важность наставничества подчеркивается исследованиями, указывающими на значимость личного примера в формировании волевых качеств (О. С. Панова, С. А. Яковцов) [2, с. 271]. Групповые и индивидуальные занятия развивают у курсантов навыки взаимодействия и сотрудничества, что способствует их профессиональной социализации.

Дисциплина и самоконтроль являются ключевыми компонентами профессиональной подготовки сотрудников МВД России, определяя их способность действовать в условиях оперативно-служебной деятельности. В педагогической практике дисциплина рассматривается не только как внешнее следование установленным нормам и требованиям, но и как внутренняя установка, формируемая в процессе целенаправленного обучения и воспитания. Как отмечает В. А. Сластенин, педагогическая деятельность должна быть направлена на развитие внутренней дисциплины через осознание обучающимися социальной значимости норм и правил поведения, а не только их формальное исполнение.

Самоконтроль, в свою очередь, представляет собой способность человека управлять своими эмоциями, поведением и действиями в условиях неопределенности и повышенного стресса. В системе подготовки курсантов МВД данный навык формируется через специальные педагогические методики, включающие элементы ситуационного моделирования, психологическую подготовку и методы саморегуляции. Например, в процессе профессионального обучения применяются тренировки, в ходе которых курсантов ставят в условия моделируемых стрессовых ситуаций, требующих мгновенной реакции, сохранения самообладания и принятия решений в рамках установленных регламентов. Такие методы позволяют формировать у курсантов не только когнитивные, но и поведенческие стратегии, обеспечивающие их готовность к выполнению служебных обязанностей.

Педагогический потенциал дзюдо в формировании дисциплины и самоконтроля. Занятия дзюдо обладают высоким воспитательным потенциалом и широко применяются в педагогической практике подготовки курсантов МВД. Как отмечает Л. С. Выготский, формирование личностных качеств, включая дисциплину и самоконтроль, наиболее эффективно происходит в процессе активной деятельности и взаимодействия с окружающей средой. Боевые искусства, в частности дзюдо, создают благоприятные условия для такого обучения, сочетая физическое развитие с формированием эмоциональной устойчивости и социальной ответственности [4, с. 421].

Принципы дзюдо, такие как гибкость, уважение и контроль, способствуют формированию личностных качеств, необходимых для профессиональной деятельности в правоохранительных органах. Гибкость, как в физическом, так и в психологическом смысле, играет ключевую роль в способности курсантов адаптироваться к изменяющимся условиям службы. В условиях оперативной деятельности сотрудникам МВД необходимо мгновенно оценивать ситуацию, учитывать различные факторы и корректировать свое поведение в зависимости от обстоятельств. Например, умение вести переговоры с агрессивно настроенными гражданами, не допуская конфликта, требует сочетания гибкости мышления, психологической устойчивости и самоконтроля, что активно формируется в ходе занятий дзюдо.

Другим важным принципом дзюдо является уважение, которое формирует культуру взаимодействия и сотрудничества, играя ключевую роль в работе сотрудников МВД. Во время тренировок курсанты учатся соблюдать спортивную этику, уважать партнеров, анализировать собственные ошибки и извлекать уроки из неудач. В педагогической практике данный принцип имеет важное значение, поскольку он способствует развитию социальной ответственности и укреплению профессиональной идентичности. Например, система наставничества, активно применяемая в правоохранительных органах, во многом основывается на принципе уважения к опыту старших коллег, что формирует у курсантов позитивное отношение к служебной дисциплине и командной работе.

Дзюдо как средство развития самоконтроля и стрессоустойчивости. Самоконтроль – это один из важнейших компонентов профессиональной деятельности сотрудников МВД, который позволяет им сохранять самообладание в экстремальных ситуациях. Как утверждает А. А. Третьяков, эффективность боевых приемов связана с учетом пространственных, временных и силовых параметров движения, что подчеркивает важность комплексного подхода к физической подготовке [4, с. 419]. Необходимость сочетания физического и психологического аспектов обучения подтверждается тем, что контроль над телом напрямую зависит от умения управлять эмоциями.

Регулярные тренировки по дзюдо помогают курсантам вырабатывать психологическую устойчивость, развивать умение справляться с повышенным уровнем стресса и сохранять концентрацию в критических ситуациях. Исследования показывают, что занятия боевыми искусствами способствуют снижению уровня тревожности и формированию волевых качеств, таких как настойчивость, терпение и целеустремленность. Например, в тренировочном процессе часто используются элементы соревновательной деятельности, когда курсантам необходимо принимать решения в условиях жестких временных ограничений и физической нагрузки. Такая методика приближает процесс обучения к реальным условиям

службы, в которых сотрудник МВД должен сохранять хладнокровие и действовать в соответствии с регламентом, даже находясь под сильным эмоциональным давлением.

Кроме того, дзюдо формирует способность к саморегуляции, что имеет решающее значение для предотвращения профессионального выгорания. В педагогике волевого воспитания подчеркивается, что самоконтроль развивается через осознание своих эмоциональных состояний и умение управлять ими в стрессовых условиях. Включение в учебный процесс упражнений на концентрацию внимания, контроль дыхания и техники релаксации позволяет курсантам лучше понимать собственные эмоциональные реакции и использовать эффективные стратегии саморегуляции.

Педагогические технологии в спортивном воспитании, такие как игровые методы и ситуационные задачи, позволяют развивать способность курсантов к принятию решений в условиях неопределенности. Эти методы укрепляют морально-волевые качества и способствуют всестороннему развитию курсантов. Эффективность занятий дзюдо подтверждается исследованиями, указывающими на их связь с формированием профессионально значимых установок [3, с. 75]. Такой подход помогает интегрировать занятия дзюдо в образовательные программы МВД, повышая их роль в подготовке высококвалифицированных сотрудников.

Педагогические подходы к формированию дисциплины и самоконтроля у курсантов МВД России через занятия дзюдо представляют собой комплекс методов и стратегий, направленных на развитие волевых качеств и эмоциональной регуляции. Важным аспектом является использование методик, которые способствуют не только физическому, но и психофизиологическому развитию курсантов.

Практическое применение занятий дзюдо открывает перспективы для повышения профессиональной подготовки курсантов через формирование самоконтроля и дисциплины. Адаптация учебных программ к реальным условиям службы позволяет не только развивать физическую подготовку, но и формировать навыки командной работы и лидерства. Как отмечает А. В. Алдошин, использование специализированных методик значительно влияет на эффективность действий курсантов при выполнении служебных задач [1, с. 3]. Интеграция современных педагогических технологий, таких как игровые методы и ситуационные задачи, усиливает адаптивные способности курсантов и их готовность к принятию решений в нестандартных ситуациях.

Таким образом, занятия дзюдо могут стать не только ключевым компонентом образовательных программ МВД, но и важнейшим инструментом формирования профессионально значимых качеств сотрудников правоохранительных органов. Регулярные тренировки способствуют всестороннему личностному развитию курсантов, укрепляют дисциплину, волевые качества, а также развивают когнитивные способности, крити-

ческое мышление и стрессоустойчивость. Данный вид физической активности интегрирует в себя как прикладные навыки, необходимые для выполнения служебных задач, так и элементы психологической подготовки, позволяющие формировать самоконтроль и эмоциональную регуляцию в сложных оперативных условиях.

Внедрение дзюдо в образовательные программы требует комплексного подхода, включающего физическую, психофизиологическую и педагогическую составляющие. Система подготовки должна учитывать индивидуальные особенности курсантов, обеспечивая постепенное развитие самоконтроля и дисциплины через специально разработанные методики, ориентированные на долгосрочный эффект. Важно не только обучать техническим приемам, но и прививать культуру поведения, уважение к установленным нормам, развитие командной работы и профессиональной этики.

Список источников

1. Алдошин А. В., Алдошина Е. А., Осипов Д. В. Применение частной методики проведения практических занятий, зачетов и экзамена по физической подготовке // Известия ТулГУ. Физическая культура. Спорт. 2019. № 4. С. 3–11.
2. Панова О. С., Яковцов С. А., Крючков В. В. Организация и проведение неурочных форм занятий физическими упражнениями в образовательных организациях МВД России // Ученые записки университета Лесгафта. 2021. № 7 (197). С. 269–273.
3. Романов Р. В., Каленик Р. С. Воспитание волевых качеств на занятиях по специальной физической подготовке у курсантов в структурных вузах организации МВД России // Известия ТулГУ. Физическая культура. Спорт. 2020. № 10. С. 72–77.

Информация об авторах

Н. Н. Беляев – старший преподаватель кафедры физического воспитания Калужского филиала Российского государственного аграрного университета – МСХА имени К.А. Тимирязева;

С. В. Иванников – доцент кафедры огневой подготовки учебно-научного комплекса специальной подготовки Московского университета МВД России имени В.Я. Кикотя, кандидат педагогических наук, доцент.

Information about the authors

N. N. Belyaev – Senior Lecturer of the Department of Physical Education of the Kaluga Branch of the Russian State Agricultural Academy named after K.A. Timiryazev;

S. V. Ivannikov – Associate Professor of the Department of Fire Training of the educational and Scientific Complex of Special Training of the Moscow University of the Ministry of Internal Affairs of Russia named after V.Ya. Kikot', Candidate of Pedagogical Sciences, Associate Professor.

Вклад авторов: все авторы сделали эквивалентный вклад в подготовку публикации. Авторы заявляют об отсутствии конфликта интересов.

Contribution of the authors: the authors contributed equally to this article. The authors declare no conflicts of interests.

Статья поступила в редакцию 14.02.2025; одобрена после рецензирования 12.03.2025; принята к публикации 07.04.2025.

The article was submitted 14.02.2025; approved after reviewing 12.03.2025; accepted for publication 07.04.2025.

References

1. Aldoshin A. V., Aldoshina E. A., Osipov D. V. Application of a private methodology for conducting practical classes, tests and exams in physical training // Izvestiya TulSU. Physical education. Sport. 2019. № 4. P. 3–11.
2. Panova O. S., Yakovtsov S. A., Kryuchkov V. V. Organization and conduct of non-urgent forms of physical exercise in educational organizations of the Ministry of Internal Affairs of Russia // Scientific Notes of Lesgaft University. 2021. № 7 (197). P. 269–273.
3. Romanov R. V., Kalenik R. S. Education of volitional qualities in special physical training classes for cadets in structural universities of the organization of the Ministry of Internal Affairs of Russia // Izvestiya TulSU. Physical Culture. Sport. 2020. № 10. P. 72–77.
4. Tretyakov A. A. Analysis of the influence of the level of physical fitness on the process of teaching cadets combat techniques of wrestling // Scientific notes of Lesgaft University. 2023. № 4 (218). P. 419–423.
5. Yusupova O. A., Glubokiy V. A. Unsocial physical education of cadets (students) of the educational organization of the Ministry of Internal Affairs of Russia // Izvestiya TulSU. Physical Culture. Sport. 2021. № 11. P. 47–53.

Научная статья

УДК 378

<https://doi.org/10.24412/2414-3995-2025-2-218-225>

EDN: <https://elibrary.ru/oylhlg>

ИДОН: 2015-0066-2/25-241

MOSURED: 77/27-011-2025-02-440

Реализация состязательной интерактивно-игровой модели обучения на основе элементов цифрового сопровождения подготовки специалистов правоохранительной системы

Александр Павлович Кизиллов¹, Кирилл Владимирович Ярмач²

^{1,2} Московский университет МВД России имени В.Я. Кикотя, Москва, Россия

¹ sasha3319@yandex.ru

² kirill.77@mail.ru, ORCID:0000-0003-4095-264X

Аннотация. При всем обилии существующих на сегодняшний день моделей обучения специалистов для тех или иных областей деятельности несколько не останавливается поиск научной мысли относительно изыскания новых и совершенствования уже существующих методик преподавания. В данной работе мы остановимся на подготовке специалистов в правоохранительной области, в рамках получения ими высшего образования, а также повышения имеющейся у них квалификации. Рассмотрены не просто игровые формы обучения, а основанные на принципах состязательности, построенные с использованием элементов цифрового сопровождения образовательного процесса. Подобная модель обучения может быть представлена различными конкурсными испытаниями соревновательного характера, опирающимися на необходимость применения и использования полученных ранее знаний, умений и навыков. При проведении данного исследования применялся комплекс общетеоретических, эмпирических, а также специфических педагогических методов.

Ключевые слова: игрофикация учебного процесса, состязательность, интерактивно-игровая модель обучения, цифровое сопровождение, подготовка специалистов правоохранительной системы

Для цитирования: Кизиллов А. П., Ярмач К. В. Реализация состязательной интерактивно-игровой модели обучения на основе элементов цифрового сопровождения подготовки специалистов правоохранительной системы // Вестник экономической безопасности. 2025. № 2. С. 218–225. <https://doi.org/10.24412/2414-3995-2025-2-218-225>. EDN: OYLHLG.

Original article

Implementation of an adversarial interactive-game model of training based on elements of digital support for training of law enforcement specialists

Alexander P. Kizilov¹, Kirill V. Yarmak²

^{1,2} Moscow University of the Ministry of Internal Affairs of Russia named after V.Ya. Kikot', Moscow, Russia

¹ sasha3319@yandex.ru

² kirill.77@mail.ru, ORCID:0000-0003-4095-264X

Abstract. With all the abundance of existing models of training of specialists for certain areas of activity, the search for scientific thought regarding the search for new and improvement of existing methods of teaching does not stop at all. In this paper we will focus on the training of specialists in the field of law enforcement, within the framework of higher education, as well as improving their qualifications. We consider not just game forms of training, but based on the principles of competitiveness, built with the use of elements of digital support of the educational process. Such a model of learning can be represented by various competitive tests of a competitive nature, based on the need to apply and use previously acquired knowledge, skills and abilities. This study used a set of general theoretical, empirical, and specific pedagogical methods.

Keywords: gamification of the educational process, adversarial nature, interactive-game model of training, digital support, training of law enforcement specialists

For citation: Kizilov A. P., Yarmak K. V. Implementation of an adversarial interactive-game model of training based on elements of digital support for training of law enforcement specialists. Bulletin of economic security. 2025;(2):218–25. (In Russ.). <https://doi.org/10.24412/2414-3995-2025-2-218-225>. EDN: OYLHLG.

© Кизиллов А. П., Ярмач К. В., 2025

Введение

Исследователи и практики находятся в постоянном поиске новых актуальных моделей обучения, несмотря на кажущуюся проработанность данного вопроса в педагогической науке. Рассматриваются и альтернативные подходы к классификации моделей обучения, сложившиеся в теориях, в том числе и зарубежной педагогики [2]. Рассматриваются и анализируются и российские образовательные парадигмы в свете широкого спектра образовательных концепций и педагогических технологий [3].

Игровые методики организации учебных занятий постепенно интегрируются в образовательный процесс вузов, в том числе системы МВД России. Они становятся предметом научных исследований ряда авторов. В своих работах ими проводится анализ термина «геймификация» и подходы различных авторов к определению данного термина, выделены основные критерии внедрения геймификации в учебный процесс ведомственной образовательной организации [16].

Так можем встретить различные примеры внедрения метода геймификации в образовательный процесс. Сотрудники Барнаульского юридического института МВД России раскрывают основные черты геймификации на примере применения игровых методов, внедренных кафедрой «Тактико-специальной подготовки» [12].

За счет игровой формы у курсантов и слушателей формируются необходимые для дальнейшего продуктивного вовлечения в учебу базовые психологические и физические качества [13]. В дальнейшем это позволяет добиться высокого результата усвоения учебного материала и формирования отдельных практических навыков.

Представляется любопытным монографическое исследование, направленное на изучение вопросов повышения эффективности систем электронного обучения персонала за счет применения учебных курсов с интегрированными событийно-ориентированными игровыми механиками [7].

Ранее в своих работах мы также останавливались на формирующемся в последнее время образовательных организациях МВД России тренде на использование игровых форм обучения, которые представлены в качестве инновационных образовательных технологий [17].

Различные концепции обучения, применяемые к тем или иным обучающимся способны оказывать разный эффект и иметь разную эффективность [5; 18], что обуславливает актуальность данного исследования.

Рассматривая использование игровых и интерактивных моделей обучения, построенных на принципе состязательности, при подготовке специалистов правоохранительной системы, мы будем опираться, в том числе, на позицию Попкова В. А. и Коржуева А. В, которые в контексте потребности эволюционного развития современных методик образования в высшей школе, придерживаются необходимости перехода от информативных к активным методам и формам обучения – через

включение в учебную деятельность элементов проблематизации, научного поиска и разнообразных форм самостоятельной работы (переход от школы воспроизведения к школе понимания, школе мышления) [9].

Анализируя основные подходы современного образования к игровым моделям обучения, можно прийти к выводу, что под ними следует понимать совокупность способов организации процесса передачи нового знания или закрепления изученного материала в игровой, развлекательной и неназидательной форме [1; 8; 10].

Встречаем исследования, проведенные в форме социально-философского анализа игровых элементов. Авторы рассматривают «игроизацию» в виде дополнительных образовательных элементов (ритуалов, правила и пр.) [11]. При этом ряд авторов настаивают на целенаправленном обучении педагогов применению указанным методик для равномерного развития структурных компонентов игротехнической компетентности [6; 20].

В то же время, учитывая современное активное развитие информационных технологий, вопросы применения интерактивных моделей в образовательной деятельности становится крайне актуальным. При этом мы считаем, что совокупное использование игровых моделей вместе с интерактивными позволяет обеспечить максимальное вовлечение обучающихся в процесс изучения предлагаемого материала и максимальное его усвоение за счет использования эмоциональной окраски приобретаемых навыков, знаний и умений. При этом мы несколько не умоляем заслуг классических моделей преподавания и считаем, что их комбинированное использование наряду с вышеуказанными моделями позволит соблюсти оптимальный баланс вдумчивого и глубоко осмысления предложенных тематик с применением полученных знаний в контексте тех или иных обучающих разновидностей игры.

Создавая интеллектуально-научный мост между прошлым и настоящим считаем уместным обратиться к позиции Я. А. Каменского, который еще в XVII в. определил качество успешности обучения при наличии и степени развития трех обязательных элементов – разума (уровня интеллектуального развития), чувственного восприятия (наличие интереса к предмету изучения) и веры (религиозное воспитание помноженное на ощущение необходимости получения новых знаний ввиду их последующей пользы для индивида) [14]. Представляется, что подобный подход является, по большей части, достаточно истинным и несколько не утратил своей актуальности и в современных реалиях.

Исследуя различные труды в области интерактивных методик преподавания, можно подытожить, что под ними следует понимать те или иные способы познания, осуществляемые в формах совместной деятельности обучающихся, где все участники образовательного процесса (или группы, определенные педагогом) взаимодействуют друг с другом, обмениваясь информацией или мнениями; совместно или последовательно решают

возникающие в процессе решения той или иной задачи проблемы; моделируют ситуации; оценивают действия участников и свое собственное поведение; погружаются в реальную атмосферу делового сотрудничества по разрешению проблем, с желательным использованием технических устройств фиксации, воспроизведения и передачи информации [4; 15; 19].

Анализируя изложенные концепции игровых и интерактивных моделей обучения, можно обнаружить в их внутренней и содержательной сути много общего. Ввиду чего нами они будут рассматриваться в единстве и симбиозе их использования, так как считаем, что именно таким образом может наиболее эффективно достигаться цель освоения необходимых навыков, знаний и умений у обучающихся в высших учебных заведениях по прикладным специальностям и направлениям подготовки.

Методы

При проведении настоящего исследования применялся комплекс методов, объединяющих как общетеоретические (анализ литературных источников и научных публикаций по обозначенной теме с целью систематизации и анализа существующих подходов к обучению сотрудников ОВД, моделирование теоретических моделей взаимодействия участников), эмпирические (наблюдение за процессом обучения с применением игровой модели, фиксация результатов и поведения участников; проведение экспериментов с участием курсантов и слушателей, а также последующее их интервьюирование), так и специфические педагогические методы.

Статистические методы применены для анализа собранных данных, а контент-анализ содержания учебных материалов и игровых сценариев и отзывов участников позволил выявить ключевые факторы успеха. Игровые методы предполагали создание сценариев для состязательных игровых форм, направленных на развитие профессиональных навыков сотрудников правоохранительных органов. Вовлечение обучающихся в разработку собственных игровых сценариев и их реализацию в процессе обучения реализовывалось с использованием метода проектов. Оценка эффективности игровых элементов направлена на исследование их влияния на уровень мотивации в ходе обучения с использованием игровой модели.

Результаты

Предлагаемая нами интерактивно-игровая модель обучения, с применением технических средств, построенная на принципе состязательности, позволяет в первую очередь самым непосредственным и эффективным образом воздействовать именно на чувственное восприятие изучаемого материала, при этом опираясь и базируясь на фундаменте «разума», как теоретико-интеллектуальной основе.

При этом хочется акцентировать внимание на аспекте важности применения таких элементов цифрового сопровождения, как мультимедийные технические

устройства, позволяющих расширить спектр возможностей применения образовательных методик в контексте их разнообразия (что провоцирует дополнительный интерес со стороны обучающихся, ввиду дополнительной эмоциональной окраски занятия) и повысить эффективность усвоения материала за счет дополнительной сторонней визуализации заданий.

Основные вариации использования интерактивно-игровой модели обучения, с использованием возможностей цифрового сопровождения технических средств, построенной на принципе состязательности, можно разделить на две группы. Первая – интерактивно-наглядная разновидность (где демонстрация заданий происходит на большом экране с целью вовлечения в процесс обучения всех присутствующих лиц); вторая – ограниченно-квестовая разновидность (где в условиях ограниченного пространства (сцена, аудитория, специализированный полигон, центральная часть кабинета и т. д.) происходит реализация обучающимися действий, в рамках сконструированной вводной, направленных на решение конкретной задачи, в ходе чего они демонстрируют свои знания, навыки и умения в правоохранительной сфере. Стоит отметить, что в зависимости от тематики реализации предлагаемой модели обучения, возможно комбинирование указанных выше разновидностей.

На основе имеющегося опыта проведения занятий по предложенной в данном исследовании методике, можем для наглядной их демонстрации предложить несколько возможных вариаций конкурсных испытаний.

Так, говоря об интерактивно-наглядной разновидности, общей интерактивно-игровой модели обучения, построенной на принципе состязательности с использованием элементов цифрового сопровождения учебного процесса, можем, со своей стороны, предложить следующие вариации конкурсных испытаний, где в обязательном порядке необходимо использовать техническое устройство вывода изображения (экран, проектор) в достаточном размере для считывания информации на нем всей аудиторией обучающихся (рис. 1).

1. Интеллектуальные викторины с дифференцированной сложностью вопросов и видовым разнообразием их представления от текстового до видео- и аудиоформатов (пример – изображение А).

2. Поэтапная расшифровка объектов, составляющих предмет изучения обучающихся (пример – изображение Б). Зашифровка возможна в следующих формах:

А. Визуально-реалистичной (когда изображение искомого объекта замыливается, затирается, обозначается в качестве силуэта и т. д.);

Б. Текстовой (поэтапное представление текстовых подсказок, дополняющих раскрытие свойств искомого объекта).

3. Образно-символические головоломки (например, ребусы).

Рис. 1. Примеры вариантов конкурсных испытаний:
 А – викторина с видовым разнообразием и дифференцированной сложностью вопросов;
 Б – расшифровка объектов (ответ – Иван Дмитриевич Путилин);
 В – образно-символические головоломки (ответ – конфиденнт);
 Г – логико-структурные головоломки (ответ – убийство)

4. Логико-структурные головоломки (демонстрация группы структурных элементов различных свойств, связанных между собой определенной логической цепочкой умозаключений, до которой обучающийся должен самостоятельно догадаться, опираясь на ранее полученные знания (пример – изображение № 4).

5. Скоростной опрос (в условиях ограниченно-го времени педагог задает вопросы, подразумевающие конкретные и однозначные (не дискуссионные) ответы, ставящие обучающегося в ситуацию необходимости максимально быстро обращаться к имеющимся знаниям и принимать правильные решения).

Обсуждение

При применении, рассматриваемых методик преподавания, отдельное внимание хочется обратить на необходимость использования принципа состязательности. Его важность заключается в том, что он дает очень высокую эмоциональную окраску, происходящему процессу преподавания и усвоения материала. При этом эмоции варьируются от положительных (радость, веселье, азарт, интерес и т. д.), до негативных (горечь, обида, раздражение, стеснение и т. д.). Причем именно такая плеяда эмоций позволяет процессу обучения становится максимально увлекательным и за счет данного обстоятельства с высокой степенью эффективности откладываться в памяти обучающихся. В то же время, отработанные прикладные профессиональные навыки глубоко и ос-

новательно (иногда на уровне рефлексов) формируются у обучающихся, что, в свою очередь, также способствует достижению целей максимально эффективного усвоения как пройденного учебного материала, так и освоения новых навыков, знаний и умений в процессе применения игровых и интерактивных методик преподавания.

При этом важным аспектом становится правильное совмещение коллективных вариантов состязаний с индивидуальными. Поскольку умение работать и взаимодействовать в коллективе столь же важно, как и способность самостоятельно принимать решения и нести за них ответственность.

Указанные методики в контексте применения принципа состязательности исследованы нами на примере подготовки обучающихся по образовательным программам высшего образования по специальностям и направлениям подготовки в сфере правоохранительной деятельности. Это обусловливается сферой наших профессиональных интересов; возможностью получить большую репрезентативную выборку; возможностями проверить указанные методики на практике и сделать выводы об их эффективности; высокой вариативностью использования рассматриваемых образовательных моделей по учебным специальностям данной области; прикладным характером правоохранительных специальностей. По нашим наблюдениям, максимальную эф-

фективность интерактивно-игровые модели обучения себя демонстрируют при подготовке будущих сотрудников оперативных подразделений, следственных органов, органов дознания, подразделений по обеспечению общественного порядка и т. д.

В предлагаемой нами интерактивно-игровой концепции проведения части практических занятий, построенных на принципе состязательности необходимо соблюдать четкий баланс интеллектуальной и развлекательной составляющих, где приоритет стоит отдавать именно интеллектуальной составляющей. В то же время не стоит игнорировать развлекательную часть данной обучающей концепции, поскольку это повлечет за собой снижение эмоциональной окраски происходящего у достаточно большого количества обучающихся, что, в свою очередь, негативным образом скажется на эффективности усвоения материала.

Предлагаемая интерактивно-игровая концепция, независимо от количества вовлеченных на том или ином этапе занятия задействованных лиц от общего числа учебной группы, должна обеспечивать вовлечение всех ее членов в происходящее действо, если не в качестве активных участников, то в качестве зрителей. Для этого педагогом должны быть обеспечены надлежащие условия восприятия происходящего занятия всеми обучающимися в группе. Для этого рекомендуется реализовывать интерактивно-игровые учебные модели, построенные на принципе состязательности в центре учебной аудитории или полигона. Концепция состязательности в должной мере способна себя проявить при надлежащем уровне азарта. При этом педагог должен четко контролировать этот уровень с целью недопущения переизбытка эмоций, которые способны притуплять функции мозга по интеллектуальному познанию действительности, при превалировании эмоциональной составляющей.

Самый простой и эффективный способ обеспечения состязательности при реализации исследуемой образовательной модели мы видим в оценке эффективности решения поставленных перед обучающимися задач, с помощью оценок. Конечно, личный авторитет преподавателя тоже не стоит списывать со счетов, который может себя проявлять в похвале или указании на ошибки обучающихся, однако именно получение оценки по итогу занятия способно поддерживать необходимый уровень стремления и бодрить обучающегося на протяжении всего периода. При этом критерии оцениваемости должны быть обозначены педагогом в самом начале занятия, чтобы служить неким стимулом у обучающихся. Не рекомендуется оценивать участников на неудовлетворительные оценки (если только в самых крайних случаях, когда ими всячески демонстрируется нежелание участвовать в учебном процессе). Оценивать ли только победителей на отличные оценки, или дифференцировать участников по категориям – отлично, хорошо и удовлетворительно, – все это остается на усмотрение преподавателя в зависимости от его видения учебного

процесса, а также изучаемой темы или особенностей учебной группы. В случае дифференцированного подхода к оценке участников необходимо ориентироваться на количество правильных ответов, данных ими или командой. За критерий дифференцирования можно применять время, затраченное на выполнение задания или количество найденных объектов.

То есть необходимо ориентироваться на такие показатели, которые легко могут быть подвергнуты разграничению. Для этого преподавателю следует на протяжении занятия вести подсчет баллов (очков), которые в последующем и могут быть переведены в оценки. Во время занятия, проводимого в подобной форме, рекомендуется не объявлять промежуточные результаты обучающимся для сохранения интриги до конца конкурсного задания (испытания). При этом в рамках одного учебного занятия может быть реализовано одно или несколько конкурсных заданий, где по результатам оценки общего количества правильных ответов или количеству выигранных конкурсных заданий, выставляется оценка отдельно обучающимся или команде в общем, если задания выполнялись в ее составе.

В то же время преподаватель должен обладать высоким уровнем авторитета в учебной группе, ввиду чего подобные методики рекомендуется применять в первую очередь там, где он уже провел хотя бы некоторое количество занятий и обучающиеся с ним знакомы. При этом предлагаемые педагогом решения заданий, в рамках рассматриваемой учебной модели, не должны носить дискуссионный характер. Ответы на поставленные вопросы должны быть четкие и конкретные без возможности использования витиеватых формулировок. Это все необходимо для наличия ощущения справедливости у обучающихся при оценке их ответов, поскольку при игнорировании данного условия может возникать большое количество конфликтных ситуаций, отвлекающих учеников от сути учебного процесса и заставляющих их акцентировать внимание на качестве и правильности оценки педагогом, продемонстрированных ими навыков, знаний и умений.

Ограниченно-квестовая разновидность общей интерактивно-игровой модели обучения, с применением технических средств, построенной на принципе состязательности, может быть представлена различными конкурсными испытаниями соревновательного характера, опирающимися на необходимость применения и использования полученных ранее знаний, умений и навыков в форме выполнения соответствующей последовательности действий, способной привести к правильному ответу или решению поставленной преподавателем задачи.

Относительно особенностей подготовки специалистов правоохранительной системы, следует обратить внимание, что рассматриваемая разновидность предложенной модели должна определяться необходимостью имитации с максимальной степенью реалистичности и достоверности их будущей служебной деятельности.

При этом следует обратить внимание на необходимость надлежащего обеспечения необходимым инвентарем; качественного воспроизведения обстановки и условий, в которых будет реализовываться ограниченно-квестовая модель; качественную проработку сценариев соревновательных квестов; введение при необходимости в сценарий персонажей, отыгрывающих ролевые модели, имитирующие действия лиц, с которыми по службе с большой долей вероятности придется сталкиваться обучающимся, при окончании своего обучения и поступлении на службу в практические органы. При этом состязательность может обеспечиваться как параллельным участием соревнующихся обучаемых (или их групп) в одной локации, так и последовательным.

Заключение

Подводя итог проведенному исследованию, посвященному выработке и формулированию интерактивно-игровой модели обучения, с элементов цифрового сопровождения учебного процесса, построенной на принципе состязательности, при подготовке специалистов правоохранительной системы, а также обоснованию ее эффективности, можно констатировать, что, несмотря на то, что мы находимся на начальной стадии разработки его концептуальных основ, тем не менее, совокупность объективных свойств и признаков, изложенных выше, позволяют констатировать правильность и корректность изложенной учебно-педагогической методики.

Список источников

1. Асташова Н. А., Бондырева С. К., Попова О. С. Ресурсы геймификации в образовании: теоретический подход // Образование и наука. 2023. Т. 25, № 1. С. 15–49.
2. Галухин А. В. Опыт классификации моделей обучения в современной зарубежной педагогике // Социально-гуманитарные знания. 2019. № 9. С. 33–51.
3. Егорова Е. В., Лопатухина Т. А. Смена образовательных парадигм в современном российском образовании // Вестник Томского государственного педагогического университета. 2017. № 4 (181). С. 118–122.
4. Екимова К. В., Пирогова А. А. Особенности применения интерактивных методов обучения в профессиональном образовании // Инновационные подходы к решению профессионально-педагогических проблем : Сборник статей по материалам V Всероссийской научно-практической конференции, Нижний Новгород, 01 апреля 2020 года / Мининский университет. Н. Новгород: федеральное государственное бюджетное образовательное учреждение высшего образования «Нижегородский государственный педагогический университет имени Козьмы Минина», 2020. С. 26–29.
5. Иваненко Т. А. Современные концепции обучения, их применение в вузе / Sciences of Europe № 16 (16), 2017, С. 54–56.
6. Игнатъева Е. Ю. Педагог в пространстве игры: игротехническая компетентность педагога // Перспективы науки и образования. 2024. № 1 (67). С. 691–710.
7. Логинов К. В. Метод управления процессом прохождения учебного курса с применением событийно-ориентированных игровых механик : специальность 05.13.10 «Управление в социальных и экономических системах» : диссертация на соискание ученой степени кандидата технических наук, 2021. 169 с.
8. Овсянникова Ю. Н., Осаченко Ю. С., Эннс И. А. Игра как практика образования: феноменологический герменевтический аспект // Вестник Томского государственного университета. 2022. № 485. С. 187–192.
9. Попков В. А., Коржуев А. В. Дидактика высшей школы : учебное пособие. М., 2002.
10. Попов М. Ю. Внедрение игровых моделей в образовательный процесс (на примере КСЕ) / Экспертные институты в XXI веке: цивилизационные и цифровые концепции меняющегося мира // Сборник научных трудов Второй международной научно-практической конференции. Науч. ред. Т. И. Грабельных. Иркутск, 2023. С. 439–441.
11. Ретюнских Л. Т. Игровые сюжеты в образовании: философский дискурс // Вестник Московского университета. Серия 7: Философия. 2024. Т. 48, № 1. С. 110–129.
12. Русских К. Ю. Метод геймификации в образовательном процессе образовательных организаций МВД России // Общество. Экономика. Культура: актуальные проблемы, практика решения : сборник научных статей XII Международной научно-практической конференции, в 2-х ч., Барнаул, 20–21 апреля 2022 года. Том ч. 2. Барнаул : Санкт-Петербургский университет технологий управления и экономики, 2022. С. 101–104.
13. Сергиенко А. С. Использование игровых методов в ходе профессиональной подготовки обучающихся образовательных организаций МВД России // Научный компонент. 2024. № 1 (21). С. 38–41.
14. Фокина А. М. Принципы обучения А.Я. Каменского // Приоритетные научные направления: от теории к практике, 2016, С. 83–88.
15. Хайновский С. Е. Интерактивные методы обучения и их актуальность на сегодняшний день // Педагогический журнал. 2022. Т. 12, № 4-1. С. 296–304.
16. Хорольский В. В., Дудкин Ю. А., Хамитов А. Р., Уланов Н. Д. Применение игрового подхода в обучении курсантов и слушателей ВУЗов системы МВД России // Евразийский юридический журнал. 2024. № 2 (189). С. 447–448.
17. Ярмач К. В. Место цифровизации в структуре современных трендов в отечественной системе подготовки полицейских кадров // Прикладная психология и педагогика. 2024. Т. 9, № 3. С. 139–157.
18. Abitov R., Nizamieva M., Konovalova E. On the statistical indicators of the effectiveness of teaching

methodologies // E3S Web of Conferences Volume 274 (2021) : 2nd International Scientific Conference on Socio-Technical Construction and Civil Engineering (STCCE – 2021), Kazan, 21–28 апреля 2021 года. Vol. 274. France : EDP Sciences, 2021. P. 12007.

19. Kalinina O. N., Shakarova F. D., Yadgarova G. I. The role of interactive teaching methods in the formation of students' professional competence // *Linguistics and Culture Review*. 2021. Vol. 5, № S2. P. 1424–1430.

20. Livak N. S., Portnyagina A. M. Education game development technology training // *Proceedings II International Scientific Conference on Advances in Science, Engineering and Digital Education (ASEDU-II-2021) : Conference Proceedings*, Krasnoyarsk, 28 октября 2021 года. Vol. 2647 A. Krasnoyarsk : AIP PUBLISHING, 2022. P. 30051.

References

1. Astashova N. A., Bondyreva S. K., Popova O. S. Resources of gamification in education: theoretical approach // *Education and Science*. 2023. T. 25, № 1. C. 15–49.

2. Galukhin A. V. Experience of classification of learning models in modern foreign pedagogy // *Social and humanitarian knowledge*. 2019. № 9. C. 33–51.

3. Egorova E. V., Lopatukhina T. A. Change of educational paradigms in modern Russian education // *Tomsk State Pedagogical University Bulletin*. 2017. № 4 (181). C. 118–122.

4. Ekimova K. V., Pirogova A. A. Features of the application of interactive teaching methods in professional education // *Innovative approaches to solving professional-pedagogical problems : Collection of articles on the materials of the V All-Russian scientific-practical conference, Nizhny Novgorod, April 01, 2020 / Mininsky University. N. Novgorod : Federal State Budgetary Educational Institution of Higher Education «Nizhny Novgorod State Pedagogical University named after Kozma Minin», 2020. C. 26–29.*

5. Ivanenko T. A. Modern concepts of teaching, their application in higher education / *Sciences of Europe* № 16 (16), 2017, P. 54–56.

6. Ignatieva E. Y. Pedagogue in the space of the game: game-technical competence of the teacher // *Perspectives of Science and Education*. 2024. № 1 (67). C. 691–710.

7. Loginov K. V. Method of controlling the process of passing the training course with the use of event-driven game mechanics : specialty 05.13.10 «Management in social and economic systems» : dissertation for the degree of Candidate of Technical Sciences, 2021. 169 c.

8. Ovsyannikova Y. N., Osachenko Y. S., Enns I. A. Game as a practice of education: phenomenologic hermeneutic aspect // *Tomsk State University Journal*. 2022. № 485. C. 187–192.

9. Popkov V. A., Korzhuev A. V. Didactics of higher school : Manual. M., 2002.

10. Popov M. Y. Introduction of game models in the educational process (by the example of CSE) / *Expert institutions in the XXI century: civilization and digital concepts of the changing world // Collection of scientific papers of the Second International Scientific and Practical Conference*. Scientific editor T.I. Grabelnykh. Irkutsk, 2023, P. 439–441.

11. Retiunskikh L. T. Game subjects in education: philosophical discourse // *Bulletin of Moscow University. Series 7: Philosophy*. 2024. T. 48, № 1. C. 110–129.

12. Russkikh K. Yu. Method of gamification in the educational process of educational organizations of the Ministry of Internal Affairs of Russia // *Society. Economics. Culture: actual problems, practice of decision : collection of scientific articles XII International Scientific and Practical Conference*, in 2 parts, Barnaul, April 20–21, 2022. Vol. ch. 2. Barnaul: St. Petersburg University of Management Technologies and Economics, 2022. C. 101–104.

13. Sergienko A. S. The use of game methods in the course of professional training of students of educational organizations of the Ministry of Internal Affairs of Russia // *Scientific Component*. 2024. № 1 (21). C. 38–41.

14. Fokina A. M. Principles of teaching A. Y. Kamensky // *Priority scientific directions: from theory to practice*, 2016, P. 83–88.

15. Khainovsky S. E. Interactive teaching methods and their relevance to date // *Pedagogical Journal*. 2022. T. 12, № 4-1. C. 296–304.

16. Khorolskiy V. V., Dudkin Y. A., Khamitov A. R., Ulanov N. D. Application of game approach in the training of cadets and students of higher educational institutions of the system of the Ministry of Internal Affairs of Russia // *Eurasian Law Journal*. 2024. № 2 (189). C. 447–448.

17. Yarmak K. V. Place of digitalization in the structure of modern trends in the domestic system of police training // *Applied Psychology and Pedagogy*. 2024. T. 9, № 3. C. 139–157.

18. Abitov R., Nizamieva M., Konovalova E. On the statistical indicators of the effectiveness of teaching methodologies // *E3S Web of Conferences Volume 274 (2021) : 2nd International Scientific Conference on Socio-Technical Construction and Civil Engineering (STCCE – 2021)*, Kazan, April 21–28, 2021. Vol. 274. France : EDP Sciences, 2021. P. 12007.

19. Kalinina O. N., Shakarova F. D., Yadgarova G. I. The role of interactive teaching methods in the formation of students' professional competence // *Linguistics and Culture Review*. 2021. Vol. 5, № S2.

20. Livak N. S., Portnyagina A. M. Education game development technology training // *Proceedings II International Scientific Conference on Advances in Science, Engineering and Digital Education (ASEDU-II-2021) : Conference Proceedings*, Krasnoyarsk, October 28, 2021. Vol. 2647 A. Krasnoyarsk : AIP PUBLISHING, 2022. P. 30051.

Информация об авторах

А. П. Кизиллов – доцент кафедры оперативно-разыскной деятельности и специальной техники Московского университета МВД России имени В.Я. Кикотя, кандидат юридических наук;

К. В. Ярмак – начальник управления учебно-методической работы Московского университета МВД России имени В.Я. Кикотя, кандидат юридических наук, доцент.

Information about the authors

A. P. Kizilov – Associate Professor of the Department of Operative Investigative Activity and Special Techniques of the Moscow University of the Ministry of Internal Affairs of Russia named after V.Y. Kikot', Candidate of Legal Sciences;

K. V. Yarmak – Head of the Department of Educational and Methodological Work of the Moscow University of the Ministry of Internal Affairs of Russia named after V.Y. Kikot', Candidate of Legal Sciences, Associate Professor.

Вклад авторов

А. П. Кизиллов – формулирование идеи и создание концепции исследования, разработка состязательных аспектов инновационной педагогической методики, сбор литературных источников, организация и проведение педагогического эксперимента, написание исходного текста;

К. В. Ярмак – развитие методологии исследования и разработка модели исследования, разработка аспектов цифрового сопровождения инновационной педагогической методики, анализ и обобщение данных литературы и эмпирического материала, доработка текста, итоговые выводы.

Contribution of the authors

A. P. Kizilov – formulating the idea and creating the research concept, developing adversarial aspects of innovative pedagogical methodology, collecting literature sources, organising and conducting the pedagogical experiment, writing the original text;

K. V. Yarmak – development of research methodology and development of research model, development of digital support aspects of innovative pedagogical methodology, analysis and synthesis of literature data and empirical material, finalising the text, final conclusions.

Вклад авторов: все авторы сделали эквивалентный вклад в подготовку публикации. Авторы заявляют об отсутствии конфликта интересов.

Contribution of the authors: the authors contributed equally to this article. The authors declare no conflicts of interests.

Статья поступила в редакцию 05.02.2025; одобрена после рецензирования 04.03.2025; принята к публикации 31.03.2025.

The article was submitted 05.02.2025; approved after reviewing 04.03.2025; accepted for publication 31.03.2025.

Научная статья

УДК 378

<https://doi.org/10.24412/2414-3995-2025-2-226-236>

EDN: <https://elibrary.ru/mqgspi>

ИПОН: 2015-0066-2/25-242

MOSURED: 77/27-011-2025-02-441

Особенности работы инспектора по делам по несовершеннолетним по профилактике буллинга

Ольга Викторовна Свиная¹, Сергей Николаевич Тихомиров²

^{1,2} Московский университет МВД России имени В.Я. Кикотя, Москва, Россия

¹ olga.svinareva@mail.ru, AuthorID: 789392

² 5103720@gmail.com, AuthorID: 451471

Аннотация. Рассматриваются проблемы возникновения и профилактики буллинга в образовательных организациях среднего образования, как общественно опасного явления. Даны определения, классификация буллинга, раскрыты участники данного явления, причины и условия возникновения и развития. Охарактеризовано современное состояние проблемы буллинга, законодательное регулирование, система профилактики и ее субъекты. Отдельным направлением профилактики является работа органов внутренних дел, и, в частности, инспектора по делам несовершеннолетних, как их представителя. Приведены проблемы взаимодействия с образовательными организациями, предложены пути решения. Рассмотрены результаты эксперимента по профилактике буллинга инспектором по делам несовершеннолетних во взаимодействии с образовательной организацией на примере специально разработанной программы. Эксперимент проведен на базе образовательной организации среднего образования среди обучающихся 8 классов. Первоначальный этап изучения показал наличие проблем в коллективах. В процессе реализации разработанной инспектором по делам несовершеннолетних программы профилактики буллинга, проведенной в течение 3 месяцев с обучающимися в экспериментальной группе, были получены результаты, свидетельствующие о снижении напряженности, пересмотре своих взглядов обучающимися, возникновении интереса к развитию. В контрольной группе ситуация осталась без изменений, наоборот наблюдались предпосылки к росту напряженности в коллективе. Приведены практические рекомендации педагогическому составу по профилактике буллинга во взаимодействии с сотрудниками инспекции по делам несовершеннолетних органов внутренних дел Российской Федерации.

Ключевые слова: буллинг, образовательные организации среднего образования, педагогический процесс, профилактика

Для цитирования: Свиная О. В., Тихомиров С. Н. Особенности работы инспектора по делам по несовершеннолетним по профилактике буллинга // Вестник экономической безопасности. 2025. № 2. С. 226–236. <https://doi.org/10.24412/2414-3995-2025-2-226-236>. EDN: MQGSP1.

Original article

Features of the work of the juvenile affairs inspector for the prevention of bullying

Olga V. Svinareva¹, Sergey N. Tikhomirov²

^{1,2} Moscow University of the Ministry of Internal Affairs of Russia named after V.Ya. Kikot', Moscow, Russia

¹ olga.svinareva@mail.ru, AuthorID: 789392

² 5103720@gmail.com, AuthorID: 451471

Abstract. The problems of the occurrence and prevention of bullying in educational institutions of secondary education as a socially dangerous phenomenon are considered. The definitions and classification of bullying are given, the participants of this phenomenon, the causes and conditions of its occurrence and development are revealed. The current state of the bullying problem, legislative regulation, the prevention system and its subjects are characterized. A separate area of prevention is the work of the internal affairs bodies, and, in particular, the juvenile affairs inspector, as their representative. The problems of interaction with educational organizations are presented, and solutions are proposed. The results of an experiment on the prevention of bullying by an inspector of juvenile affairs in cooperation with an educational organization are considered using the example of a specially developed program. The experiment was conducted on the basis of an educational organization of

© Свиная О. В., Тихомиров С. Н., 2025

secondary education among 8th grade students. The initial stage of the study showed the presence of problems in the teams. During the implementation of the bullying prevention program developed by the juvenile affairs inspector, conducted for 3 months with students in the experimental group, results were obtained indicating a decrease in tension, a revision of their views by students, and an interest in development. In the control group, the situation remained unchanged, on the contrary, there were prerequisites for an increase in tension in the team. Practical recommendations are given to the teaching staff on the prevention of bullying in cooperation with employees of the juvenile affairs inspectorate of the internal affairs bodies of the Russian Federation.

Keywords: bullying, educational organizations of secondary education, pedagogical process, prevention

For citation: Svinareva O. V., Tikhomirov S. N. Features of the work of the juvenile affairs inspector for the prevention of bullying. Bulletin of economic security. 2025;(2):226–36. (In Russ.). <https://doi.org/10.24412/2414-3995-2025-2-226-236>. EDN: MQGSPI.

Введение

Проблема профилактики буллинга продолжает оставаться актуальной, поскольку современное общество содержит много опасностей и угроз, как в реальном, так и виртуальном мире, которые требуют от личности разумной осторожности, бдительности, знаний в правовой сфере. Буллинг является серьезной проблемой, с которой сталкиваются дети и подростки в современном обществе. Особенно остро она проявляется в образовательных учреждениях, где несовершеннолетние проводят большую часть своего времени. Проявление буллинга ведет к формированию отрицательных установок детей и подростков, выражается в их антиобщественном поведении, способствует образованию групп несовершеннолетних отрицательной направленности.

Изучение проблемы буллинга началось в XX в. и продолжается в настоящее время. Данное явление рассматривалось в трудах зарубежных отечественных педагогов и психологов по вопросам буллинга, в частности, определено понятие «буллинг» (К. Дьюкс, Д. Олвеус, Р. Каталано, К. Д. Хоукинс, Е. Роланд, О. М. Дорошенко) [1, с. 67], и приведена его классификация (Д. А. Лэйн, П. К. Смит, И. Витни, А. В. Тельминова, Н. Я. Сайгушев, О. А. Веденеева, А. А. Царан, Ю. А. Простакишина), выявлены причины возникновения (Д. Олвеус, Ю. С. Вторушина, С. В. Митрухина, Е. Н. Власова, В. П. Антонов, Е. А. Башмакова, И. Г. Евсеева), изучены участники буллинга (В. Бесаг, В. Р. Петросянц, А. А. Нестерова, Т. Г. Гришина, М. Л. Тарасенко, А. И. Павлишак, А. А. Реан), и рассмотрены его последствия (А. В. Журавлева, Г. Н. Артемьева, Э. И. Шафиева, К. Б. Муротмусаев) [2, с. 233].

Тем не менее, продолжают оставаться открытыми проблемы профилактики данного явления, связанные с развитием общества, в том числе, активным использованием информационных технологий. Данное явление по-прежнему наблюдается среди обучающихся образовательных организаций среднего образования. Следует отметить, что в большинстве своем, действия связанные с буллингом, не предусматривают уголовную или административную ответственность лиц, их совершающих (отсутствие прямых законодательных ограничений, либо возраста наступления ответственности). В то же время, наблюдается взаимосвязь буллинга с общим количеством правонарушений, совершаемых несовершенно-

летними. За последнее десятилетие на фоне двукратного снижения количества преступлений (на 54,1 %; с 59,5 тыс. в 2014 г. до 27,3 тыс. в 2023 г.), совершенных несовершеннолетними и числа их участников (на 58,9 %; с 54,3 тыс. в 2014 г. до 22,3 тыс. в 2023 г.), поступательно сокращалось количество выявленных и поставленных на профилактический учет лиц в возрасте до 18 лет. Соразмерно уменьшался массив состоящих на профилактическом учете органов внутренних дел подростков (-38,2 %; с 159 тыс. в 2014 г. до 98,2 тыс. в 2023 г.). В 2024 г. 55 % (62 603) несовершеннолетних, из общего числа взятых органами внутренних дел на контроль (113 901), были поставлены на профилактический учет за совершение административных правонарушений, в 8,7 % (или 9 903) случаях – преступлений, 12,6 % (или 14 399) – общественно опасных деяний до достижения возраста привлечения к уголовной ответственности [3].

Решение проблемы буллинга в общеобразовательных организациях предполагает комплексный подход и затрагивает педагогические, психолого-педагогические, социологические, юридические и другие области знаний.

Важными направлениями в исследовании проблем профилактики буллинга в образовательных организациях, является деятельность субъектов профилактики и выработка мер профилактики. В наименьшей степени изучена работа инспекторов по делам несовершеннолетних органов внутренних дел МВД России по данному направлению.

В этой связи, целью исследования является разработка и апробация комплекса мероприятий проводимых инспектором по делам несовершеннолетних по профилактике буллинга в условиях общеобразовательной организации. Для достижения цели обозначены следующие задачи:

- 1) на основе комплексного анализа литературы рассмотреть понятие «буллинг» в различных отраслях гуманитарного знания;

- 2) проанализировать профилактическую работу инспектора ПДН в общеобразовательных организациях и определить сущность его работы в сфере профилактики буллинга;

- 3) разработать и апробировать профилактическую программу «Школа дружбы и уважения»;

4) предложить педагогические рекомендации общеобразовательным организациям по профилактике буллинга в школьной среде.

Отмечается эффективность данной работы в рамках межведомственного взаимодействия субъектов профилактики правонарушений несовершеннолетних в ходе реализации комплекса профилактических мероприятий (педагогическая программа «Школа дружбы и уважения»).

Для получения результата применялись следующие методы:

1. Теоретические методы исследования – анализ, обобщение, сравнение, индукция.

2. Эмпирические методы исследования – наблюдение, изучение педагогического опыта, анкетирование, изучение продуктов педагогической и творческой деятельности.

3. Математические методы исследования – измерение, сравнение, интерпретация.

Исследование проведено на базе муниципального автономного общеобразовательного учреждения городского округа Долгопрудный средней общеобразовательной школы №6 имени Героя Советского Союза Н. Ф. Гастелло (далее – МАОУ г. о. Долгопрудный СОШ № 6 имени Героя Советского Союза Н. Ф. Гастелло).

Практическая значимость исследования заключается в том, что выводы и результаты исследования, а также разработанные рекомендации могут использоваться в общеобразовательных организациях в целях формирования уважительного отношения среди детей и подростков, а также предотвращения буллинга среди школьников.

Значимость изучения темы буллинга заключается в том, что данное явление широко распространено в современном обществе и оказывает негативное влияние на различные сферы жизни людей, особенно подростков и детей.

Буллинг – это агрессивное преследование и издевательство над одним из членов коллектива со стороны другого, но также часто группы лиц, не обязательно из одного формального или признаваемого другими коллектива. Особо актуальна данная проблема у детей подросткового возраста (11–17 лет), когда наступает переходный период. В физиологическом плане подросток переживает половое созревание, в социальном плане переходный период характеризуется продолжением первичной стадии социализации. Поэтому проявление буллинга является следствием не только психофизических особенностей, но и связана также с особенностями принятия подростком своего социального статуса, места и роли в системе социальных отношений, положения в семье, а также зависит и от особенностей окружения подростка. Семья, соседи, одноклассники и друзья – референтные группы, которые могут негативно повлиять на психику подростка, сформировать у него антисоциальную установку личности. Такое воздействие на несовершеннолетнего может побудить у него желание сна-

чала травить других детей и подростков, а как следствие совершать правонарушение, либо усилит вероятность стать его жертвой [4, с. 32].

Явление буллинга выступает как совокупность проблем, которые обычно связаны с психологическими процессами, воздействием педагогических факторов и др. Достаточно важным аспектом в данном определении является длительность процесса, указывающая на системность паттернов насилия во времени. Особенно важным аспектом, выявленным в исследованиях, является факт того, что примерно 7 % девочек и 12 % мальчиков сами становятся инициаторами травли, выступая в роли агрессоров. Дети участвуют в процессе задирания сверстников.

Буллинг, или травля, представляет собой специфический тип агрессивного поведения, который отличается рядом характерных особенностей. Во-первых, он отличается повторяемостью и систематичностью. Во-вторых, он характеризуется неравенством сил и ресурсов между агрессором и жертвой. Наконец, жертва не имеет возможности покинуть ситуацию травли по объективным или субъективным причинам.

Исследования психологов А. А. Реана и А. А. Ставцева показали, что в процессе травли происходит формирование иерархической структуры и выделяются следующие роли [5, с. 43–45].

Агрессор – основной инициатор насилия, запугивания или физического причинения вреда.

Поддерживающие агрессора – лица, которые активно помогают агрессору в травле или подстрекают его к агрессивному поведению.

Жертва – лицо, которое подвергается травле или систематическому насилию.

Свидетели – лица, наблюдающие за травлей, но не принимающие в ней непосредственного участия.

Защитники – лица, которые берут на себя защиту жертвы или выступают против буллинга.

Отличительные черты буллинга определяются как систематизированные формы агрессивного поведения, которые проявляются в длительном насилии в отношении индивида, сопровождаемом намеренным стремлением агрессора контролировать, уничтожать, подавлять жертву. Характеристики буллинга достаточно часто включают стратегии, например, вербальные угрозы, физическое насилие, социальное исключение, а также психологические манипуляции, направленные на создание негативных последствий для пострадавших [6, с. 52].

Отличительной чертой буллинга также является долговременный характер, подразумевающий повторяемость действий агрессора, что в совокупности с длительностью процесса создает устойчивый паттерн насилия.

При этом буллинг приобретает различные формы в зависимости от социокультурного фактора, но общей чертой является умышленное причинение вреда жертве в течение продолжительного периода времени, которое отличает его от случайных или же, например, изолиро-

ванных актов агрессии. Буллинг является преднамеренным актом, то есть он осуществляется сознательно, с намерением причинить вред другому человеку. Буллинг не имеет тенденции к самопрекращению. Данное явление требует вмешательства со стороны окружающих, поскольку обладает инерцией, может продолжаться, оказывая вред участникам [7, с. 407].

Буллинг оказывает значительное негативное влияние на всех участников данного социального взаимодействия. У жертв часто наблюдаются психологические проблемы, такие как тревожность, депрессия, низкая самооценка и склонность к суициду. Агрессоры также сталкиваются с такими проблемами, как агрессивность, антисоциальное поведение и снижение эмпатии. Свидетели травли могут испытывать чувство вины и беспомощности, что негативно влияет на их собственное психическое благополучие.

В. Р. Петросянц анализирует факторы, определяющие выбор роли в ситуации буллинга, акцентируя внимание на личностных особенностях. В соответствии с его гипотезой, жертвы буллинга характеризуются низким уровнем самоуважения, недостатком самопринятия, выраженным самообвинением. У преследователей выявляются такие черты, как позитивное самоотношение, высокий уровень самоуважения, сильное самопринятие, высокая самооценка, а также выраженная зависимость от группы и т. д.

Следовательно, на основе выводов В. Р. Петросянц, можно выделить важность индивидуальных психологических характеристик в формировании динамики буллинга. Низкое самоуважение, самопринятие жертв, а также высокий уровень зависимости от группы у преследователей становятся наиболее важными факторами в выборе ролей [8, с. 186–187].

В Российской Федерации установлено законодательное обеспечение права обучающихся на защиту от всех проявлений физического и психического насилия. Данная норма закреплена в Федеральном законе № 273-ФЗ «Об образовании в Российской Федерации» от 29 декабря 2012 г. Согласно данному закону, обучающиеся обладают правом на защиту от всех форм физического, а также психического насилия в образовательной среде. Указанное положение выделяет важность обеспечения безопасности, а также поддерживает принцип невмешательства в личные права обучающихся.

Можно сделать вывод о том, что данное законодательство выражает стремление к созданию образовательных условий, обеспечивающих не только качественное обучение, но и защиту благополучия обучающихся, соответствуя принципам прав человека, принципам современной образовательной политики и др.

Школа, в качестве учреждения, осуществляющего основные функции по формированию личности, несет ответственность за обеспечение безопасности обучающихся в течение времени их пребывания в учебной организации.

Федеральный закон от 24 июня 1999 г. № 120 «Об основах системы профилактики безнадзорности и правонарушений несовершеннолетних». Данный федеральный закон устанавливает основы системы профилактики безнадзорности, правонарушений несовершеннолетних. Его положения направлены на обеспечение защиты интересов детей, предупреждение, противодействие безнадзорности, а также разработку мероприятий по профилактике правонарушений среди детей и подростков.

Рассматриваемая обязанность закреплена в Федеральном законе № 273-ФЗ «Об образовании в Российской Федерации» в п. 8 ч. 1 ст. 41. Согласно вышеупомянутому нормативному акту, общеобразовательное учреждение, обязано гарантировать безопасные условия пребывания детей в образовательной организации. То есть, подразумевается не только организация образовательного процесса, но и обеспечение защиты обучающихся от потенциальных опасностей.

Помимо норм административного и гражданского законодательства, в ответ на обеспокоенность, вызванную «суицидальными пабликами» в социальной сети «ВКонтакте», в 2017 г. в Уголовный кодекс Российской Федерации были внесены поправки в виде статей 110.1 и 110.2, а также внесены изменения в ст. 110. Главное направление изменений, прежде всего, направлено на обеспечение защиты детей от психологического воздействия, приводящего к суицидальным действиям, в том числе в онлайн-среде.

Новые нормативные положения призваны противостоять явлениям, которые оказывают негативное воздействие на психическое состояние детей, особенно в интернет-пространстве. Статьи 110.1 и 110.2 Уголовного кодекса РФ устанавливают ответственность за действия, направленные на подстрекательство к суициду, обеспечивая правовой механизм для пресечения воздействий, защиты уязвимых групп, в данном случае детей, от потенциальных вредных воздействий в виртуальном пространстве.

В связи с проблемой травли в школьном обществе принимаются меры, включая комплекс многоступенчатых подходов. Рассматриваемые меры включают проведение индивидуальных интервью с нарушителями, организацию групповых занятий с целью поиска конструктивных решений для разрешения конфликта и т. д.

Использование индивидуальных интервью с нарушителями направлено на понимание мотиваций, факторов, способствующих травле, а также на выработку индивидуальных стратегий вмешательства. Групповые занятия, в свою очередь, ориентированы на обсуждение проблемы и поиск коллективных решений, способствующих созданию безопасной образовательной среды, свободной от травли. Рассмотренные меры взаимодействуют друг друга в рамках комплексного подхода к борьбе с проблемой травли в общеобразовательных учреждениях.

Помимо этого, негативные последствия буллинга на психологическое благополучие детей и подростков

приводят к серьезным эмоциональным последствиям, включая возможность развития суицидальных мыслей. Исследования в области психологии подчеркивают то, что длительное воздействие буллинга оказывает воздействие на психическое здоровье жертв, в частности, увеличивая вероятность развития депрессии, тревожных расстройств и т. д.

В сфере буллинга и суицидальных тенденций у детей и подростков, существует ряд исследований, которые демонстрируют связь между опытом жертвы буллинга и повышенным риском суицидального поведения [9, с. 29]. Психологические механизмы связи включают чувство социальной изоляции, беспомощности, а также нарушение психосоциальной адаптации и др. Перечисленные факторы, в совокупности с негативными эмоциональными последствиями, создают условия для возникновения суицидальных рисков у детей и подростков.

Основным субъектом профилактики буллинга являются общеобразовательные учреждения. Им предоставляется задача внедрения стратегий по формированию безопасной, поддерживающей среды, а также обеспечения обучающихся и персонала необходимыми знаниями в сфере противодействия и т. д.

Учителя и педагогический персонал также являются одними из самых важных субъектов профилактики буллинга – исполнителями профилактических мер. Их задачи включают в себя выявление случаев буллинга, оказание помощи пострадавшим, проведение образовательной работы с учащимися, содействие в формировании межличностного климата в учебном заведении и др.

Родители играют не менее важную роль в профилактике. Их деятельность включает внимательное отслеживание изменений в поведении детей, обучение социальным навыкам, а также взаимодействие с учебными заведениями, другими родителями для поддержки общих усилий по противодействию буллингу.

Государственные органы, общественные организации ведут деятельность по созданию нормативных баз, направленных на борьбу с буллингом. Помимо этого, они оказывают поддержку программам в данной области.

Органы системы профилактики безнадзорности и правонарушений несовершеннолетних, в число которых входят комиссии по делам несовершеннолетних и защите их прав, органы управления социальной защитой населения, федеральные органы государственной власти и органы государственной власти субъектов Российской Федерации, осуществляющие государственное управление в сфере образования, и органы местного самоуправления, осуществляющие управление в сфере образования, органы опеки и попечительства, органы по делам молодежи, органы управления здравоохранением, органы службы занятости, органы внутренних дел, учреждения уголовно-исполнительной системы.

Специалисты в сферах психологии оказывают помощь в выявлении, а также, что более важно – психологической поддержке пострадавших от буллинга, про-

водят консультации для образовательных учреждений, родителей.

Следовательно, система профилактики буллинга состоит из нескольких основных субъектов, чья совместная деятельность направлена на создание безопасного образовательного пространства.

Органы внутренних дел Российской Федерации (ОВД РФ) имеют прямое значение в осуществлении мер по предотвращению случаев буллинга (травли) в общеобразовательных организациях среди несовершеннолетних. Сотрудники полиции занимаются анализом материалов, касающихся различных правонарушений, совершенных несовершеннолетними в учебных заведениях (инциденты насилия, включая случаи физических воздействий, однако, в большинстве случаев, подобные конфликты стремятся разрешать на уровне образовательных учреждений) [10, с. 23].

Сотрудники полиции, осуществляющие деятельность в рамках ОВД РФ, взаимодействуют с образовательными учреждениями для того, чтобы реагировать на проявления травли, предупреждать подобные инциденты и т. д.

Необходимо отметить то, что, несмотря на возможность привлечения полиции к рассмотрению фактов травли и преступлений, органы внутренних дел достаточно часто сосредотачиваются на сотрудничестве с образовательными учреждениями, разрешении подобных конфликтов на их уровне.

В рамках взаимодействия с образовательными учреждениями информационно-просветительская деятельность реализуется путем проведения лекций, бесед, тематических выступлений с субъектами образовательного процесса (обучающиеся, законные представители несовершеннолетних, педагоги и др.). Основная цель работы заключается в разъяснении ответственности за буллинг, его последствий, а также в обеспечении безопасного использования Интернета [11, с. 110].

Инспектор по делам несовершеннолетних, закрепленный за образовательным учреждением, представляет сотрудника полиции, в частности подразделения ПДН (подразделение по делам несовершеннолетних). Его профессиональная деятельность направлена на осуществление мер по обеспечению правопорядка, защите прав, интересов несовершеннолетних, а также поддержанию безопасной обстановки в образовательных учреждениях [12].

Обычно, начало взаимодействия с работниками образовательных учреждений приходится на начало учебного года, когда формируется план совместной работы на предстоящий учебный период. Опыт работы Инспекторов свидетельствует о том, что при составлении планов представители администрации учебных заведений не всегда проявляют высокую степень инициативы.

Инспектор регулярно осуществляет исследование образовательной среды с целью выявления потенциальных угроз безопасности, правонарушений, совершаемых несовершеннолетними учащимися. В случае воз-

никновения инцидентов, связанных с нарушением прав несовершеннолетних, инспектор принимает меры по нейтрализации, разрешению ситуации в рамках законодательства. Инспектор взаимодействует с образовательными учреждениями и иными субъектами профилактики буллинга в условиях общеобразовательной организации, осуществляет профилактическую работу среди детей и подростков, направленную на предотвращение правонарушений, сотрудничает с семьями несовершеннолетних.

Социально-педагогическая и административно-правовая деятельность инспектора по делам несовершеннолетних в профилактике буллинга в условиях образовательных учреждений ориентирована на пресечение проявлений насилия среди обучающихся.

Административно-правовая деятельность включает работу по обеспечению соблюдения законодательства в сфере образования и прав детей. Инспектор применяет меры административного воздействия в ответ на проявления буллинга, следит за соблюдением дисциплин в учебных заведениях, вводит меры ответственности в случае необходимости и т.д.

В рассмотрении социально-педагогической и административно-правовой деятельности инспектора по делам несовершеннолетних в профилактике буллинга в общеобразовательной организации выявляются основные моменты, представляющие практическую значимость.

Первым результатом является обоснование интегративного подхода к решению проблемы буллинга. Инспектор, используя сочетание социально-педагогических и административно-правовых мер, формирует комплексную систему профилактики. То есть, совокупное воздействие на различные аспекты проблемы, начиная от образовательной среды, заканчивая юридической защитой, создает механизм противодействия буллингу [13, с. 161].

Следующий аспект заключается в сотрудничестве инспектора с различными структурами (образовательные учреждения, правоохранительные органы, органы системы профилактики безнадзорности и правонарушений несовершеннолетних и др.). Взаимодействие способствует обмену информацией, единообразию подходов, созданию целостной и многосторонней системы профилактики буллинга и т. д. [14, с. 134].

Отметим также значение юридической поддержки, которая выражается в предоставлении помощи по защите прав пострадавших.

Исходя из этого, можно сделать вывод о том, что профилактика буллинга является необходимым аспектом деятельности общеобразовательной организации. Работа в данном направлении должна проводиться не только с классами группы риска, а со всеми возрастными диапазонами в целях предотвращения конфликтных ситуаций и образования коллективной травли. В качестве подтверждения следует привести результаты

апробации программы профилактики буллинга «Школа дружбы и уважения».

Исследование проводилось с целью проверки эффективности разработанной программы мероприятий по профилактике буллинга и улучшению межличностных отношений обучающихся, реализуемой инспектором по делам несовершеннолетних.

Для работы были выбраны два класса – 8 «Б» и 8 «Г». Контрольная группа (8 «Б» класс) количество учащихся – 28 человек (15 мальчиков, 13 девочек); экспериментальная группа (8 «Г» класс) количество учащихся – 27 человек (14 мальчиков, 13 девочек). Возраст обучающихся – 14–15 лет.

Исследование проводилось по следующим основным этапам:

Первый этап – подготовительный (включает в себя разработку программы, выбор учебной группы и места проведения, подготовку раздаточного материала, подготовку к проведению занятий).

Второй этап – опытно-экспериментальный. Он основан на внесении целенаправленных изменений в целостную педагогическую деятельность и рассчитан на получение профилактического эффекта. Данный этап делится на:

констатирующий эксперимент (направлен на диагностику проявлений буллинга в классах на момент начала проведения исследования);

формирующий эксперимент (предполагает воздействие на учеников с целью изменения их состояния в положительную сторону, профилактика и предотвращение буллинга в классе, реализация программы деятельности инспектора ПДН по профилактике буллинга условиях общеобразовательной организации под названием «Школа дружбы и уважения»).

Третий этап – заключительный (включает в себя анализ проведенной работы, обобщение полученных в ходе работы данных, их систематизацию и формулирование выводов).

При исследовании использовались следующие методики [15, с. 32–38; 16, с. 52–57; 17, с. 68–76]:

1. Социально-психологический тест, разработанный Дж. Морено «Социометрия»;
2. Опросник Д. Олвеуса «Буллинг»;
3. Методика диагностики уровня школьной тревожности А. Филлипса;
4. Анкета для учеников, направленная на изучение взаимодействия в классе и уровня склонности детей к буллингу, которая позволит снизить уровень травли в Вашей общеобразовательной организации.

Проведение данных диагностических методик помогло определить контрольную и экспериментальную группы, а также выявить уровень школьной тревожности обучающихся, уровень склонности групп к активному и пассивному буллингу, проведение социометрии помогло определить уровни сплоченности и коммуникации в классах.

Так, в частности, в 8 «Г» классе высокое количество непринятых детей, которых можно отнести к группе риска – 4 обучающихся (15 %), в 8 «Б» классе 2 обучающихся попадают под категорию «непринятые» (7 %). Количество принятых детей в 8 «Б» классе 16 человек (57 %), что больше, чем в 8 «Г» классе – 15 человек (55 %). В 8 «Б» классе наблюдается 4 «звезды» (14 %), так называемых лидера, и 6 предпочитаемых (21 %), а в 8 «Г» классе 3 «звезды» (11 %) и 5 предпочитаемых учеников (19 %).

Можно сделать вывод о том, что сплоченность, коммуникация и более благоприятная обстановка сложилась в 8 «Б» классе который определен контрольным классом.

Вторая диагностическая методика – опросник «Буллинг» позволила выявить, что у большинства учеников 8 «Б» класса активный и пассивный буллинг выражен слабо, при этом у 5 учеников класса пассивный буллинг умеренно выражен – 18 %, а активный буллинг умеренно выражен у 2 учеников класса – 7 % из класса. Критерий «ярко выражен» в случае активного буллинга не выявлен у учеников класса, но при этом этот же критерий в пассивном буллинге обнаружен у 1 ученика из класса – группа риска. Изучение 8 «Г» класса показало, что у 1 человека из класса ярко выражен критерий активного буллинга, пассивный буллинг ярко выражен у 4 представителей класса – 15 %, их можно отнести к группе риска. Умеренно выражен активный буллинг у 3 человек из класса – 11 % и умеренно выражен пассивный буллинг у 5 учеников – 19 %. У остальных детей активный (85 %) и пассивный (67 %) буллинг слабо выражен.

Использование методики диагностики уровня школьной тревожности, позволило выявить, что у 3 учеников 8 «Г» класса уровень тревожности выше 75 % – высокая тревожность (11 %), что может быть связано с результатами вышеуказанных диагностик и неприятием или отвержением в школьном коллективе. В 8 «Б» классе 1 обучающийся с высокой тревожностью (4 %). Повышенная тревожность наблюдается у 7 учеников (25 %) 8 «Б» класса и 6 учеников (22 %) 8 «Г» класса. У остальных учеников 8 классов наблюдается низкий уровень тревожности в школе.

Согласно проведенному анкетированию на выявление фактов буллинга в классных коллективах, установлено, что в контрольной группе (8 «Б» класс) 1/3 часть детей сталкивалась с издевательствами над детьми в классе в форме оскорблений и унижений, при этом 8 детей ответили, что сталкивались с издевательствами по отношению к себе. На вопрос «кто с Вашей точки зрения наиболее подвержен травле?» 4 % ответили «тот, кто беднее», 42 % ответили «любой человек», 20 % учеников ответили «тот, что отличается от других», 6 % учеников ответили «тот, кто имеет отличающееся от других мнение» и 28 % учеников ответили «тот, кто слабее и не может дать отпор».

На вопрос «как Вы реагируете на случаи буллинга, если стали его свидетелем?» 32 % учеников ответили,

что пытаются помочь жертве буллинга, 38 % учеников ответили, что рассказывают родителям, 10 % ответили, что никак не реагируют. Оставшиеся 20 % учеников ответили, что рассказывают учителям или администрации школы. На заключительный вопрос «как Вы считаете, что лично Вы можете сделать, чтобы буллинга в классе стало меньше?» 50 % учеников ответили, что могут помочь жертве, 25 % решили, что могут сами поговорить с обидчиком и решить ситуацию, 5 % ответили, что есть телефон доверия и остальные 20 % решили, что смогут обратиться к классному руководителю, социальному педагогу или другому работнику школы.

В экспериментальной группе (8 «Г» класс) 2/3 детей ответили, что сталкивалась с издевательствами над детьми в классе в форме оскорблений, угроз и унижений. При этом 30 % учеников сталкивались с издевательствами по отношению к себе в форме оскорблений, 10 % учеников – в форме бойкотирования, и 5 % – в форме унижения. На вопрос «кто с Вашей точки зрения наиболее подвержен травле?» 5 % учеников ответили «тот, кто беднее», 45 % учеников ответили «любой человек», 30 % обучающихся ответили «тот, что отличается от других» и 20 % учеников ответили «тот, кто слабее и не может дать отпор». На вопрос «как Вы реагируете на случаи буллинга, если стали его свидетелем?» 30 % ответили, что пытаются помочь жертве буллинга, 10 % обучающихся ответили, что рассказывают родителям, 25 % учеников ответили, что никак не реагируют, 10 % учеников ответили, что им весело за этим наблюдать. Оставшиеся 25 % учеников ответили, что рассказывают учителям или администрации школы. На заключительный вопрос «как Вы считаете, что лично Вы можете сделать, чтобы буллинга в классе стало меньше?» 50 % учеников ответили, что могут помочь жертве, 30 % учеников могут сами поговорить с обидчиком и решить ситуацию и остальные 20 % решили, что смогут обратиться к классному руководителю, социальному педагогу или другому работнику школы.

Таким образом, установлено, что ряд обучающихся экспериментальной группы (8 «Г») безразличен к буллингу и не защитит «жертву», уровень тревожности в экспериментальной группе повышенный, у всех обучающихся присутствует и активное и пассивное выражение буллинга, не все обучающиеся знают, куда обращаться с проблемой травли в коллективе. Все обучающиеся более расположены к конфликтным ситуациям и буллингу.

На основании первичных данных диагностических методик, а также детальной теоретической проработки изучаемой проблематики был разработан и апробирован комплекс мероприятий по профилактике буллинга в условиях общеобразовательной организации «Школа дружбы и уважения» в МАОУ г.о. Долгопрудный СОШ № 6 имени Героя Советского Союза Н.Ф. Гастелло. Комплекс мероприятий направлен на информирование обучающихся о том, что такое буллинг и как с ним справиться; популяризация уважительного поведения

учеников; формирование навыков ответственности за поступки, действия и слова; популяризацию традиционных ценностей; профилактику конфликтов в коллективе, развитие коммуникативных качеств; вовлечение несовершеннолетних в позитивную деятельность, досуговые мероприятия – развитие творческого потенциала подростков. Всего включено 12 число занятий (по 45–60 минут): из которых 8 – с детьми, 4 – с педагогическим составом и родителями. Продолжительность занятий – 3 месяца не менее 3 занятий в месяц.

Этапы: подготовительный (Занятие № 1. Создание благоприятных условий для работы с группой); основной (Занятия № 2–10. Использование разных педагогических методов для проведения занятий. Сплочение коллектива. Снижение уровня склонности к буллингу); заключительный (Занятие № 16. Подведение итогов по всем занятиям).

На основании проведенных занятий, анкетных данных и опроса классного руководителя и учителей-предметников нами была доказана эффективность программы по профилактике буллинга в условиях общеобразовательной организации, так как вторичное проведение диагностических методик показало, что после проведения разработанной нами программы, показатели шкал снизились/повысились до нормального уровня.

В частности, на основании используемых методик получены сведения, что в экспериментальной группе количество непринятых детей уменьшилось до 1 (4 %), а принятых – стало больше (18 обучающихся (67 %)) в то время как контрольной группе количество непринятых увеличилось – 3 ученика (11 %), а принятых – меньше (17 респондентов или 61 %).

У большинства учеников контрольной группы активный и пассивный буллинг выражен слабо, при этом у 5 учеников класса пассивный буллинг умеренно выражен – 18 %, а активный буллинг умеренно выражен у 2 учеников класса – 7 % из класса. Критерий «ярко выражен» в случае активного буллинга не выявлен у учеников класса, но при этом этот же критерий в пассивном буллинге обнаружен у 1 ученика из класса – группа риска.

В экспериментальной группе ни у кого из класса нет критерия «ярко выражен» в стадии активного буллинга, в первичной диагностике у 1 из обучающихся он был. Пассивный буллинг ярко выражен у 1 представителя (4 %), что на 11 % меньше, чем при первичной диагностике. То есть после проведения программы мероприятий в группе риска остался 1 обучающийся, вместо 4. Умеренно выражен активный буллинг наблюдается у 1 респондента из класса (4 %) и умеренно выражен пассивный буллинг у 3 учеников (11 %), что на 7 % меньше, чем при первичной диагностике. У остальных обучающихся активный (96 %), а ранее – 85 %, и пассивный (85 %) буллинг, а ранее – 67 %, слабо выражены.

Уровни высокой тревожности и повышенной тревожности в экспериментальной группе снизились на 7 %, в то время как в контрольной группе – не измени-

лись. У остальных учеников 8 классов наблюдается низкий уровень тревожности в школе, при этом в экспериментальной группе он выше, чем в контрольной (81 % и 68 % соответственно).

При опросе педагогического состава получены сведения, что в классах улучшилась дисциплина, стало меньше нарушителей, на уроках обучающиеся стали проявлять больше активности, при совместной работе наблюдается сплоченность и взаимопомощь, улучшился социально-психологический климат в коллективах.

Было предложены следующие рекомендации педагогическим работникам образовательной организации:

- систематическое проведение профилактических программы для предотвращения буллинга в школе;
- проведение профилактической работы совместно с сотрудниками полиции;
- привлечение специалистов на дополнительные занятия с классом;
- проведение родительских собраний, а также совместных мероприятия с детьми и их родителями;
- вовлечение обучающихся в общественно-полезную деятельность;
- создание условия для открытого общения и доверительных отношений между педагогами и учениками;
- осуществление контроля за общением и поведением детей в школе.

Регулярная, методичная и качественная работа субъектов профилактики правонарушений несовершеннолетних и воспитательного процесса с подрастающим поколением носит положительный результат и снижает уровень стресса и тревожности несовершеннолетних, что в свою очередь снижает вероятность проявлений буллинга в коллективе. Предложенная нами программа не совершенна и требует постоянной доработки, в связи со стремительным изменением нашего общества. Поэтому был предложен ряд рекомендаций для дальнейшей работы, а именно: использовать все многообразие педагогических средств, форм и методов работы; включить в активное взаимодействие инспектора по делам несовершеннолетних и социального педагога школьного, педагога-психолога, а также других экспертов и наставников.

Выводы

Профилактика буллинга – это вопрос комплексный и затрагивает все системы профилактики правонарушений несовершеннолетних и органы межведомственного взаимодействия. Образовательные учреждения играют основную роль в реализации межведомственной профилактики, обеспечивая формирование безопасной среды, а также предоставляя необходимые знания в сфере противодействия девиантному поведению. Педагогический состав школы, в свою очередь, выступает исполнителем профилактических мероприятий, выявляя случаи буллинга.

Государственные органы выполняют роль в создании нормативных баз, программ, направленных на предупреждение буллинга. Их деятельность также включает инициирование исследований в данной обла-

сти. Инспектор ПДН также является одним из ключевых субъектов профилактики буллинга, так как на нем лежит обязанность проведения встреч и профилактических бесед с несовершеннолетними, которые являются способом предотвращения негативных проявлений буллинга в школьной среде.

В содержание профилактики буллинга в общеобразовательных организациях включаются формы и методы, соответствующие психолого-возрастным особенностям подростков, актуальности проведения профилактических мер в данной образовательной среде, а также состоянию семейно-бытовых условий несовершеннолетних.

Для решения проблемы снижения уровня травли в общеобразовательных организациях был решен ряд задач:

1. Изучены теоретические аспекты применения проявления буллинга. Проведен теоретический анализ межведомственной профилактики травли в общеобразовательных организациях. Кроме того, были изучены способы социально-педагогического влияния инспектора ПДН на формирование правильной жизненной позиции несовершеннолетних.

2. Разработана социально-педагогическая программа деятельности инспектора ПДН по профилактике буллинга в условиях общеобразовательной организации «Школа дружбы и уважения», которая поможет решить поставленную проблему и цель выпускной квалификационной работы. Субъекты выполнения программы выбраны следующие: социальный педагог, инспектор ПДН, учителя-предметники. Программа включает в себя беседы, педагогические упражнения разной направленности, анкетирования, а также круглые столы, игры и социальные акции. Такое разнообразие методов, форм и средств позволило добиться поставленных результатов программы.

3. Проведено опытно-экспериментальное исследование по проверке эффективности созданной социально-педагогической программы деятельности инспектора ПДН по профилактике буллинга в условиях общеобразовательной организации, а также проанализированы ее результаты. Подобран диагностический инструмент, позволяющий определить уровень изменений в области склонности к девиантному поведению. Анализ количественных и качественных результатов опытно-экспериментальной работы показал, что задачи научного поиска решены в полном объеме, цель исследования достигнута.

Деятельность инспектора по делам несовершеннолетних по профилактике буллинга в общеобразовательной организации будет эффективна при межведомственном взаимодействии субъектов профилактики правонарушений несовершеннолетних в ходе реализации комплекса профилактических мероприятий (педагогическая программа «Школа дружбы и уважения»), получила свое подтверждение при анализе результатов. Взаимодействие инспектора ПДН и педагогов школы

позволяет проводить качественную профилактику буллинга в общеобразовательной организации.

Список источников

1. Щепочкина Н. С. Комплексный подход к решению проблемы подросткового буллинга // Образование и воспитание. 2023. № 5 (46). С. 67–69.
2. Панкратова И. А. Проблема буллинга и конфликтного поведения в подростковом возрасте // Наука и школа. 2021. № 4. С. 232–242.
3. Состояние преступности 2023–2024 // URL: <https://мвд.рф/reports/item/56672721>
4. Манучарян К. И., Дорофеева Л. В., Кудашова Е. А. Сущность проблемы проявления буллинга // Международный журнал гуманитарных и естественных наук. 2023. № 6-3 (81). С. 31–35.
5. Реан Е. А., Ставцев А. А. Позитивные психологические интервенции как профилактика школьного неблагополучия, агрессии и буллинга // Вопросы образования. 2020. № 3. С. 37–59.
6. Тарасенко М. Л., Павлишак А. И. Исследование взаимосвязи буллинга и агрессивного поведения подростков в образовательной организации // Мир науки. Педагогика и психология. 2022. № 4. С. 51–54.
7. Сухарев И. А. Индивидуально-типологические предикторы виктимизации участников школьного буллинга // Образование и право. 2023. № 5. С. 405–411.
8. Тельминова А. В., Сайгушев Н. Я., Веденеева О. А., Царан А. А. Подготовка будущего учителя к профилактике школьного буллинга // Проблемы современного педагогического образования. 2022. № 75-1. С. 186–189.
9. Нестерова А. А., Гришина Т. Г. Предикторы школьной травли в отношении детей младшего подросткового возраста со стороны сверстников // Вестник Государственного университета просвещения. Серия: Психологические науки. 2018. № 3. С. 29–37.
10. Долгова С. И. О взаимодействии органов внутренних дел российской федерации и субъектов системы профилактики в сфере профилактики травли в образовательных организациях // Ученые записки Казанского юридического института МВД России. 2022. № 2 (14). С. 22–26.
11. Никитская Е. А., Евсеева И. Г. Формы и методы социально-педагогической профилактической работы // Портрет инспектора по делам несовершеннолетних : сборник научных трудов Всероссийской конференции, Москва, 28 мая 2020 года. М. : Московский университет МВД России имени В. Я. Кикотя, 2020. С. 109–112.
12. Приказ МВД России от 15 октября 2013 г. № 845 «Об утверждении Инструкции по организации деятельности подразделений по делам несовершеннолетних органов внутренних дел Российской Федерации» // URL: <https://www.consultant.ru/>
13. Брылева Ю. А., Таничева Е. Д., Окина М. В. Разработка программы по предупреждению агрессивного поведения среди несовершеннолетних // Горизон-

ты и риски развития образования в условиях системных изменений и цифровизации : сборник научных трудов XII Международной научно-практической конференции в 2-ух частях, Москва, 25 января 2020 года. Том Ч. 1. М. : Некоммерческое партнерство «Международная академия наук педагогического образования», 2020. С. 160–164.

14. Евсеева И. Г., Тихомиров С. Н. Социально-педагогические стратегии, модели и методы профилактики девиантного поведения // Башкатовские чтения «Психология притеснения и деструктивного поведения в детско-подростковой среде» : материалы девятнадцатой Всероссийской научно-практической конференции посвященной памяти доктора педагогических наук, профессора, заслуженного деятеля науки РФ Ивана Павловича Башкатова, Коломна, 20–21 марта 2019 года / Под общ. ред. М. Н. Филиппова. Коломна : Государственное образовательное учреждение высшего образования Московской области «Государственный социально-гуманитарный университет», 2019. С. 133–139.

15. Профилактика буллинга в образовательных организациях / Методические рекомендации / Авт.-сост. Л. В. Нетребенко. Смоленск : ГАУ ДПО СОИРО, 2022. 48 с.

16. Хрестоматия по профилактике насилия в школьной среде / авт.-сост.: Шведчикова Ю. С., Карманова О. П., Орлова Д. Г. Пермь : ООО «Пермское книжное издательство», 2021. 72 с.

17. Новикова М. А., Реан А. А., Коновалов И. А. Буллинг в российских школах : опыт диагностики распространенности, половозрастных особенностей и связи со школьным климатом // Вопросы образования : сборник статей Национального исследовательского университета «Высшая школа экономики». 2021. № 3. С. 62–90.

References

1. Shchepochkina N. S. An integrated approach to solving the problem of adolescent bullying // Education and upbringing. 2023. № 5 (46). P. 67–69.

2. Pankratova I. A. The problem of bullying and conflict behavior in adolescence // Science and school. 2021. № 4. P. 232–242.

3. The state of crime 2023–2024 // URL: <https://мвд.рф/reports/item/56672721/>

4. Manucharyan K. I., Dorofeeva L. V., Kudashova E. A. The essence of the problem of bullying // International Journal of Humanities and Natural Sciences. 2023. №6-3 (81). P. 31–35.

5. Rean E. A., Stavtsev A. A. Positive psychological interventions as prevention of school problems, aggression and bullying // Questions of education. 2020. № 3. P. 37–59.

6. Tarasenko M. L., Pavlishak A. I. Investigation of the relationship between bullying and aggressive behavior of adolescents in an educational organization // The world of science. Pedagogy and psychology. 2022. № 4. P. 51–54.

7. Sukharev I. A. Individual-typological predictors of victimization of school bullying participants // Education and Law. 2023. № 5. P. 405–411.

8. Telminova A. V., Saygushev N. Ya., Vedeneeva O. A., Tsaran A. A. Preparation of a future teacher for the prevention of school bullying // Problems of modern pedagogical education. 2022. № 75-1. P. 186–189.

9. Nesterova A. A., Grishina T. G. Predictors of school bullying against children of younger adolescence by peers // Bulletin of the State University of Education. Series: Psychological Sciences. 2018. № 3. P. 29–37.

10. Dolgova S. I. On the interaction of the internal affairs bodies of the Russian Federation and the subjects of the prevention system in the field of bullying prevention in educational organizations // Scientific notes of the Kazan Law Institute of the Ministry of Internal Affairs of Russia. 2022. № 2 (14). P. 22–26.

11. Nikitskaya E. A., Evseeva I. G. Forms and methods of social and pedagogical preventive work // Portrait of an inspector for minors : collection of scientific papers of the All-Russian Conference, Moscow, May 28, 2020. М. : Moscow University of the Ministry of Internal Affairs of Russia named after V. Ya. Kikot', 2020. P. 109–112.

12. Order of the Ministry of Internal Affairs of the Russian Federation № 845 dated October 15, 2013 «On Approval of Instructions on the Organization of activities of juvenile affairs units of the Internal Affairs bodies of the Russian Federation» // URL: <https://www.consultant.ru/>

13. Bryleva Yu. A., Tanicheva E. D., Okina M. V. Development of a program to prevent aggressive behavior among minors // Horizons and risks of educational development in the context of systemic changes and digitalization : proceedings of the XII International Scientific and Practical Conference in 2 parts, Moscow, January 25, 2020. Tom Ch. 1. М. : Non-profit Partnership «International Academy of Sciences of Pedagogical Education», 2020. P. 160–164.

14. Evseeva I. G., Tikhomirov S. N. Socio-pedagogical strategies, models and methods of prevention of deviant behavior // Bashkatov readings «Psychology of harassment and destructive behavior in the child and adolescent environment» : proceedings of the nineteenth All-Russian scientific and practical conference dedicated to the memory of Doctor of Pedagogical Sciences, Professor, Honored Scientist of the Russian Federation Ivan Pavlovich Bashkatov Kolomna, March 20–21, 2019 / Under the general editorship of M. N. Filippov. Kolomna : State Educational Institution of Higher Education of the Moscow Region «State Social and Humanitarian University», 2019. P. 133–139.

15. Prevention of bullying in educational organizations / Methodological recommendations / Author-comp. L. V. Netrebenco. Smolensk : GAU DPO SOIRO, 2022. 48 p.

16. Textbook on the prevention of violence in the school environment / author-comp.: Shvedchikova Yu. S., Karmanova O. P., Orlova D. G. Perm : Perm Book Publishing House LLC, 2021. 72 p.

17. Novikova M. A., Rean A. A., Konovalov I. A. Bullying in Russian schools : experience in diagnosing the prevalence, gender and age characteristics and the

relationship with the school climate // Voprosy obrazovaniya : collection of articles of the National Research University Higher School of Economics. 2021. № 3. P. 62–90.

Информация об авторах

О. В. Свинарева – кандидат педагогических наук, доцент;

С. Н. Тихомиров – кандидат педагогических наук, доцент.

Information about the authors

O. V. Svinareva – Candidate of Pedagogical Sciences, Associate Professor;

S. N. Tikhomirov – Candidate of Pedagogical Sciences, Associate Professor.

Вклад авторов: все авторы сделали эквивалентный вклад в подготовку публикации. Авторы заявляют об отсутствии конфликта интересов.

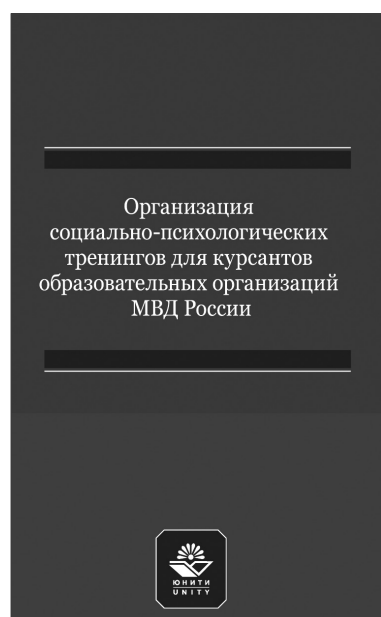
Contribution of the authors: the authors contributed equally to this article. The authors declare no conflicts of interests.

Статья поступила в редакцию 04.03.2025; одобрена после рецензирования 31.03.2025; принята к публикации 11.04.2025.

The article was submitted 04.03.2025; approved after reviewing 31.03.2025; accepted for publication 11.04.2025.

Организация социально-психологических тренингов для курсантов образовательных организаций МВД России. Учебно-методическое пособие. Михайлова С. Ю. и др. 159 с. Гриф МУМЦ «Профессиональный учебник». Гриф НИИ образования и науки.

Представлены программы социально-психологических тренингов, направленных на реализацию практико-ориентированного и компетентностного подходов в профессиональном обучении курсантов-психологов. Цель тренингов – необходимость развития сферы профессионального самосознания сотрудников полиции с учетом специфики их профессиональной деятельности, связанной с повышенным уровнем напряженности и риска, дефицита времени и информации при принятии решения и других факторов. Основные идеи пособия неоднократно были апробированы на практике и в научных разработках в рамках научной школы «Психологическое обеспечение эффективности служебной деятельности», созданной на базе Московского университета МВД России имени В.Я. Кикотя и возглавляемой доктором психологических наук, профессором Сергеем Николаевичем Федотовым и доктором психологических наук, профессором Игорем Борисовичем Лебедевым.

Для курсантов и слушателей образовательных организаций МВД России, практических психологов МВД России, адъюнктов и профессорско-преподавательского состава.

Научная статья

УДК 378

<https://doi.org/10.24412/2414-3995-2025-2-237-241>

EDN: <https://elibrary.ru/lngpxr>

НИОН: 2015-0066-2/25-243

MOSURED: 77/27-011-2025-02-442

Геймификация как тренд в подготовке кадров высшей квалификации

Алина Вячеславовна Скрипкина¹, Наталья Романовна Туравец²,

Евгений Андреевич Щуров³

^{1,3} Московский университет МВД России имени В.Я. Кикотя, Москва, Россия

² Белгородский государственный институт искусств и культуры, Белгород, Россия

¹ c80@inbox.ru

² nata51.n@bk.ru

³ e.a.mvd@inbox.ru

Аннотация. Рассмотрено содержание понятия геймификации в подготовке кадров высшей квалификации, ее структура, содержание, обозначены преимущества и скрытые угрозы. Изучены практики использования геймификации и игровых методов обучения с точки зрения их продуктивности и результативности; обозначен потенциал геймификации в вопросах формирования твердых (hard skills), мягких (soft skills) и мета навыков; особое внимание уделено геймификации, как способу моделирования реальных ситуаций в профессиональной деятельности, ориентированной на применение уже известного материала в нетрадиционных ситуациях. Рассматривается значение образовательных квестов, ориентированных на определенный вид деятельности с элементами сюжета, ролевой игры, с использованием информационных ресурсов (веб квестов) в контексте образовательной программы, с использованием тайм менеджмента в самостоятельной поисковой и исследовательской работе; показано, что геймификация в подготовке кадров высшей квалификации способствует развитию творческой самостоятельности, креативности мышления, приобретению системных и универсальных компетенций.

Ключевые слова: геймификация, игровые технологии, кадры высшей квалификации, высшая школы, исследовательская деятельность

Для цитирования: Скрипкина А. В., Туравец Н. Р., Щуров Е. А. Геймификация как тренд в подготовке кадров высшей квалификации // Вестник экономической безопасности. 2025. № 2. С. 237–241. <https://doi.org/10.24412/2414-3995-2025-2-237-241>. EDN: LNGPXR.

Original article

Gamification as a trend in the training of highly qualified personnel

Alina V. Skripkina¹, Natalia R. Turavets², Evgeny A. Shchurov³

^{1,3} Moscow University of the Ministry of Internal Affairs of Russia named after V.Ya. Kikot', Moscow, Russia

² Belgorod State Institute of Arts and Culture, Belgorod, Russia

¹ c80@inbox.ru

² nata51.n@bk.ru

³ e.a.mvd@inbox.ru

Abstract. The content of the concept of gamification in the training of highly qualified personnel, its structure, content, advantages and hidden threats are outlined. The practice of using gamification and game learning methods in terms of their productivity and effectiveness is studied; the potential of gamification in the formation of hard skills, soft skills and meta skills is identified; special attention is paid to gamification as a way of modeling real situations in professional activities focused on the application of already known material in non-traditional situations. The importance of educational quests focused on a specific type of activity with plot elements, role-playing, using information resources (web quests) in the context of an educational program, using time management in independent search and research work is considered; it is shown

© Скрипкина А. В., Туравец Н. Р., Щуров Е. А., 2025

that gamification in the training of highly qualified personnel promotes the development of creative independence, creative thinking, and the acquisition of systemic and universal competencies.

Keywords: gamification, gaming technologies, graduate students, higher education, research activities

For citation: Skripkina A. V., Turavets N. R., Shchurov E. A. Gamification as a trend in the training of highly qualified personnel. Bulletin of economic security. 2025;(2):237–41. (In Russ.). <https://doi.org/10.24412/2414-3995-2025-2-237-241>. EDN: LNGPXR.

Высшая школа XXI в. призвана реагировать на запросы общества: цифровизацию образования, адаптацию информационных технологий, использование эффективных обучающих методов, ориентированных на развитие у обучающихся интереса к процессу познания, на использование игровых элементов в приобретении новых навыков, способствующих успешному усвоению материала, предусмотренному программами обучения. Одним из направлений совершенствования обучения кадров высшей квалификации становится геймификация, как инновационная практика, предполагающая использование игровых методик, способствующих формированию гибких навыков, востребованных в научно-исследовательской и практико-ориентированной подготовке. Геймификация, по своей природе, ориентирует на продуктивное взаимодействие в условиях образовательной среды вуза, способствует созданию творческой атмосферы, раскрытию личностного потенциала, мотивирует на профессиональное совершенствование.

В современной российской системе образования игровые технологии широко используются для повышения эффективности учебного процесса, позволяющие обучающимся осознавать отведенную им роль и раскрывают свои возможности. Учитывая, что игровая технология представляет собой совокупность психолого-педагогических методов, традиционное отечественное образование, в большей степени концентрировано на передаче знаний теоретического характера, и в меньшей – практико-ориентированной направленности подготовки будущих специалистов, которая дает понимание причастности к реальным событиям. Отечественные исследователи [8; 9; 12] указывают на возможности игровых технологий в достижении комплексной цели, предполагающей активную форму развития личностно значимых качеств на основе включения таких форм работы, как пресс-конференция, ролевые и деловые игры и т. д.

На современном этапе все большее значение приобретают новые формы и способы обучения. Термин «геймификация» стал известен в 1980 г., после разработки многопользовательской интерактивной игры с элементами виртуальной реальности, разработанной Ричардом Бартлом в университете Эссекса [16]. Авторы считают, что геймификация выступает в качестве предмета научной, социальной и философской рефлексии: «На протяжении последних лет геймификация является предметом изучения во многих научных областях. В настоящее время данная концепция продолжает развиваться и как новый тренд информационного мира, получив свое распространение в экономической, образова-

тельной, политической и социальной сферах общества» [1, с. 37]. Геймификация, как метод использования игровых элементов и игровых механик в неигровом контексте, предполагает реализацию игровых стратегий в профессиональной деятельности [6].

Отметим, что на практике в современной высшей школе при подготовке кадров высшей квалификации, геймификация активно используется при разработке игровых методов обучения, утверждая их продуктивность и результативность. Использование игровых технологий чаще всего применяется в изучении иностранных языков, культурологии и т. д.: в практике обучения кадров высшей квалификации педагогической направленности геймификация практически не представлена. Вместе с тем, мы рассматриваем геймификацию как педагогический механизм, способствующий успешному освоению предполагаемой сферы деятельности, использованию активных элементов для формирования новых форм суждения. В данном процессе следует учитывать основные составляющие геймификации [4]: элементы игры, представляющие собой набор средств, свидетельствующих об осуществлении игровой технологии (участники игры, их роли и функции, средства определения результативности – баллы, уровни и т. д.); технологии игры, предусматривающие разработку структуры, содержания, выработку навыков; игровую направленность, предполагающую воспроизводство неигровой деятельности, связанной с профессиональной работой. Рассматривая геймификацию в качестве одного из продуктивных методов подготовки кадров высшей квалификации, следует учитывать ее возможные последствия [3; 15], которые могут носить негативный характер. Так, S. Apostol, L. Zaharescu, I. Alexe [15], считают, что определенный негативный характер может принести игра, если занимается сама суть изучаемого предмета, а направленность в обучении на решение практической ситуации превращается в игровую деятельность. Следует учитывать, что использование только игровых технологий не может быть достаточной и исчерпывающей для обеспечения подготовки профессионалов. Обладая большим потенциалом, игра, тем не менее, расценивается как способ мотивации к критическому оцениванию уровня своей подготовки, креативности и нетрадиционному решению проблемы.

Геймификация и применение игровых элементов в практике подготовки кадров высшей квалификации имеют большой потенциал в вопросах формирования твердых (hard skills), мягких (soft skills) и мета навыков. «Твердые навыки», безусловно, ориентируют на приобретение профессиональных знаний и умений, со-

средотачивают внимание на решении конкретных задач [7; 10]. Вместе с тем, обучающимся необходимо владеть и дополнительными «мягкими навыками», ориентированными на адаптацию к современным социокультурным условиям, профессиональную коммуникацию, самореализацию, сформированные управленческие способности и т. д. [2]. Задачей подготовки научно-педагогических кадров в XXI в. становится формирование «мета навыков («сверх навыков»), предусматривающих лидерские качества, ответственность, умение решать проблемы организации профессиональной деятельности.

Эффективность геймификации в процессе формирования мета навыков у обучающихся связана с преодолением имеющейся инертности, чрезмерной «теоретизацией» процесса обучения, не способствующих принятию инновационных решений. Скептическое отношение к играм в вузе связано с нежеланием отходить от сложившихся традиционных методов обучения. Вместе с тем, именно геймификация способствует моделированию реальных ситуаций в профессиональной деятельности, ориентирует на применение уже известного материала в нетрадиционных ситуациях, когда необходимо проявить самостоятельность, определить оптимальный выбор при решении проблемы. Значимым в данном контексте становится образовательный квест, как организованный вид деятельности, требующий выполнения задачи по указанному маршруту в игровой форме с элементами сюжета, ролевой игры, с использованием информационных ресурсов в контексте образовательной программы. Использование квестов в подготовке кадров высшей квалификации предполагает их активное участие в научно-исследовательской деятельности, развитие творческих способностей, использование тайм менеджмента в самостоятельной работе. Квест (от англ. quest – поиск) позволяет сформировать мета навыки, которые проявляются в заинтересованности обучающихся в освоении задач, связанных с написанием статей, участия в научных конференциях, ибо «в основе квеста должно лежать проблемное задание, определенная ситуация или сценарий, другими словами, задача, требующая решения» [5, с. 103]. Моделирование процесса представления научно-исследовательских результатов на научно-практической конференции предполагает выполнение задания на отработку навыка представления научных результатов, позиционирования своей научной деятельности. В данном случае квест может стать моделью, обеспечивающей публичное представление основных направлений в работе обучающихся, при этом предполагается:

- а) стремление к самореализации;
- б) представление научного продукта и результата достижения определенного уровня научной компетентности;
- в) отработку этапов представления результатов научного доклада.

Результативность квеста при осуществлении геймификации определяется развитием «мягких» навыков: реализацией коммуникативных компетенций, способно-

стью заинтересовать окружающих в результатах своих научных исследований, способности максимально сосредоточиться над содержанием достоверности мыслительной деятельности. Разработка квестов при реализации игровых технологий должна учитывать современных формы презентации (аниме, компьютерные игры, содержательно ориентированный дизайн и т. д.). В процессе реализации образовательного квеста, направленного на приобретение мета навыков, значимым становится способность обучающихся оценить результативность работы со следующих позиций: убедительность в выполнении своей роли; сформированности коммуникационных навыков; степени своей активности в реализации данного квеста; креативности в позиционировании результатов своего научного труда; способности использовать технологические приемы, направленные на восприятие предложенного научного сообщения.

Образовательный квест при реализации геймификации позволяет «изменить и улучшить формы поведения и деятельности субъектов педагогического взаимодействия и способствует осознанному усвоению этих форм» [11]. Квест способен обеспечить высокую личностную включенность в процесс обучения, направить на установление неформальных контактов в моделировании научно-практической конференции, развить лидерские качества, проверку своих мета навыков при выполнении роли исследователя, грамотно выполняющего задачи организации дискуссии, отстаивание своей точки зрения, оценку предлагаемого альтернативного варианта.

При подготовке кадров высшей квалификации особое внимание в геймификации принадлежит веб-квестам (WebQuest), которые призваны интегрировать возможности Интернета в подготовку научно-педагогических кадров, ибо рассматриваемая технология «это формат учебного занятия, ориентированного на запросы (an inquiry-oriented lesson format), в котором большая часть или вся информация, с которой работают обучающиеся, поступает из Интернета» [14]. Авторы отмечают, что веб-квест формирует критическое мышление, развивает теоретические и прикладные аспекты обучения, мотивирует на оценку получаемой информации и приобретение мета навыков. В исследованиях отечественных ученых веб-квест понимается как: задание в сети Интернет, которые способствуют выполнению исследовательской задачи; форма ролевой игры, способствующей профессиональному саморазвитию [13]. При использовании веб-квеста обучающиеся ориентированы на использование игры как междисциплинарного изучения рассматриваемой проблемы, как базовые составляющие при выполнении задания на основе ресурсов Интернета. Следовательно, веб-квест представляет собой:

- а) продуктивную технологию, способствующую организации работы в интернет пространстве, направленную на поиск и анализ информации в достижении научно-исследовательского результата;
- б) дидактический потенциал в подготовке кадров выс-

шей квалификации и приобретение твердых, мягких и мета навыков, являющихся обязательным результатом освоения образовательной программы; в) сформированную компетенцию, увеличивающую способность обучающихся в организации своей учебно-профессиональной деятельности.

В целом можно сказать, что геймификация в подготовке кадров высшей квалификации является трендом, принимая во внимание то, что было освоено в деятельности, и что реализовано в полной мере на основе игровых технологий. Данная технология предопределяет предельную концентрацию индивидуального развития обучающихся, вовлечение их в деятельность на основе сложившихся профессиональных знаний, навыков и личного опыта, что ориентирует на преодоление возможных препятствий и достижение заданных результатов образования.

Список источников

1. Артамонова В. В. Развитие концепции геймификации в XXI веке // Историческая и социально-образовательная мысль. 2018. Т. 10, № 2/2. С. 37–43.
2. Бацунов С. Н., Дереча И. И., Кунгурова И. М., Слижкова Е. В. Современные детерминанты развития soft skills // Научно-методический электронный журнал «Концепт». 2018. № 4 (апрель). С. 12–21.
3. Биджиева С. Х., Урусова Ф. А. Геймификация образования : проблемы использования и перспективы развития // Мир науки. Педагогика и психология. 2020. № 4.
4. Вербак К. Вовлекай и властвуй. Игровое мышление на службе бизнеса. М. : Манн, Иванов и Фербер, 2015. 223 с.
5. Гольцова Т. А., Протченко Е. А. Использование веб-квеста в процессе подготовки кадров высшей квалификации // Ярославский педагогический вестник. 2020. № 1. С. 101–108.
6. Зимин В. Игрофикация. Свежий взгляд на мотивацию пользователей // URL: <https://habrahabr.ru/company/uidesign/blog/165779/>
7. Ивонина А. И., Чуланова О. Л., Давлетшина Ю. М. Современные направления теоретических и методических разработок в области управления : роль soft skills и hard skills в профессиональном и карьерном развитии сотрудников // Науковедение, 2017. Т. 9. № 1. С. 1–18.
8. Кавтарадзе Д. Н. Обучение и игра : введение в интерактивные методы обучения. 2-е изд. М. : Высшая школа, 2009. 176 с.
9. Копытина Т. Н., Русинова Т. И. Игровые технологии на занятиях в вузе // <http://pwsconf.ru/nauchnaya/lss-2006/369-problemy-obrazovaniya-v-sovremennomobschestve/8154-igrovye-tehnologii-na-zanyatiyah-v-vuze.html>
10. Лызь Н. А. Развитие личностных ресурсов и soft skills ИТ-специалистов в процессе обучения // Эффективность личности, группы и организации: проблемы, достижения и перспективы : материалы Всероссий-

ской научно-практической конференции (г. Ростов-на-Дону, г. Курск, 2122 апреля 2017 г.). М. : КРЕДО, 2017. С. 192–194.

11. Осяк С. А., Султанбекова С. С., Захарова Т. В., Яковлева Е. Н., Лобанова О. Б., Плеханова Е. М. Образовательный квест – современная интерактивная технология // Современные проблемы науки и образования. 2015. № 1-2.

12. Реутова Е. А. Применение активных и интерактивных методов обучения в образовательном процессе вуза (методические рекомендации для преподавателей Новосибирского ГАУ). Новосибирск : Изд-во НГАУ, 2012. 58 с.

13. Шевцова О. Г. Веб-квест – один из наиболее эффективных способов применения Интернета для внедрения ролевых игр в обучение // ИТО-2008: материалы международной конференции / Секция III / Подсекция 2. Владивостокский государственный университет экономики и сервиса (ВГУЭС), г. Владивосток // <http://ito.edu.ru/2008/Moscow/ni/2/III-2-7656.html>

14. A WebQuest.org // URL: <https://webquest.org/>

15. Apostol S., Zaharescu L., Alexe I. Gamification of learning and educational games // Quality and efficiency in e-learning. 2013 // URL: <http://proceedings.elseconference.eu/index.php?paper=42e250b284110445d15f593e1084a44d/>

16. Deterding S., From Game Design Elements to Gamefulness : Defining «Gamification» / S. Deterding, D. Dixon, R. Khaled, L. Nackle. ResearchGate // URL: https://www.researchgate.net/publication/230854710_From_Game_Design_Elements_to_Gamefulness_Defining_Gamification/

References

1. Artamonova V. V. The development of the gamification concept in the 21st century // Historical and socio-educational thought. 2018. Vol. 10, № 2/2. P. 37–43.
2. Batsunov S. N., Derecha I. I., Kungurova I. M., Slizkova E. V. Modern determinants of soft skills development // Scientific and methodological electronic journal «Concept». 2018. № 4 (April). P. 12–21.
3. Bidzhieva S. Kh., Urusova F. A. Gamification of education : problems of use and development prospects // The world of science. Pedagogy and psychology. 2020. № 4.
4. Verbakh K. Involve and dominate. Game thinking in the service of business. M. : Mann, Ivanov and Ferber, 2015. 223 p.
5. Goltsova T. A., Protsenko E. A. The use of a web quest in the process of training highly qualified personnel // Yaroslavl Pedagogical Bulletin. 2020. № 1. P. 101–108.
6. Zimin V. Gamification. A fresh look at user motivation // URL: <https://habrahabr.ru/company/uidesign/blog/165779/>
7. Ivonina A. I., Chulanova O. L., Davletshina Yu. M. Modern directions of theoretical and methodological developments in the field of management : the role of

soft skills and hard skills in the professional and career development of employees // *Naukovedenie*, 2017. Vol. 9. № 1. P. 1–18.

8. Kavtaradze D. N. Training and play : an introduction to interactive teaching methods. 2nd ed. M. : Higher School, 2009. 176 p.

9. Kopytina T. N., Rusinova T. I. Game technologies in the classroom at the university // <http://pwsconf.ru/nauchnaya/lss-2006/369-problemy-obrazovaniya-v-sovremennomobschestve/8154-igrovytehnologii-nazanyatiyah-v-vuze.html/>

10. Lyz N. A. Development of personal resources and soft skills of IT specialists in the learning process // Effectiveness of personality, group and organization: problems, achievements and prospects : proceedings of the All-Russian Scientific and Practical conference (Rostov-on-Don, Kursk, April 2122, 2017). M. : CREDO, 2017. P. 192–194.

11. Osyak S. A., Sultanbekova S. S., Zakharova T. V., Yakovleva E. N., Lobanova O. B., Plekhanova E. M. Educational quest – modern interactive technology // Modern problems of science and education. 2015. № 1-2.

12. Reutova E. A. The use of active and interactive teaching methods in the educational process of higher education institutions (methodological recommendations for teachers of Novosibirsk State Agrarian University). Novosibirsk : NGAU Publishing House, 2012. 58 p.

13. Shevtsova O. G. Web quest is one of the most effective ways to use the Internet to introduce role-playing games into education // ITO-2008: proceedings of the international conference / Section III / Subsection 2. Vladivostok State University of Economics and Service (VSUES), Vladivostok // <http://ito.edu.ru/2008/Moscow/ni/2/III-2-7656.html/>

14. A WebQuest.org // URL: <https://webquest.org/>

15. Apostol S., Zaharescu L., Alexe I. Gamification of learning and educational games // Quality and efficiency in e-learning. 2013 // URL: <http://proceedings.elseconference.eu/index.php?paper=42e250b284110445d15f593e1084a44d/>

16. Deterding S., From Game Design Elements to Gamefulness : Defining «Gamification» / S. Deterding, D. Dixon, R. Khaled, L. Nackle. ResearchGate // URL: https://www.researchgate.net/publication/230854710_From_Game_Design_Elements_to_Gamefulness_Defining_Gamification/

Информация об авторах

А. В. Скрипкина – профессор кафедры педагогики Московского университета МВД России имени В.Я. Кикотя, доктор педагогических наук, профессор;

Н. Р. Туравец – профессор кафедры педагогики и методики профессионального образования Белгородского государственного института искусств и культуры, доктор педагогических наук, профессор;

Е. А. Щуров – доцент кафедры криминалистики Московского университета МВД России имени В.Я. Кикотя, кандидат юридических наук, доцент.

Information about the authors

A. V. Skripkina – Professor of the Department of Pedagogy of the Moscow University of the Ministry of Internal Affairs of Russia named after V.Ya. Kikot', Doctor of Pedagogical Sciences, Professor;

N. R. Turavets – Professor of the Department of Pedagogy and Methods of Vocational Education of the Belgorod State Institute of Arts and Culture, Doctor of Pedagogical Sciences, Professor;

E. A. Shchurov – Associate Professor of the Department of Criminology of the Moscow University of the Ministry of Internal Affairs of Russia named after V.Ya. Kikot', Candidate of Legal Sciences, Associate Professor.

Вклад авторов: все авторы сделали эквивалентный вклад в подготовку публикации. Авторы заявляют об отсутствии конфликта интересов.

Contribution of the authors: the authors contributed equally to this article. The authors declare no conflicts of interests.

Статья поступила в редакцию 04.03.2025; одобрена после рецензирования 31.03.2025; принята к публикации 11.04.2025.

The article was submitted 04.03.2025; approved after reviewing 31.03.2025; accepted for publication 11.04.2025.

Научная статья

УДК 378

<https://doi.org/10.24412/2414-3995-2025-2-242-245>

EDN: <https://elibrary.ru/cbqgls>

ИПОН: 2015-0066-2/25-244

MOSURED: 77/27-011-2025-02-443

Обучение числительным при изучении немецкого языка

Ирина Владимировна Щербакова¹, Надежда Владимировна Ковальчук²

^{1,2} Донской государственный технический университет, Ростов-на-Дону, Россия

¹ ira.leroy@yandex.ru

Аннотация. Актуальность данного исследования обусловлена введением новых методов и методик преподавания иностранных языков. Изучение иностранных языков в современном мире играет большую роль для современного специалиста в разных областях. Современному специалисту или ученому необходимо владеть одним или несколькими иностранными языками. В данном исследовании рассмотрен вопрос изучения числительных в немецком языке. Для современного переводчика числительные играют важную роль, ему необходимо запоминать и держать в своей памяти от маленьких натуральных чисел до миллионных структур. В представленной работе описаны варианты для изучения и запоминания немецких числительных, приведены примеры упражнений на отработку знаний и умений.

Ключевые слова: обучение, иностранный язык, числительные, немецкий язык, количественные числительные, порядковые числительные, дробные числительные, собирательные числительные, упражнения

Для цитирования: Щербакова И. В., Ковальчук Н. В. Обучение числительным при изучении немецкого языка // Вестник экономической безопасности. 2025. № 2. С. 242–245. <https://doi.org/10.24412/2414-3995-2025-2-242-245>. EDN: CBQGLS.

Original article

Teaching numerals when learning German

Irina V. Shcherbakova¹, Nadezhda V. Kovalchuk²

^{1,2} Don State Technical University, Rostov-on-Don, Russia

¹ ira.leroy@yandex.ru

Abstract. The relevance of this study is indicated by the introduction of new methods and techniques for teaching foreign languages. Learning foreign languages in the modern world plays an important role for a modern specialist in various fields. A modern specialist or scientist needs to be proficient in one or more foreign languages. This study examines the issue of studying numerals in the German language. For a modern translator, numerals play an important role, he needs to memorize and keep in his memory from small natural numbers to million structures. The presented paper describes options for learning and memorizing German numerals, and provides examples of exercises for developing knowledge and skills.

Keywords: education, foreign language, numerals, German, quantitative numerals, ordinal numerals, fractional numerals, collective numerals, exercises

For citation: Shcherbakova I. V., Kovalchuk N. V. Teaching numerals when learning German. Bulletin of economic security. 2025;(2):242–5. (In Russ.). <https://doi.org/10.24412/2414-3995-2025-2-242-245>. EDN: CBQGLS.

Изучение иностранных языков в современном мире играет большую роль для современного специалиста в разных областях [1, с. 224]. Современному специалисту или ученому необходимо владеть одним или несколькими иностранными языками [2, с. 262]. Для современного переводчика числительные играют важную роль, ему необходимо запоминать и держать в своей памяти от маленьких натуральных чисел до миллионных структур [3, с. 4].

Имя числительное в современном немецком языке является самостоятельной частью речи. Имя числительное обозначает количество предметов, а также порядок присчета.

Далее давайте определим на какие группы следует поделить все числительные в немецком языке в соответствие с их значением. Немецкие числительные делят на: количественные, порядковые, дробные и собирательные.

Следует разобрать каждую группу по отдельности, чтобы определить дальнейшее изучение числительных.

Количественные числительные в немецком языке можно определить как натуральные числа от одного до бесконечности, отвечающие на вопрос «сколько». Приведем примеры немецких числительных: один – eins, одиннадцать – elf, двадцать восемь – achtundzwanzig, тридцать шесть – sechsunddreissig, сорок четыре – vierundvierzig, восемнадцать – achtzehn, тридцать три – dreiunddreissig. Давайте обозначим и подчеркнем, что числа в немецком языке используют, когда выполняют арифметические действия в различного рода выражениях.

Изучение чисел в любом иностранном языке начинается с разделения их на группы. К количественным числительным следует отнести сложные, простые и производные.

К простым немецким количественным числительным относят все натуральные числа от одного до двенадцати (eins – один, zwei – два, drei – три, vier – четыре, fünf – пять, sechs – шесть, sieben – семь, acht – восемь, neun – девять, zehn – десять, elf – одиннадцать, zwölf – двенадцать), сто (einhundert) и тысяча (eintausend).

К сложным немецким порядковым числительным относят числа от тринадцати до девятнадцати, те, которые образованы с помощью чисел – 3 (drei), 4 (vier), 5 (fünf), 6 (sechs), 7 (sieben), 8 (acht), 9 (neun) и – 10 (zehn). Приведем примеры этих числительных: dreizehn – тринадцать, vierzehn – четырнадцать, fünfzehn – пятнадцать, sechzehn – шестнадцать, siebzehn – семнадцать, achtzehn – восемнадцать, neunzehn – девятнадцать.

К производным немецким количественным числительным относят те числительные, которые образованы с помощью единиц и суффикса -zig. Приведем примеры: 90 – neunzig, 80 – achtzig, 70 – siebzig, 60 – sechzig, 50 – fünfzig, 40 – vierzig, 30 – dreissig, 20 – zwanzig.

Следует отметить, что написание немецких количественных числительных происходит путем соединения слов единиц и десятков, при этом присоединение единиц к десятку происходит с помощью союза – и, например обозначим числительное цифрами и пропишем его словом: 483 269 – vierhundertdreiundachtzigtausendzweihundertneunundsechzig, 328 598 934 – dreihundertachtundzwanzigfünfhundertachtundneunzigtausendneunhundertvierunddreissig, 478 987 643 – vierhundertachtundsiebzigmillionenneunhundertsiebenundachtzigtausendsechshundertdreiundvierzig.

Для понимания общей картины немецких числительных следует разобрать порядковые числительные в немецком языке. Слово порядковые говорит само за себя, порядковые числительные означают счет по порядку предметов. Порядковые числительные в немецком языке отвечают на вопрос «какой?», «какой?». Они образуются от количественных числительных с помощью суффикса -te или -ste. Стоит отметить, что суффикс -te добавляют к числительным от четырех до

девятнадцати, числа один, два, три, восемь (при образовании порядкового числительного «восьмой» остается только одна буква «t» – der achte) являются исключениями при образовании порядковых числительных, например: первый – der erste, второй – der zweite, третий – der dritte. Приведем примеры образования словосочетаний с немецкими числительными: восьмая книга – das achte Buch, первая девочка – das erste Mädchen, вторая стена – die zweite Wand, третий компьютер – der dritte Computer.

Приведем примеры образований порядковых числительных, которые не относятся к исключениям: шестой шкаф – der sechste Schrank, седьмой карандаш – der siebente Bleistift, одиннадцатый пилот – der elfte Pilot, десятый телефон – das zehnte Telefon, девятый театр – das neunte Theater, четвертый ящик – die vierte Kiste, пятый стул – der fünfte Stuhl, двенадцатый стол – der zwölfte Tisch.

Стоит отметить, что порядковые числительные в немецком языке всегда употребляются только с определенным артиклем, при чем артикль зависит от рода существительного, и склоняем их как прилагательные. Отразим также, что порядковое числительное на письме может быть отражено цифрой, в таком случае мы ставим после него точку, дабы показать, что оно является порядковым, а не количественным, например: 8 сентября 2012 года – 8. September 2012, третьего октября 2024 года – 3. Oktober 2024.

Далее определим дробные немецкие числительные, они обозначают какую-либо часть от целого числа. Дробные числительные образуются от количественных с помощью суффиксов -tel – для числительных до девятнадцати и -stel – для чисел начиная с двадцати. Рассмотрим примеры: 7/12 – sieben zwölftel, 7/34 – sieben vierunddreissigstel, 13/24 – dreizehn vierundzwanzigstel, 16/19 – sechzehn neunzehntel, 21/23 – einundzwanzig dreiundzwanzigstel, 28/39 – achtundzwanzig neununddreissigstel.

Изучение чисел и всех групп немецких числительных начинают с изучения количественных числительных. Существует много упражнений на отработку запоминания чисел. Числа начинают изучать в самом начале обучения иностранному языку. Если обучающиеся младшего возраста, то отработка происходит в играх. Приведем примеры упражнений.

Цифры от одного до 12 необходимо заучить. Данные цифры следует повторять за преподавателем несколько раз. Далее следует на доске написать цифры, преподаватель в разброс показывает число, обучающиеся называют его. Таким же образом преподавателю следует буквами написать цифры, а обучающиеся должны назвать их.

Далее можно провести игру «Arpchi». Обучающимся предлагается называть цифры по порядку, пропуская и говоря «Arpchi» на числе кратном трем, например: eins, zwei, «Arpchi», vier, fünf, «Arpchi», sieben, acht, «Arpchi», zehn, elf, «Arpchi». Данная игра способствует быстрому запоминанию чисел.

Игры на запоминание немецких числительных направлены на закрепление счета и развития навыков говорения. Опишем первую игру «Числовое лото». Данный вид учебной деятельности требует предварительной подготовки. Преподавателю необходимо подготовить числовые карточки лото от одного до двадцати. На рис. 1 приведен приме карточки.

Отработка числительных продолжается и в домашней обстановке. В данном случае преподаватель может дать обучающимся задание сделать дома карточки, на одной карточке – одна цифра от одного до двадцати. Обучающийся перемешивает карточки и достает из общего числа карточек одну, та цифра, которая там обозначена должен назвать обучающийся на немецком языке. Игра продолжается пока обучающийся не выучит все цифры. Данный вид деятельности можно предложить студентам высших школ неязыковых вузов для отработки числительных, но в таком случае следует на карточках писать числа более сложного порядка.

Так же первоначальный вид предложенной выше игры следует предложить студентам языковых вузов, изучающий немецкий язык как второй или третий иностранный язык.

Нами был проведен эксперимент на студентах третьего курса, изучающих немецкий язык как третий иностранный. Дисциплина по изучению языка рассчитана на тридцать два практических часа. Обучающиеся должны овладеть необходимым багажом знаний немецкого языка за предлагаемый семестр, познакомиться со страной изучаемого языка, узнать историю и культуру.

В данной статье мы опишем эксперимент, проводимый по изучению числительных. На начальном этапе следует провести выше обозначенные игры по запоминанию чисел.

Далее приведем типы упражнений для запоминания немецких числительных.

Сложной отработкой числительных для студентов, изучающих немецкий язык как третий иностранный, является произношение чисел в обратном порядке, например: *ein hundred, neun und neunzig, acht und neunzig, sieben und neunzig, sechs und neunzig, fünf und neunzig, vier und neunzig, drei und neunzig, zwei und neunzig, ein und neunzig*. Студентам предлагается счет чисел до единицы.

Далее студентам было предложено на отработку порядковых числительных счет в обратном порядке, например, от двухсот до сотни (*der zweihundertste, der einhundertneunundneunzigste, der einhundertachtundneunzigste, der einhundertsiebenundneunzigste, der einhundertsechsunundneunzigste, der einhundertfünfundneunzigste, der einhundertvierundneunzigste, der einhundertdreiundneunzigste, der einhundertzweiundneunzigste, der einhunderteinundneunzigste*).

Следующим шагом является письмо немецких числительных и отработка знаний. Преподаватель студентам предлагает числительный диктант, где происходит диктовка на русском языке количественных числительных, студенты же пишут буквенную форму числительных. Далее проводим по аналогии диктант с порядковыми числительными, третий шаг – диктант с дробными числительными.

Упражнения студентам предлагаются по уровню сложности, от простого к сложному. Студентам предлагается игра в переводчика. Один обучающийся русский, другой – переводчик на немецкий язык. «Русский» студент говорит сложносоставные числа, в это время остальные студенты записывают это число и письменно передают его на немецком языке. «Переводчик» же вслух передает информацию на немецком языке.

Важность изучения числительных несомненна. Повседневная наша речь использует в разного рода ситуациях числительные. К таким ситуациям следует отнести: время, возраст, счет предметов, покупки. Знание числительных необходимо для успешной коммуникации.

По завершении изучения дисциплины студенты закрепили знания числительных, воспроизводили числа на слух и переводили, так как обучающиеся являются студентами переводческого факультета.

Несомненно считается ошибочным, что изучение числительных является легким. Немецкие числительные имеют особенность воспроизведения – единицы произносят перед десятками, соединяя их союзом «и». данная особенность представляет трудность для обучающихся.

Отметим, что упражнения на запоминание чисел благотворно сказались на обучающихся. Они легко воспроизводят числительные на немецком языке, переводят

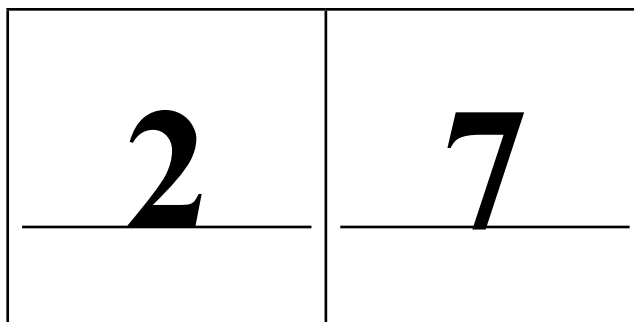

Рис. 1. Карточка для игры «Числовое лото»

на русский и обратно сложносоставные немецкие числительные.

Таким образом, изучение немецких числительных важно на разных этапах обучения иностранному языку, для разных возрастов, для тех, кто изучает немецкий с нуля, и для тех, кто продолжает совершенствовать свои знания и навыки.

Список источников

1. Щербакова И. В., Волченков Е. А. Использование онлайн-курсов как способа повышения мотивации у студентов при обучении иностранному (немецкому) языку // Балтийский гуманитарный журнал. 2021. Т. 10. № 3 (36). С. 221–224.
2. Щербакова И. В., Волченков Е. А. Роль информационных технологий при обучении иностранному языку студентов юридических институтов МВД РФ // Образование. Наука. Научные кадры. 2022. № 2. С. 261–263.

Информация об авторах

И. В. Щербакова – кандидат филологических наук, доцент;

Н. В. Ковальчук – кандидат филологических наук, доцент.

Information about the authors

I. V. Shcherbakova – Candidate of Philological Sciences, Associate Professor;

N. V. Kovalchuk – Candidate of Philological Sciences, Associate Professor.

Вклад авторов: все авторы сделали эквивалентный вклад в подготовку публикации. Авторы заявляют об отсутствии конфликта интересов.

Contribution of the authors: the authors contributed equally to this article. The authors declare no conflicts of interests.

Статья поступила в редакцию 04.03.2025; одобрена после рецензирования 31.03.2025; принята к публикации 11.04.2025.

The article was submitted 04.03.2025; approved after reviewing 31.03.2025; accepted for publication 11.04.2025.

Государственная служба в органах внутренних дел Российской Федерации. Под ред. О. В. Зиборова, Б. Н. Комахина, Е. Н. Хазова. [О. В. Зиборов и др.]. 2-е изд., перераб. и доп. Учебное пособие. 223 с. Гриф МУМЦ «Профессиональный учебник». Гриф НИИ образования и науки.

**Государственная служба
в органах внутренних дел
Российской Федерации**

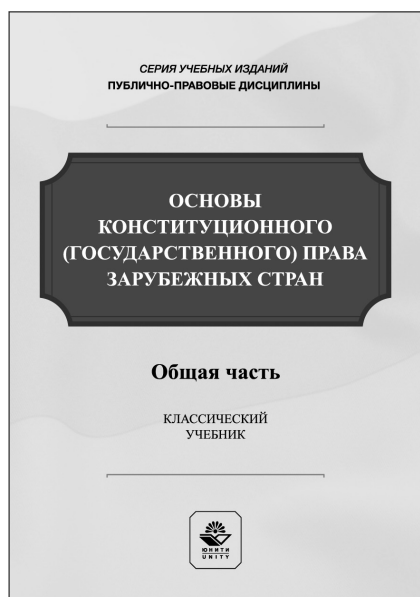
Второе издание

Изложены теоретические положения, на основе которых осуществляется практическая деятельность при прохождении государственной службы в правоохранительных органах. Учены многочисленные изменения и дополнения законодательства, а также положительный опыт и практика деятельности различных подразделений органов внутренних дел и войск национальной гвардии России.

Для студентов вузов, курсантов и слушателей, обучающихся в юридических учебных заведениях МВД России по специальностям «Правовое обеспечение национальной безопасности», «Правоохранительная деятельность».

References

1. Shcherbakova I. V., Volchenkov E. A. The use of online courses as a way to increase students' motivation in teaching a foreign (German) language // Baltic Humanities Journal. 2021. Т. 10. № 3 (36). P. 221–224.
2. Shcherbakova I. V., Volchenkov E. A. The role of information technologies in teaching a foreign language to students of law institutes of the Ministry of Internal Affairs of the Russian Federation // Education. Science. Scientific staff. 2022. № 2. P. 261–263.
3. Shcherbakova I. V. A communicative approach to the development of the lexical side of speech and the formation of grammatical categories (German) : textbook / I. V. Shcherbakova. Direct Media, M.; Berlin, 2020. 124 p.

Основы конституционного государственного права зарубежных стран. Общая часть. Учебник. Под ред. Б. С. Эбзеева, Г. А. Гаджиева, Л. Т. Чихладзе, Т. Э. Каллагова. 367 с. Гриф МУМЦ «Профессиональный учебник». Гриф НИИ образования и науки.

Рассмотрены основные проблемы учебной дисциплины «Конституционное (государственное) право зарубежных стран». В Общей части учебника дана характеристика источников конституционного (государственного) права зарубежных стран, освещено содержание конституционно-правовых институтов.

Как в подстрочнике, так и в самом тексте предложены различные точки зрения известных российских и зарубежных правоведов и общественных деятелей, что предоставляет студентам возможность самостоятельного размышления над вопросами, изложенными в главах учебника. Широко представлена национальная судебная практика как различных стран, так и Европейского суда по правам человека.

Для студентов юридических вузов и факультетов всех форм обучения, аспирантов, обучающихся по социально-гуманитарным специальностям. Может быть полезен практическим работникам и преподавателям отраслевых обществоведческих и юридических дисциплин.

Психология и педагогика. Учебник. А. М. Столяренко и др. 5-е изд., перераб. и доп. 583 с. Гриф МО РФ. Одобрено УМО по психологии университетов России. Гриф МУМЦ «Профессиональный учебник».

В учебнике рассматриваются уникальные, тесно взаимосвязанные друг с другом дисциплины – психология и педагогика. На основе современных достижений этих наук уделяется внимание проблемам личности, социальной среды, группы, коллектива, общества, профессионального обучения, образования, адаптации и жизнедеятельности специалиста и т. д. При этом сложные вопросы психологии и педагогики излагаются просто, популярно, хорошо иллюстрируются, сочетаясь с раскрытием их практической значимости для жизни и деятельности не только обучающегося, но и уже состоявшегося специалиста.

Изучение содержания каждой главы завершается краткими выводами, систематизацией усвоенной информации по алгоритму, определенному в модульной таблице с клетками-файлами, вопросами и заданиями для самоконтроля и размышлений, помогающих оптимизировать усвоение теоретического материала.

Содержание учебника соответствует Федеральному государственному образовательному стандарту высшего образования Российской Федерации последнего поколения, включает все необходимые для изучения вопросы и проблемы по дисциплине «Психология и педагогика».

Для студентов, магистрантов, аспирантов, преподавателей, слушателей системы повышения квалификации и профессиональной подготовки, а также всех читателей, интересующихся вопросами психологии и педагогики.